

Другая история войн

От палок до бомбард

Развитие любой общественной структуры, в том числе военной, подчиняется определённым эволюционным законам. Однако серьёзный анализ состава войск, тактики и стратегии показывает столь многочисленные параллели между античностью и средневековьем, что становится ясно: это одна эпоха, она «разнесена» на две, с тысячелетним провалом, только стараниями хронологов XVI века... Эпохи совмещаются!

В книге, написанной в занимательной форме, и большим количеством литературных и живописных иллюстраций показано, как возникают хронологические ошибки, и как на самом деле выглядит история войн, гремевших в Евразии в прошлом.

Содержание

Вступление

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЯ

Когда жил Сократ?
Отчего происходят войны?
Война и эволюция общества
Технологический аспект
Разные люди (политэкономический очерк)
История — служанка власти
Историографический аспект войн

ПОЯВЛЕНИЕ ДАТИРОВОК

Появление хронологии
Эволюция хронологии
Явление Скалигера
Синусоида времён
Иосиф и его хронология
Война и хронология
Методы разрешения противоречий

Археология

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ

Комментарии и комментаторы

Языки истории

Культура и верования

О быте и нравах

Космический катаклизм

Погода и другие ужасы

ИСТОРИЯ ВОЙН

Стержень хронологии
Традиционная периодизация войн
На пути к «синусоиде» войн
Эволюция побед
Параллели
Чему верить?

ИЗ ДРУГИХ «ДРУГИХ ИСТОРИЙ»

Оружие и доспехи
Военная техника
Арбалеты
Философы и рыцари
Битвы и походы
Гербы и флаги
Без вести пропавшие во времени
Крестовые походы в описании Фукидида
Корабельный руль и тачка
По морям, по волнам

КОННИЦА И ПЕХОТА

Стратегия Европы и Византии
От рыцарской конницы к кавалерии
Оружие и доспехи рыцаря
Кони-звери
Бронированные кони без стремян
Фантастические колесницы

Появление пехоты
Пехота как род войск
Культура, варварство и артиллерия
Швейцарские гунны

МОНГОЛО-ПАРФЯНЕ

Версии
Военная тактика «мусульман»
Параллели с «древностью»
Византийская культура «монголов»
Пушки Нючжена
Тимур-крестоносец
Тимур и Тохтамыш в Дешт-Кипчакии
Узурпатор Мамай

КРЕПОСТИ, ДВОРЦЫ И СТУЛЬЯ

Стены и башни крепостей
Стили архитектуры
Мебель
Шлем Невского и скифы-ювелиры
Вместо эпилога

Литература

Вступление

Наше прошлое весьма многогранно. Кажется, что изучать его можно только «по частям»: вот история науки, вот — литературы, и так далее. И в самом деле, в специализированных вузах изучают историю химии и философии, астрономии и моды, религии и музыкальных инструментов.

Общее, что есть у всех этих «частных» историй — хронология, то есть датировка событий, открытий и жизней деятелей. В нескольких своих книгах, посвященных истории искусства, литературы и науки, на огромном количестве примеров нам удалось показать стилистические параллели в развитии искусства и литературы в разные эпохи: в античность, в раннем и позднем Средневековье.

Анализируя эту ситуацию, мы пришли к выводу, что традиционная хронология неверна.

В самом деле: после потрясающих успехов науки, искусства и литературы в античные времена, происходит де-эволюция, последовательное забывание всех достижений, с тем, чтобы с какого-то момента начался новый виток развития, «повторение пройденного».

Кажется, что история человечества искусственно удлинена. И это «удлинение» в самом деле могло произойти из-за того, что европейские историки, завершившие в XVI–XVII веках создание хронологической схемы, были сторонниками идеи циклизма, требующего постоянного повторения событий. А ведь именно это мы видим в традиционной истории!

Крупнейшим хронологом того времени был Иосиф Юст Скалигер (1540–1609). Используя нумерологические приемы масонов, он дал мировой истории датировку в годах от Сотворения Мира, а затем Дионисий Петавиус (1583–1652) пересчитал эти даты в годы от Рождества Христова. На протяжении всего XVII века эта новая на то время хронология подвергалась критике со стороны религиозных кругов, а в массах оставалась практически неизвестной и не использовалась. Даже в XVIII веке многие видные ученые (например, Винкельман) избегали пользоваться ею, не доверяли выводам Скалигера. Хронология, которую все мы знаем, и в верности которой большинство ныне живущих не сомневается, утвердилась только к концу XIX века, и лишь в XX веке стала общепризнанной и традиционной!

Как всякая искусственная схема, она не могла объять всего и оставила без объяснений грандиозное количество фактов, которые теперь называют анахронизмами. Авторы Средневековья вполне непринужденно упоминают в своих трудах античные термины, имена и события, и это было бы естественным, если бы между античностью и Средневековьем не было пресловутых «темных веков». А в рамках традиционной хронологии они об этих именах и событиях за давностью лет не должны были бы знать! Чтобы выйти из затруднений, современные историки объявляют такие упоминания ошибками. В Большом энциклопедическом словаре 2000-го года так и написано: *«Анахронизм — ошибка против хронологии, отнесение какого-либо события, явления к другому времени»*.

Если правильно понимать смысл слов, то история, которую преподают ныне школьникам и студентам, вся в целом, вплоть до начала эпохи Возрождения, может быть названа словом «анахронизм»: ошибка против хронологии.

По нашему мнению, два крупнейших события послужили «материальным» основанием для искажения истории. Это природные катаклизмы XIII – середины XIV века, вроде пандемии чумы, и социально-политические перевороты середины XV века, когда власть в Византии перешла от христиан к мусульманам. После этого недавнее византийское прошлое стало восприниматься европейцами как очень давнее, а затем, когда восторжествовала идея циклизма и была внедрена в сознание людей жесткая хронологическая схема Скалигера, окончательно «разместилось» в «Древней Греции».

Нам нельзя забывать, что Византийская империя называлась Ромейской, в точном значении — Римской; языком империи был греческий язык. Греки, живущие теперь в Греции, до сих пор называют себя ромеями, то есть римлянами. В Средневековье русские летописцы называли Византийскую империю Грецией, а европейские авторы юг Италии, входивший тогда в состав Византийской империи, обозначали как Великую Грецию. Соответственно, в этих двух

Грециях было две столицы, и обе назывались словом Рим. Вот что имел в виду русский царь Иван III, когда, по преданию, объявил в 1472 году, что «Первый Рим пал, Второй Рим пал, Москва — третий Рим, а четвертому не бывать». Один Рим — Царьград, Константинополь, построенный византийцами, пал перед мусульманином; второй Рим (тоже построенный византийцами, поскольку до второй половины XIV века эти земли принадлежали Византийской империи) — перед католиком.

В такой версии *древностью* оказывается история Ромейской (Византийской) империи, протекавшая до XI века н.э., а *античностью* — истории Византийской и Романской (западноевропейской Священной Римской) империй XI–XIII веков. С XIV века началось «Возрождение», а на деле — внедрение византийских достижений в различных землях Западной Европы и искусственное возвеличивание европейского прошлого.

Скалигеровская хронология дала основу так называемому европоцентризму. В самом деле, в традиционной версии все достижения Византии, простиравшейся некогда едва ли не на всю Евразию и включавшей в свой состав также арабские земли и север Африки, оказались приписанными Греции и итальянскому Риму. Например, ныне начало науки как доказательного знания относят к Греции, а Греция — как всем известно, это Балканы и острова Эгейского моря, то есть Европа. На деле же география возникновения и развития греческой науки — это Малая Азия, север Египта, Сицилия, юг Апеннинского полуострова. Общее у них — греческий язык, и не более того. Это первая странность, если говорить о науке.

Вторая заключается в том, что кроме древних греков никто ничего выдающегося для науки не сделал вплоть до начала Нового времени. Про римлян говорят, что они были прекрасные воины, но никчемные мыслители. Наследница Рима — Византия, знаменита в традиционной истории лишь тем, что в течение тысячелетия своего существования переписывала труды великих эллинов. Тысячу лет! Арабы тоже умом не блистали: максимум, на что их хватило, если верить историкам, так это на перевод великих греческих трудов на арабский язык.

Но вот Средневековье кончается, и Западная Европа, лишь только прочитав переводы хоть с греческого, хоть с арабского, сразу же сообразила, что к чему. Началось развитие науки в точности с того места, на котором остановились древние греки. Так через принятие скалигеровской версии истории Западная Европа приобрела славное древнее греко-римское прошлое, а Византия оказалась каким-то дряхлым, религиозно-фанатичным монстром, существовавшим тысячу лет без всякого развития. Еще одним следствием такой хронологии стала загадка «темных веков», на протяжении которых Европа успешно забывала «славное греко-римское прошлое», чтобы стартовать с нуля.

Всё это относится и к теме войн, к которой мы приступаем.

Здесь, как и в других наших книгах, мы будем максимально широко цитировать профессиональных историков. Ведь нам нет нужды выдумывать «факты» в подтверждение своей версии хронологии: ученые давным-давно их выяснили, но, оставаясь в рамках неверной версии, делали неверные выводы. Мы просто даем иные объяснения.

Первое, что нужно учитывать: в своем развитии Западная Европа до определенного времени сильно отставала от Византии и арабских стран. Второе: античность непосредственно предшествовала своему собственному «возрождению».

Прежде чем приступить к теме, позвольте привести мнение известного специалиста, Франца Меринга (1846–1919). Он пишет, имея в виду прежде всего Западную Европу:

«...История средневекового военного искусства не имеет крупного интереса. Развитие феодального ленного государства полно войн и военной шумихи, но его военные возможности чрезвычайно малы, войска невелики по численности. В них отсутствует военная дисциплина. Рыцари — главный род войска — имеют так же мало общего с античной или современной кавалерией, как их пешие слуги — их вспомогательные войска — с античной или современной пехотой».

Другими словами: ну, какие там войны были в Средние века? Вот в античные времена действительно были войны, дисциплина и рыцари!

И дальше Меринг продолжает в том же духе:

«Война происходит постоянно, но битвы, имеющие действительно историческое значение, как, например, битва на Леквельде или же битва при Гастингсе, очень редки. Даже прославленные войны Гогенштауфенов были простыми драками, о которых грешно говорить как о проявлении какого-нибудь военного искусства».

Итак, по мнению историков, в античности военное искусство было, а вот применительно к Средневековью о нем говорить смешно; теперь войны превратились в простые драки. А потом военное искусство появилось снова, и, что самое поразительное, в развитии своем прошло тот же путь, какой уже был проделан в античности.

Стоит ли верить такой истории? И не пора ли от веры перейти к знаниям?

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЯ

Надо любить истину так, чтобы всякую минуту быть готовым, узнав высшую истину, отречься от всего того, что прежде считалось истиной.

Л.Н. Толстой.

Когда жил Сократ?

В этом, казалось бы, странном вопросе с точки зрения предлагаемой нами вариативной культурологии нет ничего удивительного. Конечно, проще всего было бы заглянуть в энциклопедический словарь. Но не будем наивными люди! Должны ли наши представления о мире, человеке и его месте в этом мире зависеть только от шпаргалок?

Малый храм в Баальбеке (Ливан). Якобы II век.

Представьте себе, что в летописях, хрониках и прочих так называемых исторических документах нет собственных имен, географических названий, а главное, — нет дат! А ведь их действительно нет. И вот, серьезный исследователь попадает в тупик в самых банальных ситуациях. Из каких соображений сочинения Козьмы Индикоплева датированы VI веком, так, что они оказываются написанными позже текстов Аристарха Самосского (IV–III века до н.э.), хотя и научные идеи, и язык Аристарха много выше, нежели у Козьмы?.. Почему чудесный круглый храм в Баальбеке и другие его храмы считаются построенными на тысячу, а то и полторы тысячи лет раньше храма на Нерли? Как это определяли «законодатели» исторической традиции сто пятьдесят, двести лет назад в отсутствие энциклопедий, справочников и книг типа «100 великих путешественников», «100 великих художников» или «100 великих изобретателей»?

Теперь, конечно, такие книги есть. И они тоже нужны. Но ведь шпаргалки не могут заменить истинное знание, не так ли?

Рассмотрим на примерах, сколь трудно определить время написания тех или иных текстов. Представьте, что вам в руки попал некий манускрипт, не имеющий ни титульной страницы, ни выходных данных, ни прочих полезных сведений. Такой, например, текст:

«Наконец, по толпе пробежал тот многоголосый гул, который обычно возвещает наступление ожидаемого события. Все взоры обратились к форту — к воротам для вылазки. Несколько секунд напряженного ожидания — и в воздухе весело затрепетали знамена, ярко засверкало оружие на солнце. Войска остановились и выстроились; команда пробежала по шеренге, звякнули ружья, и войска взяли на караул; командующий в сопровождении полковника... и свиты офицеров легким галопом поскакали к фронту. Заиграли все военные оркестры; лошади встали на дыбы, галопом поскакали назад и, размахивая хвостами, понеслись по всем направлениям; собаки лаяли, толпа вопила, солдаты взяли ружья к ноге, и на всем пространстве, какое мог охватить глаз, ничего не видно было, кроме красных мундиров и белых штанов, застывших в неподвижности».

Попробуем разобраться.

Знамя — это укрепленное на древке полотнище с надписями, эмблемами и т.п. Полагают, что знамена появились в древние времена. Ружье — ручное огнестрельное оружие с длинным стволом, появилось в XIV веке. Униформа (форменная одежда) постепенно вводилась в войсках, начиная с XVII века. Военный духовой оркестр (в XVIII веке его называли «янычарским») получил распространение в Европе в XVII–XIX веках. Форт — сомкнутое укрепление долговременного характера, появилось в начале XIX века.

Следовательно, данный текст, скорее всего, относится к XIX веку. Теперь откроем секрет: это отрывок из романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Действительно, XIX век.

Теперь возьмем другой текст и попробуем определить, какое время описывает он:

«По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашиинника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашиинник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще готовят штурм. В то же время Верцингеториг, услышав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам, и свинцовыми пулями. Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших редутов и по мере надобности посылали их на помощь».

Лестницы, фашины, багры, пращи и копья использовались с незапамятной древности. Свинцовые пули для ружей появились после XIV века. Галлов традиционно считают «принадлежностью» первых веков н.э., но они упоминаются и в византийских трудах, и у историков XIV века. Редуты (от французского *redoute*) — полевые фортификационные сооружения в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, использовались с XVI века. Слово шанцы (от немецкого *Schanze*, окоп, укрепление) — могло появиться не ранее XVII века. Можно сделать вывод, что описание составлено в XVII веке. Но нет: для разбора мы взяли главу из книги Юлия Цезаря (101–44 до н.э.) «Записки о галльской войне». Оказывается, если анализировать исторические тексты вне традиционных хронологических оценок, невозможно прийти к традиционным датам!

Вот еще одно описание:

«Как трубы подали сигнал, оба противника с быстротою молнии ринулись на середину арены и сшиблись с силой громового удара. Их конья разлетелись по самые рукояти, и какое-то мгновение казалось, что она рыцаря упали, потому что кони под ними взвились на дыбы и попятились назад. Однако искусные седоки справились с лошадьми, пустив в ход шпоры и удила. С минуту они смотрели друг на друга в упор; казалось, взоры их мечут пламя сквозь забрала шлемов, потом, поворотив коней, они поехали каждый в свою сторону и у ворот получили новые конья из рук своих оруженосцев».

Ну, это совсем просто, — скажет читатель. Описан рыцарский турнир. Время действия — Средние века. Место — предположительно Франция или Англия, впрочем, не исключены Германия, Италия и крестоносные государства на Востоке. Речь ведь идет о рыцарях.

Но слово «рыцарь» могло попасть сюда случайно, в смысле «тяжело вооруженный всадник». Называют же рыцарями героев эпохи Александра Македонского, живших якобы в IV веке до н.э. Могли так назвать и древнерусского воина X века. У него не

было оруженосца? Как знать... На шлеме не было забрала? Возможно, это неправильный перевод.

Но кажется нам, автор явно не видел ни одного рыцарского турнира. Иначе бы не писал: «с быстротою молнии». Закованные в железо рыцари на таких же тяжело нагруженных лошадях вряд ли могли передвигаться слишком быстро. И еще одно замечание: ни слова не сказано о стременах.

Копья, шпоры, удила, шлем с забралом известны давным-давно, с античных времен — традиционных античных. То есть, тяжело вооруженный галльский катафракт ничем не отличался от средневекового рыцаря, если судить по броне и оружию. И оруженосец ехал следом. И шлем его украшали длинные перья, а на щитах рыцари «древнеримской» поры несли девиз и герб.

Итальянский историк XIV века Виллани так прямо и пишет:

«У великого Помпея была хоругвь с серебряным орлом на голубом поле, а у Юлия Цезаря — с золотым орлом на алом поле... Но Октавиан Август, племянник и наследник Цезаря, изменил этот герб и принял золотой цвет поля и природный черный цвет орла, символизировавшего власть императора... Константин и за ним другие греческие императоры вернулись к гербу Юлия Цезаря, т.е. золотому орлу на алом поле, но двуглавному... После Октавиана все римские императоры сохраняли такой же герб».

Только стремян в римские времена не было, они появились в Европе не ранее XI века. Как уж эти античные рыцари держались в седлах без стремян, история умалчивает, а здравый смысл подсказывает, что никак не могли они держаться. Ну, а по нашей реконструкции XI век, когда появились стремяна, как раз и относится к античности.

Приведенный выше отрывок (о поединке рыцарей) мы взяли из романа Вальтера Скотта «Айвенго». Но изображенные им рыцари сходны не только с галлами, но и с древними персами, обвешанными металлом с ног до головы. Упав с лошади, они не могли самостоятельно встать. Кто не знает об этом, плохо учил историю: не только легковооруженные конники с луками носились по азиатским просторам! Вот и получается: все, что нам известно о Средневековье, в полной мере приложимо и к существенно более ранним временам.

И кстати, заметим: подобное описание старинных событий, сделанное автором более поздних времен, вполне может быть воспринято за «хронику» и попасть в объем информации о старине, как «исторический факт», хотя таковым и не является.

Наш анализ традиционной истории позволяет представить ее чем-то вроде разобранной на звенья цепи. Каждое звено содержит полный набор элементов культуры, каждое — законченная цивилизация. Переходя от звена к звену, мы обнаруживаем, что прежняя цивилизация стремительно сходит на нет, а новая начинается с нуля. Причем результаты зачастую не обеспечены необходимыми исходными условиями. Так, древние вавилонские астрономы с точностью до десятых долей секунды измеряли движение Луны, а приборы для измерения времени с точностью хотя бы до одной минуты появились несколько тысячелетий спустя. Никак отдельные звенья не соединяются в цепь.

История вооружений и войн еще поразительнее.

За две тысячи лет до н.э. ассирийские вооруженные силы уже делились по родам войск: на пеших, всадников и сражающихся с колесниц. Пешие подразделялись на копейщиков, лучников, пращников и метателей дротиков. Однако, как пишут историки, *«через много веков персидский царь Кир вызвал удивление современников тем, что образовал конные полки»* (Герман Вейс). Тому же царю Киру приписывают организацию отряда всадников на верблюдах для войны с лидийцами и введение осадных машин, а ведь это уже VI век до н.э. Стало быть, достижения древних ассирийцев были забыты.

Еще через много-много столетий, в VII–VIII веках уже нашей эры, арабские толпы завоевывали эти же земли, пользуясь *«копьями из бамбукового тростника или крепкого дерева, ножами в виде кинжалов с изогнутыми клинками, в редких случаях изогнутыми саблями, луками и круглыми щитами из твердой кожи»*. Чем же объяснить такую несообразность? Ведь от качества вооружений и организации войск зависит жизнь воинов и судьба государств!

По мнению историков, в начале нашей эры *«наступательное и оборонительное оружие сарацинов не уступало римскому ни в крепости, ни в качестве, но в искусстве управлять конем и метать стрелы они значительно превосходили римлян»* (Герман Вейс). Но вот апофеоз арабской гонки вооружений: *«К концу X в. в дополнение к простым ручным лукам был изобретен род самострелов, которые использовались даже для боя, в открытом поле»*.

Эти самострелы, вероятно, были только грубым подражанием ручным метательным орудиям древних римлян».

В книге «Другая история литературы» мы вслед за многими военными специалистами высказывали сомнения не в существовании (в конце концов, во все времена были чудачки!), а в эффективности древней доогнестрельной артиллерии. Но вопрос — не в том, могла она существовать или нет, а в том, когда ее могли изобрести. Почему не могла она возникнуть накануне изобретения пороха, в XII–XIII веках? Но раскройте любой учебник истории. Эти катапульты, баллисты, полиболы, фрондиболы, гастрфеты, онагры, палинтоны и т.п. изобретены не во времена зрелого Средневековья, а в античности, или вообще в Древнем Китае. В Средние века, выходит, и изобрести ничего нового не могли, а только «вспоминали» давно забытое.

Мы предлагаем такую хронологическую картину мира, в которой античность и ее Возрождение словно сливаются в один поток. «Звенья» нашей цепи перестают быть изолированными, а цепь действительно становится цепью. Оказывается, история человеческой цивилизации цельна, последовательна и непрерывна. В таком случае, изобретение ударных военных механизмов и «греческого огня» непосредственно предшествуют появлению пороха. Между механическими игрушками Герона Александрийского (ок. I века), и первыми средневековыми механическими часами нет полутора тысяч лет. Идеи Аристарха Самосского высказаны незадолго до появления теории Николая Коперника. Между эпохами, когда государства имели правильно организованные войска, нет дикости. Между древними, античными и позднесредневековыми, тактически грамотными войнами нет многовековых периодов варварских драк!

А что мы видим в нашей сегодняшней, традиционной истории? Мифы и легенды, записанные неизвестно кем, неизвестно с какой целью, хронологизированные накануне XVII века чернокнижником, оккультистом и нумерологом Скалигером.

В конце XV века Людовик XI Французский на практике, а в начале XVI века Никколо Маккиавелли в теории показали, что мораль и рациональность лежат в разных плоскостях. Рациональность того времени не имеет никакого отношения к истине, включающей в себя понятие нравственности. Возрождение разрушило традиционную средневековую картину мира, но научной картины мира не создало. На месте прежней схоластической натурфилософии воздвиглась так называемая натуральная магия. Лишь в XVII веке пришло время научной революции, появления европейской науки нового времени.

Нравится это некоторым историкам или нет, но Иосиф Скалигер, вместе со своей «исправленной хронологией» относится к магам, и не имеет отношения к научной революции. Хотя, надо сказать, он попадает в хорошую компанию. Так, знаменитый Парацельс в XVI веке доказал, что классическая античная медицина, базировавшаяся на текстах Гиппократ и Галена (надо полагать, византийских ученых недавних, по сравнению с Парацельсом, времен), неверна, но его собственное учение о лечебной химии, как пишут сами же историки, в чем-то даже более фантастично, чем учение великих предшественников.

А ведь Парацельс работал не с бумагами, а с живыми, больными и умирающими людьми и с конкретными снадобьями, которые можно было понюхать, пощупать руками, а при желании и попробовать на вкус. Что же говорить о Скалигере, в распоряжении которого были только неведь откуда взявшиеся тексты, неизвестно кем и когда сочиненные!

В XVII веке, в эпоху уже начинающейся научной революции, жил последователь Скалигера, Дионисий Петавиус. Однако возникшая в этом веке наука, по словам Д. Харитоновича, *«никак не вытесняет натуральную магию, они продолжают сосуществовать даже и в одном сознании»*. Например, известный химик ван Гельмонт, основатель химии газов, до самой своей смерти, наступившей в 1644 году, предавался поискам философского камня. Выдающийся астроном Иоганн Кеплер (1571–1630), завершивший дело Коперника по обоснованию учения о движении Земли вокруг Солнца, торговал астрологическими гороскопами.

Вот в чем особая опасность хронологических «открытий» И. Скалигера (XVI век), Д. Петавиуса (XVII век) и Дж. Вико* (XVIII век): при изрядной доле научности, при всей их

* Джамбаттиста Вико (1668–1744), итальянский философ, один из основоположников «историзма», создатель «теории круговорота», согласно которой человеческое общество проходит три стадии: эпоху варварства, век героев и век человечества. Ход истории идет у Вико не по замкнутому кругу, а по спирали, что означает не вечное повторение одного и того же, пусть и в разных формах, а в целом движение вперед. В этом он продолжил учение Скалигера.

изошренности в астрономии и математике они, тем не менее, базировались на «древней магии чисел». Что же понимать нам под этой «древностью», применительно к магии? Ничто иное, как XV–XVI века, когда европейские христиане, например, Джон Ди, увлекались еврейской каббалой, по сути, создавая ее.

Опровергая составленную Скалигером и его последователями, и ставшую ныне официальной хронологию, мы привлекаем в качестве свидетельства тысячи произведений искусства и литературы. А что противопоставляют нам те, кто хочет подтвердить ее правильность? Какие соображения, расчеты и т.п. они приводят? Традиционная хронология создана задолго до радиоуглеродного метода и других доказательств, доступных ныне историкам-ортодоксам, даже раньше появления археологии.

Теперь археология хорошо развита, но надо учитывать, что археологические находки «немые»: они в ряде случаев позволяют определить дату, но не сообщают об исторических коллизиях. Предположим, археологи раскопали в Малой Азии сотню захоронений, и точно установили, что они относятся к периоду V–IV веков до н.э. Дата есть, но кто эти люди? Чем знамениты? Что за историческая реальность окружала их при жизни?.. А летописи и другие нарративные тексты, наоборот, показывают картину исторических событий, но не дают даты.

Когда жил Сократ? Говорят, в конце V, начале IV века до н.э. Но ни одного оригинала его произведений нет в наличии. Он вообще ничего не записывал, а только рассказывал устно. Все его высказывания известны по «Греческой истории» Ксенофонта (ок. 430–355 или 354 до н.э.). Но рукописей Ксенофонта тоже нет, — если бы они были, и если бы при помощи радиоуглеродного метода удалось установить дату изготовления папируса, свидетельство было бы неоспоримым. Но их нет, а есть только средневековые копии, причем достаточно поздние. Казалось бы, от этого факта и надо плясать, но историки возражают: как же, ведь еще древние греки почитали Сократа! А мы спросим: вы-то откуда об этом знаете?! Из хронологии Скалигера?

«Исследование любого исторического и — шире — гуманитарного феномена сразу наталкивается на трудности. Что мы изучаем: реальность или представления об этой реальности? — спрашивает Д. Харитонович в книге «Масонство». — С одной стороны, разделить эти две сферы невозможно и не нужно — ведь представления есть часть самой реальности. С другой стороны, можно и даже необходимо, ибо действительность и ее образ изучаются разными методами. В первом случае мы обязаны включить в рассмотрение только однозначно установленные факты, с огромной осторожностью подойти к сведениям, не подтвержденным четко и недвусмысленно, отвергнуть заблуждения, пусть и добросовестные, категорически исключить прямую ложь. Но для описания образа мы должны принять во внимание и бесспорную истину, и фантазию, и откровенную клевету, если все это повлияло на формирование соответствующих представлений».

Бесспорная истина: писатели разных времен создавали силой своей фантазии разнообразные «утопии», — идеальные государства (общества), размещая их не только в неведомых землях, но и в далеком прошлом. Но вот то, что эти государства существовали НА САМОМ ДЕЛЕ — совсем не факт, хоть писатель и утверждает именно это.

Создание Иосифом Скалигером труда «Opus novum de emendatione temporum» (1583), а позже Дионисием Петавиусом книги «De doktrina temporum» (1627) — бесспорный исторический факт. В этих работах содержатся расчеты, синхронистические таблицы и еще неизвестно что. Однако, абсолютная верность выводов, сделанных этими авторами, отнюдь не окончательно истинна. Их выводы не только можно, но даже нужно изучать и критиковать. Но вот загадка: эти книги не переведены с латыни ни на один современный язык и не изданы, притом, что историки уже более двух десятилетий ожесточенно отражают атаки «новых хронологов» на предмет их науки! Случайно ли это? Может быть, издание трудов Скалигера и Петавиуса нежелательно для историков традиционной школы? Ведь тогда всякий смог бы оценить степень научности сих опусов.

Иначе говоря, если мы изучаем **влияние** книги Скалигера на формирование официальной истории человечества, то оно несомненно. Его работа есть данность, занимающая свое место в истории, независимо от истинности или ложности результата. Если же мы желаем выявить **степень истинности** или, наоборот, **ложности** скалигеровских построений, следует провести тщательный историковедческий анализ произведения, определить время и место его появления, а также политические причины, повлиявшие на некоторые выводы, а заодно выявить возможного заказчика. Дело в том, что существующая хронология одним выгодна, а

другим — нет. «Кому выгода, тому честь», — любил повторять Людовик XI. Кто платит, тот и заказывает историю.

Например, в 1439 годах на Ферраро-Флорентийском соборе обсуждался вопрос: кого из пяти патриархов — римского, константинопольского, иерусалимского, александрийского или антиохийского — называть первым? Собственно, претендентов было два: римский и константинопольский. Вопрос был бы ясен без обсуждений, если бы существовала твердая хронология событий прошлого. Но до рождения Иосифа Скалигера было еще сто лет, а потому и не знал никто хоть с какой-то степенью достоверности, какой патриархат на самом деле был первым. И что же решило высокое собрание? Вы будете смеяться, но даже это неизвестно. Греки утверждают, что на Соборе первенство было отдано константинопольскому патриарху. А католики — что римскому папе.

В любом случае для прояснения истории надо брать множество исторических документов, для каждого случая выяснять особенности изучаемого текста, совпадения и несовпадения с другими текстами и многое иное. Изучать, откуда этот документ взялся. Только после этого можно решить, принимать или нет «исправленную хронологию» нумеролога и мага Скалигера. Разве такая работа была кем-нибудь проделана?..

Кстати, от Ферраро-Флорентийского собора не осталось вообще никаких официальных документов. Что и с чем сравнивать?

Оказывается, проблема хронологии не столь проста, как это представляется сторонникам традиции.

Отчего происходят войны?

Разные исследователи предпочитают выпячивать разные причины войн. Одни упирают на религиозную составляющую, другие — на психологию вождей. Ищут причины войн в династических спорах. В России многие до сих пор придерживаются мнения, что войны имеют исключительно классовый характер.

Известный военный историк Е.А. Разин, чьей «Историей военного искусства» мы будем широко пользоваться (она часто переиздается и поныне востребована в обучении отечественных офицеров), пишет:

«Появление частной собственности на средства и продукты производства, развитие эксплуатации человека человеком углубляли процесс разложения первобытнообщинного строя и подготавливали в общественном развитии возникновение рабовладельческой формации. Вооруженные столкновения племен способствовали возникновению и развитию рабства».

Здесь Разин следует за популярным историком Ф. Энгельсом. Он тоже характеризовал период разложения первобытнообщинного строя как время непрерывных войн, в течение которого возникла военная демократия — специальная организация, предназначенная для войны. Народное собрание, совет старейшин и военачальник — вот органы военной демократии. Для ведения войны выделялись специальные группы, которые обычно жили отдельно от племени. Суровый уклад жизни этих профессиональных воинов имел целью выработать у них необходимые боевые качества и навыки. Но даже сам Е.А. Разин, многократно выражающий свое уважение Энгельсу, пишет:

«Ни по своим целям, ни по своему характеру вооруженные столкновения на начальной стадии разложения первобытнообщинного строя нельзя назвать войной».

От тех традиционно-первобытных, древних временах, о «разложении» тогдашнего «строга» не осталось никаких письменных свидетельств. Однако принято считать, что конец патриархальщины пришел с развитием института частной собственности, когда рабы из неполноправных членов патриархальной семьи превратились в бесправных, жестоко эксплуатируемых и угнетаемых людей. *«Тяжелым трудом многочисленных рабов создавались богатства для небольшой кучки рабовладельцев».*

Итак, не имея письменных источников, историки утверждают, что рабы появились еще в эпоху первобытности, как неполноправные члены патриархальной семьи. Эту стадию Маркс назвал патриархальной системой рабства, а Энгельс — восточным домашним рабством. Он писал, сравнивая «древний Восток» с «античной Грецией»: *«Иное дело домашнее*

рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»^{*}.

Взгляды Энгельса и Плеханова кое в чем отличаются от взглядов самого Маркса, не говоря уже о марксистской теории, существовавшей в Советском Союзе. Маркс делил человеческую историю на две больших формации: общественную (первобытность) и общественно-экономическую (вся остальная история). Предполагалась еще и третья формация — безгосударственная, то есть коммунизм.

Общественно-историческую формацию Маркс делил на несколько способов производства: азиатский, рабовладельческий, феодальный, капиталистический. Правда, не было окончательной ясности с азиатским способом производства, и в некоторых работах Маркс называет его стадией рабовладельческого способа производства.

Позже, советские историки смешали марксовы формации и способы производства, все их называли формациями, добавили коммунистическую формацию, а азиатский способ производства объединили с рабовладением. Так появилась известная «пятичленка»: первобытность, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм (социализм считался первой стадией коммунизма). Проблемы возникают сразу: и при анализе «первобытности», и при переходе к «рабовладению».

«Совершенно неприемлемой является характеристика раннеклассовых государств как «рабовладельческих обществ», и, соответственно деление населения этих государств на классы рабов и рабовладельцев. Как известно, рабовладение не может быть характеристикой какой-либо одной формации, поскольку существует на протяжении всей истории человечества и характерно для любого общества в той или иной мере. Рабство — лишь крайнее проявление власти над человеком», — пишет Дмитрий Лялин.

А мы напомним, что и поныне в любой семье имеются «неполноправные члены», это — несовершеннолетние дети и некоторые другие, например, больные родственники. Да и сами ученые обнаруживают, что патриархальная, или «восточная» система рабства существовала повсюду: в Азии, Африке, да и во всей Европе. И хронологический разброс этой системы, как и правила ведения военных действий, весьма велик. Тот же Е.А. Разин сообщает, что *«остатки ... пережитков периода разложения родового строя наблюдались у казахов XIX века, у которых противники по обычаю предков, перед тем как напасть, предупреждали друг друга. «Пусть укажут место боя», говорили они; лишь после этого можно собирать людей для боя. Такая обстановка вооруженного столкновения исключала внезапность»*.

Другой весьма недавний по времени пример: вооруженные столкновения сахалинских гилияков. Сначала стороны пытались уладить дело мирным путем даже в обстановке кровной мести. Для этого каждый враждующий род выбирал посредника из нейтрального рода и снабжал его ценной одеждой, луком со стрелами и копьем. Такие посредники старались предотвратить столкновение с помощью выкупа, что часто и удавалось. А если не удавалось, то обиженный род нападал на обидевший. Дальше ход событий обычно бывал таким.

В нападении — как правило, ночью — участвовали все взрослые мужчины рода. Обидчики ожидали нападения с оружием в руках, собравшись в одну юрту, в которой был тайный запасной выход для устройства засад и вылазок. Женщины, дети и все имущество оставалось в других юртах без всякой охраны, так как все это считалось неприкосновенным по неписаным, но строго соблюдавшимся правовым нормам. Имелись и нормы продолжительности «войны»: она длилась всю ночь до рассвета. По окончании срока нападавшие удалялись, после чего подвергшиеся нападению производили подсчет убитых, и если потери противника были больше, то конфликт считался исчерпанным. Если же потери нападавших оказывались меньше потерь подвергшихся нападению, то последние отвечали таким же нападением на своего противника. Допускалось столкновение и в море, на рыбной ловле; на этот случай в носовой части лодки имелся подъемный щит для защиты от стрел.

Так что «искусства войны» в естественном сообществе, живущем в балансе с природой, не было, а правила «военных действий» — были. Что же подвигало людей к вооруженным стычкам? Потребности защиты района охоты или скотоводства данного племени. Собственность на землю, владение которой было необходимым условием первобытного производства; она создавала основы возможных столкновений между племенами. Но скажем прямо, представители любой популяции биологических организмов, будь то львы, волки или суслики, защищают свою территорию. Прав Разин: это еще не война.

^{*} К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 451.

Если численность сообщества превышала возможности природы, территория, занимаемая общиной, оказывалась недостаточной для обеспечения ее существования. Возникала необходимость или перемещаться всем племенем на другие земли, или расширять территорию, и это иногда служило причиной столкновения общин. Такие вооруженные столкновения людей были закономерными, но происходили они редко.

Итак, кровная месть, расширение территории племени, месть за нападение — вот из-за чего происходили вооруженные столкновения того времени.

Выше мы привели в качестве примера первобытных «войн» стычки казахских и сахалинских племен XIX века. Как видим, изучение жизни весьма далеко живущих друг от друга племен показывает сходные черты в вооруженных столкновениях. Те же черты можно найти и в поведении некоторых австралийских и африканских первобытных племен. Они редко прибегали к оружию. Всегда старались уладить конфликт мирным путем, и лишь в крайнем случае применяли против людей орудия охоты: копье, бумеранг, лук и стрелы.

У этих племен тоже существовали строгие правила, которые соблюдались при вооруженных конфликтах.

Нападение не могло быть внезапным; ему предшествовали переговоры. Столкновение происходило только на специально предназначенном для этого месте, а применению оружия обычно предшествовала длительная перебранка сторон, располагавшихся на некотором удалении друг от друга. Наконец, очень часто для разрешения конфликта прибегали к единоборству, а уж если завязывался «бой», то он сводился к действию метательным оружием, — бойцы попросту закидывали друг друга камнями и палками. При этом достаточно было пролития первой крови, чтобы потерпевшая сторона признала себя побежденной. Борьба не носила ожесточенного характера. Пленный не представлял ценности, и его или убивали, или принимали равноправным членом рода, или же отпускали.

С развитием общества картина усложняется. Если отбросить надуманные идеи о какой-то «классовой борьбе», и присмотреться к ходу эволюции общественных структур, становится ясным, что законы эволюции едины, — со временем развиваются все структуры, и военные тоже: совершенствуется организация, оттачивается мастерство.

В нашем понимании *структуры*, образующие социальную систему, есть ее целостные части, характеризующиеся устойчивыми связями и интересами, обеспечивающими сохранение основных свойств каждой из них во времени. На *структуры* — властные и производственные, научные и бытовые, армейские и идеологические (религиозные), торговые и финансовые — разделена единая социальная система. Среди них, конечно, можно найти и классы в традиционном понимании. Интересы *структур* не тождественны интересу системы в целом, но могут совпадать с ним в некоторых деталях.

Основной целью любой однажды возникшей *структуры* является ее собственное выживание, и для этого она использует все средства. Если для выживания выгодно сотрудничать с другими *структурами*, будет сотрудничать. Если удобнее автономное развитие — будет существовать сама по себе. Но обычно отношения становятся антагонистичными, поскольку у *структур* один основной ресурс — люди, через деятельность которых и проявляется само существование *структур*, притом, что и каждый человек, как самостоятельная целостная система, может быть объектом или субъектом множества из них. Для пояснения скажем, что человек может одновременно быть начальником на работе, рядовым жильцом дома, вкладчиком банка, потребителем информации. Так он оказывается вовлеченным во множество пронизывающих друг друга *структур* единой системы. Но всего лишь вовлеченным, — структура существует помимо него.

Из ватаги охотников, изредка совершающих описанные выше «военные действия», армия не получится никак и никогда, ведь охотничья *структура* имеет и свои собственные функции, и свою задачу выживания. То же самое можно сказать и о случаях, когда «на войну» ходят, объединившись, все мужчины племени, будь они скотоводы или земледельцы. Военная *структура* возникает, лишь когда из всей массы членов племени выделяется специальная группа, для которой участие в военных действиях — основная цель.

Для содержания группы профессиональных военных, разумеется, нужны средства, а они появляются при соответствующем развитии производства. В этом смысле историки совершенно правы, когда пишут, что «в результате развития производства изменилось общественное устройство» (Е.А. Разин). У каждого рода, племени или союза племен появились в свое время выборные лица: старейшина и военачальник. Старейшина никакими правами принуждения не пользовался. Интересно, что влияние такого вождя определялось не богатством, а личными качествами — храбростью, организаторскими

способностями, приветливостью и т.п. В своей деятельности вождь исходил из интересов рода и поэтому опирался на общественное мнение. Если он утрачивал свой авторитет, род выбирал другого вождя из лиц, выделявшихся положительными личными качествами.

Старейшины и военачальники родов составляли совет племени, который заседал публично, в присутствии всех, кто желал слушать или участвовать в обсуждении вопросов. Решение такой совет выносил при обязательном условии единогласия. Племенной совет определял взаимоотношения племени с другими племенами. Так было у ирокезов и ацтеков в Северной Америке, в германской марке, у греческих и славянских племен. И эта *структура* власти постоянно эволюционировала, развивалась. *«Переход от старого народного ополчения с королем как предводителем народа во главе к ополчению из вассалов и их подвассалов с королем как верховным ленным владельцем происходил медленно, но безостановочно»*, — пишет Франц Меринг.

До создания государства *структура* обороны-нападения носила исключительно общественный характер. И нападения на соседние племена, и оборону своего племени совершали отряды добровольцев. В Индии они составлялись из отдельных способных воинов, принимавших участие в военном танце, а возглавлял отряд организатор военного танца. Если в поход выступало несколько таких отрядов, то общее руководство осуществлял совет военных вождей этих отрядов. На организацию походов согласие совета племени не требовалось.

Судя по данным о военной деятельности индейских племен ирокезов и ацтеков Северной Америки, численность добровольческих отрядов была невелика; в лучшем случае в поход выступали сотни воинов.

Но постепенно возникали специальные организации, то, что мы называем *структурой*, занимавшиеся исключительно военными вопросами. Только научившись получать избыток пищи, сообщества могли позволить себе их содержание. Но, создавшись однажды, эти военные структуры уже сами обеспечивали свое выживание. Военачальник находил дело для своих людей, и обосновывал затраты на армию перед высшим руководством. Или армия сама «зарабатывала» себе на прокорм.

Затем, для обеспечения безопасности люди начали строить оборонительные сооружения. Начинали с самого простого: замаскированных волчьих ям, ядовитых колючек на подступах к селению, земляных валов и рвов вокруг поселков, но со временем появились и серьезные фортификационные постройки: шла эволюция знаний и умений, развитие военно-строительных структур. И формы борьбы постепенно разделялись на наступательные и оборонительные. Правила войн менялись; оборона стала следствием нападений противника без предупреждения, без указания места боя.

Если в начале разложения родового строя общественные интересы преобладали над личными, а общественное мнение имело решающее значение, да и дисциплина была основана на подчинении общественным интересам, общественному мнению (в административном принуждении просто не было надобности), то с возникновением государства многое изменилось.

Государство синхронизировало интересы разных внутренних структур, в том числе и племен. Государство становилось *системой*, объединяющей структуры, и в то же время оно выступало среди прочих государств как *структура* политического мироустройства. Причем было важно не столько, какая общественно экономическая формация складывалась в том или ином государстве, сколько наличие природного ресурса: ведь избыточный продукт, а значит, и объем налога, потребного для существования государственной власти, определяется исключительно тем, сколько может дать среда. А также, успешно или нет организован труд подданных.

Теперь уже войны могли происходить и помимо прямых интересов общества. Каждый отдельный герцог или князь, учитывая многие факторы внутреннего и внешнего бытия, прежде всего взаимоотношения с соседями, сам решал вопросы войны и мира. Но чтобы участвовать в войнах, он должен был озаботиться производством, техникой, обучением людей, идеологией, наконец! Оказалось, что война двигает экономику, требует развития сельского хозяйства, науки, архитектуры. В конечном итоге, выигрывает и общество тоже. Рано или поздно до каждого жителя доходит, что придется или платить дань захватчику, или содержать свою армию, в том числе отдавать в нее своих сыновей, или звать наемников.

Варягов (наемников) зовут в сложившееся производящее государство, а сами они создать его не могут. Н.А. Морозов и многие другие (например, Иван Солоневич) прямо писали: никаких Рюриков, как создателей государства российского, не могло быть. Но их могли призвать, как руководителей армии. А зачем государству армия? — а затем, что, как говорится,

не хочешь кормить свою, будешь кормить чужую. Или позволишь себя объедать пришлым бандитам, или наймешь обученных людей и будешь с ними делиться добровольно. Не хочешь ни того, ни другого — выделяй своих людей на охрану. Это закон эволюции, обеспечивающий выживание сообщества.

Для достижения государством устойчивого состояния требуется, чтобы армия была специализированной. Ведь это самостоятельная общественная *структура* — отрасль, требующая умения. Чтобы ее использовать, нужны средства, собранные с других *структур*. Приведем пример из отечественной истории: для противодействия иностранным войскам староста Кузьма Минин организовал сбор средств, за счет которых были наняты в ополчение умелые солдаты. «Кто не хотел давать волею, у тех брали силою», — пишет С.М. Соловьев. Дело оставалось за военачальником, и тогда послали за князем Пожарским. Что же ответил князь на это приглашение? А вот что: «*Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать*». Напомним, речь шла о войне с уже захватившими Москву польскими войсками.

Война и эволюция общества

Любые сообщества эволюционировали, начиная от семьи. Родившиеся от отца с матерью *родные* члены семьи (отсюда русское слово *род*) со временем отселяются, рожают своих детей; первым отцу с матерью они внуки, а своим неродным (не родившим их) дядьям и теткам — племянники (от русского слова *племя*).

РОД – ПЛЕМЯ – НАРОДНОСТЬ – НАЦИЯ, считается, что развитие шло именно так. **Родовое** строение общества возникает тогда, когда социальные отношения становятся важнее биологических отношений; в отличие от дикой бродячей семьи, род бродит уже не где попало, а на определенной территории. Это форма сообщества, при которой уже существуют производственные отношения. Затем, такой тип этнической общности и социальной организации, как **племя**, обеспечивает переход к *экзогамности*, подбору жен не в своей семье, что требует, как минимум, наличия двух родов в племени. Характерные черты: определенная племенная территория; коллективные действия (защита территории, охота), единый племенной язык, племенное название и самосознание. Племя основано на общем происхождении входящих в него родов, на кровородственных связях его членов.

Из взаимодействия племен исторически складывается языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, называемая **народностью**. Иначе говоря, требования культуры, экономики, а затем и военная необходимость приводят к союзу племен. Народность — стадия, предшествующая появлению наций. Считается доказанным, что **в Европе выделение национальностей, государственное их оформление происходило, начиная с IX века**.

Что же такое **нация**? Это историческая общность людей, складывающаяся на основе территориального разделения труда. Вот стержень, связывающий людей в нацию. Появляется общенациональный рынок, формирующий общий язык, культуру, территорию, экономическую жизнь, определенные особенности характера. При этом многие этнические особенности нивелируются, подводятся под общий знаменатель.

Эта общественная эволюция определяется, прежде всего, эволюцией экономики.

Живое существо живо постольку, поскольку оно получает и расходует энергию для жизни. Получает оно его с пищей; расход энергии зависит от пола и возраста существа, а также от его приспособленности к природным условиям места обитания. Человек отличается от прочих существ, живущих на Земле, лишь принципиально иной степенью приспособляемости к природе: он способен преобразовывать ее под свои потребности. Общественная *структура*, регулирующая взаимоотношения людей в процессе хозяйственного освоения природы, называется экономикой, — что по-гречески буквально значит «искусство ведения домашнего хозяйства».

Первобытная семья добывала питание, устраивала жилище и мастерила одеяние сама для себя; разделения работ здесь практически не было. Род, прежде всего оседлый, это разделение уже знал: кто-то делал для всех родственников одежду и обувь, занимался домом; кто-то преимущественно добывал питание. В племени, раскинувшемся на большой территории, разделение труда шло дальше. Условно говоря, любой род племени имел свою охотничью добычу; но тот род, на земле которого росли кедры, мог давать остальным орешки, но не имел

рыбы; а тот род, который «владел» озером, имел рыбу, но не мог сам обеспечить себя орешками. Надо было организовать обмен.

Ситуация, когда часть работников не занималась производством пищи, а давала какие-то иные, нужные всем вещи — обувь, бочки, посуду, одежду, оружие — требовала, чтобы производители продовольствия предоставляли на рынок избыточный продукт. Необходимость обмена привела к развитию подразделения экономики — *структуры* торговли, что в конечном итоге не только укрепило государство (*структуру* власти), но и привело к быстрому росту и окончательному выделению военных *структур* из всех других.

Народ, как известно, сам собой управлять не может. Если бы мог, то зачем бы нужна была *власть*? Государство стоит во главе идеологического, политического и юридического оформления общественных отношений, и это верно для любого так называемого «общественно-политического строя». Высшие и низшие классы и сословия, образно говоря, есть полюса одного магнита, без которых не может возникнуть энергии движения. Умный крестьянин становится императором, а неумелый император, проиграв войну, превращается в раба, — такие случаи бывали в истории Византии. Это перетекание людей из класса в класс, а не *классовая борьба*, как полагают некоторые. Раб, возглавивший восстание против власти под лозунгом истребления «класса угнетателей», сам становится властелином (и угнетателем) — разве хоть раз получилось иначе? Сословность общества складывалась естественным путем, ее не изменишь насильно.

К сожалению, сторонники классовой теории уделяют слишком большое внимание разбору уровня жизни и поведению отдельных представителей «высших сословий». И ленивые среди них есть, и паразиты, которые, ничего не делая, живут припеваючи за счет эксплуатации «низших сословий». Всё это так. Но делать из этого вывод о необходимости ликвидации целых классов нельзя. Надо понимать, что на любом уровне организации сообществ возникают свои «пирамиды» подчинения, обеспечивающие в нужный момент приток человеческого ресурса. Злобствование по этому поводу было бы сродни возмущению корня какого-нибудь цветка: де, я, работающий корень, сидючи в земле и света белого не видя, обеспечиваю соками земли всё растение, а там наверху расселась целая сотня тычинок и прохлаждается на ветерке. Толку-то от них. Надо их ликвидировать.

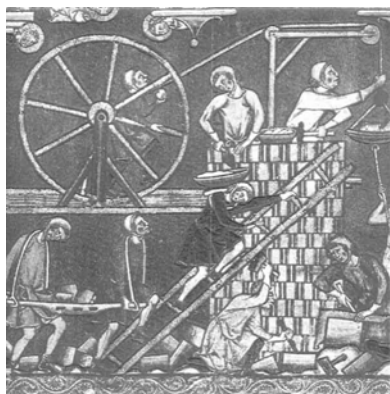
Целью внутренней политики власти, если посмотреть широко, является обеспечение мирной работы всего сообщества при помощи политического и правового регулирования общественных процессов. А во внешней политике цель власти — обеспечение приоритетов страны. Понятно, что для выполнения своих функций власти нужны средства. И вот мы видим, что вся жизнь организованного сообщества людей зависит от наличия ресурса. Природный ресурс обеспечивает возможность производства продовольственных и других товаров. Реализуется эта возможность трудом работников, которые, в их количестве, «помноженном» на образованность и мастерство, представляют собою человеческий (трудовой) ресурс. Произведенный продукт, во всем своем ассортименте и количестве, в свою очередь, оказываются ресурсом для торговли и власти. И так — в каждой стране.

Можно сказать, торговля требует избыточного продукта, власть — избытка избыточного продукта.

Не следует думать, что на ранних этапах развития общества избыточный продукт распределялся среди многих! Так, в России даже в XVI веке таких людей было не больше 10% всего населения. Кто же входил в число этих счастливиц? Вот их список по убыванию численности: ремесленники, военные, управляющие, священнослужители, высшая власть с обслугой. Ремесленники, в отличие от прочих, в обмен на пищу дают изделия, облегчающие жизнь и работу крестьян, рыболовов, охотников; ремесленникам избыток продовольствия отдавали со всей душой. Но и остальные получали свою долю не под угрозой силы. Даже напротив, как правило, люди добровольно платили дань — сначала натурой, а с появлением денег и деньгами — стоящим выше них по иерархической лестнице. Например, священникам, ведь проще отдать немного и получить милость от Бога, чем потерять все! И на содержание власти и армии отдавали почти добровольно, так как воины охраняют свою землю от набегов чужих.

Территория — вот то общее, что есть у племени, у народности и у нации. Понятно, если у племён не будет общей территории, они не сложатся в народность. Никакого единого рынка не получится у народности, превращающейся в нацию, если она вдруг откажется от своей территории. Даже кочевые скотоводческие племена кочуют не где захочется, а по какой-то определенной (то есть имеющей пределы) территории. К своей земле человека привязывает недвижимое имущество: жилища и хозяйственные постройки,

производственные и культовые здания. Они и являются вещественным выражением экономической и культурной общности людей данной народности, нации.

Средневековая миниатюра XIII века.

Средневековые государства прикладывали колоссальные усилия для охраны своих территорий. Так, в России с XII века применялась система оборонительных сооружений, называемых засеками. Первые сведения о засеках встречаются в Новгородской (1137–1139 годы) и Троицкой (за 1216 год) летописях. С XIII века началось возведение защитных систем, называемых Засечными линиями (чертами). Такая система состояла из лесных завалов-засек, чередовавшихся частоколами, надолбами, земляными валами и рвами. В определенных местах Засечных линий стояли города-крепости, и только через них можно было покинуть территорию страны. Охрану линий и крепостей осуществляла специальная засечная стража, на содержание которой собирались особые подати, «засечные деньги».

Засеки охватывали весь юг и центр Руси, тянулись на сотни и сотни километров от Брянских лесов до Волги, а вдоль Волги был насыпан земляной вал. В отдельных местах Засечные линии имели в ширину 20–30 КИЛОМЕТРОВ. По трудоемкости создания Засечные линии России можно сравнить только с Великой китайской стеной.

Итак, первая задача возможной войны — защита территории. Причем династические войны тоже имели эту цель, ведь любой властитель (князь, герцог, царь, король) понимал территорию как собственность своей семьи. Вторая задача — приобретение нового ресурса, будь то земля, работники (рабы) или товары. Третья — охрана торговых путей и защита внешнеторговых интересов. Всё, что можно выдумать ещё — не более, чем варианты перечисленного. Всегда, в инициировании любой войны можно найти экономический интерес государства, в крайнем случае — интерес властителей. Тем более, от наличного ресурса, — то есть от демографических и экономических возможностей, идеологической и организационной работы властей — зависит ход любых военных событий.

Ныне на все в совокупности непроизводительные мероприятия: войны, строительство мемориалов типа пирамид, на другие культовые затраты государство может выделять средства, не превышающие в среднем 5%, а в максимуме 10% ВВП, иначе возникает риск подрыва ресурсной базы. В старину, конечно, эти траты должны были быть значительно меньше. И в армию можно безболезненно, без долговременных негативных последствий, призвать не более 5% населения.

Ведь война, в конечном итоге, должна быть государству выгодна.

Истории известны государства производительные и грабительские. Чтобы разделить их, нужно понять, с чего живет народ. Так называемые крымские татары Средневековья жили грабежом, пока Русь и Польша грабителей не перерезали. После этого татары предпочли скотоводство и нормальную жизнь. Другой пример — исторические половцы, совершавшие столь быстрые налеты, что не было никакой возможности ни предугадать их, ни принять какие бы то ни было меры для защиты населения. Как известно, в результате не образовалось устойчивой крымской государственности, а половецкой и вовсе нет. Вот характеристика половецкой «военной» тактики, данная византийским оратором XII века Евстафием Солунским: *«В один миг Половец близко, и вот уже нет его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня бичом, и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз».*

Подобный набег — это тактика грабежа, это не война, так как нет здесь никакого государственного интереса. Таких примеров много. Разве говорил кто-нибудь, что пираты вели войны? Нет, они грабили торговые корабли. И наносили ощутимый вред торговле, которая из-за их налетов была вынуждена уходить в сторону от удобных морских трасс. Но вот когда Англия поддержала пиратов, науськала их топить чужие корабли (прежде всего, испанские) и захватила торговые пути, — это была настоящая война, да вот только пираты в данном случае выступили в качестве наемников государства.

Рассмотрим еще один из случаев, когда создавшаяся уже вооруженная *структура* из-за нехватки избыточного продукта начинает искать приложение своим силам.

В VIII–IX веках первенство в Средиземном море держали венецианцы. Однако в их торгово-посредническую деятельность в какой-то момент вмешалась новая сила: викинги (или норманны, что значит *северные люди*). Молодые мужчины, выходцы из Норвегии (что значит *Северная дорога*), находящейся вблизи торговых путей Балтийского моря, в VIII веке н.э. начали создавать свои структуры для контроля за морской торговлей. Причиной такого их поведения стал запрет крестьянам работать на земельных наделах без королевского разрешения на аренду. Дело в том, что земель было мало, а народу много. Король Гаральд Хаарфагр (Белокурый) желал урегулировать противоречия, а заодно увеличить поступление денег в бюджет. Но «лишние» подданные, в основном вчерашние крестьяне, предпочли заняться делом, которое выглядело, как разбой. На самом деле викинги создали новые, довольно прибыльные отрасли хозяйства: посредничество и охрану грузов. Ну, еще немножко подторговывали рабами.

Они не были изначально хорошими мореходами, хотя это и утверждается в большинстве книг. Их астрономические познания были ничтожны по сравнению с познаниями южан, имевших несравненно более благоприятные условия для наблюдения за звездами. Не умея ориентироваться по небу, северные моряки в своих плаваниях, по словам д-ра Соучека, «держались берега, как клещи», и не любили выходить в открытое море. Их единственным навигационным прибором был половник, которым рулевой зачерпывал воду, чтобы по ее вкусу определить, близко ли устье реки.

Викинги создали чудесное судно, драккар (драконов корабль) и еще целую гамму судов: лодки холкерсы, разъездные корабли ледунги, грузовые галеры скайды и боевые снекары. Собираательно все суда викингов называют драккарами. Отличительной способностью драккаров, как пишет В. Ефремов, «*была легкость в ходу, послушность в управлении, хорошая мореходность и потрясающая способность менять направление без разворота (идти вперед кормой с той же скоростью, что и носом)*».

Драккар хорошо известен, поскольку по обычаю тело вождя после его смерти хоронили, положив в драккар вместе с оружием и утварью.

Здесь легко обнаружить и ресурсную базу (избыток людей и наличие северных лесов для постройки судов), и экономический интерес вновь возникшей *структуры*, и технологические новинки (о значении которых подробнее скажем в следующей главе). Заметим также, что викинги действовали не абы где, а в Европе, по сравнению с численностью населения которой их все же было не так много. Драккары пошли по большим рекам вглубь Европы. Их видели Аахен, Кельн, Трир, Майнц, Вормс, Бинген, Париж и Тулуза. Посредничество, охрана грузов, торговля, предложение разнообразных военных и руководящих услуг местным вождям — вот чем зарабатывали викинги на жизнь. В эту эпоху появился и Рюрик на Руси.

Такой образ жизни не может быть устойчивым из-за отсутствия женщин. А дети, прижитые от разнообразных аборигенов, становились жителями тех местностей, где родились. Рано или поздно, викинги (норманны) должны были где-то закрепиться. И действительно, пройдя вдоль западного берега материка, они попали в Средиземное море, захватили Сицилию и Южную Италию, и основали здесь свое государство. В 1059 году главные их предводители признали себя папскими вассалами, а еще через триста лет потомки норманнских первопроходцев окончательно ассимилировались на новых землях.

Норвегия же, потеряв при эпидемии чумы 1347 года 4/5 своего населения (из двух миллионов человек осталось четыреста тысяч), больше викингов на мировой рынок не «поставляла».

Организация войн и походов — дело дорогое. Легко писателям-фантастам: они могут «отправлять» армады космических кораблей завоевывать далекие планеты, не задумываясь о стоимости этих кораблей, о затратах на подготовку экипажей, о ремонтных базах, о запасах пищи, воздуха и воды, — наконец, об экономической необходимости таких

полетов и таких войн. Но поразительно, что точно такими же фантастами зачастую оказываются историки. У них монголы, которых в XIII веке вряд ли было и сто тысяч, включая сюда младенцев, женщин и глубоких стариков, без труда посылают шестисоттысячную армию на Русь, да им еще хватает людей, чтобы заодно завоевать Китай, Среднюю Азию, всю Сибирь и Закавказье.

Интересно, что в 1812 году, во времена куда как более цивилизованные, Наполеон из-за отсутствия ресурса был вынужден уйти из России, продержавшись тут всего шесть месяцев и два дня.

В завоеванной монголами Руси жило около 4 млн. человек, и не сказать, чтоб сильно жировали. А тут приходит 600 тысяч воинов, и не в одиночку, а с толпами женщин и детей (кстати, совершенно проигнорировав Засечные линии). *«Мужчины ничем не занимались, кроме стрельбы, — пишет о монголах С.М. Соловьев. — Девушки и женщины ездят верхом, как мужчины, носят луки и стрелы; на женщинах лежат все хозяйственные заботы».*

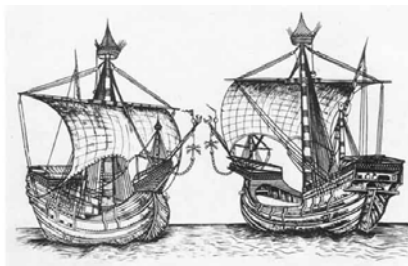
Стало быть, русскому населению надо было на прокорм этих бездельников отдать как минимум 25% общего ресурса продовольствия. Но ведь монгольские любители пострелять любили еще и порубить головы! Сообщают, что они измеряли рост людей при помощи колеса арбы: кто выше колеса, тому голову долой. И еще они, оказывается, любили искусства. Соловьев так и пишет: *«когда все жители выйдут из города, то спрашивают, кто между ними знает какое-нибудь искусство, и тех сохраняют, остальных же убивают».* Получается, захватчики истребляли своих кормильцев, оставляя людей только для развлечений.

Затем монголы пустились гулять по Западной Европе. Они были не бандой грабителей, а именно армией — ведь нам сообщают, что в далеком Забайкалье жил могучий хан, к которому все ездили на поклон — позже, правда, историки придумали какую-то Золотую Орду со столицей на нижней Волге, но ведь и это не очень близко. Никакого ресурса они в Европе не имели, своего государства тут не создали, пользы своему далекому отечеству не принесли, — пропали без следа, будь их столица в забайкальском Каракоруме, или в нижневолжском Сарая, — но нашим фантастам-историкам и дела до этого нет.

Законы эволюции структур им пока неведомы.

Технологический аспект

Уральские ученые С.А. Нефедов, В.В. Запарий и Б.В. Личман в своей статье «Технологическая интерпретация новой истории России»^{*} приводят очень интересные соображения о значении новых технологий для хода истории. Мы дадим здесь краткое изложение этой статьи. Сразу обращаем внимание читателя на некоторое сходство в истории викингов и голландцев, хоть между этими историями — восемьсот лет. Разница лишь в том, что викинги изначально действовали как самостоятельная вооруженная сила, без поддержки государства, выходцами из которого в большинстве своем были, и лишь потом создали свое государство.

Корабли. Резцовая гравюра XV века.

Конец XVI века был ознаменован фундаментальным открытием, изменившим судьбы народов: изобретением голландского флайта, корабля нового типа. Он имел удлиненный корпус, высокие мачты с совершенным парусным вооружением и был оснащен штурвалом (который, отметим, вошел в морской обиход прочих стран много позже). Флайт значительно превосходил испанские каравеллы своей скоростью и маневренностью, и он дал

^{*} Журнал «Регион-Урал», 1999, №12.

голландцам господство на морях. В 1598 году голландский флот прорвался в Индийский океан, где до тех пор господствовали португальцы и испанцы.

В течение следующих двадцати лет голландцы изгнали с морей всех соперников и захватили в свои руки почти всю морскую торговлю. Огромные караваны судов с азиатскими товарами приходили в Амстердам, новую торговую столицу мира; отсюда товары развозились по всей Европе. С появлением флайта стали возможны массовые перевозки в невиданных прежде масштабах, и голландцы превратились в народ мореходов и купцов: им принадлежали 15 тысяч кораблей, втрое больше, чем остальным европейским народам. Колоссальные прибыли от монопольной посреднической торговли принесли Голландии богатства, сделавшие ее символом буржуазного процветания. Капиталы купцов вкладывались в промышленность; тысячи мануфактур работали на сырье, привозимом из других стран, и вывозили свою продукцию на европейские рынки.

Голландия стала примером для всей Европы. Каждое государство стремилось завести свой флот и самостоятельно, без голландских посредников вступить в торговлю с дальними странами. В 1651 году Англия запретила ввоз в страну товаров на голландских судах, затем ее примеру последовала Франция. Министр Людовика XIV Жан-Батист Кольбер осуществил масштабную модернизацию французской промышленности по голландскому образцу, построил сотни мануфактур и создал французский флот. В Пруссии и Австрии тоже начали строить мануфактуры, пытались создать свой флот. На очереди была Россия: наступало время реформ Петра Великого.

Но Голландия не желала расставаться с монополией морской торговли, и это привело к англо-франко-голландским войнам, продолжавшимся до начала XVIII столетия.

Примеры технологического превосходства являли и другие страны. Оно реализовывалось в войнах, а войны, в свою очередь, инициировали развитие техники и технологий. В XIX веке Г. Леер писал:

«Кому не известно, что в односторонности большинства и в неспособности его спокойно относиться к исследуемому предмету и коренится главная причина всех ложных выводов. Война может казаться исключительным злом только тем, кто смотрит на нее с узкой точки (зрения); кто из жизни народа выхватит только период войны, — тот действительно увидит только кровопролитие и разрушение, гибель отдельных личностей и целых обществ. Но взгляните несколько пошире на дело, возьмите период в жизни народа непосредственно перед войной и непосредственно после войны, т. е. взгляните на дело и с другой стороны, то с первого же взгляда станет ясно, какой громадный шаг вперед сделал народ в деле внутреннего развития, с какою поспешностью правительство озабочено устранением того или другого недостатка во внутреннем устройстве государства, подмеченного во время войны; короче: вас поразит ряд реформ капитальной важности, непосредственно следующих за каждою войною...»

Рассмотрим еще один пример реализации технологического превосходства, именно связанного с войной. Примерно в то же время, когда Голландия поражала весь мир своим фляером, Швеция создала такую новинку, которая в дальнейшем сформировала контуры европейской истории. Этой новинкой были шведские гаубицы — фундаментальное изобретение той эпохи.

До начала XVII века Швеция была бедной и малонаселенной страной, далекой окраиной Европы. Единственным богатством ее были железные рудники; шведское железо считалось лучшим в мире. В 1610-х годах шведские рудники привлекли внимание богатого голландского мануфактуриста Луи де Геера (1587–1652), который стал вкладывать капиталы в строительство новых горных заводов. Де Геер модернизировал металлургическое производство; вместо старых деревянных домен немецкого типа стали строить большие каменные (так называемые «французские») домны с мощной системой поддува, дающей более высокую температуру и позволившую улучшить качество литья.

В те времена технология чугунного литья была еще очень несовершенна, и пушки отливали преимущественно из меди, причем стенки ствола делали настолько толстыми, что даже малокалиберные орудия было трудно перевозить по полю боя из-за их тяжести. Де Геер сумел наладить производство легких чугунных пушек. Его 4-фунтовая пушка вместе с повозкой имела вес 35 пудов, ее можно было перевозить запряжкой из двух лошадей. 3-фунтовая пушка без лафета весила 8 пудов — таким образом, вес снаряда и вес орудия относился как 1:100, это соотношение позднее стали считать идеальным. Снижение веса было достигнуто за счет более тонких стенок ствола. Правда, из таких гаубиц можно было стрелять

лишь картечью на сравнительно небольшие дистанции, но тем не менее их появление означало революцию в военном деле. Отныне пушки могли передвигаться по полю боя вместе с пехотой.

Де Геер организовал массовое производство орудий, и вскоре каждому полку шведской армии были приданы по две легкие полковые пушки; в руках шведов оказалось новое всепокрушающее оружие. В деле оно показало себя после того, как в 1630 году шведская армия во главе с королем Густавом Адольфом высадилась в Германии. В битве при Брейтенфельде шведские гаубицы расстреляли армию императора Фердинанда II. Вскоре шведы стали хозяевами Центральной Европы; за двадцать лет войны им удалось сжечь 20 тысяч городов и деревень. Когда шведская армия обрушилась на Польшу, это был страшный «потоп»: были разграблены почти все польские города, и погибла половина поляков.

Во второй половине XVII века Швеция достигла вершины могущества, в основе которого лежала самая мощная в Европе оружейная промышленность: мануфактуры де Геера производили около тысячи пушек в год, а вывоз железа из Швеции достигал 1100 тысяч пудов. Шведское нашествие на Европу побудило европейские армии вооружиться легкими пушками и отказаться от плотных боевых построений; начался переход к линейной тактике ведения боя.

Линейная пехота и легкие гаубицы были тем оружием, с которым шведский король Карл XII в 1700 году пришел под Нарву.

Таким образом, с Запада шли две культурные волны, символом одной из них был парусный фрегат – флаер, символом другой – шведская пушка. Россия пока еще не была затронута ими.

Сражение под Нарвой окончилось для России катастрофой и потерей всей устаревшей русской артиллерии. Положение было отчаянным: страну ждала судьба Польши и Германии. Царь Петр приказал снимать колокола с церквей и переливать их в пушки. Все сводилось к фактору времени, — успеют или не успеют русские создать новую артиллерию. «Ради бога, поспешайте с артиллериею, как возможно: время яко смерть», — писал Петр начальнику Пушкарского приказа Виниусу.

И тут Карл XII сделал ошибку: он не пошел на Москву, ибо с пренебрежением относился к Петру и считал, что москвитяне все равно ничего не смогут сделать. Король знал, что у русских нет железа и меди: перед войной они завозили ежегодно до 120 тысяч пудов шведского железа. Правда, в 1632 году голландцы построили в Туле завод для литья пушек, но местная руда была плохого качества, к тому же шведский мастер Кильбургер пренебрежительно отзывался об этих орудиях.

В 1701 году из снятых с церквей колоколов было отлито 270 орудий. Однако колокольная бронза не могла спасти положения, орудий требовалось гораздо больше. Виниус еще раньше говорил Петру, что на Урале есть хорошая руда, и наказывал привезти мастеров; теперь эти мастерагодились. Строительство велось в отчаянной спешке, и уже осенью 1701 года была пущена первая домна Каменского завода. Вскоре первые пять пушек санным путем, не дожидаясь вскрытия рек, привезли в Москву. Присутствовавший на испытаниях Виниус сообщил царю, что орудия оказались «зело изрядны».

В 1702 году было отлито 180 пушек; их доставляли в Москву как можно быстрее, на санях, в подводах. В 1703 году английские мастера Жартон и Панкерст в присутствии Виниуса запустили вторую домну Каменского завода; в этом году было отлито 572 орудия! 18 июля 1703 года московские «Ведомости» сообщили долгожданную новость: *«В прежних ведомостях объявлено о сыскании железа в Сибири и ныне цуля в 17 день привезли к Москве из Сибири в 42 стругах 323 пушки великих, 12 артифиров, 14 гаубиц из таго железа сделанных... и такова доброго железа в свейской земле нет».*

С этого времени русская армия не испытывала недостатка в пушках; оставалось укомплектовать ими войска и обучить артиллеристов. Нет нужды говорить о том, что отливавшиеся в Каменске орудия — это были те самые 3-фунтовые пушки шведского образца; по две таких пушки было придано каждому полку. Генерал-фельдцейхмейстер граф Брюс организовал русскую артиллерию и руководил крупнейшими операциями — взятием Нотебурга, Нарвы и действиями артиллерии под Полтавой. Скажем об этом подробнее.

Под Полтавой Карл XII рассчитывал на внезапную ночную атаку и, вопреки своему обыкновению, начал бой без артиллерийской поддержки. Но затяжка с построением нарушила планы короля, и, когда утром 27 июня шведы пошли в решающую атаку, их встретил град картечи русских полковых пушек. Русская артиллерия насчитывала 69 орудий: 37 полковых пушек располагались в боевых порядках пехоты, остальная артиллерия находилась в лагере, стреляя навесным огнем.

«Шведская пехота с новым чрезвычайным ожесточением пошла в атаку, но была остановлена русской артиллерией, которая, громя с фронта, валила целые ряды и производила страшные опустошения», — свидетельствует принц Вюртембергский. «Они сломя головы неслись навстречу смерти и по большей части были сражены грохочущими русскими пушками, прежде, чем получили возможность применить мушкеты», — вспоминал лейтенант Фридерик фон Вайе.

Левое крыло шведской армии так и не смогло добежать до русских линий: оно почти полностью полегло под картечью; немногие уцелевшие в панике разбежались. Когда находившиеся на левом крыле русские полки увидели, что перед ними никого нет, они двинулись вперед, охватывая правое крыло шведов; атакующие шведы были окружены, и мало кому удалось спастись.

Полтавский бой низверг Швецию с вершины могущества и сделал великой державой Россию. Политики и полководцы хорошо понимали, что Россия обязана победой своим пушкам. *«Та артиллерия, за помощью божьей, получила от супостата победу», — писал Виниус.*

Суть произошедших событий заключалась в том, что Россия переняла у Швеции ее фундаментальное открытие, легкую артиллерию, и сумела остановить нашествие, угрожавшее самому существованию русского государства. Вместе с артиллерией был заимствован весь сопровождающий ее экономический и культурный комплекс: металлургические заводы и технические школы, регулярная армия и новое административное устройство. *«Император Петр... во всем намеревался подражать устройству шведов», — писал генерал Манштейн, хотя и добавлял, что это не всегда удавалось.*

Согласно концепции диффузионизма Фрица Гребнера, объяснявшей сходные явления в культуре различных народов их происхождением из одного центра и популярной в 1920-х годах, важнейшие элементы человеческой культуры появляются лишь однажды и лишь в одном месте в результате великих, фундаментальных открытий. Пример с голландскими флайтами и шведскими пушками из их числа. Но в общем смысле, такие открытия дают народу-первооткрывателю решающее преимущество перед другими народами. Используя это преимущество, народ, словно избранный богом, начинает расселяться из мест своего обитания, захватывая и осваивая новые территории. Прежние обитатели этих территорий либо уходят, либо погибают, либо перенимают новую для них культуру. К тому же, как мы видим из примера противостояния России и Швеции, народы, находящиеся перед фронтом наступления, способны перенять оружие пришельцев; происходит диффузия элементов культуры, они распространяются во все стороны, очерчивая «культурный круг».

Теория культурных кругов и в наше время остается популярной. Ее применяют для объяснения многих событий прошлого. В чем причины массовых миграций арийских народов, занявших в незапамятные времена часть Индии и Ирана, пришедших на Ближний Восток, и, по некоторым исследованиям, в Китай? Первопричиной этой грандиозной волны нашествий было изобретение боевой колесницы: создание конной запряжки и освоение тактики боевого использования колесниц. Боевая колесница была фундаментальным открытием ариев, а их миграции — это и есть распространение культурного круга.

Другой пример фундаментального открытия — освоение металлургии железа и изготовление железных мечей. Это фундаментальное открытие привело к волне ассирийских завоеваний. Ассирийская держава погибла в результате нашествия мидян и скифов, а скифы были первым народом, научившимся стрелять на скаку из лука, и передавшим конную тактику мидянам и персам.

Напоминаем, что мы излагаем здесь мнение, высказанное в статье С.А. Нефедова, В.В. Запария и Б.В. Личмана. Они пишут:

«Появление кавалерии стало новым фундаментальным открытием. Далее новым оружием оказалась македонская фаланга, против которого была бессильна конница персов. Затем македонская фаланга была разгромлена римскими легионами. Римляне создали маневренную тактику полевых сражений; это фундаментальное открытие сделало Рим господином Средиземноморья. Победы легионов, в терминологии сторонников этой концепции, породили новый культурный круг — тот мир, который называли рах Ротана».

Мы пока не приводим никаких дат; выскажем позже свои соображения и о македонской фаланге, и о рах Ротана. Не всё так однозначно. Но давайте подумаем: что значит, с технологической точки зрения, — «появление кавалерии стало новым фундаментальным открытием»? Видимо, появилось нечто такое в практике использования лошади, что позволило народу, первым применившим эту новинку, получить быстрое преимущество перед народами,

которым она была неизвестна. И мы назовем эту новинку: стремена, и вообще конская сбруя! Без стремян использовать лошадь в бою практически невозможно. Византия, первой применив стремена, неизбежно приобрела мировое господство.

Этому вопросу будет посвящено несколько глав нашей книги.

Если же вернуться к теории «культурных кругов», то обнаружим, что и впрямь, перенимая шведскую технику и культуру, Россия присоединилась к «шведскому культурному кругу», основанному на современной технологии, служащей интересам армии. Одновременно наша страна вошла и в «голландский культурный круг», символом которого был океанский торговый корабль. И все же, хотя Петр и создал русский военный флот, он так и не смог превратить свою страну в морскую торговую державу. Ведь новая Россия брала пример не с Голландии, а со Швеции, и ее символом стал не корабль, а пушки.

После Петра конструкторы М. Данилов, М. Жуков и Н. Мартынов создали целое поколение гаубиц нового образца, лучшей из которых был так называемый «единорог». Он представлял собой нечто среднее между пушкой и гаубицей, он мог стрелять всеми видами снарядов — ядрами, картечью и разрывными бомбами, и сочетал легкость и маневренность гаубицы с мощностью пушки. развивалась идея артиллерийского боя, с использованием одних только пушек. Вскоре появилась возможность проверки этой идеи.

Когда началась Семилетняя война (1756–1763), русские войска встретились с сильным и искусным противником, пехота которого обладала преимуществом в подготовке и маневренности. Обычной тактикой Фридриха II был охват одного из флангов противника, и русской армии приходилось сражаться в самых неудобных позициях.

В решающем сражении при Кунерсдорфе Фридрих II охватил и смял левый фланг русских войск; затем пруссаки с трех сторон пошли в атаку на высоту Шпицберг, располагавшуюся между левым флагом и центром. Генерал Салтыков приказал перебросить на Шпицберг всю артиллерию. Вот как вспоминал об этом полковник Ратч: *«Послали за артиллерией центра и правого фланга. Артиллеристы бросили свои тяжелые 12- и 6-фунтовые пушки и, надев на передки одни единороги, поспешили к левому флангу, построили там сильную батарею и исключительно единорогами остановили успехи неприятеля».*

Все атаки прусской пехоты были отражены шквалом картечи; в конце концов, Фридрих II бросил в атаку свою знаменитую конницу — гусар генерала Зейдлица, и что же? Почти вся прусская конница полегла на склонах Шпицберга. *«Весь артиллерийский корпус заслуживает, чтобы особое я подал свидетельство, как ужасному действию орудий, так и искусству действовавших оными»*, — писал в донесении Салтыков. *«Эти пушки — порождение дьявола, — говорил король Фридрих. — Я ничего так не боюсь, как русских пушек».*

Битва при Кунерсдорфе стала звездным часом русской артиллерии. «Единороги» были сразу же взяты на вооружение австрийской армии, а немного позже и французской. Фридрих II еще до Кунерсдорфа распорядился во что бы то ни стало захватить несколько «единорогов» и скопировать их конструктивные особенности.

«Единорог» был фундаментальным открытием, породившим волну русских завоеваний. Правление Екатерины II стало временем великих побед русской армии. Россия сама оказалась в центре быстро расширявшегося «культурного круга» — в течение следующего полувека ее границы достигли Вислы и Дуная, а население страны увеличилось более чем вдвое. Блеск великих побед сделал Екатерину — Екатериной Великой, а ее правление — золотым веком русской истории.

Однако новое столетие принесло с собой новые фундаментальные открытия: на смену «единорогам» пришли крупновские стальные пушки, и после побед России начались победы Германии.

«В конечном счете, победа принадлежит тому, кто совершает открытия и создает новое оружие — такова технологическая интерпретация истории», — завершают свою статью С.А. Нефедов, В.В. Запарий и Б.В. Личман. И это совершенно верно. Государство, как *система*, синхронизирующая развитие всех внутренних *структур* страны, должно быть сильным, чтобы держаться на уровне внешнего вызова, и чтобы самому кидать этот вызов, а силу ему дают наука и технологии. Освоение железоделания, изобретение колеса, появление стремян, успехи судостроения, совершенствование огнестрельного оружия — вот этапы истории. Кто сделал открытие и внедрил его в практику, тот и победитель. И наоборот: если истории известно, кто был победителем на фоне сделанного открытия, — можно предположить, что он и сделал открытие, обеспечившее победу.

В растительном и животном мире, и даже в неживой природе мы видим эту закономерность: эволюция происходит через преимущественное право сильного; де-эволюция и исчезновение — через преимущественное право слабого. И то же самое происходит в человеческих сообществах. Рабовладение и феодализм, капитализм и социализм — всего лишь формы, в рамках которых реализуется этот закон.

Разные люди (политэкономический очерк)

Первой формой классового государства на Земле считается рабовладение. Но отношения между людьми типа «хозяин — раб» существовали многие столетия, и отнюдь не только в «седой древности». Жан Боден приводит свидетельства о рабстве в Европе еще и в XIII веке. Те же европейцы практиковали рабство за пределами своего континента, при освоении колоний. В США рабство хотя бы юридически было ликвидировано лишь в результате Гражданской войны 1861–1865 годов. В Бразилии оно сохранялось до 1888 года.

Сегодня, пожалуй, не найдется ни одного исследователя, который не кинул бы своего камня в сторону рабства, как неоправданно жестокой практики организации хозяйства и государства.

Е.А. Разин, прежде чем перейти к истории войн рабовладельческого периода, цитирует Карла Маркса:

«Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)».

Затем Е.А. Разин отмечает, что в то время «преобладали несправедливые войны, которые велись за то, кому больше угнетать и грабить». Но были и «справедливые войны» отдельных стран и народов за свою свободу и независимость. Что ж, мы не вправе ожидать ни от Карла Маркса, ни от Е.А. Разина понимания законов эволюции. И уж тем более знания результатов, полученных этологами в результате изучения поведения животных. В конце концов, этология как наука сформировалась лишь в 1930-е годы.

Между тем результаты получены поразительные. Как оказалось, многие поступки людей вызваны всего лишь срабатыванием «животных» поведенческих программ, а вовсе не нашим высоким разумом.

Животным знакомы шесть форм присвоения:

— захват и удержание источника блага (дерева с плодами, источника воды и так далее);

— грабеж с использованием силы;

— взимание «дани», то есть отнятие добра у слабого, с одновременным подтверждением своего господствующего положения;

— тайное похищение (особенно развито у обезьян);

— попрошайничество;

— обмен, причем обычно жульнический (дать не то, захватить оба предмета и тому подобное).

Однажды ученые обнаружили, что обезьяны изредка раздают излишки своего добра другим, слабым обезьянам. Что это? Неужели благотворительность?! При более внимательном изучении оказалось, что делятся они тем, что из-за бродячего образа жизни не желают таскать сами. По мере же необходимости они проводят новую «приватизацию», отнимая отданное ранее и подтверждая тем самым свое более высокое положение в стае.

Был проведен такой эксперимент. Обезьян научили качать рычаг и за выполнение задания давали жетон. Опустив его в автомат, обезьяна могла «купить» еду, выставленную на витрине. Очень быстро все члены стаи самостоятельно поделились на три группы. Первая — «рабочие», которые своим трудом зарабатывали жетоны; некоторые их копили, а некоторые проедали сразу. Вторая — попрошайки; эти кланчили жетоны у тех, кто их имел. Наконец, третья группа, грабители, силой отнимали заработанное, выстраивая в сообществе *пирамиду подчинения*. Причем они сообразили, что выгоднее отнимать не уже купленную еду, а именно жетоны, потому что их можно прятать за щекой и тратить в удобное время. Тогда обе команды

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 494.

«рабочих», копивших жетоны и проедавших их, слились в одну команду проедающих. Копить перестали.

Можно ли было ждать от первобытных людей иного поведения? Ведь не ожидаем же мы от своих собственных детишек, что они сызмальства проявят себя как высоконравственные, цивилизованные и культурные существа. Всему свое время!

У человечества тоже было свое детство, ведь законы эволюции всеобщие. Когда в первобытных человеческих племенах появился избыточный продукт, немедленно нашлись желающие его изъять, забрать силой или получить добровольно. Началось выстраивание *структур*, или иерархических *пирамид власти*, отличающихся от тех, которые свойственны животным, только разнообразием форм и наличием множества уровней подчинения. Появились законы и люди, которые на законном основании могли не тратить время на непосредственную добычу питания, но быть сытыми, занимаясь ремеслом, искусствами, наукой, жречеством, войной и обслуживанием власти.

И без этого — не было бы эволюции общества.

Но, спрашивается, каков же механизм появления «властителей» разного уровня, тиранов и тиранчиков?.. Оказывается, одна из основных поведенческих программ у животных, а равно и у человека — агрессивность. Это качество отвечает за выживаемость вида, ни больше, ни меньше. Слабых зайцев съедят волки; сильные (агрессивные) зайцы убегут и дадут более приспособленное потомство. А человеку агрессивность свойственна даже в большей степени, чем зверям. Но человек не животное, его агрессивность может уравниваться общественной нравственностью, которой животные не обладают. Причем нравственность прошла свой эволюционный путь, как подсистема культуры.

Агрессивность проявляется при общении как попытка особи (животного или человека) занять более высокое по отношению к другим положение, доминировать над ними. Такое «выяснение отношений» приводит к самоорганизации группы в иерархическую лестницу, иначе называемую *пирамидой подчинения* или *пирамидой власти*. Кто имеет хорошие внешние данные, кто сильнее и нахальнее, тот лезет вверх, чтобы подавлять слабых и робких. Он, конечно, стремится к лучшей жизни для себя; но так достигается ситуация, когда руководители группы сильны и нахальны, и это хорошо, иначе как бы справилась эта группа при столкновении с другой, враждебной группой?

Запомним это все, отправимся в античную Грецию.

Считается, что десять тысяч лет назад на Земле жило 10 млн. человек. К началу нашей эры их стало 200 млн., к 1650 году (условному началу промышленной революции) 500 млн., к XIX веку — 1 млрд., в начале XX века — 2 млрд., в начале XXI века — более 6 млрд.

Большая жалость, что демографы не вычислили возможную численность населения мира в V веке до н.э. Если к началу нашей эры народу было 200 млн., можно предположить, что за пять столетий до этого их было меньше. Но для простоты давайте решим, что их было столько же, то есть 200 млн., хотя мы и понимаем, что эти данные — приблизительные.

Сколько из них могло жить в Греции?

Е.А. Разин пишет: *«По некоторым исчислениям, во второй половине V века до н.э. всё население материковой Греции составляло 3–4 миллиона человек, что дает среднюю плотность до 100 человек на 1 кв. км. Однако следует учесть, что эти данные сугубо приблизительны, и в специальной литературе по данному вопросу имеются существенные расхождения».*

В приложении к приведенным выше данным об общей численности это означает, что в V веке до н.э. на территории довольно-таки маленькой страны — Греции, жило от 1,5 до 2% населения планеты. А в 1999 году в этой стране на площади в 132 тыс. кв. км жило 10,7 млн. человек, что при общей численности человечества в 6 млрд. составляет 0,178 %. Столь сильное изменение процентной доли греческого населения вызывает серьезные вопросы.

Но их порождает и изменение средней плотности населения. В Греции, какой ее представляет себе Е.А. Разин, она доходила до 100 человек на кв. км. А в современной Греции составляет 81 человек. Между тем, развитие экономики предполагает повышение ее продуктивности, а этот рост обеспечивает и рост народонаселения. Еще сто лет назад ничего не произрастало в Греции, кроме мелкого рогатого скота и олив. Каким же образом нам объяснить столь сильную заселенность Греции в античности — ведь люди просто не могли бы прокормиться? Чем объяснить сверхвысокую плотность населения в «V веке до н.э.»?.. Ничем, кроме ошибок: географической, хронологической и демографической.

Во-первых, события «Древней Греции», равно как и ее численность, должны быть отнесены ко всем пространствам, на которых, как это достоверно известно, говорили по-гречески. А это вся территория Византийской (Ромейской) империи, включая сюда земли сегодняшней Турции, Египта, южной Италии, Сицилии, северного Причерноморья и, конечно, собственно Греции. Во-вторых, вся греческая «древность» может быть отнесена ко временам Средневековья. В-третьих, как правильно отметил сам же Е.А. Разин, подсчеты численности населения сугубо приблизительны, а если точнее — ошибочны.

«Захват чужих богатств, добыча рабов стали теперь целями вооруженных нападений. Вооруженные столкновения превратились в войну как таковую, которая велась уже с целью грабежа и порабощения других людей», — пишет он о военной политике Греции. И это не оговорка, а очень принципиальная позиция автора, стоящего на марксистской платформе. А Маркс, как мы уже говорили, четко проводил классовую идею, и не замечал ничего, что ей противоречило.

Рабство, — говорит он, а вслед за ним и все советские историки, да и современные тоже — это грабительский способ производства, основанный на насилии. За ним наступил феодализм, который был прогрессивнее рабства (кто б спорил), но тоже требовал насилия. В этом случае феодал (иерарх) владел крепостным, который имел свое хозяйство, свои орудия производства, и поэтому был «в какой-то степени» заинтересован в труде. Но крепостной, кроме того, обрабатывал землю, принадлежавшую феодалу, и отдавал ему натурой часть своего урожая. Чтобы заставить крепостного работать на помещика, требовалось «внеэкономическое принуждение». Классовая борьба между желавшим нажиться феодалом (который сам ничего не делал, а заставлял крепостного), и этим крепостным (который, кажется, вообще не желал ничего делать, даже наживаться), и определила развитие феодальной формации. *«Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными»,* — пишет Маркс*.

В античной Греции рабовладельцы вели войны, чтобы захватить побольше рабов и, по мнению историков традиционной школы, привести их на свою и так донельзя перенаселенную территорию. Если же определить под «Грецией» всю территорию Византийской (Ромейской) империи, становится понятным, что плотность населения была низкой, людей не хватало. То же самое и в странах «древнего Востока»: войны велись за людской ресурс. Напротив, Западная Европа в ходе Крестовых войн отправляла своих людей на Восток, основывала королевства и герцогства на землях Византии, ибо Европа была действительно перенаселена, и... переходила к феодализму!

Так увидим, наконец, то, чего не увидел Карл Маркс.

Рабство возникает, когда у хозяина (иерарха) много земли, и мало работников. Феодализм — когда мало земли, и много работников. А иерарх, его хоть рабовладельцем назови, хоть гнусным феодалом, он и так и эдак сидит на вершине пирамиды власти. Потом, глядишь, капитализм на дворе, а этот агрессивный тип все там же: сверху. Он ведь иерарх постольку, поскольку поднялся по ступеням иерархической пирамиды; ему и социализм не страшен.

Освоение Америки показало несколько закономерностей. Превалирование во власти, в стране с большой разницей в культурном уровне населяющих ее народов, наиболее технологически продвинутого из них. Развитие на новых землях производств, известных этим «новым» народам, и подавление «старых» видов хозяйств. Но самое главное — необходимость применения рабского труда при освоении обширных земель, не имеющих населения.

На огромных незаселенных пространствах отдельный человек может прекрасно прожить, не работая ни на какого иерарха. Емкость среды столь высока, что он прокормится в любом случае. А иерарху надо, чтобы земля была возделана, избыточный продукт получен, общественные структуры выстроены. Он, конечно, не формулирует проблему так, но озабочен именно этим.

И что же ему делать? Предположим, ему хорошо известны лозунги французской революции о свободе, равенстве и братстве. Он их, может быть, сам кричал, стоя на баррикадах Парижа. Но вот теперь он стоит на пустынном берегу Миссисипи, на краю заложенной им хлопковой плантации, и думает: а кто будет возделывать землю? Призывы к равным ему белым братьям — де, придите и свободно поработайте на меня, — остаются без отклика. Они же не дураки, они сами делят землю, основывая свои собственные плантации. Индейцам работать «на

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 3, стр. 23.

дядю» тоже нет никакого смысла, у них свой охотничий уклад. Белый крестьянин, попавший сюда, проживет со своего огорода.

И остается новоявленному плантатору только закабалить людей, привезя их откуда-то — например, из Африки, огородить их забором и заставить работать. Он им не платит денег, зато снабжает питанием и обеспечивает минимальные жилищно-бытовые удобства. А ведь это и есть рабство.

То же самое произошло и в древней Месопотамии. Когда сюда попали люди, знакомые уже с сельским хозяйством, они обнаружили, что по природным условиям здесь требуется выполнение огромного объема ирригационных работ. Сначала, можно предположить, они как-то выкручивались своими силами. Потом, получив избыточный продукт, стали нанимать воинов, чтобы заставлять работать местных бездельников. Система начала расширяться, избыточного продукта становилось все больше, выстроилось государство.

Так было и в Европе. Жан Боден (1530–1596) пишет:

«...Сейчас нет рабства, и мы не можем точно знать, когда оно прекратило свое существование, [но] некоторые изменения в государстве могут помочь охарактеризовать этот институт. Положения о рабстве мы обнаруживаем и в законах Каролингов, и у Людовика Благочестивого, и у Лотаря, и в своде законов ломбардцев. Существуют также законы о рабстве и о вольноотпущенниках у короля Сицилии, и у императора Неаполитанского королевства Фридриха II. Фридрих стал германским королем в 1212 г. Имеются декреты пап Александра III, Урбана III и Иннокентия III о браках среди рабов. Александр был выбран папой в 1158 г., Урбан — в 1185-м и Иннокентий — в 1198-м. Известно, что рабство не существовало после правления Фридриха. Бартоло в сочинении «О пленных» под заголовком, начинающимся со слов: «Враги...», свидетельствует, что в его время не было рабов в течение долгого периода. Кроме того, людьми никогда не торговали при христианских обычаях. Но он (Бартоло) процветал в 1309 г.»

На смену рабству, пишут политэкономы, «пришел феодализм». Скажем прямо, «шел» он очень долго. Большой энциклопедический словарь сообщает, что «формирование феодализма» происходило в V–IX веках, а «период его расцвета» пришелся на XII–XIII века. Но вот из свидетельства Жана Бодена мы видим, что в период расцвета феодализма еще сохранялось рабство. Так, может быть, дело не в том, что какая-то общественно-экономическая формация «пришла», а какая-то «ушла»? Может быть, историю определяет не формация как таковая (ибо она — следствие), а **причины**, заставляющие ее, формацию, формироваться?

Одну из причин мы назвали немного выше, она, при работе на земле — в соотношении земельного и трудового ресурса. При избытке земли и недостатке работников рабский труд оправдан. Но вот при том же земельном ресурсе хозяин видит, что работников у него в избытке. А кормить надо всех, иначе они бунтуют. В результате длительных и разнообразных процессов работать на него остаются только те потомки бывших рабов, которые оказались в состоянии прокормить и самих себя тоже. Они превращаются или в крепостных крестьян, или в свободных испольщиков, или в арендаторов, и работают они на совесть, потому что если не будут этого делать, имеется масса «лишних» людей, готовых сменить их в любой момент.

А эти «лишние», оказавшись не у дел, пополняют ряды ремесленников, купцов, солдат, промышленных рабочих, что дает толчок развитию иных, помимо сельского хозяйства, отраслей. Ведь эти отрасли получили теперь трудовой ресурс. Значительно позже — уже на нашей памяти, опять сказался избыток людей. Лишние «перетекли» в сферу услуг, развлечений, кино и музыки, или просто ушли в безработные и проживают на социальные пособия. И это нормально, пока хватает природных ресурсов для прокормления. А когда они иссякнут, человечество довольно быстро исчезнет.

Однако вернемся в европейское Средневековье. Хоть здесь еще и оставалось рабство, в основном домашнее, все же в целом на селе выстраивались *структуры* феодализма. А в городах феодальной иерархической системе земельной собственности соответствовала корпоративная собственность, феодальная или цеховая организация ремесла. Это значит, что купцы и цеховые мастера входили в городские сословия, пользовавшиеся феодальными привилегиями, а ремесленники при них были на тех же правах, что и крестьяне на селе. Сословность общества закреплялась правовым, то есть юридическим порядком.

Господствующим сословием, помимо высшего духовенства, было дворянство, живущее с труда крестьян, ибо продукция сельского хозяйства преобладала в общем объеме валового внутреннего продукта (ВВП), и обеспечивала основную часть избыточного продукта, идущего на формирование государственных структур. Позже, когда промышленность

превысила сельское хозяйство в объеме ВВП, «произошла смена формаций», наступил капитализм; по сути, на вершину иерархической пирамиды поднялись те, кто давал государству средства для функционирования, что, конечно, сопровождалось соответствующим политическим оформлением. Еще позже промышленников сменили финансисты, и пришло время империализма, если пользоваться привычными читателю терминами. Здесь уже наступила полная победа демократии: избыточного трудового ресурса столько, что людям вполне можно позволить самим о себе заботиться.

Да, но ведь мы собирались говорить о Средневековье. Переизбыток людей, породивший переход к феодальным отношениям на селе и в городе, привел к интересным последствиям. Одновременно с крестьянами, оставшимися без работы, по Европе бродили дворяне, оставшиеся без земли. Ведь тогдашние европейцы, в отличие от нынешних, плодились не в пример активнее. В каждой дворянской семье имелось по несколько сыновей, а делить между ними зачастую было просто нечего. Помните сказку о трех братьях, получивших в наследство от отца, один — мельницу, второй — осла, а третий — кота, которому он отдал последние сапоги? Очень жизненная сказка.

Все это создавало условия для войн. Безработный крестьянин уже на все готов, он и дубинку себе в лесу выломал. Безработный, с позволения сказать, дворянин, с молодых ногтей усвоивший, что он бесстрашный воин, ищет сюзерена, под флагами которого можно совершить подвиг. Богатый герцог, обнаружив, какое количество «горячих парней» бродит по дорогам его государства, должен принять какие-то меры: или поймать их всех и повесить, или указать им врага и отправить в бой. Что он обычно и делал.

История — служанка власти

Знание, как развиваются структуры, позволило бы историкам не закрывать стыдливо глаза на многие необъяснимые в рамках традиционной истории факты. О некоторых сообщает Роман Ландау (известный также как Л. Брази, Р. Дональдсон, К. Льюмен и др.). В своей книге «Доказательство и надувательство» он пишет, например, о том, что исламизация Испании произошла раньше арабизации. Об этом свидетельствуют находки монет, содержащих исламские формулы на латинском языке, а арабские надписи почти полностью отсутствуют до X века.

Другой пример. Еще в викторианской Англии римские монеты назывались «Jew's Money» («иудейские монеты»). Это отождествление древних римлян и евреев не только никак не объясняется историками, они вообще «замалчивают» эту проблему.

В могилах якобы V века на севере Европы найдена древнеегипетская пластика (скараabei и прочее), но о каких-либо германо-египетских связях того времени из письменных источников ничего не известно.

Прокопий Кесарийский, живший в VI веке, лет через сто после Великого переселения народов, ничего о нем не слышал, хотя и пишет «Историю войн Юстиниана», в частности «Войну с готами». Зато он знает тюрингов, получивших землю от Августа, он знает бургундцев и швабов. Так же и Тертуллиан (ок. 160 – ок. 220), называет множество европейских и азиатских народов и утверждает, что «во всех этих местах правит имя Христа». Если ему поверить, христианство должно было распространиться по всему миру с немислимой скоростью. Но можно ли верить, если он, уроженец Карфагена, при котором происходили Пунические войны, ничего о них не знает?..

Историческая догматика заставляет не считаться с тем, что Данте считал латынь искусственным языком, а Абул Гази Багдур Хан, которого называют потомком Чингисхана, в XVII веке не знал никого, кто написал бы историю его собственного рода правильно.

«Историк не может не склониться перед авторитетами», — утверждает Бернар Гене. Да, это действительно многовековая традиция. Дали историку «историю», он ею и занимается, пропуская мимо ушей любые сообщения о том, что этой «истории» противоречит.

«Чтобы быть в самом деле достойным веры, историческое сочинение должно быть истинным и его должен одобрить государственный авторитет» — пишет Гене. В Средние века *«текст, в силу того, что он торжественно прочитан в присутствии государей..., тем самым оказался одобрен, разрешен и приобрел истинность»*. Ведь иначе *«всякий писал бы то, что ему нужно, и присваивал бы себе титул по своему разумению»*, а истинно на самом деле то, что нужно государям.

Но папы римские тоже были государями, и вот, доказывая превосходство церкви, Энеа Сильвио Пикколомини пишет в 1453 году: *«Не следует верить всему написанному, и только Писание обладает таким авторитетом, что сомневаться в нем нельзя. В других случаях следует выяснить, кто автор, какую жизнь он вел, какова его религия и какова его личная доблесть»*. Итак, истинно лишь то, что выгодно церкви, а писателей следует проверять на «профпригодность», то есть на преданность церкви и властителю.

По словам Бернара Гене, в такой системе интересов любой историк «имел свои убеждения». Какие? А вот:

«Он [историк] любил свою страну. И ему нужны были средства к существованию. Он любил тех, кто его кормил. Институт официальных историков, расцветший во второй половине XV века по всему Западу, хорошо показывает двусмысленное положение, в котором находилась история. Она стала важной научной дисциплиной. Она добилась самостоятельности (!). Но, перестав служить церкви, она начала служить государству».

Бернар Гене пишет об этом без всякой иронии. Да и мы относимся к тому, что он высказал, со всей серьезностью. Ведь здесь ученый в точности описал появление новой структуры: сообщества историков. А любая общественная структура, однажды появившись, имеет целью свое собственное выживание, и будет выживать, невзирая ни на что. Будет конфликтовать с теми, кто отбирает ее ресурс, и входить в союз с теми, кто оправдывает ее *нужность* в глазах власти.

Армейские структуры создают поводы для войн. Врачи внушают здоровым, что им нужно лечиться. Юристы запутывают любое дело, лишь бы граждане не могли решить проблему без их помощи. Спецслужбы идут на сотрудничество с преступниками, а зачастую просто иницируют их деятельность, как это было, например, в случае, когда Охранное отделение царской России породило террориста Азефа, а ЦРУ США — талибов в Афганистане.

Выживание структур — это обыденная, рутинная, повседневная деятельность, в которой нет места рассуждениям о морали. Сообщество историков не было исключением из этого правила. Чтобы выживать, этой новой структуре надо было доказать, что она нужна, приносит пользу власти, что историки заслуживают щедрой платы. Вот об этом и пишет историк Бернар Гене: *«Она добилась самостоятельности... она начала служить государству»*.

Продолжим цитировать мэтра:

«Чтобы соответствовать требованиям своего времени, средневековый историк мог не просто перетолковывать прошлое, подчас он сочинял его заново... Прошлое в Средние века было не только почитаемо, но и услужливо, не только покрыто славой, но и податливо... Занимательные рассказы, в которых значительную часть составлял вымысел, были переведены на латынь и завоевали всю империю, но ученая риторика языческих историков оставалась в небрежении у политической элиты».

Содружество историков мгновенно разделилось на подсистемы: секты и секточки, группы и школы. Как видно из процитированного, историки, стоявшие на христианских позициях, были обласканы властью, хотя никакой науки ей не предлагали: сочиняли историю заново и были услужливы. А «языческие» историки, их современники, успеха не достигали. И в этой борьбе за свое выживание структура шла на все. На любые подделки. Как пишет Бернар Гене, *«бесчисленные документы, которые мы считаем поддельными, были изготовлены в превосходных исторических мастерских»*.

А какое их количество так и числится подлинными?..

Адам Бременский, крупнейший историк второй половины XI века, оказывается, принимал активное участие в изготовлении фальшивок. Так почему не фальшив и сам этот XI век, в котором он жил? То есть, почему не фальшивы даты его жизни?

«Церковь Христа в Кентерберии в начале XII века изготовила множество фальшивок, о которых нам теперь известно, что они делались под руководством выдающегося историка Эадмера», — раскрывает Гене секреты исторической кухни.

«В самом начале XI века... Иоанн Тритемий упоминает труд историка Мегинфрида, чтобы доказать, каким важным очагом культуры был в Средние века город Хиришау, и труд Хунибальда — чтобы доказать императору Максимилиану, что его род происходит из Трои. Но сами имена Мегинфрида и Хунибальда родились в воображении Иоанна Тритемийса. Короче, приходится признать, что на протяжении всего Средневековья сами же ученые часто изготовляли то, что мы называем фальшивками, и это было обычным явлением...»

В XII веке беспрепятственно плодились поддельные каролингские документы. В XIV веке, чтобы поддельный документ мог обмануть французскую королевскую канцелярию и получить признание подлинности (а подлинность, как уже писал Гене, устанавливалась путем торжественного чтения документа в присутствии короля, – Авт.), надо было, чтобы он принадлежал к темной меровингской эпохе...

В конце XV века Джованни Нанни фабриковал надписи и мог рассчитывать, что ему удастся навязать их незрелой еще эпиграфике, поскольку историки, за которых он осмеливался сочинять тексты, жили, как считалось, в далекие времена древних Персии и Вавилонии... А эрудиты Возрождения в своем самодовольном невежестве воображали, что сами выдумали историю с начала и до конца...

Якоб Меннель, в 1505 году назначенный императорским советником, в длинной поэме на немецком языке, преподнесенной императору в 1507-ом, доказывал, что Габсбурги произошли от Меровингов, а через них от царей Трои... но генеалогия Меннеля была не то, что те легковесные генеалогии, которые фабриковались историками несколько веков назад. Эта генеалогия основывалась на углубленных ученых розысканиях. Увы, она была ошибочной...

Как видим, с XII до XVI века историческая наука прогрессировала. Историки научились делать поразительно «подлинными» фальшивки. И лишь затем Иосиф Скалигер создал свою хронологию: на подобных «углубленных ученых розысканиях». Удивительно ли, что уже в XVI веке профессор де Арсилла утверждал: вся античная история выдумана гуманистами Возрождения.

Выдумана. Только не надо понимать это примитивно.

Сегодня в распоряжении историков сотни наименований книг. Изданы старинные летописи (прекрасно отредактированные, с комментариями и датами); напечатаны труды средневековых ученых (с разъяснениями, в каких случаях они ошибались, а когда были правы); о диссертациях и монографиях даже говорить не хочется. Едва ли не ежегодно выходят новые учебники, чтобы новые историки точно знали, каким оно было, наше прошлое.

Ничего этого в XII–XV веках не было. Историки разыскивали старинные манускрипты, не зная ничего о степени их «старинности». Для работы им требовались главным образом перечни властителей, по годам правления которых датировались эти манускрипты. В хорошей исторической библиотеке непременно были списки пап, императоров, королей данного государства, епископов данной епархии и соседних епархий, аббатов местного монастыря. Если историк не располагал этими материалами, ему следовало скопировать эти перечни, или заказать их копию, или, как пишет Гене, «составить их самому».

В наиболее простых перечнях содержались только имена по порядку. Но даже этот порядок соблюсти было нелегко! Ошибки множились за счет трудностей в написании имен. Свою лепту вносили политические пристрастия и самих историков, и их высокородных патронов.

Бывали и чисто «исторические» трудности. Например, составляя список королей меровингской династии, историки путали королей-тёзок и королей, правивших одновременно. А в XIII веке дело еще осложнилось тем, что к чисто техническим проблемам добавилось стремление, не нарушая преемственности, заменить последних Меровингов Каролингами. Словом, составить правильный список французских королей было для историка изнурительной задачей. Но в то же время такая работа была неизбежной, как завершение трудов историка, поскольку история Франции могла быть изложена лишь как история французских королей, а история французских королей должна была излагаться по порядку их имен.

С такими сложностями сталкивались ученые-историки всех стран. А ведь им приходилось еще и «совмещать» свои истории!

Итак, историку XII и XIII веков трудно установить полный перечень с точным указанием дат. А без такого перечня невозможно правильно определить возраст документа или дату события. Бернар Гене приводит пример такого рода трудностей, ссылаясь на свидетельство Видукинда Корвейского: «в некоторых житиях святых имена императоров перепутаны, и, когда нам говорят, что то-то и то-то произошло при Антонине, мы не знаем, было ли это при Антонине Пии, Антонине Вере или Антонине Коммодe».

Другой пример. Омонимы и изъязы в перечне сбили с толку монаха из Сен-Михиель, который в первой половине XI века взялся писать историю своего аббатства. Он имел только три документа, «которые невозможно было бы разобрать из-за их древности, если бы они не были своевременно переписаны». Переписка документов, понятно, добавила ясности в их прочтении дальнейшими историками, но насколько ясно представлял себе, что переписывает, сам копиист?..

В этих трех документах приводилось имя основателя аббатства, графа Гуфо. «Что же касается даты, — рассуждает монах из Сен-Михиель, — вот что стоит в первом из документов: «...на четырнадцатом году правления моего сеньора Хильдеберта», а в последнем: «...на втором году правления моего сеньора Теодориха». Поскольку единственный Хильдеберт и единственный Теодорих, чьи царствования следовали одно за другим, о чём сообщается в хрониках, — это Хильдеберт, сын Брюнхильды и Зигберта, и Теодорих, сын этого Хильдеберта, значит, именно в их время, по нашему суждению, жил граф Гуфо». Современная наука установила, — пишет Бернард Гене, — что монах ошибся на столетие.

Сознавая эти трудности, средневековая наука стремилась, выстраивая перечни, по возможности избавляться от противоречий. Первым делом решили присваивать королям-тёзкам различные прозвища. Не меровингским королям, которых было такое великое множество, что историки никогда не могли с ними справиться, а королям второй династии, причем с довольно раннего времени. Каролингские историки с самого начала ощутили нужду как-то разобраться со всеми этими Карлами, и каждый добросовестный перечень проводит различие между *Karolus Martellus*, *Karolus Magnus*, *Karolus Calvus*, *Karolus Simplex*. Присвоение прозвищ Пипинам и Людовикам было, напротив, менее принято и проводилось не столь систематично, поэтому здесь по-прежнему часто случалась путаница.

Что до первых королей Капетингов, то с 987-го по 1137 год им никогда не присваивалось дважды одно и то же имя, поэтому давать им прозвища не было необходимости. Такая надобность возникла только в 1137 году, когда одному Людовику наследовал другой Людовик, его сын. Очень скоро сына прозвали *Junior*, или *Minor*. С XIII века тот же король стал называть *Ludovicus Pius*, между тем как его отец получил прозвище *Grossus*, которое за ним и осталось. Системе прозвищ, вообще говоря, полезной, недоставало систематичности, и она порождала слишком много вариантов и не была удовлетворительной.

С XI века наиболее рациональные умы начали добавлять к именам королей-тёзок числительное, означающее их номер по порядку наследования. Уже Адемар Шабанский говорил, что Оттону второму унаследовал его сын Оттон, третий из носящих это имя. Ламбер Сент-Омерский упоминал Дагоберта Второго, Ригор — Дагоберта Первого. Но это средство долгое время применялось лишь эпизодически. Вероятно, во Франции более часто начал применять его в 1275 году, и приблизительно в то же время — в Испании.

Однако нумерация королей, носящих одно и то же имя, требует учёности и отражает политические пристрастия. Поэтому неудивительны расхождения между авторами. Во Франции старший сын Людовика VI, Филипп, был приобщен к королевской власти в 1129 году, но умер, так и не став единовластным правителем; некоторые авторы его в счет не включают, а некоторые включают. И так во многих случаях. До самого конца Средневековья нумерация королей не вполне установилось, оставались противоречия. Впрочем, это средство было самым эффективным из тех, что изобрели средневековые историки для прояснения своих перечней.

С политической точки зрения, нумерация меровингских, каролингских и капетингских королей-соименников была в XIII веке таким простым средством продемонстрировать преемственность французской власти, что была предпринята попытка пронумеровать вообще всех королей. Однако, пишет Гене, «списки меровингских королей и королей конца IX и X века настолько различались у разных авторов, что общую для всех нумерацию было невозможно установить, и она не столько проясняла положение вещей, сколько запутывала его... Историки очень скоро отказались от этого опасного козыря».

В 1454 году Томас Рудборн, исходя из имен и дат, которые давал ему перечень римских императоров, после долгих рассуждений поставил под вопрос существование короля Артура. Гальфрид Монмутский, объяснял он, говорит, что Артур победил императора Луция. Но Артур, как утверждает сам же Гальфрид Монмутский, стал королем в 515 году, в пятнадцать лет, и царствовал до своей смерти, последовавшей в 542 году. В этот период императорами были Юстин и Юстиниан, и не было никакого императора по имени Луций. С другой стороны, Гальфрид говорит, что император Лев доверил Галлию некоему Фроллону, которого Артур победил и убил. Но из хроники *De Romanorum imperatoribus* (которую Томас приписывал перу Ива Шартрского) известно, что Лев Великий стал императором в 450 году, в момент, когда Артура еще даже не было на свете. Лев II стал императором в 468 году, тоже до рождения Артура. А Лев III стал императором только в 708 году, когда Артур уже давно умер.

На 395 год до Рождества Христова, при Карле VIII историк зафиксировал основание Лютетии, будущего Парижа. В этом случае за критику, опять на основе

исследования дат, взялся Робер Гаген. Он доказал, что его незадачливый предшественник, «недостаточно зная время и вещи», «впал в двойную ошибку». Робер Гене пишет об этом:

«И когда, вооружась знанием дат, Томас Рудборн поколебал миф об Артуре, а Робер Гаген миф о троянцах, они не были хорошими учениками итальянцев эпохи Возрождения, потому что эти последние, отойдя от средневековой традиции и приняв за образец латинских классиков, больше заботились о хорошем изложении, чем о точных датах. Они были прямыми наследниками средневековой науки, великим делом которой, несомненно, было овладение временем».

Из того, что мы только что прочитали, можно сделать простой вывод: к услугам желающих написать историю существовали хроники на любой вкус, размер и цвет. По указанию любого принца или герцога писалось то, что ему было нужно.

Власть принца укреплялась тем, что он происходил — или был убежден, что происходил, — из древнего и прославленного правящего рода. Например, на всем пространстве к северу от Альп, где простиралось владычество Каролингов, таким родом был как раз род Каролингов, — никто не сомневался, что они произошли от Меровингов, а те, понятное дело, восходили к троянским царям... Дошло до таких, например, утверждений, какое мы находим в Генеалогии князей Рейбардсбринских:

«...Каролингский род не весь исчез; он лишь перестал править римлянами. Потому что, как выясняется из хроник, не только все короли франков и германцев, но и принцы, герцоги и графы Тюрингии, Баварии, Франконии, Паннонии, Каринтии, Богемии, Моравии, Швабии, Фрисландии, Лотарингии и все (все?!!) германские дворяне возводят свое происхождение к каролингскому роду».

Бернар Гене по этому поводу позволяет себе такие наивные рассуждения:

«Возможно, авторы фабриковали подделки, не собираясь выдавать их за истинные документы. Возможно, они сочиняли апокрифические документы, собираясь затем испросить для них одобрения какого-либо авторитета и тем самым придать им подлинность».

Мы согласимся. Почему нет? *Возможно*, кто-то из авторов фальшивок действительно не думал, что его подделка через несколько сот лет будет принята за подлинный документ эпохи. Он всего-навсего хотел получить несколько дукатов, потому что задолжал булочнику и продавцу колбасок. *Возможно*, он испросил на счет своей подделки одобрения «авторитета», и даже получил его. Но от этого его нововед не стал подлинным документом прошлого, хоть и считается таковым до сего времени!

Обо всем, о чем мы здесь пишем, историки прекрасно знают. Ведь Бернар Гене тоже историк. Да и вообще все сведения, которые мы приводим в наших книгах, взяты из исторических трудов. Вот в чем источник нашего негодования: зная, как создавалась их наука, члены исторического сообщества, критикуя нас, позволяют себе такие, например, заявления: *«История такая же точная и строгая наука, как математика»!*^{*}

Представим себе фантастическую ситуацию. Генеральный секретарь ООН собирает всех виднейших историков мира и предлагает им беспристрастно восстановить картину исторического прошлого. И кладет перед ними несколько мешков денег. Вы думаете, историки займутся изучением того, как развивались наука, литература, искусство? Нет. Они опять вытащат на свет старые хроники, и будут потрясать ими в воздухе, споря, какой «номер» у того или иного Карла!

Бернар Гене отлично знает, как в угоду политическому моменту создавались «истории». Он пишет прямо и без обиняков:

«Тексты исторических сочинений... предлагали читателю картину настоящего, много раз отраженного в зеркалах прошлого...»

Новое настоящее, требовавшее уважение к прошлому, благодаря усилиям науки получало новое прошлое. Но тут стало очевидно, что неизбежность истории — иллюзия: перемены не вызвали никаких потрясений. Новые исторические истины оказались легко усвоены и включены в общую систему взглядов».

Так оно и есть. В конце XV века развитие исторической критики поставило под сомнение троянские корни французов, и для поддержания их национальной гордости была выдвинута версия галльского происхождения, корни которого к тому времени «обнаружила» история. И Карл Великий, который не мог больше служить оправданием для крестового похода, послужил оправданием союза между королем Франции и Флорентийской республикой.

^{*} Ульянов Н.А. Антинаучная сенсация (О «гипотезах А.Т. Фоменко и его сподвижников»). М., 1999.

«Стоит ли удивляться? Разве с тех пор история стала лучше?.. — спрашивает Б. Гене. — Если чудом историки когда-нибудь перестанут быть эхом и подспорьем течений, увлекающих за собой их эпоху, если в один прекрасный день они перестанут питать и оправдывать страсти своего времени, не превратятся ли они тут же в священников церкви без паствы?»

Мысль историка вполне ясна: конечно, пересмотреть историю можно, это даже совсем легко. Но зачем? Все преимущество от теперешнего состояния дел у нас (у Запада). А если мы пересмотрим историю, еще неизвестно, у кого они окажутся. Это так же ясно и прозрачно, как дремучее невежество нашей российской политической элиты, которая никак не может понять, что экономическое преимущество Запада есть следствие его идеологического преимущества, а оно, в свою очередь — следствие преимущества историографического.

Историографический аспект войн

Можно ли назвать историю наукой? Чтобы решить этот, казалось бы, парадоксальный вопрос, надо сначала определиться, каким материалом оперируют ученые, называющие себя историками.

Известный историк, филолог и литературовед, академик Ю.М. Лотман писал:

*«Важную сторону предварительной работы историка составляет умение чтения документа, способность понимать его исторический смысл, опираясь на текстологические навыки и интуицию исследователя. Однако даже если мы предположим у читателя документа многостороннюю эрудицию, опыт и остроумие, положение его окажется принципиально иным, чем у его коллеги в любой другой области науки. Дело в том, что самим словом «факт» историк обозначает нечто весьма своеобразное. В отличие от дедуктивных наук, которые логически конструируют свои исходные положения, или опытных, которые способны их наблюдать, историк обречен **иметь дело с текстами...***

Между событием «как оно произошло» и историком стоит текст, и это коренным образом меняет научную ситуацию. Текст всегда кем-то и с какой-то целью создан, событие предстает в нем в зашифрованном виде. Исторiku предстоит, прежде всего, выступить в роли дешифровщика. Факт для него не исходная точка, а результат трудных усилий. Он сам создает факты, стремясь извлечь из текста внетекстовую реальность, из рассказа о событии — событие».

Индуктивные построения не обладают доказательностью, ибо они не конечны. Спрашивается, может ли человек, «создающий факты», правильно понимать свою задачу? Может ли он быть объективен?

*«Сознательно или бессознательно факт, с которым сталкивается историк, всегда сконструирован тем, кто создал текст... Таким образом, с позиции передающего, факт — всегда результат выбора из массы окружающих событий события, **имеющего, по его представлениям, значение**».*

А мы утверждаем, что «skonструированы» не только отдельные факты (из-за чего историки вынуждены заниматься ре-интерпретацией), но и само здание всемирной истории тоже. Вот почему мы постоянно натываемся на ситуации, когда в «исторических построениях» не сходятся концы с концами. Например, жил в IV веке Августин Блаженный. Это факт, признанный историками. А орден августинцев создан в XIII веке. Тоже факт. Тем не менее, по легенде, учредил этот орден сам Августин. Таким образом, фактами не являются ни жизнь Августина, ни даты его жизни, ни дата создания ордена, ни то, что он лично приложил к этому свою виртуальную руку. Единственным фактом в этой истории, достойным изучения, оказывается наличие анахронизма, ибо невозможно, чтобы человек, живущий в IV веке, создавал хоть что-то в XIII веке.

Другой пример. Писатель XII века Кретьен де Труа отзывался о короле Артуре, жившем в V веке в Англии, как о своем современнике.

К сожалению, примеры бытования анахронизмов совершенно не интересуют историков. Закономерностей в их наличии они не видят, ссылаясь на банальный хаос в средневековых представлениях о настоящем и прошлом. Между тем, именно факты и следует изучать, а наличие анахронизмов — факт, который не изучают.

А ведь мы во множестве примеров, подобных этим двум, находим систему: пятый век соответствует двенадцатому, а четвертый — тринадцатому; $5 + 13 = 17$, и $4 + 13 = 17$.

Бывают и другие соотношения, но в конечном итоге вся длинная наша история выстраивается в некую пилообразную или, иначе, синусоидальную кривую.

Но о ней мы поговорим дальше. А сейчас вернемся к мнению об истории, высказанному Ю.М. Лотманом:

«Из наивного мира, в котором привычным способом восприятия и обобщения его данных приписывалась достоверность, а проблема позиции описывающего по отношению к описываемому миру мало кого волновала, из мира, в котором ученый рассматривал действительность «с позиции истины», наука перешла в мир относительности».

Исторической истины принципиально не существует.

Мы говорили уже о причинах, вызывающих войны. И видели, что новые технологические открытия тоже могут подвигнуть людей вести войны. Но вот оказывается, в полном списке известных истории войн есть такие, которые порождены только исторической традицией, и ничем больше. То есть к происходившим когда-то конфликтам типа драк или мелких вооруженных стычек, не связанных между собой ничем, кроме близости места, последующие историки давали наименование войны. И затем эти стычки по традиции числились по разряду войн, хотя государственного интереса не представляли, и войнами, по сути, не были.

К их числу относятся, прежде всего, большинство стычек в ходе так называемых Крестовых войн и знаменитая Столетняя война между Англией и Францией. Наталия Басовская пишет:

«...Люди, жившие в Европе между 1337 и 1453 г., вовсе не подозревали, что живут в эпоху Столетней войны...»

Интересно ознакомиться с кратким обзором зарубежных исследований о Столетней войне. Скажем сразу, из этого обзора мигом выяснится, что в рамках традиционной истории возможны самые разные мнения по одному и тому же вопросу, вызванные национальными или политическими пристрастиями авторов.

Историк Ле Патурель рассматривает эту войну не как межгосударственное столкновение, а как взрыв внутренних противоречий во Франции: *«Это было восстание наиболее крупных французских баронов против королевской централизации, возглавленное их самым крупным представителем, имевшим огромные ресурсы вне королевства, — а именно герцогом Аквитанским».* Это не новое заключение, и здесь есть определенная доля истины, так как гасконская проблема была почвой для проявления сепаратизма, носителем которого в данном случае выступал английский король.

Но СТО ЛЕТ непрерывной войны между двумя государствами!..

Однако тот же Ле Патурель с середины 1960-х годов доказывает, что к началу войны вообще не существовали ни Англия, ни Франция, ибо как государства они сформировались не ранее середины XIV века. А до того реально существовавшими политическими объединениями были владения королевских домов Плантагенетов и Капетингов. Наталия Басовская пишет об этом мнению историка:

«...Автор настойчиво подчеркивает, что Англия не являлась главной среди земель Плантагенетов, а представители этого дома были более тесно связаны с Францией... Однако концептуальная сторона его исследования несовершенна. Не учитывая уровня экономического и социально-политического развития отдельных народов в период раннего Средневековья, автор представляет нормандское завоевание в духе колониализма нового времени. Для доказательства наличия «колонизации» рассматриваются только правовые нормы, утверждавшиеся завоевателями».

Так была Франция (и Англия) единым государством, или нет? Велась ли война между государствами?.. Это не такой простой вопрос.

Давайте, для удобства русского читателя, рассмотрим сходную ситуацию на примере России. Правда, для нашей страны мы не найдем никаких географических реалий, приложимых к временам Столетней войны, то есть к XIV–XV векам. Зато сохранилась русская карта Евразии, датируемая примерно 1740 годом. На ней прекрасно видна государственная граница между Московией и Сибирью, проходящая примерно по линии Мезень – Пенза.

И на французской карте 1706 года восточная граница Московии с Сибирью проходит от Белого моря по реке Мезень, далее на юг, пересекая Северные Увалы и Волгу у Нижнего Новгорода, далее вверх по Оке до Касимова (а не вниз по Волге до Астрахани!), от Касимова по меридиану на юг до Богучара на Дону. Слева от Богучара вверх по Дону Московия граничила с казацкими землями (Диким Полем), а в промежутке «Тула – Калуга» —

с Воротыню. При этом известно, что ни Дикое Поле, ни Воротынь налогов и податей Московии не платили, ибо были независимы.

Вниз по Дону до впадения Северского Донца проходила граница Сибири и Дикого Поля. Междуречье Дона и Волги и Северный Кавказ занимала Черкассия, а междуречье Дона и Днепра относилось к Крымскому ханству. Черкассия, Астраханское царство, Булгарское княжество, Казанское царство, княжества Вятка, Пермь, Зырян и Югория официально входили в Сибирскую конфедерацию, а не в Московию. Вся территория за Уралом от нынешнего Гурьева до Верхнеуральска и далее к востоку до слияния Зеи и Амура вообще не зависела ни от кого. Это — 1706 год!

Екатерина II в своих «Записках» от 1762 года называет в числе 10 своих начальных губерний *единственную*, находящуюся восточнее Камы, а именно Сибирскую. Перечень губерний Екатерины II представляет особый интерес и по другой причине. Вот что она пишет в 1791 году: *«Вся империя была разделена на следующие губернии: Московская, Нижегородская, Казанская, Астраханская, Сибирская, Белгородская, Новгородская, Архангелогородская, Санкт-петербургская, Лифляндская, Выборгская, Киевская; Малую Россию, т. е. Новгород Северский и Чернигов, ведал Гетман»*. В оригинале слово «следующие» зачеркнуто и сверху написано «токмо десять».

А остальные территории, составившие впоследствии Российскую империю?.. Ведь это огромное количество земель, и в каждой — свой князь и закон. Вот если кто-то из этих князей воюет с соседями, это война России с кем-то, или нет? Если историки не представляют себе политических реалий какого-то времени (а реалии не то что XIV, а даже, как видим, XVIII века мало понятны), отчего же не назвать войной между государствами то, что таковым на деле не было? И наоборот: не понимая, что какая-то территория не входила в состав империи, легко войну с армией этой территории назвать «бунтом». Например, Пугачевским.*

Изучение российской географии XVIII века приводит и не к таким еще открытиям. Например, Яр. Кеслер сообщает:

*«Сохранилась потрясающая по своей информативности карта **Великой и Малой России** картографа из Нюрнберга Иоханна Бантиста Хаманна (loh. Baptist Homann. Tabula Geographica qua Pars Russiae Magnae, Pontus Euxinus seu Mare Nigrum et Tartaria Minor). На самой карте дата не обозначена, но из ее топонимики нетрудно определить время составления — около 1770 г. (в частности, уже обозначен Изюм, ставший городом в 1765 г.; уже отсутствует Воротынь, присутствующая на карте Британской энциклопедии по состоянию на 1768 г., но появился Харьков, отсутствующий на той же карте; Ориша и Мстислав еще у Польши, т.е. до 1772 г.; Рязань еще обозначена как Переяславль-Рязанский (т.е. до 1775 г.), не построен Таганрог (1775 г.) и т.д. На этой карте **Великороссией** (в отличие от Московии, которая в Великороссию тогда не входила!) называется вся Центрально-черноземная зона России южнее Оки, включая большую часть нынешних Калужской и Тульской областей, нынешние Брянскую, Сумскую и Харьковскую области, т.е. всю прежнюю Воротынь и Слободскую Окраину до слияния Дона и Северского Донца. **Великая Россия** на этой карте поделена на две части: **Севскую оккупационную зону (Seviensis Exercitus)** и **Белгородское наместничество (Palatinatus Belgradiensis)**! Севская оккупационная зона расположена на юг от Лихвина (ныне Чекалин), включая Белев, Болхов, Брянск, Трубчевск, Орел, Кромы, Севск, Рыльск и Путивль. Все, что к востоку от этой зоны, отнесено к Белгородскому наместничеству, в том числе Мценск, Курск, Белгород, Харьков, Сумы, Старый Оскол, Валуйки, Изюм и далее на северо-восток по рекам Богучар и Большой Чир, включая заштатную в то время крепость Воронеж. На юго-восток от этой границы еще сохранялись земли донских казаков с городами Айдар (ныне Станично-Луганское) и Раздоры, которые по нижнему Дону граничили с также еще независимой в то время Черкассией. Граница с «Малой Ордой» в это время проходила южнее Черкассии, столицей которой был г. Бесминда (фр. Besinada, ныне Зимовники Ростовской обл., она же «станция Зимовейская», т. е. «родина Разина и Пугачева»). Южнее Царицына земли еще контролировались «Гребенскими казаками» = Ногайской Ордой»*.

Как и в случае с Россией, на территории современной Франции было множество независимых земель, склоняющихся к той или другой стороне в династическом конфликте Плантагенетов и Капетингов. Историк Ле Патурель утверждает, что лишь долгое заблуждение историков привело к появлению самого понятия о войне между Англией и Францией в XIV

* В письмах Вольтеру Екатерина называла Пугачева маркизом без всяких кавычек. Таким образом, она признавала его за иностранного дворянина, ибо во Франции титул *маркиз* давался инородцам.

веке и тем более к представлению, что Франция была объектом разграбления. Напротив, Англия в свое время явилась объектом завоевания и колонизации. Имея в виду события XI века (захват власти в Англии норманнами), Ле Патурель пишет, что тогда Англия была завоеванной страной, колонизированной французами. В таком случае борьба за восстановление владений анжуйского дома в XIV веке теряет международный характер и выглядит делом «домашним», столкновением ветвей королевского дома.

Посмотрим же, что за битвы состоялись в первые годы «войны».

27 марта 1351 года произошел один из самых знаменитых эпизодов Столетней войны, так называемый «Бой тридцати». Битва заключалась в формальном пешем поединке между маршалом Робером де Бомануаром с тридцатью французами с одной стороны, и сэром Ричардом Бэмборо с тридцатью англичанами с другой. Причем англичан было на самом деле всего семь, как сообщает Максим Нечитайлов: Хью Кэлвли, Робер Ноллис, Томас Уолтон и Ричард де ла Ланд, эсквайр Джон Пессингтон, латники Дэгуорт и Джон Рассел. Остальные «англичане» — немецкие, фламандские и бретонские наемники. Сам сэр Бэмборо был бренденбуржцем. Бились «у дуба Ми-Вуа между Жосленом и Плоэрмелем близ поля ракитника».

После ожесточенной рукопашной погибли четыре француза и два англичанина, включая Бэмборо, после чего обе стороны разошлись для передышки. Когда бой возобновился, один из французов (Гийом де Монтобан) неблагородно ускользнул из боя и сел на лошадь, после чего атаковал сбившихся в тесную кучу англичан и опрокинул семерых из них. Его соратники воспользовались этим шансом и превратили свое поражение в победу, перебив в общем итоге девятых англичан и захватив в плен остальных, всех покрытых ранами.

8 апреля 1351 года небольшое французское войско под началом маршалов Ги де Неля и Арно д'Одрегема, вторгнувшись в Пуату, осадило Сент, но встретилось с также незначительной английской армией губернатора Кале Джона, лорда Бошана. Англичане спешили (отправив лошадей в тыл), и большинство французов последовало их примеру. Но они оставили по конному отряду на каждом фланге. Бошан послал за подкреплениями, и маршалы так медленно строили свою армию, что они прибыли вовремя. Затем французы атаковали пешими, и хотя детали битвы неизвестны, потерпели тяжелое поражение. Оба их командира попали в плен вместе со 140 рыцарями и оруженосцами.

6 июня 1351 года Джон Бошан, возвращаясь в Кале из успешного рейда, был настигнут маршалом Франции Эдуаром, графом де Божё, с гарнизоном Сен-Омера. Бошан решил драться, предварительно отправив вперед повозки и захваченный скот с эскортом в 20 латников и 80 конных лучников. Сам он, с остальными воинами (280 латников и 220 лучников) спешил и стал за рвом. Де Божё, опередив свое войско, появился на поле боя лишь с сотней латников, тоже спешил и тут же атаковал английскую позицию по фронту. Атака провалилась, сам граф погиб. Однако отставшие главные силы французов, наконец, появились. Один отряд латников достиг рва и сошелся в рукопашной с англичанами, другой напал на лучников на одном из флангов Бошана, а третий (из 500 пехотинцев) зашел в тыл. Окруженное английское войско целиком попало в плен.

11 ноября 1356 года, узнав, что французы под началом Рауля де Рэнваля собираются взять город Кутанс, Годфруа де Аркур собрал примерно 700 латников и лучников (англичан и наваррцев) и выступил из Сен-Совёр-ле-Виконт. Его разведчики донесли о приближении противника (300 копий и 500 латников; неясно, почему источник отличает «копья» от латников). Де Аркур выстроил своих латников вдоль холма, поставив лучников впереди. Часть французов спешила и, закрываясь от стрел щитами и павезами, не двигалась с места, пока стрелки не израсходовали свои стрелы, и не отошли к латникам. Французы, в свою очередь, обстреляли англо-наваррцев, те вынуждены были атаковать, и после жестокой схватки были разбиты. Де Аркур с остатками войска укрылся в винограднике, обнесенном прочной изгородью. Французы все спешили, окружили место, и пошли на штурм. В конце концов, воины Аркура либо погибли, либо попали в плен, либо разбежались. Сам он отказался сдаться, и был зарублен.

23 июня 1359 года у Ножан-сюр-Сен англичане (400 латников и 200 лучников), спешили и заняли оборону на отлогом склоне холма, причем латники стояли отдельно и немного ниже стрелков. У французов было 1200 конных латников (в 3 «войсках») и 900 пехотинцев с копьями и павезами. Первое французское «войско» атаковало английских латников, но было отбито. Не решившись наступать во второй раз, конница обходила кругом англичан, надеясь взять их во фланг, но те постоянно поворачивались фронтом к неприятелю и их поддерживали лучники. Но подошла французская пехота. Она бросилась на лучников,

опрокинула их (ибо стрелы не пробивали их щиты) и обратила в бегство. В то же время 1-е и 3-е «войска», под прикрытием этой атаки на позицию лучников, окружили латников и после упорного боя разгромили их. 2-е «войско» преследовало бегущих стрелков и нанесло им огромные потери. Затем французы повернули назад и захватили обоз и лошадей англичан.

Надо отметить, что датировка этих событий в годах от Рождества Христова выполнена много позднее XIV века.

В английской историографии 1970-х годов утверждение оборонительного характера Столетней войны для Англии стало общим местом. Так, в монографии М. Вейля «Английская Гасконь», где гасконский вопрос расценивается как основной среди причин войны, эта область на юго-западе Франции названа «передовой линией защиты от вторжения». Война же в целом рассматривается в первую очередь как борьба Англии за обеспечение своей безопасности; попытки утвердиться во Фландрии и Бретани имели, по мнению автора, цель создания защитного барьера вдоль побережья.

А французы, как уже сказано, настаивают на грабительском характере войны со стороны Англии.

Специалисты по Средневековью (медиевисты) Д. Хэй и К. Фаулер, попытались совместить в понимании проблем Столетней войны основные положения традиционной концепции со значительными элементами оригинальных построений Ле Патуреля. Так, Хэй сохраняет общий подход к анализу войны, не игнорируя материальные мотивы, но и не расценивая их в качестве принципиально важных. Он упоминает, что война во Франции была одним из средств получения дополнительных доходов для рыцарства. Его позиция смыкается с концепцией Ле Патуреля, считающего, что войну между Англией и Францией «создала» историческая традиция.

Фаулер, так же как и Ле Патурель, утверждает мысль о несоответствии некоторых устоявшихся общих представлений «реальной действительности». Так, он предлагает полностью переоценить степень отрицательного воздействия войны на развитие Франции.

Итак, для событий, отстоящих на пятьсот-шестьсот лет от нашего времени, трудно выстроить «единственно верную» концепцию, ибо теперь уже нельзя понять, даже каковы были цели каждой из враждующих группировок. И это — при наличии достаточно подробных описаний, содержащих легко локализуемые топонимы, а также и списки участников. А что имеет история, помимо этих описаний? Она имеет *мнения* о событиях XIV–XV веков, высказанные в XVI–XVII веках, зачастую куда как подробные, и даже многословные. Вот эти-то *мнения* и лежат в основе всех исторических концепций!

Романо. 1456.

Паоло Учелло. Битва при Сан-

Но история, говорят, имеет факты, подтверждающие события, свершившиеся две, три, четыре тысячи лет назад, в том числе военные события! Здесь уже рассказ о битвах более подробный, здесь редко бывают разнобой в концепциях. Может быть потому, что для древней истории совсем нет первоисточников, а есть только *мнения*, оставшиеся от XVI–XVII веков?..

Прочитируем еще раз Ю.М. Лотмана:

«Естественно возникает вопрос: а возможна ли история как наука, или она представляет какой-то совсем иной вид знания? Вопрос этот, как известно, не нов. Достаточно вспомнить сомнения, которые на этот счет терзали Бенедетто Кроче.

По сути, дело здесь в следующем: наука, в том виде, в каком она сложилась после Ренессанса, положив в основание идеи Декарта и Ньютона, исходила из того, что ученый является внешним наблюдателем, смотрит на свой объект извне и поэтому обладает абсолютным «объективным» знанием. Современная наука в разных своих сферах — от

ядерной физики до лингвистики — видит ученого внутри описываемого им мира и частью этого мира».

В XVI веке, на этапе до-научного знания, нельзя было даже ставить вопрос о хронологизации известных средневековым людям событиях. Однако, если мы откажем истории в праве быть наукой, то придем в тупик. Нет, нужно найти новые методы исторических изысканий.

ПОЯВЛЕНИЕ ДАТИРОВОК

Изобретя ремесло историка, Европа воспользовалась им к своей выгоде. И вот она перед нами — вся освещенная, готовая свидетельствовать, отстаивать свои права. История же не-Европы едва начинает создаваться. И пока не будет восстановлено равновесие знаний и объяснений, историк не решится разрубить гордиев узел всемирной истории, имея в виду генезис превосходства Европы.

Ф. Бродель.

Появление хронологии

Основная тема, которой мы занимаемся — это хронология, последовательность исторических событий во времени. Мы посвятили этой теме уже несколько книг. Пора сказать, что на деле хронологическая проблема разделяется на две: установление последовательности событий, и установление дат событий, то есть времени их прохождения в рамках стандартизованного летоисчисления. По ходу дела выясняется, что во многих случаях надо разобраться с географией события.

Очевидно, что до какого-то момента ни человечество в целом, ни отдельные страны или, точнее, территории не имели никакой истории и никакой хронологии. Люди *просто* жили, не занимаясь такой бесполезной для практики деятельностью, как летописание. Давность прошлого мерили так: вчера, позавчера, наемдни (на днях), прошлым летом, годами, давно, в незапамятные времена. Затем именно практика потребовала, чтобы летописание было. Для аналогии скажем, что, например, фамилии (родовые прозвания) тоже появились не раньше, чем это стало нужным для экономического развития.

В обычном быту хватает прозвища. Пока у человека нет особых гражданских, имущественных и наследственных прав, он спокойно живет без всякой фамилии. Человеку нет нужды знать не только имена дальних предков, но даже имя своего отца; достаточно звать его просто *отец*, ведь от родичей не зависят ни общественное, ни экономическое положение людей.

Лишь когда появилась надобность в разных наследственных имущественных сделках, тогда-то и стали устанавливаться родовые прозвания. В основном нужны они были купечеству, имевшему более широкие права сравнительно с правами мещан. А у боярства, например, на Руси фамилии появились только в XVI веке, и произошло это в силу местничества, опиравшегося на родовые заслуги.

Та же причина — необходимости иметь *документ* о заслугах и правах, только применительно к территории и правящей на ней династии, привела к летописанию. Причем появилось оно, понятно, не везде сразу и одновременно, а прошло свой эволюционный путь, начавшись в одном каком-то месте, а именно в Византии. Совершенно определенно, первичные записи не имели дат в современном понимании, — иначе теперь не было бы у нас с вами тех проблем, которые мы обсуждаем в наших книгах. И ясно, что сначала летописцам тоже не было никакой нужды в фамилиях упоминаемых ими лиц.

Ни фамилий, ни имен не было до широкого распространения практики присвоения новорожденным имени святого защитника; обходились прозвищами. Ведь даже имена святых защитников — осмысленные прозвища! *Захария* означает «Помнит Бог», *Даниил* — «Правда Бога», *Иеремия* — «Стрела Бога». Сколько угодно было бытовых прозвищ, вроде «Мудрый», «Калита», «Окаянный». То же — и в других языках. *Евклид* — «Хорошо одетый» (вариант: «Хорошо переплетенный»); *Павсаний* — «Утоляющий тоску»; *Александр* — «Спаситель людей». Тот, кто записывал в летопись прозвище, знал, о ком речь. И время

событий он тоже держал в уме своем, ведь так, изустно, передавались сведения раньше, до появления письменности.

Требовалось время, чтобы в летописании выработались правила и приемы, и время, чтобы в разных странах научились копировать эти приемы, — копируя зачастую и сами летописи, «внедряя» тем самым чужие события в свою историю. А дальше те же эволюционные законы, или, иначе, потребности все той же практики, привели к необходимости свода всех первичных записей в какую-то систему. Никто не знал, ни какой должна быть эта система, ни что следует в ней учесть. А по прошествию десятилетий, а то и столетий после начала ведения записей никто, на самом деле, не помнил, когда, с кем и где реально происходили те или иные описанные в записях приключения. Уж даже не говоря о случаях, когда записи делались «задним числом», со слов правнуков участников событий, а то и просто выдумщиков.

Все мы знакомы с таким литературным жанром, как детективы, и не раз слышали слово «алиби». В точном значении, алиби — это факт нахождения подозреваемого вне места совершения преступления в момент, зафиксированный как время преступления. Сыщик спрашивает гражданина: где вы были в такой-то день? И гражданин мучается, вспоминает. Попробуйте сами: где вы находились 21 ноября 2001 года? Хорошо, если вы имеете ежедневник, куда записываете свои встречи. Открываете, читаете: «встретиться с М». Вот теперь надо вспомнить, что такой «М», и произошла ли встреча именно в этот день. Кстати, если сыщик не знает точного *времени* преступления, он будет выпрашивать о ваших передвижениях в разные дни, чтобы «привязать» вас к *месту* преступления. Рискуете сесть в тюрьму, даже если вы совершенно невиновны. И это — при выяснении событий, происходивших недавно, при наличии живых свидетелей!

Говорят, в конце 1920-х годов, а может быть, в конце 1930-х годов (мы сами об этом читали, но без проверки дат не помним), руководители Советской России (а может быть, партии) решили максимально подробно восстановить ход важного революционного события — знаменитого съезда Советов, на котором В.И. Ленин объявил о победе социалистической революции (или другого какого-то события). Собрали уцелевших после Гражданской войны участников съезда, и начали опрос. В результате не удалось не только сделать хронометраж, то есть разбить события, происходившие на съезде, по времени, но даже определить место: разные участники называли разные адреса!..

Мы привели эти наши *воспоминания* о прочитанном, чтобы лучше иллюстрировать высказанную выше мысль. На самом деле мы, конечно, знаем, о чем идет речь. Но только благодаря тому, что имеется отпечатанная в типографии книга, написанная в XX веке, и со ссылкой на первоисточник. Этот эпизод — с опросом участников событий 1917 года — приведен в 5-м томе книги «Христос» Н.А. Морозова. Он рассказывает о статье в «Правде» от 27 мая 1928 года, в которой на защиту его работы по хронологии выступил известный политэконом Н.Н. Суханов. В подтверждение сомнений Морозова в верности древней истории, и особенно ее хронологии, Суханов и привел этот интересный факт:

«Несколько дней назад наш московский Музей революции собрал непосредственных участников первого заседания Петербургского Совета Рабочих Депутатов 27 Февраля 1917 года. Целью собрания было, собственно, выяснение физиономии и работы Временного Исполнительного Комитета, создавшего первый совет и вообще служившего центром в первые часы восстания. Роль, сыгранная этим учреждением, была исключительно велика. Картина же воспоминаний, раскрывшаяся в Музее революции, была совершенно изумительна. Члены Временного Исполнительного Комитета рассказывали о своих собственных недавних, единственных и неповторимых делах так, как в самых общих, расплывчатых словах передают слухи люди, слышавшие звон. Самостоятельно, до пристрастного допроса, они оказались неспособны восстановить какие бы то ни было конкретные детали. И в частности они только недоумевали: откуда взялась, кем была написана, как напечатана и распространена предъявленная им в музее их собственная прокламация, созывающая совет в Таврическом дворце в 7 часов вечера... Между прочим, относительно этой даты между участниками совещания также возникли любопытные разногласия. Одни утверждали, что первое заседание совета открылось уже в 5–6 часов (при полном дневной свете!); другие относили его к 9 часам вечера (к ночной обстановке!). И это о дне восстания, когда история считала периоды часами и минутами! Это рассказывают люди, руками которых делались недавние события!»

Память человеческая — инструмент ненадежный!.. И на этой «оптимистичной» ноте перейдем к истории возникновения хронологии.

Однажды некие греческие ученые попробовали разработать хронологию политической, религиозной и культурной истории своей земли. Как давно это было, мы вам сказать не можем, а традиционные историки, для которых получившаяся в результате этих греческих усилий хронология — просто путеводный канат в прошлое, говорят, что ученые посиделки происходили в V веке до н.э. Наши историки точно определяют и место посиделок: Афины в Греции. А мы, зная, что на греческом языке писались ученые труды отнюдь не в одной только Греции, а и по всему Средиземноморью, сомневаемся.

Впрочем, не будем занудами: в Афинах, так в Афинах.

Не имея никакого опыта в датировках событий, греческие дилетанты-историки ограничились собиранием списков полулегендарных царей древней Спарты, правивших этой заштатной деревушкой «в незапамятные времена», и столь же древних должностных лиц (архонтов) Афин. Они, конечно, не знали, когда исполняли свои правительственные функции эти цари и эти архонты: за сто или семьсот лет до них. Если бы первичные «историки» знали временные параметры своего прошлого, и проблемы бы не было! Теперь принято думать, что они относили время правления царей и архонтов лет за семьсот за себя, но этот вывод никем не доказан.

Через двести лет после этого первого «исторического» опыта новая поросль образованных греков — Эратосфен, Тимей и другие, догадались сопоставить составленные предшественниками списки царей и архонтов, и попробовали соединить их в таблицу, чтобы рассчитать интервалы к еще более поздним событиям, отстоящим от их времени, как ныне думают, на 1100–1200 лет. Тут уже появилась хронологическая «точка опоры» — Олимпийские игры, от начала которых повели отсчет лет (по четырехлетиям). Дату начала первой игры историки, не сомневаясь, называют точно: 776 год до н.э.

Если это так, то и в этом случае греки взялись мерить историческое пространство слишком широкими шагами. Получились у них с 1100 до 800 года «темные века». Ничего не было в этих столетиях. После 1100-го года рухнуло гончарное искусство, ювелирное дело, пропала архитектура и фресковая живопись, забытыми оказались не только мастерство обработки камня, но даже письменность. Лишь *«около 800 г. до н.э. греки вновь начали пользоваться письмом»*, — пишут Сюзан Пич и Энн Миллард. И кстати заметим, никакой практической нужды подобные «исторические таблицы» не удовлетворяли. Они были попросту не нужны ни для каких целей.

Но вскоре цель появилась: им (грекам) захотелось изучить творчество и жизнь Гомера, которого они очень любили. Пришлось трактовать мифы о любимом поэте, как историю, продленную назад в глубь веков вне точных дат, без привязки ко времени. По сути, человеческие времена начинались «на территории мифа», и вот из этой внеисторической пустыни донесся до нас голос великого поэта, в совершенстве владеющего стихотворным мастерством! Попытки вывести Гомера из этой пустыни длятся до сих пор; уже в наше время историки, не желая более терпеть неопределенности, дали ему даты. Оказывается, Гомер в 850–750 годах до н.э., после трех абсолютно бесписьменных столетий, в чудесных, мастерски написанных стихах пересказал историю Троянской войны, произошедшей в XII веке до н.э., то есть как минимум за четверть тысячелетия до его рождения.

Еще через двести лет после составления Эратосфеном и Тимеем синхронистических таблиц другие, менее изученные авторы, переписали результаты их компиляций в общественной форме, в руководствах вроде учебников, в том числе на камне. Кроме камней, никаких подлинных текстов этих авторов нет, так что датировать известными естественнонаучными методами попросту нечего. Опять мы видим, что представления о событиях прошлого в их последовательности и датировках появляются «из головы», и не можем сказать достоверно, *когда* греческие историки сочиняли эту историю.

Но греческие ученые дали пример, и теперь уже «другие народы» возжелали своей истории. Поскольку какие-то тексты о том, о сём имелись уже во многих землях, дело было за привязкой их друг к другу, короче, за установлением хронологии. Еврейские авторы (прежде всего, Eupolemus и Tosephus) взялись за датировку библейских событий. Будем ли удивляться, что они настаивали на их глубокой старине, доказывая, что Библия старше греческого эпоса, а еврейская письменность старше греческой литературы?..

Самая архаическая по языку и стилю из всех библейских книг «Книга Судей» повествует о судьбах евреев после прихода в Палестину, но до установления централизованной государственности. С. Аверинцев пишет о ней в «Истории всемирной литературы»:

«Герои «Книги Судей» — менее всего образцы позднейшего иудейского благочестия; это варвары среди варваров, и библейский рассказ рисует их именно такими...»

Еврейский пастух Амос из Текоа и его греческий современник Гесиод, пастух из Аскры — это уже конкретные имена, вычленившиеся из безличного предания...»

Традиционная дата написания книги XII–X века до н.э. Где находилась та Палестина, по которой бродили евреи, выпасая свой скот, и какой на самом деле национальности они были, сказать невозможно. Вот первая глава Книги, «Иуда воюет с хананеями»:

«После смерти Иисуса [Навина] народ Израиля спросил у Господа: «Кто из нас первым должен пойти воевать против хананеев?»

Господь ответил им: «Колено Иуды пойдет. Я позволю им завоевать эту землю».

Иуда попросил помощи у братьев из семьи Симеона. Он сказал: «Братья мои, Господь обещал дать каждому из нас немного земли. Если вы поможете нам завоевать эту землю, мы поможем вам в войне за вашу землю». И люди Симеона решили помочь своим братьям из Иудеи.

Господь помог народу Иуды разбить хананеев и ферезеев. Десять тысяч человек было убито в городе Везеке. Там же они встретились с правителем Везека и сразились с ним.

Адо́ни-Везек пытался убежать, но они поймали его и отсекали у него на руках и ногах большие пальцы. И сказал Адо́ни-Везек: «Я отрезал большие пальцы рук и ног у семидесяти царей, и они ели крохи, которые падали с моего стола. И теперь Господь отплатил мне тем же». Адо́ни-Везека привели в Иерусалим, и там он умер.

Сыны Иуды воевали против Иерусалима и захватили его. Они убили людей мечами, а город сожгли. Потом они пошли воевать с хананеями, которые жили в горах, в пустыне к югу от Иудеи и на западной равнине.

Колено Иуды выступило против хананеев, которые жили в Хевроне (раньше Хеврон назывался Кириаф-Арба – такое примечание дано к тексту, видимо, переводчиком). Там они убили Шешая, Ахимана и Фалмая».

Тот же С. Аверинцев продолжает свой рассказ о героях библейской истории, упоминая и греческих героев:

«Такие участники пророческого движения, как Амос, Исая, Иеремия, Иезекииль, отмечены яркой своеобычностью своего внутреннего облика... Стоит вспомнить, что жили они в то самое время, когда в Греции выступали Гомер и Гесиод, первые лирики и первые философы, а на восток от Палестины (в Иране — Заратуштра и в Индии — Вархамана Махавила и Гаутама Будда) возникали новые религиозно-философские системы...»

Но это — рассказ современного специалиста. А греческие философы мало знали иудеев. С другой стороны, слово «эллины» или «греки» во всем библейском цикле встречается считанное число раз, причем в Ветхом завете лишь однажды, а именно у пророка Иоила (III, 6):

«Вы продали народ Иуды и Иерусалим грекам, чтобы удалить их от своей родины»...

Отложим вопрос, когда это греки покупали Иерусалим, и посмотрим на остальные случаи упоминания иудеев и эллинов. Оказывается, всё земное население разделено библейскими авторами на три части: иудеи, эллины и варвары. А единого понимания, что скрывается под тем или иным названием, нет. Громадный простор для любого толкования любых текстов, для выстраивания какой угодно хронологии.

Под словом «эллины» Священное писание понимает: 1) действительных греков, называемых так для их отличия от прочих народов, именуемых обычно варварами; 2) язычников вообще, как собственно греков, так и других народов, «потому что многие из них говорили тогда на греческом языке»; 3) тех из иудеев, которые жили между язычниками; 4) тех из язычников, которые перешли в иудейскую веру и, наконец, 5) тех из язычников, что уверовали в Христа. Это — не наши выдумки, а сообщение Библейской энциклопедии, из которого со всей непреложностью следует, что словами «эллины» или «иудеи» не обозначали наций, народов или племен. И кстати, иудеев могли называть эллинами, но не наоборот.

А кто такие евреи? Та же Библейская энциклопедия сообщает: **«Еврей, Евреи, Еврейский (пришелец) (Быт. XIV, 13) — слова, употребляемые для означения народа еврейского...»** — далее идет рассказ об Аврааме, Евере, Фалеке, а заканчивается статья словами: **«Евреи стали называться Иудеями только в позднейший период своей истории, — название, происшедшее от Иуды. Впрочем за несколько времени до Р. Х. снова появилось прозвание**

* Цит. по книге БИБЛИЯ. Современный перевод библейских текстов. М., Всемирный Библейский Переводческий Центр, 1991.

Еврей, и мы встречаем оное в книге Деяний Апостольских (VI, 1) и в некоторых посланиях (II Кор. XI, 22, Филип. III, 5)».

И кстати, Александр Македонский, с презрительным шумом гулявший между Египтом и Месопотамией, никак не мог бы пройти мимо Палестины. Но во всем александровом цикле вы не найдете ни слова *иудей*, ни слова *еврей*. Если они были там, где их «селят» историки, значит, он их называл каким-то иным словом. Каким? Тайна. А если они там не были, то где же — были?.. Если же мы задумаемся над тем, что сам Александр («Спаситель Человеков») — пришелец на завоеванных им землях, добивавшийся признания собственной божественной сущности, то приходим к выводу, что он сам и есть еврей.

Прав, трижды прав Н.А. Морозов, когда пишет, что евреи — не нация, а каста жрецов-единобожников, независимо от их племенной принадлежности. Эволюция церковной структуры могла привести к тому, что этим словом стали называть всех сторонников единобожия; тогда для жрецов потребовалось другое слово: иудеи. Дальнейшее деление единобожия — в частности, появление мусульманства, — привело и к дальнейшей эволюции понятий. Возьмем опять Библейскую энциклопедию:

«Израиль (Богоборец) (Быт. XXXII, 28) — имя, данное Иакову, когда он боролся с Богом в лице ангела Божия: «И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь»... По значению имени Израиль, данного Богом Иакову при таком многозначительном и таинственном событии, это последнее имя сделалось общеупотребительным. В метафорическом значении оно обнимает всю Церковь Божию (Ис. XLIX, 3, Рим. IX, 6)».

Евреями, равно как и иудеями, могли называться жрецы любых племен, а вслед за этим и сами эти «любые племена»: германские, романские, славянские, африканские. Из века в век, из книги в книгу повторяется выдумка, якобы еврей Моисей сорок лет водил свой еврейский народ по пустыне между Египтом и Палестиной. Что же это за пустыня, в которой стоят десятки городов, растет чудесный виноград, живут многочисленные племена? Что это за пустыня, в которой «избранный народ» отыскал и победил десятки, если не сотни царей и князей?! Если только *пустыня духа*, куда не пришла еще идея единого для всех Бога.

*Средневековая миниатюра 1253–1270.
Иисус Навин останавливает Солнце.*

А когда идея победила, что же стало с народами, признавшими единобожие? Легко догадаться, что они стали или иудеями, или эллинами, ибо мы видели уже, что эллинами называли, в частности, язычников, перешедших в иудейскую веру. Эллы, Элоха, Аллах: это прозвища, связанные с названием первичного бога, — Солнца, Гелиоса. В VII–IX традиционных веках цепь каганатов тянулась от Иберии до Уйгурии, включая Монголию, а в японском синтоизме до сих пор сохраняется множество иудейских элементов.

О хронологии пока что и речи не идет.

Далее эволюция верований продолжалась, но начался и процесс самоидентификации народов не только по религиозному, но и по национальному признаку. Что-то старое отмирало и забывалось намертво, что-то новое появлялось. Как сахар в чае, растворялись в общей человеческой массе племена и религии. Иудейских жрецов вместе с чадами и домочадцами ждала судьба кельтов, хазаров, печенегов, европейских митристов, названия которых исчезли в прошлом...

Возьмем для примера европейскую Россию с ее русским населением. Теперь она в основном безбожная, хотя, кого ни спроси, любой готов воскликнуть: Русь, де, православная! Но было же время, когда не была она православной. И Перуну тут поклонялись, и Велесу. И Русский каганат у нас был. Где он теперь? Нет его. «Славяне» — не от «слова», а от «славы», то есть это люди, «славящие Бога». Какого? Где эти люди? Исчезли в прошлом и каганат, и пресловутое «язычество». Сегодня — многих ли вы найдете на Руси верующих в бога Перуна, или Велеса? Нет никого, кроме нескольких оригиналов, которые в начале 1990-х через газету «Московский комсомолец» призывали возродить язычество. Да и они нынче, не иначе, торгуют на рынке турецкими носками.

Сходная история и с евреями-иудеями. Они исчезали, и должны были исчезнуть совсем. Предполагаем, что к XV веку сохранились лишь немногочисленные их группы в германских княжествах, еще небольшой отряд жил среди арабов в Испании, да плюс к этому в Бессарабии. У них и языки-то разные. В некий момент единичные интеллектуалы осознали свою принадлежность к определенной нации, а «выделиться» из прочих им было даже выгодно из финансовых соображений. И они сумели сделать то, чего не смогли европейские митраисты и русские язычники: организовать.

Но эти «новые евреи» не имели своей государственности, хотя письменные источники свидетельствовали, что она когда-то была! Хоть и пишет Израэль Шамир, что Библейская Страна Израйля — «идеал, а не вещь», все же мы не можем отмахнуться от свидетельств о существовании такого государства в прошлом. Остается понять, что первичная Ромейская империя, основанная на единобожии и общем письменном языке, объединявшая всё Средиземноморье и простиравшаяся, как минимум, от Англии до Армении, и была этим государством. Но жили в нем отнюдь не только евреи, а все народы!

Если ретроспективно посчитать численность евреев — то есть, начиная от сегодняшней их численности, идти по убывающей в прошлое, то к XV веку они все заканчиваются. Также отметим, что название Израиль «пристегнул» к созданному по решению ООН на землях Палестины государству в середине XX века Давид Бен-Гурион, первый тамошний премьер-министр. И еще напомним, что в израильской практике — обучение вновь прибывших языку и основам религии. Это искусственное создание нации, идущее с XV века!

«Основатели» современной еврейской нации, по сути, приписали небольшой группе людей историю всего мира, там мало того, заодно «присвоили» богоизбранничество. Случайно ли, что именно в XV веке произошла мощная вспышка антисемитизма? Ведь и греки, и латиняне, и германцы, и славяне, и прочие племена и народы существовали одновременно с предками нынешних евреев в русле общей истории. И вдруг история выпячивает одних, и принижает других. Скажем прямо: первая причина нашего недоверия к традиционной хронологии в том, что она, хронология, создавалась путем тенденциозного выстраивания истории «своих» народов небольшими «бригадами» греческих и еврейских ученых, работавших в политических или полемических целях. Причем сами составители «историй» не знали ни географии, ни этнографии (что признают даже историки традиционной школы), но непременно желали оказаться «древнее» коллег.

Не забудем, что определяться «с местом» на реке времени столь же сложно, как и на любой реке. Ведь она течет. Представьте, что вы плывете по реке на плоту. Вопрос: где вы находитесь? Ответ: возле березы. Где-где? Э-ээ... возле дуба. Береза уже далеко позади.

Предположим, вы с приятелями создаете собственную «хронологию» и среди прочих героев размещаете своего прадедушку, знаменитого кавалериста, за сто лет до себя. Ваш сосед тоже собрал «бригаду» сподвижников и тоже делает «хронологию». А его прадедушка был однополчанином вашего знаменитого предка. Но вот беда, ваш сосед тщеславен. Он хочет иметь более древнюю историю рода. И размещает своего предка за триста лет от себя, вместе со всеми героическими походами полка. При совмещении ваших работ и создании единой хронологии не только ваши прадеды окажутся в числе исторических персонажей по два раза, но вы в придачу можете обнаружить самого себя за двести лет до своего рождения, как одного из хронологов, описавших историю знаменитого кавалериста. Так произошло с Иовом. «Книга Иова» приписана VI–V векам до н.э. Это же имя как Айюб упомянуто в Коране (якобы VII век н.э.); от него пошло название династии Эюбидов, правившей в Египте в XII–XIII столетиях.

Вспомним еще книгу «Екклесиаст» (что значит «Проповедующий в собрании»). Ее написание датируют IV или III веком до н.э. Ее уже знал Бен-Сира, автор «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» (якобы II до н.э.). И что же, спросите вы? А то, что

литературоведы находят явные параллели между книгой Бен-Сира, стихами Низами (якобы XII век) и русским «Домостроем» (XVI век).

Литературоведение вообще снимает многие вопросы хронологии, если только правильно понимать, ЧТО ИМЕННО накопили ученые, занимаясь сравнением текстов. Например, С. Аверинцев пишет:

«Первоклассный стилист Иероним уже способен в переводе на латинский язык Ветхого и Нового Завета намеренно воссоздать специфику их стиля, как эту специфику схватывает его воспитанный на Цицероне вкус, а Августин создает в своей «Исповеди» органичный и цельный сплав вергилианской классики, библейского лиризма псалмов и пафоса Павловых посланий. Одновременно в греко-язычной литературе... Иоанн Златоуст работает над таким же синтезом новозаветных интонаций с традициями аттического красноречия».

Эта сложная литературоведческая формула имеет решение: все упомянутые литераторы и перечисленные произведения античности и Средневековья если не прямые современники, то очень близки друг другу по времени. Но насколько далеко это время от нас? Вот вопрос.

Итак, следующая после эллинской и иудейской «бригада» хронологов относится к III–IV векам н.э., и может быть названа христианской, или византийской. *«Христианские историки поставили мирскую хронографию на службу священной истории»*, — пишет Э. Бикерман. К числу этих историков относятся Евсевий Кесарийский (он же Евсевий Памфил, что значит «Благочестивый Вселюбец», не то 260–340, не то 263–339) и Иероним Стридонский. Евсевий составил в 300-м году «Хроники», а Иероним перевел на латынь не только часть Ветхого и четыре Евангелия Нового Завета, но и «Хроники» Евсевия, продлив их повествование до 378 года.

Современному читателю, и даже многим современным ученым работы, подобные «Хроникам» Евсевия, часто кажутся голословными и скучными, скорее списками правителей, чем историей. Правда, они дают некоторую любопытную информацию, которой больше нигде нет, но иногда такая информация подрывает основы самой современной хронологической концепции.

В эпоху Ренессанса, однако, именно хроники Евсевия наиболее сильно завораживали гуманистов. Текст блистал именами неизвестных авторов, вроде священника Манефона, составившего египетскую хронографию. К тому же Евсевий предлагал очаровательные объяснения некоторых греческих мифов. Например, объяснил создание Дедалом перемещающихся статуй рекомендацией менять лишь верхнюю часть скульптурных памятников в связи со сменой правителя.

По сути, сочинение Евсевия суммировало политическую и литературную историю Греции, Рима, а также и древнего Израиля. *«Другими словами, это был ключ ко всей мифологии и древней истории»*, — считает Э. Графтон. Но ведь мифология — она и есть мифология.

За сим добавим, прежде чем перейти к следующей «бригаде» хронологов, что Никифор Каллист, византийский историк XIV века, предпринял попытку «повторить» хроники Евсевия.

Эволюция хронологии

Первоначальные представления людей о прошлом — когда они о нем, наконец, задумались, — были весьма аллегоричными. Они уподобляли его одному дню: утром трудился Авель, в третий час дня жил Ной, в девятый — Моисей, в одиннадцать часов вечера пришел Христос. Затем представляли себе тысячелетия, как «дни», опять же аллегорически сравниваемые с семью днями Творения. При совмещении библейской и «человеческой» историй понадобилось перевести все эти аллегории в нормальный счет по годам.

«В лето от сотворения мира 5199, от потопа 2957, от рождения Авраама 2015, от Моисея и исхода израильтян из Египта 1510, от коронования царя Давида 1032, в 65 седмицу пророчества Даниила, в 194 олимпиаду, в лето 752 от основания города Рима, в лето 42 правления Августа Октавия, когда на всей земле был мир, Иисус Христос, вечный бог и сын вечного Отца... вочеловечился от девы Марии», — гласит «Римский мартиролог». Но ведь никто не считал годы от Сотворения мира до потопа. Все эти числа имеют какое-то сакральное значение, нам уже не понятное. И вот, именно от них тянется наша традиционная хронология!

В 1492 году кончалось седьмое тысячелетие от Сотворения Мира и, следовательно, ждали конца света. Если Господь создал мир за семь дней, то он будет существовать семь тысячелетий, каждое из которых уподоблено «дню». Как видим, вера в ЦИФРУ подавляла разум. По этому поводу А.Л. Юрганов пишет:

«В XIV в. мысль о конце света в семитысячном году уже волнует сознание людей своей близостью. В разных апокрифических сказаниях можно было прочитать о тех событиях, которые должны предшествовать концу света за несколько десятков лет до семитысячного года. Вся эта богатая, и в основном византийская, переводная литература наполняла смыслом жизнь, придавала ей импульсы».

Идея исторического времени не могла осознаваться в Средневековье иначе, как в понятных человеку категориях: всемирно-исторические эпохи воспринимались как возрасты человечества. Возрасты эти не только требовали определения (Вавилонское царство, Персидское, Македонское, Римское, что, скажем прямо, не лучше и не хуже таких определений, как «рабовладельческий период», «феодализм»), но и нуждались в расчетах.

В поздней Византийской империи составление хронологии началось до 1453 года и падения Константинополя. Как уже сказано, Никифор Каллист пытался «повторить» хроники Евсевия еще в XIV веке. Затем в работе участвовал Матфей Властарь, автор «Собрания святоотеческих правил», и другие. В расчетах византийские церковники опирались на античных предшественников, живших неизвестно когда, — может быть, лет за сто до Матфея Властаря.

Для ранних европейских гуманистов бестселлер Евсевия оставался самым ясным и авторитетным руководством. Известно, что Петрарка имел копию его «Хроники» и использовал ее как один из любимых справочников. В течение XIV–XV веков этот труд имел большое количество комментаторов, имитаторов и читателей. Одна из наиболее роскошных переделок «Хроники» Евсевия принадлежит перу Бартоломео Санвито. Казалось бы, сразу после появления труда Евсевия (в начале IV века) тоже не было ничего более полезного и привлекательного, чем продолжать его хронику. И действительно, Иеремия прибавил к ней 50 лет, Проспер Аквитанский — 60 лет, а затем Маттео Пальмиери... 1040 лет! Возможно, такой научный подвиг принес много приятного в личную жизнь Маттео, — он получил очень теплую похвалу от Веспасиано да Бистиччи, но пошло ли такое действо на пользу Евсевию? Ведь он неожиданно «провалился» почти на 900 лет в прошлое!

Вот образец хронологии «по Евсевию». Он пишет в «Церковной истории»: *«Шел девятнадцатый год правления Диоклетиана, когда в месяце дистре (у римлян это март), накануне праздника Страстей Господних, повсюду был развешан императорский указ, повелевавший разрушать церкви до основания...»* Или: *«После Нерона и Домициана, при императоре, чье время мы теперь описываем, частичные гонения на нас по городам поднимала восставшая чернь».*

Неужели можно поверить, что где-то в другом месте он пишет так: в таком-то году от Сотворения мира, от основания Города, от Рождества Христова и т.п.?.. Нет в его «Хронике» таких примеров! *«Антонин царствовал семь лет и шесть месяцев; после него был Макрин, который прожил год, а после него владычество над римлянами получил другой Антонин... Антонин прожил только четыре года; власть наследовал самодержец Александр».* И лучше этой «хронологии» ничего не было до XIV, а то и до XVI века!

Все ссылки на то, что гуманисты эпохи «возрождения античности» использовали какие-то недошедшие до нас античные хронологические сочинения, что счет лет сохранялся от Диоклетиана, и что по спискам консулов или каких-то еще чиновников Древнего Рима можно восстановить всю мировую хронологию, — несерьезны.

Как же люди представляли себе историю и время между Евсевием Памфилом и Никифором Каллистом?

Почти тысячу лет после Евсевия не могли ничего добавить к этим словам: *а потом еще десять лет правил Антонин, но не тот, а совсем другой... НИЧЕГО.* Потому что эта тысяча лет уместилась на самом деле в несколько лет чумы XIV века, а реально-то ее и не было. Говорить надо не о средних веках, а о «середине» XIV века!

А.Я. Гуревич начинает свою книгу «Категории средневековой культуры» с абсолютно справедливого замечания: *«Средний век» (medium geum) — безвременье, разделяющее две славные эпохи истории Европы, средостенье между античностью и ее возрождением, перерыв в развитии культуры, привал...»* В XIV веке говорили так, как и следовало: «середина века», время Великой Чумы, разделившей европейскую культуру на античность XII — начала XIV веков, и Возрождение этой античности после Чумы. Так

продолжали считать и в XV веке; но позже выражение «Средний век» стало выглядеть странно. В начале XVII века гуманисты-хронологи выдумали «темные столетия», просветители XVIII века продолжили эту линию, и уже к XIX столетию правильное понимание окончательно исчезло.

Однако, вернемся к созданию хронологии.

Несостоявшийся конец Света вызвал подлинный интерес к датировкам прошлых событий, прежде всего к дате самого Создания Мира. После 1500 года в городах Священной Римской империи германской нации, где процветало литературное и интеллектуальное творчество, изобретательные авторы и прочие писатели, художники и типографы уже во всю сотрудничали, чтобы произвести на свет Божий иллюстрированную мировую историю беспрецедентного блеска и причудливости. (При этом в глазах греко-римских образованных людей западные европейцы так и оставались варварами, извратившими традицию константинопольской учености.) В основе всех расчетов лежали нумерология, каббала и астрология. И вот такая-то мировая история, созданная в Европе к XVI веку буквально за сто лет, стала почтенным, довольно сложным, академическим исследованием, которым никакой гуманист не мог пренебрегать.

Историки говорят ныне, что в расчетах западноевропейских гуманистов содержались значительные ошибки. Во-первых, это значит, что теперь, восстанавливая подлинную хронологическую картину, никто не может поручиться за ее точность. Во-вторых, эти хронологи-гуманисты XV–XVI веков оказались наследниками двух традиций: античной (то есть ранневизантийской), имевшей свои ошибки в расчетах, и средневековой (то есть поздневизантийской), со своими ошибками. Теперь уж окончательно стало невозможным достичь хоть какой-то точности хронологии. Иосиф Скалигер завершил работу, дав систему датировок в годах от Сотворения Мира; затем, уже в XVII веке, Дионисий Петавиус перевел ее в года от Рождества Христова.

Понятно, что в хронологии без расчетов обойтись нельзя, — проблема лишь в том, *какого свойства* эти расчеты. Мы имеем возможность показать, каковы они были у хронологов того периода, опираясь на книгу старшего современника Скалигера, Жана Бодена «Метод легкого познания истории». Вот что сообщает нам этот автор о том, как создавалась мировая хронология.

«Квадрат 12 – 144, а куб – 1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре – 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, в множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных или нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого воплощает это число в точности, по мнению самого Платона. Меланхтон, Функ и все ученые мужи следуют ему.

Но мы можем пойти дальше и глубже, чем от Нина, от которого Диодор, Геродот, Ктесий, Трог и Юстин начали свой отсчет, так как он первым [учредил] форму правления и основал Вавилон. Более точно было бы говорить, что существовала единая монархия ассирийцев и персов, чем будто бы существовали две различные монархии, в ином случае мы должны выделить царства халдеев, мидян, парфян из ассирийско-персидской монархии и предположить, что обитатели этих областей никогда не были подданными...»

Вот как легко обнаруживает хронолог целую мировую империю — путем расчетов, как Лавуазье и Адамс планету Нептун!

*«От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет. Иосиф дает на 200 лет больше, другие — существенно меньше. Я склонен думать, как из правды истории, так и из значимости самого великого числа, что 11 лет должно быть добавлено к срокам Филона, так как результат **должен быть** не меньше и не больше, чем куб 12... Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно [времени] рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным среди всех древних, относит это к 3993 г., Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет 6 по многим причинам, которые я вполне одобряю, так как получается число 3999, результат квадрата 7 и 9, самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах,*

которые затем последовали. По этой системе смерть Христа приходится на 4000 г. от Творения.

Обратимся к 70 седмицам Даниила, которые заняли 490 лет. Если мы начнем от 7-го года [правления] Дария Длиннорукого, так как Ездра [именно на 7-й год] был послан в Иерусалим для основания города, то 6-й год [является последним завершённым] до времени седмиц; сумма 6 — единственного совершенного простого числа и 70 седмиц, т. е. 7 раз по 70 лет (так как Писание берет день за год), образует другое совершенное число — 496, которое странным образом совпадает с изменениями в управлении. Уяснив это, мы уже не будем путаться в неопределённых догадках и сможем собрать вместе примеры из консульских фаст римлян, так как не может быть ничего более надёжного. От основания города до года, когда Юлий Октавиан победил Антония у Акция, был провозглашен Сенатом первым Августом и ему было предложено управление миром, прошло 729 лет, куб 9.

От Августа до Августула, который был назван последним римским императором в фастах (так как он был свергнут Одоакром, королем готов), прошло 496 лет, совершенное число. От основания города до разрушения Империи число лет [содержит] квадрат 7 и [сумму 70] целых седмиц, т. е. 1225. У Цензориния процитирован Варрон, утверждавший, что он слышал Вектия, выдающегося авгура, предсказывающего, что если римское государство безопасно пройдет через 120-летний рубеж, то оно просуществует 1200 лет. Я (Я!) установил именно такое же число лет от Нина до Арбакта, первого царя мидян. Функ добавляет еще три года, другие — меньше. Но это кажется замечательным, что не только от Августа до Августула, но также от времени, когда цари были изгнаны из города, до диктатуры Цезаря снова появляется то же число лет — 496».

И далее Жан Боден продолжает в том же духе:

«И не только здесь, но от Константина Великого до [года правления] Карла Великого, когда он первым [среди франкских королей] был провозглашен императором в Риме, даже Панвинию, наиболее усердным исследователем римской древности, который хотя и имел большой интерес к истории, но ничего не понимал в числах, все-таки насчитано 496 лет (вот откуда взялась целая эпоха, «каролингское» возрождение, — из даты, однажды проставленной пером Панвинию). От основания Альбы до ее покорения Гостилием так же точно прошло 496 лет. В добавление [приведу] взятый из Саула факт: от первого царя иудеев до Завоевания было насчитано 496 лет, Генебрард прибавляет [к этому числу] 3 года, и Гарц — даже 10, талмудисты же [от 496] вычитают почти 100 лет, но их мнение ничем не подкреплено (а мнение Саула «подкреплено» тем, что 496 — «совершенное число»). От Возвращения народа и второго строительства Храма до года, когда Ирод был поставлен Сенатом на царство, прошло 496 лет; между Арбактом, первым царем мидян, и Александром Великим прошел тот же период. В самом деле, Македонское царство существовало такое же число лет от Карнея, первого царя, до смерти Александра, хотя Фара отнимает [от 496] 8 лет, другие же добавляют 12, я склонен думать, что истина посередине.

Относительно галльского государства нам предстоит обнаружить еще больше доказательств изменений, находящихся в соотношении с этим числом [496]. Оно состоит из числа Даниила, которое становится совершенным путем добавления совершенного числа 6. Далее, оно одно внутри великого числа образуется из девяток и семерок, если целое берется из обоих множителей. Это число совпадает с тем, что отмечали древние, когда говорили, что цикл империй — 500 лет. Но у них не было никакого опыта в подобных расчетах, так как число 500 неприложимо к циклам в человеческих делах или делах природы. По правде говоря, оно и не совершенное, не квадрат, не куб, не сферическое, не сложенное из 7 и 9, не произведено из корней или квадратов этих чисел.

Если кто-либо довольно тщательно рассмотрит гражданские войны римлян, сецессии плебса, внутреннюю борьбу, он обнаружит, что число лет состоит из семерок, или из девяток, или из того и другого. От основания города до изгнания царей насчитывается 243 года, от изгнания до отцеубийства — 468, от изгнания до первой сецессии плебса на Священную Гору — 18 лет, до второй — 63, до третьей — 225, до мятежа Гракхов — 378, от мятежа до гражданской войны Мария — 45, следовательно, до войны Цезаря — 7 от отцеубийства до гражданской войны на Сицилии — 7, следовательно, до последней гражданской войны, Акцииской, — 7. Все эти числа образуются при использовании целых девяток и семерок или из обеих. Более того, сам город был взят через 364 года после его основания, это число очевидно создано из целых семерок.

От основания города до поражения при Каннах 539 лет, которое [число] образовано из 77, взятых 7 раз. К этому времени Римская империя была почти разрушена. От

поражения при Каннах до поражения при Бари — 224 года. Оба числа — из целых семерок, и оба поражения произошли во второй день августа. Известно, что Лисандр сравнял с землей стены Афин на 77-й год после победы при Саламине... И также в год нашего Спасителя 707-й на 7-й год правления короля Родерика, мавры вторглись в Испанию, через 717 лет после этого они были выдворены, как мы можем прочитать у самого Тарафы, испанского писателя.

Что касается кубы 7, также имеется много примеров. Это число было избрано Моисеем для учреждения великого праздника. От победы иудеев над Аманом с помощью Эсфири до победы над Антиохом прошло 343 года, и та и другая победа были одержаны на 13-й день 12-го месяца, который иудеи называют Адар. По этому случаю евреи воздают этому дню великие почести. То же число лет прошло от времени, когда Август один установил контроль, до того времени, когда Константин Великий достиг господства. Царство персов от Кира до Александра продержалось 210 лет — число, которое сформировано из 30 целых семерок.

Лангобарды управляли такое же число лет, хотя Павел Диакон добавляет еще три года, которые остались до убийства Дезидерия. Так же долго англичане держали Кале. Цари Сирии и Малой Азии от Нина, первого царя, до Филиппа, последнего, управляли то же число лет. От Исхода евреев из Египта до падения храма и государства насчитывается 900 лет — число, являющееся результатом умножения 9 на одну сотню. Это не больше, чем от Эврисфена, первого царя спартанцев, до тирана Набиса, которого Филопомен отстранил от власти до того, как тот совершенно изменил тип управления Лаконией... Законы Ликурга были отменены 567 лет спустя после того, как они были провозглашены, и спартанцев заставили принять обычаи ахейцев».

Взгляд, скользя по бесконечным рядам больших чисел, привыкает к ним, и человек перестает понимать суть вещей. Законы Ликурга отменили через 567 лет после того, как приняли, — сообщает Боден. Много это, или мало? Необходим живой пример, чтобы вернуться в реальность. Читателю, который представляет себе толщу времен, отделяющую нас от Ивана Грозного, поясним: 567 лет — это на сто лет больше, чем от нас до Ивана. Откуда же взялось это безумное число, 567, в нашей хронологии? Жан Боден тут же и отвечает:

«Число получилось умножением квадрата 9 на 7. Но Птолемию от Сотера до Августа, который придал Египту форму провинции, правили 294 года, а число это состоит из целых семерок [взятых 42 раза]. Государство евреев находилось в упадке 70 лет, то же число лет афиняне держали контроль над Грецией, как писал Аппиан. Готы от Теодориха, своего первого короля, до Атилы правили 77 лет, как писал в своих фастах Панвинио. Спартанцы 12 лет командовали всей Грецией, Аппиан здесь авторитет. Примеры [с числом 12] я завершу Александром Великим, который пришел к власти за 6 лет до смерти Дария и то же число лет правил после того, как Дарий был убит. После этого блеск его империи померк так же внезапно, как меркнет вспышка [молнии]».

Покончив с легендарной «древней историей», Жан Боден переходит — нет, не к современной, а к «отечественной», — и опять говорит о легендарной древности: «Но не будем ограничивать себя древней историей, давайте используем отечественные примеры и сделаем столь же тщательное сравнение хронологии Жана дю Тилле с фастами. Галлия подчинялась римлянам от окончательной победы Цезаря над галлами до времени маркоманов, когда вожди франков, полагаясь на силу своих воинов, отказались платить подать правителю Валентиниану в 441 г., число, которое образовано из квадрата 7, умноженного на 9, затем до [начала правления] Варамунда [прошло] 9 лет, до конца же его правления [прошло количество лет, равное] 9, взятых три раза. Но со времени, когда он был назван герцогом, до Пипина, который как майордом узурпировал власть и сверг короля Хильдерика, [минуло] 343 года, [значение] кубы 7».

И так далее, и так далее, и так далее. Очевидно, что Боден ведет речь не об истории как прошлом человечества, а всего лишь об истории, как сочинении человеческого ума. Закончил с выдумками и расчетами «древних» авторов, перешел к выдумкам и расчетам «отечественных». Причем древние могли жить лет за сто до него, скажем, в Византии.

«Однако я никогда не закончу, если буду и дальше приводить примеры, число которых действительно бесконечно. Но даже благодаря тем примерам, которые я дал для имеющих досуг [людей], через беспристрастные и точные факты истории возможно куда точнее обосновать изменения в государствах и более достоверно и ясно предвидеть то, что произойдет (хотя это известно одному Богу), чем при помощи пустяковых и ошибочных догадок Кардана».

Кардан — астролог. Он рассчитывает хронологию не через оккультные нумерологические упражнения, которым был привержен Жан Боден (и Скалигер), а изучая положение звезд. Несколько страниц подряд Боден поносит такой ненаучный подход к проблеме, да и самих астрологов в придачу. Еще бы: они конкуренты нумерологов. Правда, к реальной истории человечества расчеты ни тех, ни этих не имеют никакого отношения. Что интересно, из полемики Бодена с астрологами следует совершенно явное несхождение тогдашней хронологии с традиционной скалигеровской версией. Например:

«Для Кардана еще более бессмысленно говорить, что высокая звезда [Полярная звезда] была вертикально расположена над Византием, когда к нему от римлян перешло господство, так как Византий был основан до того, как был рожден Ромул, как это ясно из Полибия). Еще более абсурдно, когда он перепрыгивает от греков к следующей точке — Галлии, затем — в Германию, противоположно природе направления движения и склонения этого созвездия».

Видимо, помимо нумерологической и астрологической, были и другие «системы» создания хронологии. Не зря же Боден пишет после столь суровой отповеди астрологам:

«Ни одна система не кажется мне более простой, чем та, что основывает циклы (которые Птолемей называл «эпохами» и Альфонс — «эрами», т.е. «корнями» — по-испански) на числах, беря за начало возникновение каждой отдельной империи, подобно тому как во время лихорадки мы имеем обычаи предсказывать здоровье или смерть по решающим дням, ведь, если некоторые заболевают в разное время, один и тот же день может быть благоприятным для здоровья одних, тогда как для других это может означать конец (но иногда сила звезд и их губительное влияние таковы, что независимо от дней это влияет на нескольких [человек] в один момент). Империи, как писал Полибий, борются со своими собственными болезнями, поэтому иногда они гибнут под воздействием внешних сил, а иногда конец соответствует их природе, определенной ясным рядом решающих чисел».

То, что вы прочитали, и есть рассказанный специалистом — Жаном Боденом — метод масонов-нумерологов, применявшийся для расчета истории человечества. Если кто-то продолжает верить в истинность традиционной истории, даты которой высчитаны этими людьми — что ж, вольному воля. А мы приведем еще несколько десятков строк из Бодена, подчеркивая, что история, которую все мы учили в школе, была рассчитана, а не записана, как эволюционный процесс во всей его событийности:

«...Филон, кажется, придерживается этого метода, и поэтому я соглашаюсь с ним более охотно, когда он насчитывает 920 лет от Исхода иудеев до Основания Храма. С другой стороны, Иосиф отсчитывает 1062 года (глава 12 книги X); первый насчитывает 440 лет от Основания Храма до его разрушения, последний — 470; в более раннее время иудеи насчитывали 419 лет. Филон придерживается среднего, он насчитывает от Сотворения мира до разрушения Храма 3373 года, а Иосиф — 3513 лет; первый отсчитывает 1717 лет от Потопа до разрушения Храма, а последний — 1913. Иудейские комментаторы дают существенно меньшую цифру в сравнении с первым и вторым, Филон же избрал середину.

Итак, для того чтобы примирить эти столь различные авторитеты друг с другом, давайте сначала откажемся от периодизации Альфонса, [которая насчитывает] 8549 лет от Сотворения мира до наших дней (т. е., до 1565 г.), потому что он не приводит никаких доказательств этому мнению. Ничем не подтверждает свое мнение и Евсевий, в соответствии со свидетельством которого с Сотворения мира прошло 6760 лет. По Августину должно бы быть 6916 лет, по Беде — 6893 года, по Иерониму — 6605 лет, по Феофилу Антиохейскому — 8171 год. Давайте примем свидетельства иудеев, халдеев и персов, история которых насчитывает 5730 лет от Сотворения мира. Давайте объединим мнения Мегасфена, Ктесия или Геродота и Бероза со свидетельствами иудеев.

Среди иудеев Баал Седер насчитывает 5133 года от Сотворения мира до наших дней, раввин Насон — 5172 года, раввин Герцион и Кимхи — 5301 год, современные талмудисты — 5349 лет, Филон — 5628 лет, Иосиф — 5720 лет. Следовательно, разница между Иосифом и Филоном, наиболее добросовестными писателями, меньше 200 лет, и причина этому — тот фрагмент, который я уже упомянул в 12-ой главе Исхода, которую Иосиф читал очень тщательно. Но так как остальные комментаторы Библии насчитывают от прибытия Авраама в Египет до времени Моисея 430 лет, и так как идеи Ктесия хорошо соотносятся с идеями Филона, который выбрал середину между Иосифом и талмудистами (потому что его дата превышала их на 200 лет, а дата Иосифа превышала его дату почти на столько же), из этого следует, что Филон более надежен, чем все остальные.

Современные иудеи слишком упорно искажают времена Даниила; вопреки авторитету всех остальных писателей они насчитывают только 5 правителей в Персии, тогда как Мегасфен, Ктесий и, наконец, греки сообщают, что их было 10, и указывают годы каждого правителя. Они делали это, однако, потому, что не могли не увидеть разницу в сравнении с прорицаниями священников, которые они неправильно поняли.

Астрологи, нумерологи и прорицатели, вот кто дал человечеству «историю». А Иосиф Скалигер привел ее к тому виду, в котором она и стала традиционной и общеупотребительной. Но соответствующей реальному прошлому человечества она от этого не стала.

Явление Скалигера

В книге «Жозеф Скалигер. Исследование в классической исторической школе», пока не переведенной на русский язык, Э. Графтон сообщает, что Жозеф (Иосиф) Скалигер в начале своей научной карьеры при рассмотрении исторических периодов работал в рамках общей традиции, простирающейся «глубоко назад в классические времена, и даже вне их». Но он довольно рано, с 1565–1566 годов, заинтересовался датами. Ему, как сильному математику, была видна вся путаница, все несуразности многих «исследований» и «продолжений». Его конфронтация с мировой историей была неизбежна. Однако он считал для себя обязательным входить в контакт со всеми наиболее влиятельными интеллектуалами последней трети XVI века. Он познакомился с Сигонио и Панвинио, работавшими над комментариями к фрагментам древнеримских Fasti, обнаруженных в 1546 году во дворце Консерваторов (переделан в 1568 году в музей античного искусства) с целью восстановить древнюю (греко-римскую, то есть византийскую) ученость. Фасты показывали династии римских императоров, списки судей (чиновников) и т.п.

А надо сказать, именно в этот период интерес властителей в информации относительно рождений, браков, смертных случаев и тому подобного стал подобен мании. И деятели Ренессанса из всех сил стремились довести династические истории своих высокородных патронов до наибольшей древности происхождения, в надежде на получение наград. В XVI веке каждый из монархов надеялся проследить своих предков назад, по крайней мере, ко временам основания Рима, если не к первой Олимпиаде. (Недавно, уже в наше время некий автор доказал, что представители ныне правящих домов Европы являются потомками Иисуса Христа, за что его похвалил английский принц!)

Иосиф Скалигер тоже уделял этому вопросу много внимания. По его мнению, истории династий обеспечивали твердое неподвижное ядро для более субъективных частей истории. Его интерес подогревался тщеславием отца, Юлия Цезаря Скалигера, который неправомерно объявлял себя происходящим из рода правителей Вероны делла Скала, а они вели свою историю от Теодориха Готского.

В 1575 году Скалигер занялся наиболее спорным вопросом мировой истории: происхождением европейских народов. Одни авторы настаивали на библейском, другие — на классическом происхождении французов от греков. Третьи считали, что франков можно отыскать в первых веках христианской эры, когда варваров впервые упомянули классические авторы. Крепкие корни имела в источниках Троянская версия происхождения французов. Исторические «контакты» между древним Израилем, Лондоном и Парижем никого не удивляли.

После разрушения Рима войсками Карла V (1527) появились новые яркие истории происхождения европейских наций. Э. Графтон сравнивает историческую науку этого времени с зеркальным лабиринтом. Центры древних культур легко отыскивались не в Греции и языческом Риме, а в Испании, Франции, Англии. Любой источник мог быть поддержан или подвергнут сомнению, любая нация от Испании до Швеции могла быть наделена звездной ролью в забытых драмах мировой истории. Выдвижение новых версий истории, часто в политических и религиозных целях, было невероятно распространено в этот период.

Скалигера такая ситуация смущала. Читая «Метод легкого познания истории» (1566) Жана Бодена, он приходил к выводу, что тот смешивает классическое сокровище с современным хламом, античность со Средневековьем. И Скалигеру пришлось «отделять золото от железа», пойти по пути изобретения радикально нового прошлого.

Как утверждал он сам, ему удалось создать метод для достоверных сравнений между календарными системами различных народов (описанных в первых четырех книгах его «Орус'а») и Юлианским гражданским календарем. На его вкус, лишь этот метод и пригоден для того, чтобы вывести на путь истинный любого хронолога, блуждающего в потемках. Читая летописи, разбираясь в событиях прошлого и одновременно имея труд Скалигера, тот отныне сможет знать, где он находится на «шкале времени».

В современной России имя Скалигера практически неизвестно, но до советского периода ему отдавали должное как выдающемуся уму человечества. Признавалось безоговорочно, что именно он трудами своими «построил мировую историю», периодизировал ее и синхронизировал по странам. Прочитаем Словарь Брокгауза и Ефрона начала XX века:

«Врагов реформатской церкви он [Скалигер] устрашал и побеждал необычайною многосторонностью и глубиною знаний, во многих пунктах соприкасавшихся с теологией... Силою воображения и точных знаний С. построил в «Сокровищнице времен» мировую историю, расчленил ее материал по народам, синхронистически сопоставил события по периодам от начала ассирийского царства до половины XV в. нашей эры. ...В лице С. европейская наука вышла из подчиненного отношения к науке древних греков. Ученость С. оставляла далеко за собой знания и методы александрийских ученых».

По нашему мнению, александрийские ученые — это деятели Византии не очень отдаленных от жизни Скалигера времен. Да и традиционная история не возражает, что Скалигер возрождал достижения «древней (византийской) хронологической школы». Правда, это «возрождение» содержало причудливые и явно произвольные элементы, а читатель едва ли находил представленную в книге выставку календарей ясной и понятной. Новая хронологическая система была принята не из-за того, что обладала мощной доказательной базой, сиречь трудно перевариваемыми календарными расчетами. Интеллектуалов того времени подкупил содержащийся в книге перечень ясных и недвусмысленных исторических дат. Даже сам Скалигер неоднократно давал понять, что восхищен своим творением.

Ведь как считали хронологи до него?

Они говорили: на день данного события прошло столько-то времени от некоего другого события. Например, 200 лет от Рождества Христова (или от его распятия). Или 300 лет от бегства Магомета из Мекки в Медину. Или 753 года от основания Рима. Или: пошел второй год правления нашего славного короля, который начал править через 288 лет от воцарения императора Диоклетиана, к примеру. Притом, что даже указывая сроки правления того или иного владыки, они часто путались, и никак не могли привести эти даты к одной системе.

Задача также состояла в привязке гражданской истории к библейской. Нужно было сопоставить библейскую историю от Адама до Иисуса Христа с историей светской. А она имела сведения и об античности, как жизни нехристианской, и о современности, в которой жил весь христианский мир Западной Европы, при наличии среди этого «христианского мира» огромного количества «античных», языческих элементов. Эти разнообразные истории нужно было как-то привязать к одной точке.

Можно было наложить все истории одну на другую, а можно было развести их по времени. И тут сказалось желание Скалигера отделить «золото» от «железа», и он так разнес их на «шкале времен». И как только каждая эпоха и ее главные события были назначены в определенное место этой шкалы, хронологам больше не было нужды привязывать свои грубые расчеты к некоей неопределенной эре (вроде начала Олимпийских игр, или падения монетного веса). Ошибки предыдущих историков, при всеобщем принятии новой схемы, легко встраивались в нее чередой местных и кратковременных «возрождений», а будущие историки ошибок могли избежать. Таким образом, изобретение Скалигера имело определенный научный смысл.

Но правомерность именно такого разделения «золота» и «хлама» нужно было доказать, ведь отнюдь не все коллеги Скалигера готовы были с ним согласиться. Тот же Боден мог бы и возразить. Для доказательства в ход пошли астрономические расчеты, ибо в произведениях античной литературы встречались упоминания о каких-то, то ли солнечных, то ли лунных затмениях. Абсурдность такого подхода совершенно очевидна, так как сочинения любого летописца, хоть Геродота, хоть Фукидида — не учебник по астрономии. А по имеющимся неточным и приблизительным описаниям затмений (если они вообще были, а не выдуманы) их можно расположить в самых разных частях «шкалы» вследствие повторяемости этих явлений природы, пусть даже и через значительные промежутки времени.

Летописцы указывали на небеса отнюдь не из научной любознательности, а для иллюстрации предзнаменований великих событий, и могли притянуть к войне или смерти царя

небесное явление, якобы пророчившее это событие, хотя знали об этом явлении понаслышке. Жрец, имеющий свой идеологический интерес, высчитывая срок праздничного ритуала, желал установить зловещий небесный знак. А в приложении к хронологии учет затмений не мог привести ни к чему иному, кроме появления так называемых «сдвигов», когда события повторяются с некоторой периодичностью.

Ссылаясь на нашу книгу «Другая история искусства», где мы подробно рассмотрели этот вопрос, А.Б. Веревкин подтверждает тезис об оккультных корнях общепринятой хронологии. Но он также добавляет, что полученные им результаты совершенно независимым образом проливают дополнительный свет на происхождение официальной версии прошлого человечества, которую с полным правом можно считать *фата-морганой*. Напомним, что Н.А. Морозов, подлинный основоположник Новой хронологии, называл случаи «повторения» событий по несколько раз в ходе истории «миражами», а известный «новый хронолог» А.Т. Фоменко — «сдвигами».

«Полезно вспомнить, что первые таблицы эфемерид (долгот планет) подготовил Тихо Браге (1546–601). Для удобства их использования Джон Непер (1550–1617) в 1614 году изобрел таблицы логарифмов (чтобы вычислять суточное движение быстрых планет). Так что, думаю... Иосиф Скалигер не смог бы пройти мимо достижений астрологии своего века, иначе его работа считалась бы ненаучной, несвоевременной и немодной», — пишет А.Б. Веревкин в статье «Астрономические причины хронологических сдвигов», и продолжает:

«Свой наивысший расцвет астрология пережила в период между 1450 и 1650 годами. В это время жили Парацельс, Иоганн Кеплер, Нострадамус, Тихо Браге, Франческо Джунтини и Жан Баптист Моурин. Последнего модно считать создателем современной астрологии, — говорится в пособиях по этой «науке». В своем знаменитом сочинении «Astrologia gallica» он продемонстрировал искусство толкования, которое даже еще сегодня в значительной степени выдержит любую проверку».

А.Б. Веревкин показал, что хронологические сдвиги (в том числе «греко-библейский» сдвиг на 1800 лет, который использовал Исаак Ньютон для омоложения египетской истории и «римско-византийский» сдвиг на 330/333 года — для омоложения истории Древней Греции) имеют, кроме нумерологического, также и астрологическое происхождение. Вычисляя *аспекты* (величины углов между небесными объектами) и определяя *орбы* (допуски) в градусах, Веревкин предлагает следующие решения сдвигов, которые называет квазипериодами повторения аспектов внешних планет (Марса, Юпитера и Сатурна), Луны и Солнца:

384518 дней или 1052 юлианских года + 275 дней,

311932 дня или 854 юлианских года + 8–9 дней,

261257 дней или 715 юлианских лет + 103 дня,

123260 дней или 337 юлианских лет + 170 дней и другие.

Интересны также квазипериоды в 952 года + 121 день (347840), 954 года + 160 дней (348609) и 98 лет + 113 дней (35908), а также 1768 лет + 13 дней (645776), найденные А.Н. Нагайцевым. Таким образом, квазипериоды в 1768 и 337 лет очень близки к основным сдвигам в 1773 и 333 года.

По мнению Веревкина, хронологи XVI века, предположительно Иосиф Скалигер или его отец, датировали опорные события глобальной хронологической карты следующим образом. Характеру события, как они его понимали, должно соответствовать определенное расположение планет. Они составляли по астрологической науке аспекты планет или целый гороскоп, а затем подбирали подходящую дату, исходя из астрономических и математических знаний, которыми располагали. При этом каждому набору аспектов (в зависимости от выбранного орба) может соответствовать несколько датировок. Разница между двумя решениями называется квазипериодом этих аспектов (поскольку при сложении квазипериодов складываются и соответствующие допуски, могущие выйти за величину орба, то они не обязаны быть настоящими периодами). В итоге эти квазипериоды породили хронологические сдвиги скалигеровской хронологической карты. Должно быть понятно, что если из астрологических расчетов на несколько разных дат выпадает чья-то грандиозная победа в битве, так победы и будут приписаны каждой из этих дат.

Самое интересное, что схема Скалигера поддается разбору на составные части.

Синусоида времён

Как только в XVII–XVIII веках стала известной хронология Скалигера, сразу выявились «параллели» между развитием искусства, науки, литературы, воинского дела и т.д. в различные периоды истории. В рамках этой новой на тот момент хронологии, как оказалось, рано или поздно повторялись художественные стили, научные открытия, тактические приемы боя и прочие значимые проявления человеческой деятельности.

По мере укрепления позиций скалигеровской версии отходила на задний план критика несообразностей такой истории, и начинал превалировать некритический взгляд на нее. Анализ исторических параллелей неизбежно приводил к выводу: де, так и должно быть, «реальная история» просто подтверждает идею постоянного повтора событий. Иначе говоря, вместо выяснения генезиса версии, возникшей ИЗ ИДЕИ циклизма, ее стали рассматривать как непреложную истину, в точности отражающую реалии прошлого и приводящую К ИДЕЕ циклизма. А эта идея, заметим, впервые была высказана предшественником Скалигера, Никколо Макиавелли (1469–1547), и заключалась в том, что ситуации, имевшие место в прошлом, повторяются: таково божественное провидение. Скалигеру, вставшему на такую точку зрения, не надо было даже искать древние документы: повторяй в прошлом события вчерашнего дня, и не ошибешься. Ведь этот хронолог занимался совсем не восстановлением истории, а привязкой ее к библейскому Сотворению мира.

Последовательность веков традиционной истории имеет такой вид:

–IX–VIII–VII–VI–V–IV–III–II–I+I+II+III +IV+V+VI+VII+VIII+IX+X+XI +XII+XIII...

...но ее, исходя из «циклизма», можно разбить на «кусочки», а каждый такой «кусочек» назвать «траком веков». Теперь последовательность можно представить иначе:

3-й трак = – IX – VIII – VII – VI – V – IV – III – II – I
2-й трак = – I + I + II + III + IV + V + VI + VII + VIII
1-й трак = + IX + X + XI + XII + XIII + XIV + XV + XVI + XVII

Между соседними веками по разным тракам легко найти параллельные события и явления. Повторяются стили искусства, а иногда и герои. Но есть особенность: четные траки (2-й, 4-й и другие) имеют регрессный ход. Здесь наша история выглядит так, будто она течет вспять. Эта ситуация хорошо знакома историкам, она не раз описана ими: количество городов уменьшается, население в них сокращается, грамотность падает.

Мы видим такую картину а истории литературы: количество произведений (и мастерство писателей) на 2-м траке «падает» от века к веку, становясь всё примитивнее, от римского расцвета I–II веков и до полного исчезновения к VIII веку н.э. Мы видим то же самое в истории искусства: мастерство художников падает от великолепных греческих произведений минус I века до убожества, характерного VIII веку н.э. Мы видим это и в истории войн: тактически грамотные, стратегически оправданные битвы древности и античности сменяются варварскими драками Средневековья.

В «темные века» (XII–VIII до н.э., VI–VIII н.э.) все умения и достижения человечества заканчиваются. В Средневековье среди разливанного моря дикости «остаются» только небольшие культурные островки, вроде Вестготского и Остготского королевств. И эти островки, как, видимо, считают историки, спасают всю их историю, но на самом-то деле не спасают, а окончательно делают такой ход событий бредовым!

Все приходит в норму лишь в том случае, если четные траки «перевернуть», направив «ход событий» в другую сторону. Как только мы это сделали, так сразу поняли, что составленная в XVI–XVII веках хронология имеет волновой характер и выстраивается в структуру, которую мы назвали «синусоидой веков».

Подобная структура возникла не сама по себе, а от замысла автора хронологии, Иосифа Скалигера. На самом-то деле нет никаких оснований для иного вывода, кроме того, что история человечества цельна, последовательна и непрерывна; если и происходили какие-то «регрессы», то локально и непродолжительно. Но когда европейские маги-хронологи XIV–XVI веков затеяли конструировать историю из «кусочков», выстраивая их друг за другом, то и получилось то, что называется теперь «традиционной историей», в которой стили искусства и литературы, научные открытия, экономические теории, законодательство, военное дело и прочее «развиваются» волнообразно.

Стандартная «греческая» синусоида				Линии веков. №	«Римская» волна
4-й трак	3-й трак	2-й трак	1-й трак		
	- I		XVII	- 9 -	
	- II I		XVI	- 8 -	
	- III II		XV	- 7 -	- 3/3 III 1/3 III
	- IV III		XIV	- 6 -	- 2/3 III - II II 2/3 III
- XIV	- V IV		XIII	- 5 -	- 1/3 III - I I 3/3 III
- XIII	- VI V		XII	- 4 -	- IV IV
- XII	- VII VI		XI	- 3 -	
- XI	- VIII VII		X	- 2 -	
- X	- IX VIII IX			- 1 -	

Важно, что с IX по XVII век, на 1-м траке, достижения античности «вспоминаются» с той же скоростью, с какой античность развивалась с минус IX до минус I века. Мало того, что по теории вероятности столь полное повторение попросту невозможно, так еще ученые сами же сообщают публике, что «возрождение» началось только с XIV века, когда, дескать, средневековые люди «впервые откопали» античные произведения искусства и литературы. И как же могли они столь последовательно «откапывать» произведения античности, чтобы ход развития столь полно и всеобъемлюще истории этой античности соответствовал, вплоть до XIV века?.. И кстати сообщим, что сам термин «Возрождение» ввел Жюль Мишле только в 1838 году.

Обнаружив четкую циклическую структуру хронологии Скалигера, мы выяснили, что и на разных структурных уровнях — в историях различных исторических царств, тоже действует это правило! Так нам удалось вычленить римскую, старовавилонскую, византийскую, арабскую «волны» нашей синусоиды, а также весьма специфические ассирийско-египетскую и индийско-китайскую синусоиды.

«Римская» волна имеет свои сложности (скажем, в показе эволюции искусства она сдвинута вниз относительно «греческой» примерно на пол-линии, а в показе событийности — нет), и требует дальнейшего изучения. «Старовавилонская» и «византийская» волны как бы продляют друг друга. Одного этого достаточно, чтобы целиком отказаться от идеи циклического развития человечества.

История была сконструирована создателями хронологии, которые в расчетах своих исходили из идеи цикличности. А реальная история и ее хронология — неизвестны, поскольку принятие версии Скалигера практически подавило исследования в этом направлении. Скажем прямо, после «канонизации» скалигеровской версии история перестала быть наукой и превратилась в разновидность религии. Но следы реальной истории найти можно. Так, Жан Боден в одной из глав книги «Метод легкого познания истории» перечисляет государственные должности, «путая», по мнению историков (жрецов оккультной скалигеровской версии) древнеримские и современные его времени названия этих должностей, а также деятелей:

«...Третий вид работ выполняется теми, кто имеет несколько оплачиваемых общественных должностей, не лишенных престижа, но не предусматривающих получения какого-либо особого звания; это, например, трактирщики, писцы, нотариусы, судебные исполнители и их помощники. Четвертый вид приносит почести и награды, но еще не дает верховной власти; это, например, священники и послы. Пятый предполагает великую честь, без вознаграждений и власти; таково звание президента Сената или дожа в Венеции. Шестой наделяет и честью и властью, но без оплаты, и распространяется на магистратов; к таковым относятся консулы, преторы, цензоры, трибуны, архиепископы, эфоры и им подобные».

Следует пояснить, что *магистрат* — это государственная должность, присущая именно Древнему Риму. *Цензоры* тоже древнеримская должность, они занимались переписью граждан, определением налогооблагаемого имущества и контролем за финансами. *Эфоры* — «наблюдатели», высшие должностные лица, как полагают, известные только древней Спарте. А вот, оказывается, эти должности существовали одновременно с преторами и архиепископами.

Но это бы еще ничего. Нам могут возразить, что Жан Боден даже не «путал» времена, а специально перечислял все известные ему названия должностей вперемешку:

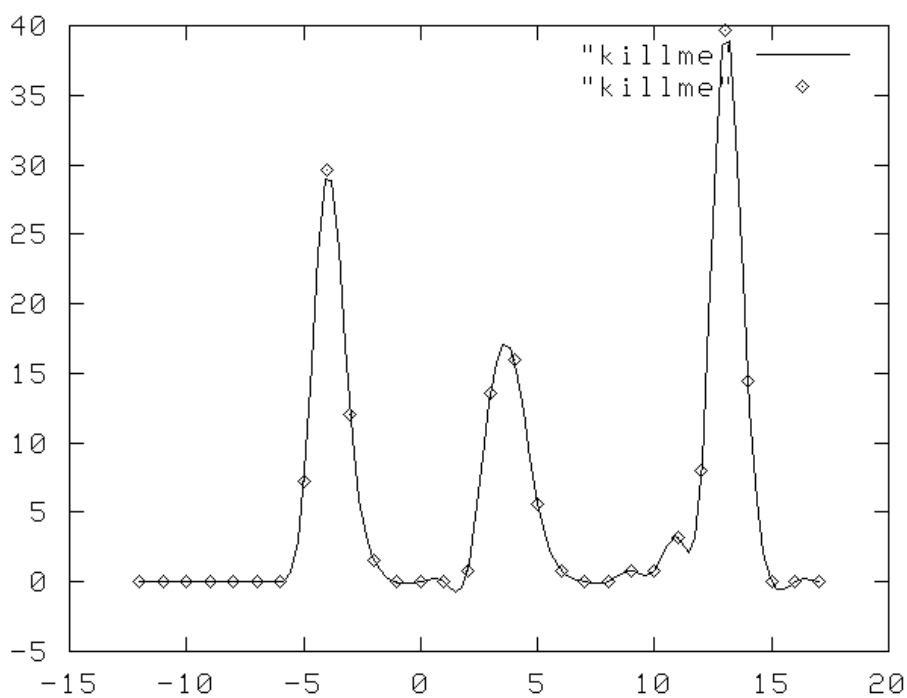
римские, венецианские, спартанские, древние, средневековые. Может быть. Но что же нам думать о следующем его высказывании?

«Если мы определим благо только лишь как созерцание, то это состояние, являющееся счастьем для одного человека, не будет счастьем для государства. Это двусмысленное положение очень беспокоило Аристотеля, и он так и не смог найти из него выход; поэтому, по утверждению Варрона (Марсилио Фичино приписывал это также и Платону), идеалом для человека, живущего в обществе, является не только исключительно досуг или только чистая деятельность, мы должны определить характер этого идеала как смешанный, если хотим сделать его универсальным и для отдельного человека, и для общества».

Все перечисленные здесь лица принадлежат к линиям № 5–7 нашей синусоиды. Ни одного выше или ниже. Аристотель (384–322 до н.э., линия № 6); Варрон (116–27 до н.э., линия № 6 «римской» волны); Марсилио Фичино (1433–1499, линия № 7); Платон (427–347 до н.э., линия № 5–6).

В книге «Другая история литературы» мы, взяв для анализа «Божественную комедию» Данте Алигьери (1265–1321, на синусоиде это линии № 5–6), составили список исторических лиц, упоминаемых в произведении. «Божественную комедию» не зря называют энциклопедией средневековья; здесь перечислено около двух сотен персонажей, в основном реальных лиц. Можно было ожидать, что многочисленные античные и средневековые знаменитости расположатся на всей традиционной шкале времени приблизительно поровну, или с нарастанием от античности ко времени автора.

Но этого не произошло. Составив график без учета нашей синусоиды, мы обнаружили, что биографические знания Данте имеют очень «неровный» характер. Но еще более поразительной стала эта картина, когда мы расставили упомянутых писателем исторических героев по «линиям веков» нашей синусоиды, с учетом римской, византийской и арабской волн: обнаружились три ясных пика.

Формализованное по синусоиде распределение упомянутых в поэме Данте персонажей

Причем между пиками пусто, то есть на всех траках выше линии жизни самого Данте он никого не знает! Возможно, «древние» греки и римляне, жившие в любом веке выше линии № 6, жили позже Данте?

Результат подсчета упомянутых Данте человек по линиям веков приведен в таблице.

Л	3	2	1	В
инии	трак	трак	трак	сего
№	0	0	0	0

И	6	4	8	1
того	3	6	3	92

Мы не видим ни одного персонажа на линиях № 7–9 кроме трех человек, которые вполне могли попасть сюда в результате любой случайной ошибки. Равномерного нарастания знаний Данте о прошлом не наблюдается, а «всплески» этих знаний становятся еще «острее».

Итак, Данте — автор линии № 6, знает персонажей человеческой истории, живших на линиях не выше линии № 6. Посмотрим же теперь, кого упоминают в своих произведениях авторы более высоких линий, например, Франсуа Рабле (1494–1553, линия № 8). По поводу его романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» литературоведы сообщают, что *«роман его стоит у высокого подъема ренессансной волны, как «Божественная комедия» Данте стоит у истоков Ренессанса. Обе книги по своему охвату — энциклопедии...»*

У Рабле должны упоминаться античные философы, поэты, политические деятели вплоть до линии № 8. И в самом деле, именно это показывает общая таблица итогов по книге Рабле:

Л	3	2	1	В
инии	трак	трак	трак	сего
№	1	0	0	1
9				

И	8	6	1	2
того	7	1	04	52

К сожалению, здесь проанализирован не полный список персонажей; некоторых не удалось датировать или идентифицировать. Однако нас интересуют не отдельные упоминаемые лица, а общая тенденция: в романе Рабле римляне и греки линий № 7–8 встречаются сплошь и рядом! И опять, как и в случае с Данте, автор линии № 8 не знает многих «древних» деятелей своей линии и вообще никого — линии № 9. Рабле не известны: Филон Ларисский, Антиох Аскалонский, Страбон, Панэтий, Посидоний, Гиппарх, Гиппал, Полибий...

Кстати, для нас очень показательно, что Франсуа Рабле (1494–1553) не знает историка и писателя Полибия (200–120 до н.э.), а Жан Боден (1530–1596) очень его любит, постоянно на него ссылается и ставит другим в пример. Это может быть только в том случае, если Полибий жил одновременно с Рабле, но стал известен позже. Ведь тогда не то что сети Интернет, но даже газет и научных журналов не было. И в самом деле, по возрасту Боден младше Рабле на 36 лет, пережил же он его на 43 года.

В отличие от Данте, Жан Боден интересуется в большей степени историей, а потому своих «современников»-антиков упоминают чаще, чем современников просто. На линии № 9, то есть выше его собственной жизни, обнаруживаются только два лица, и оба минус I века, это Страбон (64–20) и Веллий Патеркул.

Примечательна таблица для Макиавелли (1469–1527). Ни одного персонажа выше линии № 8, и так же, как у других авторов «Возрождения», нет никого ниже линии № 3. Однако античных греков и римлян Макиавелли знает существенно больше в количественном отношении, чем своих современников, а «пробелы» в его знаниях достигают 800 лет!..

Это ли не доказательство, что вся хронология смонтирована Скалигером? В своих книгах Макиавелли дат жизни упоминаемых им персонажей не указывает: даты появились позже, и в результате искусственность нашей традиционной истории ярко проявляется в таблице распределения упоминаемых в трудах Макиавелли исторических персонажей.

Синусоида — новый инструмент, с помощью которого можно обнаруживать дубликаты событий, чтобы убрать излишние, освободив историю от «сора», возникшего при конструировании оккультной, математически формализованной хронологии.

И все же нельзя забывать, что, сложив вместе все траки синусоиды, мы не получим реальной истории. Она не известна пока никому. Наука об истории человечества находится в таком состоянии, что о точных датах говорить вообще рано. Сначала надо разобраться с размещением эпох и общим направлением развития; ведь и в самом деле в некоторых случаях в традиционной истории происходит явный регресс с «обратным» повторением стилей искусства и литературы, сопровождаемый забыванием научных и прочих достижений и другими чудесами.

Создав из историй науки, литературы, искусства, техники набор *проекций* прошлого, мы сможем получить многомерную историю, и только потом встанет вопрос о приблизительной датировке элементов процесса. А в нашей книге мы вынуждены пользоваться старыми датировками, указывая номер «линии веков» синусоиды, а в некоторых, бесспорных для нас случаях, возможную приблизительную дату.

Иосиф и его хронология

Иосиф Скалигер, подражая, как говорят, Марку Варрону — традиционные даты жизни которого 116–27 до н.э., пишет «Исправление хронологии» (*Opus novum de emendatione temporum*) и издает его в 1583 году. Вслед за этим, в 1606 году он издает «Сокровищницу времен» (*Thesaurum temporum*).

Конечно, до него уже сложились определенные хронологические представления, была уже определенного вида «история». Основоположник политологии Никколо Макиавелли сформулировал такой тезис: «история нужна правителю такой, какой она позволяет ему наиболее эффективно управлять своим народом». На этом тезисе построена вся традиционная история, сочиненная в XVI–XIX веках, которую правильнее называть «политической историографией».

Уже до Скалигера предлагался целый ряд «периодизаций» прошлого, причем одну из первых мы находим в Ветхом завете. Итальянские гуманисты эпохи Возрождения уже отправили греческий «золотой век» на две тысячи лет назад; однако единой хронологии мировой истории до Скалигера все еще не было.

В его времена рукописи «древних» появлялись и исчезали, как из рукава фокусника (мы приводили примеры в книге «Другая история литературы», а здесь приведем еще). Заказ на любой «античный» документ исполнялся быстро и качественно. Почитайте его [Скалигера] биографию, — предлагает Евгений Габович. — Он в письме жалуется друзьям, что ему нужен бы полный список греческих олимпиад, но где ж его взять. И ему сразу же присылают из Парижа такой список.

Однако хронолога подвела страсть к порядку и гармонии. Его монументальный замысел содержал легко прочитываемые параллели, которые мы вывели теперь наружу, и называли «линиями веков». Уже ясны стилистические параллели в произведениях искусства и литературы, сходные — да что там сходные, идентичные элементы в развитии науки, техники, военного дела и т.п. как в древности, так и в Средневековье. Совпадает даже история создания истории!

Посмотрим, что делалось в греческой литературе на линиях веков, близких к линиям Скалигера (основное время его творчества — это XVI век, линия № 8, хотя книга «Сокровищница времен» вышла в свет в 1606 году, а это линия № 9 стандартной «греческой» синусоиды). Упомянутый выше Марк Варрон, идеал Скалигера, принадлежит линии № 6 «римской» волны. Если хронологизировать его жизнь XIV веком, то между ним и Скалигером

более двухсот лет. Это как от нас до императора Павла, — чем не древность? А между линиями Варрона (№ 6) и Скалигера (№ 8–9) мы обнаруживаем вот какое развитие (в изложении М. Гаспарова, «История всемирной литературы»):

«...В эту пору появляется ряд «всемирных историй» на греческом языке, общей целью которых было показать (вслед за Полибием), как Рим пришел к власти над миром: авторами их были уже упоминавшиеся ритор Дионисий Галикарнасский, известный географ Страбон, историки Диодор Сицилийский, Николай Дамасский; на латинском языке такую же компиляцию составил Трог Помпей; все эти сочинения сохранились частично или в отрывках. В отличие от всех этих авторов Ливий не пытается охватить мировую историю, и ограничивается римскими делами; за образец он берет не Полибия, а древних анналистов, но их материалу старается придать... стилистическую отделку».

Смотрим, как располагаются перечисленные в цитате лица на нашей синусоиде.

Полибий (202–120 до н. э.), линии № 7–8.

Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.), линия № 9.

Николай Дамасский (64 до н. э. – I век н. э.), линии № 8–9.

Страбон (ок. 63 – ок. 20 до н. э.), линия № 9.

Дионисий Галикарнасский (ок. 60–5 до н. э.), линия № 9.

В такой версии мода на «всемирные истории» развивалась двести лет, и завершилась появлением скалигеровской хронологии. Причем мы не беремся утверждать, что если, например, Диодор относится к линии № 9, то он жил в XVII веке. Отнюдь нет. Датировать годы его жизни можно будет только после скрупулезного и подробного исследования. Античность и эллинизм были безусловно разновременными в разных областях Земли. Византийская (Ромейская, Римская) империя шла первой; после катастроф XII–XIV веков культурные достижения Византии развивались в Западной Европе; свой оригинальный путь прошли те земли империи, которые отпали к мусульманству.

Сколько аналогий, параллелей, прямого сходства являют нам античная и средневековая культура! Но расставляя произведения Полибия, Страбона и прочих по «линиям веков», надо помнить, что византийская культура опережала западноевропейскую. Говоря о том, что IV век до нашей эры Греции параллелен XIV веку Западной Европы, нужно учитывать византийское опережение: в реальности это может быть середина XIII, или конец XII века.

С точки зрения теории эволюции, сходные процессы в разных странах не только могут, но и в большинстве случаев обязаны иметь место. Развитие любого элемента культуры может основываться на чужом опыте, — что мы и показали в главе «Технологический аспект». Но ведь РАЗВИТИЕ! Между тем, эпоха эллинизма в «древних» Риме и Греции, как признано самими историками, это время реставрации и возвращения к культуре прошлого, переработки наследия прошлых веков, что можно назвать словом Возрождение. И совершенно такую картину мы видим и в XV–XVI веках; здесь ситуация называется Возрождением официально.

Буккхард Якоб («Культуры Италии в эпоху Возрождения») пишет:

«Во время миланско-венецианской войны (1451–1452) между Франческо Сфорца и Якопо Пиччинино за главным штабом последнего следовал писатель Порчеллио с поручением от короля Альфонсо Неаполитанского сообщать ему весь ход военных действий. Его реляции написаны не очень правильной, но беглой латынью, в духе тогдашней гуманистической напыщенности, в целом же — по образцу Юлия Цезаря: с вставными речами, предзнаменованиями и пр.; и так как к этому времени уже около сотни лет вполне серьезно велся спор о том, кто более велик — Сципион Африканский старший или Ганнибал, то Пиччинино должен был удовлетвориться тем, что в этом сочинении он носит имя Сципиона, а Сфорца — имя Ганнибала. Но и к миланскому войску следовало также отнести объективно: писатель явился в лагерь Сфорца, его провели вдоль строя войск, он громко хвалил их, и обещал передать увиденное им потомству. Вообще итальянская литература того времени богата описаниями войн и указаниями на военные хитрости для любознательных знатоков и всего образованного мира вообще, между тем как северные реляции той же эпохи, как, например, Диабольда Шиллинга о Бургундских войнах, отличаются бесформенностью и протокольной мелочностью хроник».

Приложив к этому сообщению синусоиду, видим следующее. К середине XV века уже «более сотни лет» ведутся споры, кто более велик из героев Пунических войн. По «линиям веков» между милано-венецианской войной и Пуническими войнами — одна, или полторы линии веков, то есть, не исключено, как раз «более сотни» лет. Ну, а то, что итальянец Порчеллио подражал в писаниях своих стилю Цезаря (линия № 6), а в германских землях отставали от этого прогрессивного на тот момент стиля, не должно нас удивлять.

Удивительным как раз представляется, когда перемены в культуре происходят повсюду и разом, а тем более, когда они «возвращают» назад целые народы.

Прочтите отрывок из латинское стихотворения Элия Лампридия Цервина и попробуйте определить, когда написано сие произведение; здесь говорится о сложностях избрания посла в Скифию:

В Скифские ныне края посол направляется вами.
Должен достойным он быть гордых палат королей,
Должен дары королю возвеличить от мирной Каменной, —
Станет дороже вдвойне дар от напевов ее.
Речью украшено лестной, пристойней становится злато,
Если добавишь хвалу, ценность его возрастет.
Если ж унизил дары ты своей неразумною речью,
Вот и погибли они из-за твоей простоты.
Необходимо, чтоб князь очарован был роскошью дара,
Не призирает притом он и духовных даров.
Нет, духовными он не пренебрегает дарами:
Он побежден и пленен — только ученым трудом.
Нежная сладость стиха привлекает его; как богатый
Золото любит, так он любит, изысканный, Муз.
Марсовы он лагеря Авсонии песнью смягчает
Между военных забот, шлемов суровых и труб.
Даже и здесь королю приятна латинская Муза,
Поровну время дарит он и войне и стихам.
Пусть на оружие своем Тритония носит Горгону, —
Все же изящных искусств не оставляет она.
Турок ли он стрелоносных, иль сильных гонит церцитов,
Иль поражает мечом гетов восставший народ,
Или же топчет рога в оковах лежащего Рейна, —
Это достойно стихов, это достойно Камен.
Значит, того, кто ни Муз не знает, ни красноречья,
Я полагаю, нельзя в Скифский предел посылать.
Ведь безъязычный посол подарок любой обесценит,
Если в нем тонкости нет, чтобы привлечь короля.
Злата дороже хвала; обычно и дани превыше
Ценит хороший король стихотворенья певцов.
Так предоставьте же честь ученому, честному мужу,
Ведь преступленьем для вас был бы негодный посол.
Выбор должно не исканье решить, а заслуги и доблесть;
Тут погрешить не должно лицепрятые вельмож.
Не иллирийский язык, а латинский король почитает,
Ибо привык подражать прадедам римским своим.
Каменным ведь истуканом иль мраморной статуей может
Вашего сделать посла глупая, грубая речь.
Что же, граждане, к делу! Пусть избран будет посланцем
Тот, кто силен в языке и в рассужденье силен.
С выгодой почести он оказывать будет, с лихою,
Но красноречья даров зря не начнет расточать.
Если меня, как певца и патриция, вы изберете,
Чтобы дары королю передал я, как посол, —
То за лавровый венок, которым на Квиринале
Рим певца увенчал, вам не придется краснеть.

Когда же написано это произведение, если традиционная хронология относит исчезновение Скифии на III век? Откроем наш маленький секрет: Элий Лампридий Цервин, он же Илия Л. Цриевич, жил в 1463–1520 году. А его латинских стишок носит предвыборный характер, и называется «По поводу избрания сенатом посла к польскому королю»! Кстати, послом Цервина так и не избрали.

Комментатор — не иначе, скрытый враг скалигеровской хронологии, — пишет по поводу упомянутой здесь Скифии: «В XVI в. поляки называли свою страну Сарматией (по

Птолемию). Геродот же именовал ее Европейской Скифией». Далее идет собственно комментарий: *«Церциты — народ азиатской Скифии, живший близ Азовского моря, отождествлявшийся с черкесами или татарами. Это название распространялось и на украинских казаков»*. Здесь времена и народы смешались окончательно. Скифский король Польши, помимо турок стрелonosных, для развлечения гоняет по углам «сильных церцитов», которые — то ли жители Скифии I–III веков, то ли татары XIII века, то ли современные воинственному королю черкесы. Которые, к собственному удивлению, могут оказаться адыгами, карачаевцами, а то и вовсе чеченцами. Или украинскими казаками.

Культура повернулась вспять?! Да, но только в представлениях историков скалигеровской школы. Если отбросить их фантазии и выстроить хронологию, соответствующую законам эволюции, никаких провалов культуры и «возрождений» не будет.

Но пока традиционная история торжествует, мы в I веке до н.э. мы видим такой же, как и в XV-м, «возврат культуры» к прошлым достижениям. В это время открыты и изданы эзотерические сочинения Аристотеля; на рубеже эр александриец Энесидем провозгласил возрождение древнего скептицизма, в философии Эпиктета и Марка Аврелия очевиден поворот от позднейших эклектических форм стоицизма к более ранним, вплоть до кинизма. Однако различить истинных «древних» от «новых древних» практически невозможно. М. Гаспаров сообщает, что в риторике *«отдельные виртуозы достигали такого совершенства, что их сочинения долго принимались за подлинные произведения V века до н.э.; но большинство писателей довольствовались более отдаленным подражанием, оставлявшим больше места собственному вкусу»*.

И это тоже не более, как мнение современных историков, делающих выводы на основании неверной хронологии. Ничто иное, а только скалигеровские зигзаги и петли, вывязанные из годов и веков, заставляют ученых находить повторы и выдумывать теории, вроде теорий аттицизма или азианизма.

Литературоведы говорят об искусственном возрождении в Греции I века н.э. диалекта 600-летней давности; это и есть аттицизм. Может ли кто-нибудь из историков внятно объяснить, зачем, да и как практически это можно было сделать? Возможно ли вообще такое насилие над языком? И ведь все это мы уже видели в III–II веках до н.э.; тоже обращались «к старине». А в дальнейшем — через столетия — эти древнегреческие «перемены» прямо влияют на литераторов эпохи Возрождения и Барокко, которые опять возвращаются к давным-давно пройденному, забытому, возрожденному и снова забытому!

Представьте, что вы посадили на огороде морковь. Выросла морковь большая-пребольшая, а потом... возвратилась к состоянию семечка! Ну, хорошо, морковь разумом не обладает и не может знать, что состояние семечка куда как лучше достигнутого ею высокого уровня развития, когда она уже сама может плодоносить. Вы огородник, и желаете ее съесть, и вам тоже, собственно, деградация корнеплода ни к чему. Но предположим, что вы, обладая разумом, из каких-нибудь соображений желаете вернуть ее в прежнее состояние. Получится у вас это, или нет? Нет, ибо против законов эволюции не попрешь. А если нет, то каким же чудом **культура** в ходе столь же естественной эволюции, как и рост растений, может сделать что-то подобное, да еще и многократно, и — обращаем ваше сугубое внимание — только и единственно в случае с греко-римской литературой, наукой, историей?

Мы приводили сообщение из «Истории всемирной литературы», что в античности (как и при ее возрождении) вдруг вспыхнул интерес к истории. Оказывается, и в том, и в другом случае этот интерес сопровождается литературным бумом. Об этом — М. Грабарь-Пассек:

«Появляется целая отрасль истории — наука о «древностях», то есть не о событиях, а о памятниках, учреждениях, обычаях, преданиях прошлого... К ним примыкали многочисленные сочинения... которые стояли на стыке истории, географии и этнографии — одними из первых здесь были «История» вавилонянина Бероса и «Египетская хроника» египтянина Манефона, написанные по-гречески в начале III в.»

Что же из себя представляют писания Бероса и Манефона, в которых время считается **сотнями тысячелетий**? Мы можем понять это, рассматривая их появление в общем контексте линий веков, к которым они принадлежат. Это линии № 7–9. В веках этих линий и в античности, и в эпоху Возрождения расцветает жанр утопий, а также и прочих сомнительных произведений о выдуманных событиях. В Европе и арабском мире появляются многочисленные описания далеких земель, выполненные в виде путевых заметок.

«Существенное значение для последующего развития... средневековой литературы имели... псевдоисторические описания идеального общественного устройства

(*Ямбул, Евгемер*)», — пишет В. Ярхо о создателях утопий «античного» периода. Для сравнения, на этих же линиях веков пишут свои романы-утопии Томас Мор и Томмазо Кампанелла. Это один и тот же пласт псевдоисторических жанров. И к нему же относится еще одно сомнительное произведение: «Исправление хронологии» Иосифа Скалигера!

Его схема мировой истории в виде строго закономерного циклического процесса грешила многими противоречиями. Как только она стала известной, так сразу вызвала многочисленные недоумения у просвещенных людей. Он «чистил» схему в деталях, убирая проблемные места, но не смел менять ее полностью, хотя его реконструкция лишь частично отвечала тем представлениям, которые он хотел в нее вложить. Он предполагал, что в законченном виде история всего мира не будет соответствовать ни одной «локальной» истории, известной его читателям, включая священную. В настоящее время принято считать, — пишет Э. Графтон, — что он боролся с предрассудками, придавая древней истории тот вид, какой она в конечном счете приняла.

Но дело, видимо, в другом. Он защищал языческую (масонскую) историографию, которая могла быть вовсе отвергнута христианской церковью — и католиками, и протестантами, — если бы не нашлось решения, как примирить одно с другим. Опираясь на Бероса и Манефона, он создавал твердое основание гуманистической концепции, включавшей язычество как «универсальную» религию, предшествующую христианству и хотя бы только поэтому имеющую право на существование. Его современников из числа «язычников» устраивало, что их антихристианизм получил свое место в истории, а христиан — что язычество встроено в его историю не одновременно с христианством, а раньше. Естественно, Скалигер не выставлял напоказ недостатки, которые уродовали Библию, и не обсуждал их даже с интеллектуалами его времени, помня о судьбе несчастного Джордано Бруно.

Закончив «Исправление хронологии», он не испытывал оптимизма относительно ее приема и держал в секрете саму суть своего хронологического метода. Правда, ему удалось найти некоторых союзников из числа очень влиятельных людей. Кальвисий написал представление к его идеям, и вместе с критикой предлагал дружбу и поддержку. Игнатий Ханниил основывал свои лекции в Росток на работе Скалигера, хваля его как наиболее видного ученого Европы. Сциоппиус хвалил экстравагантные по тем временам тексты, заявляя, что даже школьник сможет разобраться в новой хронологической схеме.

С другой стороны, однако, перспективы быстро ухудшались. Многие серьезные ученые видели в книге Скалигера не спорные моменты, над улучшением которых надо работать, а пример непомерных амбиций автора. Он их настолько не устраивал, что в ход пошли уж совсем не научные приемы. Для Скалигера стало неожиданностью, что его враги напали на его социальное положение.

Скалигер бежал в Женеву из Парижа в 1572 году после Варфоломеевской ночи и там выдал себя за ярого кальвиниста. Однако, будучи по крови евреем, он нигде не чувствовал себя в безопасности. Тема личного происхождения была его старой ноющей раной: ложные претензии на благородство достались ему в наследство от отца, звавшего себя Юлием Цезарем. В 1583 году Агостино Нифо доказывал в Падуе, что Скалигер — простой Бордони, и не имеет никакого отношения к веронским правителям делла Скала. Падуанские враги хронолога обнародовали документы, опровергавшие как его истории, так и его диплом доктора филологии. Ответное нападение Скалигера на Роберто Тити выставило эти вопросы на свет, и в 1589 году Тити пообещал в печати сорвать маску скалигеровского благородства и показать его истинное лицо.

Затем многие со всем рвением накинулись на «Сокровищницу времен» Иосифа Скалигера; кстати отметим, что само название книги типично для масонской литературы. Теперь в рядах его врагов были уже не отдельные личности вроде Тити: иезуиты отчаянно нападали на отдельные пункты его творения. В 1605 году Карло Скрибани издал памфлет, порочащий Скалигера и имевший целью изолировать его от католических ученых, оказавших ему уважение и симпатию в прошлом. Скрибани убеждал Липсия отказать Скалигеру в поддержке в Лейдене, куда он переехал из Женевы.

Против него шла массированная контрреформаторская пропаганда. В 1607 году вышел очередной памфлет, направленный против «низкороджденного протестантского врага». Сциоппиус, перешедший снова в католичество и ставший большим другом иезуитов с 1598 года, был одним из самых ядовитых противников Скалигера. Он постарался дискредитировать происхождение, карьеру и ученость хронолога, выставил его как аморального знатока языческой непристойности настолько выпукло и ярко, что до XIX века, по словам Э. Графтона, «его карикатуру считали точным портретом».

Скалигер кое-как защищался. Он говорил, что Панвинию, Мюре и Мануцио принимали за должное претензии его отца считаться делла Скалой. Он отрицал обвинения в симпатиях к порнографии, говоря, что едва знает Петрония. Но насколько были опасны в XV–XVII веках обвинения в разврате в Западной Европе? Испытывал ли Скалигер неудобство из-за морального осуждения? Или в большей степени страдало его научное самолюбие?

Как бы то ни было, скалигеровский канон, его хронология, столь милая сердцам современных историков, выглядела более чем сомнительной в XVII веке, из-за чего европейские хронологи раскололись на множество сект. Скалигеровцы следовали впереди лишь одной из них, и то с трудом. Лишь более поздние протестантские ученые расчистили препятствия, чтобы путь Петавиуса, переведшего хронологию Скалигера в годы от Рождества Христова, был легким. Благодаря ему знакомая нам хронология Древнего мира стала догмой.

Вскоре появилась возможность ее проверки.

Первые раскопки в Геркулануме начались в 1711 году; в 1748-м дошло и до Помпей. Раскопки носили рекламный и коммерческий характер, ни о каких научных исследованиях речь в XVIII веке не шла. Первые раскопки в Афинах вело английское «Общество дилетантов» в 1751–1743 годах, — об их уровне говорить сегодня неловко.

Но уже первые, весьма поверхностные результаты, начали порождать в обществе скептические настроения в отношении скалигеровской «истории». А итальянец Франческо Бьянкини утверждал, что археологические памятники дают совсем иное знание прошлого, чем письменные данные «древних» авторов. Реализацией его взглядов явилось опубликование «Всеобщей истории, изложенной по памятникам и изображенной в древних символах».

«Основным достижением эпохи Просвещения было то, что историки увидели многочисленные неточности, ошибки, искажения и фальсификации в источниках, — пишет В.А. Иванов. — Разрушение авторитетов привело к развитию критического взгляда на источники вообще и расцвету филологической критики источников в частности».

Основателем критического метода в классической филологии стал английский ученый Р. Бентли (1662–1742). Он исследовал письма одного из сицилийских тиранов VI века до н.э. Фалариса, и путем тщательного и всестороннего анализа установил, что они являются не подлинником, а фальсификатом.

Джанбаттиста Вико (1668–1744), автор труда «Основания новой науки об общей природе наций» (теория циклов), установил, что гомеровские поэмы написаны разными авторами и в различные эпохи.

Барух Спиноза в «Богословско-политическом трактате» (1670) указал на многочисленные пропуски, противоречия, разрывы и повторы (дубликаты, как мы говорим сегодня) в тексте Ветхого Завета.

Критическая работа Пьера Бейля («Исторический и критический словарь», 1696) привела его к полному скептицизму; он отметил глубочайшие противоречия между источниками, и пришел к выводу о невозможности установить в них какое-либо рациональное зерно.

Центром критической работы над античными источниками в XVIII веке стала основанная в 1701 году в Париже «Академия надписей и изящных искусств». В 1720-х годах в Академии развернулась ожесточенная дискуссия о достоверности римской истории. Член Академии Пуйи доказывал абсолютную легендарность римской исторической традиции и считал, что никаких достоверных источников по римской истории не существует. Такое же скептическое отношение к источникам вообще и к римской исторической традиции в частности развил Луи де Бофор в своей «Диссертации о недостоверности первых пяти веков римской истории» (1738).

Но скалигеровская хронология только крепчала. Абсолютное большинство авторов, переписывая книги своих предшественников, насаивали тома «толкований» традиционной истории. Самое печальное, что школьные учебники составляли именно они, а не критики типа де Бофора.

В 1754 году Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768), убежденный сторонник скалигеровской версии, опубликовал капитальный труд «Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре», а в 1764 — «Историю искусства древности», ставшие энциклопедией по истории и философии античного искусства. Возникновение благородного искусства древнегреческой классики автор объяснял наличием политической свободы граждан в Греции.

Трудно переоценить вред, доставленный этими трудами. Капитальность исследований Винкельмана породила иллюзию достоверности, и на протяжении двух веков его

труды считались окончательной истиной. Историки не удосуживались заглянуть в первоисточники и изучить фактический материал, — им было достаточно авторитета Винкельмана.

Правда, Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781) пытался было полемизировать с Винкельманом, но его голос потонул в хоре голосов сторонников классической теории. Ведь основная масса историков как XVIII, так и XIX веков, вместе с их античной историей, были востребованы для отстаивания различных политических теорий. Например, «История Греции» англичанина Митфорда преподносила материал древнегреческой истории таким образом, чтобы отстоять идеалы английских тори начала XIX века. Во Франции в том же XIX веке история античности рассматривалась как воплощение идей республиканской свободы, гражданского самоуправления и патриотизма.

Историография превратилась в раздел публицистики и политики, и ни о какой серьезной научной работе речи быть не могло. Не случайно 33-томная «История древнего мира» Луи Филиппа Сегюра, изданная в 1824–1830 годах, фактически оказалась просто многотомным художественно-публицистическим произведением.

И в начале XX века античная история оставалась наиболее удобным полигоном для проверки политических концепций: так, во Франции и сторонники буржуазной демократии, и ее противники использовали историю «античного мира» как прекрасное поле для оттачивания своего мастерства политической полемики. В результате начало XX века ознаменовалось неким «историческим модернизмом»: историки затеяли изучение феодальных и капиталистических отношений на примере истории античного общества.

В это же время начались массовые хищнические «археологические» раскопки; за 20 лет было нарыто больше, чем за предшествовавшие три столетия. Возникла новая наука — папирология, ведь папирусы до XX века были науке неизвестны! Начались нумизматические исследования, и тоже на дилетантском уровне.

Но были сделаны и попытки «прорывов», выработки нового взгляда на прошлое. Статистический метод для исследования древней истории первым применил К. Белох (1854–1929). В работе «Аттическая политика со времен Перикла» он провел исследование численности населения греко-римского мира, и сразу пришел к парадоксальным выводам: рабов в древних государствах не было. Затем, проанализировав труды «древних историков», он заявил, что ТАКАЯ история — это искусство, и следует не научным, а художественным законам.

К парадоксальным выводам приходит и Г. Дельбрюк, анализируя численность греческих армий в работе «История военного искусства в рамках политической истории». Этот автор, о котором мы не раз еще вспомним, разбирает военные операции с профессиональной точки зрения и разрушает большинство легенд, долгое время державшихся в военной истории.

В конце концов, «историческое» сообщество разделилось на гиперкритиков (коих были единицы) и традиционалистов (подавляющее большинство), которые продолжали плодить книги в подтверждение уже укоренившейся версии, основанной на хронологии Скалигера. И все же наличие ярко выраженных циклов и дубликатов в истории отрицать стало невозможно, и это привело к развитию всевозможных теорий цикличности.

К наиболее известным из них относятся теории Освальда Шпенглера (1880–1936) и Артура Тойнби (1889–1976).

Шпенглер в своем фундаментальном труде «Закат Европы» (1920–1922) отметил стандартные циклы развития, которые проходит каждая цивилизация. Он выделил 8 таких цивилизаций: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, апполоновскую (греко-римскую), магическую (византийско-арабскую), фаустовскую (западноевропейскую) и майя. Историософия Артура Тойнби выделяла 21 отдельную замкнутую независимую друг от друга цивилизацию. Все они равноценны и современны, даже если и исчезли тысячи лет назад. Надо ли говорить, что такое толкование истории совершенно иррационально.

В целом результат деятельности последователей Скалигера и Петавиуса породил ситуацию, когда опровергнуть то, что казалось сумасбродством еще в XVII веке, стало практически невозможным. Думается нам, что традиционная история принципиально не может быть реформирована.

Н.А. Морозов, предпринявший такую попытку, писал в 1920-х годах: *«Мне очень трудно продолжать эту часть моей работы, так как никто лучше меня не понимает, что для всякого, кто не посвятит этому предмету многих лет своей жизни, а я занимался им, хотя и с перерывами, с 1883 года, все, что я говорю сейчас и буду говорить далее, покажется лишь пустой попыткой сокрушить несокрушимое... Гебраист не знает египтологии с ее*

иероглифами, египтолог не знает ассириологии с ее клинописью, эллинолог не знает арабского языка, арабист не знает санскрита... а все эти форты и фронты, однако, сделаны искусно защищающими друг друга. У кого хватит смелости атаковать какой-нибудь из них, когда он знает, что на него тотчас же загорят ураганным огнем все остальные?»

Война и хронология

Гебраист не знает египтологии, египтолог не знает ассириологии, эллинолог не знает арабского языка, — пишет Н.А. Морозов. Арабист не знает санскрита. Индолог не знает ничего об истории индейцев. Если же всерьез сравнить «Историю государства инков» с, например, книгой «Поход Александра», или Книгой Иисуса Навина, или некоторыми другими, то неожиданно обнаружишь, что все они списаны с одного древнего текста. Только хронология разносит эти «истории» на тысячелетия друг от друга.

«Такими были наши первые инки и короли, — пишет Гарсиласо де ла Вега в «Истории государства инков». — Сколько лет тому назад наш отец Солнце послал этих своих первых детей, я не могу тебе точно сказать, ибо их прошло столько, что память не может их сохранить; мы считаем, что более четырехсот».

Отчего же всего лишь четырехсот? Почему автор не «растягивает» историю инков на несколько тысячелетий? Ведь получается, на то, на что людям Старого Света потребовалось от 6 до 10 тысяч лет, инки сделали за четыреста. А все дело в том, что автор — Инка Гарсиласо де ла Вега — не был знаком с хронологией Жозефа Скалигера.

А. Вотяков пишет по этому поводу: *«Если бы донья Каталина (принцесса Португальская, которой был посвящен весь труд, — Авт.) могла поверить, что государству инков 600 лет, он написал бы «шестьсот лет», но она не готова была в это поверить, потому что до революции Скалигера «четыреста лет» было очень много».* А поверить в то, что инки обладали историей более древней, чем история Старого Света, она бы не смогла.

Между прочим, Гарсиласо де ла Вега пишет следующее:

«Был у королей инков в Коско крест из ценного бело-красного мрамора, который христиане называют яшмой... Когда испанцы захватили тот имперский город и построили храм нашему всевышнему Богу, они повесили крест в том месте, о котором я рассказал (в ризнице католического собора, — Авт.)»

Короче говоря, испанские миссионеры, прибывшие для обращения индейцев в католическую веру, обнаружили, что индейцы уже были обращены в христианство апостолом Варфоломеем (его отождествляли с богом Вира-кочей), *«но в дальнейшем дьявол совратил их...»* Первые испанцы, попавшие в Америку, даже утверждали, что *«Инка является Богом-отцом, а Бакаб — Богом-сыном, Эструак — Богом Святым духом и Чирипиа является святейшей Девой Марией... и что Бакаб, убитый Эпоуком, является нашим Господом Христом, распятым Пилатом на кресте».*

Все эти «недоразумения» историки считают или поздними вставками, или фантазиями автора. Но такими же поздними вставками, живо заставляющими вспомнить Библию, полна и священная книга индейцев майя «Пополь-Вух».

Все это противоречит скалигеровской хронологии и вообще традиционной истории. Даже здравый смысл протестует, обнаруживая, что человечество способно, достигнув высочайшего расцвета, разом остановиться, чтобы вновь начать свое движение столетия спустя.

«...Не только Россия, вся Восточная Европа, Германия, Англия, Скандинавия, Испания, Франция, Египет, Арабские страны — вдруг в варварстве, дикости и невежестве возникли в XIII веке и, не очень чтобы заметно отставая друг от друга в техническом и культурном отношении, продолжили как ни в чем не бывало свой исторический путь из того самого состояния, в котором их оставил Геродот, — пишет А. Вотяков. — Разве это ни странно, что ничто не изменилось, никто никого не завоевал, и никто новый не появился? Персы жили в Персии, армяне — в Армении, итальянцы — в Италии, французы — во Франции, испанцы — в Испании, греки — в Греции, египтяне — в Египте, македонцы — в Македонии, англичане — в Англии, потомки скифов — в России; как не было нигде евреев при Геродоте, так их нигде не было и в XIII веке...»

И все это «погружение в дикость, безвестность и небытие» сотворил миллиардам людей всего только один человек, Иосиф Скалигер. Уцепившись в его версию, adeпты нумерологической хронологии начали подверстывать к ней все новые и новые «научные»

труды, и много позже дошло до изобретения специального термина: «Возрождение», как будто объясняющего несуразности этой истории.

Но разве можно объяснить необъяснимое?

Чтобы вернуться к нашей военной теме, обратимся к книге И. Хейзинги «Номо Ludans». Книга любопытна сама по себе, мы же берем ее потому, что в ней есть глава, посвященная ратному делу.

Хейзинга замечает, что так называемая эпоха Возрождения (конец XIV–XV век) возрождает не только античность (пехоту, например), но и рыцарство. То есть рыцарство для XV века — та же античность:

«Ибо следует указать на тенденцию, которую обнаружил дух этого времени: воссоздание в реальной жизни идеального образа минувшей эпохи... Надо отметить, что связи между собственно Ренессансом и этим возрождением рыцарства в позднем Средневековье намного более сильны, чем это себе представляют. Рыцарское возрождение было как бы наивной и несовершенной прелюдией Ренессанса. Ибо полагали, что воскрешение рыцарства воскресит и античность (!). В сознании людей XIV столетия образ античности бы все еще неотделим от образов рыцарей Круглого Стола».

Нужно ли что-либо добавлять к сказанному? Открытым текстом говорится, что рыцарское Средневековье — это и есть античность, по крайней мере, для людей, живших до откровений Скалигера.

«Ромул, таким образом, считался родоначальником рыцарства, ибо именно ему довелось собрать отряд в тысячу конных воинов. Бургундский хронист Лефевр де Сен-Реми писал во славу Генриха V Английского: «И усердно поддерживал правила рыцарства, как то некогда делали римляне».

Хронологи Средневековья представляли себе мировую историю, в первую очередь, как историю войн и царей. Поэтому свою главную задачу они видели в том, чтобы написать убедительную историю войн, которые вели эти цари. Убедительность истории искусства, науки или литературы их нисколько не волновала. Но даже в истории войн они не смогли избежать грубейших проколов, в частности, явных дубликатов некоторых битв, попавших и в античность, в и Средневековье, но расположенных по одним и тем же «линиям веков» обнаруженной нами синусоиды.

В Средние века существовало понятие о войне как о всего-навсего расширенном поединке, — и это ничем не отличалось от представлений Гомера. Вплоть до XVI века многие правители разных стран объявляли о намерении встретиться со своими противниками в рыцарском поединке, как это было и в греко-римском мире. Они посылали вызов по всей форме и с энтузиазмом начинали готовиться к схватке. Хейзинга видит в этом политическую рекламу, но это его мнение вытекает из того, что люди тех времен рассматриваются как «взрослые», то есть как люди, во всем подобные людям XX века. А это не так, они как раз были «детьми», людьми начального периода культуры. Отсюда и поразительная живучесть королевских дуэлей, эдаких «детских драк».

«Ричард II Английский предлагает, вместе со своими дядьями, герцогами Ланкастером, Йорком и Глостером, с одной стороны, сразиться с королем Франции Карлом VI и его дядьями, герцогами Анжуйским, Бургундским и Беррийским, с другой. Генрих V Английский послал вызов дофину перед началом битвы при Азенкуре. А герцог Бургундский Филипп Добрый обнаружил почти неистовое пристрастие к подобному способу разрешения споров». Он вызывал на дуэль герцога Саксонского, а на склоне лет дал обет сразиться один на один с «Великим Туркой».

«Франческо Гонзага сулит освободить Италию от Чезаре Борджа, сразив его на поединке мечом и кинжалом. Дважды Карл V сам по всем правилам предлагает королю Франции разрешить разногласия между ними личным единоборством».

Чем это отличается от правил времен Троянской войны?

«Первоначальные элементы международного права мы находим в смешении с казуистическими и часто ребяческими предписаниями о проведении схваток и поединков».

Как же сам Хейзинга относился к разделению истории на три основных периода? Вот его подлинные слова из статьи «Задачи истории культуры»:

«Потребность в подразделении мирового процесса на последовательность сменяющих друг друга временных периодов, каждый со своей собственной сутью и предназначением, имеет своим происхождением не занятия историей, но космологические размышления и астрологию... На протяжении всего Средневековья фикция (фикция ли? — Авт.) продолжающегося существования Римской империи позволяла понимать то, что уже

произошло со времени пришествия Христа, и то, что еще должно будет произойти, как свершающееся в ходе последней из четырех мировых эпох, возведенных пророками... Лишь к концу XVII в. трехчленная схема Античность – Средневековье – Новое время проникает из чисто литературного употребления в историографию».

Идею такого деления мировой истории предлагал в конце XVII века немецкий ученый Христиан Келлер (он называл себя Целлариусом), причем положив в основу членения не культурные, а политические мотивы. Ну, так и мы утверждаем то же самое. А ведь Хейзинга совсем не сторонник новых веяний в хронологии!

Говоря о произвольности «периодов», он замечает:

«Было бы лучше всего в процессе употребления (терминов) и вовсе забыть, что «Средневековье» говорит о чем-то, что посередине, а «Ренессанс» — о возрождении».

Именно так мы и поступаем. Для нас слово «Возрождение» перестало означать повторение чего-то давно исчезнувшего, а «Средневековье» слилось с «Античностью». Возрождение, будучи само поздним Средневековьем, возрождало Средневековье же, то есть самое себя, так же, как античный эллинизм возрождает сам себя в форме филлелинизма XV–XVI веков. Для того, чтобы покончить с этой путаницей, достаточно принять, что «античный» — понятие не историческое, а географическое и означает «греко-римский». Это история Византийской (ромейской, римской) империи со столицей в Константинополе, говорившая на греческом, писавшая на латинском (а до этого на древнееврейском) языке, — империи, оплодотворившей своей «античной» культурой Европу XI–XIII веков.

Вообще всякая историческая мифология («исчезнувшие цивилизации», божественные герои, великие пришельцы и прочее) выступает в сознании людей не как просто ушедшее время. Она и настоящее, и будущее; в итоге — вечное. Мифология — часть культуры каждого народа, она стремится выживать, несмотря ни на что, ибо без культуры и традиций народ исчезнет, растворившись среди других народов. Поэтому европейцы возрождают свою далекую античность, китайцы — свое великое прошлое, и т.д., и т.п.

«Невозможно было бы преувеличить значение существующего у человека любого общества, независимо от уровня развития последнего, стремления вернуть то, мифическое великое время, потому что каждый ритуал и каждое значимое действие производят это возвращение», — пишет И. Хейзинга.

Это абсолютно религиозная идея, не имеющая никакого отношения к науке о реальном прошлом человечества. Скалигеровская хронология не знает по сути дела ни прошлого, ни будущего, ибо в ней заранее заложен вечный повтор: в будущем будет то же самое, что уже было в прошлом, — появятся «варвары» и все начнется заново. Так было единожды, дважды, трижды... всегда. Раньше варвары приходили из Азии, теперь придут из космоса. Это — миф.

Методы разрешения противоречий

Мы показали выше, что противоречия в традиционной версии мировой истории специалисты видели всегда. И несмотря на это, скалигеровская постройка в целом устояла. Какие же методы используют историки, чтобы спасти свой предмет, хотя вездливые «альтернативщики» вроде нас то и дело вываливают на них факты, доказывающие наличие противоречий, и требуют ответа?..

Если противоречие не носит «системного» характера, а касается частных, к тому же незначительных, историки согласны мириться с ними, или признать один из вариантов после рассмотрения обоих.

Вот типичный пример подобного примирения.

Датировка сказания черноризца Храбра «О письменах» вызвала полемику, основанную на различии между александрийской (5500) и византийской (5508) эрами. Различие было связано не только с тем, что по-разному датировалось рождение Христа, если отсчитывать от Сотворения мира, но и в каждом из этих случаев по-разному определялся сам год Рождества. По расчетам александрийцев Иисус родился в 9 году н.э., а потому разница в эрах составляла уже не 8, а 16 лет.

«Доказать это расхождение можно лишь располагая достаточным количеством годовых дат с одновременным обозначением индиктов. Между тем, таких материалов византийские исторические труды не дают, и поэтому, например, В. Грюмель

признает невозможность определить, в соответствии с какой эрой ведутся хронологические расчеты в трудах Продолжателя Феофана, псевдо-Симеона и Георгия Амартола». (Сказания о начале славянской письменности, М., 1981, с. 189).

В этом случае историки предпочли хотя бы согласиться с тем, что разные толкования возможны. В других случаях они могут использовать метод осуждения. Вот пример из нашего недавнего прошлого:

«Большинство буржуазных ученых считают термины «древний мир», «средние века» и «новое время» лишенными всякого определенного содержания... В этом бессилии установить самые основные понятия исторической науки сказывается как присущее буржуазной историографии отсутствие подлинно научной методологии, так и глубочайшее разложение, которое переживает в настоящее время ВСЯ БУРЖУАЗНАЯ НАУКА». — (История Средних Веков, под ред. С.Д. Сказкина, т.1, М., 1952, с. 7).

Справедливости ради надо сказать, что подобные оценки, характерные в основном для идеологизированных периодов истории, смягчаются время от времени, в зависимости от политической ситуации. Но потом опять обостряются.

«Замалчивание является излюбленным приемом науки в ее борьбе с еретиками, с беспокойными, с искателями научной истины (за пределами научных догм), — пишет германский ученый Евгений Габович. — Это орудие особенно действенно благодаря тотальной цензуре со стороны научного истеблишмента (касты жрецов от науки) во всех формах изданий и средств массовой информации: от газет и телевизионных передач, до книг и «научных» журналов. За редчайшими исключениями, везде критикам научных догм уготовлены головомойки, ругать и — для упорствующих — неукоснительный «от ворот поворот».

Граничащий с догматизмом «научный» консерватизм начинается с тотального промывания мозгов с детского возраста. Детям сообщаются «истины», «научные» по форме и мозгопромывочные по содержанию. Детей учат верить новому божеству современного человечества «НАУКЕ» всегда и во всем. Верить авторитетам (профессорам, академикам) и не сомневаться во всемогуществе «науки».

И никто не учит детей, а потом и юношество сомнениям, скептическому отношению по отношению к «научным» догмам, уважению к скептическим, критическим, еретическим голосам и аргументам. Причем историческая «наука» превосходит в этом вопросе все другие: ни в одной из них, даже в теологии, элемент веры не играет столь важной и столь контрпродуктивной роли, как в истории».

Перейдем же и к серьезным методам противодействия тем, кто требует пересмотра хронологии.

Если источник противоречит традиционной истории или не совпадает с мнением авторитетов, он автоматически выводится из научного оборота. Так произошло с работой Мауро Орбини. Так происходит со многими другими источниками.

Этот метод особенно заметен в отношении историков к апокрифам. Цитирование апокрифических документов считается научно недобросовестным, поскольку церковью они зачислены в индекс запрещенных книг. Подчинение «науки» давлению церкви — новое явление, нехарактерное даже для XIX века, но теперь это, к сожалению, типично. И вот, апокрифы автоматически выводятся из научного оборота. Впрочем, понятно, почему жрецы истории идут на это. Ведь иначе им пришлось бы объяснять такие удивительные тексты, как, например, последнее пророчество Даниила. Оно содержит упоминание средневековых татар, русов, измаильтян, Антихриста.

Еще один метод: приписывание людям Средневековья принципиально ахронического сознания. Дескать, не могли они адекватно понимать протяженность времени, путались, определяя, насколько «давно» происходили давние события. Итак, если имеются (а они имеются во множестве) неудобные историкам средневековые сообщения, то достаточно заявить, что сознание людей было ахроничным, что они не чувствовали времени и плохо понимали, что говорят. Неправильно, де, чувствовали собственную эпоху и описывали ее в полном противоречии с традиционной версией истории, откуда и взялись многочисленные анахронизмы средневековых авторов. Им ничего не стоило приписать Юлию Цезарю сочинение привилегий Императорскому дому Габсбургов:

«Петрарка, основываясь на целом ряде филологических и психологических наблюдений, утверждал, что привилегии, данные Цезарем и Нероном австрийскому

герцогскому дому подложны» (Д.Н. Егоров^{*}). Казалось бы, тут и доказывать ничего не было нужно, ибо в традиционной версии между Цезарем и Габсбургами больше тысячи лет. Но Петрарке (1304–1374) традиционная история не была известна, и он, как и авторы подлога, ничего странного в ТАКОЙ истории не видел.

А может, люди как раз чувствовали время правильно, и лишь когда их «чувства» были поверены гармонией сфер и математикой, и произошла ахронизация?.. Так, Фрэнсис Бэкон (1561–1626) сообщает о написанной им истории Генриха VII (1455–1509): «Я не льстил ему, а вдохнул в него жизнь настолько хорошо, как сумел, отстоя **столь далеко** от него и лишенный лучшего света» (М.А. Барг. Шекспир и история. М., 1976, с. 32). От смерти Генриха до рождения Бэкона прошло 52 года. Но *чувство времени*, высказанное философом на бумаге, автоматически относит короля в глубокую древность.

Уровень средневековой науки был слишком низок, чтобы правильно описывать собственную историю, — говорят современные ученые. Только достижения науки XX века позволили достоверно оценить древнюю историю человечества. И этот тезис в принципе не может вызывать возражений, кроме одного — нельзя на его основании отвергать большинство старинных источников, ссылаясь на невежество авторов. *Представления эпохи* они отражают абсолютно достоверно.

Средневековые авторы представляли себе античность как близкое к ним время, обильно цитировали античных авторов и не считали необходимым давать какие-либо ссылки. Некоторые помещали в свои произведения античные труды практически целиком. Например, неизвестный автор XI–XII веков написал драму «Христос терпящий», на треть состоящую из стихов язычника Еврипида. Другие не чурались использовать чужое имя, чтобы под сенью его славы опубликовать собственные труды.

Нам анализ таких случаев позволяет выстраивать более или менее достоверную хронологию, а традиционным историкам служит основанием для отказа сообщениям средневековых авторов в достоверности. Они говорят, что сознание людей Средневековья временами *переключалось* на античность, и эти недотепы начинали *реминисцировать* кусками из античных авторов. Каков психо-физиологический механизм таких реминисценций, понять невозможно. Уж сказали бы прямо, что наши предки все повально были сумасшедшими.

Впрочем, бывает, и говорят. Бывает, что «уличают» авторов источника в паранойе. Например, в XVII веке турецкий султан разослал письма своим подданным: практически всем руководителям Европы, включая Россию и Португалию (Вести Куранты, 1600–1639, М., 1972, с. 217). Историки объявили султана психически больным. Разумеется, людям, свято верящим традиционной хронологии, бесполезно объяснять, что возможны и другие толкования: Турция — наследница Византийской (Ромейской, Римской) империи, и султан, отнюдь не теряя разума, вполне мог считать Европу частью той империи, а себя ее владыкой. Другое дело, что в большинстве европейских стран так уже не считали. При этом никто не говорит о психическом здоровье русского императора Петра I, который до 1722 года исправно платил этому султану дань.

Один из самых подлых методов, используемых историками — сознательное искажение публикуемых текстов. Характерные примеры находим в «творчестве» академика Д.С. Лихачева.

Вот цитата из издания «Повести временных лет» (СПб., Наука, 1999, серия «Литературные памятники», с. 8; здесь и далее нами, для удобства чтения, буква *ять* заменена буквой *е*). Текст ПВЛ печатается по Лаврентьевской летописи, и в нем приведено довольно много разночтений по другим спискам. В цитируемом же случае никаких разночтений не приводится:

*«От сих же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ, от племени Афетова, **нарци**, еже суть словене».* В именном и географическом указателе, составленном Д.С. Лихачевым к этому изданию, читаем:

«Нарци см. норики.

Норики (нарци), народ – 8, 144, 385».

8 — это цитированная выше фраза; 144 — её перевод, выполненный самим Д.С. Лихачёвым. Он звучит так:

*«От этих же 70 и 2 язык произошел и народ славянский, от племени Иафета — так называемые **норики**, которые и есть славяне»;*

^{*} Введение в изучение средних веков. Историография и источниковедение. М., Изд. об-ва при ист.-филос. фак. Моск. Высш. жен. курсов, 1916. т. 1, с.32.

А 385 – это комментарий того же Д.С. Лихачёва к этому же фрагменту, который выглядит следующим образом:

«Нарци, или норики, — жители Норики, древней провинции Римской империи по течению Дуная. В VI в. здесь уже жили славяне. Поэтому, очевидно, а может быть, и вследствие какого-либо предания, норики и были отождествлены на Руси со славянами».

Но вот как выглядит исходная фраза в Радзивиловском списке, — фраза, не удостоенная даже варианта в разночтениях к академическому изданию. Воспроизводим ее по изданию «Радзивиловская летопись». СПб., Глаголь; М., Искусство. Т.П. с.17):

«От сих же 70 и 2 языку быс(ть) язык словенскъ, от племени ж(е) Афетова, нарицаеми иновѣрци, еже суть словене» (в скобках — компенсированные буквы).

Таким образом, **«нарци»**, получившиеся у летописца при сокращении слов **«нарицаемые иновѣрци»**, привели нашего академика к «научному открытию» целого народа, закрепленного занесением в именной указатель.

Еще один пример из Повести Временных Лет, Притча об обрах. Вот как этот фрагмент выглядит в издании, подготовленном академиком Д.С. Лихачевым: *«Словеньску же языку, яко же рекохомъ, живуцю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ, рекомии болгаре и седоша по Дунаеви, и населници словеномъ быша. Посемъ придоша угри белии, и наследиха землю словеньску»* *.

А вот как выглядит этот же фрагмент в оригинале Радзивиловской летописи, л. 5 (источник прежний, с. 20):

*«Словенску же языку, якож(е) рекохом, живуцим на Дунаи, придоша от скуф(ь), ре[кше от казаръ], рекомии болгари, и седоша по Дуна[еви и насе]лници словеном быша. Посем придоша угр[е бел]ии и наслед(и)ша землю словеньску, **прогнавши волохы, иж(е) беша преж(е) прияли землю словеньску»**.*

Жирным шрифтом в конце выделены слова, удаленные Д.С. Лихачевым при публикации безо всяких комментариев. Надо заметить, что этот кусок текста имеется в Радзивиловской летописи, но отсутствует в Лаврентьевской, но и это удивительное обстоятельство оставлено Лихачевым без внимания.

А ведь утверждение, что славянской землей прежде владели волохи, как называли римлян, трудно назвать несущественным и не заслуживающим если не отдельного комментария, то хотя бы упоминания. Что это за римляне? Латиняне? Или ромеи-византийцы?

Аналогичным образом сегодня издается немало памятников истории и культуры. Похожая картина в массовом порядке имеет место и при переводе древних источников на современный английский язык: проставляются даты в сегодняшнем летоисчислении, и в соответствии с принятой сегодня хронологической шкалой; заменяются понятия. Для примера: Синедрион «переводится» как Сенат, Севаст — как Август. Вставляются фантомные персонажи: Caesar August превращают в Caesar and August, в соответствии со вкусовыми пристрастиями переводчика. Вот такая «культура античности» прививается обществу повсеместно.

Еще одно возражение историков тем, кто не согласен с их историей: отказ рассматривать художественные произведения Средневековья в качестве источника сведений о прошлом. При этом они забывают, что само понятие «художественная литература» появилось лишь в XVIII веке, а до этого вся светская литература — и научная, и популярная, и художественная, писалась в одном жанре. В частности, поэмы Гомера считались серьезным научным источником по географии.

Между тем, литература являет постоянные «анахронизмы», никак не согласующиеся со скалигеровской версией. Так, Новеллино (см. «Новеллино», М., 1984, с. 161) описывает посольство французского короля XIV века в Рим и встречу этого посольства с Сенекой:

«В те времена, когда власть Рима была столь велика, что весь мир платил ему дань, французский король, сочтя себя достаточно сильным и богатым, и не желая больше оставаться в кабале у римлян, задумал избавить себя и свою страну от их владычества с помощью выкупа или иным каким-нибудь способом. Собрал он знатных и богатых граждан и отправил их послами в Рим.

* Повесть Временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Издание второе. СПб., Наука, 1999 (Литературные памятники). С.10.

И вот собрался в Капитолии великий совет, и произошла там чинная и достойная беседа. Французы держали речь о своем деле, следуя во всем наказам короля; их выслушали с большим вниманием и почтением. Переговорив друг с другом, римляне решили: как великий философ Сенека скажет, и как рассудит он это дело, так и будет.

Сенека в это время находился у себя дома; послы вместе с несколькими знатными и уважаемыми римлянами отправились к нему. Когда Сенека увидел всех этих достойных людей, он очень удивился, не сразу уразумев, что все это означает. Однако принял их, как и подобает принимать самых почетных гостей, хотя и был человеком небогатым, а, вернее сказать, даже бедным, ибо служил Риму верой и правдой без всякой для себя корысти, и не было для него большей награды, чем слава родного города.

Французские послы поведали ему обо всем, затем речь держали римляне. Узнав, что от него требуется, Сенека остался весьма доволен тем, что римляне оказали ему подобную честь, и доверили столь важное и почетное дело».

Даже в XVI веке Никколо Макиавелли продолжал считать французов современниками римлян. О том, что античный Вергилий — родной дед Анжуйского князя, тоже пишут многие авторы:

*Но расскажу тебе о Клингсоре
В самом Неаполе рожден,
В терра де Лабор он сел на трон.
Он — отпрыск знатнейших фамилий.
Дед его — неаполитанец Вергилий —
Чуть ли не с детства волшебником слыл,
Да, он великим кудесником был.
Клингсор же в Капуе был князем.*

У Вольфрама фон Эшенбаха (XIII век) находим типичный средневековый анахронизм: герой его произведения князь Гамурет (анжуйский рыцарь XII века) едет в страну Барука (библейский персонаж) в Вавилон и сражается там с Помпеем, племянником Навуходоносора (VI до н.э.), и т.д. Кстати, и XII век, и VI до н.э. == линия № 4 нашей синусоиды. Но это так, к слову.

Автандил, герой средневекового эпоса XIII века «Витязь в тигровой шкуре», встречается с великим арабским мудрецом Сократом:

*Встал Сократ седобородый, встал воитель, стройный станом,
Подошли они к владыке — каждый с поднятым стаканом, -
Опустились на колени на ковре золототканом,
И Сократ вступил в беседу с престарелым Ростеваном.
Оглянувшись на везира, усмехнулся царь-отец,
Удивился: как он смеет упрекать его, наглец.
«Одолжил меня ты славно, мой прославленный мудрец,
Но ошибся, утверждая, что арабский царь — скупец!»*

Относясь столь недобросовестно к средневековым текстам, историки, тем не менее, обвиняют своих противников в «недобросовестном цитировании». Что это такое, рассказывает участник группы «Цивилизация», Владимир Анатольевич Иванов:

«Под этим понимается цитирование источников в выгодном для Новой Хронологии свете... По мнению традиционалистов, вина авторов исследований по Новой Хронологии состоит не в том, что они цитируют текст, а в том, что они при этом не цитируют комментарий историков. Это и называется «недобросовестным цитированием».

Перечисленные меры борьбы со здравым смыслом прекрасно освоены исторической наукой, и вполне отвечают ее уровню. Однако мы намерены продолжать работу. И не только мы в рамках проекта Хронотрон, но и группа А.Т. Фоменко (Новая Хронология), и участники проекта «Цивилизация», и самостоятельные исследователи. Выявленные нами противоречия традиционной истории уже не могут быть отброшены. Они показывают, что требуется полный пересмотр исторической парадигмы.

Письменным источником не следует слишком доверять, — так пишут в учебных пособиях по археологии. Доверять надо археологии.

«Археологические источники сами по себе весьма достоверны, так как они, за редкими исключениями, не создавались специально для передачи информации о прошлом, и, следовательно, в них нет той субъективности, которая присутствует в письменных источниках, отражающих взгляды автора на исторические события, его общее мировоззрение, степень осведомленности, пристрастие и определенные цели, — пишет Б. Шрамко. — В этом отношении археологические источники более надежны... в открытом или скрытом виде они содержат объективную информацию о деятельности людей».

Но к нашему удивлению тот же автор пишет в другой книге: *«В настоящее время имеются достаточно веские основания для отождествления Бельского городища с городом Гелон, описанным в четвертой книге «Истории» Геродота. Это дает возможность использовать важный письменный источник для более полного раскрытия смысла археологических находок».*

А зачем же нужна такая возможность, если мы не знаем ни степени осведомленности Геродота, ни его пристрастий, ни целей? И вот оказывается, что археологам некуда деться без письменных источников, ибо они способствуют «более полному раскрытию смысла» того, что они нашли, а не наоборот!

В своей книге «Ур халдеев» Л. Вулли пишет, что в музеях Ирака хранятся памятники с именами разных царей. *«Но когда эти цари правили, никто сказать не мог. Даже великий Саргон Аккадский был окутан столь густой дымкой поэм и легенд, что еще в 1916 г. доктору Леонарду Кингу пришлось доказывать, что он был реальной личностью (как именно доказывать? — Авт.), а не романтическим образом. Кроме того существовал список царей, составленный шумерийскими писцами в конце II тысячелетия до нашей эры (откуда это известно? — Авт.). Это был своего рода костяк истории, похожий на наши хронологические таблицы из школьных учебников... Но, к сожалению, толку от такого списка было немного... Он начинался именами восьми царей, которые якобы правили «до потопа» и царствовали в общей сложности 241 200 лет!.. Все владыки от времен потопа до начала царствования Саргона Аккадского правили якобы в общей сложности 31 917 лет».*

Как видим, сам Л. Вулли не очень-то доверяет письменным источникам. А если нельзя доверять им в одной части, почему же следует доверять в другой? Почему одним источникам доверять нельзя, а другим можно?

Тем не менее, *«ассирологи решили, что первая династия Ура, в существовании которой не осталось сомнений, начиналась около 3100 г. до н.э. Я, разумеется, с ними согласился»*, — пишет Вулли.

Вот и вся наука археология. *«Я согласился, а куда деваться!»*. Далее археолог сообщает: *«...Я, зная, что царское кладбище образовалось незадолго до начала первой династии... предположительно датировал его 3500–3200 гг. до н.э. (ничего себе, незадолго! Разброс в 300 лет! — Авт.) ...Но вскоре после выхода книги новая версия заставила передвинуть начало первой династии Ура к 2900 г. до н.э., а теперь некоторые ассирологи идут дальше и считают, что Мес-анни-пад-да вступил на трон примерно в 2700 г. до н.э.»*

Досада Л. Вулли на историков понятна. За ними не угонишься. Только датировал свои находки, а «ученые» уже изменили свое мнение. *«Пока эти проблемы решаются на основе литературных источников, и нам, археологам, остается только соглашаться»*, — признается он.

Нужны ли комментарии к этому, высказанному известным ученым мнению? Археолог послушно пишет в хронологической таблице то, что ему сказали историки: Мес-анни-пад-да правил в 2550-х годах до н.э., (а Мес-ки-аг-га-ше-ир правил 324 года, Эн-мер-кар — 420 лет, Га-ур — 1200 лет, Ибартуту — 18 600 лет и т.д.). И такая археология называется наукой!

Бывают и более поразительные случаи. Вот заметка из современной газеты. Приводим ее целиком.

«Известный греческий археолог утверждает, что раскопал дворец, в котором жили главные герои гомеровского эпоса о Троянской войне. Пятница, 15 Марта 2002 года.

Профессор Теодор Спирипулос, представитель Центрального археологического совета Греции, сообщил, что наткнулся на остатки дворца легендарного спартанского царя Менелая, из-за жены которого Елены Прекрасной произошла первая в истории война между Западом и Востоком.

Фундамент строения, по его мнению, безошибочно указывает на то, что это был царский дворец, окруженный мощными укреплениями. Раскопки проводятся около деревни

Пеллана, в районе нынешнего города Спарты, на юге полуострова Пелопоннес, сообщает ИНТЕРФАКС. «Я не имею ни малейших сомнений и абсолютно уверен в том, что Пеллана — это описанный Гомером район дворца Менелая», — приводит слова археолога газета «Элефтеротипия».

Раз есть письменный источник, считают историки — его не обойти, не объехать. Надо дать ему дату (в том случае, если источник не выкидывают из рассмотрения, как «недостовверный»). Вслед за этим приходят археологи, и подтверждают дату. Работа у них такая. Это видно, за что ни возьмись. Например, весь комплекс современных знаний о прошлом явно противоречит хронологическим построениям Египетского прошлого, что не подвигает ни историков, ни археологов к отказу от бесконечных повторений сочинений «жреца Манефона».

Г. Чайлд пишет:

«В Египте письменные источники — прежде всего компиляция Манефона на греческом языке, составленная при Птолемеи Филадельфе, а также отдельные фрагменты более древних египетских анналов, в особенности так называемый Туринский папирус, написанный около 1300 года до н.э. (откуда это известно? — Авт.), и Палермский камень, надписи на котором были сделаны приблизительно еще на четырнадцать (а почему бы и не сто четырнадцать? — Авт.) столетий раньше, — позволяют датировать археологические памятники примерно третьим тысячелетием до н.э. и позднее».

Манефон — египетский жрец из Гелиополя. Этот человек — подчеркиваем, человек, а не всеведущий господь Бог, — сидючи в Гелиополе, составил список царей Египта тридцати ДИНАСТИЙ. Какими источниками он при этом пользовался, неизвестно совершенно. Достоверно помнить данные всех этих царей он не мог, но список, тем не менее, составил. И этот список стал основой истории Египта.

Вы думаете, он все же мог помнить имена всех царей? Давайте проверим. В отличие от Египта двухтысячелетней давности, у нас в России данные о наших великих князьях и царях напечатаны в книгах, изданных, наверное, миллионами экземпляров. Вы, как и все остальные граждане страны, учились в школе, где вас заставляли читать эти книги. Династий у нас тут было отнюдь не тридцать, а только две: Рюриковичи и, после смутного периода, Романовы. Вспомните, пожалуйста, все, чему вас учили, и изложите на бумаге. И подумайте, может ли ваш труд служить источником по истории России.

Смеем предположить, что жрец Манефон имел в голове своей не сведения о реальном прошлом Египта, а готовую схему. Суть схемы состояла в том, что Египет — самая древняя страна. И дело не в том, что это неправда, — это как раз может оказаться правдой, — а в том, что Манефон увязывал свою «правду» с тем, что написали другие авторы о других странах. Вот это и означает, что он работал в рамках схемы, то есть она уже была, и сказать, — когда появилась схема? и когда жил сам Манефон? — теперь довольно трудно.

Можно ли верить такой истории?

Другой пример. Традиционная хронология разделяет крито-микенскую и греческую культуры почти двумя тысячелетиями. Археологические же данные свидетельствуют, что культура Крита была куда как выше по уровню своего развития, чем «более поздняя» греческая. Ситуация постоянно ставит археологов в тупик. Так, Р. Шмидт пишет о весьма бесформенных бронзовых фигурках из Олимпии:

«В связи с этими находками в литературе ставится вопрос о пропасти, отделяющей высокую технику крито-микенских бронз от примитивной техники греческих, и выдвигается теория о новых пришлых племенах, принеших другую, более отсталую технику. Снова перед нами встает вопрос... имеем ли мы здесь появление совершенно новых народов, носителей новой культуры, которые начисто смели старую культуру и начинают все сначала, или же произошел социально-экономический переворот, произошла революция?.. Общественное развитие не идет по прямой непрерывной восходящей линии, а движется как бы по кривой, спиралеобразно. Кроме того, следует отметить, что даже в области материального производства далеко не все из микенского периода начисто исчезло, отмечалась же, например, преемственность в области производства оружия, когда говорилось о том, что железные мечи повторяют форму бронзовых микенских».

Да, трудно приходится археологам, когда вся хронология уже оформлена, причем задолго до возникновения серьезной археологии. А главное — когда археология должна подтверждать уже готовую концепцию... Кстати, только в России археология представляет собой отдел исторической науки (хотя современная история сама по себе лишь отдел филологии). А международные встречи археологов происходят не в рамках конгрессов исторических наук, а на симпозиумах антропологов и этнологов.

Рассмотрим подробнее методы работы археологов. Они таковы, что зачастую плакать хочется.

Первый метод — *стратиграфия*, то есть «порядок чередования напластований **культурного слоя** по отношению друг к другу, а также к подстилающим и перекрывающим его горным породам и отложениям» (БСЭ). Стратиграфические датировки относительно, причем они особенно затруднены, когда естественный порядок слоев нарушен перекопами, обвалами, оползнями, эрозией почв и т.п. Абсолютных датировок достигают с помощью других методов археологии.

Следующий — *типологический* метод основан на классификации древних вещей (оружия, украшений, сосудов и т.п.) по материалу, способу обработки, форме и орнаменту. Вещи одного типа, то есть одного и того же назначения, но отличающиеся в деталях, размещаются в типологические ряды, «сопоставление которых дает возможность выявить группы предметов, характерных для определенной эпохи» (БСЭ).

Применение стратиграфии и типологического метода дает представление лишь о последовательности событий. Переход от относительной датировки к абсолютно точной возможен, когда в одном раскопе находят недатированные вещи с такими, время изготовления которых известно. Вернее сказать, время изготовления которых *считается* известным.

Метод *относительной геохронологии* позволяет понять, какие отложения в земной коре являются более молодыми, а какие более древними, без оценки длительности времени, протекшего с их образования. Как относительная, так и ядерная геохронология мало что могут дать для определения возраста археологических находок.

Специалисты — Б. Колчин и Я. Шер, пишут в своей статье «Абсолютное датирование в археологии»:

«Известно, как трудно бывает геологу синхронизировать стратиграфические разрезы разных стран и материков. Археологу несоизмеримо труднее синхронизировать пласты культурных отложений в разных памятниках, отстоящих друг от друга на некотором расстоянии. Даже когда эта задача решается на основе типологических сопоставлений древнейших предметов из соответствующих слоев, то говорить о длительности того или иного периода, выраженной в общепринятых единицах времени (годах, веках, тысячелетиях), можно только весьма приблизительно, основываясь на счастливых совпадениях и интуитивных догадках...»

Датировки на основе типологического метода, если они не подкреплены стратиграфическими наблюдениями, нельзя считать вполне надежными по ряду причин. Прежде всего, установление сходства и различий между вещами и памятниками, которые изучаются типологически, происходит в известной мере субъективно... Поэтому если археолог говорит, что данную могилу можно датировать VI–IV вв. до н.э., поскольку в ней найдены наконечники стрел, аналогичные таким-то и таким-то, то эта аналогия в основе своей является результатом его собственного... представления. Нередки случаи, когда то, что один археолог считает похожим, другой считает различным... Даже в более достоверных случаях, когда памятники датируются по безусловно сходным вещам, трудно учесть время передвижения в пространстве вещей или их изготовителей».

Затем авторы переходят к той помощи, которую археологи могут получить от историков, изучивших письменные свидетельства:

«Датировки памятников и культур письменной эпохи тоже содержат много неопределенности из-за неясностей в самих источниках. Многочисленные примеры тому можно почерпнуть из споров о хронологии Древнего Египта и неолита Европы. Бывает также неясной привязка летоисчисления, которому следовал автор, к нашему летоисчислению», — пишут они и приходят к выводу, что «у исследователей появилась возможность определять возраст археологических объектов независимо от традиционных эталонов — хронологии древних цивилизаций Египта и Месопотамии» благодаря радиоуглеродному методу. Однако, как выяснилось в последние годы, чрезмерно доверять радиоуглеродному датированию опасно.

Например, установленный РУ-методом возраст неандертальской стоянки Тата относил ее ко временам вюрмского похолодания. Но палеонтологические исследования обнаружили на ней много костей теплолюбивых животных, которые должны были исчезнуть с наступлением вюрмских холодов. А так как они длились несколько десятков тысяч лет, то возраст стоянки и возможности метода становятся неопределенными.

Другой пример. Г. Шварц и И. Скофлекс иным, нежели радиоуглеродный метод доказали, что на территории Восточной Европы неандертальцы жили значительно раньше, чем это было установлено прежде радиоуглеродным методом. Еще пример. В Америке вместо РУ-

метода применить биофизический метод. И... — вот что произошло, по рассказу П. Ваганова (книга «Физики дописывают историю»):

«Измерение абсолютного возраста человеческих костей со стоянок Даль-Мар и Сахнивэйл привело к заключению о том, что данные биофизического метода нужно принимать с осторожностью. Вместо величины 70 тыс. лет получили всего 8300, а вместо 48 тыс. — только 11 тыс. лет...»

По мнению Джеффриса Бады *«торий и протактиний указывают не столько возраст изучаемых костей, сколько время, прошедшее с момента отложения в них урана».*

А если бы новый метод подтвердил предположения археологов и результаты РУ-метода, стали бы его критиковать?.. Давайте посмотрим, что происходит в таких случаях.

«Методы абсолютной датировки имеют первостепенное значение для дописьменных эпох истории, — пишет А. Монгайт в «Археологии Западной Европы» — Однако для эпох, когда уже существовала письменность, на первое место выдвигаются историко-археологические методы хронологизации», то есть «в странах, где существовала письменность, большей частью удается связать те или иные археологические памятники, а следовательно, и найденные там вещи с датами, указанными в письменных источниках».

Так что все физические методы датирования существуют для историков лишь до тех пор, пока они подтверждают то, что нужно историкам. А поскольку разные физические методы дают разные результаты, всегда можно ими варьировать. Но в прессе говорят главным образом лишь о радиоуглеродном методе, потому что он наиболее популярен.

Археолог, не будучи физиком, отдает обнаруженные им в раскопах образцы на исследование в физические лаборатории, уже сформулировав собственное мнение по поводу своих находок. Если физик подтверждает мнение археолога, тот с радостью вставляет результаты физического исследования в свои статьи и материалы. Если же нет, археолог по-прежнему больше доверяет своему субъективному мнению, чем выводам кого бы то ни было. И эти результаты, и эти выводы остаются никому не известными.

Между тем, датировки артефактов претерпевают иногда самые головокружительные кульбиты. Покажем некоторые из них так, как они приведены в книге П. Ваганова «Физики дописывают историю».

В экспозиции нью-йоркского музея Метрополитен находится портрет римлянки, который, судя по его стилю, вполне мог бы выполнить один из учеников Никколо Пизано (ок. 1220 – между 1278 и 1284).

«Почти полвека эта скульптура украшала коллекцию произведений античного искусства ведущего американского музея, — пишет Ваганов. — Специалисты датировали ее примерно 150 г. до н.э., относя к периоду Римской республики, на протяжении которого в искусстве господствовало греческое влияние».

В 1961 г. в США появилась посвященная древнеримскому искусству монография, в которой высказывались сомнения в подлинности экспоната музея Метрополитен. Авторы нашли в портрете ряд черт, не соответствующих стилю римской скульптуры II в. до н.э. (а соответствующих стилю итальянского искусства XIII века, – Авт.). Они также заметили, что шейные украшения римской матроны в точности повторяют орнамент на крышке мраморного саркофага, хранящегося в одном из итальянских музеев. Поскольку саркофаг относится к совершенно другой эпохе (П. Ваганов не упоминает к какой, но, видимо, к эпохе Проторенессанса, – Авт.), совпадение узоров, в самом деле, представлялось странным. Короче говоря, авторы предлагали считать терракотовый бюст римлянки искусной подделкой, изготовленной в начале текущего столетия (полноты картины ради добавим, что стиль скульптуры вполне мог подойти и IV веку н.э., – Авт.). Работники музея Метрополитен не смогли установить, в чьих руках находилась скульптура в XIX в., до того как она была куплена представителем музея на аукционе в Лондоне в 1916 году. Пришлось перенести ее в запасной фонд. Однако там матроне предстояло находиться не так уж долго.

К 1970 г. в научно-исследовательской лаборатории археологии и истории искусства Оксфордского университета под руководством С. Флеминга разработали новую методику термолюминисцентного датирования, позволяющую более точно определять возраст объектов из обожженной глины. Достоинством методики была ее независимость от наличия сведений о той радиационной обстановке, в которой находились рассматриваемые предметы в течение многих веков. Именно такую методику следует использовать, когда речь идет о лежащих под землей или в гробницах вещах и если трудно установить что-либо определенное о радиоактивности окружающей их среды, т.е. о содержании в ней радиоактивных элементов и об уровне космического излучения на соответствующей глубине».

Представляете себе? Десятилетиями использовали физические методы, и «неожиданно» выясняется: чтобы правильно их применять в исторических исследованиях, нужно знать уровень космического излучения на соответствующей глубине, радиоактивность окружающей среды и прочее.

Но посмотрим, что было дальше.

«Образцы из терракотовой скульптуры римлянки, перемещенной в запасной фонд музея Метрополитен, отправили в Англию, где группа Флеминга исследовала их с применением описанной методики... Совокупность этих цифр (величина радиационной дозы, накопленной тонкозернистыми образцами, и т.п.) показывала, что проанализированному объекту около двух тысяч лет. Подозрения о подделке отпали, римская матрона вернулась на прежнее место в музейной экспозиции, иллюстрирующей искусство Древнего Рима».

Поучительная история и поучительно ее изложение. Если скульптуру датировали I веком до н.э. – I веком н.э., значит, она отправилась не на прежнее место в эпоху Римской республики, а в период императорского Рима. Это, во-первых. Во-вторых, по «римской волне» она отправилась с линии № 7 (II век до н. э.) на линии № 5–6, туда, где находятся римские рельефы III–IV веков н.э., а также итальянские работы XIII–XIV веков н.э. Простой стилистический анализ (который и вызвал сомнения искусствоведов из Америки) дал гораздо больше, чем дорогостоящие физические методы.

Так насколько оправдана вера в них археологов? Чего стоит термолуминесцентный анализ цветной керамики эпохи китайской династии Тан в случае, если он подтвердил то, что было известно историкам до него (что керамика относится к VII веку н.э.)? И можем ли мы доверять (или не доверять) исследованиям, когда они показывают, что многие образцы керамики эпохи династии Тан выполнены в XX веке? Объявленные подделками, они ведь, вместе с теми, что отнесены к VII веку, могут оказаться оригинальными произведениями XV века. И стилистически близки, и по нашей синусоиде XV век относится к той же линии № 7, что и VII век.

Вообще датирование подлинных терракотовых скульптур XIV–XV веков связано с большими трудностями. Эти объекты, говорят физики, не успели запасти достаточное количество энергии, полученной при распаде ядер долго живущих изотопов. Значит, наблюдаемые сигналы слишком малы, чтобы добиться точности измерений. Таким образом, ряд произведений эпохи Ренессанса могут быть запросто объявлены физиками поддельными.

Единый подход к археологии как исторической науки сложился совсем недавно. В дореволюционной России античная археология изучалась на отделениях классической филологии. В середине XIX века знание древности человечества исчерпывалось библейскими сказаниями, египетскими и античными текстами. А хронология человеческой цивилизации была почти полностью выстроена еще в XVI–XVII веках! Говорить о «фактическом материале», использовавшимся Скалигером и Петавиусом, просто смешно.

Историк собирает факты, изучая письменные источники: летописи, хроники, документы. Но остается нерешенным вопрос, адекватно ли отражают летописи и прочие тексты реальность происходившего. Даже одни и те же исторические документы прочитываются разными историками по-разному, не только в смысле языковых разночтений, но и в смысле различного толкования (интерпретации). Более того, историк занимается реинтерпретацией, а само толкование сути события принадлежит автору хроники. Таким образом, уже на уровне первичного сбора фактов, обнаруживая разные связи (пространственные, временные, экономические, политические и т.п.) между исходными данными в разных летописях, историк имеет дело лишь с одной из версий события.

Археолог же имеет дело не только с интерпретациями своих первичных наблюдений, но и письменных источников. А когда их мало, дело становится совсем плохим.

А. Мартынов указывает студентам-археологам:

«Когда речь идет о древности и даже средневековье, то письменных источников почти всегда недостаточно, и во многих случаях по ним вообще бывает трудно восстановить ход событий».

«А как бы выглядели наши знания по истории Древнего Востока и ранних цивилизаций Средиземноморья, древнегреческой и древнеримской истории, — спрашивает он в учебнике «Археология», — без данных археологии? Ведь мы располагаем только отрывочными свидетельствами письменных источников, да еще со значительным налетом мифологии! История такой бы и была: мифологизированной, отрывочной и малопонятной для нас».

А она такая и есть! Археологи обманывают сами себя, думая, что вносят какую-то ясность. Посмотрите, какие археологические «приключения» пережили таштыкские погребальные маски.

В Южной Сибири нашли куклы в человеческий рост, набитые сеном, в каждой из которых был спрятан мешочек с пеплом покойного. Куклы одеты в меховые шубы, собольи шапки, обуты в кожаную обувь и украшены посмертными масками из керамики. Археологи решили, что обладатели меховых шуб то ли гунны, то ли сарматы, причем, эти гунны-сарматы очевидно принадлежали разным этносам.

«Благодаря высокому мастерству таштыкских скульпторов, маски передают индивидуальные черты умерших... В Уйбатском чаатасе, например, найдены маски европейцев с узкими и горбатыми носами, а также маски, снятые с лиц монголоидов».

Но для того, чтобы ввести в практику снятие с лица покойного маски (гипсовой, например), надо, чтобы уже было умение в такого рода делах. То есть сначала должно возникнуть представление, что результат будет хорош. В ином случае — как это происходило у всех первобытных племен, — люди удовлетворялись условными изображениями черт лица. Поэтому в данном случае речь идет о высоком мастерстве скульпторов, а не о технической операции, якобы доступной дикарям. А мастерство предполагает определенный уровень развития скульптуры. Ученые датировали маски II–I веками до н.э., видимо, считая, что таштыкские скульпторы стажировались в эллинистической Греции или Бактрии. Почему же понадобилось делать такие, не основанные ни на чем, выводы? Потому что этот археологический материал не вписывается в существующую «картинку» сибирской жизни XVI–XVII веков.

Но в такие «картинки» российской жизни не вписывается очень многое. Зарубежный историк церкви Н.Н. Воейков, например, приводит данные о том, что жители Мценска окончательно крестились только в XV веке! Что уж говорить о языческой Сибири. Поэтому надо рассматривать различные версии событий даже для такого относительно близкого к нашему времени века, как XVIII-й. Совершенно по-разному можно представить войны, которые вела «матушка» Екатерина II. Романовскую версию мы знаем, а пугачевскую нет. Великому А.С. Пушкину в доступе к документам пугачевского времени было отказано, — а куда уж нам, грешным.

А. Мартынов и Я. Шер прямо пишут о версиях в истории:

«Логическая структура разработки исторических выводов по археологическим фактам подобно тому, как разрабатываются версии в криминалистике. Обычно, сначала рассматривается несколько версий, а затем из них вырабатывается самая непротиворечивая. Чем больше взаимосвязанных фактов используется при интерпретации, тем труднее дать им непротиворечивое истолкование... В практической работе и в археологической литературе редко приходится наблюдать, чтобы рассматривались неоднозначные варианты исторической интерпретации. Много чаще встречается интерпретация на примерах. Но если пользоваться только примерами, то практически к любой гипотезе можно подобрать подтверждающие ее факты... Неоднозначность исторической интерпретации археологических данных... свидетельствует скорее о силе, чем о слабости избранного подхода. В противном случае легко потерять объективность».

Все правильно, и было бы совсем хорошо, если бы не... навязанная историческая концепция. Наша традиционная хронология порождает такую же ситуацию, как и в случае с профилактикой терроризма. Милиционерам объявлено: будьте бдительны, а в задержаниях — объективны. Главное, не забывайте, что у терроризма мусульманское лицо. И после этого о какой-либо объективности можно забыть.

Не следует думать, что мы с пренебрежением относимся к труду археологов. Это не так. Наш разговор — о хронологии.

Шведский археолог О. Монтелиус заложил основы типологического метода, согласно которому мечи с одной рукояткой относятся к одному веку, а с другой — к следующему. Как будто в одном и том же веке не могли делать мечи с разными рукоятками! Монтелиус поделил бронзовый век Северной Европы на шесть стадий. Вслед за тем С. Мюллер поделил бронзовый век Дании на девять временных групп. П. Райнеке поделил южногерманский бронзовый век на четыре ступени. Многие исследователи делили эти периоды на подпериоды. В XIX веке была какая-то страсть все поделить. И в XX тоже.

Выдвинем свою версию: IX–X века н.э. — еще эпоха раннего железа. XI–XII века — эпоха «романики», одновременно античность и начало Средневековья. XIII–XIV века —

эпоха стали, «готика», зрелое Средневековье. XV–XVI века — позднее Средневековье, «Возрождение». И попробуем добиться «непротиворечивости и объективности».

«По археологическим данным мы знаем, что у различных древнеземледельческих племен Ближнего Востока первые металлические орудия появляются в разное время, по форме они очень близки, что затрудняет возможность использования их в исторических построениях», — пишет Н. Терехова. Так вот, на основе типологического метода появление того или иного инструмента можно растягивать на сколь угодно длительный срок, на тысячелетия.

Ножи, например, ковались из плавленной металлургической меди при температуре около 300°C, их обжигали, а затем вхолдную отковывали лезвия, придавая им большую твердость. Шилья отливали в односторонней (открытой) форме, затем дорабатывали ковкой. Один конец, имевший после отливки прямоугольное сечение, превращался в круглое острие. Известны и маленькие гвоздики с полусферической шляпкой; форма головки достигалась свободной ковкой.

Металл для изготовления зеркал — медь с естественной примесью свинца, серебра, никеля, железа и серы. Зеркала отливали, после чего длительно проковывали с промежуточными отжигами.

Нам кажется, что все эти металлические изделия, а также и топоры, могли появиться приблизительно в одно и то же время, во всяком случае, с небольшим интервалом. Историки же полагают, что от появления шила до ножа должна пройти тысяча лет, и до изобретения топора — еще тысяча.

Однако, как пишет Г. Вейс, *«каменные предметы, найденные на западе, севере и в центре Европы, поразительно схожи между собой по материалу, форме и отделке... Кельты и германцы еще долго пользовались каменными орудиями, даже после знакомства с бронзовыми и даже железными орудиями. Первоначальные формы каменных орудий, обусловленные свойствами материала, оказали влияние на форму бронзовых орудий, и наоборот — формы бронзовых орудий отразились на формах каменных, принадлежащих бронзовому веку».*

Все эти орудия, в том числе каменные, использовались и в Средние века. Вспомним битву при Гастингсе, где бойцы рубились каменными топорами.

«Большинство предметов каменного века сделано из легко ломающегося кремня, реже — из траппа, кремнистого сланца, зеленого камня. По назначению они делятся на ударные и метательные снаряды, по форме — на орудия типа резцов, топоров, молотов или кинжалов; среди них встречаются также каменные ядра (?) и обточенные кремни, имеющие вид ножей, пил и т.п...»

Из камня делали все, что угодно: и шила, и ножи, и топоры! А потом освоили металл, сделали шило, и что — тысячу лет не могли додуматься, что можно также сделать ножик или молот? Вот к каким вопросам приводит избыток «периодизаций».

Н. Терехова пишет:

«В V тысячелетии до н.э. на территории древнеземледельческих племен Ближнего Востока металл известен в таких памятниках, как Силк (Центральный Иран), Тали-Иблис (Южный Иран), Тене Гиян VB (Ирак), Арпачия (Ирак), Чагар-Базар (Сирия), Мерсин и Бейчесулан (Турция). В основном это орудия типа проколов, шилья, иглы, зубильца, украшения в виде булавок и витых пронизок...».

Лишь много позже, в IV–III тысячелетии расширяется ассортимент металлической продукции. Это ножи, топоры с поперечным лезвием, двойные топоры, тесла, сосуды, зеркала и т.п.

Давайте подумаем. Изобретения принципиально новых видов изделий при переходе от камня к металлу не требуется. Создания новых технологических приемов для расширения производства бронзового «ассортимента» не требуется тоже. Почему же кинжалы появляются настолько позже, чем шила? А зеркала еще позже?

«Резкий перелом в развитии металлопроизводства Юго-Восточной Европы наступает в середине IV тыс. до н.э. Он сопрягается с началом энеолита, который отмечен взрывоподобным ростом масштабов металлургии, взлетом технических знаний, широким внедрением медных орудий в хозяйство. Нами учтено около 4000 изделий энеолита, что намного превосходит число находок Анатолии всей ранней металлоносной эпохи (энеолит — бронзовый век)», — пишет Н. Рындина.

Доминирующая металлургическая роль принадлежит тисско-трансильванскому региону. Активность фракийско-нижнедунайского региона «постепенно затухает». Медь, добытая в трансильванских и венгерских рудных источниках, покрывает потребности в сырье

карпато-поднепровского и причерноморского регионов. Металл среднедунайского региона расходуется в пределах более ограниченной территории северо-восточных Балкан. При этом считается, что на Ближнем Востоке медь появилась раньше, чем в Европе. Насколько раньше? На одну – две тысячи лет!

«Благодаря раскопкам Д. Мелларта в южноанатолийском поселении Чатал-Гюк были обнаружены медные украшения (бусы, трубчатые пронизки) и кусочки медной руды, датированные по радиоуглероду рубежом VII–VI тыс. до н.э. Еще более древние изделия из меди и малахита, а также значительное количество необработанного малахита было найдено Р. Блейвудом и Х. Чамбел в восточно-анатолийском поселении Чайеню-Тепези».

Как можно датировать медные изделия и куски медной руды радиоуглеродным методом? По обнаруженным рядом древесным углям? Все эти заявления вызывают лишь недоумение.

«...Те сведения, которыми мы располагаем в настоящий момент, позволяют думать, что идея металлургии далеко не всегда распространялась диффузным путем. Дело в том, что простейшие формы изделий, выполненных с помощью самых примитивных приемов металлообработки, мы застаем в разных горно-металлургических центрах. Если бы идея металлургии распространялась из одного центра, картина была бы другой: в каждой из вторичных областей осваивались бы новейшие, последующие достижения, а не давно забытые, примитивные», — пишет Н. Рындина.

Археологи очевидно следуют за историками. Поэтому надо вспомнить и про столь милые их сердцам нашествия варваров, которые заставляют забывать обо всех знаниях, накопленных предшествующими поколениями, и начинать все заново. Люди садятся кружком, тупо уставясь на медный топор и думают, откуда взялось такое чудо. А лет через триста их праправнуки начинают с самых примитивных приемов металлообработки, делая бусы и, видимо, мечтая, что когда-нибудь тоже смогут сделать такой же топор.

В Венгрии «наряду с плоскими и молотовидными топорами, ведущими свое происхождение от неолитических образцов, известны топоры изящных форм с вислым обухом, трубчатым проухом, стройным туловом и оттянутым книзу лезвием». Так посмотрите на эти изящные топоры в музее, и скажите, чем они не годятся для Средних веков. И разве одновременно с производством богатых изящных топоров средневековые люди не могли изготавливать топоры более простых форм?

«В бронзе собственно местной формой был обильно украшенный гравировкой топор с удлиненным концом, фигурной втулкой и помещенным на тыльной стороне круглым щитком (диском). Распространены были также топоры с удлиненным обухом, — пишет А. Монгайт. — В раннем бронзовом веке мечи, в собственном смысле этого слова, еще не существовали: были лишь кинжалы с почти треугольным клинком, который с течением времени становился все длиннее и длиннее, пока в среднем бронзовом веке не превратился в меч. Рукоять к мечам первоначально прикреплялась с помощью заклепок. Процесс развития этого оружия в Европе завершился появлением в позднем бронзовом веке стержня в виде язычка, к которому с помощью заклепок прикреплялись накладки из органического материала (дерева, кости)... В позднем бронзовом веке распространяются мечи с литой массивной рукоятью».

На наш взгляд, ничто не противоречит тому, что короткие бронзовые кинжалы могли использовать одновременно с длинными бронзовыми, и даже железными мечами (железные были намного дороже, иметь их не всякий мог себе позволить). А уж то, что рукояти, будь они овальные или восьмигранные, с поперечными валиками на эфесе или без них, с антенной-навершием в виде двух спиралей или двух конусов, со стрельчатым вырезом у основания рукояти или без него, могли изготавливаться одновременно в период, который мы все привыкли называть ранним Средневековьем, — не требует специальных доказательств.

Нам скажут, что эти предметы найдены в погребениях, не имеющих ничего общего со Средними веками. Но ведь это только чье-то субъективное мнение, и не более того. А по нам, так все эти предметы очень даже подходят для VI, VII, VIII веков н.э.

В это время вполне мог использоваться «складной деревянный стул бронзового века из Харбурга», изготовленный с большим мастерством. Ничто не мешало использовать в это же время также топоры и ножи из кремня, ведь на севере Европы бронзы не хватало. А золотые ковши из Лавингсгорда Мозе были бы роскошью и в XIII веке.

«Наиболее распространена гипотеза, согласно которой сыродутный процесс был впервые применен хеттами и стал широко известен в XV веке до н.э. Однако быстрое, почти

одновременное распространение железа противоречит предположению, что оно было открыто в одном только месте», — пишет А. Монгайт.

Быстрое распространение железа противоречит только официальной хронологии. Нашей версии истории оно вовсе не противоречит. По-нашему, железо распространялось так же быстро, как и бронза, и двухсот-трехсот лет на эпоху раннего железа вполне достаточно. Технический переворот, вызванный распространением железа, позволил значительно увеличить площади обрабатываемых земель, притом не только в безлесных, но и в лесных местностях. Все это достаточно хорошо известно. И понятно.

А что непонятно, так это заявления археологов типа: *«В VIII в. до н.э. становятся известны длинные железные мечи с антенной. Наконечники копий обычно пламевидные или плоские. Бронзовые шлемы полусферические с гребешком или колоколовидные с высоким острым верхом. Затем исчезают колоколовидные шлемы (самое смешное, что такие шлемы, только из стали, были на головах воинов аж до XVI века н.э., — Авт.) и мечи с антенной, их сменяют полукруглый шапковидный шлем и короткий бронзовый меч-кинжал и меч с Т-образной рукоятью и железным лезвием».*

Почему «исчезают»? Почему «сменяют»? А одновременно использовать не могли? Говорят, потому что найдены в разных слоях. Но ведь этому может быть множество объяснений. А также стоит помнить, что в «народных промыслах» и в XIII, и в XVIII веках использовались отработанные веками незамысловатые приемы. Да только археологи нам доказывают совсем другое.

Порой наивность авторов книжек типа «Популярной истории археологии» оборачивается против них же. Сообщается, что Шлиман, откопав «сокровища Приама», показал их знакомому ювелиру. Тот поднял Шлимана на смех, сказав, что такие изделия можно изготовить только с использованием лупы. После этого, естественно, Шлиман «нашел» десятки увеличительных стекол из горного хрусталя.

А вот пример, как «помогают» археологам письменные источники. В своей книге «Закат старой Болгарии» И. Табов (сторонник «Новой хронологии» А.Т. Фоменко) пишет, что завоевание Балкан византийцами в X веке — это отражение турецкого завоевания XIV века. Казалось бы, сколь просто проверить это утверждение. Ведь в источниках XIV века наверняка упомянуты турки, а в летописях X века — нет. Какой чудесный для историков повод: поймать на противоречиях «зарвавшегося» новохронолога. Не тут-то было! Оказывается, в сочинениях XIV века турок называют как угодно — агарянами и т.п., но не турками. В источниках же X века агаряне тоже есть, но они — не турки, а арабы, а турки упоминаются отдельно, да только, по мнению историков, в X веке так звали венгров. А Карамзин еще и в XIX веке полагал, что турками были болгары:

«...Болгары и Волохи весьма различны: первые суть Турки, а вторые — остаток древних Готов или Фраков, смешанных в Дакии с Римскими поселенцами...»

Ну, и что же делать археологам, если турки — это не турки?

А ведь случай с искусственно «выведенным» этносом — татаро-монголами, еще сложнее!

Нас, конечно же, занимает вопрос о развитии славянской культуры. Он тоже далеко не решен. Выдвигаются разные гипотезы.

«Опираясь на богатый материал славянской истории XIII–XIV веков н.э., исследователям удалось проследить развитие культуры славянских племен на протяжении восьми столетий, [вниз] вплоть до VI–VII веков, — пишут Г. Гальперина и Е. Доброва. — Однако здесь преемственные связи обрываются, и история славянской культуры этого периода остается покрытой мраком. Начиная с IV века н.э. и до бронзового века вновь прослеживается непрерывная связь культур».

Так в том-то и дело, скажем на это мы, что с VI–VII веков начинается бронзовый, а то и каменный век. Но археологи такую версию даже представить себе не могут. У них другие даты:

«История славянских народов рисуется следующим образом: начиная с бронзового века (начало II тысячелетия до н. э.) и до IV века н.э. на основной территории обитания славянских племен существовали родственные культуры, среди которых наибольшее влияние имели веныды.

Затем преемственность культурных связей прерывается и возобновляется лишь с VI века. Этот разрыв восполняется письменными свидетельствами о существовании славянских племен (антов, склавинов и др.) на тех же территориях, однако вещественных

источников, позволяющих с уверенностью говорить о наличии преемственных связей между древними и более поздними славянскими племенами, еще недостаточно».

Проще сказать: их нет. Но как такое может быть? Ссылки на Великое переселение народов малоубедительны: *«В результате этих перемещений следы отдельных народов так сильно перепутались, что разобраться в них довольно сложно».*

Так их недостаточно, или вы разобраться не можете? Разобраться в истории (и археологии) мешает общепринятая хронология. И те шаблоны, которые есть в головах у авторов.

В «Другой истории искусства» мы приводили мнение археолога А. Добролюбского, что сармато-аланская культура I века до н.э. – IV века н.э. и печенежско-торческая культура X–XIV веков — единый пласт культуры кочевников X–XVII веков. Он основывается на археологическом материале северного Причерноморья, взглянув на него непредвзято. Письменных источников IX–XI веков на Руси вообще мало сохранилось. Но хотя бы сохранилась посуда. И вот оказывается, что даже оставаясь в плену навязанного стереотипа, археологи «подбрасывают» сведения, подтверждающие нашу версию. Археолог Е. Галкина в книге «Тайна Русского каганата» утверждает:

«Развитие ремесла в Подонье к началу IX в. достигло европейского уровня того времени, а во многих случаях, по признанию археологов, превосходило Западную Европу. Большой популярностью пользовалась салтовская лощеная керамика, изготовленная с помощью гончарного круга, который был тогда последним словом техники».

По нашей версии, IX век н.э. недалеко отстоит от эпохи бронзы и, возможно, действительно тогда гончарный круг был в Европе последним словом техники. Но как связать эти утверждения археологов с традиционной историей, согласно которой в Древней Греции многочисленные философы попивали вино из амфор, изготовленных на гончарном круге, а в VII веке н.э., хоть философы еще и встречались, но гончарного круга уже не было? Лишь через пару поколений он вдруг стал «последним словом техники».

Нет, никак не подтверждают материальные источники сведения, полученные археологами на исторических факультетах. А потому молчат их находки. Но хотя бы не лгут.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ

«Неужели натуралист, изучавший слона только под микроскопом, мог бы вообразить, что животное это известно ему в достаточной степени?»

А. Пуанкаре.

Комментарии и комментаторы

В книге «Другая история литературы» мы посвятили отдельную главу примерам так называемых средневековых анахронизмов. Пришло время вернуться этой теме. Здесь мы, воспользовавшись статьей В.А. Иванова «Анализ системных противоречий в традиционной версии хронологии мировой истории», приведем случаи, когда литературные тексты противоречат официальной версии истории.

В.А. Иванов пишет: *«Документы, относящиеся к эпохе до XVI в., всем своим массивом противоречат традиционной хронологической версии, и, естественно, никак ее подтвердить не могут».*

Это, в общем, не секрет для историков.

Один из них, Бернар Гене, рассказывает, как в XV веке погруженный в книжную премудрость профессор парижского университета и епископ Камбрейский Петр д'Альи восклицал:

«Орозий, Исидор и другие античные космографы почти ничего не говорят о французском королевстве, возникшем в Галлии. А между тем ныне это наиболее могучее из всех королевств Европы. Ни слова о его столице, Париже, где изучение божественных и человеческих наук мощно просвещает мир. Ни слова и о других городах сего королевства, ни о

землях, его окружающих, таких как Лотарингия, Льеж, Эно, Камбре, Брабант и Фландрия, где так много городов и селений, богатых и густонаселенных».

Античные космографы не желали писать о Париже!.. Негодование ученого XV века кажется ныне странным. Не было Парижа, вот и не писали. Но странно и другое. Петр д'Альи относит к античным космографам (географам) не только Орозия, жившего в V веке, но и Исидора Севильского, жившего, по нынешней периодизации, отнюдь не в античности. И вот современный историк делает вывод, что Петр д'Альи все напутал. Ведь в этой ситуации Бернар Гене — исследователь, а историк XV века Петр д'Альи — объект изучения.

А в нашей книге объектом изучения оказываются историки любых времен. Ученый XV века отмечает, что «античные космографы» почти ничего не писали о французских городах, и это выдает его, как «путаника». Посмотрим же, о чем пишет ученый XX века. Читаем у Гене:

«Если в XIII веке карта еще изображала Трою или Александрийский маяк, то это не означало, что автор не знал об их исчезновении с лица земли, просто, желая помочь своим читателям, он на одной и той же карте рисовал города и памятники как нынешних, так и минувших времен».

С точки зрения картографа XIII века путаником оказывается Гене. А что, собственно, он сделал? Просто выдал свое собственное мнение за мнение человека XIII века. Тот почему-то все еще изображал на карте Трою, исчезнувшую с лица земли за два тысячелетия до него. Надо же как-то объяснить, зачем он это делал. Причем, совершенно непонятно, как можно помочь читателю (или путешественнику), рисуя на карте то, чего уже давно нет.

Затем Гене сообщает такой факт: *«Еще в XVI веке историки придерживались традиционной периодизации. В истории мира следовали друг за другом шесть веков или четыре империи... Четвертой империей была Римская империя, и она еще существовала».* И тут же добавляет, что шестой век начался с рождением Христа и длился безостановочно. Но ведь так «думали» не в I веке, когда родился Иисус по нынешней хронологии, и не в VI веке от Рождества Христова, а, как сказал выше сам Бернар Гене, в XVI веке!

Историки любят толковать мнения средневековых авторов, но не любят, чтобы толкования шли вразрез с их концепцией. В качестве примера мы вам расскажем историю перевода Книги Эпарха.

Книга Эпарха — это сборник законодательных актов, регламентирующих деятельность средневековых цеховых организаций ремесленников в Византии. Считается, что книга написана в IX или в начале X века императором Львом VI Мудрым и опубликована в 912 году. Существует всего две ее рукописи: женеvская XIV века (по синусоиде — одна линия с X «византийским» веком) и софийская XVI века. Никаких рукописей X века, естественно, нет в природе.

Более девяноста лет назад, в 1916 году В. Зиборовский перевел эту книгу, и написал:

«Политико-социально-экономический характер книги Эпарха при сравнении с цеховыми институтами XIII в. Западной Европы, главным образом Италии, говорит за то, что памятник этот относится к 70-м годам XIII столетия, а не к X в.».

Как отнеслась наша отечественная византистика и к этому наблюдению, и к переводу в целом? А вот как: *«Работа Зиборовского вызывает крайнее недоумение во всех отношениях. Автор приступил к делу без знания рукописей, содержащих книгу Эпарха, научной литературы вопроса и знания греческого языка, а самое главное, без умения взяться за дело: ставить вопросы, собирать материалы для их разрешения, стройно вести рассуждения, делать выводы и т.д.; даже цитировать чужие мнения он не умеет».*

Какие слова! Это — достойный пример одного из методов «борьбы» с не устраивающими скалигеровцев мнениями.

Анна Комнина в XII веке пишет в своей «Алексиаде» о первом применении в боевых действиях фаланги, будто живет не в Византии, а в Древней Греции. Она же упоминает некоего Великого Александрийца, создавшего теорию движения небесных тел и написавшего первые работы по астрологии. Да ведь это Птолемей!.. Анна говорит, что астрология — новейшее изобретение, которого не знали древние. Но дочь византийского императора, в отличие от В. Зиборовского, не удостоилась от историков даже такой отповеди, какую получил он.

Вообще ее «Алексиада» практически во всем противоречит традиционной версии истории. Здесь, помимо описания деятельности Птолемея как современника, дается подробный рассказ о казни богомила Василия, и этот рассказ во многом совпадает с евангельским

описанием страданий и смерти Иисуса Христа, причем Анна Комнина, многократно поминая античных языческих богов, ни разу не упоминает имени самого Иисуса. Интересно, что библиисты усматривают в Евангелиях «поздние вставки» именно этих, записанных первоначально Анной эпизодов, связанных с последними днями Христа.

Не только в Византии, но и в средневековой Западной Европе Иисуса воспринимали едва ли не как современника. В книге Иоанна Хильдесхаймского «Легенда о трех святых царях» (трех евангельских волхвах, явившихся к рождению младенца-Иисуса), написанной в XIV веке, когда должны бы уже грамотные люди знать евангелия, действует некий пресвитер Иоанн. Причем его партнерами-волхвами оказываются татарский царь и султан, платящий дань Иоанну, а также рыцари и другие средневековые персонажи:

«И вот трое блаженных царей поставили над всеми правителями, князьями, вельможами, епископами, священниками и народом святого патриарха Фому и пресвитера Иоанна владыками и управителями духовных и мирских дел на вечные времена...»

В повести описываются европейские монеты, по мнению автора, имевшие хождение в Иудее во времена Христа:

«Но да не будет никто обманут и введен в заблуждение тем, что сии тридцать монет зовутся серебряниками, как то записано и в Евангелиях, ибо они были из чистейшего аравийского золота. Однако все их называли серебряники. Подобно тому золотые монеты назывались в то время еще дукатами, талерами, рейнскими гульденами и ноблями. Вид свой, название и чекан сохранили они в тамошних землях со времен Авраама и до той поры, как Веспасиан и Тит разрушили Иерусалим».

Известнейший средневековый рыцарский роман «Амадис Гальский» начинается словами: *«Вскоре после страданий и смерти нашего Спасителя, Иисуса Христа, царствовал в Малой Бретани король по имени Гаринтер. Старшая дочь была замужем за шотландским королем Лонгвинусом».*

Это «перемешивание» античности и Средневековья было очень широко распространено. Оно хорошо заметно не только в литературе, но и в живописи. Художники XV столетия, которых в сегодняшнем искусствоведении часто называют «эклектичными кватрочентистами», изображали классическую античность в средневековом обрамлении: рыцарь Иисус Христос, доблестный рыцарь Александр Македонский, и так далее.

Однако средневековая историография не знала достижений античной историографии, что в первую очередь связано, как говорят историки, с неизвестностью основной массы античных источников. (Полагаем, они еще просто не были написаны.) В то же время античность вылезает в средневековых хрониках из всех щелей!

«В рамках традиционной историографии это удивительно, — пишет В.А. Иванов. — Античные тексты согласно этой теории повсеместно переписывались средневековыми монахами вместо того, чтобы сжигаться в соответствии с христианской доктриной уничтожения языческих источников; причем, в связи с отсутствием до XIV в. бумаги рукописи писались на дорогостоящем пергаменте; ГДЕ монахи доставали этот материал, остается загадкой. Аристотель стал известен в Европе не ранее XIII в., а повсеместное незнание Европой греческого языка вплоть до XV в. в науке давно стало общим местом. История до XV в. была служанкой богословия, и ни о какой античности речи быть не могло. Тем более удивительна теория о массовом переписывании античных текстов...»

...Византийские хроники XI–XII вв. начинали обзор мировой истории с кесаря Августа, не упоминая Юлия Цезаря вовсе, а вся римская история излагалась крайне схематично и конспективно. Август кесарь считался фигурой легендарной».

Джованни Виллани (XIV век) пишет об осаде римлянами Фьезоле:

«Когда Катилина узнал, что римляне собираются осадить его во Фьезоле, и что Антоний и Петрей уже вступили на Фьезоланскую равнину в долине Арно, Аметелл, возвращаясь из Франции с тремя легионами, находился уже в Ломбардии, он решил, не дожидаясь понапрасну помощи от своих из Рима, избежать опасности быть запертым во Фьезоле, и идти во Францию... Во главе войска поставили следующих вождей: графа Райнальда, Цицерона, Тиберина, Макрина, Альбина, Гнея Помпея, Цезаря, Камертина Сезия, и графа Тудертина, то есть Тоди, из отряда Юлия Цезаря».

Историк комментирует: Франция — это Галлия. Но несколькими страницами раньше сам Виллани, не дожидаясь комментариев, сообщает, что *«от латинского названия племени произошло имя Галлия, а от народного — Франция, так что людей, когда-то называвшихся франками, стали звать французами».*

В XV веке мы находим среди живых многих древних персонажей, прежде всего из числа историков. Именно в это время жил Тито Ливий до Форли, известный историк; мы встретим его в одной из следующих глав в таком тесте: «...жизнеописание короля Генриха V, созданное в XV в. приглашенным в Англию итальянцем Тито Ливием...»

Одновременно с этим Тито Ливием, в 1397–1463 годах жил и Катон Сакко, которого его современник Лоренцо Валло называет «древним»: *«А вот появляется и Катон Сакко, и с ним Гуарино из Верон, прибывший сюда накануне из Феррары. О них я мог бы сказать так: Катон именно тот, кого я без колебаний ставлю среди самых красноречивых древних юристов, а также оратор обстоятельный и серьезный».*

Очевидно, слово «античный» неправильно переведено как «древний»; при правильном переводе Катон оказывается просто византийцем, греко-римским автором зрелого Средневековья. А «традиционный» античный Катон жил во II веке до н.э., это по нашей синусоиде линия № 7, на которой расположен и XV век, времена Лоренцо Валлы, Катона Сакко, Тита Ливия.

Традиционная история, составленная из сведений, почерпнутых из книг вроде той, что написал «древний» Тит Ливий, утверждает, что сыном Аскания, внуком Энея, был Сильвий. Казалось бы, мелочь. Мало ли, кто был чьим сыном. Но комментаторы Тита Ливия поясняют, что *«династия Сильвиев была придумана римскими авторами, чтобы заполнить 400-летнюю лауну (как получилось по их расчетам) между датами падения Трои и основания Рима».* Хорошенькое дело! Зачем же вы, господа профессора от истории, продолжаете преподавать о «древнем Риме» и Трое с их ложной хронологией?

Вообще Ливиев в длиннющей традиционной истории можно найти много. Просто Тит Ливий («Почтенный Ливиец»). Тит Ливий Падуанский. Тито Ливий из Форли. Что общего у этих людей? Один пишет про Соломона, другой — про Сулеймана... Историкам этого достаточно, чтобы не рассматривать версию о хронологической ошибке.

Причем и с Соломоном неувязки. Так, во всех дошедших до нас списках «Задонщины» (конец XIV века) сказано:

«Земля, земля Русская, теперь бо еси за царем Соломоном побывала», а в Кирилло-Белозерском списке написано, что она «как еси доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем».

В сборник «Летописец Еллинский и Римский» входят «Повесть о гибели Трои» Дареса и Диктиса, и «Иудейская война» Иосифа Флавия. Обе — с реалиями XV века, когда и составлен «Летописец...». Здесь немало и других удивительных «древних» сообщений! А мы прежде всего обратим внимание на историю деления римского общества на «ипподромные» партии венетов и прасинов. Эти партии получили историческую известность в связи с мятежом Ника в VI веке, произошедшем в Константинополе. Возникновение партий, между тем, возводится к самому началу Рима (VIII до н.э.). А свое название партия венетов получила, оказывается, от Венеции, заложенной существенно позже и «начала Рима», и восстания Ника! «Летописец...» сообщает:

«...А венета прозваша от Венетиския земля, яже есть под римскою властью, велика земля именемъ Венетия, а неуже есть митрополит Акулиа, от неяже идетъ синии шаръ ризамъ, и притче къ землеи чясти. Съвокупивъ праслину белую чясть, еже есть воздухъ, елма работаетъ земли и красить ю, даждь пуца, а къ воднии, к венету причте червьленую чясть, якоже есть огонь, елма възоврит вода, огню работаючи еи, и огонь водою угашается».

Комментарий историка: «Фантастична этимология именования венетов, будто бы произошедшего от топонима Венеция». Повторяем свой вопрос: зачем учите студентов фантастической хронологии?

К другому месту из «Летописца...» дан такой комментарий: «Здесь... в перечень пап ошибочно включены Павел и, вероятно, константинопольские патриархи — Стефан I (886–893) и Фотий (858–867 и 877–886)». Нас умиляет слово «ошибочно». Историк точно знает, что в хронике «правильно», а что «ошибочно», и где переписчик переписал верно, а где «испортил».

В «Летописце...» немало анахронизмов и географических курьезов. Так, Галлия называется Галилеей: *«Слышавъ Уаленьтианъ, пръвыи светъникъ римскыи, премежную дързость, бояся рещи Атилови, иде къ Алариху в Галилею, ратнику румомъ сушу...»* И это не единственный пример. Отождествления исторических персонажей сплошь и рядом. Так, в тексте писано: *«В лета же царства Дариева, сына Кирова...»* Комментарий историка: «Здесь, как и далее, Дарий именуется сыном Кира, хотя фактически он не был с ним в родстве».

Оказывается, сыном Кира был не Дарий, а Камбиз II. Современные историки это точно знают. То ли они древнеперсидский ЗАГС открыли, то ли еще что.

Причем, по утверждению хронистов, Артаксеркс — второе имя Дария, а согласно Энциклопедическому словарю Артаксеркс (I) правил в 465–425/4, а Дарий — в 522–486 годах до н.э. У Георгия Амартола есть специальное обоснование, почему под именем Навуходоносора (якобы 604–562/1 до н.э.) следует понимать Камбиза (якобы 529–523/2 до н.э.), а в хронике Малалы с Камбизом отождествлен Дарий. Но историкам ни обоснования одного, ни отождествления другого ни к чему. А так как у них ничего не связывается по эпохам, Навуходоносо́ров и Артаксерксóв получается много.

Вот еще примеры забавных комментариев.

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400) в своей «Римской истории» упоминает сарацинов, как воинственный народ, живший от Ассирии до порогов Нила и Нубии. По традиционной истории, сарацины отождествляются с арабами, но вот беда: считается, что до VII века арабы не были знакомы европейцам. Не мог их знать и Марцеллин, и потому комментатор пишет, что под сарацинами тот имеет в виду не арабов, а бедуинов. Берем в руки Энциклопедический словарь, читаем: «Бедуины — кочевые арабы-скотоводы». Кто же все-таки населяет марцеллинову историю? Получается, что арабы, которые... не арабы.

Тот же Аммиан Марцеллин рассказывает буквально гарун-аль-рашидовскую историю про римского принца Цезаря Галла:

«В сопровождении нескольких товарищей, носивших под платьем оружие, он шатался по вечерам по харчевням и людным переулкам и, вполне владея греческим языком, расспрашивал каждого, что он думает о Цезаре. И он смело проделывал это в городе, где ночное освещение улиц почти равнялось дневному свету».

Понятно: в прекрасно освещенном по ночам Древнем Риме КАЖДЫЙ мог понимать только древнегреческую речь. Но это еще не все! Родной нашей, привычной до судорог истории известно, что этим древним языком вполне владели не только посетители ночных харчевен Древнего Рима, но и средневековые византийцы XIII–XV веков. Они применяли его в частной переписке:

«Писанные по рецептам риторики, враждебной собственным именам, конкретным деталям и техническим терминам, — пишет историк Р. Ленертц, — византийские письма дают нам образ эпохи в деформирующем зеркале классической античности. Трибалы заселяют Сербию, мизийцы — Болгарию, а персы, владея Малой Азией, угрожают свободе эллинов. Во всей этой обширной корреспонденции лишь несколько иностранных слов (таких, как кардинал) могли бы сбить с толку современника Перикла».

Наверное, средневековые византийцы это нарочно делали. Переписывались между собой так, чтобы сбить с толку древнего грека Перикла, а заодно историка XX века Ленертца. Но Ленертц их козни разгадал, и Перикла в обиду не даст!

О, сколько вопросов порождает история — казалось бы, до блеска облизанная за четыре столетия, прошедших после Скалигера!

Куда делся древнегреческий фольклор: сказки, песни, предания и легенды (не о богах и героях — это литературные мифы, а о простых людях)? Каким образом греческие сказки попали в арабский сборник «1001 ночь»? Почему история Древнего Рима полностью отсутствует в византийских хрониках, излагающих мировую историю от Адама? Почему памятник Ромулу и Рему был установлен в Константинополе? Почему не сохранился древнеримский фольклор, а в итальянском средневековом фольклоре, напротив, масса античных реминисценций?.. И не только в фольклоре, но и в литературе!

В XVI веке Андроник Транквилл Парфений, он же Франо Андриевич (1490–1571), пишет классической латынью «Молитву ко всеблагому, всемогущему Богу против турок, общих врагов христиан». Бог, согласно Андриону, обитает на Олимпе. Выделенные в тексте слова объясняются ниже:

Боже всевышний, творец мирозданья, владыка Олимпа,
Чистых и светлых жилищ, во веки веков нерушимых,
Ты, колебатель земли, повелитель глубин небосвода,
Отче, воззри ты на нас и на бедствия страшные наши,
Коими племя твое и народ твой повержены в трепет
Яростным, диким врагом, грабителем хищным, который
Истинной веры не чтит, и который законы святые
Все попирает пятой и глумится над ними безбожно.

Мало ему предавать пожару жестокому села, —
Рушит он стены, дома дотла разоряет, богатства
Грабит без удержу все, что великим трудом и раченьем
Собраны. Силы небес! Бесцельно мольбы и обеты
Вас утруждают; людей стенанья и слезы напрасны:
Те на глазах у отцов, а эти в отеческом доме
Пали убитыми; нет их трупам бледным готовых
Холмов могильных и нет желанного им погребенья.
Где непоруганный храм? И чего, наконец, святотатцев
Не осквернила рука нечестивая? Слов не хватает
Выразить это, и скорбь изливается в столах и воплях.
Вспомнить ужасно: твоим священным именем церкви
Полные прежде, когда народ христианской молитвы
Благочестиво тебе изливал, фимиам воскуря,
Стали конюшной теперь, теперь египетских **систров**
Гнусный их звон огласил, теперь там оргии правят,
Мерзкого змея **Кераста** с его отвратительным свистом
Чтит нечестивцев толпа, и помощи кроткая **Веста**
Девам святым не дает, похищенным всюду, которых
Вопли и жалобный стон раздаются немолчно и полнят
Своды пещер, где они напрасно просят у бога
Помощи, косы свои распустив и стыдом пренебрегши.
Что ж о несчастных сказать, которые после пожаров,
После свирепой резни уцелели на горшую участь,
Хлещет бичом по глазам десница смерти ужасной.
Тысячи казней страшны, но гораздо ужаснее смерти
Жизнь человека, коль можно назвать это жизнью: лишение
Лучшего блага людей — свободы, какая дороже
Золота, всех лидийских богатств, несравненно прекрасней
Скифских смарагдов! А тут еще безразборный и тяжкий
Безостановочный труд: иных ко мрачным чертогам
Тартара, в область Стигийский и в бездны Плутона
Неутолимая страсть и жестокая жажда наживы
Гонят в недра земли спускаться глубоко, откуда
В небе **Гекату** они и блеск лучезарного Феба
Тщатся напрасно узреть, лишенные всякого света;
Тело у них в грязи, худоба истощает, мертвеют
Лица, болезни их ждут и раньше времени старость.
Этого поля копать заставляют, тяжелой колодкой
Ноги ему заковав, и работает он непрестанно
В пору дождливых Гиад, в леденящий холод зимою;
Должен он спать на земле, затверделой от жутких морозов,
В жалких лохмотьях, снося нестерпимый голод и жажду.
Мезия пала потом, Иллирию грабят благую,
Марсову область за ней, обезумев, Далмацию, точно
Злобный ликийский волк, разоряют, **твердыни Куретов**
Враг разрушает в холмах; и вас, Паннонские реки,
Плохо спасает вода: никогда не снимая доспехов,
Гонит коней боевых неистовый враг в исступление,
Точно Менада стремясь, возбужденная Вакховым тирсом.
И не иначе огонь пожирает желтую ниву,
Вихрем Борея гоним, со свистом несущимся в поле,
Чем этот дикий народ бушует во всех поселениях,
Все наше войско и мощь час за часом во прах попирая.
Силы его все растут, мечи он, омытые кровью,
Точит о камень, стремясь достигнуть в диком набеге
До Гесперийских берегов, куда устремляются вечно
Быстрый Ибер и водою вспененной вливается в море,
Где и, покрытый руном оливковых рощ, к Океану

Бетис бежит. Победить он с помощью Марса желает
Даже британцев и край предельный — далекую Фулу.
Этот чудовищный род, порожденный Землей с Энкеладом,
Жаждой объят, и его стремлениям нету границы.
Всею землей овладев в своей необузданной страсти,
Будет он (страшно сказать) пытаться достичь небосвода,
Горы одна на другую вздымать и стараться с престола
Свергнуть тебя, владыку людей и родителя вышних,
Всех, обитающих в небе, великих святых ниспровергнуть
И, дерзновенной пятой их столкнув, из обителей выгнать.

А вот и комментарии, выполненные под ответственной редакцией одного из лучших отечественных латинистов, Ю.Ф. Шульца:

«**Систр** — трещотка, род кастаньет; употреблялась в Египте для богослужений в честь Изиды и для военных сигналов. **Кераст** — рогатый змей с о-ва Кипра (миф.). **Веста** — богиня домашнего очага и чистоты семейной жизни у римлян. Здесь имеется в виду Богородица... **Скифские смарагды** (изумруды) считались наилучшими из всех, а Скифия, особенно Рифейские (Уральские) горы, славилась минеральными богатствами. **Геката** — здесь — Луна... **Твердыня куретов** — о-в Кипр, где, по мифу, жрецы (куреты) скрыли от Урана младенца Зевса. В XVI в. — владение венецианцев. В 1571 г. захвачен турками».

Следующий эпизод из приведенного стихотворения XVI века:

До Гесперийских берегов, куда устремляются вечно
Быстрый Ибер и водою вспененной вливается в море,
Где и, покрытый руном оливковых рощ, к Океану
Бетис бежит. Победить он с помощью Марса желает
Даже британцев и край предельный — далекую Фулу —

— комментируется так: турки желают достичь «западных берегов океана, где обитали Геспериды, хранители золотых яблок. Здесь — берега Португалии. Ибер — р. Эбро. Бетис — р. Гвадалquivир. Фула (или Туле) — полубаснословная страна на крайнем Севере Европы».

Если свести концы с концами, можно придти к мысли, что одной из противостоящих сторон в Пунических войнах III–II веков до н.э. были турки. По синусоиде это линии № 7 и 8, как раз XV–XVI века и война, описываемая латинянином Андроником Транквиллом.

Перечислим еще немного странностей.

Лоренцо Валла в XV веке, анализируя культурную ситуацию в современной ему Италии, совсем не упоминает ни Данте, ни Петрарки, ни Боккаччо, заложивших основы итальянской культуры. Никколо Макиавелли в XVI веке в своих обстоятельных исследованиях по управлению государством («Государь» и «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия») ни разу не упоминает Августа, хотя менее значительные правители удостоиваются пристального внимания. Сам Скалигер в списке правителей Рима, написанном в XVI веке, называет Юлия Цезаря — Гаем Юлием Ромейским.

Средневековые авторы не знают имен тех, кого должны бы знать, а древние зачастую упоминают то, чего не могли знать. Географ Страбон якобы в I веке не описывает ни Помпеи, ни Стабию, ни Геркуланум, хотя при его жизни они еще должны были существовать. Зато вот что он сообщает о Равенне:

«Самый большой город на болотах — Равенна, построенная целиком на сваях и прорезанная каналами, так что проходить там можно только по мостам и на лодках. Во время приливов в город поступает немало морской воды, так что все нечистоты вымываются морем через каналы и город очищается от дурного воздуха».

Но древнейшие постройки Равенны датируются V–VI веками н.э., то есть через полтысячелетия после смерти географа, а основная часть города построена вообще в XII–XV веках. К тому же город стоит в семи километрах от берега Адриатического моря на единственном канале, откуда здесь мосты и лодки? Возможно, описана не Равенна, а Венеция, построенная на 118 островах, разделенная 150 каналами, через которые переброшено 422 моста? Но и она появилась позже жизни Страбона! В путеводителях, изданных для туристов, сами венецианцы сообщают в подробностях, как группа молодых людей во главе с Анжело

Партечипацио переселилась с материка на острова Ривоальто и основала город Венецию. И было это в 810 году вполне нашей эры.

Если теперь перекинуться с христианского Запада на мусульманский Восток, то и тут мы найдем тьму анахронизмов. Вот как средневековый мусульманин Абенамар обращается к своей возлюбленной:

О Галиана!
Сравнишься с той красою,
Кому Парис из Трои,
Судья прямой и рьяный,
Отдал у стен Дардана
Раз яблоко златое,
Что спор богинь решило.
О лик желанный!
Твоей улыбкой милой,
Когда б ее увидел
Пленился б Марс без меры
И позабыл Венеру.

Комментарий современного специалиста: *«Песнь Абенамара Галиане имеет книжный характер, насыщена чуждыми маврам данными греческой мифологии и кончается мольбой к языческим богам — что маловероятно в устах мавританского рыцаря. Во времена Переса де Иты такого рода нарушения местного колорита и анахронизмы никого не смущали».*

Не знаем, как там было во времена Переса де Иты, а наших историков вообще ничего не смущает. Если писатель Средневековья пишет что-то, не совпадающее с мнением историка, то на его книгу не обращают внимания; его «фантазии» не считают относящимися к сути дела. Но так думают историки, а мы полагаем, что все тексты в равной степени отражают представления своей эпохи.

Логично предположить, что все, о чем пишет Маккиавелли, и что составляет основу его представлений о мире и прошлом, он вычитал у «древних» (тех, кто жил лет за сто — сто пятьдесят до него, то есть у дедов и прадедов), но иногда он вспоминает и отцов:

«В древности могучим средством удерживать солдат в повиновении были религия и клятва верности, произносившаяся перед выступлением в поход; за всякий проступок им грозила не только человеческая кара, но и все ужасы, какие может ниспослать разгневанный Бог. Эта сила наряду с другими религиозными обрядами часто облегчала полководцам древности их задачу, и облегчала бы ее всюду, где сохранился страх Божий и уважение к вере. Серторий уверял свои войска, что победа обещана ему ланью, которая внушается богами; Сулла толковал им о своих беседах со статуей, увезенной из храма Аполлона, а во времена отцов наших Карл VII, король Французский, воевавший с англичанами, говорил, что ему подает советы девушка, ниспосланная Богом, которую всюду называли Девой Франции и приписывали ей победу».

Полезно также возбудить в своих солдатах пренебрежение к противнику; так поступал спартанец Агесилай, показавший своим солдатам нескольких персов голыми, дабы его воины, увидев эти хилые тела, поняли, что таких врагов бояться нечего. Другие вынуждали своих воинов к бою, заявив, что единственная надежда на спасение — это победа. Последнее средство — самое сильное и лучшее всего развивает в солдате стойкость. Стойкость эта еще укрепляется любовью к родине, привязанностью к вождю и доверием к нему. Доверие же создается хорошим оружием и боевым строем, одержанными победами и высоким мнением о полководце. Любовь к родине дана природой, любовь к вождю создана его талантами, которые в этом случае важнее всяких благодеяний. Необходимость многолика, но она безусловна, если на выбор остаются победа или смерть».

Похоже, что во времена Макиавелли Жанну д'Арк не считали исторической личностью. Итальянский политик проговорился: если уж Жанна для него не более чем религиозный символ, кто же, в таком случае, Ганнибал, Сципион? Литературные герои, кто же еще. Историческая «реальность» средневековья (Чингисхан и прочие подобные) его не интересуют. Ему вполне достаточно жить среди вымышленных народов «древности» — парфян, этрусков, самнитов и прочих. Объяснение этому очень просто: Чингисхан на деле не реальнее царя Дария.

Жанна д'Арк такой же миф, как Робин Гуд, Вильгельм Телль или Иван Сусанин. В этот же ряд попадает и Чингисхан. Историки это скорее всего понимают, но никогда не поднимут скандала. «А зачем раскачивать лодку?» — спросят они. Ведь на ней так тепло и уютно. Однако вот вам факт: представления Макиавелли о недавнем прошлом сильно расходятся с мнением современных историков.

Среди прочего не соответствуют современным и представления людей XV–XVI веков о том, насколько давно появилась письменность. Уже упомянутый Лоренцо Валла в своей знаменитой работе «О красотах латинского языка» утверждал, что: *«Книги мои имеют перед латинским языком больше заслуг, чем все, что было написано в течение 600 лет по грамматике, риторике, гражданскому и каноническому праву и о значении слов»*. Очевидно, он полагал, что латинская литература существует всего 600 лет! И речи нет о «древнем Риме».

Шекспир (1564–1616) в своем 59-м сонете также говорит о пятисотлетнем существовании письменности; не больше времени прошло, по его мнению, и со дня пришествия Иисуса Христа. При переводах на современный английский и на другие языки этот, с позволения сказать, «ляп» гения пытались «замазать». Некоторые из переводчиков его проигнорировали, списав на анахроничность эпохи, другие пытались «исправить» сонет, подогнав число лет к сегодняшним представлениям. В переводе С.Я. Маршака оставлены шекспировские «пятьсот лет», но убрано «начало письменности»:

Пусть наша память, пробежавши вспять

Пятьсот кругов, что солнце очертило,

Сумеет в древней книге отыскать

Запечатленный в слове лик твой милый.

В переводе А.М. Финкеля хронологическая «ошибка» исправлена:

О, если б возвратиться хоть на миг

*За **тысячу** солнцеворотов сразу*

И образ твой найти среди древних книг,

Где мысль впервой в письме предстала глазу.

Наиболее близок оригиналу перевод Сергея Степанова:

Коль то, что есть, все было, и давно,

И нет под солнцем ничего, что ново,

И заблуждаться разуму дано,

Один и тот же плод рождая снова,

То память пусть в седые времена

Лет на пятьсот своим проникнет взором,

Где в первокниге первописьмена

Отобразили облик твой узором.

Взгляну я, как писали искони,

Такую красоту живописуя, —

Кто лучше пишет, мы или они?

Иль времена переменялись всеу?

Но знаю: их едва ли уступал

Оригину мой оригинал.

В любом случае, Шекспир, без сомнений, отражал в творчестве своем представления эпохи, и в поправках современных переводчиков не нуждается. Хотя нельзя не отметить, что за четыреста лет, прошедших после Шекспира, английский язык изменился весьма существенно. За эти столетия изменился и русский язык, да и не за четыреста, а за двести — даже Пушкина приходится комментировать! Так давайте же коротко осветим для себя интереснейшую и преогромную тему — историю развития языков.

Языки истории

Наука отличается от не науки тем, что любой опыт должен быть воспроизведен в тех же самых условиях с тем же самым результатом. В этом смысле лингвистику нельзя считать наукой в строгом смысле слова, ведь повторить опыт развития языков невозможно.

Раскроем книгу, где описано Средневековье. Ее герои и разговаривать между собой должны на «средневековом» языке.

«Жил некогда герцог Фландрии и Артуа, Гримальд по имени. Его меч назывался Экезакс. Его кастильский конь носил кличку Гуверйорс. Не было, казалось, князя на свете, о коем Господь пекся бы благосклоннее, и взгляд Гримальда смело облетал его наследные земли с богатыми городами и сильными крепостями...»

Это — стилизация, роман Томаса Манна «Избранник». Если бы вам сказали, что здесь описана античность, вы бы не поверили. Наднациональное, но, несомненно, западноевропейское Средневековье с довольно неопределенными хронологическими рамками и с особой языковой средой, где комически, по словам автора, переплетаются старонемецкая и старофранцузская речь, а иногда встречаются и английские слова.

А где же латынь?.. В массе своей наши современники полагают, что она «осталась» в римской античности, а в эпоху Возрождения этой самой античности, будучи «вспомнена» некоторыми наиболее продвинутыми учеными, хоть и стала модной, но применялась в основном ботаниками, выдумывавшими названия для растений, и медиками при выписывании рецептов. Однако вот что пишет о латыни лингвист Л.Г. Степанова в книге «Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков»:

*«Европа XIV–XV вв. как культурное целое продолжала оставаться латиноязычной... Образованные итальянцы (т.е. читающие и пишущие по-латински)... считали латинский язык высокоразвитым языком **своего** народа («наших отцов-римлян»)».*

Тут современный ученый-лингвист прямо указывает, хоть и не догадываясь об этом, что высокоразвитый латинский язык XIV–XV веков был создан предшествующими итальянцами «античного» периода, то есть этот период приходится на XIII – начало XIV века. Эти века мы и можем отметить, как время итальянских «отцов-римлян». А чтобы нас не заподозрили в подтасовках, дадим слово Лоренцо Валле (1405 или 1407–1457), римлянину по рождению:

*«Никто не обогатил и развил **свой язык** так, как сделали это мы, которые, не говоря уже о той части Италии, что называлась некогда Великой Грецией, не говоря о Сицилии, которая тоже была греческой, не говоря обо всей Италии, чуть ли не на всем Западе и в немалой части Севера и Африки, превратили язык Рима, называемый также латинским... я бы сказал в царя над всеми остальными».*

Эти слова объясняют всё. Оказывается, в эпоху Возрождения латинский язык не «возрождали», предварительно по какому-то наитию «вспомнив», а создали *из своего языка*, развили и превратили *в царя над всеми остальными*. И это утверждает современник!

В Средневековье два заметных события потрясли мироустройство: в XIV веке таким событием стала пандемия чумы, а в XV веке — потеря Царьграда (Константинополя), переход византийских земель к мусульманству, массовые перемещения людей. Естественно, что такие катаклизмы повели к потере части информации о прошлом, а также и к перемешиванию информации из разных частей света. Возможно, по этим вехам — чума и потеря Царьграда, и разделилась история на «древний», «старый» и «новый» периоды. А когда Скалигер присвоил этим периодам высчитанные им даты, появилась основа для дальнейшей хронологической путаницы.

Уже в XVI веке начались споры: откуда латынь появилась, и в каких «отношениях» она с национальными языками. Против засилья латинского языка выступили Пьетро Бембо, Джироламо Муцио и Александро Читolini. Им оппонировали Франческо Беллафини, Челио Калькапини, Рамоло Амасео, Карло Сигонио, Франческо Флоридо. Спероне Сперони написал «Диалог о языках» (1542), который сыграл значительную роль в полемике. Защитником латыни выступил известный учитель латинского и греческого языков Лаццаро Бонамино, а Пьетро Помпонацци изложил компромиссную точку зрения на латинский язык, как на язык образованных людей всего европейского мира. На это Муцио возразил, что в большинстве стран — во Франции, Испании, Греции, Турции и других, за исключением Германии и Англии, население лучше понимает итальянский язык, чем латинский.

Итальянскими считались тосканский или ломбардский языки, но не римская латынь. «Латинисты» же полагали, что итальянский (тосканский) язык — просто испорченная латынь, смесь из латинской и разноречивой лексики в сочетании с примитивной грамматикой, что-то вроде креольского языка, сложившегося в определенной ситуации двуязычия (латино-германского) в Италии.

«Что же это за язык, — восклицал Ф. Флоридо, — в котором у имени существительного всего два окончания: окончание единственного числа и множественного, как будто мы в Африке или Скифии».

Он выделял три периода развития «хорошей» латыни: архаический (Плавт), классический (Цицерон) и серебряный (Плиний Старший), и признавал сосуществование книжной и разговорной (народной) латыни. Датировок Ф. Флоридо не давал. Л.Г. Степанова пишет, комментируя его работу: *«Латинский язык, как отмечает ученый, смог избежать германского влияния только в самых глухих уголках Лация и в маленьких деревнях и окрестностях Рима, где и по сей день говорят на языке, почти не отличающемся от латинского...»*

Уместно спросить: это на каком же языке говорят в XVI веке в маленьких деревнях в окрестностях Рима? Получается, что на языке Плавта, Цицерона и Плиния. А откуда он тут взялся? И почему же, вопреки всем законам эволюции (в том числе эволюции языков), он тут СОВСЕМ не изменился за ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ лет?

Джироламо Муцио заявлял, что латынь возникла в неизмеримой дали времен сама собою в результате смешения многих языков: языка жителей окрестностей Рима, выходцев из Трои (Константинополя) и различных греческих городов. Единомышленники Флоридо настаивали на независимости итальянского языка от латинского, то есть не считали латынь «фундаментом» и предшественником итальянского. Кастельветро сообщил мнение «добропорядочных немцев», которые, изучив свои древности, пришли к сходному выводу: де, их язык является древнейшим, в течение долгого времени соперничавшим с латинским. Тот же Кастельветро считает вполне вероятным, что и на территории Франции с древности сохранялся свой местный язык, и что смешение латыни с этими (германскими) языками и было главной причиной возникновения «народного» языка (vulgare).

Итак, четыреста лет назад происхождение европейских языков от латинского не было для лингвистов столь очевидным, как сейчас. Законы эволюции могут нам подсказать, что при неразвитости, а тем более отсутствии национальной письменности «чужой» язык мог становиться языком администрации, науки и литературы в разных странах. Затем, с развитием собственной письменности, он вытеснялся, или происходила ассимиляция языков. А в науке латынь сохранялась в силу традиции. Ученых в каждой стране можно было по пальцам пересчитать, и для общения между собою им, конечно, было удобно иметь общий язык.

Что касается мифа о «древности» латыни, которую якобы ни с того, ни с сего вспомнили средневековые народы (а в деревнях вокруг Рима и не забывали никогда), то скажем еще раз: **в науке любой опыт должен быть воспроизведен в тех же самых условиях, и с тем же самым результатом.** Мы давно предлагаем лингвистам, свято верующим в возможность «вспоминания» древней латыни средневековыми людьми, повторить этот опыт, взять, да и вспомнить какой-нибудь старинный язык. Ну, хоть бы и русский. Для начала, собравшись в кружок, наши ученые друзья могли бы спеть русскую языческую «колдовскую песню», заклинание против русалок:

*Ау, ау, шихарда кавда!
Шинда вноза митта миногамъ,
Каланди инди якуташма биташъ,
Окутоми ми нуффан, зидима...*

В таком виде отрывок напечатан в очень солидном источнике, в «Истории русской литературы», том первый, 1908 год, издание Сытина. Текст не расшифрован. Так в чем же проблема, товарищи лингвисты: расшифруйте, ведь это русская песня! Вспомните язык, введите в практику, распространите на многие страны. И мы с радостью поверим, что и с «древней» латынью произошла такая же «эволюция».

Л.Г. Степанова, отнюдь не наш сторонник, фактически подтверждает нашу точку зрения:

«Что касается литературных текстов, то горячность, с которой гуманисты спорили о комедиях Плавта и Теренция (а ведь дело доходило до абсурда: одни клялись, что никогда больше не раскроют сочинений Плавта и не осквернят ими свои библиотеки, а другие обещали поступить точно так же с Теренцием), говорит о том, что влияние писателя на язык (дурное или хорошее) воспринималось как реальный факт и — более того — факт, имеющий прямое отношение к современной действительности (к употреблению грамматических и лексических форм, к пониманию значения слов и изменений лексических значений...)».

О чем здесь говорится? О том, что античные писатели (будто бы жившие за полторы тысячи лет до гуманистов) напрямую влияли на средневековую латынь XIV–XV веков. Петрарка, например, считает для себя неприличным знать сочинение Варрона «О

латинском языке», новинку культурной жизни его круга, из вторых рук, в отрывках и пересказах, и тщательно скрывает, что еще не держал рукописи в руках. Книг тогда еще не издавали, а иметь рукопись из первых рук, видимо, означало получить ее от самого Варрона.

Но это настолько противоречит скалигеровской хронологии, что Л.Г. Степанова вынужденно проговаривается: *«Эмоции итальянцев XV в. по отношению к латыни оказываются малоинтересными для исследователей, поскольку не вписываются ни в традиционную историю латинского языка, ни в историю итальянского...»*

Конечно, если «развести» латынь одной эпохи в разные, между которыми более тысячи лет, то споры итальянцев XV века не впишутся ни в какую историю. И вот, студентам современных филологических факультетов «латинские» перипетии преподносят так, будто языковые различия между древней и средневековой латынью были в XV веке вполне ясны. Будто студенты той давней поры могли узнать из университетских лекций по истории античной литературы и из курсов филологии о том, что период наивысшего расцвета языка пришелся на «век Цицерона», и что была ясность с датами жизни самого Цицерона. И что они, ученые и студенты XV века, прекрасно понимали, что та языковая норма, которую мы теперь называем классической, сложилась именно в I веке до н.э., а не в XIII-м или начале XIV-го.

А на самом деле ничего этого они не знали, и все было не так.

В действительности же, — на каких языках говорили Нума Помпилий, хан Батый, Данте Алигьери, Иоанн Креститель, Карл Великий, Аристотель, Ричард Львиное Сердце, если они жили — ну, пусть не одновременно, а все же в близких временах? На архаической латыни? По-старофранцузски? По-арамейски? На древнегреческом? На каком языке отдавались приказы в войсках Иисуса Навина, Чингисхана, Александра Македонского, Ивана Калиты? На старомонгольском? На иудеоэллинском? На иврите? На койне? На суахили?

Ответ на эти немного странные вопросы прост. Чем ближе к Византии, тем больше использовался греческий. В Северной Италии и Южной Франции в большем ходу была латынь. На севере Франции, в Германии и Англии говорили на разнообразных германских диалектах. В Восточной Европе — на старославянском. Неужели это непонятно? Но каждый из так называемых индоевропейских языков развивался на базе общего языка-предка. Это, конечно, сложный и многофакторный процесс, проследить который доподлинно уже никогда не удастся, но все же можно предположить, что в некие времена (раньше XI века) житель Галлии понимал язык жителя Галиции с усилиями не большими, чем теперь надо прилагать русскому, чтобы понять язык белоруса.

Но процессы дифференциации и интеграции языков изменяют их, особенно при широкой общественной деятельности, быстро и самым причудливым образом. В более развитом государстве и язык более развитой. Даже обходясь без всяких датировок, изучая только «направление движения», мы без натужных выдумок про «Древнюю Грецию» и «Древний Рим» видим Грецию — Византийскую империю с государственным греческим языком. Видим и явно отстающую от нее по всем статьям Западную Европу с ее Священной Римской империей германской нации и латынью, как «общим» языком администрации, религии и науки. И в учебниках истории находим сообщение, что Византийская (греческая) империя образовалась раньше Священной Римской (латинской) империи. Вот и объяснение, почему «римляне» считали греческий язык более древним, нежели латынь.

Ученые греки, во множестве появлявшиеся в Италии до, а особенно — после краха Константинополя, долго учили итальянских гуманистов своему языку, ведь те мечтали читать Платона, Аристотеля и других мыслителей предшествующих времен в оригинале. Об этом вы можете прочесть в любом учебнике! Историки даже не спорят, — в XI–XII веках Европа узнала о великих греках от арабов Испании, а в XIII–XV — напрямую получила от византийцев «древнюю» греческую ученость!.. Правда, наши «толерантные» историки тут же добавляют, что византийцы все же не были носителями знаний; ученость сохранялась в «найденных» ими рукописях. Как можно отделять знания от их носителей, для нас загадка. Но историков загадками не запугаешь; их не удивляет даже то, что гуманисты, взявшись возрождать античность, едва «найдя» древние рукописи, не медля ни секунды, начинали их... улучшать.

«Прежде чем делать списки с найденных рукописей (как латинских, так и греческих), гуманисты занимались их исправлением... — пишет Л.Г. Степанова. — Сохранилось большое количество рукописей с правкой, маргиналиями и глоссами, сделанными рукой Петрарки, Колюччо, Салютати, Леонардо Бруни, Валлы и других известных гуманистов. В процессе этой работы складывались основные принципы филологической науки и научные методы критики текста».

А как же переводились эти рукописи, ведь ситуация с языками была в Средние века совсем не такой, что сложилась позже, с изобретением книгопечатания? По словам Триссино, «каждый город, каждый замок, каждая вилла, каждая семья и даже более того — каждый человек — образуют некий новый язык, отличающийся от других и словарем и произношением». Вот в этом и проявляется процесс дифференциации языков, характерный для местностей с неразвитыми общественными отношениями.

Можно предположить, что при переводах царил полный произвол, так как знать достаточно хорошо аттический, эолийский, дорийский, понийский и другие диалекты итальянцы не могли. Поскольку «древнеримских» и «древнегреческих» оригиналов античных текстов нет (почему, кстати? — традиционная история не дает ответа!), постольку можно сказать, что «античные» тексты XIII века и есть оригиналы.

Считается, что становление греческой лингвистической традиции в собственном смысле началось в так называемый период эллинизма, когда после распада империи Александра Македонского греческий язык и греческая культура распространились по северу Африки и в Азии. В сборнике «Из истории науки о языке» читаем: *«Многие из античных лингвистов не были греками по происхождению... Центром изучения греческого языка стала... Александрия в Египте, крупнейший центр эллинистической культуры и учености, знаменитая своей библиотекой»*.

Из александрийских грамматиков известны две работы, «Синтаксис» Аполлония Дискола (II век н. э., по нашей синусоиде — линия № 7), и грамматика Дионисия Фракийского, время создания которой точно не известно. Они, да плюс к тому средневековая грамматика Доната и Присциана (XIII–XIV века н. э., линия № 5–6) и послужили образцами для «эллинистов» средневековой Европы. Парадокс в том, что эллинизация Африки и Азии в IV–III веках до н. э. (линии № 6 и 7) в точности повторяется в Европе XIV–XV веков (линии № 6 и 7)!

А сам термин «эллинизм» придумал Дройзен в середине XIX века.

«Эллинизм — условное обозначение цивилизации трех столетий, в течение которых греческая культура воссияла вдали от родины», — пишет А. Ранович. А затем перечисляет черты эллинизма, сближающие его с буржуазным (!!!) обществом: существование различных государств с единой культурой; колебание цен и заработной платы; забастовки и революции; рост идей гуманности и братства и одновременно — жестокая борьба; эмансипация женщин и падение рождаемости; вопросы свободы и представительства; эмиграция и пролетариат; точные науки и рядом — суеверие; огромная литература по всем отраслям знания, распространение образования при наличии массы полуобразованных людей.

После этого А. Ранович утверждает следующее: отрицание социально-экономических формаций — основной порок буржуазной историографии. Только в коммунистическом обществе, где уничтожены общественные антагонизмы и имеются беспредельные перспективы развития, и можно как следует изучить эллинизм.

В историографии, как мы видим, сложилась фантазмагорически комическая ситуация. А вот нас перечисленные черты эллинизма не удивляют. Так и должно быть, ведь эпоха эллинизма — XIV, XV, XVI века — и в самом деле время зарождения и развития капитализма.

Но вернемся к «языковой» проблеме.

В самой Греции существовал «книжный» и «народный» язык, причем «книжный» был свободен от турецких и романских заимствований. И сейчас еще языки разделяют на несколько видов.

1. *Кафаревуса* — официальный государственный язык, язык армии и администрации. Избегает элементов, не восходящих к «древнегреческому» языку.

2. Язык науки, техники и политической терминологии, сходный с кафаревусой, но менее архаизированный.

3. *Димотики* — «народный» язык.

4. Язык греческой интеллигенции, сходный с димотики, но насыщенный лексическими элементами ученой традиции.

5. *«Обросший шерстью»*. Мы так и не поняли, что это за язык, но на нем, как и на чистом кафаревусе, не говорит и не пишет ни один нормальный грек.

Приблизительно так же в Италии и Западной Европе поделилась на несколько видов латынь, но ее делению приданы уже хронологические рамки.

1. Архаическая латынь (240–100 до н. э.).

2. Классическая «золотая» латынь (100 до н. э. — 14 н. э., линия № 6 «римской» волны синусоиды).

3. «Серебряная» латынь (14–200 н.э., линия № 6 «римской» волны).

4. Поздняя латынь (200–600 н.э.), народно-разговорный вариант. Характеризуется упадком до IX века.

5. Средневековая «народная» латынь (VII–XIV века).

6. Латынь эпохи Возрождения. Характеризуется восстановлением норм «золотой» и «серебряной» латыни (с XIV века, линия № 6).

Развитие латинского языка хорошо иллюстрирует «римскую» волну синусоиды. Можно предположить, что народно-разговорный вариант латинского языка не поздняя, а ранняя (средневековая) латынь. «Золотая» латынь — это или: А) язык «античности», закончившейся в середине XIV века с пандемией чумы («Черной смертью» 1348–1349 годов), или: Б) язык высшего класса. Со второй половины XIV века появилась менее чистая «серебряная» латынь (на которой писали свои произведения, например, Плавт и Теренций), по значению подобная языку греческой интеллигенции. «Народная» латынь, вроде греческой димотики, существовала одновременно и с «поздней», и с «золотой».

Уже с XIV века чем дальше, тем больше распространялись представления о том, что латынь не является единственным языком культуры. Хотя и раньше в Западной Европе понаслышке знали о существовании, помимо латыни, еще двух великих языков: «древнегреческого» и «древнееврейского», реально владели этими языками немногие (Данте не знал греческого). Лишь в эпоху гуманизма оба этих языка стали активно изучаться, а место латыни как единственного языка культуры в умах европейцев заняла идея о нескольких примерно равных по значению и похожих друг на друга языках: французском, испанском, итальянском, немецком, английском и других.

С XVI века латинский язык, оставаясь языком дипломатии, науки и университетского преподавания, повсеместно вытесняется национальными языками. И хотя этот процесс не был слишком быстрым, все же, например, нормы французского языка к 1660 году были в общих чертах сформулированы. Так называемая грамматика Пор-Рояля стремилась довести его до совершенства. А. Арно и К. Лансло решительно отошли от латинского эталона в пользу французского. Особенно это видно в связи с артиклем: *«В латыни совсем не было артиклей. Именно отсутствие артикля и заставило утверждать... что эта частица была бесполезной, хотя, думается, она была бы весьма полезной для того, чтобы сделать речь более ясной и избежать многочисленных двусмысленностей»*.

В. Алпатов пишет в книге «История лингвистических учений»:

«Латинский и французский языки рассматриваются в книге как два разных языка, а не как язык – предок и язык – потомок», и добавляет: «После становления новой, сравнительно-исторической научной парадигмы (так! – Авт.) именно из-за своей известности она (грамматика Пор-Рояля) стала восприниматься как образец «умствующего, априористического, ребяческого», по выражению И.А. Бадуэна де Куртенэ, направления в языкознании, втискивающего язык в логические схемы; часто ей приписывали и то, против чего она была направлена: жесткое следование латинскому эталону».

Такой способ ведения дискуссии нам хорошо известен! Как только сообщения источников перестают соответствовать догме, вызубренной нашими современными историками, лингвистами, литературоведами и прочими жрецами, так их тут же объявляют ложными, «ребяческими» и пр. Ну, конечно, откуда же авторам грамматики, написанной в XVII веке, знать, на каком свете они живут, и на каком языке говорят. Не говоря уже об авторах XIV–XV веков. Вот и получается, что жизнь — сама собою, а парадигма, выработанная историками на основе усердного зазубривания скалигеровских дат — сама собою.

Рассматривая итоги деятельности северо-итальянских гуманистов XV века в области языка, П.О. Кристеллер пишет:

«Они поставили открыто сформулированную цель — подражать в своих собственных произведениях языку классических авторов (в нашей версии, XIII – начала XIV века, – Авт.) и избегать всех тех «варварских» черт, которые отличали средневековую (континентальную, – Авт.) латынь от классической (средиземноморской, – Авт.), они предприняли попытку, и небезуспешную, подражая классической латыни, реставрировать ее как живой язык и провести своего рода языковую и литературную революцию, которая дискредитировала и постепенно упразднила многие, если не все, признаки средневековой латыни. Эта реформа затронула правописание, просодию и пунктуацию, лексику и фразеологию, словоизменение и синтаксис, и всю структуру и ритм предложений».

А ведь мы с вами только что читали сообщения этих самых авторов XV–XVI веков, якобы «сговорившихся» реставрировать древнюю латынь, из которых следует, что они

понять не могли, откуда она взялась-то!.. Впрочем, гуманисты соображали, что латынь — язык искусственный, созданный главным образом из греческого и итальянского. Древний ли он? Да, древний. Из текстов тех же авторов следует, что для них и двести лет было древностью. А наши, современные ученые выучили наизусть, что итальянский произошел от латыни (ведь иначе рухнет вся скалигеровская постройка), и не собьешь их ничем.

«Итак, подводя итог тому, что было сказано П. Бембо, Дж. Муфио, К. Толомеи и Л. Кастельветро о генезисе итальянского языка, — пишет Л.Г. Степанова, — мы можем составить общее представление о теории происхождения нового языка, разрабатываемой совместными усилиями итальянских филологов XVI века. Суть ее сводится к следующему. Итальянский язык произошел от латыни и является продолжением ее народно-разговорной разновидности — вульгарной латыни... Эта генетическая связь обнаруживается главным образом в лексике: основной корпус итальянских слов более чем на две трети унаследован от латыни».

Выводы, как это часто бывает у сторонников скалигеровской школы, не слишком хорошо согласуются с тем, что было сказано в процессе рассмотрения вопроса. Язык может вобрать в себя большой запас иностранных слов, но при этом остаться независимым. И в XVI веке разные ученые придерживались разных точек зрения. Никакого «общего представления» они не дали. Да ведь та же Степанова писала, что упомянутый ею Кастельветро *«ясно дает понять, что морфология итальянского языка («окончания, наклонения» и т.д.) не восходит к латинский грамматической системе».*

Наряду с теорией происхождения тосканского наречия итальянского языка из латинского в XVI веке была выдвинута и другая — теория происхождения его из этрусского. Джамбаттиста Джелли рассматривал Этрурию как землю, которая была первой обжита после всемирного потопа Ноем, вроде как Арарат. При этом Ноя он отождествлял с главным героем римской мифологии, первым царем Лация Янусом, а основателя Флоренции Либия — с Гераклом.* Пьер Франческо Джамбумари развил эту тему в популярном (с XIII века, линия № 5) жанре научной прозы, диалоге, которому был столь привержен Платон (V до н.э., линия № 5).

Франческо утверждал, что «древнее этрусское письмо было тем же самым, что и арамейское».

«Большая часть наших имен (ионы) зависит... не от латинского, а от этрусского языка, понять который в наше время невозможно без отменного знания языков [этой же группы], я имею в виду еврейский и халдейский», — писал он.

Означает ли это, что в XVI веке могли, выучив еврейский язык, читать этрусское письмо, — не знаем, но теория эта ныне считается несостоятельной. В середине XX века Д. Дирингер в книге «Алфавит» высказал мнение, что *«...этрасский алфавит был связующим звеном между греческим и латинским алфавитами... Отсутствие в раннем латинском алфавите особого знака для сочетания x (ks), который существовал в греческом алфавите, в том числе и в халкидском его варианте, но которого не было в этрусском, служит лишним доказательством того, что латинский алфавит ведет свое начало от этрусского».*

Как видим, не все так однозначно и прямолинейно, как зачастую кажется сторонникам вызубренных схем!.. Откуда же берутся схемы?

В Средние века на континенте и Британских островах развилось несколько *пошибов* (стилей латинского курсивного письма): итальянский или лангобардский, меровингский (во Франкском королевстве), вестготский (в Испании), немецкий и островной. Все это было якобы тысячу (и даже больше) лет назад. А вскоре появились старофранцузский, старонемецкий и староанглийский языки, на которых говорил герцог Фландрии и Артуа Гримальд, герой романа Т. Манна «Избранник» — цитатой из которого мы начали эту главу. Но в XV–XVI веках всю эту старину считали античностью. Да, не были князья лингвистами! Слабо себе представляли язык своих предков!

А. Зализняк пишет: *«Человеку с улицы (?), владеющему с детства некоторым языком, в большинстве случаев не приходит в голову, что он еще не все знает об этом языке. Он решительно не понимает, зачем существует еще такая наука лингвистика».* И затем объясняет, что лингвистика имеет свои строгие законы, понятные только посвященному. Опровергая идею «вселенской фальсификации письменных памятников» (которой как раз мы и

* Не можем удержаться, и обращаем внимание читателя: отнюдь не мы, и не патриарх «альтернативной истории» Н.А. Морозов, и даже не атаман «новых хронологов» А.Т. Фоменко придумали отождествлять одних исторических деятелей с другими, это европейская научная историческая традиция!

занимаемся), этот посвященный в тайны автор, ученый-лингвист, так описывает успехи своей науки в XIX–XX веках:

«Открылась (после определенной работы, – Авт.) картина плавного изменения языка от века к веку по сотням параметров. При этом одна цепочка изменений, прослеживаемых по письменным памятникам, приводит от народной латыни, скажем, к гасконскому диалекту французского языка, другая — к кастильскому диалекту испанского языка, третья — к венецианскому диалекту итальянского языка и т.д., по всем языкам и диалектам. Особая цепочка изменений отражает движение литературной латыни от классической формы к средневековой... Если латынь — это изобретение средневекового фальсификатора, то он несомненно должен был знать сравнительную грамматику не только романских языков, но и всей индоевропейской семьи языков в целом. Дело в том, что, придумывая латынь, он ввел в нее множество слов и грамматических форм, которые не оставили никаких следов в романских языках (?!), зато находят правильные соответствия в том или ином языке из других ветвей индоевропейской семьи».

Как же так?! Если романские языки произошли от классической или народной латыни, почему же ее грамматические формы не оставили следов в этих языках? Непосвященный «человек с улицы» очень удивлен и начинает думать, что его дурачат.

Как же надо было исхитриться, чтобы в древнеанглийском или древневерхненемецком, или в каком-нибудь древнескандинавском языке так мало осталось от латыни. Впрочем, не надо недооценивать «человека с улицы». Он никогда не скажет: «Не может быть, чтобы в одно и то же время в Помпеях уличным языком была латынь, а у Данте во Флоренции — итальянский». А почему, собственно, нет? В станицах нашей родной Кубани говорят совсем не так, как в Москве, и это никого не удивляет.

Традиционная историография творит с языком анекдотические вещи. Например, великий Данте объявляется творцом итальянского литературного языка, хотя после него, а также Петрарки и Бокаччо еще двести лет все прочие итальянские авторы пишут исключительно на латыни, а итальянский литературный язык как таковой формируется на базе тосканского диалекта только в XVI веке. Также и французский язык стал официальным государственным языком Франции лишь в 1539 году, а до этого таким языком была латынь. А вот в Англии якобы в XII–XIV веках официальным языком был французский, за 400 лет до введения его в государственное делопроизводство в самой Франции! Английский же язык внедряется в делопроизводство на Британских островах в то же время, что и французский во Франции, то есть при Генрихе VIII в 1535 году.

По мнению Яр. Кеслера, вероятное время появления латинской письменности — не ранее XIII века. Латынь, по сути, представляет собой первый искусственно созданный языковой конструктор. Любая европейская письменность, основанная на латинице, вынуждена передавать свою фонетику с помощью множества буквосочетаний, в разных языках зачастую отражающих совершенно разные звуки и/или через использование разнообразных диакритических знаков — дополнительных значков при буквах, передающих особенности звучания. А с другой стороны, один и тот же звук k передают разные буквы C, K, Q.

«В том, что латиница была создана позже греческого письма, никто не сомневается, — пишет Яр. Кеслер. — Однако при сравнении так называемой архаической латыни, традиционно относящейся к VI в. до н. э., и классической латыни, относимой к I в. до н. э., то есть на 500 лет позднее, бросается в глаза куда более близкое к современному графическое оформление монументальной латыни, нежели классической».

Изображение этих разновидностей латинского алфавита можно найти в любом справочнике. Очередная загадка истории? Мало было, что эти ненормальные античные греки и римляне то обращаются к диалектам 600-летней давности, то используют написание букв 500-летней давности, так наши-то современники куда смотрят?

«По традиционной хронологии получается, что латинское письмо сначала деградировало от архаического к классическому, а потом, в эпоху Возрождения, снова приблизилось к первоначальному виду».

Ученых это всё ничуть не удивляет. Масса народу вдруг начинает ломать свой собственный язык, без видимых на то причин. Римляне забывают, как пишутся латинские слова, становятся косноязычными, как варвары. Ну, и что? Ведь историки не занимаются сравнениями языков, а лингвистам некогда корректировать историю.

«Сравнивая латынь с современными языками, необходимо обратить внимание... на то, что флективная структура книжного средневекового латинского языка практически полностью совпадает с системой склонений и спряжений в русском языке», — пишет

Яр. Кеслер. Вот здорово! Оказывается, русский язык ближе к грамматическим формам латыни, чем европейские языки IX–XII веков:

*«Деятельность славянских просветителей Кирилла и Мефодия, создавших церковнославянскую азбуку на основе праславянской, явно проходила... уже в условиях латинизации западных и южных славян, поэтому она должна быть передатирована на 400 лет позднее традиционной датировки, на конец XIII – начало XIV века».**

Точно ли определяет Яр. Кеслер хронологические рамки латинизации славян — другой вопрос, но нельзя не согласиться с его утверждением, что причины, вызывающие то или иное разветвление языкового древа, лингвисты ищут в исторических событиях, придерживаясь при этом традиционной хронологии. А должно-то быть как раз наоборот: задача языковедов — указывать историкам возможное направление процессов. В том числе определять хронологические рамки.

Культура и верования

Общество, причем любое с точки зрения численности людей, экономической формации, иерархического строения — есть единая динамическая система, социальные *структуры* которой, как правило, находятся в противоречии друг с другом, иногда антагонистическом, а иногда нет; культура выступает антиэнтропийным фактором, сдерживающим хаос. Как корневой каталог на диске компьютера, культура — более высокая *структура* всей системы, и способ принятия решений в этой системе, равно как и последующий анализ произошедших событий, должен учитывать это. Только глядя с «горки» культуры, можно увидеть, что происходит «вниз».

Культура вырабатывается в ходе длительного опыта. К ней относится вся совокупность категорий, обеспечивающих жизнь сообществ: орудия и прочие материальные предметы и произведенные продукты, языки, мифологии, мораль, верования, правила взаимоотношений людей между собой и с властью. Культура удерживает систему от развала, позволяет сохранять упорядоченность при всей изначальной противоречивости отношений, вызванных неравновесностью такой динамической системы, как общество.

Если в решениях лидера какого-либо сообщества нет чувства целостности системы, и он отдает предпочтение интересам, например, финансов или политики, развлечений или религии, не учитывая ограничений, накладываемых культурой, он толкнет ход развития в сторону хаоса. Точно также историк, исследующий ход событий далекого прошлого, рискует запутать и себя, и своих последователей, если увлечется одной какой-то стороной анализа в ущерб прочим. Предпочтение, которое Иосиф Скалигер при создании хронологии всемирной цивилизации отдавал математическим расчетам оккультного свойства, рано или поздно приведет к хаосу в исторических кругах. Это произойдет, когда количество книг, написанных нами и нашими сторонниками, перейдет в качество понимания молодой порослью ученых-историков. Затем понадобятся годы, прежде чем появится действительно научная хронология, удовлетворяющая большинство.

Общество — неравновесная система особого типа. Особость ее в том, что человек, как самостоятельная «система в системе», принимает решения, исходя не из конкретной ситуации, сложившейся в системе и ее *структурах*, а из своих представлений о том, что происходит, и что может произойти. Например, человек не просто покупает и продает, он еще старается прогнозировать эту ситуацию, и поступает в соответствии не с реальным положением рынка, а со своим прогнозом. Причем у покупателя и продавца прогнозы могут идти в разные стороны, что ведет не к равновесию, а, наоборот, к уходу от него. И точно также историк в своем анализе исторических источников исходит из *своего представления* о том, что и как происходило в прошлом, придерживаясь при этом некоторого *общего* взгляда! Ведь историческая наука — тоже своеобразная *структура* в ряду остальных.

Также человек, выросший в определенной религиозной среде, как правило, остается верным заветам этой религии, и оценивает разнообразные события жизни с учетом этих заветов. Ничего в этом нет ни удивительного, ни ненормального; так и должно быть. Если же ребенка забрать из этой среды и поместить в другую, из него получится человек с другими

* Интересующихся этим вопросом отсылаем к книге Я.А. Кеслера «Азбука и русско-европейский словарь» (М., «Крафт+», 2001).

представлениями, соответствующими тем, среди которых он вырос. Об этом написал Киплинг в книжке про Маугли.

Смеем предположить, что если ребенку с детства рассказывать о том, что история цельна, последовательна и непрерывна, совсем не говоря ему о скалигеровской версии истории, то и его отношение к историческим документам будет иным, нежели у воспитанного на идее «периодизаций», забываний и возрождений. Тем более подкрепленных жесткой хронологической сеткой. А ведь системы периодизаций менялись по ходу развития такой структуры, как историческая наука! Такими же антагонистами, как развившиеся от одного корня религии, становятся и научные школы.

Бернар Гене пишет в книге «История и историческая культура Средневекового Запада»:

«Средневековье не забыло ни одной из периодизаций, завещанных отцами Церкви. Все они время от времени возникали то тут, то там. Но шесть веков получили самое широкое распространение, это членение опиралось на престиж блаженного Августина и на множество ассоциаций. Сам блаженный Августин отметил, что эти шесть веков соответствуют шести дням творения, шести возрастам человеческой жизни. Другие отмечали, что они соответствуют также двенадцати часам дня. Третьи были убеждены, что статуя, о которой в главе II говорит Даниил, предвещает эти шесть веков, и считали, что века эти — золотой, серебряный, медный, бронзовый, железный и глиняный. Такая периодизация всё время повторялась и находила себе всё новые доказательства; в Средние века она считалась самоочевидной».

А в умах современных историков (и не только историков) жестко закрепились другая схема, но от этого она не перестала быть просто схемой! Вот она: древность, античность, эллинизм, варварство, раннее Средневековье, позднее Средневековье, Возрождение античности, Новое время. В этих рамках и болтается, совершая свою колебательную эволюцию, мысль историков. Причем им достаточно хорошо известно, что язычество существовало одновременно с христианством и даже мусульманством. И вот, при изучении памятников архитектуры, служащих по сей день, или служивших раньше культовыми сооружениями, невольно задаешься вопросом: могли ли языческие храмы (или принимаемые за таковые) строиться позже христианских? Могло ли христианство (или мусульманство, или буддизм) возникнуть раньше язычества? Говорят, язычество как мода на все античное возрождалось в эпоху Ренессанса. Однако действительно ли «возрождалось»?

Израильское изображение херувима (керуба) из Самарии. Якобы VIII век до н.э. Очевидна параллель с египетскими сфинксами.

В нашей версии античность совпадает со зрелым Средневековьем, а эллинизм оказывается Возрождением античности. И во всем этом нет никакого противоречия. Мы обращаемся к историкам-ортодоксам: промойте глаза, посмотрите вокруг. Мир целостен, зачем же рыть многовековые пропасти между различными проявлениями одной и той же культуры!

Вот люди: живут духовной жизнью, посещают церковь, бывают в консерватории. Они могут не знать, что на той же или на соседней улице открыт ночной клуб. А вот их соседи, посетители казино и завсегдатаи публичных домов. Эти живут совсем другой жизнью, как будто совсем не замечая церквей. Они не пересекаются, существуя, словно в разных измерениях, но ведь перед нами одна и та же страна, один и тот же народ! И те, и другие — современники! Иногда любитель ночных клубов может оказаться в церкви, а примерный прихожанин — в казино. Или на боксерском матче. Почему нет? А третьи ведут жизнь интеллигентную, не ходят ни в церковь, ни в пивную, хотя ничто человеческое им не чуждо. Но нельзя сказать, что они живут исключительно «книгами» или «идеями»; плотские потребности тоже требуют своего.

Так же и языческий «античный» мир не был отделен непроницаемой стеной от христианского Средневековья.

Мы уж и не говорим, что действующие в наше время мечети, церкви, синагоги, молельные дома баптистов нисколько не мешают друг другу. И в Средние века не мешали друг другу храмы в честь Христа, Митры, Юпитера, египетских или индийских богов. Если кого-то преследовали в XIII веке в Северной Италии, он мог переехать в Южную Италию или в Византию. Так в XVI веке гугеноты спасались от преследований, переезжая из Франции в Швейцарию или Голландию. Подтверждения такой, целостной и последовательной истории, мы находим на каждом шагу.

Известно, что бум увлеченности работами Платона и Аристотеля в Европе приходится на позднее Средневековье и эпоху Возрождения. Платонизм был более свойственен восточной ветви христианства, а аристотелизм — западной, но ни та, ни другая не отказывались полностью ни от одного, ни от другого.

Западноевропейскими христианскими иерархами были приняты законы, предписывавшие правильным считать только то, что не противоречит учению «древнего» Аристотеля. С другой стороны, его перу приписывался вполне средневековый труд «Теология». То есть «языческая» философия совершенно естественно входила составной частью в мировоззрение христиан, и не в «первые» века, а в XIII–XIV столетиях! Именно это время, как мы уже неоднократно подчеркивали, и считалось древностью (античностью) в годы зрелого Средневековья, когда в конце XIV века началась эпоха Возрождения.

Вот совершенно доподлинная история.

Римский университет был основан в 1303 году (это еще «античность» в нашем представлении). Какое-то время деятельность университета почти прекратилась, и вновь возобновилась со второй трети XV века. В 1464–1467 годах одним из преподавателей стал гуманист Помпонио Лето, читавший лекции о классиках предыдущего культурного периода: о Вергилии, Варроне, Цицероне. Постепенно из слушателей образовался тесный круг единомышленников, так называемая «Римская академия». В отличие от Флорентийской и Неаполитанской академий, которые субсидировали Козимо Медичи и Альфонс Неаполитанский, собрания ее членов проходили без особой огласки.

Согласно сохранившимся донесениям миланских шпионов, академики одевались в античные одежды, датировали свои произведения не от Сотворения мира, а от основания Рима, и заменяли собственные имена классическими. Бартоломео Платина звался Кальвусом, Николо Лелио стал Космиком, Марино Венето — Главком, Пьетро Деметрио да Лукка — Петреем, Лучидо Фосфоро Синьино — Аристофилом, Паоло да Пешина — Петром Марсом, Агостино Маффеи — Августинном, Антонио Сеттимуллейо Кампано — Кампаном.

Один из них, Филиппо Буонаккорси, получил имя Каллимах Эспериенте. Конрад Цельтис (1459–1508), сам носивший латинизированное имя Протурций, посвятил этому Каллимаху латинское стихотворение:

Шлем тебе мы, Филипп, безделки наши,
Без отделки они и безыскусны,
Им с Каменами римлян не сравниться,
И совсем не из недр они Ахейских,
Но внушили их мне под хладным небом
Все же Музы — каламу-неумельцу.
Этот труд ты прими от нас, от меньших,
Ты, кто первый коснулся струн латинских,
О царях и вождах пропеть искусный,
И о дерзких забавах — изощренней.
И тебя нелегко похитит старость,
Но потомки тебя прочтут с любовью,
Пока стынет Медведицы телега
Или звезды блюдут свои законы.
Мне довольно, германскому поэту,
Если Рейн меня любит и читает
Майн, в тени виноградников текущий,
Что когда-то мужами был прославлен,
Говорят, что они по крови — греки:
Ведь никто лучше их не мечет копий

И всех в пене коней не гонит кругом.
Против греков кто бился, против римлян,
Против скифов, иберов и народов
Диких, в Азии живших возле Понта.
Это родина кельтского поэта,
Что теперь занята толпой болванов,
Лишь веночки невидные носящих
И лишь капищам преданных Венеры;
Кости чтут и вино они усердней,
Чем сокровище книг — святую Мудрость.
Может, все же одобришь ты все это,
Однолетка моя, товарищ давний.

Академики не ограничивались чтением и обсуждением античных памятников, они писали собственные произведения по проблемам философии, религии и политики древности. Что-то из произведений этих «каллимахов», «главков», «флакков» и т.п. сейчас наверняка считается античными памятниками философии и литературы.

Европейские ученые эпохи гуманизма брали себе и арабские псевдонимы. В предшествующий период знание и верования распространялись от Византии, и не только напрямую, но и через арабский мир, прежде всего через Испанию. Отставание арабского мира от Европы началось лишь после XVI века из-за победы религиозных ортодоксов. (Это случай, о котором мы говорили выше: если в решениях лидера нет чувства целостности системы, и он отдает предпочтение интересам *части*, он толкнет ход развития в сторону хаоса и развала.)

Академии, подобные Римской, возникали в XV веке и в других итальянских городах, — но, впрочем, почему только итальянских? Об Академии Карла Великого (якобы IX век, но, скорее всего, XV век) литературоведы пишут: *«Деятели Академии Карла на своих заседаниях и в своих писаниях именовали друг друга псевдонимами. Алкуин был «Флакком» (Горацием), Ангильберт не постеснялся псевдонима «Гомер», сам же император... именовался царем Давидом».*

Нам нет нужды уверять читателя, что «Илиаду» написал Ангильберт, или что все произведения антиков сочинили итальянцы в XV–XVI веках. Это было бы предположением сверх необходимости. Разумеется, Алкуин, живший не в IX веке, а в конце XIV или в XV, взял себе псевдоним в память о Горации, жившем в XIII – начале XIV века, точно также, как Филиппо Буонакорси — в честь грека Каллимаха, составителя каталога Александрийской библиотеки.* Незачем предполагать, что Александрийская библиотека никогда не существовала, — это опять было бы предположением сверх необходимости, — просто основной фонд сгорел в XIV веке, а остатки могли дожечь ортодоксы-мусульмане в XV или в XVI веке.

* Жан Боден в XVI веке уже мог путать разных Каллимахов. Он сообщает, что Каллимах сочинил книгу «История борьбы поляков против турок». Понятно, что это мог сделать Филиппо Буонакорси. Но ведь в литературе того времени он упоминается не как Буонакорси, а как Каллимах!

Альбрехт Дюрер. Рыцарь, Смерть и Дьявол. 1513 год.

Нет ничего удивительного в существовании двух культур, христианской и «языческой» — одновременно, и даже в одном городе. Многие из академиков потом бежали из Рима от преследований ортодоксов-христиан, и за их поимку было обещано вознаграждение. Но обвинения в адрес гуманистов касались не отклонения от веры, а языческого образа действия в академии!

Один из них жаловался: *«Мы никогда не отвергали здравого учения (то есть христианства, — Авт.), как делают обычно учителя заблуждения, люди, думающие отлично от церкви, которых, по свидетельству Иеронима, справедливо называли еретиками».*

Другой член академии, Бартоломео Платина писал: *«...никто ведь не был привержен к язычеству больше, чем сам папа. Не он ли разыскивал статуи древних по всему городу и снес их в свои хоромы, которые построил на Капитолии?.. Он по образу древних поместил в фундаменте своих построек огромное множество золотых, серебряных и медных монет со своим изображением и делал это без сенатского (!) постановления. В этом он скорее подражал древним, чем Петру».*

Итак, академик XV века обвиняет папу Римского в идолопоклонстве, а папа обвинял академиков в содомии и прочих языческих грехах античного толка. Полное «совмещение времен»! Согласно донесению Де-Росси, академики придерживались мнения, *«что загробного мира нет, что со смертью тела умирает и душа, что всё тлен, кроме наслаждения, что нужно следовать Эпикуру и Аристиппу, только без огласки, чтобы не попасть в руки правосудия... Поэтому они жили по своей прихоти, мужчины и женщины предавались противоестественным порокам».*

Но что же это такое — античное язычество и его «пороки»?

Вот мнение Александра Меня:

«...В XIX в. была как бы заново открыта мистическая Эллада, суровая и трагичная... В результате этих переоценок античный мир не потерял своего индивидуального лица, но оно уже более не казалось божественным... По-другому прочитывались теперь и давно известные античные тексты. Из них явствует, что древний грек отнюдь не был наивным баловнем счастья (каким он представляется в мифе, унаследованном историей от Возрождения, — Авт.). Напротив, он слишком часто ощущал себя игрушкой неведомых сил, и даже боги не были в его глазах свободными существами...

Полуголые девушки с остекленелым взглядом рвали зубами мясо трепещущих животных... Бывали случаи, когда женщины тащили в лес младенцев и там, носясь по горам, рвали их на куски или швыряли о камни... Оргии растекались по стране с силой настоящей психической эпидемии. Но хотя в них действительно было не мало болезненного, в основе своей

это явление было куда сложнее простого массового психоза или эротической патологии. Как и в движениях средневековых флагеллантов, мусульманских дервишей и мистического сектантства, здесь мы видим искаженные проявления жажды Божественного, неистребимой в человечестве».

Мы не случайно выделили последнюю фразу. Действительно, античное «язычество» в точности похоже на «черные мессы», характерные Средневековью, — но в таких же сатанистских ритуалах принимала участие большая часть знати и в XV–XVI веках, что тоже было возрождением античных ритуалов XIII века. В эпоху строительства романских и готических соборов религиозные праздники часто заканчивались вакханалиями и свальным грехом. Однако Средневековье, можно сказать, детство человечества! Чего иного следует ожидать от людей с сознанием 13–14-летних подростков? Были среди них и гении, были и умственно отсталые, но, в общем, народец был средний. Ведь и сейчас многие люди оказываются в ловушках, расставленных экстрасенсами и астрологами.

В позднесредневековых и возрожденческих временах можно найти не только вакхическую сторону верований. Есть совпадения в развитии философской, идейной составляющей религий! Во Флоренции признанный глава Платоновской академии Марсилио Фичино (1433–1499) доказывал, что основы богословия заложил Гермес Трисмегист, а до полного совершенства довел божественный Платон. Главный труд своей жизни Фичино по примеру Прокла назвал «Платоновским богословием». Цитируя отцов церкви, он повторяет мысль пифагорейца Нумения о том, что *«Платон не кто иной, как второй Моисей, говоривший на аттическом наречии»*. *«...Закон Моисеев, не вполне совершенный, — пишет Фичино, — исправил не только Господь в Евангелии, но также Сократ и Платон».*

Фичино не теряет в книжном море, традиционная хронологическая «ширина» которого — 2000 лет. Ему прекрасно знакомы не только труды Платона (якобы IV до н.э.), но и Плотина (якобы III н.э.), и Плетона (XV век), незадолго до Фичино ведшего пропаганду платонизма, автора трактата «О законах», главы Плетоновской академии.

«...В обычае древних богословов, — пишет Фичино, — было скрывать божественные тайны под покровом как математических фигур и чисел, так и поэтических образов, дабы по недомыслию они не стали общедоступными. Плотин же, как свидетельствуют Порфирий и Прокл, первый и единственный снял с богословия эти покровы, и по вдохновению свыше проник в священные тайны древних».

Фичино не теряет и в более глубоких временах, нежели платоновская древность. Он оперировал идеями и символами, интуитивно ища эволюционную связь, нимало не задумываясь о хронологии событий. По словам М. Перепелкиной, он *«вслед за Платоном признает Заратустра и Гермеса прародителями философии, а следующим звеном этой цепи он считает Орфея. Преемниками Орфея были Пифагор, Филолай и другие. Филолай же в свою очередь приобщил к тайнам мудрости Платона, от которого дальше пошла линия платонизма и неоплатонизма. Однако в некоторых сочинениях Фичино опускает Филолая, а Платон, таким образом, получает знание непосредственно от Пифагора... В этот ряд гениальных мыслителей прошлого включается Авраам, а Гермес Трисмегист и Моисей оказываются одним и тем же лицом. Пико дела Мирандолла еще более усложнил эту картину, прибавив сюда каббалистическое учение».*

Последователи скалигеровской версии истории могут сколько угодно доказывать свою правоту, утверждая древность перечисленных выше мыслителей. Мы ответим: их идеи **непосредственно** влияли на научную мысль раннего Возрождения. Их имена — у академиков XIV–XV веков. Нам возразят, что академики всего лишь «брали» себе эти имена в честь «древних» предшественников. Что ж, бывало и так. Но не все так однозначно!

М.А. Барг сообщает в исследовании «Шекспир и история»:

«Если оставить в стороне некоторые более ранние произведения, к примеру, жизнеописание короля Генриха V, созданное в XV в. приглашенным в Англию итальянцем Тито Ливио, то появление историографической школы следует отнести ко времени правления первых двух Тюдоров... Тюдоры олицетворяют восстановление у власти национальной (древней британской) династии (в противовес пришельцам англосаксам), поскольку они ведут свою родословную от прямых потомков легендарного короля Артура... «История Англии» Вергилия, написанная на латинском языке, не была полностью опубликована вплоть до 1534 г. (полностью «История» была завершена в 1551 г. и доведена до 1538 г.)».

Итак, английская историография была создана в XV–XVI веках Титом Ливием и Вергилием. А в 1548 году Эдуард Холл писал об истории мира вот что:

«Какой ущерб был нанесен государствам бесконечными раздорами, какое опустошение было причинено сельским местностям гражданскими смутами... Рим это почувствовал, Италия может подтвердить, Франция может засвидетельствовать, Богемия может рассказать, Шотландия может описать, Дания может показать...»

Ясно, что Э. Холл показывает следствия распада единой Римской империи, Великой Ромеи со столицей в Царьграде-Константинополе-Стамбуле, произошедшего в середине XV века и породившего длительные войны по всей Европе. Смуты, неуверенность, перемены династий (в том числе церковных) заставляли мыслителей активно искать причины событий. В 1574 году Томас Бландевиль описывает ситуацию в Англии в книге под красноречивым названием «Истинный порядок и метод писания и чтения истории».

«Существовала тенденция заменить философию Фома Аквинского и Дунса Скотта на христианский платонизм. Несколько ученых мужей, отправившихся из Англии в Италию изучать греческий язык, вернулись домой, очарованные Флорентийской Платонической академией... Переводы трудов Платона и Плотина, выполненные Марсилио Фичино, были привезены на родину и читались с большим интересом», — пишет историк.

В этой линии философов, похоже, все язычники — христиане, а все христиане — язычники. Тито Ливио и Полидор Вергилий, автор британской истории Понтий Витрувий и основоположник христианства Платон, Пифагор и Моисей... Соответственно, обычный, средний человек того времени, принадлежащий к христианской церкви, мог, отправляясь на войну, просить помощи у Марса, а в любовных делах апеллировать к Венере, поскольку средневековое сознание было цельным, а светская и религиозная жизнь не были столь разделенными, как сейчас. Так и многие наши современники, будучи не то, чтобы атеистами, а попросту безбожниками, то и дело восклицают: «О, Боже мой!»; или «Слава Богу!»; или «пошел к черту».

Еще в 1907 году И.М. Гревс писал, что в Средние века «параллельно развивались различные типы мышления, приводившие к неодинаковым общим построениям», что «единого средневекового мирозерцания никогда не существовало».

Козимо Медичи под влиянием уже упомянутого нами византийского грека Гемиста Плетона создал во Флоренции Платоновскую Академию. Плетон там преподавал «фантастическую смесь учений Зороастра, индийских брахманов, Платона, Порфирия и Прокла» (Ф. Грегоровиус), а делами заправлял Марсилио Фичино.

«И Марсилио Фичино и Пико дела Мирандолла, рассуждая о религии, — пишет А.Ф. Лосев в книге «Эстетика Возрождения», — хотели охватить решительно все ее исторические формы. Доказывалось, что и католик, и буддист, и магометанин, и древний иудей, и даже все язычники идут к Богу, хотя с внешней стороны и разными путями, но по существу своему это один и тот же, всеобщий и единственный религиозный путь, который дан человеку от природы. Поэтому Моисей и Орфей — это одно и то же, Платон и Христос — это в существе своем одно и то же, католик и язычник — одно и то же».

Если вернуться на пару столетий назад, к самому началу Ренессанса, нельзя не заметить то, что видели все. «В Новом Завете постоянно говорилось о возрождении, о новом человеке, о новом духовном развитии». Отрицая воззрения платоников XV века, А.Ф. Лосев пишет:

«Все исторические религии настолько своеобразны, настолько отягощены местными и историческими особенностями, что объединять их в одном религиозном акте было совершенно невозможно... Сознательно встать на такой обобщенно религиозный путь — это и значило для верующего XVI в. отколоться от католической церкви и стать протестантом».

Таким образом, вспоминая о Гемисте Плетоне, мы должны сказать, что и протестантизм зародился в Византии и явился самоотрицанием Ренессанса. Современник флорентийских академиков, воспитанных Плетоном, гуманист XV века Лоренцо Валла пишет в «Похвальном слове святому Фоме Аквинскому»:

«Был в наидревнейшие времена обычай, как у греков, так и у латинян, по которому, если кто-то намеревался держать речь о каком-нибудь важном деле либо перед судьями, либо перед народом, он почти всегда должен был начать с признания небесного благоволения. Этот обряд, я полагаю, установленный для почитания истинного Бога... был затем... перенесен от истинной религии к ложной».

Для Валлы истинная религия, надо полагать, христианство. А ложная, позаимствовавшая у истинной религии ее обряды — это какая? И что за «наидревнейшие времена» имеются здесь в виду? Ведь «Слово» посвящено христианскому деятелю «античного»

ХIII века Фоме Аквинскому! Комментарий историка таков: Лоренцо Валла излагает точку зрения раннехристианских апологетов, согласно которой вся языческая религия и философия были простым искажением учения ветхозаветных пророков.

Статуэтка бога Гора (Хора) в образе римского легионера. II век.

Странная получается картина (эту фразу можно повторять при анализе официальной хронологии постоянно!): ветхозаветные книги датируют временами греческой классики или эллинизма (VI–II веками до н. э.), но некоторые относят и к XII–X векам до н.э. Более того, из комментариев современных историков следует, что встречающиеся в псалмах восхваления космического строя (например, знаменитый псалом 104-й) заставляют вспомнить египетские гимны Солнцу из эпохи Аменхотепа IV (Эхнатона) XIV века до н.э. И вот гуманист эпохи Кватроченто, похваливая христианского святого XIII века, пишет, что «благочестивейшая древность» возникла раньше философии, а историки тут же поясняют, что Валла имеет в виду не христианскую, а иудейскую древность, хотя из контекста сочинений итальянского гуманиста это никак не следует. Ведь хронологии, согласно которой библейские отцы жили до античных философов, еще не было в его время, во всяком случае, она не была общепризнанной!

Это — лишняя иллюстрация современного положения в истории. Ученые не выводят хронологию из источников, из текстов авторов, хронологизированных более или менее достоверно, а наоборот, комментируют тексты этих авторов, опираясь на каноническую схему. Причем кажется нам, что историки в своем усердии (чем древнее, тем лучше!) сильно перестарались.

О быте и нравах

Можно сколько угодно спорить, насколько раньше XIII века возникло язычество, и как: одновременно с протохристианством или греческим протоправославием, включавшим в себя иудаизм, христианство, мусульманство и буддизм, или раньше их всех, или позже. Однако нам представляется совершенно очевидным, что с XIII по XVI век язычество существовало параллельно с православием, католичеством, протестантизмом, исламом и т.д.

Впрочем, разве это новость?

Древние римляне Тертуллиан, Арнобий, Лактанций третировали философию как язычницу, говорят историки. А кем же эти авторы были сами?.. В современном понимании — язычниками. Однако и при них, и позже были мыслители, утверждавшие равенство «античной» философии и христианства.

Вот что сообщает об этом И. Кривелев:

«Юстин (ум. ок. 262) не только оправдывает античную философию, но и отводит ее деятелям, в том числе Сократу и Гераклиту, место в царствии небесном... Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215) утверждал полную совместимость языческой философии с христианством... Ориген (ок. 185–254) усматривал именно в христианстве завершение древней философии: последняя, по его мнению, подготовила христианство... Наконец, Августин (354–430) провозгласил положение о том, что истинная философия и истинная религия тождественны».

Порфирий (232/233 – ок. 304) тоже считал, что разницы между христианством и языческим политеизмом нет: *«Ведь если вы говорите, что при Боге состоят ангелы, недоступные страстям, бессмертные и по природе своей нетленные, которых мы называем богами вследствие их близости к божеству, то стоит ли спорить об имени, и не приходится ли думать, что разница только в названии?»*

Цельс писал: *«Совершенно безразлично, называть ли Бога, сущего над всеми, Зевсом, как это делают греки, или же каким-нибудь иным именем, как это мы встречаем — ну хотя бы у индийцев или же у египтян».* К тому же христиане, утверждал он, верят в демонов, которые по существу являются приближенными главного Бога и могут именоваться младшими богами, сатрапами и служителями главного Бога, хоть и называют их ангелами, иначе, чем эллинисты, но суть дела от этого не меняется.

О Цельсе хотелось бы сказать подробнее. В определенных кругах этого автора принято называть словом «антихристианин», хотя его религиозные воззрения известны лишь со слов других, а от него самого до нас дошли только медицинские трактаты, прежде всего о свойствах минералов. Но вот, он — противник христианской идеи, и вполне грамотно рассуждает об основах веры.

Так когда же он жил?

Составители Большого энциклопедического словаря уверяют, что жил он в I веке до н.э. Но авторы трудов о его «антихристианстве», сообразив, что кому бы то ни было, даже энциклопедисту Цельсу, было бы трудно вступать против христианства до рождения самого Иисуса Христа, отводят ему место в I веке н.э. Переводчик и автор комментариев к трудам латинских медиков Ю.Ф. Шульц предлагает компромиссную дату: I век до н.э. – I век н.э. Но и в этом случае для критики христианства Цельсу следовало бы иметь, что критиковать: богословские трактаты, а их заведомо не было в традиционном I веке. Найджел Пенник и Пруденс Джонс в своей «Истории языческой Европы» решили проблему просто и без затей: *«В 178 г. платоник Цельс написал «Истинное слово», сочинение против христианства»...*

Стандартная «греческая» синусоида

4-й трак	3-й трак	2-й трак	1-й трак
		– I	XVII
		– II I	XVI
		– III II	XV
		– IV III	XIV
– XIV	– V	IV	XIII
– XIII	– VI	V	XII
– XII	– VII	VI	XI
– XI	– VIII	VII	X
– X	– IX	VIII	IX

Линии веков №

– 9 –
– 8 –
– 7 –
– 6 –
– 5 –
– 4 –
– 3 –
– 2 –
– 1 –

«Римская» волна

– 3/3 III	1/3 III
– 2/3 III – II	II 2/3 III
– 1/3 III – I I	3/3 III
– IV	IV

По «римской» волне нашей синусоиды Цельс относится к линии № 5. И здесь мы отметим: за что ни схватись в школьной нашей, схоластической истории, какую сторону общественной или интеллектуальной деятельности ни возьми для анализа, непременно обнаружишь параллели между временами. В V веке (линия № 4 стандартной «греческой» синусоиды) сохранялось греческое уважение к интеллектуальному и мистическому знанию, и даже христианская церковь «синтезировалась» с некоторыми мистическими учениями. А как

пишут Пенник и Джонс, также и «христианские маги тринадцатого столетия (линия № 5, – Авт.) претендовали на то, что они умеют (и именно так их и воспринимали) силой своего колдовского искусства управлять падишими и низшими духами».

1498–1500. Картина кисти Перуджино.
Исторические герои; сверху — аллегории Силы и Умеренности.

В IV веке (линия № 5) готы-наемники под управлением Алариха разграбили и разрушили языческие святилища в Греции; по этому поводу Пенник и Джонс сообщают: «языческие комментаторы-современники писали ... что это был настоящий «крестовый поход». Не будем обращать внимания, что крестовые походы происходили существенно позже, и комментаторам IV века сравнивать происходящее было просто не с чем. Но в XIII веке, как раз на линии № 5, «истинные» западноевропейские христиане громили греческих христиан-«язычников» в ходе именно настоящего 4-го Крестового похода!

В начале нашей эры, по описанию Лукиана, в Сирии (и не только, надо думать), в практике — церемониальное жертвоприношение, которое «предвосхищает праздник в Упсале в Швеции, описанный Адамом Бременским тысячулетие спустя». И это еще вопрос, что чего «предвосхищает»!

Мы приводили выше слова члена Римской академии Бартоломео Платины о том, что никто не был привержен к язычеству больше, чем сам папа: «Он по образу древних поместил в фундаменте своих построек огромное множество золотых, серебряных и медных монет». О, древние, конечно, верили в колдовство и магию. Вопрос лишь в том, насколько «древни» эти древние.

Случай, когда по приказанию папы Павла II в фундамент постройки заложили целую гору монет и медалей, а Платина усмотрел в них языческий талисман, может быть, самый яркий. Или просто самый известный. Но ведь очевидно, что это не был первый в XV веке случай! Историки утверждают, что скульпторы того времени, откопав на задворках древние статуи, немедленно начинали подражать древним скульпторам. С натяжкой, но в это можно поверить. Однако, будем ли мы даже предполагать, что папа, не имеющий перед глазами многочисленных примеров магии и безгрешный, аки голубь, вдруг, обнаружив каким-нибудь чудом инструкцию по магическим обрядам, взял да и решил немного поподражать древним.

На самом деле, на протяжении всего XV столетия закладка зданий сопровождалась не только астрологическими, но и магическими процедурами. То же самое было и в XIV веке, в первые годы которого Гвидо Бонатти при закладке новых городских стен в Форли, дабы уберечь город от разрушения, разграбления и захвата, использовал талисман, конную статую, сооруженную и зарытую в землю по всем правилам астрологии и магии. Этот способ «страхования имущества» практиковался, конечно, издавна, и не одобрялся церковью (и кстати, его бытование объясняет причину, из-за которой в землю, на радость археологам, попало столь много статуй.) Когда шесть десятилетий спустя, при кардинале Альборносе истукан случайно был найден при раскопках, его показали народу в назидание и с предостережениями. Затем статую, вероятно, вновь зарыли; полувеком позже (в 1410), когда

неприятельская попытка внезапно захватить Форли провалилась, народ радовался ее магической силе.

«Видимо, статуе радовались в последний раз: уже в следующем году город был все-таки захвачен», — пишет Буккхард Якоб в книге «Культуры Италии в эпоху Возрождения».

Мы приводим эти случаи ради подтверждения мысли, что сосуществование в одном и том же месте одновременно нескольких, будто бы взаимоисключающих культур — магии и развитой философии, христианства и язычества, не только возможно, но и подтверждается документально. И если мы видим, что магия существовала официально, невзирая на запреты, то представьте себе, сколь широко она была разлита в делах личных!

Ариосто в своей комедии «Некромант» собрал и воспроизвел все, чем она, магия, чаще всего проявлялась в обыденной жизни. Заклинания сопровождалась самыми омерзительными действиями: например, нужно было выдернуть три зуба у мертвеца, вырвать ему ноготь из пальца и т.д., и т.п., так, что к концу действия несчастный, прибегнувший к магии, порой уже сам был почти покойником.

Буккхард Якоб сообщает, что однажды во время большого заклинания чуть не умер от страха Бенвенуто Челлини; и он, и его спутники пережили глубочайший ужас... Когда же и где происходил «сеанс»? В римском Колизее, в 1532 году.

Но практиковались и более ужасные вещи.

В 1480 году появилась папская булла, в которой особо указывалось на то, что пагубная магия (*malleficium*) или колдовство, должна рассматриваться как ересь и потому подлежит надзору со стороны инквизиции. Колдовство стали трактовать, как сговор с дьяволом. А ведь мы только что приводили свидетельства, что магией занимались христианские священнослужители предшествующих XIII, XIV веков! Борьба с «сатанизмом» вылилась в борьбу с паствой, прежде всего женщинами, что является не выражением, а следствием женоненавистнических настроений, царивших в обществе в то время. Это было не преднамеренное преследование женщин, но борьба с дьяволом, ибо считалось: только женщины, единственные из человеческих созданий, могут быть до такой степени невежественными, чтобы позволить врагу рода людского завладеть собой.

Авторы «Молота ведьм» (1487) и других подобных сочинений обвиняли женщин в сексуальных извращениях и «фантазиях», направленных против Бога и в помощь дьяволу.

«По-видимому, первой жертвой этого нового вида преступления, когда женщина обвинялась в сожигательстве с дьяволом и производила ночные путешествия по воздуху на шабаш, нужно считать 56-летнюю аристократку из Тулузы — Анжелу Лабарт, у которой от сожигательства с дьяволом родилась чудовище с волчьей головой и хвостом дракона... — пишет С. Лозинский. — Все эти факты с большой достоверностью, тем меньше исключаящей сомнения, что Анжела сама созналась в еженощных союжениях с дьяволом, были установлены инквизитором Гуго Леонидом, который сжег преступницу на большом аутодафе в 1276 году».

Историки сообщают, что в VII–VI веках до н.э. по горам Греции носились менады, разрывавшие детей на куски в сексуальном экстазе. Но вот же документы, показывающие, что за то же самое наказывали дев в Европе! (На тех же самых, заметим, «линиях веков» синусоиды.)

В булле Иннокентия VIII (1484–1492) против ереси ведьм *Summis desidevantibus* говорилось:

«Не без мучительной боли мы узнали, что в некоторых частях Германии... очень многие лица обоего пола пренебрегли собственным спасением и, отворотившись от католической веры впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, посылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних и других животных...»

Вот статистика уничтожения ведьм, по данным, приведенным С. Лозинским:

В Женеве за короткий промежуток времени в 1542 году было сожжено 500 ведьм. В 1546 году тюремный смотритель донес городскому совету, что все тюрьмы переполнены ведьмами, и палач заявил, что сил одного человека недостаточно, чтобы справиться с палаческими обязанностями.

В небольшом Оснабрюке за три месяца в 1588 года была сожжена 121 ведьма, вокруг Оснабрюка пылают костры, и все женское население обречено на гибель. По

официальным данным, в 20 деревнях кругом Трира в 1587–1593 годах было сожжено 306 человек, в двух деревнях осталось всего две женщины... В Кведлинбурге в 1589 году в один день погибло 133 человека. В Нейссе магистрат построил для ведьм специальную печь огромных размеров... В Манке в 1583 году иезуитам хитростью удалось изгнать из 16-летней девушки Анны Шлуттенбауер 12655 чертенят...

В местечке Эллингене за 8 месяцев 1590 года была сожжена 71 ведьма. В Эльфагене в 1612 году иезуиты возвели на костер 167 человек, а в Вестерштене за 2 года 600 человек. В местечке Герольцгофене в 1616 году было сожжено 99 ведьм, в следующем — 88.

Многие исследователи утверждают, что католическое духовенство хорошо разбиралось в вопросах черной магии и в той или иной мере прямо или косвенно было причастно к совершению черных месс в XV–XVI веках. Есть основания для предположения, что черная месса явилась не искажением и карикатурой на католическую мессу, а наоборот, существовала ранее католической мессы как самостоятельный культовый обряд. И лишь впоследствии была христианизирована путем замены некоторых песнопений другими, включающими слова «Дева», «Христос» и другими, создающими ложную иллюзию малейшей связи с христианским богослужением.

Наиболее восприимчивыми к фантазмагорическим бредням были женщины и дети. Потому они и стали жертвами «войны с дьяволом». С. Лозинский пишет в предисловии к «Молоту ведьм»:

«Безумие, разумеется, охватывало и детей. В 1669 г. в шведском округе Делакарлии у детей появилась какая-то болезнь, сопровождавшаяся обмороками и спазмами. Во время болезни дети рассказывали о какой-то местности Блакулла, куда их ночью приводят ведьмы и где происходит шабаш. Весь округ заволновался, и со всех сторон стали требовать строгого следствия... Нужно заметить, что выдающиеся шведские юристы оспаривали право сжигания людей на основе детских показаний. Однако духовенство не соглашалось с доводами юристов и ссылалось на псалом, в котором говорится, что устами младенца глаголет сама истина. Так дети стали жертвой всеобщего безумия и более того — вызвали гибель многих матерей...

В 1659 г. в Бамберге были сожжены 22 девочки в возрасте от 7 до 10 лет. Во время казни они проклинали своих матерей, научивших их дьявольскому искусству. В описании этого случая говорится: колдовство до такой степени развилось во всей Баварии, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать... Дети вообразили, что ночью их возят на метлах, козлах, курицах, кошках на шабаш, где заставляют отрицать святую троицу и т.д. В результате было сожжено несколько женщин».

Прорицания, колдовство, тайные обряды, свойственные и античности, и Средневековью по линиям № 5–7, естественно дополняются вакхическими обрядами. Ученый XVIII века Шампфлери писал:

«Странные увеселения происходили в соборах и монастырях при больших праздниках церкви в средние века и в эпоху Возрождения. Не только низшее духовенство участвует в веселых плясках и песнях, особенно на Пасхе и Рождестве, но даже и главнейшие церковные сановники. Монахи мужских монастырей плясали тогда с монашенками соседних женских, и епископы присоединялись к их веселью».

Ну, если это было позволено клиру, то что говорить о мирянах! Конечно, в кальвинистской Женеве порядки были строже; высмеивали католическое духовенство и лютеране. В общем, в XV веке всем всё было ясно, если говорить о морали. Всё было ясно и Скалигеру. Но когда церковники ничего не стеснялись, то о какой научной этике можно говорить применительно к нему? «Подростковая» мораль Средневековья вполне позволяла ему не оглядываться на совесть. Так что приведенные выше сведения делают понятными многие вещи, о которых мы лишь догадывались. Например, становится ясным, что не из одного лишь злого умысла, а, можно сказать, руководствуясь благородными порывами души, Скалигер, этот «величайший ум человечества» растащил античность и Средневековье, «язычество» и христианство так, чтобы они не мешали друг другу.

В еще большую даль времен «улетели» ромейские храмовые вакханалии X–XI веков. Они попали во времена Хаммурапи. Если совместить траки нашей синусоиды, то получится, что задолго до XV века при храмах имелись божьи жены, божьи сестры и церковные блудницы. Эти последние назывались кадишты (от еврейского кадеш, святой). Последние были, возможно, чем-то вроде браманских баядерок, то есть храмовых танцовщиц и певиц, а божьи жены вроде средневековых христианских диаконисс, божьи сестры — что-то вроде монашенок, и к этому же разряду, как низшая ступень, прибавляются еще и божьи

блудницы, а также и отдельно живущие блудницы. Очевидно, что эта профессия тоже считалась благочестивой, возможно, из подражания богоматери, родившей ребенка без мужа, ведь о христианской троице упоминается в предисловии к этому «кодексу».

Если отнести появление Законов Хаммурапи к XI веку, то вполне понятно, что за несколько столетий, прошедших от него до XV века, вполне мог этот «институт» блудниц переродиться, во-первых, в прослойку богатых, культурных гетер, сведения о которых мы находим и в греческих текстах, и в «возрожденческой» литературе, а во-вторых — в институт монашеской проституции.

Вот что пишет о нравах, бытовавших в монастырях XV века, Александр Парадисис в романе «Жизнь и деятельность Балтазара Коссы». Хоть это и роман, здесь верно передана картина жизни в ту эпоху:

Пьеро ди Козимо. Так называемая Симонетта Веспуччи. Ок. 1500.

«От отшельнической и благочестивой жизни монастырей первые веков христианства не осталось и следа, разложение церкви и нравов в них достигло невероятных размеров... Не способствовала строгости нравов и одежда монахинь, подчеркивавшая их природную красоту и стройность... Почти все монастыри Италии, пишет Родонаки, принимали мужчин-посетителей. В дни приемов монахини вызывающе громко рассказывали о своих детях... взбудораживая народ на улицах.*

О жизни монастырей в Венеции мы узнаем не только от Казановы. Сан Дидье пишет: «Ничто в Венеции не вызывало такого интереса, как монастыри». Были там частыми посетителями и вельможи. И так как все монахини красивы и стройны, ни одна не оставалась без любовника. А забота надзирательниц о нравах выражалась в том, что они помогали монахиням находить более искусные способы встреч с любовниками и покрывать их.

Платье было узким, в талию, с большим декольте, дававшим возможность увидеть белое и пышное тело монахини. Пельниц пишет, что венецианские монахини завивались, что они носили короткие платья, не закрывавшие стройных ног, а грудь они прикрывали лишь тогда, когда пели в церковном хоре. Были такие монастыри, где (особенно в последние дни карнавала) монахини появлялись в мужском платье...

Одежда монахинь Рима также не отличалась скромностью. А флорентийские монахини, по свидетельству одного настоятеля мужского монастыря, посетившего Флоренцию, напоминали мифологических нимф, а не «христовых невест». (Впрочем, что означало это выражение? Ведь Христос завещал делиться с ближним тем, что есть у тебя. — Авт.) Во многих монастырях были устроены театры и разрешалось давать представления, но играть в них могли только монахини...

Не отличались выдержанностью и монахини Генуи. В одном из папских указов с прискорбием отмечалось: «Сестры из монастырей святого Филиппа и святого Иакова бродят по улицам Генуи, совершают непристойные поступки, которые диктует им их необузданная фантазия...» Распущенность монахинь в болонском монастыре Иоанна Крестителя была настолько велика, что власти были вынуждены разогнать всех монахинь, а монастырь закрыть... Число монахинь, преследуемых правосудием за распутство, росло с каждым днем. Каждый болонский монастырь имел кличку: «монастырь куколок», «монастырь сплетниц», «монастырь кающихся Магдалин», «монастырь бесстыдниц», «монастырь Мессалин»...

* Заметьте: не «первых веков нашей эры», а «первых веков христианства».

Известный гуманист Понтано рассказывал, что в Валенсии испанцы свободно проникали в женские монастыри, и что трудно провести грань между этими святыми обителями и домами, пользующимися дурной репутацией. В монастырях было много женщин, которые до этого были профессиональными проститутками... Отказаться от прежней жизни им было трудно, и они продолжали вести ее и в монастыре... Развращенность «христовых невест» была предметом всеобщих разговоров...

Сеттенбри, изучавший последнее издание произведений Мазуччо, пишет, что его книга «Браки между монахами и монахинями» изъята и в 1564 году занесена в список запрещенных католической церковью книг, а автор ее предан анафеме. Мазуччо пишет: «Монахи считали монахинь своей собственностью... Монахини, выбрав себе любовника монаха, не скрывали этого... Не было числа «замужним монахиням».

Цельс, о проблемах с датировкой жизни которого мы говорили выше, видя это, вполне мог стать антихристианином. Тем более, живи он хоть в I веке до н.э., хоть в I веке н.э., по «римской» волне синусоиды его жизнь как раз выпадает на века этого повального разврата...

А вот еще кусочек из Александра Парадисиса:

«Во время карнавала в Венеции (а его там растягивали почти на полгода) женские монастыри превращались в танцевальные залы, заполнялись мужчинами в масках. Чем смешнее была маска, тем лучше принимался ее владелец».

Здесь речь идет о карнавале XV века. Ничто не противоречит современным хронологическим представлениям. Ну, мораль... То, се... но в целом хотя бы понятно, когда происходят события.

Но вот вам еще одно описание карнавала. Вопрос: где и когда?

«...вместо колесниц практиковались водные выезды, отличавшиеся невероятным, фантастическим великолепием. Выезд Буцентавра во время приема ... описан как совершенно сказочный спектакль; его появление предварили бесчисленные корабли, украшенные коврами и гирляндами, с роскошно костюмированными юношами и девушками на палубах; на подъемных машинах здесь и там парили гении с атрибутами богов; другие гении, в обличье тритонов и нимф, сгруппировались внизу; повсюду пение, благоухание курений, трепещущие на ветру знамена, расшитые золотом. За Буцентавром же следовала такая масса барок всякого рода, что на милю кругом не было видно воды. Из прочих празднеств, помимо вышеупомянутой пантомимы, достойна упоминания, как нечто новое, регата с участием пятидесяти сильнейших девушек».

Так историк Буккхард Якоб дает описание венецианского карнавала 1491 года. На карнавалах Средневековья, пишет он, «стали представлять триумфы древнеримских полководцев: во Флоренции — Паула Эмилия (при Лоренцо Великолепном), Камилла (при визите Льва X), оба под руководством живописца Франческо Граначчи». Уместно спросить: а с чего же историк взял, что речь идет о триумфах именно «древне»-римских полководцев? Или иначе: насколько «древних»? Ни из этого описания, ни из всех последующих не могут быть сделаны никакие хронологические выводы об «античности»:

«В Риме первым подобающе обставленным празднеством такого рода был, при Павле II, триумф Августа после победы над Клеопатрой: здесь помимо шутовских и мифологических масок (которых и на античных триумфах было предостаточно) находились и все прочие реквизиты — закованные в цепи цари, шелковые свитки с решениями народа и сената, костюмированный в античном стиле псевдосенат с эдилами, квесторами, преторами и проч., четыре колесницы с поющими масками и, конечно же, колесницы с трофеями. Прочие шествия более обобщенно олицетворяли владычество древнего Рима над миром, и перед лицом реальной турецкой опасности здесь хвастали кавалькадой плененных турок на верблюдах. Позднее, на карнавале 1500 года, Цезарь Борджа, дерзко намекая на собственную особу, велел представить триумф Юлия Цезаря с одиннадцатью великолепными колесницами, возмущив тем самым прибывших на юбилей пилигримов».

Это, напоминаем, текст историка. Прочтите его еще раз, отрешившись от знания дат, и вы увидите, что нет никакой разницы между античностью и ее возрождением. Даже в описании историка. Ничто, абсолютно ничто не дает знать, сколько лет прошло между Цезарем Борджа и Юлием Цезарем, сто пятьдесят, тысяча пятьсот или, скажем, пятнадцать тысяч.

«Красотой и вкусом были отмечены триумфы отвлеченного характера, представленные двумя соперничающими флорентийскими обществами на праздновании избрания папы Льва X: один представлял три возраста человека, другой — мировые эпохи, изобретательно представленные в пяти картинах из истории Рима и в двух аллегориях, изображающих золотой век Сатурна и его окончательное воцарение. Изысканное оформление

колесниц, когда за него брались великие флорентийские художники, производило такой эффект, что публика требовала постоянного, периодического повторения зрелища.

Прежде подвластные города, ежегодно принося присягу верности, просто подносили символические подарки (драгоценные ткани и восковые свечи); теперь же купеческая гильдия соорудила десять колесниц (впоследствии их оказалось еще больше), — скорее для того, чтобы символизировать дань, нежели действительно везти ее, — и Андреа дель Сарто, украсивший некоторые из них, без сомнения, придал им восхитительный вид. Такие колесницы с данью и трофеями теперь присутствовали уже при каждом празднестве, даже если устроители были стеснены в средствах.

Жители Сиены (1477) продемонстрировали свою приверженность союзу между Ферранте и Сикстом IV круговым объездом города колесницей, в которой «человек, одетый богиней мира, потирал латы и прочее вооружение».

Эпоху Возрождения часто представляют, как время, когда люди, узнав о чудесной жизни в давно миновавшем «золотом веке», начинают подражать «древним». «В литературной традиции, кажется, вообще нет отчетливой границы между своим временем и античностью. Само требование украшенного произведениями искусства дома может быть обосновано текстами древних», — пишет М.С. Тарасова. Так спросим же: вот эти, описанные здесь фестивали и карнавалы — это подражание, игра в «древность», или все-таки жизнь? У игры и жизни разные законы!

Флорентийский мастер. Сцена городского гуляния.
Роспись кассона (сундука). XV век.

Читая исторические трактаты, иногда ловишь себя на мысли, что «игра в переодевание» была как раз в «Древнем Риме», а в средневековых Венеции, Сиене, Риме, Флоренции — не играли, а жили.

У России тоже было славное прошлое. И у нас в годовщины каких-либо побед люди тоже сбегаются поиграть. Бородинское сражение было всего-то двести лет назад. На празднике несколько десятков энтузиастов в ментиках и с ружьями бегает друг против друга. Прогуливаются господа в сюртуках с пистолетами, переряженные в Пьера Безухова. Но это игра, она кончается, все переодеваются и идут на работу.

В XV веке было иначе.

«Карнавал как таковой, взятый независимо от прочих больших процессий, вероятно, нигде не был столь многообразен, как в Риме. Состязания в беге были особенно богаты разновидностями: состязались между собой лошади, буйволы, ослы, а также старики, юноши, евреи и т.д. Павел II потчевал народ бесплатным угощением перед Палаццо ди Венеция, где он жил. Игрища на площади Навона, возможно, со времен античности никогда до конца не затухавшие, отличались воинственно-роскошным характером: они состояли из «сражения» всадников и парада вооруженных горожан. Маскарадная свобода нравов была чрезвычайно велика и удерживалась порой на протяжении нескольких месяцев. Сикст IV не гнушался разгуливать среди бесчисленных масок в самых многолюдных районах города, на Кампо дей Фьори и у Банки; однако же он не позволил им посетить Ватикан, хотя об этом и было уже договорено. При Иннокентии VIII безнравственность кардиналов, заметная и раньше, достигла высшей степени: на карнавале 1491 года они посылали друг другу колесницы, наполненные великолепно костюмированными масками, шутами и певцами, декламировавшими скандальные стихи; их, конечно же, сопровождали всадники.

Помимо карнавала, римляне, вероятно, первыми оценили по достоинству и прелесть больших факельных шествий. Когда в 1459 году Пий II возвратился с мантуанского конгресса, весь Рим поджидал его с факелами, образовавшими вокруг дворца мерцающее

кольцо. При этом Сикст IV как-то раз все же счел за лучшее не принять подобной ночной встречи, когда весь Рим захотел выйти к нему с факелами и масличными ветвями».

Да, это не игра в переодевание! Это жизнь.

Космический катаклизм

Как известно, в жизни всегда есть место преодолению трудностей. Но «трудности» эти зачастую носят вселенский характер. Свидетельства мы находим во множестве.

«Магический папирус» Хариса повествует о космическом смещении огня и воды, когда *«юг стал севером, а земля перевернулась»*. Это, безусловно, фраза для земли-диска. В папирусе Ипувера утверждается, что *«Земля повернулась, как гончарный круг»*, и далее описываются ужасные разрушения, причиненные природным сдвигом. В папирусе Эрмитажа (Ленинград, 1116 recto) также есть упоминание о катастрофе, которая перевернула Землю «вверх дном»; *«случилось то, чего никогда не случалось»*.

Древнеегипетские сообщения, как мы понимаем, дают картину какого-то колоссального природного катаклизма. «Земля перевернулась». При таких событиях следует ожидать «неполадок» на небе. И вот в «Прорицании вельвы» исландцев, возникшей, как полагают, в X веке, читаем, как огромный волк Фенрир пожирает бога Одина, небесные светила падают на землю, а она сгорает в огне мирового пожара. «Мир весь сгорает в звуках рога».

Не знала она (солнце),
где должен быть ее дом.
Луна не знала, каков ее дом,
Звезды не знали, где им стоять.
Потом боги наводят порядок среди небесных тел.

Карело-финский эпос «Калевала» отнесен историками к I тысячелетию нашей эры. Вообще-то известно, что эпос составлен на основе народных песен (рун) Э. Ленротом. Здесь тоже говорится об установлении нынешнего миропорядка:

Когда Луну поместили на орбиту,
Когда установили серебряное Солнце,
Когда прочно поставили на место Медведицу.

Е. Мелетинский пишет: *«Творческая история «Калевалы» Ленрота проливает свет и на закономерности формирования книжных эпосов в западно-европейской литературе Средневековья, складывающихся в XI, XII, XIII вв.»*. И он же добавляет по поводу исландского эпоса:

«Эсхатологические мотивы встречаются в мифологии ряда народов (персы, майя-ацтеки и др.), но потрясающая поэтическая картина гибели мира в «Прорицании вельвы» является уникальной в мировой литературе».

Черным стало солнце
суша тает в море,
светлые звезды
сыплются с неба.
Пар жарко пышет,
и жизни питатель,
пламя до самого
поднялось неба.

Подобных рассказов действительно много. Мы, признаться, не видим особой уникальности приведенного выше. Как не видим и подлинного интереса к теме эсхатологии у историков, которые, к сожалению, учение о «конце света» рассматривают лишь как часть религиозных верований, и не воспринимают в качестве источника сведений о прошлом человечества.

А ведь человеку очень трудно придумать что-либо, чего не видел собственными глазами, или о чем, по крайней мере, не слышал от очевидцев. Даже традиционные описания ада содержат привычные элементы, хоть и в непривычном ракурсе: котлы с кипящей водой или

смолой, сдирания кожи и прочие ужасы не содержат ничего такого, чего люди не могли бы видеть на земле. Поэтому надо всерьез обдумывать такие сведения, как содержащийся в Книге Иисуса Навина текст, отделенный лишь двумя стихами от описания солнца, повисшего на несколько часов без всякого движения:

«Когда же они бежали от Израильян по скату горы Вефронской, Господь бросал на них с небес большие камни до самого Азека, и они умирали; больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Израилевы мечом».

Надо сказать, что Французская академия наук, например, до 1803 года отказывалась верить, что камни могут падать с неба. Несмотря на то, что метеориты падали много раз, а в 1492 году якобы даже в присутствии императора Максимилиана и его двора, — научный мир не допускал, что такое возможно! А ведь он в тот период был представлен Коперником, Галилеем, Кеплером и даже Ньютоном.

В египетском «Речении Ипуера» (XX–XVI до н.э.) говорится:

«Города разрушены. Верхний Египет опустел... Все в руинах. Дворец перевернут за минуту».

Или вот, десятая казнь:

«...И сделался великий вопль в земле Египетской; ибо не было дома, где не было бы мертвеца» (Исход, 12:30).

Сходные детали мы находим в «Мидрашине»: *«Седьмая казнь, казнь градом; землетрясение, пожар, метеориты».*

«Молнии освещали вселенную; земля содрогалась и тряслась...» (Псалтирь, 79:19).

«Люди бежали... Они строили шалаши, как жители гор» (Ипуер).

Мы нарочно чередуем описание катаклизма в памятниках XIX–XVII веков до н.э., и в Библии, описывающей события якобы XII века до н.э. Ничто не противоречит выводу, что это одна и та же эпоха.

«Отчаяние... простерлось до небес; все, что было ярким, обратилось в темноту... Брат не мог различить брата... Шесть дней... ураган, потоп и буря продолжала уничтожать землю...» (Эпос о Гильгамеше).

«И была густая тьма по всей земле Египетской три дня. Не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня» (Исход, 10:22-23).

«Он (Мардук) создал злой ветер, и бурю, и ураган, и четырехкратный ветер, семикратный ветер, и смерч, и ветер, которому не было равных» (Эпос о Гильгамеше).

«Воды взметнулись на высоту тысяча шестьсот миль, и их могли видеть все народы земли» (Мидрашим).

Сказания многих народов мира утверждают, что моря сместились, и вода обрушилась на материки. Извергающиеся вулканы, морские приливы, и ураганные ветры грозили уничтожить все живое. Продолжительная темнота, землетрясения и мировой пожар были следствием нарушения движения Земли.

«Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, народ отступил, и стал вдали» (Исход, 20:18).

«Небо и земля гремели... горы и холмы сдвигались» (Мидрашим).

«Гром был рев небес, и земля отвечала ему эхом» (эпос о Гильгамеше).

Гомер так описывает подобную же ситуацию: *«Бескрайние просторы земли и небеса над ними звучали, как голос трубы».*

Гесиод вторит ему: *«...Земля издавала ужасный грохот, как и бескрайнее небо над ней».*

Катаклизм космического масштаба привел к неисчислимым людским жертвам. Над берегами проносились громадные волны, многочисленные вулканы извергали пламя, землетрясения стирали города с лица земли. Одно из самых сильных в художественной литературе описаний катастрофы находим у Шекспира в «Гамлете». Здесь описывается время до смерти Цезаря (I век до н.э.).

В высоком Риме, городе побед,
В дни перед тем, как пал могучий Юлий,
Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц,
Визжали и гнули мертвецы;
Кровавый дождь, косматые светила,
Смущенья в солнце; влажная звезда,
В чьей области Нептунова держава,
Болела тьмой, почти как в судный день...

Как сказал писатель уже XX века, — Гюнтер Грасс, «свидетельские показания литературы более достоверны, имеют более глубокие корни, чем показания историков». Нас могут сколь угодно долго уверять, что Шекспир придумал «древнеримские ужасы». Но мы, понимая, что драматург описывал недавнее прошлое, легко находим подтверждения у авторов XIV века. Например, у Ф. Петрарки (1304–1374). В письме к Иоанну Колонне, монаху ордена проповедников, он сообщает о своем путешествии в современный ему Рим; он отлично знает историю города; он говорит о развалинах:

*«Мы бродили вместе по великому городу, который из-за своей пространности кажется пустым, однако вмещает огромное население; не только по городу бродили, а и в окрестностях. И на каждом шагу встречалось что-то, заставлявшее говорить и восторгаться: здесь дворец Эвандра, здесь храм Карменты, здесь пещера Вулканова сына, тут воспитавшая близнецов волчица и Ромулова смоковница-кормилица, тут конец Рема; здесь цирковые игры и похищение сабинянок, здесь Козье болото и исчезновение Ромула, здесь беседа Нумы с Эгерией, здесь место сражения трех братьев-близнецов. Здесь побежден молнией победитель врагов и устроитель войска Тулл Гостилий, здесь жил царь-строитель Анк Марций, здесь разделитель сословий Тарквиний Приск; здесь пламя сошло на голову Сервия, здесь сидя на повозке проехала свирепая Туллия и своим преступлением обесславила улицу. А это, наоборот, Священная дорога, это Эсквилийский холм; тут Виминал, там Квиринал; здесь Целиев холм, здесь Марсово поле и скошенный рукою Тарквиния Гордого мак. Здесь несчастная Лукреция, падающая на меч, смертью избегающая прелюбодеяния, и отмститель оскорбленного целомудрия Брут; тут угрожающий Порсена, и этрусское войско, и жестокий к своей провинившейся деснице Муций, и соревнующийся со свободой сын тирана, и следующий в преисподнюю за отбитым от города врагом консул; здесь надломленный плечом героя свайный мост, и плывущий Гораций, и Тибр, возвращающий Клелию. Здесь стоял напрасно заподозренный дом Публиколы; здесь шел за плугом Цинциннат, когда удостоился стать из пахаря диктатором; здесь был привлечен к консульству Серран. Это Яникул, то Авентин, там Священный холм, куда трижды уходил обиженный патрициями плебс; здесь состоялся сластолюбивый суд Аппия, здесь Виргиния была избавлена от унижения мечом отца, здесь децемвир нашел конец, достойный его похотливости. Отсюда Кориолан, который, возможно, победил бы силой оружия, отступил, побежденный благочестием своих сторонников; эту скалу защищал Манлий, и отсюда он падал; здесь Камилл прогнал внезапным нападением заглядевшихся на золото галлов и научил отчаявшихся граждан возвращать себе утраченное отечество оружием, а не деньгами. Отсюда во всем вооружении бросился в пропасть Курций; здесь найденная под землей человеческая голова и недвижимый межевой столб послужили предсказанием великой и устойчивой власти. Здесь лукавая дева пала от оружия, обманутая собственным лукавством; здесь Тарпейская скала и всемирная перепись Римского народа; здесь страж оружия Янус; здесь храм Юпитера Останавливающего, здесь — Приносящего добычу, здесь — Юпитера Капитолийского, место всех триумфов; сюда пригнали Персея, отсюда прогнали Ганнибала, отсюда согнали Югурту, как думают некоторые, а другие считают, что он был убит в тюрьме. Здесь торжествовал Цезарь, здесь он погиб. В этом храме Август видел толпу царей покоренного мира; здесь арка Помпея, здесь его портик, здесь арка Мария, память о победе над кимврами. Тут Траянова колонна, где этот император, единственный из всех, как говорит Евсевий, похоронен в черте города; здесь его же мост, получивший потом имя святого Петра; здесь Адрианова громада, под которой и он сам лежит, и которую называют теперь замком Святого Ангела. Вот камень огромной величины над бронзовыми львами в нишах, посвященный божественным императорам; в его верхней части, говорят, покоится прах Юлия Цезаря. Вот святилище богини Земли, вот алтарь Фортуны, вот храм Мира, разрушенный с приходом истинно мирного царя; вот создание Агриппы, отнятое для Матери истинного Бога у матери ложных богов. Здесь шел снег на августовские Ноны; отсюда масляная река текла в Тибр; **тут, как гласит молва, Сивилла показала старому Августу младенца Христа.** Это заносчиво роскошные Нероновы дворцы; это дом Августа на Виа Фламиния, где, как некоторые говорят, и гробница его хозяина; вот колонна Антонина; вот неподалеку дворец Аппия; вот септизоний Севера Аффа, который ты называешь Престолом солнца, хотя мое название можно прочесть в историях; вот сохраняющееся в камне уже сколько веков состязание Праксителя и Фидия в таланте и искусстве.*

Здесь Христос предстал на пути своему бегущему наместнику; здесь Петр распят на кресте; здесь обезглавлен Павел, здесь сожжен Лаврентий, здесь, погребенный, он уступил место пришедшему в Рим Стефану. Здесь Иоанн презрел кипящее масло, здесь Агнеса,

живя после смерти, воспретила плакать о себе родственникам и друзьям, здесь прятался Сильвестр, здесь Константин избавился от проказы, здесь Калликст встретил славную смерть. Только куда меня несет? Могу ли на жалком листе описать целый Рим? Да если б и мог, нет надобности: ты все знаешь, и не потому, что римский гражданин, а потому, что с отрочества был чрезвычайно любознателен в отношении таких вещей, — ведь кто сегодня хуже помнит деяния римской истории, чем римские граждане? Увы, Рима нигде не знают меньше, чем в Риме. Оплакиваю не только невежество — хотя что хуже невежества? — но и бегство добродетелей, и изгнание многих из них. Кто усомнится, что Рим тотчас воскрес бы, начни он себя знать? Но это плач для другого времени.

Потом, усталые от ходьбы по огромному городу, мы часто останавливались в термах Диоклетиана, не раз поднимались и на крышу этого некогда величественнейшего здания, потому что нигде не найти более здорового воздуха, большей широты обзора, более полного уединения. Там — ни слова о заботах, ни слова о своих повседневных делах, ни слова о состоянии государства, которое достаточно оплакать один раз: **шли ли мы по улицам разрушенного города, сидели ли там, перед глазами были обломки развалин; что делать?** Много говорили зато об истории, причем разделились между собой так, что в новой оказывался опытней ты, в древней я (если называть древней то, что было прежде, чем в Риме прогремело и было почтено римскими государями Христово имя, а новой — все с тех пор и до нашего века); много рассуждали о той части философии, которая воспитывает нравы, и отсюда заимствует свое название, а в промежутке — об искусствах, его создателях и его началах».

Мы выделили явные «ляпы» — о Христе, например, который с младенчества тут бывал. Вообще весь рассказ — собрание легенд, о которых, как пишет и сам автор, в Риме мало кто знает. Но он-то сам — знает!

При жизни Петрарки началось «Возрождение античности». То есть, как написано во всех энциклопедиях, произошло обращение к «культурному наследию античности». А саму античность относят на многие столетия назад. В таком случае, о ней знать вообще не могли, — за столетия культура античности неминуемо была бы забыта, и не составляла части современной Петрарке культуры.

Но мы видим, что он весьма подробно осведомлен о былых временах, да и не только он. Если так, то, следовательно, античность не забыта, и остается частью культуры. Она настолько не забыта, что Петрарке нет даже нужды называть причину разрушений в Риме. Но если так — ОТКУДА у последующих историков взялось представление о том, что античная культура — древняя? Раз о ней знают в XIV веке, она просто не может быть древней. Да и сам Петрарка ни разу не пишет ни о каких столетиях, различающих настоящее и прошлое. Просто — развалины, разрушенный город. Приходится заниматься вопросом, как образовались развалины, заново.

Англосаксонские поэмы на библейский сюжет «Исход», как полагают, возникли в VII веке. Время написания эпоса «Беовульф» относят на VI век; единственная имеющаяся рукопись датирована X веком. В эпосе упоминается потоп.

«Ученые старой школы рассматривали «Беовульф» как единственный в своем роде англосаксонский памятник, свидетельствующий о богатой эпической традиции языческих поэм, уничтоженной нетерпимым отношением к ней христианской церкви», — пишут авторы учебника «История западно-европейской литературы». Удивительно, почему та же христианская церковь не уничтожила языческие произведения Гомера и другие многочисленные памятники античной литературы.

Пророчица Морриган из ирландской саги о короле Брессе предсказывает мировой катаклизм, напоминающий некоторые места «Прорицания вельвы». Здесь, как и в «Беовульфе», присутствует мотив схватки с мировым змеем. То есть мотив планетарной катастрофы трансформировался в сюжет битвы с драконом, пожирателем солнца. Этот сюжет популярен и в славянских сказаниях: можно упомянуть былину о Добрыне Никитиче, победившем Змея Горыныча. Мотив змееборца известен европейской античности (Персей, освобождающий Андромеду; и Геракл, побеждающий Гидру) — а эту эпоху мы, как уже говорилось, относим на XI–XIII века.

Можно предположить, что уничтожение подобных литературных памятников происходило в XVII–XIX веках, после торжества скалигеровской хронологии. И христианская церковь тут совершенно ни при чем. Но многое не было уничтоженным, а просто «провалилось» в древность.

Еврипид писал в «Электре»:

«Тогда в гневе своем поднялся Зевс, поворачивая звезды назад на их огненном пути и даже ослепительно горящую колесницу солнца, и туманный взгляд пасмурного утра... Солнце... повернуло обратно, плетью гнева своего неся наказание смертным».

Овидий описывает явление, наблюдающееся в эпоху аргосских тиранов, когда Феб *«резко затормозил и, пытаясь сдержать свою колесницу, повернулся колесами к рассвету»*.

В драме «Фиест» Сенека дает сильное описание событий, происшедших после того, как солнце в утреннем небе повернулось вспять.

Из короткого фрагмента исторической драмы «Атрей» Софокла следует, что солнце встает на востоке только с тех пор, как его движение переменялось. *«Зевс... изменил ход солнца, заставив его вставать на востоке, а не на западе»*.

Платон пишет в «Политике»:

«В определенные периоды Земля имеет свое нынешнее круговое движение, а в иные периоды она вращается в обратном направлении... Я говорю в обратном направлении... Я говорю об изменении восхода и захода Солнца и других небесных тел, когда в те давние времена они заходили там, где теперь восходят, и восходили там, где теперь заходят».

Конечно, трудно себе представить, что это не поэтический вымысел, а свидетельства космической катастрофы, происшедшей на памяти человечества. Но еще более экзотичной будет теория, по которой подобные события, оставляющие неизгладимый след в литературном творчестве всех народов мира, происходят периодически.

Если же предположить, что катастрофа была одна, то обнаруживаются сообщения тех, кто ее пережил, и предупреждал, что возможно повторение:

«Земля ваша опустошена... Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре» (Книга Исаии, 1:7-9).

Попытку свести в единую систему разновременные описания катастрофы сделал американский исследователь Иммануил Великовский. Он обратил внимание, что длительное время люди видели только четыре планеты, а Венеру, по его мнению, не знали. Венера была кометой, говорит он; ее приход в Солнечную систему вызвал серьезные возмущения в движении других планет; произошло падение на Землю крупного небесного тела; земной год, составлявший до этого 360 дней, изменился; происходили изменения длительности месяцев и даже часов. Серии катастроф космического масштаба, по Великовскому, имели место и в VIII, и в VII веке до нашей эры. Они изменили угол вращения и орбиту Земли, а также и орбиту Луны.

Скажем прямо, версия Великовского не кажется нам научно обоснованной. Приход Венеры привел бы к релаксациям на миллион лет, и не мог бы оказаться отраженным в литературных источниках. На планетах нет табличек с названиями, и какую из них не знали в старину — Венеру или Меркурий — сказать невозможно. Рассуждения ученого об изменении длительности года и месяцев тоже никуда не годятся. Ведь он рассматривает изменение сразу трех параметров: длительности года, месяца, дня, — но в таком случае любые выводы становятся бессмысленными.

«...Земля отошла от орбиты продолжительностью 360 дней на орбиту из $365 \frac{1}{4}$ дня, и дни, вероятно, не были равными в обоих случаях, — пишет Великовский. — Месяц изменился с тридцати до двадцати девяти с половиной дней. Таковы были значения в начале и в конце столетия «битвы богов». В результате потрясений этого столетия возникли промежуточные значения года и месяца. Продолжительность года, вероятно, колебалась между 360 и $365 \frac{1}{4}$, но луна, будучи меньшим (или более слабым) небесным телом, чем Земля, гораздо больше пострадала от сильных пертурбаций, вызванных контактом с небесным телом, и промежуточные значения ее месяца должны были подвергнуться более значительным изменениям».

Плутарх сообщает, что по времена Ромула люди *«неразумно и неправильно обозначали месяцы»* и считали некоторые месяцы *по тридцать пять дней, а некоторые еще больше, «пытаясь придерживаться года из 360 дней»*... Когда месяц составлял тридцать шесть дней, а год от 360 до $365 \frac{1}{4}$ дня, год должен был состоять только из десяти месяцев. Так и было...»

Согласно Великовскому, в течение столетия катастроф Луна вышла на орбиту продолжительностью от тридцати пяти до тридцати шести дней. Она оставалась на ней несколько десятилетий, пока во время очередного потрясения не перешла на орбиту длительностью двадцать девять с половиной дней, по которой вращается и ныне.

Великовский не был знаком с идеями Морозова и не рассматривал возможности изменения хронологии. Он не соотносил события древности и Средневековья, считая, что легенды вроде «Беовульфа» лишь пересказывали давнее предание. У него получилось, что «меняющиеся месяцы» приходились на вторую половину восьмого века до н.э. — начало римской истории, строительства самого Рима. Он отмечал, что «мы располагаем конкретными датами, вроде «на 33-й день месяца», которые упоминаются на вавилонских табличках этого периода», и считал важным следующий фрагмент из «Жизнеописания Нумы» Плутарха:

«Он (Нума) исправил также календарь, правда, не вполне точно, тем не менее, не без знания дела. В царствование Ромула месяцы не имели ни определенного числа дней, ни определенного порядка. В некоторых из них не было и двадцати дней, тогда как другие заключали в себе тридцать пять и даже больше. Не понимая разницы между лунным и солнечным годом, римляне старались лишь о том, чтобы год состоял из трехсот шестидесяти дней».

Но мы не можем забывать, что всякого рода расчеты — будь то календарные или хронологические — не обязательно отражают действительность. Расчет — элемент формализации, а результатом его может стать «идеальное» описание, не имеющее почти никакого отношения к реальному миру. В реальности же к лунному календарю привязано размножение скота. И сегодня в ряде регионов планеты применяется лунный год. А солнечный календарь связан с потребностями земледелия, для которого лунные пертурбации вообще не важны. «Смещение» солнечного и лунного года происходит, когда встречаются две культуры, земледельческая и скотоводческая. Разумеется, в такие моменты ученые вынуждены заниматься расчетами, чтобы свести две системы в одну, поскольку интересы хозяйствования требуют определенной синхронизации.

Это объяснение значительно проще, чем сделанное Великовским предположение о перемене Луной своей орбиты, да еще несколько раз в течение короткого промежутка времени. Луна — независимое космическое тело, и никаких причин для такого его поведения сам Великовский не дает.

Вызывает сомнения и его тезис об изменении угла вращения и орбиты Земли. Что это за угол вращения, нам вообще непонятно. Возможно, речь идет о наклоне земной оси и расположении полюсов. Но самые серьезные возражения можно высказать об идее «остановки Солнца» или, иначе, остановки движения Земли и даже перемены ею направления движения. Не только смена направления, а даже остановка движения не совместима с сохранением жизни на планете.

Между тем, именно это и утверждает Великовский, говоря, что согласно представлениям нашего времени — но не того, когда писалась Книга Иисуса Навина или «Песнь о Роланде» — солнце вполне могло остановиться на небосводе. Это случилось бы в том случае, если б Земля перестала вращаться вокруг своей оси. Допустимо ли подобное нарушение миропорядка? Прекращение обычного вращения Земли теоретически возможно, если наша планета встретила бы на своем пути другое небесное тело с массой, достаточной для того, чтобы нарушить вечный ход нашего мирка, пишет Великовский.

Однако, теоретизируя дальше, мы неизбежно должны придти к выводу, что при такой катастрофе людей не станет. Ведь при остановке тела планеты ни вода, ни воздух остановиться не смогут! Вот теперь-то и нужны расчеты. А они показывают, что на «остановившейся» Земле скорость ветра превысит скорость звука, а затем по всей планете прокатится ударная волна, слабое подобие которой наблюдается, когда звуковой барьер преодолевает самолет. Вслед за тем со страшной скоростью упадет температура, а потом вся масса имеющейся на планете воды снесет с поверхности все незакрепленные предметы.

Однако вообще отрицать возможность столкновения Земли с крупным космическим телом было бы неразумным. И если удар не был столь большим, чтобы уничтожить жизнь на Земле, то, конечно, вызвать колебания оси, колоссальные землетрясения, повышение вулканической деятельности он мог.

Рассмотрение теории катастроф И. Великовского — не наш предмет. Мы просто хотим показать, что традиционная история упускает в своих построениях очень многое, а Великовский вытаскивает это «многое», пусть и сделав не вполне корректные выводы.

«Основная заслуга И.В. (Иммануила Великовского) перед наукой состоит в том, что он в двух своих книгах («Столкновение миров» и «Человечество в амнезии») собрал огромный геологический, палеонтологический, стратиграфический и — в первой из них — мифологический, легендарный и литературный материал из разных частей света в

подтверждение почти забытой теории о катастрофическом прошлом Земли», — пишет Е.Я. Габович.

Обилие собранного Великовским материала обескураживает, однако его теория в целом отвергнута официальным историческим сообществом. Отвергнута, и всё тут. И не она первая. Анатоль Франс писал по сходному поводу:

«Историки переписывают друг друга. Таким способом они избавляют себя от лишнего труда и обвинений в самонадеянности. Следуйте их примеру, не будьте оригинальным. Оригинально мыслящий историк вызывает всеобщее недоверие, презрение и отвращение».

Между тем, и в самом деле предания многих народов, в самых разных уголках планеты говорят об общепланетарной катастрофе, имевшей внеземное происхождение. Платон в «Тимее» дает картину последствий столкновения Земли с «чужеродным огнем отовсюду и с огромной глыбой». Некоторые сцены «Илиады» можно понимать как описание межпланетарной катастрофы. Мы привели уже и другие примеры.

Затем, тот факт, что и в Библии, и в «Песне о Роланде» упоминается об остановившемся солнце, говорит о том, что эти произведения были созданы в одну эпоху, к которой относятся и древневавилонские астрономические наблюдения.

В нашей хронологической версии крупная катастрофа, причины которой могут быть нам неизвестны или неясны, могла произойти в XIII — первой половине XIV века, а точнее пока сказать невозможно. Она могла привести к некоторым изменениям физических параметров земной орбиты и ее оси. И.В. Давиденко и Яр. Кеслер высказали идею о том, что события такого масштаба были вызваны падением одного или двух крупнейших метеоритов в районе Фарерских островов в Норвежском море.

Основой замалчивания такого события в позднем Средневековье стал аристотелизм, главенствовавший в то время в европейской науке. Учение Аристотеля не допускало возможности подобных потрясений. *«Отрицание таких событий стало нормой не только для философии, но и для религии и естествознания, а для политических учений — своего рода догмой»*, — пишет Великовский.

Но если катастрофа произошла, то вулканическая деятельность, развившаяся от метеоритной катастрофы, должна была изменить погоду: выбросы миллионов тонн пепла закрыли бы доступ к земле солнечной энергии, привели к неурожаем и голоду. Но ведь и в самом деле нехватка ресурсов спровоцировала войны XIII–XV веков, грандиозные эпидемии и пандемии! А затем произошел и небывалый культурный подъем — начало Возрождения, в некоторой степени вызванного этими войнами. Это звучит парадоксально и совершенно противоречит всем представлениям современных историков, согласно которым переселения народов и тому подобные потрясения приводили к уничтожению культуры и многовековым «темным» периодам.

Катастрофа планетарного масштаба, если она произошла в указанное время, не повлияла на последовательность культурного развития и цельность исторического процесса; изменение условий жизни вело лишь к иному осмыслению происходящего, развитию духовной стороны жизни. Можно предположить, что к этому времени относятся коптские апокрифы, сочинения гностических сект, в учении которых христианская идея спасения мира была сплавлена с идеями восточных религий: иранским дуализмом, сирийско-финикийской демонологией, вавилонской астрологией, египетской магией. Это Евангелие египтян, Евангелие от Марии, Евангелие от Фомы, Филиппа, Иуды и другие.

Евангелие от Марка считается древнейшим из канонических, оно, говорят, сохранило некоторые особенности устной речи и колорита арамейского языка, на котором началась проповедь. И в нем мы видим следы катастрофы:

«Когда же вы услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть; но это еще не конец».

Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это начало болезней...

И звезды спадают с неба, и силы небесные поколеблются...

Смотрите, бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, когда наступит это время» (13:7–8, 25, 33).

Информация о космической катастрофе зашифрована в «Откровении» (Апокалипсисе) Иоанна Богослова:

«И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь;

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих;

И цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор...» (6:12–15).

«Первый Ангел вострубил и сделались град и огонь, смешанные с кровью и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью...

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод...» (8:7–8, 10).

«Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны:

Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя» (9:1–2).

Примечательно, что Иммануил Великовский, не цитирует Апокалипсиса наряду с библейскими, ассирийскими и египетскими текстами. Объяснение этому очень простое: хотя сходство описаний катаклизма совершенно очевидно, он не мог отказаться от убеждения, что древнееврейские и раннехристианские тексты созданы в разное время. Именно поэтому его позиция в поиске всемирных катастроф страдает половинчатостью. И мы подчеркиваем еще раз: то, что Земля перешла на другую орбиту вследствие сближения с каким-либо небесным телом — предположение Иммануила Великовского. Нас же интересует то, что «космические» приключения Земли подтверждают нашу хронологическую гипотезу по очень многим позициям.

Мы не спешим безоговорочно соглашаться со всеми его идеями. Прежде всего — о наличии до катастрофы календаря с 360-дневным годом; она требует очень серьезного изучения. Но не можем не отметить, что если этот факт подтвердится, то все астрономические расчеты солнечных и лунных затмений, произошедших до XIV века — которыми так гордится традиционная история! — окажутся полной бессмыслицей.

Кстати, характерно, что историки, обсуждая упомянутый Фукидидом «красный Сириус», обходят молчанием полярную Большую Медведицу Сенеки и другие обескураживающие астрономические наблюдения древних. Может, они просто книжек не читают?..

Скажем еще вот о чем: и всплеск военных конфликтов, и бурное развитие мировых религий могли стать следствием космической катастрофы. Единственные в своем роде, катастрофические события, конечно, могли «подтолкнуть» развитие религиозной мысли. Для начала обратим внимание на одновременность появления множества религиозных идей по всему миру. Об этом в книге «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.» пишет А. Зайцев:

«Своеобразная философия зародилась самостоятельно не только в Греции, но и в Индии, и в известном смысле, также и в Китае, а художественная литература возникла, несомненно, в Греции, и в Индии, и в Китае, — а если не определять это понятие слишком узко... у евреев и у персов...

Так, уже в 1856 г. Э. фон Ласоль с удивлением отметил, что примерно к 600 г. до н. э. относится деятельность Заратустры в Персии, Будды в Индии, Конфуция в Китае, библейских пророков и первых философов в Греции. Синолог Виктор Штраус, изучавший философию Лао Цзы, обратил внимание на то, что деятельность и этого выдающегося религиозно-философского реформатора относится примерно к той же эпохе».

Отметим для порядка, что традиционный V век до н.э., начавшийся от 600 года, лежит на линии № 5 нашей синусоиды. И тут же, но по «римской» волне, мы найдем и I век н.э., начало христианства. Мы не утверждаем, что при помощи синусоиды можно выстроить правильную хронологию. Речь — о направлении процесса: с некоего момента религии становятся очень востребованными; в каждой культуре развивается свой набор религиозных представлений; каждая религия начинает бороться за старшинство и древность. А хронология появляется существенно позже!

Религии вырастали из одного корня, и в XIII–XIV веках различались гораздо меньше, чем сейчас. Катастрофа должна была вызвать не только временную разобщенность культур, но и стремительное развитие в каждой из них религиозной составляющей.

Одновременность появления новых верований, отмеченная А. Зайцевым (и не только им), и совпадение по синусоиде V века до н.э. со «столетием катастрофы» дает нам лишнее основание поговорить о том, как традиционная история проводит датировки событий, и что она по этому поводу сообщает легковверным читателям.

Вот выписки из брошюры «Краткая история календаря», выпущенной Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации правительства Москвы, навстречу, так сказать, «третьему тысячелетию и XXI веку»:

«...В 241 году Дионисий Малый приступил к вычислению новой пасхалии, которая должна была начинаться с 248 года эры Диоклетиана... Эра «от Рождества Христова», введенная Дионисием Малым в 525 году, уже в начале VII века была опробована папой Римским Бонифацием IV... Прямо или косвенно, но в определении времени Рождества Христова, к сожалению, Дионисий несомненно ошибся».

По нашему мнению, затрагивая религиозные вопросы, говорить надо о развитии идей, а не о рождении людей. Вспомним небольшую историю, произошедшую в 1899 году. Тогда, незадолго до наступления XX века, профессор Санкт-Петербургской духовной академии В.В. Болотов (1854–1900) на заседании Комиссии Русского астрономического общества по реформе календаря, на котором он присутствовал в качестве представителя Святейшего Синода Русской Православной Церкви, заявил: *«Год рождения Христа лучше исключить из списка тех эпох, на которых Комиссия может остановить свой выбор. Научно год рождения Христа (даже только год, а не месяц и число!) установить невозможно».*

Мы согласны с этим выводом. Богу — Богово, а кесарю, как известно, кесарево. «Царство мое не от мира сего», — говорил, согласно евангельским текстам, Христос. И летоисчисление в нем не мирское. К сожалению, религиозные ортодоксы этого не понимают. Историки тоже не понимают.

Автор XX века Э. Церен сообщает такие сведения о христианской хронологии: *«Уже в конце II века н.э. отец церкви Климент Александрийский привел около двухсот различных суждений о дате рождения Иисуса. Сам Климент Александрийский полагает, что Иисус родился 17 ноября 3 года до н.э...»*

Спрашивается, откуда в конце II века столько «суждений» по такому вопросу? Зачем Клименту понадобилось еще одно? Зачем в VI веке Дионисий Малый высчитывал новую датировку? Единой хронологической шкалы до Скалигера НЕ БЫЛО, — так каким же образом Климент «сводил» разноречивые «сведения»? Как могло у него получиться, что кто-то — пусть даже сам Христос — смог родиться за три года до своего рождения?

Но дело Климента Александрийского бессмертно. Высчитывать дату Рождества продолжают наши современники. В «Сборнике Русского исторического общества» № 3 за 2000 год опубликована статья О. Рапова, в которой он доказывает:

«...По нашим расчетам получается, что Иисус Христос родился в Вифлееме Иудейском в первых числах сентября (возможно, 1-го сентября) 12 г. до н.э., когда в непосредственной близости от Земли проходила комета Галлея... Дело заключается в том, что «звезда», о которой говорится в Евангелии от Матфея, «шла» по небу... Существует... время «Вифлеемской звезды», согласно которой она отождествляется с кометой Галлея, прохождение которой в 12 г. до н.э. было... зафиксировано китайскими астрономами. Еще итальянский художник Джотто изобразил «Вифлеемскую звезду» в 1301 г. (спустя 13 веков! — Авт.) в виде кометы на своей картине, посвященной рождению Иисуса Христа... Китайский астроном Ма Туан Лин (это сборник, а не астроном. — Авт.) отметил, что данная комета впервые была замечена на небе 26 августа 12 г. до н.э. в восточной части созвездия Близнецов...»

Прямо так и отметил: «комета Галлея», «впервые», «12 года до н.э.»? О, премудрый китаец! А на самом деле это историки приписали «китайское сообщение» к 12 году до н.э. на том основании, что тогда, по современным расчетам, в Китае могла быть видна комета Галлея!

Но вернемся к дате рождества Христова.

С. Селешников («История календаря и хронология») считает нужным «особо подчеркнуть, что в течение пяти веков христиане обходились без своего летоисчисления, не имели ни малейшего понятия о времени рождения Христа и даже не задумывались над этим вопросом... На основе совершенно произвольных расчетов он (Дионисий Малый) «вычислил» дату рождения мифического Христа и заявил, что это событие произошло 525 лет назад, т. е. в 284 г. до эры Диоклетиана... или в 753 г. от «основания Рима»... Хотя монах не оставил

никаких документов, историки постарались восстановить весь ход его рассуждений (выделено нами, – Авт.)».

Вот вам: «историки постарались восстановить». А религиозные деятели могли бы предположить, что у Дионисия и не было никаких рассуждений, а было датированное письмо самого Иисуса, или одного из его апостолов. Почему нет? Верующий человек, в рамках своей веры, может верить и в такое. Но историки-то свои собственные выдумки называют **наукой**: Дионисий сделал это, сказал то, решил так-то, и дальше идет заковыченная фраза от имени самого Дионисия. Он, де, чего-то там «заявил». В VI веке!

И. Климишин пишет: *«Стремясь отстоять свое представление о возможной эпохе эры от «Рождества Христова», Кеплер датировал свою книгу «Новая астрология» так: «Anno aerae Dionisianas 1609» (1609-й от эры Дионисия. – Авт.), подчеркивая тем самым полную условность введенной Дионисием эры».*

В светских рукописях эра «от Рождества Христова» имеется уже в XIV веке; в папских документах появляется только в середине XV века. А в начале XVI века Дионисий Петавиус (что значит, Малый) перевел летосчисление Скалигера с годов «от Сотворения мира» в годы «от Рождества Христова», сделав эту эру общеупотребительной. Возникает подозрение, что документы до XIV века, имеющие такую датировку — апокрифы, подделка. Трудно себе представить, что, когда появилась христианская эра, в папской канцелярии проигнорировали сей факт. И продолжали пользоваться эрой от «Сотворения мира», а то и от «основания Города».

В Византийской империи якобы до конца VII века (линия № 7) еще пользовались древнегреческим календарем. Использовали и «плавающую октаэтериду», согласно которой начало 554 года приходилось на 1 ноября, 711 года – на 1 декабря, а 1344 года – на 1 апреля.

Как же хронологи объясняют подобную несурязицу? Очень просто! Они говорят: ВИДИМО, византийцев такой календарь устраивал. (А христианская эра их не устраивала?) Хотя тут же подчеркивают, что все это очень спорно. А в словаре Брокгауза и Ефрона прямо сказано: *«римский календарь (и греческий, – Авт.) служит предметом многочисленных предположений».*

Традиционная история, по сути, есть систематизированный конгломерат предположений. Но в корпус этих предположений попадают только такие версии, которые встраиваются в число уже имеющихся, не разрушая системы. Версия Иммануила Великовского — не встраивается, а потому даже не рассматривается.

Погода и другие ужасы

Анализ античных текстов показывает, что события древней истории происходили зачастую в весьма суровых климатических условиях. Царь Митридат одерживал победы в конном строю на льду Азовского моря, а Крез с Киром «устраивали ледовые побоища с многочисленными жертвами, уходившими под лед». Но по современным данным климатологов, все это могло происходить только в XIII–XVII веках н.э.!

Геродот (якобы между 490 и 480 – ок. 425 до н.э.) так описывал климат современной ему Скифии:

«Все осмотренные нами страны отличаются столь суровым климатом, что в течение восьми месяцев здесь стоит нестерпимый холод. Замерзает море, и весь Киммерийский Боспор, так что живущие по сю сторону пролива скифы толпами переходят по льду, переезжают по нем в повозках (саях) на другой берег к синдам».

Другой античный автор, Страбон, в своем труде «География» показывает юг Европы в таких красках:

«В более южных областях этих стран (Кельтии и Борисфена) как на Средиземном море, так и у Боспора, виноградная лоза приносит плоды, но грозди там маленькие, а на зиму ее закапывают в землю».

По синусоиде минус V век приходится на линию 5 и совпадает с XIII веком. В Византии в канун этого века, по описанию Анны Комниной, зимы были таковы: *«...Так как дела на суше и на море находились в весьма тяжелом состоянии, и суровая зима заперла все выходы (из-за сугробов нельзя было даже открыть двери домов...), он (император) приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско».*

По мнению климатологов, описания суровых климатических условий в античных источниках (Страбон, Вергилий, Овидий, Иосиф Флавий) не соответствуют реальным климатическим условиям, которые существовали 2000 лет назад. Такая холодная погода на историческом интервале времени держалась лишь однажды, в так называемый малый ледниковый период Маундера-Шперера-Вольфа XIII–XVII веков, когда действительно на южном побережье Средиземного моря не рос виноград, когда замерзали Черное море, Дунай, пролив Босфор и Дарданеллы. Вот в эти годы царь Митридат вполне мог на льду Азовского моря устраивать многочисленные ледовые побоища в конном строю, да и Крез с Киром тоже...

А вот мрачная хроника XIII века.

В 1220–1222 годах в Польше три года подряд шли проливные дожди и происходили наводнения, результатом чего стал двухлетний голод и массовое вымирание. В 1223 году были сильные заморозки во Франции, отчего последовал великий голод, в том же году в Ливонии люди поедали друг друга и похищали трупы с виселиц, чтобы съесть их. В 1235 в Аквитании люди, словно животные, ели полевую траву. В 1263 году в Моравии и Австрии ели корни и кору деревьев, в 1277 в Австрии и Иллирии ели кошек, собак, лошадей и трупы, в 1280 в Праге умерло огромное число бедняков из-за резкого вздорожания продуктов питания. А вздорожали они, конечно, вследствие неурожая из-за холодов.

Теперь переходим на линии № 6 и 7 (по «римской» волне синусоиды), и читаем о холодах в библейских текстах:

«И собрались все жители Иудеи и земли Вениаминовой в Иерусалим в три дня. Это было в девятом месяце, в двадцатый день месяца. И сидел весь народ на площади у дома Божия, дрожа как по этому делу, так и от дождей» (Первая книга Ездры, 10:9, Синодальный перевод). Сегодня дождливое время в Иудее — это климатический нонсенс. Но что интересно: в Острожской Библии этот же эпизод описан совсем по-другому:

«И собираща вси людие иудины и вениамини в Иерусалиме, трети дньми. Иже есть месяц девятый двадцатаго дня месяца. И седиша вси людие напред домом божиим от дрожания за грехъ и с зимою».

Авторы синодального перевода явно перемудрили: слово «грех» заменили на нейтральное «по этому делу», а зима у них превратилась в дождь. Составитель же Острожской Библии, записанной в XVI веке, пишет далее: *«время снежно и несть мощно стояти вне»* (10:13).

Синодальный перевод все принципиально меняет:

«Время теперь дождливое, и нет возможности стоять на улице».

Но есть и другие источники, подтверждающие правильность сообщения Острожской Библии о климате, только не в начале «нашей эры», а во времена средневековые. Вот описание Африки, данное Львом Иоанном Африканским (1494–1552):

«Атласские горы очень холодны и бесплодны. Зерна в них родится немного, и во всех их частях растут густые и темные леса. В Атласских горах берут начало почти все реки Африки. Источники, встречающиеся в этих горах, настолько холодны, что если даже в середине лета кто-нибудь сунет руку в воду даже на короткое время, он без сомнения ее утратит. Различные части гор неодинаково холодны...

Там есть и, так сказать, умеренные места, в которых можно очень хорошо жить и в которых живут, о чем будет сказано во второй части нашей книги. Необитаемые области либо очень холодны, либо очень суровы. Области, лежащие против Тамесны, суровы, а обращенные к Мавритании холодны. Тем не менее, те, кто занимается разведением овец, приходят туда в летнее время пасти своих животных.

Однако оставаться там зимой никак невозможно, потому что, как только выпадает снег, поднимается губительный северный ветер, убивающий всех животных, которые окажутся в этих местах. Погибает также много людей, так как там находится проход между Мавританией и Нумидией. Из-за того, что торговцы финиками имеют обычай отправляться из Нумидии с грузом фиников в конце октября, иногда их там застигает снег, и если ночью начинает идти снег, то наутро находят караваны погребенными и утонувшими в снегу, и в живых никого не остается. И не только караваны. Снегом бывают покрыты целые деревья, так что нельзя увидеть ни следа, ни знака, где находятся мертвые тела. Я дважды великим чудом спаслся от опасности подобной смерти, когда ходил по этим дорогам».

Сколь тяжело было то время! Мощнейшие наводнения, землетрясения, мороз... В «Хронике» Джованни Виллани XIV века показаны следствия этих катаклизмов. Вот одно из описаний:

«Вы, наверное, слышали о многочисленных опасных землетрясениях, случившихся в здешних краях и нанесших огромный вред. 25 января 1348 года Господа нашего, по счислению римской церкви, а по нашему — от благовещения Приснодевы 1347 года, в день обращения святого Павла, в пятницу, в восемь с четвертью часов после вечерней или в пятом часу ночи, произошло сильнейшее землетрясение, длившееся много часов, подобного которому ни один из ныне живущих не припомнит. В Сачиле ворота, ведущие во Фриуль, полностью рухнули. В Удине обвалились многие дома, в том числе дворец мессера патриарха. Во Фриуле упал замок святого Даниила, и погибло множество мужчин и женщин. Осыпались две башни замка Рагонья, своими обломками усеявшие пространство до реки, прозываемой Тальяменто, и убившие множество народу. В Джемоне было разрушено больше половины домов, соборная колокольня потрескалась, и обнажила внутренность, а вырезанная из цветного камня статуя святого Кристофера дала трещину во весь рост. Напуганные этими чудесами, местные ростовщики раскаялись в своих прегрешениях и объявили, чтобы все, кто платил им проценты и лихву, получили с них деньги назад и возвращали их в течение восьми дней. В Венцоне городская колокольня треснула пополам, и многим строениям пришел конец. Замки Тольмеццо, Дорестаньо и Дестрафитто обрушились почти целиком и задавили много людей. Замок Лембург, стоявший на холме, был потрясен до основания, землетрясение отнесло его на десять верст от старого места в виде кучи остатков. Высокая гора, по которой проходила дорога к озеру Арнольдштейн, раскололась пополам, сделав дорогу непроходимой. Два замка, Раньи и Ведроне, и более пятидесяти усадеб вокруг реки Гайль, во владениях графа Гориции, были погребены двумя горами под собой, при этом погибло почти все население, мало кому удалось спастись. В городе Виллахе, при въезде в Германию, обратились в развалины все дома, кроме одного, принадлежащего некоему доброму человеку, праведному и милосердному ради Христа. В контадо и в окрестностях этого Виллаха провалились больше семидесяти замков и загородных домов над рекой Дравой и все было перевернуто вверх дном. Огромная гора разделась здесь на две половины, заполнила собой всю долину, где находились эти замки и дома, и загромодила русло реки на протяжении десяти верст. При этом был разрушен и затоплен монастырь у Арнольдштейна, и погибло немало людей. Река Драва, не найдя себе привычного выхода, разлилась выше этого места и образовала большое озеро. В городе Виллахе случились диковинные вещи: на главной площади появилась расщелина в виде креста и из нее показалась сначала кровь, а потом вода в большом количестве. В городской церкви святого Иакова нашли смерть пятьсот человек, укрывшиеся там, не говоря о других жертвах, всего же урон исчислялся третьей частью населения. Остальным удалось спастись с помощью Божьего чуда, в их числе были итальянцы, другие чужеземцы и бедные. В Карнии после землетрясения оказалось полторы тысячи погибших мужчин, женщин и детей. Все церкви и жилища, среди них монастыри в Оссиахе и Вельткирхе, не устояли, люди почти все сгинули, а выжившие от страха почти потеряли рассудок. В Баварии в городе Штрасбурге, и в Палуцце, Иуде и Кроче за горами рухнула большая часть домов, и погибло множество людей. И заметь, читатель, все эти ужасные разрушения и бедствия от землетрясения допущены Господом не без важной причины и суть предзнаменования Божьего суда. Это такие чудеса и знамения, о которых Иисус Христос благовествовал своим ученикам, предвещая, что они случатся при скончании века».

В книге «Почему я не христианин» Б. Рассел показывает, что любые ужасные дела, будучи привычными, воспринимаются людьми как нечто совершенно необходимое для их нормальной жизни. Он пишет:

«Многое в средних веках можно интерпретировать как конфликт между романской и германской традициями; с одной стороны, церковь, с другой — государство; с одной стороны, теология и философия, с другой — рыцарство и поэзия; с одной стороны, закон, с другой — удовольствие, страсть и все анархические побуждения очень своевольных людей... Люди были свирепы, и усмирить их можно было лишь при помощи ужасающей жестокости: террор применялся до тех пор, пока не стал привычным, и не утратил силы своего воздействия... Как и следует ожидать, жестокость была одним из любимейших удовольствий населения. Господа покупали разбойников только для того, чтобы посмотреть на пытки, «которым люди радовались больше, чем восставшему из мертвых святому». В 1488 году несколько судей из Бурже, заподозренных в измене, неоднократно подвергали пыткам на рыночной площади ради того, чтобы сделать народу приятное. Они просили смерти, однако мольба была отклонена, ... «чтобы люди могли еще порадоваться их мучениям».

Нехватка ресурсов, перенаселенность и голод, — вот что привело к такой ужасающей порче нравов. Этого нельзя забывать. Ведь перед нами — предки тех самых немцев

и французов, которые ныне только и говорят, что о гуманизме и правах человека! Случись ныне такая беда, космическая катастрофа сродни той, что, вероятно, произошла на стыке античности и ее возрождения — в XIII или начале XIV века — и все повторится.

И. Хейзинга описывает в «Осени средневековья» кладбище Невинных в Париже:

«Череп и кости были навалены в гробах, которые стояли вдоль окружавших место с трех сторон галерей и были открыты для обозрения тысячам людей... День за днем толпы людей гуляли по галереям, смотрели на фигуры и читали простые вирши, напоминавшие о приближающемся конце. Несмотря на постоянно происходившие там похороны и эксгумации, это было место публичного времяпрепровождения и встреч. Перед гробами устроены магазинчики, по галереям прохаживаются проститутки... Здесь даже устраиваются пиры. До такой степени страшное стало привычным».

ИСТОРИЯ ВОЙН

Стержень хронологии

Эволюция человечества, после его выхода из первобытного состояния, постоянно сопровождается войнами. Ради войн, то есть для лучшего обеспечения вооруженных столкновений людей, внедряются технические изобретения, делаются научные открытия, и все это двигает человечество вперед. Складывается впечатление, что если бы не войны, эволюции не было бы совсем, а дальнейший ход мысли приводит к выводу, что человек изначально нацелен на уничтожение себе подобных. На деле это не так; каждый из нас в отдельности, и наша популяция в целом, воюя, выживают.

Мы говорили уже, что для войн есть объективные причины: защита локальными сообществами своей территории, своих торговых интересов, прочих *своих* приоритетов, направленных, прежде всего, на сохранение энергетической, в том числе продовольственной безопасности сообществ. Разве во всех этих случаях речь идет не о выживании?.. Энергетическая безопасность нарушается в результате природных катаклизмов, или истощения плодородия земли, или просто из-за демографического «взрыва». В любом случае, можно говорить о нехватке жизненного ресурса. Пока этой нехватки не было, люди не воевали. От первобытных времен осталось много рисунков на стенах пещер и на скалах; многие из них показывают сцены охоты, то есть оружие имелось. Но рисунков со сценами войн нет.

Развитие общей динамической системы — человечества, привело к разделению его на подсистемы (сообщества, нации, государства). А эти подсистемы структурируются дальше, в зависимости от интересов общественных групп (производственных, торговых, военных, научных). Каждая подсистема и каждая структура выживают по-своему. Могут сотрудничать, а могут противостоять друг другу в борьбе за ресурс, — что и происходит в большинстве случаев. В этом и реализуется гегелевский принцип «единства и борьбы противоположностей»: кто лучше развит (умнее, сильнее, приспособленнее к природным и прочим условиям), тот выжил и определил направление дальнейшей эволюции. Так вот, спор между подсистемами (опять же, реализуясь через взаимодействие или противостояние внутренних *структур*), оборачивается войной. Дипломатия в таком понимании — частный случай войны.

Главное и самое первое, с чего следует начинать изучение истории войн, — это эволюция торговли и технологий. В конечном счете, торговая *структура* концентрирует у себя избыточный продукт, распоряжается им и направляет туда, куда ей выгоднее. Например, на содержание государства, которое всей своей мощью защищает интересы торговли. Или направляет их в обеспечение собственной безопасности, что тянет за собой технологии, а они, развиваясь, улучшают качество вооруженных сил, позволяя государствам побеждать в войнах, а это меняет стратегический статус территорий, повышая выживаемость сообщества в целом, и торговли в частности.

Купец выходит в море, или ведет свой караван по материковым дорогам. Он должен быть уверен в своем корабле и своем вооружении. Купец, у которого лучше корабль,

выиграет больше, по сравнению с тем, у кого старое, плохое, несовременное судно. На суше выиграет тот, у кого надежные телеги с крепкими осями и колесами. Купец идет (плывет) с малой охраной, но ее сил должно быть достаточно, чтобы превосходить силы территорий, по которым идет караван, или к берегам которых причаливает корабль.

Когда торговле нужно оружие, сразу идет заказ производителю. А из числа производителей выиграет тот, кто дает более технологичный продукт. Ведь купят у того, чья продукция лучше качеством, а не у того, чьи ножики пусть красивые, но гнутся, стрелы ломаются, а щиты трескаются от удара кулаком. Будешь делать плохие вещи, разоришься и умрешь, а цель — выживание. Так что из производителей тоже выживет самый лучший. Вот она, эволюция в чистом виде: следующие мастера будут основываться на опыте лучшего мастера, а не худшего. Этот неудачник был, возможно, очень хорошим, душевным человеком, но никудышным технологом и производственником, и выпал из эволюционного процесса.

Хороший купец наймет в свою охрану сильных, умелых солдат, и вооружит их современным оружием. Плохой, неудачливый купец наберет в охрану тех, кто остался, и даст им оружие поплоче. На чужой территории разбойники получают поражение от первого, но со всем удовольствием ограбят второго: ведь он слабее. То же самое и на море; пираты не станут рисковать и связываться с заведомо более сильным противником. Они нападут на слабого, отнимут его товар и деньги, и за его счет купят себе лучшее оружие. А первый купец, узнав об этом, продолжит «гонку вооружений».

То же самое можно сказать о владыках стран и народов. В своих отношениях с соседями, даже дружеских, они всегда учитывают риски противостояния и стремятся приобрести самое современное оружие, а это беспрестанно подстегивает технический прогресс. В исторической ретроспективе те государства, которые по каким-либо причинам — например, религиозным, — отказывались следовать таким путем, исчезли с политической карты, или находятся ныне в подчиненном состоянии. Впрочем, так — не только в ретроспективе, но и ныне, и присно, и во веки веков. Сегодня, кажется, уже всем понятно, что выживаемость России пошла в минус практически сразу после потери страной возможности ненавязчиво и как бы невзначай демонстрировать своим друзьям-соседям большую тяжелую дубину, наш высокотехнологичный военно-промышленный комплекс.

Если же поверить традиционной истории, то получается, что торговля была всегда, а вот техническая, научная эволюция не только петляла «сама по себе», но в некоторые века просто отсутствовала. Так, считается, что Архимед (ок. 287–212 до н.э.) занимался судостроением, конструированием машин для потопления судов, гидростатическим взвешиванием, создал технические устройства, использующие свойства жидкостей. И что же? Казалось бы, его исследования вызваны запросами практики, но они получили лишь ограниченное применение в технике, преимущественно в сфере его личной конструкторской работы, а затем были на столетия забыты.

Древние финикийцы создали превосходные морские судна. А корабль в старину, скажем прямо, был кладезем технических новинок, каковым стали в наше время авиостроение и космонавтика. Эти корабли были известны повсюду, они наводили ужас на все побережья Средиземного моря. И что же? Прекрасная финикийская техника оказалась ненужной, ее забыли, как и открытия Архимеда. Тысячу лет спустя викинги были вынуждены самостоятельно создавать корабли, сходные с финикийскими. Они нагнали страху на все европейские народы, и уже после них эволюция судостроения не прерывалась.

На таких вот мелочах и надо ловить истину. В древности, если верить историкам, не развилась практика, учитывающая законы движения тел, зато была создана соответствующая теория. А в Средневековье наоборот: практика была, а теории не было. Вернее, теория-то была — созданная античными греками, — но она никак не использовалась, она была неизвестна.

С XIII по XVII век — пятьсот лет! — в европейской науке главенствовал аристотелизм. По этому учению, чтобы попасть ядром в корабль, надо целиться прямо в корабль. На практике же это будет глупейшим решением, потому что снаряд упадет, не долетев до корабля. Тот, кто так поступит, проиграет бой. Баллисты были известны издревле, пушки — с XIV века, но во все времена что баллисту, что пушку направляли выше объекта стрельбы, зная из практики, что снаряд полетит по кривой.

Научную теорию баллистики Никколо Тарталья изложил в книге «Новая наука», вышедшей в свет в 1537 году, а математически обосновал ее более чем сто лет спустя Карл Фридрих Гаусс (1777–1855). Что же сделано в области теории в Средние века, от Аристотеля до Тартальи? Ничего.

Традиционная хронология, в рамках которой такие парадоксы — просто в порядке вещей, вызывает недоверие. Мы отрицаем ее, и предлагаем новую, стержень которой — эволюция вооружений. Здесь определяется целый комплекс привходящих обстоятельств: заказ торговли и государственной власти; эволюция военного искусства; развитие научной теории и промышленной практики. И здесь же мы находим примеры противодействия *структур*. Оказывается, косные военные структуры отнюдь не сразу с восторгом принимают новинки.

Буккхард Якоб пишет:

«У итальянцев ... введение далекодействующих средств поражения приводило ... к умалению роли личности, которая составляла душу небольших, но отлично организованных итальянских наемных войск, а это воспринимали довольно болезненно; так, некоторые кондотьеры всеми силами отбивались от недавно изобретенного в Германии ружья; один из них, Паоло Вителли, велел выколоть глаза и отрубить руки взятому в плен вражескому мушкетеру за то, что он признавал и употреблял огнестрельное оружие. В целом же все изобретения принимались и вводились в дело, так что итальянцы в искусстве атаки и обороны крепостей скоро сделались учителями всей Европы».

Появление новинок идет спонтанно, однако они появляются и по заказу. И, конечно, государство всегда стремится засекретить изобретение, защитить свои интересы. Например, галилеева подзорная труба имела громадное военное значение. Она позволяла раньше обнаружить врага и подготовиться к бою! Венеция купила трубу у Галилея и засекретила технологию производства. А он решил, что заплатили мало, пытался торговаться, а потом вообще перепродал свою трубу. В Венеции его за такие делишки приговорили к наказанию. И неважно, что на самом деле зрительные трубы — в качестве забавной игрушки, — делали еще до Галилея мастера-очешники Голландии и Парижа, а великий астроном просто додумался до их серьезного применения.

Во все времена государство не жалело денег на войну. Кто дал деньги А.Ф. Можайскому, создавшему первый в мире самолет? — военное ведомство. Куда прежде всего попало изобретенное А.С. Поповым радио? На военные корабли. Реактивную авиацию и ракетостроение развивали для военных целей. Космонавтика поныне военная отрасль. История мореплавания показывает ту же картину. До недавнего времени морской капитан даже на торговом судне имел право казнить за невыполнение приказа.

Но военный заказ всегда тянет за собой и гражданские отрасли! Сеть Интернет была задумана как военная разработка, и вызвала мощное развитие электроники и связи. А много раньше потребности артиллерии дали толчок совершенствованию металлургии и металлообработки; потребности авиации привели к быстрому развитию приборостроения. От эволюции науки, техники и производства зависит оборона, сама жизнь людей.

Можно ли себе представить, что, научившись изготавливать высоколегированные стали для орудийных стволов, научившись их сверлить, металлурги затем «забыли» свое умение, а их потомки — даже не внуки, а в семнадцатой степени правнуки — вдруг «вспомнили» и опять занялись металлургией?.. Но именно это следует из традиционной истории. Научились волочить проволоку, забыли (на восемьсот лет). Придумали автоматические приспособления, бросили (на полторы тысячи лет). Освоили всю Ойкумену, определили, что Земля — шар, и даже вычислили ее радиус, и забыли об этом, предпочитая вместо точных карт местности рисовать какие-то детские каракули. Научились писать книги, и перестали. Особенно «забывчив» Китай. Изобрели порох, научились делать пушки, и... Правильно, намертво забыли, как их делать.

Своих пушек китайцы не имели. В 1619 году им удалось «добыть» четыре европейские пушки. В 1620 году Павел Сюй, императорский чиновник, воспитанник и друг иезуита Маттео Риччи, пригласил португальских заводчиков — производителей пушек, чтобы вооружить китайскую армию в связи с войной с маньчжурами, но общественное возмущение было так велико, что мастеров выслали. В 1639 году иезуит Франсискус Самбиасо уговаривал императора покупать западное оружие. Император вроде бы заинтересовался, но дворцовые консерваторы возражали, ввиду бесполезности для Китая западного оружия.

Если традиционная история показывает, что в какой-то момент люди перестали применять в военной практике какие-то издавна известные технологии, а через несколько столетий начали применять вновь, — не верьте такой истории.

Два слова о явлении, которое ныне называется «промышленный шпионаж». Он был известен с самого начала развития технологий. Может быть, один из первых случаев — кража секрета изготовления шелка. Привозили его, говорят, из Китая, а в Византии, как и в

Европе, он был страшно дорог. Даже узнав, что получается ткань из нити шелковичного червя, нельзя было повторить процесс, не имея самого червя. Существуют разные версии, каким образом червячки попали из Китая на запад. По одной из них, китайская принцесса, выданная замуж за правителя Хотана в Восточном Туркестане, по его просьбе завернула яйца червей в бумажку и спрятала в своей шляпке, а таможенник не осмелился ее обыскать. По другой версии, коконы были спрятаны в прическе. По третьей, некий монах просверлил в своей трости полость, и вывез коконы в ней. Причем до Византии он шел пешком.

Тем более крали военно-технические изобретения. Если у вероятного противника появилась техническая новинка, то зачем рисковать, когда можно украсть. Особенно активно крали секреты во время войн и политической нестабильности. Закон сохранения знаний действует не для страны, а для всего человеческого сообщества. Надо понимать, что если где-то начался развал, технология не пропадет, а перейдет в другое место, причем зачастую вместе с изобретателями и технологами. Пример: массовая эмиграция в Западную Европу греческих ученых после захвата Византии турками в 1453 году. Всё, что смогли, утащили в Европу, и это обеспечило ей в дальнейшем геополитическое преимущество. А до этого Византия, в научном отношении, была самой мощной державой мира. Затем эволюция продолжалась, хотя Турция, географическая наследница Византии, вскоре начала отставать от Европы. Так что где-то провал, а где-то взлет.

Другой пример: Россия конца XX века. Наши некогда секретные заводы и институты скупают иностранцы, сотни тысяч наших ученых выехали в другие страны, прежде всего в США. По сути, это кража технологий, разоряющая Россию и обогащающая других. Но эволюция в целом продолжается. Без нас.

Традиционная периодизация войн

Л.Н. Гумилев пишет в книге «В поисках вымышленного царства»:

«История — наука о событиях в их связи и последовательности. Но событий очень много, и связи их у разных народов различны. Задача любой науки состоит в том, чтобы обозреть изучаемый предмет целиком, и история не исключение. Следовательно, нужно найти удобную точку для обозрения...»

Самая интересная для нас мысль, среди прочих, высказанных Гумилевым в этой книге, о том, что возможны три вида исторического подхода: «взгляд из мышиной норы, с кургана, и с высоты птичьего полета». Описания исторических событий, которыми в основном оперирует история, вполне можно уподобить взгляду из норы. Составитель записи о некоем локальном событии вряд ли знает хоть что-то о прочих, происходящих одновременно. Кругозора ему не хватает: действительно, взгляд из норы. Историк, по мысли Гумилева, находится в неизмеримо более выгодном положении, ибо знает уже о причинах и следствиях. Но, спрашивается, всегда ли историки поднимаются хотя бы на курган?..

Мы предлагаем встать выше взглядов традиционной истории, используя для изучения предмета знание закономерностей эволюции. Не обойтись нам и без некоторой критики существующих воззрений.

Посмотрим же, что говорит официальная наука об истории войн, опять воспользовавшись капитальным трудом Е.А. Разина «История военного искусства».

Научная периодизация процесса развития любого явления имеет объективную основу, — пишет этот автор, и совершенно правильно замечает, что периодизация «должна отражать **развитие сущности**, а не внешние формы существования, которые фиксируются хронологией». А хронология, по его мнению, очень важна, поскольку показывает историческую последовательность развития явления, отмечает время рождения нового и гибели старого.

Понятно: нам предлагают разрабатывать **научную** периодизацию на основе **имеющейся** хронологии. Степень научности самой хронологии остается за скобками. А потому и мечта Разина — «раскрыть и показать сущность внутреннего процесса развития явления, содержание основных объективных ступеней этого процесса», — так и останется мечтой.

«Прежде всего надо сказать о движущих силах войны, — пишет Е.А. Разин, — или, как говорил В.И. Ленин, за внешним, кажущимся вскрыть коренные движущие силы данного общественного явления.

Все произведения В.И. Ленина, в которых он касается военных вопросов, проникнуты мыслью, что коренной движущей силой каждой войны является народ или класс, которые ведут войну. В конкретном выражении главная движущая сила — это основные факторы, решающие исход войны. Факторы должны быть качественно различны и относительно равновелики по своей роли в развитии данного общественного явления.

Факторами, определяющими исход войны, являются: во-первых, социально-экономический фактор (общественный строй и экономические возможности), во-вторых, политико-моральный фактор (политическое устройство и моральные силы народа и вооруженных масс) и, в третьих, военно-технический фактор (количество и качество войск, вооружение и боевая техника, военное искусство всего личного состава вооруженных сил)».

Разин — крупный ученый, чего спорить. Но жил он и творил во вполне определенном научном окружении, что не могло не сказаться на его стиле изложения темы. «К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин широко пользовались научными аналогиями в отношении форм организации производственной и военной деятельности, политики и войны, политической и военной стратегии», — пишет он, и тут же показывает эти аналогии:

«Пользуясь аналогией (отнюдь не отождествлением) между общественным развитием в целом и войной, как одним из явлений классового общества, мы можем сказать, что основным законом войны является противоречие между «производительными силами» и «производственными отношениями» этого общественного явления.

К «производительным силам» войны относятся: военные кадры, оружие (и вообще вся боевая техника) и боевые навыки личного состава вооруженных сил. «Производственные отношения» войны включают три основных категорий взаимосвязи: отношения (внешние) между правительством и армией (армия — орудие государственной власти), отношения (внутренние) между рядовым и начальствующим составом вооруженных сил, отношения между фронтом и тылом.

Производственные отношения» прежде всего находятся в зависимости от характера войны и прочности тыла, затем от хода войны, от побед и поражений вооруженных сил».

В целом нам тут нечего возразить. Мы и сами стоим на том, что законы эволюции всеобщие. Они одинаково действуют в развитии и производственных, и военных структур. И в том, и в другом случае создается организация, и развиваются способы действий. Для военных организаций способы действий есть формы ведения войны, учение о которых составляет собою **военное искусство**, включающее в себя стратегию, оперативное искусство и тактику.

Но вот с периодизацией у Разина проблема! Неверная скалигеровская хронология, бесконечно порождающая парадоксы, заставляет его придти к выводу, что *«следует различать основы развития военного искусства и основы периодизации истории военного искусства».*

Кстати выясняется, что периодизация «по Марксу» никуда не годится: *«Существенные изменения этих способов [организации ведения войны] и составляют основные периоды в истории военного искусства, не всегда совпадающие с общественно-экономическими формациями, так как развитие военного искусства имеет и свою относительно самостоятельность».*

В первой части этой книги, пользуясь данными того же Е.А. Разина, мы показали, как в глубокой древности воинские структуры начали выделяться из целого набора неразвитых социальных структур. В Средние века этот процесс произошел еще раз.

«Феодальный период войны продолжался примерно с VII–VIII веков (дружины племенных вождей, своего рода цеховые корпорации) и по XVI век включительно», — пишет Разин. Первый этап феодального периода войны, в соответствии с его периодизацией, это время «развития военного искусства вооружённых организаций племенных объединений славян, арабов, франков, монголов и турок, а также военное искусство в период феодальной анархии в Европе и Азии». Будто и не было ни в Европе, ни в Азии «древних римлян» с их непобедимыми армиями.

Однако вот что пишет Иосиф Флавий (якобы 37–100) в «Иудейской войне» (II. 16:4), упоминая франков как галлов:

«Если есть нация, которая в действительности имела бы возможность к восстанию, так это именно галлы, которые так прекрасно защищены самой природой: на востоке Альпами, на севере Рейном, на юге — Пиренейскими горами и океаном на западе. Но несмотря на то, что они окружены такими крепостями, насчитывают в своей среде триста пять народностей, владеют внутри своей страны всеми, так сказать, источниками благосостояния и своими продуктами наводняют почти весь мир, тем не менее мирятся с

положением данников города Рима, которому они предоставляют распоряжаться как угодно богатствами своей собственной страны. И это они терпят не из трусости или по врожденному им рабскому чувству — ведь они восемьдесят лет вели войну за свою независимость, — а потому, что рядом с могуществом Рима их страшит и его счастье, которому он обязан больше, чем своему оружию. Так их держат в повиновении 1200 солдат в то время, когда у них почти больше городов, чем эта горсть людей».

Получается, что в I веке франки (галлы) имеют сотни городов, богатство, участвуют в международной торговле. Ими накоплен огромный боевой опыт в войнах, длившихся десятилетиями. А с VII по XVI век они же, на этой же территории заняты развитием «военного искусства вооружённых организаций племенных объединений»! Вот вам и научная периодизация!

Разин пишет, что «...с помощью термина «раннее средневековье» некоторые историки втискивают в узкую схему все многообразие конкретного исторического процесса, они характеризуют арабское, франкское, древнерусское и монгольское государства в целом как феодальные, хотя в первые века существования этих государств там феодальных отношений не было». И тут же делает то же самое, но применительно не к географии, а к хронологии, указывая, что между рабовладельческим строем и феодализмом в Европе и частично в Азии был длительный переходный период, в течение которого существовали племенные объединения, представлявшие собой военные государства.

Второй этап, в периодизации войн по Разину, это военное искусство вооруженной организации феодальных монархий в период их складывания и утверждения, а также развитие военного искусства в национальных и крестьянских войнах (куда марксисту без крестьянских войн). Здесь в представлениях историка начинается полный компот. Оказывается, с распадом древних рабовладельческих государств (надо полагать, Персии и Рима) «*центры общественно-исторического прогресса переместились из Азии и Южной Европы в Восточную и Западную Европу*». Нам стоит обратить внимание на слово «прогресс», ибо его перемещение «*потребовало несколько столетий борьбы европейских народов с Византийской империей, печенегами, половцами, арабами, монголами, турками*». Не давали противные инородцы перемещать прогресс!

Когда же его «переместили», получилось вот что:

«Возникли крупные централизованные государства, которые К. Маркс называл «варварскими империями». Это были: объединения арабских племен — Арабское государство, затем франкских племен — Франкское королевство (VI–IX вв.), славянских племен — Древнерусское государство (IX–XI вв.), кочевников-монголов — Монгольское государство (XII–XIII вв.).

Войско этих государств представляло собой ополчение: бедуинов и феллахов (арабские племена), свободных крестьян (франки, славянские смерды), скотоводов-кочевников (монголы). Ядром войска была дружина князя.

А как же нам соотнести создание этих «народных армий» во главе с князем со следующим же утверждением историка о том, что замкнутость сословий — одна из характерных черт тогдашнего деления общества?.. Ведь дворянство строго охраняло эту замкнутость и не допускало в свою среду выходцев из других сословий:

«Феодалы считали военное дело своей профессией и не допускали к нему лиц других сословий. Особенность общественного устройства при феодализме определила и особенность военной организации, которая была личной организацией феодала, давала ему власть над крепостным крестьянином и феодальным городом».

Идеологические шоры никак не позволяют историку разобраться, где прогресс, а где — нет. Вот, казалось бы, «центры прогресса» переместились в Европу, но следствием возникновения феодальных отношений явилась децентрализация государственной власти, раздробление государств на «бунтующие вассальные государства» (Энгельс).

Королевская власть в Западной Европе и великокняжеская власть в Восточной Европе превращались в номинальную центральную власть, вассальная зависимость утрачивалась. Вассалы (князья, герцоги, графы и т.п.) постоянно выступали против королевской или великокняжеской власти. Это, в традиционной периодизации, было время феодальной анархии. Почти каждый феодал воевал с другими феодалами.

«Временные и более или менее длительные союзы феодалов организовывались с целью осуществления грабительских походов в чужие земли», — пишет Разин, и тут же отмечает, что «в первый период феодализма» велись также и справедливые войны. «В первый», видимо, потому, что «последний» период феодализма марксизм-ленинизм предписывал

всячески шельмовать. Ведь это был канун перехода к «прогрессивному капиталистическому способу производства». Затем, естественно, капитализм тоже переставал быть прогрессивным. При таком отношении к истории — не преодоленном даже с падением Советской власти — она никогда не станет наукой.

Что же это за «справедливые войны»?

«Князья древнерусского государства вели борьбу с печенегами и половцами, которые разоряли и грабили русскую землю; русские княжества преградили монголам-завоевателям путь в Западную Европу; северные русские земли во главе с Новгородом отбили нападение шведских и немецких феодалов, стремившихся захватить северо-западную территорию Руси; чешский и польский народы боролись за свою независимость с немецкими феодалами; закрепощенные крестьяне восставали против своих угнетателей-феодалов».

Оставим в покое печенегов и шведов, и скажем несколько слов о крестьянах и феодалах-угнетателях.

Основой жизнедеятельности в так называемый феодальный период было непосредственное производство продовольствия. Но развивались железоплавильная и обрабатывающая промышленности, совершенствовались разнообразные виды ремесел, появлялись мануфактурные предприятия. Усовершенствование обработки железа вело к улучшению качества оружия и защитного снаряжения.

Мы видим здесь эволюцию всего общества, происходящую через эволюцию и взаимодействие *структур*. Отдельные умельцы придумывают новое оружие, производственники его, естественно, производят, воины из феодалов приобретают, и так все катится к вящему удовольствию сторон. Однако феодалу, чтобы купить оружие, надо где-то взять средства. А основа жизнедеятельности, как сказано — земледелие и скотоводство. И вот, феодалу негде взять средства, кроме как у принадлежащих лично ему земледельцев и скотоводов. Если он этого не сделает, то останется голым перед наступающим противником и не защитит земли своей, вместе с этими самыми работягами.

А нам рассказывают об угнетенных крестьянах и справедливых крестьянских войнах. Чтобы «замылить» вопрос — каким образом феодал приобретает вооружение, историк Е.А. Разин пишет:

«Хорошего качества оружие и надежное защитное снаряжение были очень дороги, и их мог иметь лишь феодал, не только укрывшийся в недоступном замке, но и закованный в латы, которые не пробивали ни стрела, ни меч, ни копье».

Это называется «политэкономический анализ»...

Следующий период в развитии военной мысли по Разину — складывание феодально-абсолютистских порядков. Здесь он тоже остается в плену идеологических предрассудков; не станем даже цитировать. И опять же, на первом этапе — прогресс (на Руси великокняжеская, а в Западной Европе королевская власть возглавили борьбу с феодальной анархией), на последнем (в XIV–XV веках) — разложение:

«Феодальная общественно-экономическая формация складывалась, развивалась, пережила процесс своего разложения и затем была преодолена прогрессивной капиталистической формацией».

О военной стороне дела при абсолютизме отмечено, что опорой власти были постоянные армии наемников в Западной Европе и дворянские поместные войска в России, и что *«по своей организации и основам эти армии представляли собой полную противоположность феодально-рыцарскому войску».*

В это время развитие науки и техники привело к появлению огнестрельного оружия. В XV–XVI веках оно быстро совершенствовалось и, как пишет Разин, *«стало оружием нового войска городов и феодально-абсолютистских государств. Энгельс писал, что пушки горожан разрушили замки феодалов, а пули их мушкетов пробивали рыцарские латы. Это было время возникновения первых элементов новых способов ведения войны и боя».*

Казалось бы — вот яркий пример взаиморазвития *структур*: появление новой технологии дало новый вид вооружений, соответственно произошли изменения в политике, производстве, армии. Но нет, — нам говорят, что это проклятый абсолютизм «привел к исчезновению феодально-рыцарской организации». Что тут поделаешь? На предыдущем «этапе» такой же абсолютизм не привел ни к чему подобному, а вот теперь взял, да и привел. Понятно, что, сидя на механическом чудовище скалигеровской хронологии, да еще держа в руках идеологические марксистские поводья, можно доскакать до любой «периодизации»!

А дальше сам Е.А. Разин приходит к такому, неутешительному для его собственной концепции, выводу:

«Вряд ли можно говорить о военном искусстве рабовладельческого, феодального и капиталистического общества. Во-первых, военное искусство есть функция вооруженных сил, являющихся орудием государственной власти. Следовательно, нельзя приписывать эту функцию всему обществу. Во-вторых, можно, конечно, исследовать состояние военного искусства в эпоху рабовладельческого строя, в эпоху феодализма и капитализма. Но если брать, например, феодализм в целом, то вряд ли мы сумеем найти такие качества и свойства военного искусства, которые были бы устойчиво ему присущи в течение всего этого времени, являлись бы его характерными чертами на протяжении всей эпохи феодализма.

Можно исследовать военное искусство армии и флота рабовладельческих, феодальных и капиталистических государств. Но в таком случае за рамками этой периодизации останется военное искусство вооруженного восстания и революционных войн восставших поработенных классов и угнетенных народов. Кроме того, нельзя не учитывать, что войны часто вели государства с различным общественным и политическим устройством, государства, находившиеся на различных ступенях общественного развития. В таком случае нельзя даже определить, к какой формации относится военное искусство таких войн при наличии сходства сражавшихся вооруженных сил по своему устройству и при различном их социальном характере».

Все это говорит о том, что периодизация истории военного искусства не может исходить из конечных основ (например, производства вообще, или «прогресса» как такового). Победа на войне зависит от умения солдат и оружия, которое в свою очередь находится в зависимости от производства и уровня науки. Изобретение лучшего оружия и изменения в составе армий — вот что непосредственно определяет развитие военного искусства. Следовательно, научная периодизация истории военного искусства должна исходить из содержания самого предмета, атрибутом которого является военное искусство. Этот предмет — война.

На пути к «синусоиде» войн

Историки утверждают, что само понятие рыцарства, как военного сословия, появилось в XI веке. А французский поэт второй половины XII века Кретьен де Труа писал: впервые рыцарство и духовенство приобрели славу в Греции; затем рыцарственность вместе с высшей образованностью перешли к Риму, а ныне процветают по Франции, и дай бог, чтобы они никогда ее не покинули. Что нам делать с такими сообщениями? Выкинуть из анализа, вслед за традиционными историками? Или наоборот — вытащить, наконец, на свет божий?

Или: как быть с сообщением, что средневековые художники не смели отойти от античных сюжетов?..

За общими рассуждениями историков о «нелепостях» Средневековья не видно фактов. А факты порой таковы, что приходится только изумляться.

Например, древнегреческий XIII век до н.э. оказывается очень похожим на средневековый XII век н.э. Предоставим слово А. Меню, которого, надеемся, никто не заподозрит в симпатиях к Новой хронологии, хронотронике или прочим «альтернативным» теориям. Меню пишет о Греции в книге «Магизм и единобожие»:

«На холмах Пелопонесса путешественник и доныне может видеть развалины грозные крепостей и замков... Ахейские замки первоначально были разбойничьими гнездами... Крепости являлись опорой ахейских царей... Среди них особенно усилились микенские властители. Цари других укрепленных замков были их вассалами или младшими союзниками... От крепости по всей стране тянулись великолепные дороги... Ахейских рыцарей влекли сильные ощущения; они любили травить кабанов с гончими по горным лесам...

Нужно думать, что крестьяне в эпоху могущества микенских царей жили довольно безбедно. Грозные замки охраняли их от вражеских вторжений... Замки имели исключительно военное значение».

Это написано о Древней Греции! Мы не желаем придирается к словам: замки, вассалы, рыцари, — мы просто хотим показать, как неоднозначны порой представления людей о прошлом.

Ахейцы были искусны в войне: ведь это они разрушили Трою.

«Поэмы Гомера, — продолжает А. Меню, — обращены к зрителям, буквально влюбленным в оружие и боевые украшения... Подлинный восторг звучит в изображении

сверкающих шлемов, поножей, лат, острых мечей и тугих луков. Почитание, которым ахейские рыцари окружали коня, вылилось в обожествление этого животного. Конь был редок и дорог, но он давал незаменимое преимущество в сражении... Только у воинственных арабов или в средневековой Европе находим мы такую дружбу человека с конем».

Древнегреческий герой «неукротим, заносчив и жесток, но иногда он может проявить великодушие». Однако слова *слезы, плач, стенания* встречаются, — пишет А. Мень, — едва ли не чаще, чем слова *радость* и *ликование*. Но такой же инфантилизм мы видим в XII веке у средневековых рыцарей!

И вот *«около 1200 года в Элладу стал проникать с севера дикий пастушеский народ — дорийцы... Повсюду начинаются лихорадочные приготовления. Атика строит оборонительные сооружения; на перешейке возводят огромный защитный вал, в Микенах и других замках готовятся к осаде: налаживают водоснабжение, увеличивают арсеналы».*

И что же, спросите вы? А вот что:

«Ослабленные (Троянской войной) ахейцы, которые к тому же не знали настоящей воинской дисциплины, а бросались в бой кому как вздумается, с криком и бранью, не выдержали напора».

Ужас воинственных ахейских рыцарей можно понять. Ведь у диких пастухов, оказывается, есть *«длинные железные копья и мечи, и они держатся молчаливым сомкнутым строем; это прирожденные воины, которые наступают как неумолимый вал».*

Честное слово, эти «пастухи» — люди не нашего мира! Иначе, кто же они, эти непрошенные гости: пастухи или воины? Ведь нельзя обучиться строю, дисциплине, тактике ведения боя, оставаясь при этом пастухами, по одному или двое надзирающими за стадами?

По стандартной нашей «греческой» синусоиде и XIII век до н.э., и XII н.э. относятся к линии № 4. И примерно на том же уровне расположен XVII век до н.э. «ассиро-египетской» синусоиды (она столь причудлива, что этот век может быть отождествлен и с XII, и с XIII веком н.э.) И здесь мы видим очередную яркую параллель.

Появление пастухов-гиксосов в Египте около 1700 года до н.э. А. Мень рисует в тех же красках и выражениях, в каких обычно описывают нашествие монголов. «Военная аристократия», «боевые дружины», «грозные всадники»... Это косвенно свидетельствует о том, что все летописи написаны по одному шаблону: опять «дикие пастухи» завоевали культурнейшую страну, ставшую непонятно почему для них легкой добычей. Гиксосы, гунны, монголы, — словно где-то работает генератор, вырабатывающий орды диких кочевников.

Еще одни пастухи — арии — завоевали Индию. Кажется, пастух — самый воинственный человек в истории.

«Арии очеловечили небожителей, наделили их всеми человеческими страстями, изображая хитрыми, похотливыми, эгоистичными. Они охотно слушают лесть; их представляют наподобие Олимпийцев могучими великанами с человеческим телом, одетыми в роскошные одежды», — пишет А. Мень. Не случайно он здесь упомянул олимпийских богов! Речь — всё о том же: о «великом» завоевании, приобретающем под пером историков разнообразные названия: греко-персидское, монгольское, далее везде.

Удивительно, что средневековые хронисты не скрывали, насколько близко к ним то «древнее» время греков или римлян. А еще более удивительным представляется нам, что современные историки об этом знают, но сделать соответствующих выводов никак не хотят!

«Неотъемлемая часть средневековой историографии — анахронизм. Прошлое рисуется в тех же категориях, что и современность. Герои древности мыслят подобно современникам хрониста... — «догадывается» А. Гуревич. — Анонимный средневековый моралист в поэме «Морали истории» приписывает древним римлянам «куртуазия» — специфическое рыцарское достоинство».

Что же нам делать, переходя к «Иудейским войнам» Иосифа Флавия? Остается только перефразировать историка, и предпослать следующей цитате «вывод»: «Известный древний историк Иосиф Флавий приписывает древним римлянам достижения эпохи Возрождения».

А теперь — сама цитата из «Иудейской войны» (II, 16:4):

«А мощь римлян, напротив, на всей обитаемой земле непобедима. Но им всего этого еще мало было, и их желания шли дальше; весь Евфрат на востоке, Дунай на севере, на юге Ливия, которую они прорезали до пустынь, и Гадес на западе — все это их не удовлетворило; они отыскиали себе по той стороне океана Новый свет и перенесли свое оружие к дотоле никому не известным богатствам».

Мы, конечно, не посмеем заявить, что древние римляне завоевывали Иудею в XVI веке, в перерывах между плаваниями в Америку. Но вот предположить, что некто, творивший под именем Иосифа Флавия, жил позже Колумба, мы можем.

Историки — в частности, А. Гуревич, — призывают «адекватно» оценивать средневековые «нелепости». Мы уже согласны, мы даже готовы сами поучаствовать в оценке не только средневековых, но и древних анахронизмов. Но тут оказывается, что на «птичьем» историческом языке адекватно — значит, понять и простить средневековым дурачкам их заблуждения. Что нам, в таком случае, делать с древними римлянами, знавшими Новый свет? Пустить их по одному ведомству с китайцами, задолго до нашей эры изобретшими бумагу, компас, логарифмы, порох и статистику?

И, наконец, переходя к военной теме, зададим вопрос: а что делать с разноречивыми мнениями самих историков, у которых дисциплинированные, обученные, прекрасно вооруженные древние войска с грамотными полководцами во главе, предшествуют ватагам впервые взявших в руки дреколья селян VII века, объединяющихся в «племенные союзы»?..

У нас, конечно, есть свое мнение. Главный наш вывод: никаких серьезных войн до появления в XIII веке пехоты вестись просто не могло. Все сводилось к межплеменным дракам, или к единоборству отдельных феодалов, или к стычкам их небольших дружин, состоявших из родственников, друзей, родственников друзей, собутыльников и т.д. В лучшем случае у них были кони, малопригодные для военных целей, а только для перевозки легких грузов. И только с Крестовых походов, с толп ополоумевших людей, вооруженных палками и чем попало, двинувшихся в XI–XII веках на поиски Святой земли, где, по слухам, был недавно казнен их Спаситель, началась военная история человечества.

Когда мы читаем, что в битве при Гастингсе (1066 год) многие англосаксы были вооружены каменными топорами и обожженными на кострах палками, то соглашаемся: да, эта битва с норманнами действительно могла произойти в реальном XI веке.

Западная Европа получила зачатки культуры от Византии через арабов, — и это, может быть, единственный пункт, в котором у нас и традиционных историков нет расхождений. Этой причины достаточно, чтобы предположить, что войны вне европейского континента происходили раньше XI века. Но насколько раньше? И правильно ли они, — стараниями хронологов «провалившиеся» в древность, — локализованы географически? Верно ли определена племенная, или, как это теперь говорят, этническая принадлежность враждующих? Каковы были интересы государств в этих войнах?

Вопросов больше, чем ответов. Когда дойдет до разработки действительно новой хронологии, материала хватит на тысячи диссертаций. У нас же пока нет другого инструмента, кроме синусоиды.

А эта наша синусоида, если учесть ее ассирийско-египетскую и старовавилонскую разновидности, показывает, что до линии № 3 сведений о войнах нет нигде и ни в каких веках. Эта линия выводит нас на XI век 1-го трака, что означает: события происходили в XI веке или немного раньше.

Итак, линия № 3, XI век. Месопотамия (Двуречье).

2024 год до н.э. — разгром города Ура эламитами и амореями. Смешение в Двуречьи шумерского и семитического населения. Речь может идти о войне между персами и арабами (сирийцами) за влияние в Двуречье. Около 1600 года до н.э. — походы хеттов (готов?) на Сирию и Вавилонию. 2200–2140 годы до н.э. — владычество гутеев (те же хетты, или готы) в Двуречьи. Следуя по линии № 3 до 1-го трака, получаем, что к XII веку власть в Ираке переходит к византийцам или европейским крестоносцам.

Та же линия № 3, Египет.

Конец XVI века до н.э. — покорение Египта Эфиопией до четвертых порогов (возможно, это правление Ливийской династии с X века).

Переход к линии № 4, XII век. Месопотамия и Египет.

IX век до н.э. — «новый ассирийский период». Подчинение сирийцами (византийскими арабами) всей Месопотамии. Начало походов в Мидию. Разгром ассирийцами Израиля. 586 до н.э. — взятие Иерусалима войсками Навуходоносора II. Если это XII век, то перед нами захват Иерусалима Саладином. В Египте и Передней Азии — вторжение неких «народов моря», не иначе, как появление приплывших на кораблях крестоносцев.

Переход к линии № 5, XIII век.

689 год до н.э. — разрушение ассирийцами Вавилона. 612 год до н.э. — взятие мидянами Ниневии. 538 год до н.э. — завоевание Вавилона персами. Можно предположить, что

перед нами — войны между арабами и «монголами», причем под «монголами» следует понимать греко-персо-турецкий союз.

671 год до н.э. — завоевание Египта ассирийцами (видимо, это византийские арабы). Ок. 1050 до н.э. — распад Египта на два царства, отпадение южной части. 1312 до н.э. — битва между египтянами и хеттами (готами?) при Кадеше. 525 до н.э. — завоевание Египта персами. 1700–1570 до н.э. (линия № 5–6) владычество в Египте — возможно, только в северной части — гиксосов.

К этому времени (XIII век или немного раньше) относятся античные греко-персидские войны V века до н.э., отражающие борьбу византийцев с крестоносцами, укрепившимися в Греции, и сюда же попадают гражданские войны I века в Риме между Цезарем и Помпеем.

В этих наших рассуждениях о войнах линии № 5 единственная нестыковка приходится на 525 год до н.э., он на линии № 4.

Дальше, с линии № 6, начинается «эллинистический Египет».

О XIII веке сохранилось значительно больше информации, чем о XII-ом. Но и она сильно искажена. Это видно хотя бы по тому, что история той эпохи преподносится скалигеровцами как история религиозных войн. Между тем на деле мы видим совершенно иную картину: ни крестоносцы, ни схизматики, ни сарацины не объединяются перед лицом врага по признаку веры. Крестоносцы воюют между собой, тем же заканчивают и византийцы. В то же время христиане объединяются с турками для борьбы против единоверцев.

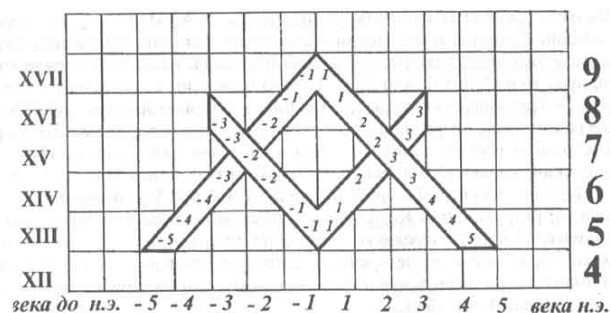
Ф.И. Успенский пишет в «Истории Византийской империи»: *«Ласкаръ и Калоянн временами были папе дорожее, чем константинопольский латинский император»*.

Все это означает, что никакой религиозной розни между христианами различного толка, и даже между христианами и мусульманами не было. Работали совершенно другие, политические механизмы. Да и о религии в те времена — не такие уж далекие от нас — были совсем иные, чем теперь, представления. Так, Франческо Филермо, основываясь именно на представлениях своей эпохи, предлагал рассматривать ислам не как религию, но как ересь христианства, Мухаммеда же — как «отпавшего» Римского кардинала. По сходному поводу И. Медведев пишет в статье «Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в.»:

«Разумеется, освобождение от одного мифа не спасло от сотворения нового, страдавшего известной идеализацией мусульманского мира, которой не избежал и Запад: чего стоит, например, распространившаяся здесь легенда о том, что турки — это не кто иные, как троянцы, и что захват Константинополя — это возмездие за ужасы греческого нападения на Трою (во Франции даже получило широкое распространение письмо, якобы написанное Мехмедом II папе Николаю V, в котором султан выражал удивление тем, что итальянцы проявляют к нему враждебность, тогда как они произошли от тех же троянцев, что и турки)».

Да, от мифов избавляться трудно. Конструируя свою хронологию, Иосиф Скалигер использовал не только чистую нумерологию, но и еще какие-то соображения. Вот почему наша синусоида не позволяет ответить на все вопросы. Например, описанная Фукидидом Пелопонесская война (в нашей версии, это война то ли между французами и каталонцами, то ли между каталонцами и наварцами) оказывается позже греко-персидских войн (между французами и греками с одной стороны, и греками и турками с другой). Она ложится на XIV век, хотя ей самое место в XIII-ом (на линии № 5).

Допустим, Фукидид жил в XIV веке. Сочиняя захватывающую историю некоей выдуманной им Пелопонесской войны, он воспользовался событиями этого же XIV века, но действие своего исторического романа перенес лет на сто раньше, то есть в XIII век. А хронологи, взявшие эти описания «в работу» уже в XVI–XVII веках, используя астрономические привязки Фукидида, поместили всю эту эпопею в конец V века до н.э.

Рубеж эр по "греческой" синусоиде на уровне 1600 года
Рубеж эр по "римской" волне на уровне 1300 года

Графическое изображение скалигеровской хронологии в виде масонских циркуля (греческая история) и угольника (римская история). Справа — номера линий веков.

Поэтому здесь особое место приобретает «композиционный центр» традиционной истории — масонский символ в виде циркуля и угольника. На рисунке видно, что IV век находится на линии № 6, то есть взятие готами Адрианополя можно расположить на одной линии со средневековыми событиями XIV века. Так же и морской бой при Лепанто, реально произошедший в XVI веке, попадает на линию № 8, и может в некоторых своих описаниях очутиться в III веке до н.э. (например, в 258 году), хотя может попасть и во II век.

Мы ограничимся несколькими примерами, потому что именно в истории войн скалигеровцы давали максимальную волю своей фантазии, вплоть до приручения африканских слонов солдатами Ганнибала, чего никому после них так и не удалось, — а ведь они слонов в горы затащили! (В те самые горы, где позже А.В. Суворов потерял больше половины армии.) Трудность заключается в том, что в истории Средних веков было громадное количество стычек между правителями разного ранга, от которых зачастую даже имен не осталось. В кривом же зеркале истории любой мелкий конфликт может быть «переброшен» в прошлое, да к тому же раздут до события всемирного значения, как это случилось с битвой при Марафоне.

В подобном случае театр военных действий распространяется до пределов «обитаемой Ойкумены», а место того или иного конкретного сражения переносится сообразно географическим искажениям традиционной версии. Так, морской бой между итальянским Римом и африканским Карфагеном было бессмысленно локализовать в восточном Средиземноморье, и его перенесли к берегам Сицилии.

При восстановлении истории некоторую помощь может оказать пресловутая склонность средневековых историков к «архаизмам», историческим реминисценция и прочему подобному. Вот почему мы можем без труда отождествлять персов с турками, турок с готами, готов с татарами, римлян с византийцами, греков с французами и испанцами, испанцев с арабами, арабов с монголами и т.д. А самое полезное в такой работе — изучение вооружений и анализ тактики и приемов боя. К чему мы сейчас и перейдем.

Эволюция побед

Мы рассмотрим здесь несколько войн вкратце, а позже будем возвращаться к ним по разным поводам. Вот эти войны:

Англо-норманнская война XI века.

Крестовые походы XII–XIII веков. К этому периоду относятся:

- Египетско-хеттские войны.
- Греко-персидские войны.
- Пелопоннесская война.
- Римско-парфянские войны.
- Гражданская война в Риме.
- Македоно-персидские войны.
- Скифо-персидские войны
- Западный монгольский поход.

Франко-фламандская война XIV века.

Столетняя война XIV–XV века.

Франко-испано-турецкие войны XV–XVII века, к числу которых относим:

- Пунические войны.
- Македонские войны.
- Кипрская война.
- Итальянские войны.

Нидерландские войны XVI века.

Тридцатилетняя война XVII века.

Как изменялись в обозримом прошлом методы ведения войны, то есть использование родов войск, оружия, тактики? Рассмотрим эти вопросы на примере нескольких битв, расположив их в соответствии с синусоидой.

Наименование	Рода войск, оружие	Тактика, победитель
Бой у Гастингса, Великобритания (1066 год). Англосаксы против норманнов. Линия № 3 синусоиды.	Пехота (необученная), конница (малочисленная), лучники. Копья (обоженные палки), луки, каменные топоры.	Норманны впервые применили контратаку (вероятно, случайно), и победили.
Бой при Дорилее, Малая Азия (1097). Крестоносцы и турки. Линия № 3.	Пехота, тяжелая конница. Копья, мечи, булавы.	Крестоносцы использовали резерв (вероятно, случайно), и победили.
Бой на реке Окс, Север ное Причерноморье (529 до н.э.). Скифы против персов. Линия № 4.	Пехота, конница, колесницы (у персов). Копья, мечи, луки, булавы, топоры.	Скифы впервые использовали тактику заманивания в западню, и победили. * (Сноска в конце таблицы)
Битва под Кадешем, Сирия (1312 до н.э.). Египтяне и хетты. Линия № 4–5.	Пехота, колесницы (у египтян). Копья, луки, топоры.	Египтяне применили резерв воинов на колесницах, и победили. **
Бой у Марафона в ходе греко-персидской войны, Греция (V до н.э.). Греки против персов. Линия № 5.	Пехота, конница (малочисленная), лучники. Копья, мечи, луки, метательное оружие (типа катапульт).	Греки применили фалангу – обученную тяжелую пехоту, и победили. ***
Битва на о. Сфактерия в ходе Пелопоннесской войны, Греция (425 до н.э.). Спарта против Афин. Линия № 5.	Пехота. Впервые использованы дротики.	Афиняне применили тактическое расчленение пехоты (разделили фаланги на меньшие тактические единицы) и победили. ****
Бой под Каррами в ходе Римско-парфянских войн, Малая Азия (53 до н.э.). Линия № 5.	Тяжелая конница (лошади в железных латах), пехота (когорты), лучники, легкая кавалерия с луками.	Парфяне (монголы?) впервые использовали контрнаступление из глубины своей территории, и победили.

	Копья, дротики, мечи, луки, пращи со свинцовыми пулями (?)	
Бой под Фарсалом в ходе гражданской война в Риме, Греция (48 до н.э.). Цезарь и Помпей. Линия № 5.	Пехота (когорты), конница, лучники, пращники. Копья, дротики, мечи, луки, пращи со свинцовыми пулями (?)	Цезарь использовал резерв как средство достижения победы, а не как запас против случайностей, и победил. *****

Примечания.

* Бой на реке Окс — победа скифов может быть названа победой Русского каганата.

** После битвы при Кадеше, если следить по синусоиде, колесницы более не применялись, возможно, из-за малого количества лошадей. Применяли их для перевозки пехоты. А когда их стало больше, стали применять конницу.

*** Бой у Марафона — под греками следует понимать франков, живших в Афинах.

**** Пелопоннесская война дала мировой военной практике расчленение пехоты. Мы наблюдаем такой прием и у римлян в I веке до н.э.; они имели легионы и когорты. По «римской» волне синусоиды II и III века до н.э. — выше первого, поэтому и тут у них мы наблюдаем расчленение пехоты. Македонскую фалангу римляне победили в IV веке до н.э., перейдя к делению войск на легионы, когорты и манипулы.

***** Бой под Фарсалом. Цезарь действует так же, как исторические монголы. Е.А. Разин пишет: «Ханы-феодалы вели между собой непрерывные войны, очень ослаблявшие монголов». Возможно, это война 1259 года между Палеологами и Ангелами. Возможно, это поражение рыцарей Гийома де Виллардуэна, князя Ахайи и сицилийского короля Манфреда от Никейского императора. Но, скорее всего, это был бой между сторонниками Палеолога и сторонниками Иоанна IV Ласкариса, сына Феодора II.

Отметим для порядка, что Е.А. Разин не приводит в своей пятитомной книге ни одной битвы XII–XIII веков из истории Крестовых походов. Как видит читатель, они легко заменяются «античными» битвами, без потери эволюционности в развитии воинского искусства.

В следующей таблице мы переходим от линии № 5 к линии № 6, то есть к XIV веку. Мы видим повсеместное членение пехоты, а также и конницы, на тяжелую, среднюю и легкую, причем средняя конница (македонские «димахи», что значит двоеборцы) спешили в бою, что привело к появлению нового рода войск — драгунов (пехоты на конях). Это было новинкой у Александра Македонского; в следующий раз мы встречаем эту «новинку» спустя полторы тысячи лет. А по синусоиде — совпадение.

Огнестрельное оружие пока малоизвестно, а если оно применялось, то не оказывало влияния на исход сражений.

Наименование	Рода войск, оружие	Тактика, победитель
Бой на реке Граник. Македоно-персидские войны, Малая Азия (334 до н.э.). Александр и Дарий. Линия № 6.	Тяжелая конница, конные и пешие лучники, тяжелая и легкая пехота. Копья, дротики, луки, мечи, метательные орудия.	Александр впервые применил боевой порядок, обеспечивающий маневренность, и победил.
Бой при Гавгамеллах. Македоно-персидские войны, Ирак (331 до н.э.). Александр и Дарий. Линия № 6.	То же самое.	Новинкой оказалось применение конницы для преследования врага; победил Александр.
Бой при Левктрах.	Конница,	Фиванцы в целях

Беотийская война, Греция (371 до н.э.). Спартанцы и фиванцы. Линия № 6.	взаимодействующая с организованной пехотой. Копья, дротики, луки, мечи, метательные орудия.	сосредоточения сил для главного удара на решающем направлении сделали неравномерное распределение войск по фронту, и победили.
Бой при Пуатье, Франция (732 год). Франки и арабы. Линия № 6 «византийской» волны.	Пехота, лучники, конница (малочисленная у франков), пращники. Копья, дротики, луки, мечи, топоры.	Никаких новинок. Победили франки. *
Бой при Куртрэ, Франция (1302). Французы и фламандцы. Линия № 6	Пехота, лучники, метатели дротиков, конница, пращники, арбалетчики. Копья, дротики, луки, мечи, арбалеты.	Новинок нет. Использован резерв и контратака. Победили фламандцы, благодаря «возрождению пехоты».
Бой при Кресси в ходе столетней войны, Франция (1346). Англичане и французы. Линия № 6.	Конница, пехота, лучники (у англичан), арбалетчики (у французов), артиллерия. Пики, алебарды, арбалеты, луки, аркебузы, бомбарды (у англичан).	Первое применение бомбард (артиллерии) на поле боя в Европе. ** Победа англичан.
Бой под Никоподем, Балканы (1394). Турки и венгры. Линия № 6.	Тяжелая конница, легкая кавалерия, пехота с аркебузами. Сабли и ятаганы, пики, шпаги, луки, арбалеты, аркебузы.	Первое применение (турками) постоянного войска (янычар) и использование полевых укреплений. Турки и победили. ***
Бой при Муртене, Центральная Европа, 1476. Бургундцы и швейцарцы. Линия № 7.	Конница, пехота, артиллерия. Алебарды, шпаги, луки, арбалеты, аркебузы, бомбарды, мортиры.	Артиллерия уже оказывает влияние на ход боя. Швейцарская пехота била конницу; швейцарцы победили.
Бой при Равенне в ходе Итальянских войн, Италия (1512). Французы и испанцы с участием турок. Линия № 8.	Конница, рейтары (рыцари с пистолетами), драгуны (мушкетеры на конях), саперы. Мушкеты, пистолеты, шпаги, пики, пушки на лафетах.	Легионы и когорты формируются по римскому образцу. Победили французы. ****

Примечания.

* По поводу битвы у Пуатье. Не раз говорилось, что в VIII веке и около того арабы были более развиты, чем европейцы. Европейцы совершали «прогрессирующий регресс», а арабы просто прогрессировали. Но вот, арабы не могут победить европейцев.

** Бой при Кресси. Здесь впервые упомянуты бомбарды у европейцев; у арабов они были уже якобы с XIII века.

*** Бой под Никоподем — впервые использованы полевые укрепления. В одной из следующих глав мы покажем, что Цезарь в своих «Записках о галльской войне» сообщает о применении им редутов. Цезаря можно отнести к концу XIII века; тогда и появились полевые укрепления в Турции и Восточной Европе, а в Западной Европе их еще не было.

**** Битва при Равенне. Всего было три Итальянские войны: 1494–1504 и 1509–1515 и 1521–1559 годов. Французский король Карл VIII планировал после завоевания Италии поход на Стамбул. По всей видимости, Италия с 1480-х годов была под властью Турции. Можно

предположить, что вначале испанцы выступали на стороне турок, но в дальнейшем стали проводить независимую политику, что привело их к войне с Турцией. Побежденные французы, наоборот, перешли на сторону Турции. В XVI веке испанский король Карл V Габсбург готовит вторжение во Францию. Договор между Турцией и королем Франции Франциском I привел к осаде турками Вены, владения Габсбургов, в 1529 году. В это время шла война на Балканах: Турция проводила походы в Сербию в 1454–1459, Босния была покорена в 1463, Албания — в 1479, Герцеговина в 1482 году. Всё это — так называемые «античные македонские войны». Испанцы заняли Тунис (Карфаген) в 1535 году, турки отвоевали его в 1574 году. Война Турции с Габсбургами закончилась в 1606 году. На линии № 8 начался упадок Османской (античной Римской) империи.

Далее переходим к войнам линий № 7 и 8. Битва при Каннах — это псевдоисторическое описание Тита Ливия; окружение войск противника, конечно, применялось и раньше.

Наименование	Рода войск, оружие	Тактика, победитель
Бой при Каннах в ходе Пунических войн (216 до н.э.). Кафагеняне (испанцы) и римляне (турки). Линия № 7.	Тяжелая конница, конные и пешие лучники, тяжелая и легкая пехота. Копья, дротики, луки, мечи, метательные орудия.	Первое (по традиционной хронологии) классическое окружение противника, выполненное карфагенянами, которые и победили.
Бой при Заме, Африка, в ходе Пунических войн (202 до н.э.). Карфагеняне и римляне. Линия № 7.	То же самое; среди прочего — слоны.	Никаких новинок. Победа римлян. *
Бой у деревни Моок, Голландия, в ходе Нидерландских войн (1574). Испанцы и голландцы. Линия № 8.	Пехота, конница, копейщики, пикенеры, карабинеры. Копья, пики, шпаги, пистолеты, карабины.	Контратака испанских пикенеров в момент вольта кавалерии для перезарядки пистолетов. Победили испанцы. **
Бой при Роктуа, Франция (1643) в ходе Тридцатилетней войны 1618–1648. Французы и испанцы. Линия № 9.	Пехота, кавалерия, артиллерия. Пистолеты, мушкеты, шпаги, пушки, пики.	Артподготовка в начале, и маневр конницы, решивший исход боя. Победили французы. ***

Примечания.

* Битва при Заме — очень сомнительно применение слонов в бою даже в Африке, не то, что в горах.

** Бой при Мооке — артиллерия в свидетельствах не упомянута.

*** Бой при Роктуа. К концу XVII века «мушкет победил пику», увеличился удельный вес конницы и артиллерии. В Европе появились постоянные армии и линейная тактика, которая *«давала возможности наносить мощные по тому времени фронтальные огневые удары как при атаке, так и при ее отражении (в оборонительном бою)»* (Е.А. Разин).

Для XVI века трудно определить с политической ситуацией. Это кажется поразительным, но факт: чем больше данных о каком-либо периоде, тем труднее понять, что происходило. На самом же деле просто труднее выстроить однозначную версию. История вообще сложная штука. И вот, складывается впечатление, что завоевание Италии турками в XV веке заретушировано традиционной историей, а между тем, имеется большое количество произведений изобразительного искусства, показывающих, что такое завоевание было.

Параллели

Наполеон Бонапарт сводил военное искусство к творчеству полководцев. Он писал: «...Истинные правила ведения войны это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих Великий».

Эти полководцы провели восемьдесят три успешные кампании. Но вот, Е.А. Разин не одобряет наполеоновский подход к этой проблеме. Он считает, что изучение развития военного искусства по эпохам полководцев и королей антинаучен. В самом деле, — получается, что военное дело, вместо постепенного развития, движется рывками и зависит исключительно от «озарения», посетившего военачальника.

Между тем, Наполеон продолжает: «Основательно изложенная история этих 83 кампаний составила бы полное руководство к изучению военного искусства и послужила бы источником всех правил оборонительной и наступательной войны».

Стало быть, Наполеон — гений военной мысли, что общепризнанно, — в начале XIX века был готов командовать войсками на манер Александра Македонского из IV века до н.э., или Цезаря из I века. Историка Е.А. Разина это несколько не удивляет. А вот историк Ганс Дельбрюк говаривал, что уже правила XIII века не годятся для применения в войнах Нового времени. Он смеялся над правилами XIII века:

«...Король Кастильский Альфонс Мудрый приказал составить свод законов (1260 г.), содержащий также и тактические уставные предписания, ...позаимствованные у Вегеция. Как мало общего они имеют с действительным военным делом своего времени... Это действительно напоминает то, что обычно предписывалось средневековым пешим кнехтам; но, — слышим мы дальше, — чтобы сами воины не могли бежать, им связывают ноги. При этом понятно, — продолжает король Альфонс, — при победе нельзя преследовать противника, но эта неподвижность выражает презрение к врагу. Говорится ли это в шутку? Ни малейшим образом: все это излагается с полной серьезностью...»

Использовал бы Наполеон правила короля Альфонса, не дошел бы до Москвы. Но что интересно, все полководцы, перечисленные в его списке, находятся выше линии № 5 синусоиды, то есть выше XIII века, находящегося на этой линии. Пусть чуть-чуть (Цезарь), но выше.

Наши оппоненты то и дело говорят: а какая разница? Ведь на самом-то деле даты никого не интересуют, важен нравственный урок, который можно извлечь из истории. Но: какой урок мог бы извлечь полководец начала XIX века, например, из описания драки между племенами, живущими в каменном веке? Действительно, дата в этом случае никого не интересует, но и такие уроки тоже.

Наполеон был прилежным учеником. Однажды он написал «Очерк войн маршала Тюренна», утверждая, что маневры и марши этого полководца в кампаниях 1646, 1648, 1672 и 1673 годов полностью сходятся с принципами Александра, Ганнибала и Цезаря. Итак, в XVII веке военная практика соответствовала методам «древних». В XIII веке — не соответствовала. Мы можем предположить, что перечисленные Наполеоном семь лучших полководцев мира водили свои полки в промежутке между XIII и XVII веками. Получается, что XVII век отстоит от античности всего-то на какие-нибудь триста лет.

Е.А. Разин в многотомном своем труде тоже не забыл о Тюренне, коему Наполеон посвятил очерк. И все же он пытается сильно дистанцировать XVII век от античности:

«...В этих принципах не отражены ни новая для XVII в. политическая обстановка, ни специфика средств борьбы — новые армии, огнестрельное оружие, парусный флот, вооруженный артиллерией... Побуждающей причиной создания этого труда были, конечно... прежде всего новые способы ведения война Тюренном, его искусное стратегическое маневрирование на театре военных действий. Возникшая в XVII в. маневренная стратегия оказалась жизненной и имела перспективу последующего развития».

Вряд ли все, что известно теперь как сочинения Наполеона, написано его пером. Литературный редактор вставлял к месту, а то и не к месту, имена Александра, Ганнибала и Цезаря (так уж его учили). Пусть так. Но ведь мы с вами пытаемся выстроить историю не на чьих-то мнениях — хоть бы и Наполеона, — а на сравнении войн разных эпох между собой. Поверьте, элементы для сравнения — есть.

Фермопилы

Рассмотрим же реальные события средневековой «античности», но сначала представим вашему вниманию то, как эти военные действия — о которых, к сожалению, почти не сохранилось сведений, — отразились в беллетризованных произведениях «исторических писателей» (не будем судить их строго, они зарабатывали на кусок хлеба). Е.А. Разин, ссылаясь на Геродота, так подает битву при Фермопилах, произошедшую в ходе греко-персидских войн 492–449 годов до н.э.:

«Первый сухопутный бой произошел у Фермопил, где греки, имея обеспеченный тыл, в течение двух дней отбивали атаки врага, пока предатель не показал персам обходные тропинки, которые вывели противника в тыл оборонявшихся. В ночь на третий день персы сбили заслон, выставленный греками на перевале, и, оседлав перевал, стали выходить в тыл греческому войску, оборонявшему Фермопильский проход. Заметив обход, спартанский царь Леонид отпустил все силы союзников, которые отступили к Афинам, а сам с 300 спартамцами остался на месте. Персы окружили отряд Леонида и уничтожили его в неравном бою. Ни один спартанец не сдался персам. Впоследствии в честь павших у Фермопил спартанцев на камне была сделана надпись: «Путник, весть отнеси, всем гражданам Лакедемона: честно исполнив закон, здесь мы в могиле лежим».

После обхода противником Фермопил решение Леонида было лишено всякого тактического смысла. Гибель отряда спартанцев имела только моральное значение. Однако героизм спартанского отряда не предотвратил перехода на сторону персов Фив и некоторых других греческих полисов».

Историческая (и хронологическая) проблема в том, что Фермопильское ущелье — единственный удобный проход из Фессалии в Среднюю Грецию. Поэтому Фермопилы упоминались при любых военных действиях в Фессалии. В 1938–1939 годах (!) археологи обнаружили остатки Фермопильских укреплений, но им и в голову не пришло отнести их к эпохе Средних веков; укрепления стали служить материальным свидетельством героизма трехсот воинов царя Леонида. Между тем, в XIII веке мы находим как минимум два случая упоминания 300 рыцарей, в том числе в связи с Фермопилами.

Вот один такой случай в изложении Ф. Успенского:

«Уже весной 1263 г. началась в Морее война между франками и греками. Гильом (Вильгардуэн) привел в порядок свои крепости и занял Лакедемон, жители которого уведены были греками в соседнюю Мистру... Греки и турки разорили Скорту (Аркадию), сожгли богатое аббатство в Исове... Старый храбрый рыцарь Карабас был оставлен защищать Морею... Легкомысленный герой Жоффруа (Каритенский) незадолго перед тем бежал в Апулию вместе с красавицей женою Карабаса. Жестокая подагра не помешала старику покрыть себя славою. Во главе 300 всадников, привязанный к седлу, он напал под Принцией на греков, смял их авангард и обратил всю армию в бегство; севастократор едва ускакал в Мистру».

Фермопилы здесь не упомянуты. Но вот эпизод 1275 года, в котором воинам никак не удалось бы обойти Фермопил стороной:

«Византийцы вторглись в Фессалию, и Иоанн Ангел был оставлен всеми, скитался по стране, спасаясь от преследования, и наконец укрылся в крепости в Новых Патрах. Византийцы обложили город, и Иоанн Палеолог потребовал у жителей выдать Ангела, угрожая разорить страну дотла. Горожане просили подождать, а тем временем Ангел бежал... и явился в Фивах; владелец Фив (Жан Ля-Рош) дал ему 300 всадников, закаленных в боях, и Иоанн Ангел напал на византийцев врасплох, сея ужас».

Это было изложение Ф. Успенского, а вот тот же эпизод в изложении Ф. Грегоровиуса:

«Михаил VIII (Палеолог) видел для себя серьезную опасность со стороны Ангелов... Поэтому в 1275 году он послал своего родного брата Иоанна и генерала Синаденоса с необычайно большим войском сначала в Фессалию... С 300 хорошо вооруженных рыцарей, в числе которых находились также господа де Сент-Омер, герцог (Жан Ля-Рош) самолично сопровождал фессалийского князя (Иоанна Ангела) в его страну обратно, чтобы освободить окруженный 30 000 греков, куманов и турок город Неопатрэ. При виде этого множества неприятелей он воскликнул своему испугавшемуся союзнику слова одного из древних: «много людей, но мало мужей». Он мужественно кинулся на неприятельский лагерь, рассеял большое войско Палеолога и одержал блестящую победу. Город Неопатрэ был освобожден, бежавший неприятель принужден был удалиться из Фессалии».

У И.А. Голубева и А.Т. Фоменко читаем по этому поводу:

«Получается, что средневековый герцог XIII века н.э. был настолько высокообразованным человеком, что «случайно» оказавшись у Фермопил, и участвуя в сражении, странно похожем на античную битву 300 спартанцев с Ксерксом, «случайно» и вдохновенно процитировал «древнего Геродота», рассказывающего именно об этой битве!..

Современный историк раздраженно отмахнется: ну что же здесь странного? Начитанными людьми были средневековые рыцари! Оказавшись у Фермопил в гуще битвы среди лязга железа, стонов, крови и ржания коней, они «становились в позу» и вдохновенно цитировали бессмертные произведения античных классиков. Причем к месту!»

Греками оказываются, однако, живущие в Греции французы, а персами — византийцы.

Бой на острове Лесбос

Античная Фермопильская битва (V век до н.э.) по стандартной «греческой» синусоиде ложится на XIII век. Вскоре, по сообщениям греческого историка Фукидида, разгорелась Пелопонесская война, оригинал которой при смещении реальных средневековых событий оказался в XIV веке.

Эта война якобы продолжалась 27 лет (с 431 по 404 до н. э.). В 406 году у Митилены на острове Лесбос произошел самый крупный морской бой. У Е.А. Разина он описан так:

«Афинский стратег Конон с 70 триерами направился к острову Лесбосу, где встретил спартанский флот, насчитывавший 140 триер. В завязавшемся бою Конон потерял 30 триер, а с остальными укрылся в Митиленской гавани, загородил в нее входы, затопив несколько судов, вооружил свои корабли метательными машинами и успешно отражал попытки спартанцев, пытавшихся ворваться в гавань. Когда спартанцы все же овладели большой гаванью, Конон отступил в малую гавань. Он послал в Афины две триеры с просьбой о помощи; одна из них была захвачена противником, другая прорвалась, и выполнила свою задачу.

На выручку Конону афиняне направили флот, состоявший из 110 афинских триер и 40 триер союзников (всего 150 судов). Спартанцы же, выделив 50 триер для блокады отряда Конона, сильно ослабили свой флот. Навстречу афинскому флоту они послали 120 триер. Значительное превосходство в силах было на стороне афинян. Это вызывало у спартанцев неуверенность в победе. Один триерарх даже советовал командующему спартанским флотом не вступать в бой, на что получил такой ответ: «Погибель моя ничто для моего отечества, а бегство без боя бесславно для меня».

Боевой порядок афинского флота был построен у трех небольших островов и состоял из двух сильных крыльев и центра. В центре находилось 30 триер, которые были вытянуты в линию. Каждое крыло было построено в две линии по 30 триер. Вторые линии крыльев боевого порядка являлись линиями поддержек и обеспечивали устойчивость флангов. Боевой порядок в целом был вытянут в линию с целью не допустить окружения со стороны противника, но построение линий было сомкнутым, чтобы более легкие спартанские триеры не могли прорваться между тяжелыми афинскими кораблями. Спартанский флот был вытянут в одну линию, и состоял из двух крыльев, не имея глубины построения.

Бой завязало правое крыло спартанского флота, которое атаковало левое крыло афинян. Флагманская триера подавала пример остальным, энергично нападая на афинские триеры. При попытке протаранить одну из тяжелых триер афинян спартанский флагманский корабль застрял в ней своим трезубцем. Этим воспользовались другие корабли афинян, окружили его, взяли на бордаж и уничтожили весь экипаж. Был убит и командующий спартанским флотом, что заметно сказалось на моральном состоянии сражавшихся спартанцев. Попытки спартанцев прорвать левое крыло афинян не имели успеха, так как их триеры, прорвавшиеся через первую линию, уничтожались афинскими триерами второй линии. Вскоре правое крыло спартанцев было сломлено, а вслед за ним потерпело поражение и левое их крыло. Спартанский флот был разбит; остатки его бежали к острову Хиос. Афиняне в бою потеряли 25, а спартанцы 77 триер.

Следствием этой победы была деблокада отряда Конона. Но, несмотря на этот крупный успех афинского флота, была произведена судебная расправа со стратегами-победителями, из которых шестеро были казнены за то, что не позаботились о погребении убитых в бою воинов».

Оставляем желающим самим посчитать, возможно ли было строительство такого количества судов в городках Спарта и Афины. А оригинал этого сражения мы находим в 1336 году. Вот этот бой у острова Лесбос в изложении Ф. Успенского:

«При негласном участии генуэзцев латиняне Леванта, именно родосские рыцари — генуэзец Каттанео Фокнейский и Санудо Наксосский, — решили выступить против Византии открыто, вознаградив себя за ее счет, и захватили богатый остров Митилену, или Лесбос (1336)... С сильным флотом из 84 кораблей Андроник (III Палеолог) с Кантакузином отправился на Митилену, занял остров — кроме города Митилены, где укрепился Каттанео; затем осадил Фокею, где были захвачены Каттанео знатные заложники эмира саруханского».

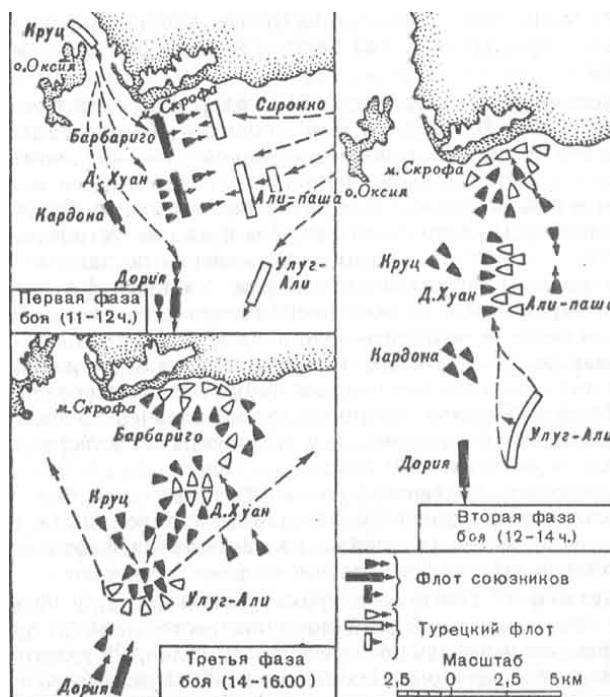
Возможно, следующий эпизод тоже относится к Пелопонесской войне. Ф. Успенский:

«Готовясь выступить в Азию для отражения турок, и для устройства своих владений, новый кесарь Рожер (де Флор) желал обезопасить свой тыл и отправился к Михаилу (IX Палеологу) со значительным отрядом. Он был принят с почестями, но его там ожидала смерть... Вслед за Рожером погиб его отряд (1305)»

Вся история непонятна, ведь «убийство кесаря Рожера де Флор было катастрофой для империи. Погиб человек большого ума и энергии, умеющий направлять разбойничьи дружины к достижению крупных целей, державший в руках и двор Андроника, подготовлявший в Малой Азии создание каталано-греческого государства, которое, может быть, спасло бы страну от турок, обеспечив населению мирный труд и благосостояние, подобно Вильгардуэнам в Морее» (и которое историки также отнесли бы к античности). Отряд Рожера был разбит аланами у стен Галлиполи. Роль Михаила IX до конца не ясна.

Пунические войны и битва при Лепанто

В случае с другим крупным морским сражением — битвой у Лепанто, мы имеет возможность сравнить два описания, из оригинала XVI века и его «отражения» в III веке до н. э. (258 году). Сначала приведем текст Е.А. Разина, относящийся к 1571 году:

Бой при Лепанто 1571 года

«Турецким флотом командовал Муэзин-Заде-Али (Али-паша), получивший от султана приказание атаковать флот союзников, силы которых преуменьшали турецкие разведчики, а захваченные пленные подтверждали их данные. Выполняя приказ султана, Али-паша двинул свой флот из залива в открытое море.

Турецкий командующий полагал, что союзники находятся на якоре у острова Кафаловия, а дон Хуан считал, что турки стоят в Лепанто. Поэтому встреча у мыса Скрофа произошла неожиданно для обоих противников.

Берег между Петала и Калидоном низменный, а поэтому разведчики дон Хуана могли увидеть парусный турецкий флот раньше, чем турки заметили союзников, которые шли под веслами.

Дон Хуан подал сигнал «выстроить линию баталии». Увидев флот противника, Али-паша также приказал строиться для боя.

Турецкий флот насчитывал 210 галер и 65 галиотов. У союзников было 203 галеры и 6 галеасов. Качественные преимущества были на стороне союзников, так как, во-первых, турецкие галиоты по своим небольшим габаритам не могли вести бой в одном строю с галерами; во-вторых, по приказанию дон Хуана носы галер были срезаны и на них устроены щиты и траверсы; в-третьих, турецкая артиллерия по тактико-техническим данным уступала артиллерии союзного флота; в-четвертых, турки имели на вооружении янычар только 2500 аркебузов, остальные являлись лучниками, не имевшими защитного снаряжения; в-пятых, у союзников на вооружении всех солдат находилось огнестрельное оружие и защитное снаряжение. На большинстве турецких судов количество солдат не превышало 30–40 человек, а у союзников на каждой галере находилось не менее 150 солдат.

Тактическая обстановка развертывания для боя турецкого флота, находившегося на широком плесе, была выгоднее по сравнению с условиями развертывания флота союзников, который выходил по частям из узкого прохода.

Заметив флот союзников, турки убрали паруса, и на веслах начали выстраивать боевой порядок, состоявший из центра, двух крыльев и небольшого резерва (5 галер, 25 галиот), находившегося за центром. Наиболее слабым оказалось правое крыло (53 галеры, 3 галиота) под командованием короля Александрии Мегмета-Сирокко. Сильный центр (91 галера, 5 галиот) возглавлял Али-паша, а левое крыло (61 галера, 32 галиота) — алжирский король Улуг-Али, пытавшийся охватить правое крыло союзников.

Боевой порядок союзников по плану также должен был состоять из центра под командованием дон Хуана (62 галеры), правого крыла во главе с генуэзем Дория (58 галер), левого — с венецианцем Барбариго (53 галеры) и резерва — с маркизом Круц (30 галер). Галеасы, располагавшие сильной артиллерией и большим количеством солдат, предполагалось выдвинуть вперед, с задачей отразить первый натиск врага, дезорганизовать его боевой порядок и создать благоприятные условия для атаки турок галерами.

Первая фаза боя — развертывание флота союзников и завязка боя (11–12 часов).

Правое крыло союзников под командованием Дория, стремясь выиграть фланг противника, ушло далеко вперед и оторвалось от центра, а восемь галер сицилийского капитана Кардона, находившихся перед этим в разведке, отстали. Назревала опасность распыления сил. Обстановка усложнялась еще тем, что левое крыло только выходило из пролива, а резерв сильно отстал и подошел только к 11 часам.

Дон Хуан приказал расковать гребцов-христиан и вручить им оружие. Сам же в это время на шлюпке, с поднятым крестом в руке проходил вдоль линии судов, стремясь поднять моральный дух команд обещанием от имени папы отпущения грехов.

Галеасы центра и левого крыла выходили вперед. Ветер стих, наступил штиль. Дон Хуан возвратился на флагманскую галеру и поднял сигнал «к бою».

Турки и союзники двинулись вперед. Галеасы открыли огонь и вызвали замешательство в центре турецкого боевого порядка. Али-паша вырвался вперед, за ним устремились другие галеры, а тяжелые галеасы отстали и не приняли участия во второй, решающей фазе боя.

Почти последовательно возникли три очага борьбы. Обстановка потребовала искусного маневрирования и взаимодействия частей боевых порядков.

Вторая фаза боя — окружение турками левого крыла союзников и боевые действия в центре (12–14 часов).

Левое крыло союзников по незнанию местности не придержалось к отмелям, чем воспользовались галеры правого крыла турок, которые обошли союзников вдоль берега, и атаковали их с тыла. Часть галер прорвалась в промежуток между левым крылом и центром союзников. Турецкие галеры окружили крыло Барбариго, начался абсордажный бой, в ходе которого сказались преимущества союзников в численности и вооружении. К 12 ч. 30 мин. уже завершилось поражение правого крыла турок. Окружение успеха не обеспечило.

В центре турки имели лучшие силы, и бой здесь носил особенно упорный характер. Главными объектами в центре явились флагманские галеры дон Хуана и Али-паши. Сосредоточившиеся галеры составили поле боя, которым в конечном итоге овладели

союзники. Али-паша был убит. Исход боя определен. Однако победа союзников оказалась непрочной.

Третья фаза боя — маневры Улуг-Али и Дория и завершение разгрома турецкого флота (14–16 часов).

В момент кризиса боя Улуг-Али (левое крыло турок) с большей частью своих сил внезапно повернул к центру, атаковал и смял правый его фланг. Однако союзники не растерялись. Дон Хуан, покончив с флагманской галерой противника, устремился на помощь своему правому флангу. Одновременно вступил в бой резерв союзников (Круц) и с тыла приближалось правое крыло Дория. Назревало окружение судов Улуг-Али, который плену предпочел бегство с 13 судами. Удалось вырваться и бежать еще 35 турецким судам. В ходе боя 20 галер противника союзники потопили, а 200 судов оказались их трофеями. В результате поражения турок было освобождено 12 тыс. невольников-гребцов. Союзники потеряли убитыми свыше 7 тыс. человек, не считая убитых гребцов, которых только на венецианских галерах насчитали около 2,5 тыс. человек.

В этом бою взводом испанских солдат командовал и дважды был ранен Сервантес, автор «Дон-Кихота».

А теперь сравните этот бой с морской баталией в ходе Пунических войн (Кипр здесь заменен на Сицилию сочинителем римской истории, по вполне понятным причинам):

«После победы римлян при Мильском мысе римский сенат решил перенести военные действия в Африку. Армия и флот начали подготовку к крупной десантной операции, в которой должны были участвовать 330 кораблей и сильная десантная армия. В 256 году до н.э. римляне выступили в поход. Около мыса Экном, на южном берегу Сицилии, римлян встретил карфагенский флот (350 кораблей). Произошел морской бой.

Римляне разделили свои корабли на четыре флота, что обеспечило им возможность маневрировать в бою. Боевой порядок был компактным с расчетом на осуществление мощной атаки противника. Первый, второй и третий флоты выстроились правильным треугольником. За линией третьего флота построились транспортные суда и от них были протянуты канаты к кораблям третьего флота. За транспортными судами стоял в линию четвертый флот, крылья которого выступали за впереди стоявшие корабли. По сообщению Полибия, «общий вид строя представлял подобие клина, одна часть которого у вершины была полая, другая у основания сплошная; целое же приспособлено к сопротивлению и нападению, и в то же время разорвать строй было нелегко»^{*}.

Боевой порядок карфагенского флота в целом был вытянут в одну линию. При этом правое крыло состояло из быстроходных кораблей и выдавалось далеко в море, чтобы охватить левое крыло боевого порядка римлян. Левое крыло карфагенского флота имело форму крюка.

Первый этап боя — атака римлянами центра боевого порядка противника и контратака карфагенян.

Увидев длинную тонкую линию боевого порядка карфагенян, римляне устремились на их центр. Но по приказанию начальника левого карфагенского крыла корабли, составлявшие центр, быстро обратились в бегство. Римляне стали их преследовать, в результате чего первый и второй римские флоты оторвались от третьего и четвертого флотов, тянувших за собой и охранявших транспортные суда.

Когда два римских флота удалились на значительное расстояние от третьего и четвертого флотов, отступавшие карфагенские корабли повернули назад и контратаковали преследовавшего их противника. Завязался ожесточенный бой, в котором перевес был на стороне карфагенян, так как их боевые корабли хорошо маневрировали.

Второй этап боя — атаки главных сил римского флота крыльями боевого порядка карфагенян.

Правое крыло карфагенян атаковало четвертый римский флот, а левое их крыло напало на третий флот, тянувший транспортные суда. Римляне сбросили канаты и вступили в бой. Образовались три очага морского боя — два на флангах и один в центре.

Когда в центре корабли карфагенян были оттеснены, второй флот римлян поспешил на помощь своему четвертому флоту. Опасность окружения заставила карфагенян начать отступление в открытое море.

Командир первого римского флота заметил, что левое крыло карфагенян прижало к берегу третий флот римлян с транспортными судами, и поспешил им на помощь.

^{*} Полибий. I, 26.

Карфагенские корабли были окружены. Римляне захватили 64 корабля и свыше 30 кораблей потопили. Карфагеняне потерпели поражение.

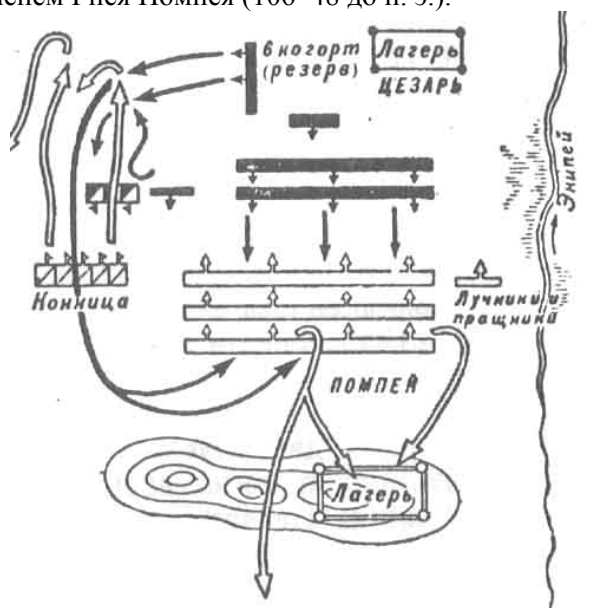
Бой у мыса Эконом показал превосходство хорошо маневрировавших в бою карфагенских кораблей. Но преимущество оказалось на стороне римлян, составные части боевого порядка которых хорошо взаимодействовали. Римские начальники флотов, имевшие успех, проявляли инициативу и своевременно приходили на помощь в те пункты, где римляне терпели поражение.

В результате победы при мысе Эконом римляне беспрепятственно высадили десант в Африке и начали завоевание карфагенских городов. В первые месяцы после высадки римлянами десанта из Африки в Италию было отправлено около 20 тысяч рабов (военнопленных)».

Любопытно, что победителем турок при Лепанто итальянцы считают человека с «древнеримским» именем Марк Антоний Колонна. Но может ли такое быть, спросит читатель, чтобы в одном случае (одной проекции, или отражении) проиграли римляне, а в другом (в случае другой проекции) — их противники, а римляне бы победили. В литературном произведении — очень даже может быть! Это можно увидеть на примере истории Чингисхана, когда в разных монгольских (!) повествованиях («источниках») в одном и том же сражении ему приписывают и победу, и поражение.

Бой под Фарсалом

Один из видных героев европейского Средневековья — Карл Анжуйский (1226–1285), сражавшийся с Гогенштауфенами за Южную Италию. Но он же был и основным противником императора Греции Михаила VIII Палеолога. У нас есть подозрения, что он вошел в историю еще и под именем Гнея Помпея (106–48 до н. э.).

Бой под Фарсалом 48 года до н.э.

«По сообщению Цезаря, — пишет Е.А. Разин, — армия Помпея имела 45 тысяч человек пехоты и 7 тысяч кавалерии. В армии Цезаря насчитывалось 22 тысячи человек пехоты и 1 тысяча кавалерии. Но если учесть приведенные Цезарем данные о потерях (200 человек у него и 15 тысяч убитых в армии Помпея), то станет совершенно очевидным, что цифры Цезаря далеки от истины. Другие источники говорят о том, что у Помпея было 30 тысяч пехоты и около 3 тысяч всадников, а у Цезаря 30 тысяч пехоты и около 2 тысяч всадников. Таким образом, армия Помпея имела численный перевес, но не такой большой, как сообщал Цезарь.

Боевой порядок армии Помпея, по свидетельству Фронтин, состоял из трех линий, в каждую из которых входило по 10 шеренг, так что общая глубина построения достигала 30 шеренг. На правом крыле находился киликийский легион, усиленный когортами, прибывшими из Испании; это были самые надежные войска. В центре находились два сирийских легиона. Левое крыло составили два легиона, переданные Цезарем Помпею по постановлению сената в начале их борьбы. Около двух тысяч добровольцев-ветеранов было распределено по всему фронту. Вся конница, лучники и пращники построились на левом фланге.

Правый фланг боевого порядка упирался в ручей Энпией с крутыми берегами. Помпей находился на левом фланге. Семь когорт были оставлены для охраны лагеря.

Помпей приказал своим легионам ждать атаки противника, не двигаясь с места. «Говорили, что такой совет дал ему Г. Триарий, указавший, что первый бурный натиск неприятельской пехоты должен будет сломиться, фронт растянется и только тогда его солдаты должны будут в сомкнутых рядах напасть на разрозненные неприятельские части. При этом он (Помпей) надеялся, что неприятельские копья будут причинять меньше вреда, если солдаты останутся в строю, чем если сами пойдут навстречу неприятельским залпам, а вместе с тем солдаты Цезаря от двойного пробега дойдут до полного изнеможения. Но, по нашему мнению, — пишет Цезарь, — Помпей поступил без всяких разумных оснований: ведь у всех людей существует как бы врожденная возбудимость и живость, которая еще более воспламеняется от желания сразиться. Этот инстинкт полководцы должны не подавлять, но повышать. Недаром издавна установился обычай, по которому со всех сторон раздаются сигналы и все до одного поднимают крик: предполагается, что это устрашает врагов и возбуждает своих»*. Контратакуя с фронта расстроенные легионы противника, Помпей полагал своей конницей и легко вооруженной пехотой одновременно нанести удар во фланг и тыл наступавшим легионам Цезаря.

Боевой порядок армии Цезаря состоял также из трех линий. Правое крыло составлял его лучший 10-й легион, левое — 8-й и 9-й легионы, понесшие значительные потери в предыдущих боях; в центре находились остальные легионы. Левый фланг упирался в ручей Энпией, на правом фланге стояла конница, усиленная легко вооруженной пехотой. Опасаясь за свое правое крыло, Цезарь взял из третьей линии по одной когорте, и создал четвертую линию: шесть когорт построил за своим правым флангом под прямым углом к фронту, а из остальных составил небольшой резерв. Этим шести когортам были даны специальные указания о действиях совместно с конницей; при этом Цезарь сказал, что победа зависит исключительно от храбрости этих когорт. Третьей линии было запрещено идти в атаку до особого сигнала.

Первый этап боя — наступление легионов Цезаря, атака ими пехоты Помпея и бой конницы.

Легионы Цезаря стремительно бросились вперед, на полпути остановились для небольшой передышки, затем снова побежали, пустили копья и обнажили мечи. Легионы Помпея выдержали атаку, а затем пустили в ход свои копья и взялись за мечи.

В это время двинулись вперед находившиеся на фланге конница Помпея и легко вооруженная пехота, под натиском которых конница Цезаря стала отходить.

Второй этап боя — внезапная фланговая атака резервных когорт Цезаря и поражение конницы Помпея.

Казалось, что конница Помпея успешно преследует конницу противника. Но когда она вышла на линию шести когорт, скрытых Цезарем за своим правым флангом, она была внезапно атакована ими и одновременно контратакована с фронта конницей Цезаря, прекратившей отступление. Конница Помпея была разбита, его легко вооруженные пехотинцы перебиты, левый фланг пехоты из-за отсутствия резерва оказался небезопасным.

Третий этап боя — атака армией Цезаря пехоты Помпея во фланг с одновременной атакой с фронта.

Разбив конницу Помпея, ударная группа Цезаря вместе с конницей атаковала пехоту противника во фланг. В это время стоявшей на месте третьей линии был дан сигнал броситься вперед. Легионы Помпея не выдержали комбинированной атаки с фронта и во фланг и бросились бежать к своему лагерю.

Когда Помпей увидел, что его конница разбита, он направился в лагерь, оставив на произвол судьбы свои легионы. Из лагеря он с личной охраной поскакал в Ларису, а затем к морю, где сел на корабль и отплыл сначала на остров Лесбос, а потом в Египет.

Легионы Цезаря с хода атаковали лагерь противника и взяли его. Остатки армии Помпея отступили на близлежащую гору, а затем устремились к Ларисе. Цезарь оставил часть сил для охраны своего лагеря и захваченного лагеря противника, а сам с четырьмя легионами пошел наперерез помпеянам. К вечеру ему удалось перерезать противнику пути отступления, а на рассвете остатки армии Помпея сложили оружие. Цезарь, по его собственным данным, взял в плен 24 тысячи legionаров, включая плененных в бою, в лагере и в

* Юлий Цезарь, Гражданская война, III. 92.

редутах. Много помпейцев, по его же сообщению, бежало в соседний город. Это никак не согласуется с названной Цезарем цифрой — 15 тысяч убитых.

Под Фарсалом исход боя фактически решил внезапный удар общего резерва армии Цезаря. Таким образом, резерв стал не только средством парирования случайностей, как это было раньше, но и средством достижения победы. Третья линия боевого порядка армии Цезаря также сыграла важную роль, оказавшись линией поддержки: она атаковала изнуренного противника с фронта, в то время как во фланг его атаковали конница и отборные когорты. Но такая комбинированная атака была возможна лишь при отсутствии резерва в боевом порядке Помпея и управления ходом боя. Помпей был только наблюдателем в первые этапы боя и, когда увидел неблагоприятный исход, скрылся в своем лагере. На его стороне было численное превосходство, к тому же он имел третью линию боевого порядка, силами которой можно было парировать обходный маневр когорт противника. Но Помпей не использовал имевшихся у него возможностей для нанесения поражения легионам Цезаря.

В первый период Гражданской войны Помпей допустил крупную политическую и стратегическую ошибку, когда покинул Рим, даже не попытавшись сосредоточить там свои силы. Второй его ошибкой было то, что он бросил на произвол судьбы свои легионы в Испании. Используя промахи Помпея, Цезарь захватил стратегическую инициативу и уничтожил его войска по частям. Сам Цезарь также разбрасывал свои силы, но Помпей не сумел этим воспользоваться. Он с начала и до конца первого периода войны действовал оборонительно, не пытаясь вырвать у противника стратегическую инициативу».

I век до н.э., по «римской» волне синусоиды, приходится на конец XIII века. Мы находим два поражения Карла Анжуйского в Фессалии от войск Михаила Палеолога в 1271 и в 1281 году, которые могут быть отождествлены с описанной выше битвой. Но в отличие от античных описаний эти, средневековые, очень короткие.

Вот один из этих случаев в изложении Ф. Успенского:

«По смерти старого эпирского деспота Михаила (1271) Карл (Анжуйский) успешно действовал в Албании... Дипломатическая борьба между Карлом и Палеологом охватила весь Балканский полуостров с соседней Венгрией. В последней (Михаил VIII) Палеолог одержал победу. Политические отношения по обычаю времени завершались браками между членами династий. Стефан Венгерский, в жилах которого текла кровь никейских царей, выдал дочь Анну за наследника греческого престола Андроника (1272)».

Более интересен второй случай. Ф. Успенский:

«Карл (Анжуйский) получил свободу действий и отправил в Албанию сильные подкрепления своему полководцу Руссо де Сюлли, который осадил Берат. Перевес сил Карла на суше казался бесспорным, но неожиданно для него великий домоestik Михаил Тарханиот разбил Сюлли и взял его в плен (1281). Такой успех рассматривался в Константинополе как спасение... Пока Карл собирал людей, корабли и военные припасы, возлагая на своих подданных тяжкие жертвы, Михаил (Палеолог) через своего генуэзского вассала Цаккарию Фокейского искал помощи у врагов Карла в Европе... Сицилийская «вечерня» (1282) похоронила планы Карла о походе на греческий Восток».

Ф. Грегоровиус дополняет:

«Теперь именно Карл (Анжуйский) достаточно расширил свои дипломатические связи и военные средства, чтобы совершить давно намеченный поход на восток. Герцог Афинский (Гильом Вилльгардуэн) должен был также для этого выставить снабженные войском галеры. Осуществление цели великого предприятия, — завоевания Константинополя и восстановления латинской империи под скипетр Анжу, — казалось, было обеспечено благодаря союзу, заключенному королем 3 июня 1281 г. в Орвието с папой Мартином IV, а также с Венецианской республикой. Тут произошла чреватая последствиями Сицилийская вечерня. Михаил VIII (Палеолог), предлагавший свою помощь этому перевороту, сразу почувствовал себя свободным от угрожавшей ему опасности. Сицилийская революция одним ударом уничтожила великие предначертания Карла».

Возможно, если бы не литературные произведения вроде «Гражданской войны» Юлия Цезаря, мы бы вообще не имели детальных описаний подобных сражений. Насколько они правдивы, трудно судить. Еще одно изложение дает нам Исидор Севильский (570–638) в «Истории о царях готов, вандалов и свевов»:

«В войске Помпея сражались эфиопы, индусы, персы, мидяне, греки, армяне, скифы и иные восточные народы, собранные против Юлия, однако мужественнее всех сопротивлялись Цезарю готы... Ведь их даже Александр велел избегать, их боялся Пирр, и Цезарь страшился». Готы — что удивительно, через два столетия после Цезаря, жили на

альпийских горах, ученые (но не современные) привыкли чаще звать их «геты». По «римской» волне века готов и Цезаря совпадают.

Битва при Фарсале в изложении А. Васильева:

«...между Карлом (Анжуйским), титулярным латинским императором (Балдуином II) и Венецией в 1281 г. заключен договор «для обратного отвоевания империи Романии, которая находится во владении Палеолога». Против Византии создалась огромная коалиция: войска из латинских владений на бывшей территории империи, из Италии, из родной Карлу Франции, венецианский флот, папа, сербы и болгары. Казалось, Византийское государство стояло на краю гибели, а Карл Анжуйский, этот, по словам одного историка (Нордена), «предтеча Наполеона в XIII веке» стоял на пороге всемирного могущества».

Здесь прямо византийский престол в конце XIII века ассоциируется с всемирным могуществом! И кстати, предтечей Наполеона оказывается не Цезарь, а Карл Анжуйский.

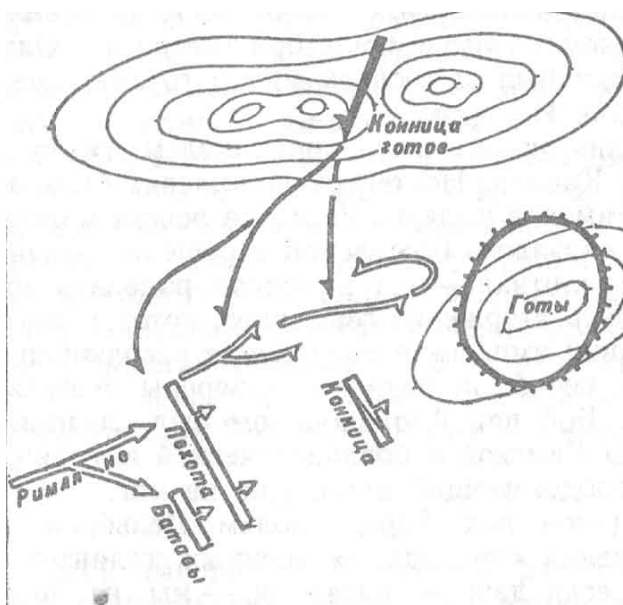
Мы не сомневаемся, что Галльская война, выигранная Цезарем — это борьба кесаря Михаила VIII Палеолога с французами на Балканах. Разумеется, Галльская война имеет мало общего с действительными событиями конца XIII века, потому что она — литературный вымысел. Однако воображение неизвестного автора должно было питаться реальностью. Это закон творчества. Поэтому мы говорим об *отражениях* и *оригиналах*. Но между таким «оригиналом», угодившим в официальную историю, и действительно произошедшими событиями могут быть большие разногласия.

Захват Адрианополя

В XIV веке турки заняли большую часть Балканского полуострова и в 1361 году захватили Адрианополь, который вскоре превратили в свою столицу. Предшествовала ли осаде какая-нибудь битва у стен города, историки молчат. Изложение событий по Ф. Грегоровиусу:

«Так как император Кантакузен нуждался в помощи султана, своего зятя, то он вынужден был ограничиться бессильными фразами против захвата Сулейманом фракийских городов. В таком же положении был Иоанн V Палеолог. Ему удалось в 1355 году овладеть Константинополем и устранить своих противников. Император Кантакузен сложил корону, чтобы закончить свою бурную жизнь смиренным монахом в Спарте... Мурад I, сын умершего в 1359 году Орхана, мог еще удачнее продолжать завоевания отца. Осадив Адрианополь и овладев знаменитой фракийской метрополией, он сделал ее в 1365 г. султанской резиденцией и европейским центром монархии османов вместо азиатской Брузы, — пока это еще не могло быть сделано с Константинополем...»

Но хоть описания битвы при Адрианополе XIV века не имеется, зато известна битва с готами при том же Адрианополе в 378 году. Здесь надо повторить следующее: готы считаются германским племенем, однако еще Иордан не видел разницы между готами и азиатскими гетами. Названия этносам (готы, русы, германцы, татары) присваивались из каких-то мистических соображений и распространялись, видимо, из одного центра. На самом деле кто угодно мог называться у «древних авторов» готами.

Бой при Адрианополе 378 года.

Итак, приведем рассказ Е.А. Разина:

«Военачальник готов Фритхигерн, получив сведения о поражении одного из своих отрядов, приказал всем своим силам отступить в район Кабилэ. Позиция готов позволяла воспрепятствовать соединению войск Валента и Грациана, так как она занимала фланговое положение в отношении направления Адрианополь — Филиппополь. Но для того, чтобы напасть на Валента, готы не располагали в данный момент достаточными силами конницы. Часть готской конницы находилась далеко; она была вызвана, но еще не прибыла. Надо было выиграть время и не допустить соединения сил римлян.

Армия Валента, состоявшая из пехоты и конницы, выступила из Мелантиады и двинулась навстречу Грациану. Когда она прошла Адрианополь, разведка выяснила, что готы собираются сильными постами прервать коммуникацию римлян. Для устранения этой опасности был выделен отряд всадников и пеших стрелков, которому была поставлена задача удерживать ближайшие проходы.

В это время готы стали медленно продвигаться в направлении укрепления Ника, что восточнее Адрианополя. Передовые легкие войска Валента ошибочно определили силы готов в 10 тысяч человек; эта ошибка имела важные последствия. Готы в результате трехдневного наступления вышли на коммуникацию римлян. Поэтому войско Валента повернуло обратно к Адрианополю, подошло к нему в боевом порядке, расположилось в укрепленном лагере, защищенном палисадом и рвом, и с нетерпением стало ждать отряд Грациана.

На собранном Валентом военном совете были высказаны два мнения: одни предлагали дожидаться галльских войск, другие настаивали на немедленном вступлении в бой. «Победило, однако, — пишет Аммиан, — злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, — как они это себе представляли, — Грациана»^{}. Валент решил атаковать готов до прибытия отряда Грациана. Это решение было вызвано не только завистью Валента к своему племяннику, но и обстановкой: готы прервали коммуникацию римлян, окрестности были разорены, силы готов, по данным разведки, были невелики, и это давало надежду на легкую победу.*

Оставив обоз и вьюки у стен Адрианополя, Валент на рассвете 9 августа 378 года двинул свою армию против готов. День был знойный, воины страдали от жажды, маршируя по каменистым дорогам. Около двух часов дня римляне увидели телеги готов, которые, как донесли разведчики, были расставлены в форме круга. Валент приказал строиться для боя, но армия не могла быстро выполнить этот приказ, так как приходилось перестраиваться из походного порядка в боевой.

В это время к Валенту прибыли послы готов для переговоров о мире. Фактически Фритхигерн переговорами стремился выиграть время для того, чтобы вызванная им конница успела прибыть к началу боя.

Боевой порядок римлян состоял из двух линий: в первой — конница, во второй — пехота. Правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а левое только еще выстраивалось из походной колонны. Пехота, по определению Аммиана, являлась резервом. Но резервом фактически был отряд батавов, а пехота составляла вторую линию боевого порядка.

Пехота готов засела в укреплении из повозок, защищавших их от атак римской конницы. Готская конница была уже недалеко от поля боя.

Бой завязали стрелки и skutarii, которые самовольно выдвинулись вперед и стали обстреливать табор готов. Легкая пехота увлекла за собой левое крыло конницы, подступившей к самому табору. Атака римской конницы была отражена готами, засевшими за своими повозками. Правое крыло конницы не закончило еще построения. Пехота оказалась без прикрытия. В это время показалась готская конница. «Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути». Удар готской конницы решил исход боя: началось беспорядочное бегство солдат римской армии и уничтожение их готами. Римский император был убит.

После разгрома римской полевой армии готы осадили Адрианополь, но взять его не смогли и отступили. Затем они осадили Константинополь, от которого их оттеснила

^{*} Аммиан Марцеллин, История, кн. XXXI, 12, 7.

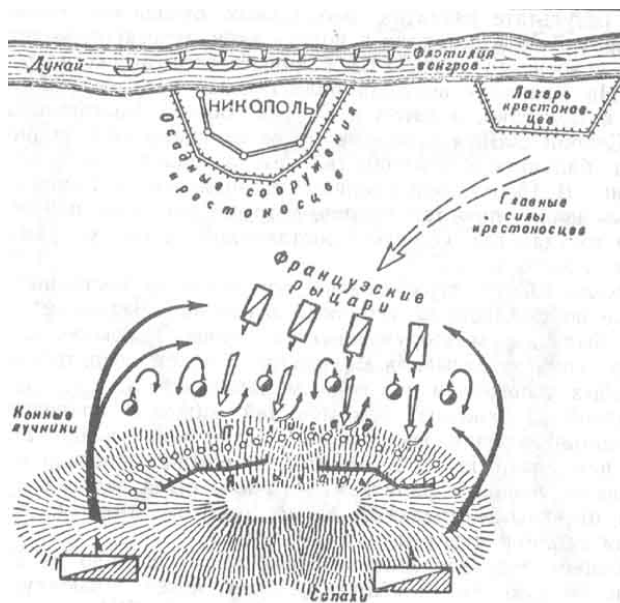
армия под командованием нового императора Феодосия. Однако Феодосий вынужден был заключить мир с готами, предоставив им для поселения Иллирию».

Как видим, в античной истории турки – готы взять Адрианополь не смогли. Ничего не говорит эта история и о сражении под Никополем в IV веке. Однако на этот раз хорошо известно крупнейшее сражение у этого города, состоявшееся в 1396 году.

Е.А. Разин пишет:

«С турками–османами вступили в борьбу феодалы западной Европы. В 1396 г. король Венгрии Сигизмунд с помощью папы Бонифация IX организовал крестовый поход против турок. Значительную часть феодального войска составляли французы (1 тыс. рыцарей и пажей, а со слугами—2½ тыс. человек). Под командованием венгерского короля объединились венгры, англичане, поляки, германцы, валахи, итальянцы. Всего выступило в поход около 10 тыс. человек. Крестоносцы двигались вниз вдоль Дуная, а транспортная флотилия везла по реке продовольствие. Без сопротивления сдался г. Видин, а г. Рахов был взят после пяти дней осады. Только Никополь оказал упорное сопротивление. 16 дней крестоносцы осаждали город, на выручку которому спешили главные силы турок.

Турецкое войско под командованием султана Баязета осаждало в это время Константинополь. Узнав о движении крестоносцев, турки сняли осаду Константинополя, и двинулись навстречу рыцарям через Адрианополь, Шипку, Тырново. 24 сентября турецкое войско разбило свой лагерь на холмистой местности в 5–6 км к югу от лагеря крестоносцев. Силы турок достигали 11–12 тыс. человек. Турки заняли позицию на высоте южнее Никополя. Янычары расположились на самой высоте во рвах, за палисадом. Впереди были рассыпаны конные лучники, за высотой укрылись «сипахи» под командованием Баязета. Боевой порядок турок был рассредоточен в глубину, опорой его являлась окопавшаяся пехота.

Бой под Никополем 1396 года

Ночью Сигизмунд собрал военный совет, на котором долго спорили о том, кому начинать бой. Французы настаивали на первенстве, желая присвоить себе славу победы. Рыцари разошлись, ни о чем не договорившись. Рано утром французы выступили из лагеря, не ожидая своих союзников.

Первый этап боя — атака турок французскими рыцарями.

Французы атаковали турецких конных лучников и, преследуя их, попали под стрелы янычар. В это время «сипахи» вышли из-за флангов расположения своей пехоты, окружили французских рыцарей и уничтожили их.

Второй этап боя — атака турок главными силами крестоносцев.

Когда французские рыцари были разбиты, на поле боя появилось остальное войско крестоносцев во главе с Сигизмундом. Турки повторили тот же маневр и разбили главные силы крестоносцев. Так по частям было уничтожено войско крестоносцев. Сам

Сигизмунд едва спасся бегством. Турки не развили своего успеха и не использовали победы. Они вновь обрушились на Константинополь».

Однако греческую столицу спасло войско Тамерлана, разгромившего войска Баязета в 1402 году в битве при Анкаре. В данном случае народы, населявшие Византийскую империю (греки, турки, «монголы») представляются историками как непримиримые враги. Нет ничего более далекого от правды! И греки, и турки, и «монголы», и «арабы», и латинские наемники воевали в одних и тех же войсках, на стороне того или иного средневекового феодала. А ведь послушать традиционных историков — византийские императоры служили в войсках своих злейших врагов.

Вот что пишет С. Дашков о будущем императоре Мануиле II Палеологе (1350–1425):

«Султан, видя в Мануиле врага, настоял вначале на передаче прав наследника его брату Андронику IV, а затем приказал именно Мануилу возглавить греческие отряды, посланные согласно вассальной обязанности Византии на подмогу туркам в Малую Азию».

Вот так: если считаешь кого-то своим врагом, тут же назначай его командовать своими войсками.

Чему верить?

Мы не знаем, проводились ли раскопки на месте битвы при Каррах, а вот на месте предполагаемого сражения при Каннах, в котором войска Ганнибала бились с римскими легионами, проводились. И что же? Швейцарский антрополог Георг Гловацки, исследовав курганы, заявил, что в них покоятся не римские воины, как считалось ранее, а останки людей, погибших в XIII веке.

Этого, конечно, мало, чтобы делать решительные выводы об ошибочности истории Каннской битвы Ганнибала с римлянами, целиком или частично. И все же основания для сомнений эти раскопки дали.

И таких случаев — когда чуть копни, и возникают сомнения в верности скалигеровской истории, — множество.

В XIV веке появляется эпическое произведение «Александрия», посвященное, естественно, Александру Македонскому:

«И пришел Александр в Трою, и встретили его с честью великой, и дары, достойные царя, вынесли ему во множестве...»

Открываем словарь-справочник «Античный мир» и с любопытством читаем, что за 3000 лет до н.э. Троя была крепостью со стенами в 3 метра толщиной, что после пожара 2500 года до н.э. ее отстроили, утолщив стены до 4 метров и добавив башен. Дальше рассказывается о последовавшем процветании Трои, о том, что в 2200 году она опять горела. Наивысший расцвет достигнут в 1800–1300 годах до н.э., — город расцветал пятьсот лет подряд, а во время Троянской войны снова сгорел. А теперь — внимание! — *«около 700 г. до н.э. на ее месте греки основали Новый Илион».*

А в 330-х годах *«пришел Александр в Трою».* Спрашивается: куда он пришел? В Трою, или в Новый Илион? ОТКУДА взяли историки и события (пожары, войны), и даты при них? С семисотого до н.э. года этот город называют Новый Илион. В этом удивительного нет; у нас у самих вместо Переславля стоит Рязань, и ничего. Но без малого полтысячи лет спустя Александр приходит не в Новый Илион, а в Трою, как об этом сообщает автор «Александрии» еще через... 1700 лет.

«Затем Александр к Риму пошел. Римляне, услышав, что идет к ним царь, пришли в смятение, охваченные великой печалью, как и афиняне, собрались на совет...»

«Александр, собрав свои войска, пошел в Персиду... и разделил царства земные. Антиоху дал Индийское царство и всю Марсидонскую и северскую землю, а Филону — Персидское царство и всю Азию и Киликию, а Птолемею отдал Египет и Иерусалим, и Палестину всю, и Междуречье, и Сирию, Селевку же отдал Римское царство, а Ламедаушу — Немецкую землю и Парижское царство».

Что-то здесь не в порядке. Не слыхивали мы раньше, чтобы Александру Македонскому поклонялись Германия и Франция. К тому же упоминание Парижского царства порождает вопросы, сходные с теми, что возникают и с Троей – Новым Илионом. Согласно обобщенным данным, которые предлагают читателю российские энциклопедии, «Париж вырос

на месте Лютеции, с III–IV вв. н.э. назывался Паризий, с конца X в. — столица французского государства». А говорить о «Парижском царстве» можно было только с X века, не раньше.

Чтобы закончить с этой темой, сообщим, что в академических изданиях можно найти упоминания и о Птоломее, и о Селевке, и об Антиохе, а вот Ламедауш, получивший от Александра «Немецкую землю и Парижское царство», отсутствует напрочь.

И кстати интересно, что IV век до н.э. (время Македонского), и III век н.э. (появление названия «парижский»), как и XIV век, подаривший миру эпос «Александрия», находятся на одной и той же линии № 6 нашей синусоиды. Да и X век относится к ней же, если смотреть по «византийской» волне. Хотя это уже можно считать натяжкой.

Повторим еще раз для ясности: синусоида не является инструментом для построения новой хронологии. Она нужна для разоблачения лживости хронологии старой, скалигеровской.

Выстроенная на основе этой «старой» хронологии история, возможно, до XVI века ни в чем, а до XVIII века в частях своих не сходится с тем прошлым, которое на самом деле было у человечества. Мы имеем не историю прошлого, а историю мнений. Ученые XVIII–XIX веков — да и нынешние тоже, — в результате кропотливых трудов и длительных раздумий давали свои, зачастую оригинальные выводы, но основная канва была уже прописана, и постольку, поскольку они оставались приверженными ей, все их труды шли в подкрепление неверной парадигмы.

Предположим, вы затеяли варить суп. Но вместо солонки поставили рядом с плитой сахарницу. И вот, суп у вас получился сладким. Но все-таки это суп. Приходят друзья, говорят, надо добавить морковки. Добавляют, — но что-то не так! Э, надо подсыпать укропу. Опять не то. Понятно, пока вы вместо сахарницы не возьметесь за солонку, ваш суп только с виду будет похож на суп. Конечно, его придется вылить, и варить снова. Что мы и предлагаем сделать с историей.

«Битва шпор» при Куртрэ.

Миниатюра из рукописи «Большие французские хроники». XIV век.

Мы наблюдаем бесконечные «стыковки» античности и Средневековья. С другой стороны, в истории самого Средневековья масса нестыковок, особенно в XIII и XIV веках, но часто даже в XV–XVI-м.

Один из примеров — путаница между императорскими династиями Палеологов и Ласкарисов в арабских источниках. В «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузен приводит документы XIII–XIV веков. Ласкарисы правили в начале XIII века, а с 1261 по 1453, византийский престол занимают Палеологи. Но арабские авторы Эннувейри, Эльмуфаддала, Ибнабдезахыра, Эддзехеби, Элайни* не называют

* Транскрипция имен Тизенгаузена.

константинопольских императоров иначе, как Ласкарисами, а про Палеологов будто и не слыхали.

Как такое может быть?

Историки скажут: раз греки зовут своего императора Палеологом, значит, так оно и есть, а арабы все перепутали. Но разве не может быть других объяснений? И потом, в других случаях они сообщениям тех же арабских авторов вполне доверяют!

Пора, пора всерьез, и с новых хронологических позиций, изучать сохранившиеся средневековые документы.

Этим занимался в 1920-х годах немецкий нотариус В. Каммайер; его книга «Универсальная фальсификация истории» была опубликована в 1935 году. Е. Габович пишет о нем:

«Конечно, В. Каммайер не был первым, кто, исследуя старинные или считающиеся таковыми документы, обнаруживал фальшивки. Заслуга В. Каммайера в том, что он узрел за потрясавшими историков и до него размерами фальсификации более или менее планомерную и массивную работу целых поколений фальсификаторов, бывших на службе у католической церкви или у отдельных феодальных правителей.

Эти фальсификаторы уничтожали несметное количество действительно оригинальных документов, заменяя их фальшивками... Главная цель этой длительной и массивной кампании по фальсификации исторических документов заключалась, считает В. Каммайер, в замалчивании дохристианской истории, в искажении (удлинении) христианской истории и приписывании ей всех достижений языческой эпохи».

Каммайер доказывал, в частности, что существование римских пап до так называемого авиньонского пленения полностью выдуманно, так как ранние подлинные документы были уничтожены, а католическая церковь еще и в XX веке занималась изготовлением фальшивых «старинных» рукописей, чтобы «доказать» при помощи новых находок древность уже известных документов. К сожалению, работы В. Каммайера не переведены на русский язык. Но историки невольно подтверждают его выводы. Например, А. Волков пишет в статье «Можно ли верить документам Мерovingов и Каролинггов?»:

«События жизни Хлодвиг известны нам в основном по «Истории франков» Григория Турского... В его «Истории» даты безбожно перевраны, одни рассказы противоречат другим. На ее страницах Хлодвиг, как отмечают историки, даже умирает трижды... И эта «История» — основа наших представлений о раннем Франкском государстве!... Но неужели не сохранилось иных письменных актов, позволяющих навести хоть какой-то порядок в забытом прошлом? Увы, знакомство с ними разочаровывает... Исследования показали, что три известные нам грамоты, подписанные именем Хлодвиг (вот он, осязаемый факт в тумане прошлого!) на самом деле были состряпаны лет через семьсот после смерти монарха».

Династия Мерovingов отнесена историками на 481–751 годы. Прибавив 700 лет, выйдем на XII–XIII века. Вот это уже действительно близко к реальному началу Французского государства.

Также немецкий историк Тео Кольцер, обследовав десятки собраний старинных манускриптов, установил, что доля фальшивок среди 194 документов, сохранившихся от эпохи «темных веков», превышает шестьдесят процентов. Его соотечественник Марк Мершовски, проверив 474 официальных актов Людовика Благочестивого (778–840), отверг 54 документа. Около трети документов с именем Карла Великого даже официальная наука считает подделками.

А. Волков пишет: *«Побывав материалом в чьих-то руках, история досталась нам изрядно потраченной. От нее сохранились крупницы. Всё прочее — литература».*

Так, для узаконивания претензий Бурбонов на французский престол, древность их рода была протянута вплоть до искомого пересечения с линией Капетингов-Валуа во глубине веков. А ведь по заказу Бурбонов работал и основоположник «научной» хронологии Иосиф Скалигер. Это он и его предшественники из Византии (Матвей Властарь и др.) создали концепцию всемирного исторического развития.

«Фальсификации письменных источников, — пишет В. Козлов в книге «Тайны фальсификации», — осуществлялись на фоне развития исторической науки, подчас как бы «провоцировавшей» изготовление подлогов... Очень трудно избавиться от фактов из подделанного документа, «вписывающихся» или эффектно подтверждающих концепцию, сложившуюся на основе изучения подлинных и достоверных источников».

Историки — самые наивные люди на Земле. Они верят выдумкам.

ИЗ ДРУГИХ «ДРУГИХ ИСТОРИЙ»

Нами написано уже много книг, показывающих эволюцию человечества более непротиворечивой, нежели это делает традиционная история. Мы исследовали историю искусства, литературы и науки. Вышли в свет книги «Другая история Руси» и «Другая история Средневековья». Практически в каждой из них так ли, иначе, затрагивались вопросы войны и мира. И вот, здесь мы решили поместить несколько глав из наших предыдущих книг, исходя из того, что не все, интересующиеся историей войн, брали в руки, например, «Другую историю литературы». В некоторых случаях текст изменен или сокращен.

Оружие и доспехи *

Чтобы без подготовки приступить нам к разговору о параллелях в вооружении «древних» и средневековых воинов, предлагаем выдержку из книги Юлия Цезаря (101–44 до н.э.) «Записки о галльской войне». Война эта относится к линии № 5 или даже к началу линии № 6, то есть к концу XIII – началу XIV веков. По стилю это «древнее» описание боевых действий ничуть не хуже средневековых описаний:

«81. По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашиинника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашиинник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще готовят штурм. В то же время Верцингеториг, услышав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам (От немецкого Schanze — окоп, укрепление. — Авт.), и свинцовыми пулями. Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших редутов и по мере надобности посылали их на помощь».

Когда в средневековом тексте, посвященном древности, встречается слово «артиллерия», историк-комментатор немедленно поясняет читателю, что этим словом автор по незнанию называл «военные машины для метания стрел, камней и балок, каковыми были баллисты, и более легкие катапульты и скорпионы». Ведь средневековый писатель, в отличие от современных комментаторов, скалигеровской версии истории не знал, и его рассказы требуют уточнений. Но вот мы видим, что Цезарь упоминает свинцовые пули. Вы думаете, историки не сумеют вывернуться? Еще как сумеют! Они объясняют, что под свинцовыми пулями мы должны понимать вовсе даже не пули, а куски свинца размером с куриное яйцо, которые вместо камней кидали из пращи.

Но, во-первых, пращи тут же упомянуты Цезарем как отдельный вид вооружений. Во-вторых, подобное объяснение — что «пулями» пуляли из пращи, означает: непобедимая римская пехота тащила с собой в поход тяжеленный груз свинцовых шариков, предварительно потратив немало трудов для их отливки, хотя могли бы ограничиться сбором камней. А затем бойцы перебрасывали «шарики» противнику, чтобы получить их обратно себе на голову. Не проще ли предположить, что речь идет именно о пулях для ружей, а действие происходит в средневековье? Порох был применен в огнестрельном оружии впервые в 1319 году, — но стреляли сначала, как это ни удивительно, камнями! А первые свинцовые пули действительно были размером с куриное яйцо. Зачем же нам доказывают, что пули отливали из свинца, чтобы кидать вручную из пращи? Возможно, от таких-то вот комментаторов и пошло ироническое выражение «отлить пулю».

* Из книги «Другая история литературы».

И еще: как же нам быть с редутами, кои тоже упомянуты Цезарем? «РЕДУТ (франц. redoute), полевое фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, подготовленное к круговой обороне. Редуты являлись опорными пунктами в системе укрепленных позиций. Использовались в 16 – нач. 20 вв.» (Большой Энциклопедический Словарь). В тексте Цезаря это слово никак не объясняется; впрочем, возможно, оно неправомерно вставлено переводчиком. То же самое можно сказать о слове «шанцы». Мы его, кстати, встречаем у Иосифа Флавия (37–100) в «Иудейской войне»:

«До тех пор, пока они еще держались, они не имели много мертвых; но как только показали тыл, многие из них пали от руки иудеев, а другие были растоптаны своими же бежавшими товарищами. Пять тысяч человек легло на пути бегства; остальная масса спаслась за шанцы».

Он же пишет: *«До начала битвы цари пытались через герольдов переманить друг у друга отдельные отряды».* А мы открываем тот же БЭС и читаем: «ГЕРОЛЬД, в Западной Европе в Средние века глашатай на торжествах, рыцарских турнирах и тому подобном». Средневековый анахронизм у древнего автора? Или автор не так «древен», как принято считать?..

Мировая литература сохранила поэтическое описание той же самой гражданской войны, о которой пишет Цезарь. Марк Анней Лукан (39–65 годы) в седьмой книге поэмы «Фарсалия» пишет:

Каждое племя спешит со своим оружием в битву,
Римлянин — каждому цель: там стрелы летят отовсюду,
Факелы, камни летят и от воздуха жаркие ядра,
Что расплавляются в нем, разогретые грузным полетом.
Тьмы итурейцев, мидян и вольные шайки арабов,
Грозные луки у всех и стрелы пускают не целясь;
Мечут их в небо они, что над полем раскинулось битвы.
Сыплются смерти с небес; обагрен, не творя преступленья,
Тот чужеземный булат; беззаконие все собралось
К дротикам римским теперь: весь воздух заткан железом,
Мрак над полями навис от стрел, несущихся тучей.

Можно представить себе, как в пушку закатывают холодное ядро, пушка стреляет, ядро нагревается, — и от выстрела, и, возможно, в полете от воздуха. Если ядро толкнул рукою воин, то нагреться оно никак не успеет, потому что всего полета ему метров 15; современные мировые рекорды в толкании ядра едва превышают 20 метров. К сожалению, нет сейчас соревнований по использованию пращи, и мы не знаем, как далеко летело бы ядро, пущенное из пращи. Литературоведы тоже этого не знают, что не мешает им делать предположение, что речь идет именно о праще, и комментировать это место у Лукана таким образом:

«О том, что свинцовые ядра, пускаемые из пращи, будто бы накалялись и даже плавились при полете, упоминается и у других древних авторов. Так, например, Лукреций (VI, ст. 178 сл.) говорит:

*...свинцовые даже
Ядра, коль долго летят, растопляются в быстром вращеньи».*

В традиционном контексте заявления о нагревании, а тем более «растоплении» металлических ядер в полете не могут быть умозрительными. То есть, раз уж писатели об этом пишут, значит, видели, как происходит этот процесс, или хотя бы его завершение — падение ядра. Но скажем прямо (и с этим согласятся все, даже литературоведы), никаким механическим приспособлением, вроде пращи или катапульты, нельзя придать ядру такое ускорение, чтобы оно не то что растопилось, а даже нагрелось в полете.

А представить себе такой процесс, предугадать его, ни разу не видев наяву, невозможно. Вплоть до эпохи «Возрождения» люди не понимали, что такое воздух, они его попросту не замечали, и уж конечно не могли себе представить, чтобы трением о воздух что-либо могло нагреваться, ибо не было достойных скоростей. Вопросы динамики до времен уже развитого применения артиллерии не рассматривались, люди ограничивались статикой; только стрельба на большие расстояния показала, что в баллистике надо учитывать наличие воздуха, и это — хорошо известная история, которую до сих пор никто оспаривал. Но вот, пожалуйста:

знания Лукана и Лукреция существенно превышают те, которые они должны иметь в соответствии с самой традиционной историей!

Тит Лукреций Кар (I век до н.э.), написавший о «растоплении» ядер в полете, относится к той же линии № 6 «римской» волны, что и Лукан, и Цезарь.

Всё это, во-первых, дает вам представление о достоверности истории, а во-вторых, показывает, что анахронизмы встречаются не только у средневековых авторов, путающих свое время с «древностью», но и у античных авторов. Они в ряде случаев имеют средневековые представления о народах, знают средневековое оружие, представляют себе, что такое динамика и баллистика.

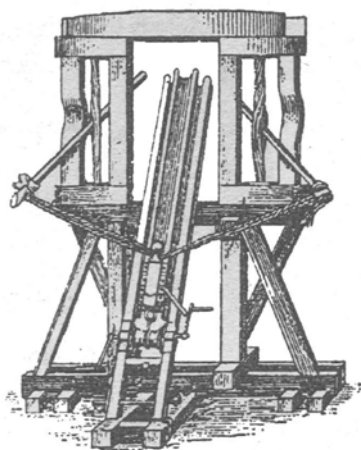
А вот в XII–XIII веках, находящихся ниже линии № 6, огнестрельного оружия не было, и Макиавелли (в XVI веке) естественно рассуждает, что было бы, если бы у древних оно было. Почему «естественно»? Потому что появление новых видов вооружений меняет стратегию и тактику, и надо понять суть изменений. Так, после появления реактивной авиации были полезными рассуждения, как подобная техника могла бы повлиять на ход второй мировой войны; в то же время было бы глупостью прикидывать, насколько полезной оказалась бы реактивная авиация Наполеону Бонапарту. (Подобными рассуждениями развлекаются теперь писатели-фантасты, но Макиавелли до фантастов не дожил.) Артиллерия появилась в XIV веке, историк (естественно) сравнивает новую ситуацию со старой, которая существовала перед этим:

«Нынче господствует мнение, что Римляне не могли бы так быстро и легко делать завоевания, покорять народы, овладевать странами, если бы в то время существовала артиллерия. Говорят, что огнестрельное оружие не позволяет теперь людям по-прежнему выказывать свою храбрость и пользоваться ею. Наконец, утверждают еще, что теперь сражения труднее, чем были тогда, и нельзя следовать военным правилам древних, а со временем даже участь боя будет решаться исключительно артиллерией. Я считаю нужным рассмотреть, справедливы ли эти мнения, насколько артиллерия увеличила или уменьшила силу армий и мешает ли она или помогает хорошим полководцам действовать искусно.

Начнем с первого мнения, будто войска древних Римлян не могли бы сделать таких завоеваний при существовании артиллерии. На это я замечу, что на войне всегда приходится или наступать, или защищаться: рассмотрим же сперва, чему больше помогает или вредит артиллерия — атаке или обороне. Хотя в обоих случаях могут быть разные условия, но, говоря вообще, я полагаю, что артиллерия гораздо больше вредит обороняющемуся, чем наступающему.

Обороняющийся всегда находится или в крепости, или в укрепленном лагере. Крепости обыкновенно бывают невелики; в таком случае защитники их должны неизбежно пасть, потому что перед силой артиллерии не устоит никакая стена и самая толстая может быть разрушена в несколько дней; защитники крепости, находясь в тесном пространстве и не имея места, где можно было бы вырыть новые рвы и воздвигнуть новые укрепления, необходимо должны погибнуть; они не могут удержать напор неприятеля, входящего в брешь, и даже артиллерия их не принесет им большой пользы, ибо дознано, что артиллерией нельзя удержать быструю и сильную атаку массой.

Вот почему наши крепости не выдерживают бурных приступов живущих по ту сторону гор, а выдерживают нападения итальянцев, которые идут в атаку не массой, а врассыпную и потому справедливо называют свои сражения scaramisсе — стычками. Люди, идущие в атаку на брешь против артиллерии в таком беспорядке и так холодно, идут, конечно, на верную смерть, и против них артиллерия имеет страшную силу; но войска, идущие на брешь плотной массой, где один увлекает другого, ворвутся всюду, если их не удержат рвы и окопы, и артиллерия их не остановит; разумеется, они понесут урон, но не такой, чтобы он помешал им победить».

Древнеримская баллиста

Герман Вейс («История цивилизации») пишет, что итальянское вооружение в Средние века следовало «древнеримским образцам», в то время как в Испании оружие дольше всего сохраняло следы мавританского влияния, но христианское население в вооружении, как и в одежде, все больше подражало французам. Историка всё это не удивляет, а мы спросим: как же так, ведь ранее, говоря об XI веке, он же сам говорил, что в Европе почти не осталось следов римского оружия, так как воины в том веке использовали в основном меч вместо римского длинного копья и тяжелого дротика.

Вся несуровица пропадает только в случае, если от XI века и начинать достоверную историю вооружений, не впадая в фантазии о забывании-вспоминании столь важных вещей, как защита собственного тела в вооруженных стычках.

Совершенствование оружия и приемов боя требовало новых защитных одежд. *«Такому требованию полностью соответствовала кольчуга, использовавшаяся еще римлянами, у которых позже ее позаимствовали древние галлы»*, пишет историк. А после галлов кольчугу и другие римские штучки использовали французы, а у них опять «позаимствовали» идею итальянцы. Понятно, что Вейс противоречит сам себе, ибо его данные расходятся с хронологией:

«В конце XIII в. появилось новое вооружение, превосходившее прежнее не только удобством и красотой, но и прочностью. Оно представляло собой соединение рубашки без рукавов с почти забытым чешуйчатым панцирем».

Но именно такие панцири мы видим у римлян! Почему же они были «почти забыты»?

Цельные металлические доспехи появились лишь с изобретением пороха и применением его в военных целях. Если в XIII веке в итальянских регионах, «подражающих» древним римлянам как в гражданских модах, так и в оружии, металлическое вооружение было относительно легким, так что полные доспехи весили не более 30–40 фунтов, то затем вес их стал значительно увеличиваться. С конца XIV века доспехи стали делать толще, особенно кирасу.

Огнестрельное оружие появилось впервые в начале XIV века, — по мнению Вейса, в Италии. Затем оно начало распространяться во Франции (не ранее середины XV века), а в Англии — при Эдуарде IV (1461 год). Пушки первоначально изготовлялись из скованных железных полос, скрепленных толстыми обручами.

Рыцари старались побороть страх перед неведомым до того смертельным оружием, укрепляя брони. Европейский рыцарь на коне превращался во что-то вроде танка мощностью в одну лошадиную силу. «Римляне» тоже, как становится ясным из хронологически правильно прочтения текстов, совершенствовали ручное огнестрельное оружие. Так началась гонка вооружений, когда все стороны по необходимости улучшали оружие и доспехи, средства нападения и защиты.

В XVI веке уже знали не только пушки, но и две основные формы ручного огнестрельного оружия. Они повсеместно были на вооружении войск: легкий мушкет с коротким стволом, из которого можно стрелять с руки, и тяжелая аркебуза со стволом до 5 футов, из которой стреляли с помощью подпорки (сошки), заряжавшаяся пулями очень большого калибра, размером с куриное яйцо. Вместо подпорки могли использовать высокий

щит с вогнутой верхней частью. Хотя до XVII века в Западной Европе пехота носила металлические кирасы, шлем и набедренники, все же личная защита при переходе от преимущественно рукопашного боя к огневому перестала быть приоритетной. По мере распространения огнестрельного оружия оборонительное вооружение теряло свое значение, начали развиваться средства коллективной защиты: редуты, шанцы, окопы и траншеи.

Описание римского и греческого оружия, сделанное Вейсом, при всем его старании во многом совпадает с описанием средневекового оружия. Конечно, это никого уже не удивляет, потому что все привыкли к тому, что тупые средневековые вояки только и делают, что вспоминают выдающиеся изобретения гениальных древних.

«Воинское облачение римлян во времена Сервия Туллия состояло из тех же частей, что и облачение греков, т.е. из щита, шлема, нагрудника и поножей. О различии между римским и этрусским оружием и снаряжением свидетельствуют бронзовые щиты, в частности, найденные в этрусской гробнице», — пишет Г. Вейс об истории вооружений в веках, находящихся на линиях № 5, 6 и 7 нашей синусоиды.

У этрусков щиты были круглые (те самые, которые нашли в гробнице), у римлян первоначально четырехугольные. Позднее, как пишет Ливий, форма щита изменилась, они стали восьмиугольными. Легкие войска были вооружены круглым кожаным щитом, называвшимся «парма». При императорах он был заменен овальным с металлической накладкой. Вместо шлемов использовали шапки из меха или кожи, а во времена республики шапки заменили металлическим шлемом с плюмажем из конских волос:

«По словам Вегеция, это украшение, снимавшееся во время похода, носили только предводители войска и центурионы. По свидетельству Арриана всадникам во времена императора Адриана были даны позолоченные шлемы с забралом и длинной красной гривой».

Эти шикарные военные доспехи с плюмажами — отличительный знак линии № 6–7, реальный XV–XVI век.

«Римское название кирасы — лорика — дает основание для предположения, что первоначальное римское вооружение было кожаным», — пишет Вейс. Потом эти кожаные кирасы стали покрывать на плечах и вокруг туловища металлическими пластинками. Кольчуги и чешуйчатые кирасы составляли облачение отборных отрядов и высших воинских чинов.

«При Траяне (конец XIV — начало XV века по «римской» волне) вооружение римского войска изменилось, оно стало легче и удобнее. На относящихся к этому времени изображениях солдаты одеты в простые рубашки или в короткие кожаные куртки, полное вооружение больше не встречается, хотя кираса еще преобладает... В коннице также не все солдаты одеты в кирасы... При Адриане (XV реальный век) тяжелое вооружение было отменено, а шлем и кираса заменены ... паннонкой иляпой и кожаным казакином (!)».

Если встать на точку зрения историков-ортодоксов, то Траяна и Адриана придется признать предателями и изменниками, разоружившими римскую армию во II веке н.э. Если же понять, что это — XV век, становится ясным, что солдаты первых четырех рядов были вооружены каждый не «тяжелыми дротами, большим и малым», а ружьем и пистолетом, хотя остальные ряды имели длинные мечи и копья. И в это время, как уже сказано, происходил переход от личной защиты к коллективной, поскольку металлические доспехи не защищали от огневого удара, а только затрудняли маневр.

Галлы во времена императоров носили медные шлемы и нагрудники. *«Нагрудники состояли из металлических полос, укрепленных, вероятно, на кожаной подкладке (совершенно по-восточному); точно так же и шлемы (и это подтвердилось найденными в могилах шлемами) были кожаные, обитые металлическими полосами с украшениями в виде рогов, птиц и четвероногих животных».*

Так что украшали себя древние галлы на манер средневековых рыцарей, а вооружены были дротиком и пращей, а также луком со стрелами. Кроме того, каким-то необыкновенным предметом вроде дротика, который заканчивался металлическим яблоком с шипами. Перед броском его обыкновенно раскаляли на огне. Вам не кажется, что это описание ручной гранаты?

Г. Вейс продолжает: *«Вооружение в X и XI веках оставалось почти неизменным, как и в последующее время, вплоть до самого падения империи».* Стало быть, оно не менялось от античности и на протяжении почти полутора тысяч лет?!

«В качестве примера вооружения, носящего четко выраженный греческий характер, укажем на несколько изображений всадников, а образцом позднейшей монголо-русской формы его могут служить разные виды оружия XV века».

Судя по изображениям, найденным в основном в Херсонесе Таврическом, особенно по изображениям боспорских и скифских воинов, видно, что у многих степняков, например, донских казаков, калмыков, татар и пр., одежда и вооружение с незначительными изменениями сохранилась и до более позднего времени... В пользу этого говорит значительное сходство простонародной одежды русских мужиков с одеждой парфян и других родственных им племен, изображения которой часто встречаются на древнеримских памятниках».

Итак, в раннем Средневековье внешний вид одетых людей и на западе, и на востоке Европы мало чем отличался от времен баснословной «старины» и «древности», да к тому же люди стремились древности подражать:

«Судя по изображениям вооруженных воинов, помещенных в... рукописях, в эту эпоху в войсках вновь появилось древнейшее римское защитное вооружение... О форме и устройстве такого вооружения свидетельствуют миниатюрные рукописи, охватывающие период не позднее второй половины IX в., в том числе рукописи времен императоров Лотаря и Карла Лысого, находящиеся в Париже, и Библия Св. Павла, хранящаяся в настоящее время в Церкви Св. Каликста в Риме».

На Востоке при изучении костюма и оружия мы тоже постоянно встречаемся с теми же анахронизмами, как и на Западе. Здесь исследователя подстерегают сюрпризы:

«Цари из династии Сасанидов (III – VII века н.э.) имели обыкновение украшать шлемы знаками своего достоинства, а иногда, подобно рыцарям позднейших времен на Западе, различного рода украшениями — золотыми шарами, звериными головами, крыльями и прочими предметами».

В священных писаниях (!) персов упоминаются пояс и поножи, однако эти вещи, как о том, не стесняясь, пишут историки, «встречаются только на памятниках позднейшего времени (также как и металлические наручи), а в живописных произведениях впервые появляются в XV или XVI столетии».

Можно посоветовать читателю: если у вас при изучении традиционной истории уже сложилось впечатление, что одежда в древности и в средневековье сильно различалась, то имейте в виду, что это впечатление сформировано художественными фильмами и романами. В реальности все обстояло совсем не так, как вас учили: по одежде античных и средневековых жителей нельзя отличить, да и вообще это один период истории, разделенный только неверной хронологией.

Она же подводит историков при описании вооружений народов северной Европы. Герман Вейс пишет о германцах якобы того же периода, что и «римляне», которых они «победили»:

«На фоне такого богатого выбора оружия у главных галльских племен вооружение германцев выглядит бедновато... германцы знали из оборонительного оружия только щит... Шлемом и панцирем пользовались, даже в более поздние времена, только вожди... Письменные свидетельства и раскопки могил указывают на использование каменных, бронзовых и железных палиц, очень длинных и тяжелых копий, боевых секир или топоров, ножей разной величины и даже лука и стрел... Кельты и германцы еще долго пользовались каменными орудиями, даже после знакомства с бронзовыми и даже железными орудиями».

И эти первобытные дикари в IV–V веках завоевали и культурный, хорошо вооруженный Рим, и Галлию? Читая сочинения историков, не перестаешь удивляться их наивности. Впрочем, они тут же всё объясняют (работа у историков такая): «сами римляне еще при Адриане отказались от прежнего полного вооружения как слишком для них обременительного». Ясно, императоры Адриан и Траян — предатели и изменники своей римской родины.

«Этим же обстоятельством отчасти объясняется то, что спустя несколько веков (в конце XIII столетия) пришлось заново придумывать некоторые части вооружения, отличавшиеся еще в глубокой древности весьма продуманным устройством (например, цельная металлическая кираса, покрывавшая грудь и спину, и шлем с забралом, закрывавшимся с помощью подвижных щитков)», пишет историк. XIII век — это линия № 5, времена Римской республики, то есть союза латинских герцогств и королевств на Балканах и вокруг Константинополя, по нашей версии — лет за сто пятьдесят–двести до того, как Адриан и Траян отказались от этой «новинки». А отказались они, как мы уже писали об этом, по той причине, что защита от огнестрельного оружия должна была быть принципиально иной, нежели от оружия рукопашного боя.

А как выглядели знаменитые викинги? Или, по терминологии норманистов, варяги? Оказывается, только после 1263 года «в дружине короля Магнуса каждый простой

воин носил толстый полукафтан, имел железный шишак, щит, меч, копье и лук с тремя дюжинами стрел, а каждый юнкер — полную кольчугу и самострел вместо лука... Так же, как в Византии и на Востоке, на Севере существовал обычай присваивать оружию отличного качества собственное имя, которое потом переходило по наследству из рода в род.

Судя по описаниям Цезаря и Тацита (в тексте историка-традиционалиста мгновенные перескоки с XIII века к Цезарю и Тациту — вещь обычная), щиты состояли либо из доски, либо из крепко сплетенных прутьев и имели форму продолговатого четырехугольника... Доски были преимущественно липовые, отчего эти щиты прозваны были липами. Позднее (через тысячу лет?) для крепости их часто обшивали толстой кожей и приделывали к ним обод и скрепы из металла).

Войлочными полукафтанам в качестве панциря пользовались вплоть до XIII века даже богатые воины. «Только в XII в. был принят окончательно сложившийся в Англии и на материке вид кованой одежды, или лат, состоявший из кольчужной рубахи с такими же рукавами, рукавиц, штанов, шапки, полукафтана», сообщает Г. Вейс. А еще веком раньше, хотя были уже и кольчуги, и мечи, сражались каменными топорами. Зачем же морочат людям головы наши исторические профессора, рассказывая сказки о закованных в сталь, в золотых шлемах с плюмажами «древних римлянах»?

Отправимся теперь из Европы в Африку и Азию.

«Египетское войско имело организованный вид уже в древнейшие времена царства. На гробницах 12-й и 13-й династии — за 2500 лет до н.э. — изображены войска, построенные стройными колоннами, как будто на парадном смотре».

Стройными колоннами! С песнями, знаменам! Перед нами история линий № 3–4, и этот рассказ можно отнести только к XI–XII векам, не ранее. Затем идет описание уже линий № 5–6 (XIII–XIV века):

«Но особенно сильно продвинулось развитие египетских военных сил только после изгнания гиксосов, во время войн с Азией при 18-й и 19-й династиях (1700–1200 г. до н.э.). Эти войны повлияли также и на вооружение. Во-первых, оно стало разнообразнее, вследствие чего армия была разделена по роду оружия на несколько частей; во-вторых, доброкачественнее, так как египтяне начали использовать для своего войска азиатское оружие (завоеванное или полученное в виде дани), а также сделанное по его образцу египетскими оружейниками».

«Древнейшее оборонительное оружие египтян состояло из щита и полушлема для защиты головы. Но со времен упомянутых выше войн с Азией (можно предположить, что с конца XII века) грудь и спину защищали латами, оставляя ноги и руки открытыми».

«До войн с Азией египетское войско состояло из двух главных частей: пехоты и воинов, сражавшихся с колесниц. Впоследствии к ним была присоединена конница (на памятниках древнее 18-й династии изображения лошади не встречаются)».

Это не означает, что до XIV века лошадей в египетских войсках не было. Просто египетская хронология выстроена таким удивительным образом, что получается: как только вместо ватаги родственников на бой с врагом стали выходить специально отобранные для этого люди, они сразу догадались, какой должна быть армия. Сразу знали и о необходимости дисциплины, и о полезности защитной одежды, которую начали делать едва ли не на конвейере, и о разделении на рода войск.

«Разнообразные военные сцены, представленные на ассирийских барельефах (за 2000 лет до н. э.), показывают, что ассирийское войско уже с ранних пор было разделено на несколько частей по роду оружия... Оборонительное вооружение ассирийцев состояло из щита, шишака и панциря... Шишак, который, судя по древним скульптурам, надевали только при полном вооружении и лишь тяжеловооруженные и военачальники, образовался из простой, общей всем западно-азиатским народам круглой шапки. Первоначально он делался, вероятно, из кожи и для прочности обивался металлическими обручами... Но кожу скоро заменили более прочным материалом и стали делать конусообразные бронзовые и железные шлемы... Грудь и спину защищали панцирем... Простые панцири из войлока или из проклеенного толстого холста, ставшие впоследствии (через 1500 лет, — Авт.) обычным вооружением сирийских воинов (Геродот, II, 63), имели форму узких, плотно обтягивавших тело фуфаек без рукавов...»

Ассирийское войско делилось на пеших, всадников и сражающихся с колесниц. К пешим воинам относились копейщики, лучники, пращники и метатели дротиков.

«Через много веков (!) персидский царь Кир вызвал удивление современников тем, что образовал конные полки (из-за малочисленности лошадей в Персии), заменил прежние

легкие колесницы более прочными, а воинов, сражавшихся на них, одел в крепкие панцири. Киру также приписываются организация отряда всадников на верблюдах для войны с лидийцами и введение осадных машин (Геродот, I, 80; Ксенофонт, Киропед, VI, 12; VII, 2, 4, 5)».

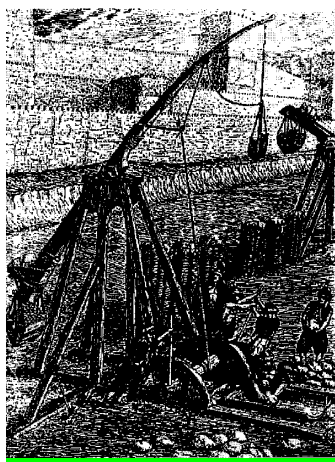
Так мы добрались до VI века до н.э. Потом наступила наша эра. Потом — VIII век, и арабы, наконец, завоевали эти земли, стучая врагов бамбуковыми палками по головам, и тыкая их ножами. В X веке наступил апофеоз арабской гонки вооружений:

«К концу X в. в дополнение к простым ручным лукам был изобретен род самострелов, которые использовались даже для боя, в открытом поле. Эти самострелы, вероятно, были только грубым подражанием ручным метательным орудиям древних римлян».

Итак, что же мы узнаем из «Истории цивилизации» Германа Вейса и других подобных книг? Что в Средние века германцы сражались каменными топорами, а над полями сражений древних римлян натужно гудели, нагреваясь в полете, пушечные ядра и свинцовые пули. Что император Адриан во втором веке н.э. разоружил римскую армию, заменив панцирь и шлем римских солдат на казакин и шляпу. Что не только порох несколько раз изобретали (в Китае и Европе) и снова забывали, но такое случалось даже с кольчугой из нашитых на кожаную основу блях и колец. Все это не укладывается в голове здравомыслящего человека. Вот почему мы выступаем против того мракобесия, которое называется сейчас «научной хронологией».

Военная техника *

...Совершенствование лука и пращи привело к изобретению военных машин. Среди них называют *катапульты*, которые метали стрелы, и *баллисты*, метавшие камни. Движителем этих машин была упругая сила канатов, свитых из воловьих жил или из волос. Считается, что военные машины — первые приспособления, размеры которых рассчитывались, причем расчетным модулем служила величина отверстия, через которое пропусклся канат. Были малые машины, метавшие камни по 0,8 кг весом, но строились и машины внушительных размеров, которые метали камни по 80–120 кг.

осажденный город

Подготовка фрондиболы для переброски снаряда в

Китайский древнейший камнемет представлял собой упругий шест, вкопанный в землю, к которому крепилась праща, несущая «снаряд» — камень. В Европе некое подобие такого камнемета называлось *фрондиболой*.

Мощной метательной машиной для бомбардировки крепостей по высокой траектории и на значительном расстоянии был *монанкомн* или, по латинским источникам, *онагр*. В основе этого сооружения лежала очень прочная горизонтальная рама с натянутым внутри него толстым жгутом, скрученным из воловьих жил или волос. В этот канат вставлялся прочный рычаг, к свободному концу которого подвешивалась праща с камнем. Посредством особых приспособлений рычаг заводился вниз, при этом витой канат приходил в боевое положение, затем освобожденный рычаг мгновенно выпрямлялся, а находившийся в праше камень выбрасывался с большой силой.

Палинтон (баллиста) также бил навесным огнем. Это устройство имело более сложную конструкцию. Внутри двух прочных вертикальных рам, по обеим сторонам боевого

* Из книги «Другая история науки».

желоба, имевшего наклон 45° , натягивались толстые канаты. В пучки витых канатов вставлялись прочные рычаги, свободные концы которых соединялись крепкой тетивой, ходившей вдоль боевого желоба. С помощью приспособления натягивали тетиву, при этом рычаг и канаты приводились в боевое положение. Перед тетивой помещали камень. Выстрел производился спуском тетивы: канаты принимали первоначальное положение, тетива выпрямлялась, и камень, следуя направлению боевого желоба, выбрасывался с большой силой.

Катапульта в изображении средневековых художников

Если эти устройства были рассчитаны для стрельбы камнями, то *евтитон*, или катапульта, предназначался для метания дротиков и громадных стрел. Устройство евтитона было близко к палинтону, однако находившийся между рамами желоб был расположен под углом не 45° , а горизонтально. Эта метательная машина использовалась для ведения настильного огня.

Метательные машины, в зависимости от их мощности и характера снарядов (каменные ядра, стрелы, зажигательные сосуды, корзины с ядовитыми змеями, зараженная падаль и т.д.), обслуживались командой от 4 до 10 специально обученных механиков и их помощников. Камнеметы и тяжелые стрелометы предназначались для разрушения не очень прочных укрытий противника, его орудий и кораблей. Легкие стрелометы поражали живую силу противника. Снаряд, выпущенный из метательного устройства, мог точно попадать в цель на дистанции 100–200 шагов, дальность стрельбы составляла около 300 метров. Существовали специальные прицельные приспособления и приборы для изменения траектории.

Историки утверждают, что такую технику имели древние, — китайцы, греки и римляне. Но о точно таких же устройствах сообщают средневековые источники, и что важно, только в эту эпоху для их производства были соответствующие материалы, а главное, большое количество городов, населенных ремесленниками, производителями техники. Так что здесь, скорее всего, ошибка в датировке.

Но не менее интересно, что многие военные машины в том виде, как они описаны, в реальном применении или не могли быть полезными, или попросту не могли действовать.

Например, византийский механик Деметрий Полиоркет изобрел для осады крепостей большое количество осадных сооружений. Среди них были специальные укрытия от метательных снарядов — *черепахи* для земляных работ, черепахи с таранами, а также галереи, по которым можно было безопасно проходить и возвращаться с этих работ. В это можно поверить. Но самым значительным сооружением, изобретенным Полиоркетом, была *гелепола* — движущаяся башня пирамидальной формы на восьми больших колесах, окованных железными шинами. Вот возможность построения такой башни представляется весьма сомнительной.

Башня была девятиэтажная, до 35 метров и выше. На каждом этаже располагались камнеметы и стрелометы, а также отряды воинов для штурма крепости. Фасад ее, обращенный к неприятелю, был обшит железным листом, что предохраняло сооружение от зажигательных снарядов. Когда гелепола с помощью 3400 человек подвигалась вплотную к крепостной стене неприятельского города, а сопротивление защитников было подавлено градом камней и стрел, с гелеполы на стены перекидывались мостки, по которым воины устремлялись на приступ.

Но если земля не ровная, нельзя ни двигать эту машину, ни управлять ею. Те, кто это описывал, не знали о трении в осях. Не случайно сегодня огромные подъемные краны ездят по рельсам, уложенным на ровной местности. Правда, подобные устройства применялись в позднее Средневековье, но были они не столь массивными, имели железные ступицы и оси, и представляли из себя, по сути, защищенные тяжелые штурмовые лестницы.

Наряду с динамическими военными приспособлениями, созданными для экономии человеческой силы, описаны иные приспособления, которые можно назвать кинематическими: они служили для преобразования не силы, а движения. Это своего рода автоматы, происхождение которых полагают весьма древним. Вершина военной инженерной мысли античных греков — *полибола*, метательная машина для горизонтальной автоматической стрельбы. В полиболе натягивание тетивы, подача стрелы и выстрел производились автоматически, с помощью бесконечной цепи, которая приводилась в движение вращением особого ворота.

Основным оружием дальнего действия и греков, и римлян служила машина, напоминающая артиллерийскую установку, в которой использовалась не сила взрывчатого вещества, а упругость скрученных веревок. Историки утверждают, что установки подобного рода были изобретены в начале IV века до н.э. После целого ряда усовершенствований они стали бросать камень весом до 30 килограммов на расстояние 180 метров. Архимед, говорят, значительно усовершенствовал конструкцию таких механизмов.

В дальнейшем Ктесибий (приблизительно 100–150 года до н.э.) и Фило из Византии (примерно 180 год до н.э., весьма недостоверные даты) пытались усовершенствовать подобную артиллерию. Фило, в частности, предлагал заменить скрученные веревки бронзовыми пружинами или сжатым воздухом. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом, так, может быть, многие из описаний — плод труда научно-технических «фантазеров» Средних веков?..

В 1982–1983 годах журнал «Техника и Наука» провел дискуссию, обсудив достоверность сообщений о военной технике древности. Начал дискуссию Д. Зенин (№ 5'82), объявивший военные машины античных и татаро-монгольских воинов вымыслом, затем к ней присоединились военные, историки и просто рукастые ребята, не поленившиеся собрать катапульту.

И. Старшинов, поддерживая традиционную версию истории военной техники, пишет:

«...Непонятно, что хочет сказать Д. Зенин, приводя величину импульса силы: то, что выбрасывание более тяжелых снарядов требует и большего импульса силы, ясно и без того. Очевидно, правильная постановка вопроса будет следующей: могла ли аккумулирующая система, использованная в машине, накопить энергию, необходимую для вылета снаряда с определенной скоростью. Но этот вопрос Д. Зенин обходит молчанием. Вместе с тем в свое время П. Львовским были проведены достаточно глубокие теоретические исследования устройства торсионных машин (баллист и катапульт), на основании которых им были выведены формулы, позволяющие оценить не только дальность полета орудий и скорость вылета снаряда из установки, но и такие характеристики, как вес и размеры этих орудий, а также силу, которую необходимо приложить для взвода устройства...»

Учитывая, что знания древних по баллистике находились на довольно низком уровне, Львовский вполне резонно предположил, что основным видом стрельбы из метательных машин должна быть прямая наводка, в силу чего угол вылета снаряда из установки был, в общем, небольшим (очевидно, не более 20–25°). Приняв этот угол равным 20°, Львовский получил, что скорость вылета снаряда составляла для катапульт 44 ± 4 м/с и для баллист 65 ± 5 м/с. Соответственно дальность полета снаряда была 100–150 м для катапульт и 230–320 м для баллист. Это, в общем, не так уж мало, особенно если учесть, что дальность античного лука не превышала 100 м.

Если считать, что метательная машина взводится механизмом с передаточным отношением 1:4 и что максимальная сила, развиваемая человеком, составляет 80 кгс и непосредственно на взводе машины работают 4 человека, то получаем, что этих усилий достаточно для стрельбы катапульт, метających снаряды весом до 30 кг, и баллист, метających снаряды весом до 2 кг. Кроме того, более сложные передаточные устройства, а также большее количество обслуживающего персонала делает возможной эксплуатацию более мощных машин. Так что в машинах Архимеда, метавших камни весом до 80 кг, нет ничего неправдоподобного, хотя результаты, показанные ими, были для своего времени безусловно рекордными».

Подполковник П. Солонарь, отвечая, сообщает такое мнение:

«Труд, затраченный П. Львовским, бесспорно, заслуживает самого глубокого признания, но для баллист не учтен опрокидывающий момент, возникающий при соприкосновении метательного рычага с опорной балкой при выстреле, и такой важный компонент, как сопротивление воздуха снаряду. Кроме того, П. Львовский своими расчетами

прежде всего доказал, что более или менее транспортабельными были весьма посредственные установки, рассчитанные на вес снаряда до 5 кг. Если бы снаряды этой массы могли поражать групповую цель, применение метательных установок было бы вполне рентабельно.

Создание же деревянных сооружений массой в 9,6 т, способного переносить ударные нагрузки, при всем уважении к гению Архимеда находится до сего времени за пределами даже наших технических возможностей.

Само использование «сложных передаточных устройств» делает систему мало пригодной для боевого использования по причине низкой надежности. Уровень сложности техники должен соответствовать уровню подготовки обслуживающего штата.

Конечно, с позиций последней четверти XX века вес боевой системы в 0,5 т можно считать умеренным, особенно если ее поставить на колеса с пневматическими шинами, но время вероятного практического их применения было эпохой деревянных ободов, к тому же отсутствовали амортизаторы, я уже не говорю о дорожных покрытиях. Кроме того, большие габариты чудо-машины ограничивали маневр, исключая всякую неожиданность для противника. И поэтому для ведения боя совершенно бесполезны».

Далее П. Солонарь высказывает сомнения в пользе метательных машин при осаде крепостей, кроме случаев использования зажигательных снарядов, и пишет:

«Применение установок в полевых сражениях более чем бесперспективно, поскольку предельная дальность стрельбы этих грозных орудий — 150–250 м — расстояние, которое легкая конница, рыцари и пехота пройдут за считанные минуты. Поэтому если первый залп и выведет из строя несколько бойцов противника, то второго залпа не будет, ибо, пока прислуга будет перезаряжать свои орудия, атакующие успеют подойти к противнику вплотную и вступить в рукопашную.

Обеспечение переправ при указанных расчетных дальностях стрельбы представляется бесполезным.

Защита берегов от высадки десантов могла бы иметь место, если бы обороняющимся заранее было известно точное место высадки десанта, и одного залпа установок было бы достаточно для нанесения ощутимых потерь десантно-высадочным средствам противника. Но поскольку уже первый залп выдавал бы присутствие грозного оружия, то перенос плацдарма метров на пятьсот полностью выводил бы десантников из-под обстрела.

Утверждения о хорошей обученности и большом опыте осад и штурмов, которым обладали рыцари и кнехты (активные бойцы средневековья), не верно. Рыцари обучались в домашних условиях как единоборцы, так же подготавливались и стрелки, кнехтов никто ничему не учил.

Штурмы стали возможными только с появлением взрывчатых веществ, до этого осадное дело сводилось к разорению окрестностей и прекращению подвоза продовольствия блокированному объекту.

К сожалению, во многих средневековых трактатах, на миниатюрах и даже иконах встречаются изображения метательных машин. Они попали даже в Московский лицевой свод XV века. Но все установки выглядят, несмотря на кажущуюся достоверность, очень подозрительно. В тех же источниках содержатся куда более фантастические сведения: плавающие сапоги, колесницы с серпами, пушки, стреляющие за угол, рекомендации в морском бою обстреливать корабли противника бочками с жидким мылом, «дабы сделать палубу скользкой», и многие другие «для ратных дел полезные предположения».

В заключение автор отмечает, что на рисунках метательные машины подкупают кажущейся простотой конструкции, а поэтому легко воспринимаются за объективно существовавшие, хотя все попытки изготовления аналогов не удались.

О такой попытке изготовить аналог сообщает в журнале «Техника и Наука» (№ 4'83) Д. Баранов из г. Полоцка Витебской обл.

«С интересом прочитав статью Д. Зенина «Артиллерия древних: правда и вымысел» я стал размышлять, возможно ли принять на веру столь смелую гипотезу, отрицающую то, что с детских уроков истории не вызывало сомнения. Когда мое мнение стало склоняться на сторону автора статьи, я призвал на помощь знакомых и друзей. Завязался спор. Говорили много, долго спорили, но к общему мнению так и не пришли. Тогда одному из нас пришла в голову блестящая идея: на практике проверить действие грозной китайской техники, которую, по мнению историков, использовали монголо-татары при взятии русских городов.

Препятствия к опыту мы не видели, так как у нас в ту пору шла реконструкция соседнего поселка, и материалы для эксперимента были, как говорится, под рукой. Конечно, выйные связки буйвола нам взять было неоткуда, да и женских волос в нужном количестве достать довольно сложно, но выход найти удалось. Я предложил использовать белую резину. Если с ее помощью запускают планеры, то груз в 32 кг, как мне казалось, можно закинуть куда угодно.

Раму, рычаг с подвижной опорой и стопорную балку мы сколотили довольно быстро. За образец была взята катапульта из учебника истории для 5-го класса. Правда, вместо классической ложки мы сделали маленький ящичек по размерам стандартного кирпича. Не мудрствуя лукаво, определили размеры сооружения: рама — 2 x 1,5 м, П-образная рама со стопорной балкой — 1,5 м, рычаг — 2 м. Кроме рычага, все детали пилили из бревен 0,2 x 0,2 м. Для рычага использовали доску 0,15 x 0,1 м. Три часа дружной работы, и «чудо античной и батыевой техники» было готово. Изделие получилось внушительное.

Испытания начали сразу же, но... первый амортизатор оказался слабым. Добавили еще по 5 резиновых лент. Взвели устройство, выстрелили — верх рычага улетел вместе с кирпичом метров на 25. Нарастили рычаг крюком, а кирпич положили в авоську. Приготовились ко второму выстрелу. Залп! Кирпич прорвал авоську, а рычаг сломался посередине. Пришлось ставить балку, как на раме.

Амортизатор снова нарастили. Очередной выстрел снес вместе со скобами стопорную балку. Нам потребовался час, чтобы усилить конструкцию, но эффект был тот же, рычаг сворачивал стопорную балку, а кирпич не летел дальше 30 м. Вдобавок ко всему сооружение после каждого выстрела подпрыгивало и расшатывалось. Даже если бы оно и стреляло как следует, то сомневаюсь, что из него можно было целиться. Вот так я убедился, что спор о мощности и эффективности этих машин беспочвен».

В Западной Европе в XIII–XIV веках применялись следующие виды осадных орудий: тараны, метательные орудия (онагры, баллисты, катапульты, гигантские арбалеты и т. д.). Для разрушения зубцов крепостной стены использовали специальные крюки-разрушители (подвешенная на стояке-раме длинная жердь с крюками на конце). Крепостные стены преодолевались с помощью подвижных деревянных башен, имевших несколько этажей с откидными мостиками для выхода на стену, с которых перебрасывались лестницы с крючьями на вражеские стены (подобные *гелеполам*). Использовались штурмовые лестницы — *самбук*. А нам говорят, что все это было придумано античными механиками Древней Греции.

При подходе к укреплениям атакующие прикрывались переносными или передвижными (на катках или колесах) щитами и винеями. Щиты защищали атакующих только с фронта, а *винея*, представлявшая собой крытый ход, — с боков и сверху. По мере продвижения винеи вперед к ней сзади приставлялись новые звенья. Опять, считай, украли у античных механиков.

Средневековые метательные машины строились по тем же принципам, что и античные, но менялись их типы, габариты, метаемые объекты, скорострельность. Легко понять, что какая-то часть Средневековья и была этой мифической античностью, а развитие техники шло эволюционным путем. В частности, *фрондибола* была той же античной метательной машиной, только снабженной противовесом. *Аркбаллиста* была комбинацией мощного лука с лебедкой для натягивания тетивы. Более тяжелой машиной для метания стрел была *бриколь* — в ней использовалась упругость дерева.

Два слова о Китае. Одни историки уверяют, что китайцы к VII–X векам самостоятельно выработали основные типы военных машин, а наибольшего расцвета в их производстве достигли в X–XII веках, и что из Китая эти машины попали в Среднюю Азию. Другие историки говорят, что среднеазиатские страны имели метательные машины греческого происхождения, полученные из Византии.

Но этого мало: оказывается, некоторые типы камнеметов, построенные в Китае, назывались «мусульманскими»! Тут ситуация становится такой удивительной, что невольно вспоминается фраза Алисы из книжки Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше», — в начале XIII века с китайской военной техникой ознакомились монголы, а в середине того же века монгольский богдыхан Хубилай начал войну с Китаем и применил против него «мусульманские» метательные машины, а затем, говорят, монголы напали и на Русь, имея китайские машины. Так кто, у кого и что заимствовал?..

Переход к огнестрельному оружию поставил перед механиками новые задачи: улучшение техники изготовления стволов, обеспечение их прочности и точности стрельбы. Само открытие пороха явилось, по-видимому, результатом деятельности техников разных

стран, которые довольно долго искали что-то подобное. Так, в последней четверти VII века византийцы впервые применили «живой» или «греческий огонь».

Изобрел его якобы сирийский мастер Каллиник в 671 году, и вплоть до XII века византийцы сохраняли в тайне секрет его изготовления. Греческий огонь включал предположительно смесь селитры, серы, нефти, смолы, канифоли и некоторых других веществ. Он не тонул и не гасился водой. На флоте для его метания использовались бочки, стеклянные и жестяные шары, а также специальные медные трубы, с помощью которых зажигательная жидкость выпускалась на корабли или войска противника в виде пылающих струй. Эти средневековые огнеметы назывались *ручными сифонами, модфами, смаговницами, пламенными рогами*.

«Греческий огонь» потерял свое значение лишь с появлением огнестрельного оружия, но сам, конечно, был его предтечей.

Тут опять нужно вспомнить о Китае. Считается, что почти одновременно с появлением в Византии «греческого огня» в китайском алхимическом сочинении был описан горючий состав из серы, селитры и древесного угля. К началу X века порох в Китае не только уже изобрели, но и начали применять в военных целях. Но нам известна достоверная история, согласно которой иезуиты, пришедшие из Европы, помогали китайцам лить пушки.

Странно получается. За что не возьмись, нам говорят: «Да в Китае это уже тысячу лет назад знали». Но где последствия китайского творчества? Когда европейцы пришли в Китай, то им пришлось учить местных жителей почти всему заново.

Изобретателями пороха считали естествоиспытателя Роджера Бэкона, монаха Бертольда Шварца, а также некоторых алхимиков. Так же, как и на Востоке, в Европе в начале XIV века появляется огнестрельное оружие. Уже через несколько десятилетий англичане под предводительством короля Эдуарда III обстреливали город Кале. Одновременно огнестрельное оружие попадает и на Русь, сначала с Запада, а затем и с Востока. Соответственно тут образуются и разные военные термины: *гарматы* и *тюфяки*. Спустя сто лет на Руси уже строили свои пушки весом до 300 кг из железных полос, сваренных в полый цилиндр и скрепленных обручами.

Однако результативность нового оружия была небольшой. Так, во время обороны Галича осаждавшие применили артиллерию. «Но ни во что же бысть се им, — писал летописец, — божиею благодатию не убиша бо никого же...» Так было не только на Руси: первые пушки если и убивали кого-либо наверняка, то в первую очередь пушкарей. Все это привело к необходимости создания новой технологии: от сварки полос перешли к отливке и к сверлению заготовок. Таким образом, можно считать, что рядом с поршневым насосом именно пушка стоит у колыбели паровой машины.

Обработка орудийных и ружейных стволов стимулировала развитие металлообработки и подъемной техники. Поввысилась роль металла: части машин становятся не деревянными, а преимущественно металлическими.

В целом производство машин, конечно, зависело от качества материалов и от их наличия. Но дело не только в этом. Видимыми и невидимыми нитями само конструирование машин с самого начала было связано с естествознанием, математикой, искусством — со всеми направлениями развития человеческой культуры. Это достаточная причина для того, чтобы, занимаясь хронологией, анализировать все направления человеческой культуры, выискивая взаимосвязи и закономерности их совместного развития.

Арбалеты *

В битвах Средневековья дворянской коннице противостояли городские отряды лучников, а затем арбалетчиков. Арбалет (от латинского *arcaballista* — лук-баллиста) появился в IX веке и получил широкое распространение, начиная с XII века. Он представлял собой ложе из крепкого дерева (обычно тиса), на одном конце которого укреплялась дуга (иногда две) лука из стали. Тетиву из крученого сухожилия или пенькового шнура натягивали при помощи специального устройства, вращая зубчатое колесо. Арбалет стрелял короткими железными стрелами или свинцовыми и каменными пулями (болтами) на расстояние до 150 шагов.

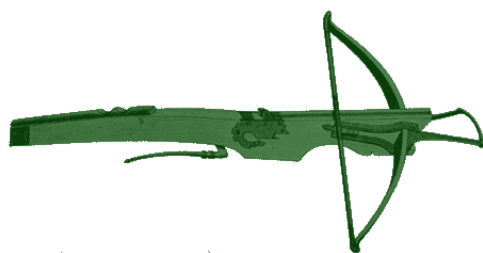
* Из книги «Другая история науки».

Пробивная способность арбалетных пуль значительно превышала таковую обычных стрел и представляла серьезную угрозу рыцарским доспехам.

Однако сообщения о первых арбалетах в Китае относят к середине первого тысячелетия до нашей эры. В отличие от своих европейских братьев, в основной массе отличавшихся неказистым дизайном, образцы китайских арбалетов, что дожили до наших дней, несут на себе печать некоей законченности, четкости конструкции, но чтобы достичь такого результата, изделие должно было пройти большой эволюционный путь.

Кроме того, развитие арбалетов в Европе — история вполне самостоятельная, не имеющая отношения к Китаю, так как конструкции замков оружия абсолютно различны, да и по параметрам китайские образцы отличались от европейских. Ложа китайского арбалета в среднем была порядка 750–850 мм, луковища использовались составные, наибольшим распространением пользовались луки на основе бамбука, средняя их длина колебалась в пределах 750–1200 мм. Удивляет также, что, несмотря на большое усилие натяжения (в некоторых образцах оно достигало 360 кг), натяжные устройства как таковые отсутствовали, и китайскому арбалетчику приходилось, лежа на спине, действовать одновременно руками и ногами, взводя свое оружие. Но наиболее примечательной деталью является спусковой механизм, который состоял всего из трех деталей; он поражает своей цельностью и продуманностью.

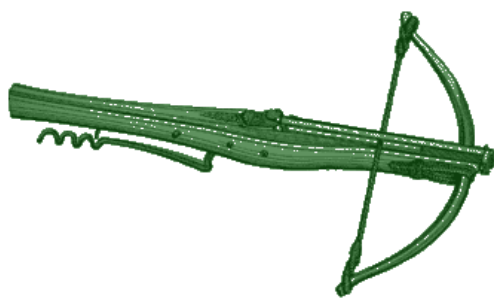
Европейцы же познакомились с арбалетами в Византии, где их именовали *гастрофетом*, приблизительно в V–VI веках н.э., но не смогли в силу своего технического отставания воспроизвести их. В то же время известно описание гастрофета, сделанное древним греком Героном Александрийским. Мы в этом видим лишнее подтверждение нашего предположения, что Герон — византийский мастер первых веков империи.

Один из первых европейских арбалетов

Немецкий арбалет

Арбалет, стреляющий пулями

Вторая встреча состоялась в конце XI века, когда крестоносцы совершали свой 1-й Крестовый поход. Арбалет снова вызывал у них удивление и страх. И только в XII веке он получил широкое распространение, особенно в Англии и Франции. Уместно заметить, что на Руси арбалеты были известны раньше, в X–XI веках, о чем свидетельствует Радзивилловская летопись. Возможно, это произошло потому, что наша культура была тесно завязана на Царьград.

Применение арбалета быстро изменило тактику боя, ранее ориентировавшегося на лучников. В те времена техника стрельбы из лука предполагала спускать тетиву от уха, а не от носа, как это делается сейчас, в связи с чем целиться, в нашем понимании данного процесса,

было невозможно. Чтобы действительно научиться не просто стрелять, но и попадать, необходимо было регулярно и подолгу тренироваться, начиная с детства, вырабатывая в себе особое «чутье», а к совершеннолетию выпускать в минуту до десятка стрел на расстояние порядка 200 шагов. Естественно, услуги таких стрелков обходились недешево.

Но с появлением арбалета любой человек, обладая элементарными навыками стрельбы, мог соревноваться в меткости с профессиональным лучником, а по поражающему действию оружия и превзойти его. Так, по некоторым данным, болт, пущенный из арбалета, с расстояния в 150 метров поражал латника и мог сбить всадника с коня на расстоянии 200 метров.

С этого момента лучники перестали быть отдельной, высокооплачиваемой кастой, и их серьезно потеснили быстро растущие отряды арбалетчиков. Благодаря своей доступности, арбалет еще долгое время считался «низким» оружием, недостойным благородного рыцаря, а Второй Латеранский Собор в 1139 году запретил использование арбалетов против христиан как смертоносного оружия и разрешил применять их исключительно против неверных. Однако уже около 1190 года арбалеты применялись в войсках Ричарда I Английского и Филиппа-Августа Французского, вследствие чего папа Иннокентий III возродил запрет Собора, что, впрочем, не дало особых результатов.

Так началось бурное развитие и совершенствование арбалетов, «золотой век» которых пришелся на XV–XVI столетия, когда они применялись наравне с достаточно несовершенным ручным огнестрельным оружием.

Вместе с улучшением самой конструкции арбалета появлялись и новые типы конструкций. В XIV веке изобрели первое натяжное устройство — натяжной крюк, который крепился к поясу арбалетчика: для натяжения нога упиралась в стремя, стрелок приседал, зацеплял тетиву за крюк и, выпрямляясь, натягивал тетиву. Развитием идеи рычажной натяжки явилась так называемая «козья нога». В 1500 году, по указу императора Максимилиана I, который чуть не погиб на охоте от неожиданного спуска стрелы, было разработано простейшее предохранительное устройство, предотвращавшее случайный выстрел.

Около 1530 года в Италии появились маленькие арбалеты, которые можно было носить под одеждой. Правительство их запретило, а сенат Венеции назначил в 1542 году большой штраф за использование подобных видов оружия, но это не убавило им популярности, особенно среди горожан. Что касается отличий в конструкциях самих арбалетов, то здесь было все, до чего только могли додуматься пытливые умы Средневековья. Так, на некоторых моделях зажим делался поворотным, его можно было свернуть в сторону при натяжении лука. В Испании применяли *баллестры*, арбалеты с длинной тонкой ложей, в Италии — *инепперы*, которые отличались от баллестров изогнутой, между спуском и луком, ложей.

Затем появились модификации для стрельбы глиняными или металлическими пулями, тогда же были использованы первые прицельные приспособления. Конец XVI века ознаменовался появлением арбалетов, комбинированных с огнестрельным оружием, но вскоре арбалет вообще перестали использовать в военном деле.

После того, как арбалет сняли с вооружения армий, он еще некоторое время оставался оружием охотников, любивших его за бесшумность, но в связи с совершенствованием огнестрельного оружия, повышением дальности его боя и кучности стрельбы, бесшумностью стали пренебрегать и от арбалета почти повсеместно отказались. Хотя еще в начале XX века промысловики Сибири оставляли на звериных тропах натянутые тросики с подведенным к ним конструктивным подобием самострела-арбалета.

Философы и рыцари *

Одна из «древнейших теоретических дисциплин» (сообщает «Философский словарь», предусмотрительно скрывая даты) — этика. Объектом ее изучения является мораль. Возникла она, разумеется, в период развития рабовладельческого строя, и претерпевала изменения от эпохи к эпохе. Наступил, наконец, XX век, и этика включила в число своих задач *«изучение истории развития нравственности человечества, которое происходит в форме борьбы и смены морали различных общественно-экономических формаций и классов»*.

* Из книги «Другая история искусства».

Поскольку традиционная история, вместе с философией, решать стоящие перед ними задачи явно не собираются, давайте мы с вами посмотрим, как «борются» и меняют друг друга морали разных формаций по линиям веков нашей синусоиды.

«РЫЦАРЬ (нем. Ritter, первоначальное значение — всадник), в Зап. и Центр. Европе конный воин. В рыцарской среде были выработаны идеализировавшие рыцарство понятия о благородстве, чести, долге. Отсюда переносное значение: Рыцарь — самоотверженный, благородный человек, деятель на каком-либо поприще» (БСЭ).

Первые упоминания о рыцарстве, по сообщениям энциклопедий, относятся к концу X века. Называли их по-разному, — например, в латинской терминологии рыцарь — milites.

Сначала под рыцарями понимали категорию военных слуг знати, преимущественно конных. В XI–XII веках (линия № 3–4) рыцарями стали называть всех светских феодалов-воинов, а позже, с образованием духовно-рыцарских орденов, и церковных феодалов; к этому времени рыцарство уже выработало свой кодекс чести. XIII–XIV века были временем расцвета рыцарства, XV век — закат их славы, в XVI веке над ними смеялись, в XVII веке книги о рыцарях перешли в разряд детского чтения.

Сразу вспоминаются «Рыцари Круглого стола» и король Артур. Хватаемся за энциклопедию: *«Артуровские легенды — кельтские народные предания, в центре которых образ короля бриттов Артура (5–6 вв., это линия № 3–4), боровшегося с англосаксонскими завоевателями. Артур и рыцари «Круглого стола» (за которым как равные собирались герои Артуровских легенд), воплощают нравственные идеалы рыцарства».*

Итак, мы сразу обнаружили рыцарей по линиям № 3 и 4, но в веках, в которых им взяться неоткуда. Остается напомнить, что памятник королю Артуру (его копию можно увидеть в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве) изображает средневекового рыцаря в полном облачении, с гербом Плантагенетов XIV века. И кстати, его сподвижники по Круглому столу задолго до Крестовых походов ко Гробу Господню искали Святой Грааль и неукоснительно исполняли Кодекс рыцарской чести, «нравственные идеалы».

Все мы так или иначе знакомы с этими идеалами. Но все же давайте, кратко перечислим нормы, обязательные для рыцаря в военное и в мирное время.

Наибольшее внешнее благо рыцаря — это его честь. Но удовольствие ему доставляют только почести, воздаваемые людьми благородными. Незаслуженным бесчестьем он пренебрегает, хотя никому не позволит себя задевать.

Рыцарь щедр и широк по натуре, соблюдая, однако, середину между плебейским швырянием денег на ветер и мелочной привязанностью к деньгам. Сам он оказывает благодеяния, но принимать их стыдится. За благодеяние воздает еще большим благодеянием, чтобы во всем иметь превосходство.

Рыцарю необходимо благородное происхождение и богатство. «Люди благородного происхождения с большим правом граждане, чем люди безродные». «Люди, имеющие большой имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения».

Рыцарь правдив; говорит он и действует явно, ибо это свойственно человеку, который ничего не боится. Может позволить себе открыто любить и открыто ненавидеть. Не склонен ни к похвалам, ни к осуждению; не жалуется и не просит, ведь это значило бы, что он в чем-то нуждается.

В движениях бывает неспешен, «ибо не станет торопиться тот, кому мало что важно». Торопливость пристала разве что купцу!

Любые платные занятия для рыцаря недопустимы.

Его дело — война и политика. Ни в каком другом умении не станет достигать совершенства. Музыку, например, нужно изучать в молодости настолько, чтобы уметь оценить чужое искусство, а затем оставить это занятие.

Таков рыцарь, не правда ли? Именно эти нравственные правила выработала эпоха Средневековья, крестовых походов и прочих феодальных утех?

Да, это так. Перед нами время расцвета рыцарства, линия № 6. Но только про XIV век, с его моральными рыцарскими правилами, мы рассказали, цитируя работы Аристотеля «Никомахова этика» и «Политика». Аристотель называет такого человека «megalopsychos», что обычно переводят словом «великодушный», но сам философ объяснял название так: «тот, кто считает себя достойным великого, будучи этого достойным».

М. Оссовская, специалист по этике, занималась вопросами морали задолго до 2-й Мировой войны, а потому ни о какой «Новой хронологии», а тем паче хронотронике слыхом не

слыхивала. Но она, даже не замечая этого, как и многие другие, прямо связывает античные времена со Средневековьем:

«Воссоздание рыцарского этоса, каким он сложился в Европе, лучше всего начать с гомеровских поэм, и прежде всего с «Илиады».

Что ж, согласимся с нею, и начнем с гомеровской «Илиады».

Место рождения Гомера не определено. Внешность его сомнительна. Слепота не подтверждена ничем. В III веке до н.э., (линия № 7, включающая XV век), имя Гомера в античной Греции буквально на грани обожествления. Его поэзия стала чем-то большим, чем просто литературой.

Т. Синко пишет, невольно рассказывая нам о разделении светской и церковной литературы средневековья: *«Роль «Илиады» и «Одиссеи» в греческой культуре можно сравнить лишь с ролью, которую в христианской Европе играла Библия. Чтение Гомера было настолько характерно для греческой школы, что школьное обучение начиналось выучиванием первых строк «Илиады». Александр Македонский знал «Илиаду» наизусть»*^{*}.

Александр Македонский был средневековым рыцарем.

Вы сомневаетесь? Вы все еще остаетесь при мнении, что наша реконструкция истории неверна, рыцарство возникло в X–XI веках, и нет здесь никаких параллелей с античностью? Хорошо, вот мнение известного исследователя, австрийского историка античности Ф. Шахермайра. В книге «Александр Македонский» он описывает битву Александра с персами, и оказывается, правилам средневековой рыцарской чести в античные времена следовало знать всего мира:

«Если правители вступали в борьбу, то исход решало сражение рыцаря против рыцаря... Мемнон требовал ... пренебрежения рыцарской честью, которая не позволяла рыцарю уклониться от сражения с другим рыцарем. Рыцарь мог отказаться от сражения с вражеской пехотой, с крестьянскими фалангами, ибо такие битвы не были предусмотрены кодексом чести. Но уступить поле битвы другому рыцарю, не скрестив с ним оружия, — этого нельзя было требовать от персидской знати».

В главе «Сообщения античных авторов о походе Александра» той же книги более шести страниц мелкого текста Ф. Шахермайр посвятил перечислению авторов, писавших о Македонском при его жизни. *«Никакой другой поход не получал еще столь полного отражения в литературе ни по количеству написанного, ни по разнообразию сочинений»*, — пишет историк. Шикарная фраза, вызывающая полное доверие к традиционной истории. Но в конце той же главы мы вдруг читаем, что *«ни одно из упомянутых произведений не дошло до нашего времени»*. Умри, Фриц, лучше не скажешь!

Рыцарь Александр Македонский учил Гомера наизусть, значит, поэмы были написаны немногим раньше, а потому герои Гомера должны знать и соблюдать правила рыцарского поведения. И они действительно их соблюдают!

Гомеровский рыцарь завоевывает свое положение оружием, и отвага — необходимая его добродетель, а обвинение в трусости — наихудшее из оскорблений. Главная забота каждого — о чести, главное стремление — к славе и отличию. Вся «Илиада» песнь за песнью повествует о том, как отличился тот или иной герой. Заботе о чести неизбежно сопутствует боязнь прослыть смешным: так, Аякс, который бросился на стадо баранов, приняв их за людей (гнев застил ему ум), должен был покончить жизнь самоубийством.

Рыцарь должен быть щедрым. Ахилл обвиняет Агамемнона в жадности и скупости, называет «коварным душою корыстолюбцем».

Вот какие средневековые правила войны описаны Гомером: пощади того, кто готов сдаться и просит пощады; уважай посла; соблюдай перемирие; не препятствуй погребению мертвых и воздержись от похвальбы над трупом врага.

М. Оссовская пишет поразительную (если не знать нашей «синусоиды») фразу: *«Распространенный в средневековье обычай решать исход битвы единоборством двух рыцарей из враждебных станов известен Гомеру»*. Пример — поединок Менелая с Парисом:

Кто из двоих победит и окажется явно сильнее,
В дом и Елену введет, и сокровища все он получит;
Мы ж на взаимную дружбу священные клятвы положим.

^{*} Цит. по книге М. Оссовской «Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали». М., «Прогресс», 1987.

Интересно, что любой поединок начинается с подробного изложения противниками своей генеалогии, и если вдруг выясняется, что отцы противников — как это случилось у Диомеда с Главком, — оказывали друг другу гостеприимство, это кладет конец вражде. В текстах Гомера сразу бросается в глаза, какое большое значение придают герои своему происхождению. Генеалогия особенно много места занимает в «Илиаде»: автор, представляя каждого рыцаря, перечисляет всех его благородных предков, среди которых нередко попадаются даже боги.

Рыцаря отличает красивая речь и учтивость. Учтивый человек не старается непременно выйти на первый план, ведет себя сдержанно, как Одиссей у царя феакийцев. Учтивость же хозяев сказывается в их такте. Они не расспрашивают назойливо, с кем имеют дело, пока получивший приличествующее угощение пришелец сам не расскажет то, что сочтет нужным.

Еще одна фраза М. Оссовской, связывающая времена: *«Высокое положение при дворах занимают сказители-аэды. Это — общая черта культуры, воссозданной у Гомера, и культуры, запечатленной в средневековых легендах. Уважают здесь тех, кто нас хвалит».*

Теперь пройдем по линии № 5–6 дальше, на «римскую» волну. Здесь мы встретим древних германцев, которые жили якобы через тысячу лет после рыцарей Гомера, и за шестьсот лет до рыцарей Крестовых походов. Но как же схоже описание их моральных требований с теми, что были приведены выше: презрение к любым занятиям, кроме военного дела; связь между престижем и числом зависимых людей; обязательная щедрость; верность вождям; элементы соперничества и стремление к личной славе; праздность в период между войнами; долг гостеприимства и обычай одаривать гостей.

Разумеется, рыцарство рыцарству рознь, национальные, этнические особенности накладывают свой отпечаток. И, конечно, рыцари, объединившиеся в корпорации, особенно такие идеологически окрашенные, как религиозные, отличаются от рыцарей-индивидуалов.

Здесь уже действовал свой **УСТАВ**. Как писал Монтескье (1689 – 1755), страна, захваченная монашеско-рыцарским орденом, вся становилась «одной армией, которую содержали земледельцы».

Как жили рыцари-монахи в захваченной стране?

Военная служба была единственным их занятием: устав запрещал им заниматься торговлей и ремеслом. Считалось, что между собой рыцари-монахи равны. Страной они управляли с копьем в руке; даже во сне были обязаны иметь его при себе.

О красоте рыцари-монахи не беспокоились. Их косматые головы и бороды, их неопрятность коробили окружающих. Одной рясы считалось достаточным на все четыре времени года, а ноги полагалось закалять хождением босиком. Но при этом забота о физической силе и ловкости стояла у них на первом месте. Силу и ловкость развивали физическими упражнениями. Военной закалке служила также охота на диких животных и местных язычников, которые всегда были готовы устроить мятеж.

Дисциплинированность, умение переносить боль, пренебрежение к смерти, способность быстро принимать решения, скромность, некорыстолобие, мужество — вот что требовалось от рыцаря-монаха.

Но суровость жизни не исключала развлечений. Устраивались празднества, были разрешены музыка и хоровое пение. Впрочем, к исполнению допускались только священные сочинения. Общие трапезы способствовали упрочению стиля военно-лагерной жизни.

Финансовая политика служила созданию таких условий, при которых ни рыцари-монахи, ни местные крестьяне не могли бы разбогатеть. Монахам запрещалось иметь золото и серебро, а только железные деньги, не имеющие хождения в других странах (неконвертируемая валюта). Осведомительная служба вылавливала нарушителей из числа монахов и следила за лояльностью местного населения.

Но знатым дамам, членам семей рыцарей, — сестрам и матерям, иметь собственность не возбранялось, и как-то так само собой получилось, что именно в их руках сосредоточивались несметные богатства: они владели и землей, и дворцами, и драгоценностями.

Раз монахам запрещалась брачная жизнь, то естественно появился «обычай одевать возлюбленную в мужское платье и проникать к жене лишь под покровом ночи». Руководство об этом знало и закрывало на такие нарушения глаза, потому что ордену, захватившему чужую страну, были нужны продолжатели дела, наследники. Из родившихся от таких связей мальчиков отбирали самых сильных и с семи лет воспитывали вне семьи, в подростковых монашеско-рыцарских группах.

...Тут мы обязаны прерваться и пояснить, что все, прочитанное вами о рыцарях-монахах, от слова **УСТАВ** и до сих пор, традиционная история относит к VI веку до н.э., линия № 4. Мы тут заменили только три слова: написали «ряса» вместо «хитон», «рыцари-монахи» вместо «спартанцы», и заменили илотов на «местное население». И мгновенно вся спартанская эпопея перенеслась в XII век.

М. Оссовская не видит ничего невероятного в отождествлении спартанцев со средневековым рыцарством:

«Если под рыцарским этосом понимать этос правящего класса, свободного от хозяйственных забот, презиравшего любое занятие, кроме военного, заполняющего свой досуг спортом, охотой и пириествами, то этос спартанцев можно назвать рыцарским наравне с гомеровским этосом».

Известно, что Спарта брала пример с Крита. В «Законах» Платона критянин и спартанец всегда во всем между собой согласны. Это может быть, если они представители одной религии, или даже одного монашеско-рыцарского ордена. И что же? Сами ученые пишут, что в развитии критской и спартанской культур важную роль сыграло некое «братство», «но значение этого элемента, как и других влияний, сегодня установить невозможно». Да, невозможно, если не отказаться от негодной хронологии.

Монашеские ордена существуют и сегодня, а вот духовно-рыцарские потеряли свое значение уже в XIV веке, линия № 6. И Спарта тоже в середине IV века до н.э., линия № 6, потеряла свое значение и «превратилась во второстепенное государство».

Еще об одном следует сказать: о любви. Лозунг рыцаря — «сражаться и любить». Здесь, конечно, очень много всякого намешано; ведь люди были такими же, как и сейчас, и не нужно принимать на веру сказки о романтической любви и страстных взорах.

Но коли мы говорим о параллелях в искусстве разных веков, нельзя обойти этот вопрос. Дело в том, что к рыцарскому кодексу обычно возводят понятие галантности. *«Это поклонение, или галантность, иногда объясняют улучшением положения женщины в XII веке: как раз тогда жена сеньора получила право управлять владениями мужа в его отсутствие, а также право приносить ленную присягу»*, — пишет М. Оссовская.

Это, пожалуй, самое важное: в женщине (равной себе) перестали видеть инструмент для удовлетворения, а приняли ее как человека, достойного уважения и... любви. Любовь такого рода была в новинку, и вызвала к деятельности толпы бродячих менестрелей, которые, мечтая о постоянной должности при каком-нибудь дворе, приставали к знатым дамам со своими песнями. А дамы находили в этих песнях утешение за грубость мужей и надежду на лучшее, в общем, все то самое, что они сейчас ищут в киносериалах.

Итак, любовная литература появилась впервые не ранее XII века (линия № 4), однако, по мнению историков, двинулось это искусство вперед с «открытием» древнеримского «Искусства любви» Овидия (линия № 5). Средневековое сочинение «Искусство куртуазной любви» Андреаса Капеллануса (линия № 4) признают лишь слабым аналогом Овидия.

Историки делают вывод: *«Наследие античности Капелланус усвоил глубже, чем поучения христианства»*. Но этот писавший на латыни Капелланус, в отличие от Овидия, ныне совершенно не известен. Если же расставить авторов по линиям веков, то Капелланус предшествовал Овидию, потому и писал хуже, потому и забыт.

Битвы и походы *

Природа и человечество — взаимопроникающие динамические системы. Но Природа, как ни крути, сильнее. Когда человека становится слишком много, она ограничивает ему ресурсы выживания. И вот, ежели человечеству не посланы чума, холера, голод и других природные ужасы, оно может поправить положение самостоятельно. Для этого имеется, на выбор, два варианта. Первый — переход к иному способу хозяйствования, позволяющему снизить нагрузку на Природу, и второй — сокращение своей численности в ходе войн.

Как правило, люди предпочитают войны. Причем они не отдают себе отчета, каким образом Природа подводит их к необходимости убивать других и быстро умирать самим. Как бы сам собою создается целый комплекс изменения поведения людей, преследующий одну цель: при достижении избыточной численности организовать процесс ликвидации лишних.

* Из книги «Другая история литературы».

Этот комплекс действует, минуя наше сознание или трансформируясь в нем неверно: люди легко придумывают национальные, патриотические или религиозные причины войны.

Затем те, кто выжил, пишут воспоминания. Поскольку страсть прославиться едва ли не самая сильная после страсти продлить свой род, постольку историки имеют достаточно большое количество материалов для своих исторических исследований.

Первичные записи, которые можно назвать литературой, относятся к эпохе начала крестовых войн. В большинстве своем это сухое и монотонное перечисление, кто на какую башню залез (если пишет непосредственный участник), или какой герцог куда повел (если пишет придворный, лично меча в руках не державший). Читая такие записи, нужно иметь в виду, что тексты были расширены теми, кто переводил их на современный язык со средневековых писем, поскольку иначе они не всегда были бы понятны из-за отсутствия многих тогда не известных слов, во-вторых, что это перевод на русский язык.

Приведем описание взятия Иерусалима, 1098 год:

«...И вот, захлестнутые радостью, мы подошли к Иерусалиму во вторник, за восемь дней до июньских ид, и чудесным образом осадили (город). Роберт Нормандский осадил его с северной стороны, возле церкви первомученика св. Стефана, где тот был побит камнями за Христа; к нему примыкал граф Роберт Фландрский. С запада осаждали герцог Готфрид и Танкред. С юга, укрепившись на горе Сион, близ церкви св. Марии, матери божьей, где господь был на тайной вечере со своими учениками, вел осаду граф Сен-Жиль...*

...Ночью и днем, в среду и четверг (13 и 14 июля), мы могучим усилием двинулись со всех сторон на приступ города; но прежде чем вторгнуться туда, епископы и священники, проповедуя и увещывая всех, повелели устроить бога ради крестное шествие вокруг укреплений Иерусалима, усердно молиться, творить милостыню и соблюдать пост.

В пятницу, когда наступил день, мы ринулись на укрепления, но ничем не смогли повредить городу: и мы были все поражены и охвачены великим страхом. Затем, с приближением часа, когда господь наш Иисус Христос удостоился претерпеть за нас крестную муку, наши рыцари, стоявшие на подвижной башне, жарко схватились; среди них герцог Готфрид (Бульонский) и граф Евстафий, брат его.

В это время один из наших рыцарей по имени Летольд взобрался по лестнице на стену города. Едва только он оказался наверху, как все защитники города побежали прочь от стен, через город, а наши пустились следом за ними, убивали и обезглавливали их, вплоть до храма Соломонова, а уж здесь была такая бойня, что наши стояли по лодыжке в крови... Наши похватили в храме множество мужчин и женщин и убивали, сколько хотели, а сколько хотели, оставляли в живых. Много язычников обоего пола пытались укрыться на кровле храма Соломонова; Танкред и Гастон Беарнский передали им свои знамена. Крестоносцы рассеялись по всему городу, хватая золото и серебро, коней и мулов, забирая дома, полные всякого добра.

Здесь перед нами XI век, переход к XII веку, линия № 4. А это очень примечательная линия. Она, если следить по нашей синусоиде, объединяет XII век, минус XIII век (бой за Трою, описанный Гомером), минус VI век (мидийско-персидские войны, падение Вавилона), и V век н.э. (рыцарские походы короля Артура). И что же мы тут обнаруживаем? Мы обнаруживаем, что сами же историки напрямую сравнивают между собой и героев разных эпох по этой линии, и даже способы ведения войны. Мы видим с XII века громадный интерес к Трое. В XII веке хронист Иосиф из Эксетера составил пересказ о Троянской войне по Даресу и Диктису, настаивая, что «он описывает реальные события, ибо Дарес и Диктис были очевидцами».

С упрямством Дон Кихота мы находим в истории литературы совпадения по «линиям веков». И дело не в том, кто рассказал Гомеру о Троянской войне; и не в том, как выучить и запомнить на всю жизнь семьсот страниц гомеровских поэм; и даже не в том, где хранились две тысячи лет поэмы Гомера прежде, чем их нашли. А в том, что историки все равно сравнивают войну, описанную легендарным поэтом, с войнами XII века. А это линия № 4, и вот гомеровская троянская война попадает туда же, куда и «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора.

Даже если тот текст, который мы знаем теперь как гомеровский, сочинили значительно позже, все равно его истоки в XII веке. В IV веке (линия № 5, это может быть XIII век, то есть через сто лет) становятся широко известными переводы записок участников

* ИДЫ (лат. Idus), название 15-го (в марте, мае, июле, октябре) или 13-го дня (в остальных месяцах) древнеримского календаря, — сообщает Большой Энциклопедический словарь (БЭС). Как видим, крестоносцы XII века пользуются категориями древнеримского календаря.

Троянской войны — Диктиса и Дареса. Ученые XIX столетия сомневались в подлинности этих хроник, ведь и Диктис, и Дарес упомянуты в поэме Гомера, и быть живыми через полтора десятка столетий после битвы не могли... Однако в 1907 году, как пишут наши «новые хронологи», в египетских папирусах обнаружили отрывок дневника Диктиса. Этот древнеегипетский раритет датирован XIV веком до н.э., линия № 5, то есть может быть отнесен, в рамках нашей версии, к XIII столетию. А ведь именно в этом столетии появились наиболее известные средневековые произведения троянского цикла: «Песнь о Трое» Герберта фон Фрицлара и «Троянская война» Конрада Вюрцбургского (Германия); «История разрушения Трои» Гвидо де Колумна (Сицилия), а также сходные работы в других странах. И лишь в завершение всей эпопеи явились публике греческие поэмы Гомера!

Так будем ли мы удивляться, что в XII–XIII веках вдруг «возродилось» древнегреческое воинское искусство?

П. фон Винклер. «ОРУЖИЕ»:

«Еще во время первого крестового похода пехоте отведена была гораздо большая деятельность сравнительно с той, которую она до этого времени имела. Уже при Антиохии (1097) конные воины принуждены были спешиться и тем достигли необычайного успеха. Сто лет спустя тот же маневр с равным успехом повторил Ричард I, король Английский, в 1192 году при Йоппе. В его распределении войск по древним греческим правилам ясно обнаруживается общераспространенное в то время убеждение, что военное искусство со времени падения римского государства стало на ложный путь и что следует возвратиться к тому времени, когда совершился этот поворот».

Мы не могли не выделить последнюю фразу этой чудесной цитаты. Во-первых, она прекрасно показывает нам метод работы историка. Он здесь ухитрился ни с того, ни с сего приплести к крестовым походам и древних римлян, и еще более древних греков, о которых будто бы Ричард I прекрасно знал. Даже так: оказывается, в Средневековье о той древней истории и о том, что Рим якобы пал, знали ВСЕ! Представьте себе: веками существовало общераспространенное убеждение, что военное искусство «встало на ложный путь»!!! Несколько СТОЛЕТИЙ люди шли на войны и погибали, ЗНАЯ, что для победы надо бы применить хорошо известное чудесное воинское искусство, но почему-то продолжали воевать неправильно.

Во-вторых, цитата позволяет нам прояснить реальную историю. Ведь если отбросить словесную шелуху, вот что следует из сообщения П. фон Винклера: Троянская война произошла незадолго до крестового похода, в котором участвовал Ричард I Львиное Сердце. Не зря же промелькнуло в тексте упоминание боев при Антиохии столетней давности, тактику которых копировал Ричард: это и могли быть «древнегреческие» войны. Думается нам, неспроста в книге историка XIX века Г. Мишо «История крестовых походов» прямо сошлись образы Ричарда и героев гомеровского эпоса:

«Две славы затмевают все остальное в истории этого крестового похода: Ричард и Саладин^{}, различные между собой по гению и по характеру, являются оба героями великой эпопеи, которая сосредотачивала на себе внимание Востока и Запада в последние годы XII века...*

Из всех героев новейших времен Ричард представляет наибольшее сходство с героями Гомера; в нем снова встречается то мужество, которое не останавливается ни перед чем, та самонадеянность, которая никогда не сомневается в победе, то стремление возвести до небес славу своего оружия и также та слабость душевная, та чувствительность, которые заставляют Ахилла плакать, как женщина».

Послевоенная литература всегда проходит одни и те же этапы: сначала публикуются краткие записи времен событий, затем они расширяются, появляются художественные тексты, а позже и подробные мемуары, и стихи. С исчезновением с поверхности земли живых участников войны падает интерес к ней, и падает он тем быстрее, чем активнее воюют потомки. С точки зрения здравого смысла повсеместное воспевание троянской войны в XIII веке, в разгар крестовых войн, совершенно необъяснимо, если только она не произошла в XII веке. Иначе получается, что кто-то (кто?) нашел греческую поэму (совершенно, на наш взгляд, нечитаемую) о давно забытой войне, перевел ее, и она вытеснила из сферы интереса людей те войны, в которых участвовали они сами или их родственники.

^{*} Султан Саладин руководил мусульманскими войсками, которые отбили у крестоносцев Иерусалим.

И пока крестоносцы писали тексты типа тех, что вы прочли выше, трубадуры распевали песни о Троянской войне. А почему не о битве за Иерусалим или за Константинополь?

...В середине XIII века крестоносцы совершили поход в Египет. В путь отправилось 60 тысяч человек, из них 20 тысяч конницы; по Нилу шел флот с продовольствием, кладью и военными машинами. Армия, разумеется, растянулась; идущие первыми не имели терпения дожидаться отставших. Как пишет Г. Мишо в «Истории крестовых походов», безрассудная смелость Роберта графа Артуа увлекла их в авантюру: сначала воины захватили лагерь сарацин, а затем ворвались в Мансур, который стали грабить. Здесь Мишо приводит свидетельства непосредственных участников битвы в Мансуре:

«Мы видели Мансур, мы проходили по его тесным и темным улицам, среди которых погибли в бою граф Артуаский, великий магистр ордена тамплиеров, Рауль де Куси, Вильгельм Длинный Меч и столько других храбрецов, захваченных неприятелем в городе; мы проходили по этой обширной равнине, на которую Людовик IX, переправившись через канал, вступил со всеми своими людьми, который шел при великом шуме труб, рогов и рожков».

Корпус армии, при котором сражался французский король, опираясь с правой стороны на Ашмон — тут множество сарацин и христиан были сброшены в воду и потонули; на противоположном берегу находились крестоносцы, которые не могли последовать за армией, и оставались для защиты лагеря; *«так как они не могли, — говорится в рукописной летописи, — подать помощь товарищам по причине канала, который был между ними, то все, большие и малые, громко кричали и плакали, ударяли себя по голове и по груди, ломали руки, рвали на себе волосы, царапали свои лица и говорили: «Увы! увy! король и его братья и все, которые с ними, погибли!» На этой равнине Мансурской, свидетельнице стольких кровопролитных битв, стольких геройских подвигов, мы искали ту лачужку, в которой приютился благодушный Жуанвилль и в которой он вспомнил о господине св. Иакове; нам казалось, что мы нашли тот самый маленький мостик (poncel), стоя на котором, храбрый сенешаль говорил графу Суассонскому: «Еще мы поговорим об этом в дамских комнатах».*

Но воевали не только в Азии, воевали и в самой Европе. Посмотрим, кто воевал, как и зачем. Никколо Макиавелли пишет о «древних временах»: *«Вы знаете, что выдающихся воинов было много в Европе, мало в Африке и еще меньше в Азии... В Азии мы встречаем имена Нина, Кира, Артаксеркса, Митридата, рядом с которыми можно поставить еще очень немногих... В Греции, кроме Македонии, было множество республик, и каждая из них была родиной замечательнейших людей. В Италии были римляне, самниты, этруски, цизальпинские галлы. Галлия и Германия сплошь состояли из республик и княжеств; Испания — точно так же».*

А современные историки утверждают, что при Юлии Цезаре (линия № 5–6) галлам «не удалось создать крепкого союза всех племен»*, что европейские племена — арверны, эдуи, гелльветы, свевы, белги, нервии, узипеты, тенктеры и многие другие вели только межплеменную борьбу. Неужели это и называется «сплошные республики и княжества»? Но интереснее то, что сам Юлий Цезарь в окружающей его действительности почему-то не видел того, что нынче известно историкам. Если судить по его собственной книге «Записки о галльской войне», он скорее согласился бы с Макиавелли, нежели с ними!

В своих внешних проявлениях средневековые войны выглядели порою, как семейные разборки силами наемных отрядов. Бывало, что предводитель таких наемников захватывает город (например, Милан), скинув местного князя. Тот, если остался жив, бежит к своему родственнику, например, французскому королю, и уговаривает его идти войной на Милан. Или просто король Франции считает, что у него больше прав на этот город, как у родственника убитого князя, чем у теперешнего миланского тирана. Он нанимает швейцарцев и посылает их отвоевывать город назад. Такая же картина была по всему миру.

«Стремление к завоеваниям, — пишет Макиавелли, — вещь, конечно, очень естественная и обыкновенная, когда люди делают для этого все, что могут, их всегда будут хвалить, а не осуждать; но когда у них нет на это сил, а они хотят завоевывать во что бы то ни стало, то это уже ошибка, которую надо осудить».

* Через 250 лет после этих событий Колумб открыл Америку и ее прелестный мир индейских прозвищ. Как схожи они с нашим Средневековьем! Ястребиный Коготь, Длинный Меч, Большой Змей, Львиное Сердце...

* Всемирная история, том 2.

Теперь-то все это забыто. Теперь кажется нормальным, что какие-то монголы ни с того, ни с сего решили, вот именно, всех завоевывать, не задумываясь ни о династических проблемах, ни о требующихся ресурсах. Но ведь это мнение ни на чем не основано! Макиавелли — в XVI веке, напомним! — не знает никаких монголов, а что-то схожее называет по-книжному парфянами, причем своих «этрусков» со всем плезиром называет тосканцами, а галлов — французами:

«...я не обязан принимать во внимание, что привилось в Азии. Могу вам все же сказать, что боевой строй парфян был совершенно противоположен римскому; они сражались всегда на конях и в бою бросались на противника врассыпную... Римляне, можно сказать, сражались почти сплошь пешими и сомкнутым строем. Оба войска одерживали верх попеременно, смотря по просторности или тесноте поля сражения».

Мы не можем сказать однозначно, что за народность имел в виду Макиавелли под названием «парфяне», и не было ли это название для него совершенно отвлеченным от реальности, виртуальным. Соединялись ли в его сознании понятия «римский император» и «турецкий султан», «парфяне» и «монголо-татары Хулагу»? Не может же быть, чтобы Макиавелли не слышал ничего про монголо-татар! Но он даже имени Чингисхана не знает, как и Батия, и других монгольских героев. Как же так? Ведь были уже известны книжки Марко Поло и прочих подобных! А может, их сочинили позже?.. Тогда другое дело...

Речь тут, скорее всего, идет о войнах византийцев с турками в XIII–XIV веках, и были это гражданские войны на территории одного, пусть и широко раскинутого государства. А византийцам, выкинутым крестоносцами из Царьграда, было важно подчинить турок и прочих, чтобы совместно накинуться на европейского врага. Но каждый летописец трактовал события в угоду политическим пристрастиям своего заказчика, и вот разнообразные записи, сделанные «с разных сторон», дали основание для целого ряда «историй», естественно растянувшихся во времени и в пространстве.

Нам, людям не военным, трудно судить, прав ли Макиавелли, но в литературе сложился известный образ римской армии: мобильной, дисциплинированной, легковооруженной в сравнении с закованными в сталь рыцарями Средних веков, способной за день покрывать огромные расстояния. Хорошая разведка, умение укреплять лагерь, сторожевые отряды. Но интересно сравнить этих «римлян» с турками Средневековья, о которых пишет Лорд Кинросс:

«Османь всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути. Путешественник Бертран де ля Брокьер так отзывался об османских войсках: «Они могут внезапно трогаться с места, и сотни солдат-христиан произведет больше шума, чем десять тысяч османов. При первых ударах барабана они немедленно начинают маршировать, никогда не сбиваясь с шага, никогда не останавливаясь, пока не последует приказа. Легковооруженные, они способны за одну ночь проделать путь, на который у их христианских соперников уйдет три дня».

Как сравнение, Кинросс рассказывает о западных рыцарях-христианах, хоть и слегка беллетризованно:

«Западные рыцари в отсутствие противника для схватки рассматривали всю операцию скорее в духе пикника, наслаждаясь женским обществом, винами и предметами роскоши, захваченными из дому, увлекаясь азартными играми и попойками, перестав с присущим их высокомерию верить в то, что турки вообще когда-либо смогут быть для них опасным противником. Тем солдатам, которые осмеивались думать иначе, отрезали уши в наказание за пораженческие настроения».

Однако это несправедливо для рыцарей военно-монашеских орденов. А. Фори пишет в сборнике «История крестовых походов:

«Несмотря на то, что рыцарей-монахов было сравнительно немного, за свою храбрость они пользовались уважением даже противника (особенно на востоке). Братья представляли собой силу более дисциплинированную и организованную, чем многие светские воинские части. Тамплиеры следовали строгим правилам поведения в военном лагере и на марше...»

Читатель скажет, что мы напрасно пытаемся создать впечатление очередного анахронизма. Но нам тут даже и стараться незачем. Вот и Макиавелли в рассуждениях «О первой декаде Тита Ливия» настойчиво называет этрусков тосканцами, а галлов французами, а

кроме того прямо пишет, что в военном деле Европы после римлян практически ничего не изменилось.

Он пишет о современной ему пехоте:

*«В пехоте есть также фюзильеры; огнем своего оружия они выполняют ту же задачу, что стрелки из лука и пращники древности. Вооружение это изобретено германскими народами, особенно швейцарцами; они бедны, но дорожат своей свободой и потому, как прежде, так и теперь, вынуждены защищаться от властолюбия германских князей, которым богатство дает возможность держать конницу, что для швейцарцев при их бедности недоступно. **Необходимость защищаться пешими против конных противников заставила их обратиться к военным учреждениям древних и к оружию, которое защищало бы их от бешеного натиска конницы.***»

Значит ли это, что использование огнестрельного оружия швейцарцы позаимствовали у древних? Опять мы сталкиваемся с вопросом, кто же такие эти «древние».

В начале XVI века Макиавелли не видит ничего принципиально нового в вооружении его современников и древних, причем его «древние» сильно отличаются от традиционных «древних». Или, он пишет: *«Думаю, что благодаря седлу с лукой и стремянам, которых раньше не знали, всадник в наше время крепче сидит на лошади, чем в древности»*. И опять тот же вопрос: когда «раньше», и что такое, в представлении Макиавелли, «наше время»? Ведь стремяна, как говорят и сами историки, были изобретены не ранее XI века н.э.! Александр Македонский их не должен был знать!

Однако историк Флавий Арриан (полагают, между 95 и 175 годами, линия № 6 «римской» волны) пишет об одном из боев Македонского (IV до н.э., тоже линия № 6) вот что: *«Воинов Александра пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы и лошади их были тщательно защищены броней»*. Но чтобы защищать коня броней, надо как минимум знать седло и стремяна, уметь пользоваться прочей сбруей.

Макиавелли сообщает об армянских воинах царя Тиграна II Великого (I век до н.э., линия № 5–6 «римской» волны):

«Армянский царь Тигран выставил против римского войска под начальством Лукулла 150000 конницы, причем многие так называемые катафракты были вооружены вроде наших жандармов (в то время — тяжеловооруженные рыцари. — Авт.); у римлян же при 25000 пехоты не было даже 6000 всадников, так что Тигран, увидав неприятельское войско, сказал: «Для посольства здесь все-таки много всадников». Однако, когда дело дошло до боя, Тигран был разбит, а историк сражения громит этих катафрактов, подчеркивая их полную бесполезность, потому что забрала, сплошь закрывавшие лицо, не позволяли им видеть врага и нанести ему удар, а тяжесть оружия не давала упавшему всаднику встать и пустить в дело свою силу».

Залезть на животное в доспехах нельзя, если нет седла (куда можно сесть) и стремян (в которые можно сунуть ноги, чтобы удержаться в седле). Если, по Макиавелли, «наше время» (эпоха Возрождения) отличается от «древности» наличием надежной конской сбруи, как минимум седла и стремян, то царя Тиграна и Александра Македонского, — героев, которых историки приписывают минус I и минус IV веку, следует отнести к эпохе Возрождения!

Поскольку все работы Макиавелли написаны до изобретения Скалигером столь привычной теперь хронологии, постольку нас не удивляет его хронологическая «необразованность». Смысловые соответствия текста Макиавелли с этой историей достигнуты стараниями переводчиков и редакторов XVII–XIX веков. Впрочем, даже при всем старании не удастся скрыть, что Макиавелли не придерживается «установлений» традиционной истории. Например, он пишет, что есть княжества наследственные, а есть «новые» — такие, как упомянутое выше Миланское. В главе «О новых княжествах, приобретаемых своим оружием и собственной доблестью», Макиавелли упоминает Моисея, Кира, Ромула, Тезея, а в главе «О новых княжествах, приобретаемых чужим оружием и милостью судьбы» он пишет о Франческо Сфорца и Цезаре Борджа, и хронологическая «пропасть» для него не имеет значения.

Дадим же теперь слово не европейским авторам. Придворный историк султанов Саад-эд-Дин (вторая половина XVI века) написал хронику династии Османов с 1299 года, пользуясь сочинениями предшествовавших ему авторов. Переводчик пишет: «По своей направленности его хроника тенденциозна и исполнена идеи восхваления подвигов турок, однако фактическая сторона событий передана правильно». Посмотрим, как автор XVI века рассказывает о событиях XV века (линия № 7), о взятии Константинополя турками:

«Когда весна была уже на исходе, султан Мехмед, видя, что все готово и что все войска уже собраны, отправился... в поход, приказав одновременно везти на особых телегах огромные пушки, которые он велел изготовить для того, чтобы разрушить стены и башни (Константинополя). Перед тем как отправиться в поход, он произвел генеральный смотр своей армии... Утром султан прибыл на место, и вся армия приблизилась и заняла позиции перед стенами со стороны суши, приведя в великое изумление осажденных, которые пришли в страх при виде этого войска, даже несмотря на то, что (византийский) император, предупрежденный о решении султана, приказал укрепить все слабые места города, через которые было бы легче начать нападение, и сам он был исполнен твердой решимости защищаться до конца.

Прежде чем султан начал осаду, император послал ему предложение взять себе все города и их окрестности вне Стамбула, но оставить ему, императору, город, за что император будет платить султану ежегодную дань. Но султан, не внимая этим предложениям, ответил, что сабля и его религия неразлучны, и потребовал, чтобы император сдал ему город. Получив (этот) отказ, император установил на башнях и стенах артиллерию, воинов, вооруженных мушкетами и большими запасами смолы.

К концу первого дня до наступления ночи султан приказал установить в нужных местах батареи и начал подступ к городу при помощи янычар, а как только пушки были установлены, он приказал подвергнуть стены сильному обстрелу, не говоря уже о непрерывном граде стрел и камней, бросаемых метательными машинами, которые подобно дождю засыпали город. Осажденные в свою очередь производили непрерывные залпы из мушкетов и пушек, заряженных каменными ядрами, которыми они причиняли большие страдания многим мусульманам, оросившим своей кровью землю. В это время прибыли два больших корабля, посланные на помощь императору франками, и высадили значительное подкрепление, которое быстро проникло в город...*

...Султан ... приказал начать штурм со стороны Едирехских ворот. Сопротивление, оказанное осажденными, было настолько мужественным, что турки лишь к ночи смогли форсировать брешь в стене. Но вместо того, чтобы дать отбой, султан приказал привязать к концу пик факелы, свет которых заменил бы дневное освещение. Он не хотел давать передышки осажденным. Приказание было выполнено, и сражение продолжалось всю ночь. В момент самой жаркой схватки начальник франков появился на высоте стены, сражаясь наряду с другими воинами. Тогда один молодой мусульманин, ловкий и хладнокровный, бросился на него с необычайной быстротой и нанес ему такой яростный удар, что тот, пораженный насмерть, пал ниц на землю. Франки, видя гибель вождя, прекратили битву и тотчас же отступили по дороге к морю, чтобы сесть на свои корабли. Тут осаждающие почувствовали новый прилив сил. Не обращая внимания на стрелы, выстрелы мушкетов, пушек и град камней, они бросились как львы на приступ и, войдя в брешь, проделанные ими с такой отвагой, они, наконец, захватили их и утвердили там свое знамя. В то же время город был взят, и войска, войдя в него, предали его крови и разграблению.

Император в этот момент был в своем дворце на северном конце Едирехских ворот, где он залпами из мушкетов и пушек старался отбиться от атакующих его мусульман. Но так как он узнал, что знамя, к которому был прикреплен коран, уже реет в центре города, он потерял мужество и приготовился отступить ко внешнему дворцу с отрядом своих людей. По дороге, встретив несколько грабивших мусульман, он бросился на них и переколот их всех. Наткнувшись на азапа, упавшего на землю от тяжелой раны, он счел своим долгом прикончить его. Азап, несмотря на слабость, напряг все усилия, чтобы избежать удара и продлить свою жизнь, и нанес императору в то же время удар, которым он поверг его на землю, после чего и прикончил его. Это заставило всех, кто сопровождал императора, бежать и рассеяться. Наконец, когда не осталось ни одного человека с оружием в руках, ни одного, кто мог бы оказать сопротивление, открыли городские ворота, и султан въехал в них во главе своей кавалерии. Грабеж продолжался три дня, и не было ни одного воина, который не стал бы богатым благодаря захваченной добыче и рабам. По прошествии же трех дней султан Мехмед запретил под страхом тяжких наказаний продолжать грабеж и резню, которая все еще не утихала. Все повиновались его приказу. Когда наступило полное спокойствие, вместо нелепого колокольного звона раздался приятный голос муэдзина, возвещающий пять раз в день час молитвы. Из церквей выбросили идолов, очистили их от

* Здесь интересно, что войска XV века стреляют из пушек каменными ядрами, а во времена Цезаря знают свинцовые пули.

запахов, которыми они были оскверняемы, и устроили в них ниши, дабы обозначить место, куда следует устремлять взор, когда творишь молитву. К церквям приделали Минареты; одним словом, не забыли ничего, чтобы превратить их в места благочестия для мусульман».

Этот рассказ уже значительно более сложен и подробен в деталях, нежели рассказы предшествующих времен. За четыре столетия, прошедших с начала крестовых походов, развилась литературная традиция, терминология, мастерство писателей. Постепенно установились международные названия, стали общеупотребимыми и повсеместно понятными имена, а это предотвращало появление различных толкований текстов. Научились писать так, что из текстов стало возможным понимать политическую обстановку!

История, составленная по хронологии Скалигера (1540–1609) — это цепь злодейств, не имеющих цели и смысла. Драматическую, но вполне понятную историю Ромеи XII–XIII веков он разложил на ряд демонических нашествий готов, арабов, монголов. А реальная история просвечивает в них лишь незначительными деталями.

Ромейская (Римская, Византийская) империя, включавшая все земли от Ирана до Британии, создавалась до линии № 1. В течение ста лет произошло ее дробление на каганаты, управлявшиеся каганами, то есть государями-священниками. По всей вероятности, в VIII–IX реальных веках повсеместно произошли изменения в государственном устройстве разных стран; вместо каганатов появляются новые государственные образования — королевства и т.п., причем номинально, (а на восточных землях, быть может, и фактически) сохранялась Ромейская (Византийская) империя. В Европе в IX–X веках произошло объединение на основе католической религии, и была сделана попытка присоединить к этому союзу восточные земли, где исповедовались мусульманство и православие. События и войны этого периода вошли в «историю по Скалигеру» под именами арабских завоеваний, крестовых походов, монгольского ига...

Мы излагали уже версию, что был некоторый рубеж, который отделил античность от эпохи Возрождения. Это середина XIV века, отмеченная жесточайшими гражданскими войнами в империи: в 1338 году османский эмир Орхан завоевал Малую Азию, в 1360 году султан Мурад I покорил почти всю Францию. Не этим ли гражданским войнам были свидетелями Цезарь, Лукан и Тит Ливий, чьи описания относятся к этой линии № 6?

XIV век также известен страшной эпидемией чумы, получившей название «Черная смерть» и, возможно, разрушительными землетрясениями. Эти ужасы нанесли классической культуре конца XIII – начала XIV веков тяжелый удар: население Европы сократилось, города обезлюдели, производство упало. В конце XIV века встал вопрос о возрождении культуры, а время упадка и испытаний получило повергающее всех в ужас наименование «середина века». Однако в начале следующего, XV века это название потеряло свой первоначальный смысл, и было переделано в «средний век», — так, возможно, именовали теперь весь XIV век в отличие от античного XIII века и нового XV века, века Возрождения.

В XVI–XVII веках в результате филологической деятельности некоторых представителей Ренессанса прижилось понятие «средние века», подразумевающее сразу чуть ли не тысячу лет. Так и получилось, что Лаоник Халкокондил в середине XV века имел образцом творчество Фукидида (якобы ок. 460–400 до н.э., линия № 5), античного автора XIII века; Тит Ливий тоже следовал за ним.

Византийский историк Лаоник Халкокондил (ок. 1430 – ок. 1490) дал в своем сочинении интересное описание жизни многих народов, а особенно подробно — на Балканах и в Малой Азии. Свободный от чиновничества византийских императоров и христианских владык, Лаоник достаточно беспристрастен, хотя не все его сообщения точны. Нам же наиболее важно, насколько свободно он владеет словом.

Тут мы приводим его рассказ о походе турок в 1450–1451 годах на албанцев, поднявших во главе со Скандербегом восстание против поработителей.

Лаоник Халкокондил. «10 КНИГ ИСТОРИЙ»:

«Итак... с наступлением лета император (турецкий султан Мурад II, 1421–1451 годы. – Авт.) выступил против сына Ивана Скандербега, который еще ребенком прибыл ко двору императора, стал его любимцем, но бежал в свою родную страну, женился на дочери Арианита и открыто воевал с императором, ни дани не уплачивая императору, ни ко двору не являясь, ли на увещания не склоняясь. Собрав поэтому все свои войска и из Азии, и из Европы, император выступил на страну Ивана и, когда достиг ее, вторгся в нее. Посылаемые им войска, поджигая все, что возможно поджечь, палили деревни, поля и имущество и*

* Арианит — знатный албанец, тесть Скандербега, руководитель восстания против турок в 1448 году.

уничтожали все, находящееся там. Скандербег же и выдающиеся албанцы тайно отправили жен и детей в земли венецианцев, на побережье Ионического моря. Сами же, бродя кругом, переходили из одной области в другую, если их просили об этом их города, и оставались в горах, которые простираются над их страной до самого Иония. Мурад осадил прежде всего Сфетию, объявив жителям, что если они сдадут город, то могут уйти, куда каждый пожелает. Но те не согласились. Тогда он бросил на штурм янычар, взял город силой, поработил жителей, а мужчин всех перебил. Затем, подойдя к Гетии, он занял ее, ибо жители сдались, и, обратив их в рабство, повел войска на Крую, самый выдающийся из городов страны албанцев, расположенный в очень укрепленном месте. Приступив к нему, он осадил его, ударил в стену таранами и низверг значительную ее часть. После этого, надеясь взять город, он штурмовал его с янычарами, но не мог захватить и отвел войско, ибо год уже кончился, и наступившая зима угнетала воинов... А на другой год снова, объявив о сборе войска, выступил против Скандербега...»

Мнения о творчестве Лаоника, которые можно найти у литературоведов, поразительным образом подтверждают нашу версию хронологии. Например, утверждается: «Знаменательно, что Халкокондил говорит об «элинах», а не о «ромеях...». Или: «Он продолжает переименовывать русских — в «сарматов», сербов — в «трибаллов», болгар — в «мидян», татар — в «скифов» и т.п.».

Или такое мнение — о другом летописце того времени, Кривотуле с острова Имвроса: «...Он воспроизводит взятые у Фукидида парадигмы изложения (подчас прямо вставляя в свой текст выдержки из античного историка)». И затем: «Османе оказываются у Кривотулы потомками Персея и Даная, а стало быть — исконными элинами»; «Мекмед II... выступает в своей войне с элинами как мститель за гомерову Троию».

Дадим слово Лудовико Ариосто (1474–1547, линия № 7–8). Всё перемешалось в его стихотворении, — мавры мстят императору Карлу за смерть римского императора Трояна, здесь же воюют потомки Геркулеса:

Дам, рыцарей, оружие, влюбленность
И подвиги, и доблесть я пою
Времен, когда, презревши отдаленность,
Стремили мавры за ладьей ладью
На Францию; вела их разъяренность
Владыки Аграманта, чтоб в бою
Смять Карла-императора и рьяно
Отмстить ему за смерть отца — Трояна.
И о Роланде в песне расскажу я
Безвестное и прозе и стихам:
Как от любви безумствовал, бушуя,
Еще недавно равный мудрецам, —
Все это я исполню, торжествуя.
Коль бедный разум сохранию я сам,
Уже едва ль оставленный мне тою,
Что не Роландом завладела — мною.
Потомок Геркулеса благородный,
Краса и гордость века — Ипполит,
Прими сей труд не пышный, но свободный,
Твой верный раб тебе его дарит.

В то время сын Трояна знаменитый
Париж осадой обложил кругом,
И городу, лишенному защиты,
Грозил вскоре пасть перед врагом;
И если б не были поля залиты
С небес на них ниспосланным дождем, —
От африканского копья без славы
В тот день лишился б Карл своей державы.

...Завершается XV век (линия № 7), начинается век XVI (линия № 8). Один из самых знаменитых писателей этой эпохи Николо Макиавелли сообщает о поражении от

Ганнибала при Каннах (216 до н.э., линия № 7) во Второй Пунической войне. Всё в его текстах — иносказания. Он пишет про Рим и тут же про римскую Церковь. Он не приводит ни одной (!) даты.

«От Тарквинцев до Гракхов — а их разделяет более трехсот лет — смуты в Риме очень редко приводили к изгнаниям, и еще реже к кровопролитию», и т.п. Имеются в виду триста лет с XI по XIV век? Или это просто мифическая цифра?

А вот заявление о влиянии Рима, который легко отождествляется с римской Церковью:

«В древние времена (какие?) тому было немало примеров. Так, при помощи Карла Великого Церковь прогнала лангобардов, бывших чуть ли не королями всей Италии. В наше время она подорвала венецианцев с помощью французов, а потом прогнала французов с помощью швейцарцев».

Или: *«Многие римляне, после того как нашествие французов опустошило их родину, переселились в Вейи, вопреки постановлению и предписанию Сената».* Комментаторы тут же поправляют: «Макиавелли... сознательно допускал анахронизм, именуя галлов французами: это надо было ему для подчеркивания параллели между галльским нашествием на Древний Рим и походам Карла VIII в Италию». Ну, когда же это кончится?!

«...Сама доблесть, которая прежде помещалась в Ассирии, переместилась в Мидию, затем в Персию, а из нее перешла в Италию и Рим». Перечисляя «древние царства», Макиавелли пропускает Македонию. Видимо, и Македония и Италия означало тогда одно и то же — Ромею XIV века, ибо эти земли входили в состав империи.

А в некоторых местах (и это ни для кого не секрет) Макиавелли дополняет Тита Ливия, то есть история, описанная Ливием, известна ему не хуже, чем самому Ливию! Причем сначала средневековые хронологи «вычислили», что Тит Ливий жил в I–II веках н.э., а потом они «поправились», и теперь считается, что он жил в I веке до н.э. Это тоже надо иметь в виду, когда в истории что-то не сходится.

Гербы и флаги *

Как бы мы ни относились нынче к рыцарству, но было то время, и в нем жили люди. Мы теперь можем, при желании, посмеяться над их нелепыми одеждами и прическами, перьями на шлемах, «технической отсталостью», суевериями и гербами. Но они относились совершенно серьезно и к Богу, и к правилам чести, и к принятой символике.

И мода того времени не казалась им смешной. Они, скорее, посмеялись бы над нами.

Но учитываем ли мы условия той культуры, в которых они жили? Не всегда. Ю.В. Арсеньев пишет в книге «Геральдика» (1904):

«Еще весьма недавно научное понятие об «истории» ограничивалось одною лишь «политическою» ее частью, причем совсем не обращалось внимания на ее археологическое значение, на изучение специально исторических вопросов и местных бытовых условий. Понятие о культурной истории долгое время совершенно отсутствовало в науке».

«Еще совсем недавно!» — надо полагать, в XIX веке не обращали внимания на исторические источники, а ведь история была уже в основном написана! — но геральдика не воспринималась как научная дисциплина.

Что такое геральдика, и почему к ней следует относиться как к строгой науке? «Геральдика есть познание правил изображения гербов и пользования ими», — пишет Арсеньев. Дело в том, что средневековый человек отнюдь не был глупцом. Ему не хватало знаний в той или иной области, но в том, в чем он хорошо разбирался, он не делал глупостей. А в гербоведении, правилах составления гербов, он разбирался, — в отличие от нашего современника.

Прежде всего, герб — не просто эмблема, а эмблема на щите. С этой точки зрения, кстати, герб СССР гербом не являлся.

Гербы могли быть рельефными, но могли быть и плоскостными. Они составлялись из металлов (золото и серебро) и эмалей (финифтей) пяти цветов: красного, голубого или лазоревого, зеленого, пурпурного и черного. Золото и серебро, соответственно,

* Из книги «Другая история искусства».

добавляли в палитру желтый и белый цвета. Основное правило: запрещалось накладывать металл на металл и финифть на финифть.

В изображениях употреблялись также меха, горностаевый и беличий, которые наносили на гербы черными или голубыми значками в виде шкурок, хвостов или более сложных фигур. Если на гербе изображался человек, было разрешено использовать телесный цвет.

Щиты могли разделяться на части. Если делили по вертикали, щит назывался рассеченным, по горизонтали — пересеченным, из угла в угол — скошенным справа или слева. Можно было разделять щит одновременно и по горизонтали, и по вертикали. Были и другие деления щита: вилообразный, зубчато-пересеченный, вогнуто-рассеченный и так далее.

Существовало шесть основных геральдических (дававших около двухсот комбинаций) и большое количество негеральдических фигур (среди которых естественные, искусственные и легендарные), помещаемых на щит. Все живые существа должны изображаться смотрящими в левую от зрителя сторону.

Применялись в геральдике также «необязательные» части: шлем, корона, нашлемник, мантия, намет, щитодержатели, девизы, сень.

По сообщению того же Арсеньева, представления о развитии геральдики складывались значительно позже «гербоносной» эпохи, и были весьма наивны и ненаучны:

«...француз Фавен (1620 г.) относил начало геральдики к первым временам человечества и баснословил, будто потомки Сифа, желая отличаться от сыновей Каина, изображали на своих щитах различные предметы животного и растительного царства, тогда как последние избрали себе для той же цели предметы искусственные. Сегуэн (1648 г.) приписывал изображения гербов сыновьям Ноя, ссылаясь на какие-то сомнительные апокрифические источники. Нашлись и такие фантазеры, которые изобретали гербы для Адама, пророков, ветхозаветных патриархов и еврейских царей. Другие, читая в книге Чисел, что евреи по выходе из Египта разбивали свой лагерь по племенам и семействам, утверждали, что каждый из них избрал себе герб сообразно с тем, что ожидало его в будущем. Так, Иуда принял изображения льва, Завулон — якоря, Иссахар — осла, Гад — воина, Дан — змея, Симеон — меча, Вениамин — волка и т.д.»

Герб необходим, чтобы различать в бою, кто есть кто. Бытовым сознанием мы понимаем, что сыновьям Ноя нечего было делить и они, расселившись на разные континенты, не воевали. Так что геральдика развивалась отнюдь не во времена библейского Ноя, а в Средние века. Начавшись где-то совершенно незаметно, не оставив от этого начала никаких следов в истории, она захватила со временем всё рыцарство. Лев получал в лапы крест, меч или секиру, менялся цвет когтей и языка (или самого животного), раздваивался хвост и т.п. Вздернутые крылья и открытый клюв у орла, поднятые или красные когти у зверя означают воинственность, опущенные крылья — миролюбие.

Постепенно отличительные знаки на щите стали наследственными, родовыми. Выработались строгие правила составления гербов. Появились специальные люди, специалисты по гербам — герольды, а со временем и специальные государственные учреждения, герольдии.

Как пишет Вейс, древнеримские воины носили щиты «с украшениями в виде гербов». Не проще ли прямо сказать, что щиты были украшены гербами? Нет, историк этого не делает, ибо фраза, построенная таким образом, мгновенно выдаст средневековое происхождение римских щитов.

А вот итальянский историк XIV века Виллани прямо пишет:

«У великого Помпея была хоругвь с серебряным орлом на голубом поле, а у Юлия Цезаря — с золотым орлом на алом поле... Но Октавий Август, племянник и наследник Цезаря, изменил этот герб и принял золотой цвет поля и природный черный цвет орла, символизировавшего власть императора... Константин и за ним другие греческие императоры вернулись к гербу Юлия Цезаря, т.е. золотому орлу на алом поле, но двуглавному... После Октавиана все римские императоры (Палеологи и Кантакузины, — Авт.) сохраняли такой же герб (черного орла на золотом поле, — Авт.)...»

Современный же комментатор никак не может удержаться от «уточнений»: «В древнем Риме не было гербов, хотя орел... действительно украшал военные знамена и позже стал знаком империи». Ну, что тут поделаешь?

Мы видим, что история геральдики происходит в Средние века. Она началась одновременно с появлением рыцарства и точно так же, как и рыцарство, оказалась

«отраженной» в мнимых ветвях синусоиды. Вот как геральдика развивалась на самом деле, если отбросить выдумки о гербах ветхозаветных и античных героев:

«Историю геральдики ... можно разделить на три периода:

1. Время, когда исключительно лишь один щит с находившимся на нем изображением представлял собой герб — с XI-го до XIII-го века (линия № 3–5) — это геральдика щита и эпоха ее первоначального развития.

2. Период, когда к щиту как носителю герба присоединился шлем со своим украшением, и гербовое искусство достигло своего высшего, живого (практического) развития. Это время процветания геральдики, продолжавшееся с XIII-го до конца XV-го века (линии № 5–7). В этом периоде действительно употреблявшийся в бою щит совпадает, т.е. тождествен с геральдическим щитом, т.е. расписанный красками гербовый щит и шлем с его украшением действительно носят владетелем герба.

3. Время, когда геральдический щит превращается в нечто совершенно отвлеченное и в действительности уже более не носится. С этих пор начинает появляться в гербах множество несущественных привесок и добавлений, которые не имеют основания в существе дела. Старинные геральдические правила начинают постепенно забываться и исчезать, и, при недостатке правильного понимания, в геральдику вторгается произвольность. Это время упадка живой геральдики — начиная с XVI века (линия № 8) и до нынешнего времени».

Во многих странах издавались справочники — гербовники. Видимо, с XV века геральдика становится очень сложной и запутанной. А ведь в рамках геральдики сформировалась еще и наука о знаменах, вексиллография. Тут тоже сложностей хватает, поскольку свое значение имели форма, размер, цвет и изображение, помещенное на знамя.

Но геральдика на то и историческая дисциплина, чтобы распутывать сложности. Таким образом, она, равно как и нумизматика, и лингвистика, не только могла, но и должна была устанавливать хронологические рамки для истории. Однако дело шло с точностью до наоборот: история, основанная на хронологии Скалигера, навязывает геральдике и другим дисциплинам временные рамки.

Геральдисты теряют всякую возможность работать, потому что история учит:

«Средневековые в грандиозных масштабах смешало эпохи и понятия, средневековые авторы по невежеству отождествляли древнюю, античную и библейскую историю с эпохой средних веков...

В средние века почти утерялось представление о хронологической последовательности: при похоронах Александра Македонского присутствуют монахи с крестами и кадильницами; Катилина слушает обедню; Орфей является современником Энея, Сарданапал — царем Греции, Юлиан Отступник — папским капелланом...»

Этот набор «средневековых анахронизмов» появился лишь после того, как «новопросвещенные» скалигеровщиной европейцы запутались в своей истории или решили специально ее запутать.

К сожалению, печальной констатацией этого факта и ограничивается научный инструментальный серьезного геральдиста.

Арсеньев: *«Со времени так называемой эпохи умственного просвещения, конца XVIII-го столетия и до наших дней нередко слышались и еще слышатся голоса, заявляющие, что занятия геральдикой и сфрагистикой, а равно и генеалогией, не могут иметь никакого научного значения и являются лишь бесполезной тратой времени».*

Но когда мы встречаем на полотнах средневековых художников тот или иной геральдический знак, можно быть абсолютно уверенным, что он использован там со смыслом и со знанием дела. А встречаем мы гербы на картинах часто.

На картине Пьеро делла Франческа мы видим на флагах орла, льва и черную голову (герб Корсики). Картина называется «Битва Ираклия с Хосроем», написана в XV веке, а саму битву традиционно относят к VII веку. Анахронизм?... Или нет?

В произведениях братьев Лимбурггов и других европейских художников войска Юлия Цезаря или его прямых потомков в средневековом облачении сражаются с войсками Александра Македонского, что с точки зрения традиционной хронологии — абсолютная нелепость.

Герб, при отсутствии паспортов, удостоверял личность дворянина. Мало того, знающему человеку он рассказывал историю рода, что тоже было так важно для дворянина! И вот мы видим, что так же, как приписали Александру Македонскому знание кодекса рыцарской

чести, теперь его «снабжают» гербом! Да еще «сводят» на поле боя с Цезарем, коий младше Александра на 300 лет!

Арсеньев пишет: *«Вполне ясно, что герб является произведением эпохи рыцарства, продуктом крестовых походов и турниров, одним словом, Средних веков. Влияние крестовых походов и турниров на развитие геральдики, как науки с определенными, точно установленными правилами, не подлежит сомнению... Геральдике свойственны только два стиля: готический и стиль эпохи Возрождения».*

Средневековый правитель не стал бы без серьезных на то причин печатать на своих деньгах «чужой герб», как это сделал, если верить традиционному толкованию, хан Золотой Орды, поместив на монете знак принадлежности к византийскому двору. Не стал бы приписывать Юлию Цезарю герб Палеологов, не имея на то оснований.

И.К. Гаттерер в книге «Начертание гербоведения» (1805) дает такие «иконологические описания» гербов некоторых «знатнейших государств», располагая их по алфавиту:

Англия – три золотых леопарда;

Венеция – лев в короне, в передней лапе держит крест;

Ирландия – золотая лира или арфа;

Испания – золотая крепость с тремя башнями в красном поле;

Пруссия – единоголовый черный коронованный орел в серебряном поле;

Римская империя – черный двуглавый орел парящий, в золотом поле;

Турция – новая луна;

Франция – три золотых лилии в синем поле;

Швеция – три золотые короны, в голубом поле;

Шотландия – красный лев, в серебряном поле.

Двуглавый орел на золотом поле, названный здесь гербом Римской империи, «по совместительству» был гербом Византийской империи, а современный герб Венеции — крылатый лев с книгой. Скорее всего, на картине Пьеро делла Франческа «Битва Ираклия с Хосроем» рядом с флагом Корсики изображен флаг Венеции (золотой лев на красном поле). Черный орел с одной головой может быть гербом Хосроя, но что же это, в таком случае, за Хосрой, и какой у них там век на дворе?

И еще: сколь хороши рисунки гербов!

В сборнике «Из истории и культуры средневековья» М. Медведев пишет, что на заре геральдики изображения были грубы, примитивны, без выписанных деталей. С XIII века в создании гербов начали применять готический стиль (орел, например, состоял из одних прямых линий). В XVI веке наметился переход к новым формам, а в течение следующего столетия в геральдике утвердился стиль барокко: ломаные линии контура сменились плавной кривизной. В XVIII веке стараниями графиков Дозье и Ленотра был создан законченный гербовый стиль (стиль рококо), который в целом сохранился и позднее.

Рассматривая различные источники по гербоведению, М. Медведев сообщает:

«Повторяя тезис Фоше (1530–1602) о бытовании наследственных гербов лишь со времен Людовика Толстого, Коломбьер, Дж. Гуиллим и другие авторы буквально топили его в системе прямо противоположных суждений.

Так называемая «эпоха герольдов» (приблизительно XIV–XV вв.) характеризуется расцветом формальных, зачастую совершенно искусственных гербоведческих построений, относившихся более к риторике, чем к геральдике как таковой, и еще сохранивших вспомогательный, второстепенный характер. Затем формальная геральдическая теория, совершенствуясь, стала претендовать на самодостаточность, а герб был переосмыслен как ее порождение, придаток, иллюстрация. В результате, когда в XVIII столетии круг замыкается, внимание исследователей все чаще вновь обращается к гербу, и таким образом кладется начало научной геральдике, последняя получает в наследство мощный комплекс ложных стереотипов восприятия, не изжитых и по сей день. Исследователь вынужден постоянно преодолевать эту гербоведческую «антитрадицию», восходящую к эпохе Ренессанса».

А может быть, научная геральдика получила в наследство от XVII века ложную скалигеровскую хронологию? И герб на самом деле способен «пролить свет» на темные места истории? Так будет точнее.

Династические гербы появляются с XI–XII веков. С этого же времени известны городские печати и флаги. Города, боровшиеся за свою независимость с королями, вводят городские гербы с XIII века. Герб города и флаг не обязательно совпадали по изображениям.

Например, в 1242 году был заключен договор между Генуей и Венецией, по которому в целях безопасности корабли того и другого города должны были нести щиты с гербами обоих городов. Первоначальный герб Венеции — лев на зеленом холме в голубом поле — позднее стал изображаться в поле цвета венецианского флага — красном. Гербом Генуи был красный крест на белом поле. Такой же крест был на флаге Флоренции, но с 1251 года его сменила алая лилия. Еще Ричард I Плантагенет (Львиное Сердце) использовал в Крестовом походе белое знамя с красным крестом.

Государственные же гербы появились, скорее всего, в XIV веке, а гербы, зафиксированные в правовом отношении, известны с XV века.

Посмотрим на историю гербов с точки зрения совпадений по «линиям веков». Считается, что три золотые жабы появились на белом знамени основателя франкского государства Хлодвиг в VI веке (линия № 3), а позже их переделали в лилии на синем фоне. Это очень спорно, потому что жаб не было бы видно издали. С другой стороны, основатель династии Капетингов Людовик IV Толстый (1081–1137) находится на той же линии, что и Хлодвиг, и даже их имена созвучны: Людвиг – Хлодвиг. С этого времени (линия № 3) гербом династии Капетингов становятся три золотые лилии, и этот же герб стал государственным. При смене династии Капетингов на династию Валуа герб Франции — три золотые лилии на синем поле — остался прежним.

Примерно тогда же гербом Плантагенетов стали три леопарда на красном поле. Эдуард III Плантагенет (1312–1377), внук Филиппа IV Капетинга (1268–1314), претендующий на Французский трон, ввел в свой герб французские лилии, и он с этого времени стал четырехчастным (первую и четвертую часть украшали лилии, а вторую и третью – леопарды). Считается, что это послужило формальным поводом к Столетней войне (1337–1453).

С XIV века австрийские Габсбурги ввели новый герб — двуглавого орла. По времени это совпадает с правлением в Константинополе династии Палеологов, чьим гербом также был двуглавый орел, и этим объясняется легенда о том, что дом Габсбургов получил привилегии от императора Августа и (повторно) от Нерона — римские императоры находятся на одной линии № 6 с Палеологами.

Черный одноглавый орел на золотом поле в качестве геральдического символа был на щите Фридриха II Гогенштауфена, правившего на Сицилии. Гогенштауфен был союзником византийского императора, и можно думать, что использование им символа «античной» Римской империи отнюдь не случайно. С XIV века этот орел становится гербом Германии (с красными клювом и лапами).

Первой геральдической эмблемой Швеции следует считать трех леопардов Эрика III. Во второй половине XIV века король Альберт Мекленбургский установил новый герб, три короны на синем поле...

На средневековых миниатюрах мы встречаем полное «смешение эпох». На одной из них (XV века) изображены деятели разных веков со своими гербами. Впечатление такое, что художник запечатлевал самых знаменитых представителей родов, владевших этими гербами.

Линия № 4: Король Артур держит герб с тремя золотыми коронами на синем поле. Линия № 5 «римской» волны: Цезарь с византийским гербом (черный двуглавый орел на золотом поле). Линия № 6: Александр Македонский с серебряным львом на красном поле.

Герб Карла Великого (его традиционно относят к IX веку, линия № 1, но с этим мы не можем согласиться), представляет из себя комбинацию герба Юлия Цезаря пополам с французскими лилиями.

Чем же все это объяснить? Неужели умопомешательством художника? Вряд ли, ведь в те времена не очень-то считались с «правами человека» и за незаконное ношение (и изображение) герба могли не только в тюрьму засунуть (это само собой), но и голову отрубить.

Правильно пишет Арсеньев, без знания геральдики все эти памятники так и остаются столь же малопонятными, «как надписи на каком-либо незнакомом языке». И если мы видим герб не на своем месте, мы должны усомниться не в умственных способностях средневекового художника, который его «неправильно» использовал, а в умозаключениях историка.

В XI–XII веках, по призыву Ватикана и с согласия Византийского императора, сотни и сотни тысяч европейцев покинули свои страны и двинулись освобождать гроб Господень, а по сути дела, завоевывать Азию, «освободить» земли, некогда принадлежавшие великой Византийской империи. Их целью были Палестина, Сирия, Месопотамия. Лишь малая часть (в основном руководители) вернулась домой. Традиционно считается, что остальные погибли, поскольку нет об их судьбе никаких сведений.

И в самом деле, многие погибли в боях, или от голода и жажды, или от эпидемий. Но чтобы погибли все? Этого не может быть. Человек — существо чрезвычайно живучее. Полагаем, в большинстве своем крестоносцы, рыцари и крестьяне, остались живы и провели свою жизнь на Востоке, отдав ему свои знания и умения, навыки и культуру. Крестьянин и в мусульманской стране крестьянин, а воины одинаково нужны и королям, и султанам.

Предлагая современную версию хронологии цивилизации, мы возвращаем истории сведения об их судьбе. Ищите пропавших без вести крестоносцев в «древних» странах Востока!

Ниже мы широко цитируем книгу Бернгарда Куглера «История крестовых походов», впервые изданную в России в 1895 году.

Куглер пишет:

«Крестовые походы хотели не просто освободить Иерусалим, но, кроме того, снова подчинить Восток христианскому западному господству. В этом смысле они представляются переселением народов, направленных на восток, но которое началось в век весьма скудных географических познаний и крайне неразвитых средств сообщения. Поэтому эти пилигримства могли совершаться только при таком огромном расходе человеческого материала... Великое германское переселение народов, которое стоит в начале средневековой истории, иногда прославляется, правда, как самое блестящее и самое победоносное проявление германской силы, но иногда указывалось и на то, что при этом переселении погибло сравнительно с достигнутым результатом поистине ужасное множество благороднейших племен».

1-й Крестовый поход, 1096–1099 годы. Первые отряды немцев с примкнувшими «несколькими итальянскими толпами» вторгаются на тюркские земли Малой Азии, ничего не зная ни о географии земель, ни о силе противника. Завладели городом Ксеригордон. Тюрки окружили их и отрезали им воду.

«Несколько дней немцы переносили мучения жажды; наконец одна часть их перешла на сторону неприятеля, которому теперь не трудно было справиться с истощенными остальными людьми», — пишет Б. Куглер. Услышав об этом, новые крестоносные отряды, не слушаясь начальников, кинулись на выручку и, конечно, нарвались на жестокий бой. «Жалкие остатки были приняты на берегу (Босфора) византийским флотом и отвезены обратно в Константинополь. Там несчастные продали свое оружие и в жалком убожестве рассеялись во все стороны (октябрь 1096)».*

В это время из Европы уже двинулась колоссальная сила, не менее трехсот тысяч крестоносцев, «хорошо вооруженных воинов, за которыми, конечно, следовал еще длинный обоз слуг и монахов, женщин и детей, шпильманов и девок». Общего предводительства у этого воинства не было, поскольку «каждый самостоятельный человек вооружался, предпринимал свое странствие к Святым местам, как, когда и в каком направлении хотел». То есть статистического учета, кто куда девался, не велось.

В результате 1-го Крестового похода был захвачен Иерусалим и создано латинское Иерусалимское королевство. Крестоносцы основали также несколько княжеств на территории Сирии, в основном по Средиземноморскому побережью.

Позже примкнуть к сражающимся на Востоке решились еще тысячи людей. В 1100 году двинулись ломбардцы, в 1101 — французы и немцы. Вскоре на азиатском берегу соединились войска маршала Конрада, Стефана Бургундского, Стефана Блуаского и других господ, «так что еще до прибытия остальных немцев и аквитанцев, здесь — по преданию, конечно, мало достоверному — собралось не менее 260 000 крестоносцев. У ломбардцев

* Из книги «Другая история Средневековья».

* Стать мусульманином было очень просто. Произнеси при свидетелях фразу: «Признаю, что нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед пророк его», вот ты и мусульманин.

возникла мысль, что во славу Спасителя надо предпринять что-нибудь необычное и грандиозное, а именно... покорить Багдад и таким образом уничтожить самый халифат» (Б. Куглер).

Короче, чтобы не возиться с окраинами халифата, рыцари задумали взять столицу Ирака. Византийский император Алексей такую авантюру не одобрял и уговаривал идти в Сирию и Палестину, в поддержку Иерусалимскому королю, но разве благородных господ удержишь? Не имея никаких карт, они отправились в путь и около двух недель шли прямо на восход Солнца, затем взяли город Анкиру, свернули на северо-восток, дошли до Гангры, но, не решившись напасть на этот укрепленный город, снова пошли на восток. И встретили воинов халифа Багдадского.

«Поражение было ужасно и решительно для всего войска. Только слабые остатки его достигли берега, и только немногие из этих спасшихся счастливо добрались до Константинополя, а именно Стефан Бургундский и Стефан Блуаский, Раймунд Тулузский, маршал Конрад и архиепископ Ансельм Миланский. Последний умер однако вскоре после этой катастрофы 31 октября 1101 г.»

В последующие годы крестоносцы не только отбивались от турок-сельджуков, но и начали «прижимать» своих верных союзников армян, и даже враждовать между собой.

Следующая катастрофа произошла в 1119 году, когда мусульманами были наголову разгромлены войска князя Рожера, а сам князь убит. Едва не пала Антиохия, на волоске держались Эдесса (Новгород по-еврейски), Телль-Башир и мелкие армянские владения. *«Собственными силами северо-сирийские христиане не могли уже долго держаться. Если они могли быть спасены и обеспечены от нападения сельджуков, это могло случиться теперь только благодаря усилившемуся тем временем могуществу королевства Иерусалимского».*

Как видим, довольно слабые и неорганизованные войска европейцев завоевывали себе восточные земли, потому что и войска Востока были достаточно слабы. Прошло каких-то двадцать лет, и вот уже возросло могущество королевства Иерусалимского, но значительно усилились и мусульманские войска.

2-й Крестовый поход, 1147–1149 годы. Прошло немало лет, подросло новое поколение европейского, прежде всего германского рыцарства. Войска собирали и немецкий король Конрад, и французский король Людовик. Помимо рыцарей в их войсках были легкая конница, пехота и обоз. *«Любопытно, что греки, когда хотели потом сосчитать немецкое войско при его переходе через Босфор, находили более 900 000 человек»*, — сообщает Б. Куглер.

Не будем вдаваться в подробности, как они с бесчинствами прошли по Европе до Константинополя, а византийские греки тем временем заключили мир с турками, и немцы чуть не передрались с греками. Не суть важно. Важно, что и эта (немецкая) армия была разбита, остатки бежали, да еще тридцать тысяч умерли от голода и болезней.

Когда с немцами было уже покончено, подросли французы во главе со своим королем. Вскоре они оказались в еще худшем положении и запросили у греков корабли, чтобы уплыть из этой Сирии подальше. Корабли-то греки прислали, но мало; на них могли поместиться только самые знатные господа. Людовик, конечно, уплыл, а «оставшиеся отряды, конечно, в скором времени все погибли», пишет Б. Куглер. Неужели ВСЕ погибли? «Не надо нас дурить», как с присущим ей остроумием заметила бы Е.Э. Ермилова.

Вот что интересно. В результате 1-го Крестового похода на неподвластных христианам территориях Ирака, Сирии, Палестины, Египта остались сотни тысяч молодых европейских мужчин призывного, условно говоря, возраста. Зная мужчин по личному опыту, мы не станем даже предполагать, что они прожили жизнь холостяками, и не пустили гулять по мусульманскому Востоку сотен тысяч детей. А для их детей родиной стал уже этот самый Восток. Кто обучал мальчиков воинскому искусству? Вместе с мусульманскими учителями также их отцы, вчерашние европейские рыцари.

Между первым и вторым крестовыми походами прошло пятьдесят лет. Сменилось два, даже три поколения. С крестоносцами 2-го похода воевали потомки крестоносцев 1-го похода. При этом коренное население мусульманских земель, особенно тех, что не были затронуты войной непосредственно, рвения к боям не испытывало. Отвоевывавший Сирию и Палестину султан Саладин неоднократно просил о помощи халифа Багдадского, царей Ирана, Аравии и даже Марокко. Они воевать не желали. *«Есть ли хоть один мусульманин, который следует призыву, который приходит, когда его зовут? — жаловался Саладин. — Мусульмане вялы, лишены мужества, равнодушны, утомлены, бесчувственны, не ревностны к вере».*

У людей, родившихся в XX веке, сложился определенный стереотип, понимание того, что такое война, какова она. Но это понимание нельзя прилагать к крестовым войнам.

Что такое война в начале и середине XX века? Армии, подчиненные общему командованию, захватывают громадные территории. Войска противников противостоят друг другу по фронтам.

Но еще в XIX веке война была совсем другой! Вспомните знаменитую Отечественную войну с Наполеоном. Было ли противостояние войск по фронту? Нет, был военный поход: армия французов по двум дорогам шла от границы России к Москве (которая, кстати, столицей государства не была). Уже в тридцати километрах от этих дорог никакой войны вроде бы и не было! Барышни окрестных городов давали балы заезжавшим отдохнуть гусарам, расспрашивали о ходе кампании. Это эпоха книгопечатания, газет, развитой географии, стратегии и тактики.

А за 600–700 лет до Наполеона не было не только линии фронта, но также общего командования, географических планов местности, надежных средств сообщения.

Во многих летописях (в большинстве своем датируемых более ранними, чем эпоха крестовых походов, временами) упоминается о проходе на восток больших масс конных людей с железным оружием. Прошли, и все. Кто? Куда? Традиционно эти сообщения считают за письменные подтверждения так называемого «великого переселения народов», а это шли крестоносцы. Отдельные отряды могли забраться весьма далеко от Сирии или Ирака!

Не следует также думать, что во все время крестовых войн на всей этой территории гремели сплошные бои и Передняя Азия лежала в развалинах. Ничего подобного! Люди продолжали жить, земля плодоносила. В боях мусульмане и христиане соревновались в ловкости и жестокости, в перерывах между битвами солдаты дружелюбно сходились для совместных игр и забав. Христианские земли Сирии мало-помалу стали центром всемирной торговли. Лимоны, апельсины, фиги и миндаль, тонкие масла, тяжелые вина и фрукты, шелковые ткани, пурпур и стекло — все становилось предметом торга:

«В больших портовых городах различные товары Запада встречались с произведениями греческой техники и сокровищами Персии, Индии и Китая. На рынки Аккона и Бейрута доставлялись, например, произрастающий в восточной Азии ревеня, добывавшийся в Тибете мускус, затем перец, корица, мускатный орех, гвоздика, алоеовое дерево, камфора и другие продукты Индии или ее островов, слоновая кость также оттуда или из восточной Африки, жемчуг из Персидского залива, а также ладан и финики из Аравии».

Королевства и княжества крестоносцев — прообраз исторического Ассирийского государства. Оно находилось на севере Месопотамии с центром в городе Ашшур, там же держались крестоносцы. Это одна и та же история, записанная разными летописцами. Ассирийская политика НАСАХУ, «вырывание с корнем», на самом деле есть заселение Северной Месопотамии пленными и свободными немцами, французами, итальянцами, лишенными корней на новой родине.

2 октября 1187 года султан Саладин взял Иерусалим, и это стало прологом 3-го Крестового похода (1189–1192). Европу раздирали политические страсти, как всегда пикировались папство и германский (святой римский) император. Папа Урбан III получил печальное известие о падении Иерусалима 18 октября и, не вынеся удара, 20 октября скончался. Его преемник Григорий VIII отложил в сторону все политические дразги и призвал европейских монархов готовиться к новому походу.

Поход лично возглавил император Священной Римской империи Фридрих I. Наученные горьким опытом, немцы решили создавать войско только из годных для войны людей. Никаких бедных пилигримов, никаких фанатствующих религиозных толп! Собрали сто тысяч или немного более человек, «но это сплошь были князья, рыцари и закаленные воины» (причем на каждого *знамя*, то есть на каждого знатного господина, полагалось 20 человек обслуживающего персонала). Дисциплина в воинстве поддерживалась образцовая. В походе император Фридрих проявил себя выдающимся полководцем!.. Если бы он остался жив, возможно, политическая карта мира была бы ныне совсем другой, но с ним случилось несчастье: на одном из переходов он утонул в азиатской речке. Дисциплина упала, в армии начались разброд и распри. И чем же, вы думаете, кончилось дело? Б. Куглер, основываясь на документах той поры, сообщает: *«На рынке в Галебе пленных немцев продавали целыми толпами, как рабов».*

С легкой руки традиционных историков большинство людей принимает тексты историка Фукидида, жившего якобы в 460–400 годах до н.э., за древнегреческие. Между тем, тексты эти содержат описания вполне средневековых событий, выполнены в средневековой манере, и даже прозвище «Фукидид» означает «дьячок».

Это настолько явно, что Н.А. Морозов, цитируя Фукидида, специально оговаривается, что приводит не свой собственный перевод (чтобы не заподозрили в предвзятости), а точный перевод профессора Ф. Мищенко, проредактированный вдобавок С. Жебелевым.

Прочитайте внимательно; перед вами описание отправки на войну флота. События происходят будто бы в V веке до нашей эры. Обратите внимание на стиль изложения: написано во времена, когда бумаги еще не изобрели, писчий материал был в изрядном дефиците и слова должно было бы экономить.

«В момент, когда отправляющимся и провожавшим предстояло уже расстаться друг с другом, они были обуреваемы мыслями о предстоявших опасностях. Рискованность предприятия предстала им теперь яснее, чем в то время, как они подавали голоса за отплытие. Однако, они снова становились бодрее при сознании своей силы в данное время, видя изобилие всего, что было перед их глазами. Иноземцы и прочая толпа явились на зрелище с таким чувством, как будто дело шло о поразительном предприятии, превосходящем всякое вероятие. И, действительно, тут было самое дорогое стоящее и великолепнейшее войско из всех снаряжавшихся до того времени, войско, впервые выступавшее в морской поход на средства одного эллинского (что значит — богославского) государства.

Правда, по количеству кораблей и латников (тяжело вооруженных воинов из знати, в панцирях, шлемах и набедренниках с мечом, копьем или овальным щитом) не меньшим было и то войско, которое — с Периклом во главе (Перикл по-гречески Славнейший) — ходило на Эпидавр, а потом под начальством Гагнона на Потидею. Тогда в морском походе участвовало 4000 афинских латников, 300 конных воинов и 100 афинских триер, с 50 триерами от лесбийцев и хиосцев и еще со множеством союзников...

Снаряжение флота стоило больших затрат со стороны капитанов и государства... Если бы кто-нибудь подсчитал все государственные и общественные расходы и личные издержки участников похода; все, что ранее издержано было государством и с чем оно отпускало полководцев; все, что каждый отдельный человек истратил на себя; все, что каждый капитан издержал и собирался еще издержать на свой корабль, не говоря уже о запасах, какие, естественно, сверх казенного жалования, заготовил себе каждый на продовольствие в предстоящем далеком походе; все, что взяли некоторые воины с собою для торгового обмена, — если бы кто-нибудь, скажу я, подсчитал все это, то оказалось бы, что в общем, много талантов золота вывозимо было из государства.

Поход этот был знаменит столько же по удивительной смелости предприятия и по наружному блеску, сколько по превосходству военных сил над средствами тех, против которых он предпринимался. Знаменит он был и тем, что не было еще морского похода, столь отдаленного от родной земли, не было предприятия, которое внушало бы такие надежды на будущее, по сравнению с настоящим.

Когда воины сели на корабль, и погружено было все, что они брали с собою в поход, был дан сигнал трубою: «Смир-р-но!».

Тогда на всех кораблях одновременно, а не на каждом порознь, по голосу глашатая исполнились молитвы, полагавшиеся перед отправлением войска. В то же время по всей линии кораблей матросы и начальники, смешав вино с водою (!) в чашах, совершили возлияние из золотых и серебряных кубков. В молитве принимала участие и остальная толпа, стоявшая на суше: молились все граждане, так и другие из присутствовавших, сочувствовавшие афинянам.

После молитвы о даровании победы и по совершении возлияний корабли снялись с якоря. Сначала они шли в одну линию, а затем до Эгины соревновались между собою в быстроте. Афиняне торопились прибыть в Корфу, где собиралось и остальное войско союзников».

* Из книги «Другая история Средневековья».

Неважно, много ли нафантазировал автор (дьячок Фукидид). Важен характер фантазии. Воображение того, кто это писал, могло быть столь развито лишь в случае, если в его время уже были такие флоты и, мало того, были уже подобные описания. Но сравните с этим литературным произведением другие греческие труды, хотя бы Евангелия и Апокалипсис — официально считаемые за написанные через несколько столетий после Фукидида, и вы увидите: при их прекрасном слоге все же далеко им до стиля Фукидидовой истории!

Как же можно поверить, что приведенное выше описание относится к древности? Перед нами историческое свидетельство событий XII, а то и XIII века нашей эры. Н.А. Морозов: *«Это не древность, а отправка генуэзского или венецианского флота с крестоносцами, где Афины (в переводе — порт) лишь перепутаны с одним из этих мореходных городов».*

А по нашей синусоиде и минус пятый «фукидидов» век, и средневековый крестоносный XIII век находятся на одной линии.

Корабельный руль и тачка *

Имеются достаточно достоверные сведения о мореплавании в VIII, IX и X веках. Известно, как выглядели корабли той поры. Также мы совершенно доподлинно знаем, что в эти века не было плаваний через океаны, — потому что корабли не были к этому готовы технически, не имелось навигационных приборов и карт.

Плавания совершали преимущественно вдоль берегов. Вместо карт использовали так называемые Пейтингеровы таблицы — по сути дела не карты, а «дорожную номенклатуру», списки населенных пунктов и портов. Впервые морская карта упоминается в связи с морским походом французского короля Людовика IX в 1270 году. Но в XIV веке моряки уже регулярно стали пользоваться картами, вернее, указателями фарватеров.

Затем, надо учитывать, что отнюдь не всякое изготовленное руками человека плавсредство может выйти в открытое море. Вернее, выйти-то оно может, но вот вернется ли обратно?.. Если корпус не выдерживает ударов волн, если мачты ломаются, а паруса рвутся, если, наконец, судном невозможно управлять — никакого мореходства быть не может.

Теперь уже нельзя сказать, когда люди научились гнуть доски для корпуса, когда изобрели пилу и бурав, когда отработали технологию сшивания досок и балок в единый корпус. Это происходило во времена «доисторического» прошлого. Но есть в конструкции морских судов элемент, без применения которого нельзя было даже задумывать дальние плавания, причем известно время его изобретения. Мы говорим о корабельном руле.

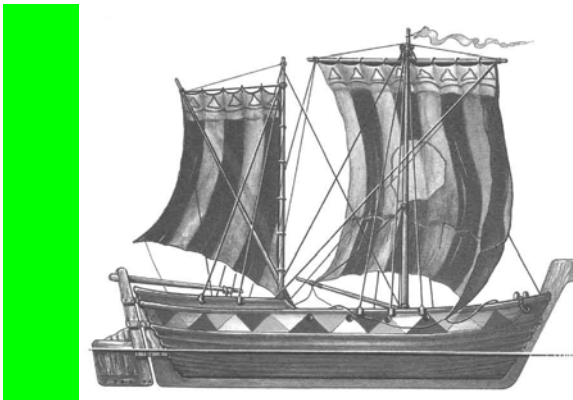
Сначала для военных и торговых целей использовали весельные галеры и иные типы гребных судов. По каждому борту галеры располагался ряд весел, каждое длиной до 15 метров и весом 250–300 кг. Таким тяжелым веслом гребли 6–9 человек, держась за специальные скобы на вальке. Гребцы, располагавшиеся рядом друг с другом, во время работы вставляли с банок и делали несколько шагов вперед и назад в соответствии с тактом каждого гребка. Темп гребли задавался до 22 гребков в минуту.

Руль на таких судах мало отличался от обычного гребного весла, он был лишь немного приспособлен для управления. На крупных кораблях его крепили на корме и, чтобы усилить точку опоры, снабжали рычагом, отдаленно похожим на румпель. Почти так же, с помощью широколопастного короткого весла управлял своей пирогой сидевший на корме дикарь. Иногда по обеим сторонам кормы устанавливали два широких весла. Весло опускали в воду с той стороны, в которую хотели повернуть судно.

* Из книги «Другая история науки».

Там историки представляют себе торговое судно этрусков. Морского руля еще нет, управление осуществляется веслами, расположенными с двух бортов.

Новгородская ладья. Имеет корабельный руль с колдерштоком. Предполагается, что подобные суда строили на Руси в XI веке.

Но это был малоэффективный способ управления, ведь весло не давало упора, и легко отклонялось под ударами волн. Для мелких судов этот недостаток особого значения не имел, но по мере того, как корабли становились крупнее и крупнее, несовершенство рулевого управления выявлялось все очевиднее; оно ограничивало размеры строившихся судов. Попытки разрешить проблему с помощью установки нескольких рулевых весел не принесли никакого успеха.

При отсутствии надежного руля корабли не могли плыть против ветра, они всегда находились во власти стихии, независимо от того, был ли движущей силой труд гребцов или парус. Гребцы были даже лучше, поскольку, подгребая больше с того или другого борта, можно было разворачивать судно. Поэтому на галерах приходилось держать много рабов. Это, конечно, сдерживало развитие торгового мореплавания, потому что весь полезный объем судна занимали гребцы и запасы продовольствия для них, и отказаться от гребцов, даже при наличии на корабле парусов, было невозможно.

Проблема управления судном была особенно актуальной для военного флота. Пока таран и абордаж были главными способами атаки, маневренность галер обеспечивала им преимущество, и ничем иным, кроме тяжелого труда галерных рабов, нельзя было достичь этой маневренности. Положение стало изменяться только в XVI веке, когда развитие артиллерии коренным образом изменило тактику морского боя. Но даже и тогда, хотя наличие на борту множества гребцов не позволяло вооружать корабли в достаточной мере артиллерией, их продолжали использовать; даже в XVII веке мы видим морские сражения с участием весельных кораблей.

Однако в книге «История техники» читаем:

«До нас дошло описание знаменитого греческого корабля, построенного в III в. до н.э. Если верить сведениям, дошедшим от древнегреческих писателей, водоизмещение этого корабля было не меньше 4000 т. Судно было приспособлено для военных действий».

Но управлять подобным монстром совершенно невозможно! Такое описание — либо чистая фантазия, либо оно в преувеличенном виде показывает испанские галионы. В Испании в самом конце XV века смогли построить галион водоизмещением в 2 тыс. тонн и обнаружили, что такая громадина, несмотря на хорошую вместимость, не выдерживает

морских походов. Идти круто к ветру, в бейдевинд, галион мог лишь с большим трудом: избыточный надводный борт ловил ветер, как парус; только этим парусом было нельзя управлять.

А руль современной конструкции появился в Византии, затем после XIII века попал в Западную Европу, где получил название *наваррского* руля. Руль начали прочно навешивать на ахтерштевень, являющийся продолжением киля и образующий единое целое со всем судном. Его появление резко повысило маневренность судна.

Руль устанавливали на достаточной глубине под водой, чтобы укрыть от действия волн. Теперь его можно было сделать довольно большим по размерам, и строить более крупные корабли с хорошими мореходными качествами, позволявшими плавать против ветра. Усовершенствовав рулевое управление, смогли улучшить оснастку судов, и к XV веку она достигла полного совершенства. За период с XIII по XV век в развитии мореплавания было сделано больше, чем за весь прошлый период, когда, со времени появления первых парусников, навигация развивалась от речного плавания лишь до каботажного мореходства вдоль побережий континентов.

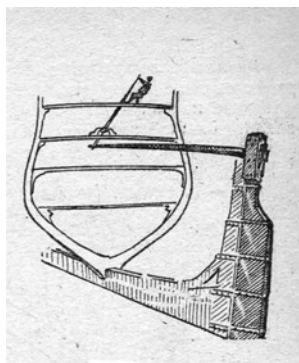
Оразио Курти, заведующий отделом транспортной техники Национального музея науки и техники в Милане пишет: *«Штурвальное колесо появилось в начале XVIII века. До этого румпель поворачивали вертикальным рычагом — колдерштоком. Конец этого рычага был соединен с концом румпеля, его наклон приводил к повороту руля. На малых судах румпелем управляли непосредственно».*

Хотя, надо признать, имеются сообщения и о немного более раннем появлении штурвального колеса.

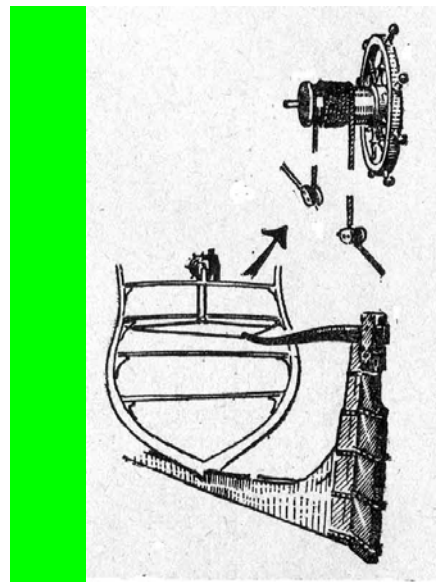
Только в 1492 году, спустя два-три столетия после появления в Европе современного рулевого управления (хоть еще и без штурвального колеса), человеку удалось пересечь Атлантический океан. Не менее долгим было открытие морского пути в Индию. Три столетия подряд мощные морские державы: Италия, Испания и Португалия, соревнуясь, отправляя современные морские корабли; экспедиция за экспедицией шли на юг, пока не достигли южной оконечности Африки, пока не сумели ее обогнуть, и пока Васко да Гама не нашел, наконец, морскую дорогу до Индии.

Однако историки уверяют, будто задолго до изобретения карт, руля, морской оснастки и компаса люди просто так, без труда плавали по всему земному шару и прекрасно знали географию!

Можно ли в это поверить?

Старинный корабельный руль с колдерштоком.
Применялся, начиная с XIII века.

*Корабельный руль со штурвальным колесом.
Вошел в широкую практику в начале XVIII века.*

Большой шаг вперед в развитии судоходства по внутренним водным путям был сделан с изобретением шлюзов с воротами. Начало положили шлюзы с одним створом для пропуска судов. Шлюзы с верхними и нижними воротами появились в Нидерландах в XIV веке и, по-видимому, независимо в Италии в XV веке. Как и всё остальное, в Китае шлюзы с одними воротами появились еще до нашей эры, а шлюзы с двумя воротами — в IX или X столетии. Но китайцы почему-то использовали их крайне редко, да, наверное, и вообще не использовали, тогда как подобные шлюзы в Европе были очень тесно связаны с решением насущных задач, они были действительно нужны, и их появление здесь вполне закономерно.

Менее крупным, но существенным изобретением этого времени была тачка, решавшая задачи местных перевозок. Китайцы, конечно, и тачку знали еще с начала нашей эры, а в «отсталой» Европе она появилась только в XIII веке. Но ведь очевидно, что механизм или машина с тем или иным двигателем, пусть даже таковым выступает человек, нужна лишь тогда, когда есть достаточно работы, чтобы сделать ее экономически выгодной. Появление морского судна, перевозящего грузы, равные по весу грузу каравана из тысячи верблюдов, сделало изобретение тачки неизбежным. Новые транспортные средства позволили в Средние века доставлять грузы в порт к кораблю, или наоборот, а также возить зерно на центральную водяную мельницу, или лес на крупную лесопилку.

Иначе говоря, не то что в Древнем мире, но и в раннее Средневековье не было задач для машин с двигателями, даже для тачки. Там все было более мелких масштабов, что исключало почти полностью возможность их использования.

По морям, по волнам ^{*}

Первая Пуническая война между Римом и Карфагеном, считают, происходила в 264–241 годах до н.э. Римским главнокомандующим был Дуилий. Трудно сказать, чем руководствовался историк Ф. Шахермайр, упоминая Дуилия рядом с именем Александра Македонского, покинувшего мир и традиционную историю почти за сто лет до Пунических войн, но это одна и та же линия веков, только разных «волн»:

«Некоторые исследователи считают, что только в Финикии Александр понял, какое значение имеет флот во время войны. Надо думать, что роль флота была ясна любому македонянину. И если Александр пренебрегал флотом, то вовсе не потому, что не понимал его значения, а в связи с тем, что перед ним всегда стояли более неотложные задачи. Теперь же Александр без промедления отстранил своего флотоводца, а сам сменил коня на корабль. Он, как Дуилий, взял с собой на корабль гоплитов, чтобы брать на abordаж вражеские суда

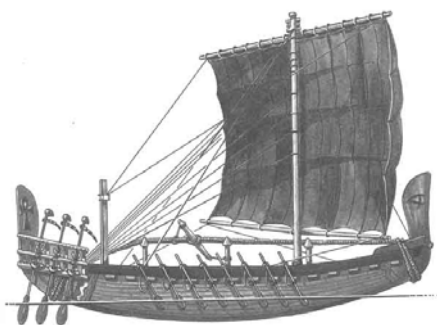
^{*} Из книги «Другая история литературы».

(македоняне уже научились пользоваться перекидными мостиками). Флотоводцам не понравилось вмешательство в их дела царя и его офицеров, не имевших ни малейшего опыта. Тем не менее, Александр добился полного успеха. Он начал битву, командуя правым флангом... Защитники Тира не рискнули принять открытый бой. Они попытались внезапно атаковать Александра. Казалось, атака удалась, но Александр молниеносной контратакой вырвал у противника победу, нанес его флоту ощутимый урон и загнал в гавань. Больше тирские корабли не отваживались выходить в море».

Но весь этот текст — не свидетельство очевидца, а мнение историка. Как же развивалось флотоводческое искусство, а равно и судостроение, если взглянуть на этот процесс не с традиционной точки зрения, а с нашей?..

В человеческой истории описания каких-либо категорий общественной жизни появляются вскоре после появления каждой такой категории. Если мореходство, как нас в том уверяют традиционные историки, существовало со времен древних египтян, то, даже если оно сохранялось в неизменном виде, плавания не могли не оставлять письменных «следов», и были бы эти «следы» разбросаны по всей шкале времен равномерно, а скорее — с нарастанием от древности к нашему времени.

Но вот как раз равномерности-то мы и не видим. Приложив к сообщениям о морских делах египтян, греков, арабов и римлян нашу синусоиду, мы не находим никаких морских приключений, описаний, поэм или прочего в веках линий № 1–2, то есть X и IX до н.э., VII–X н.э. Сообщения начинаются только с линии № 3, причем имеющиеся выше этой линии описания проходят свой путь развития как будто каждый раз с начала. Наличие же не описаний, а судов в натуре раньше линии № 3 подтверждается археологией только для средневековой Европы и Египта.

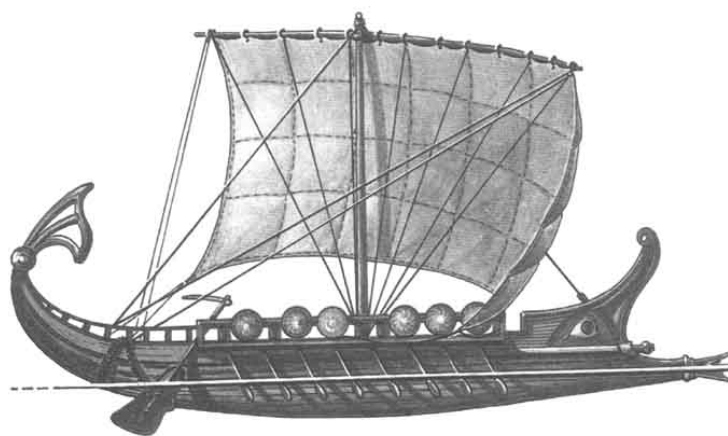
Египетское морское судно, известное за 2500 лет

до н.э.

Одним из первых произведений морской тематики считается египетская «Сказка потерпевшего кораблекрушение», которую датируют XX–XVII веками до н.э. По Ассирийско-египетской синусоиде нижний предел такой «даты» — линия № 3, а верхний поднимается до линии № 6. Для Европы же, как признают и сами историки, о достоверных морских плаваниях можно говорить с XI века. В книге «Паруса над океаном» Виктор Шитарев сообщает: *«уже в XI в. мореплаватели прокладывали пути своих судов преимущественно вдали от берегов. Гребные суда в такой ситуации становятся бесполезными: в открытом море в условиях качки и высоких волн гребля практически не эффективна. На первое место выходит парус».*

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению темы, скажем два слова о парусах и веслах. Надо иметь в виду, что вплоть до появления пароходов существовало четкое разделение между военными и торговыми судами. Торговые были парусными (чтобы не занимать полезный объем корабля гребцами и запасами для их питания), а военные — чисто весельными, или весельно-парусными (чтобы не зависеть от прихотей ветра). Весельные суда применялись в военном деле вплоть до появления первых пароходов. Виктор Шитарев сообщает:

«В 1787 г. американец Джон Фич продемонстрировал почтеннейшей публике пароход «Эксперимент» на р. Дэлэвер. Со скоростью 12 км/ч судно двигалось вперед, работая тремя веслами, приводимыми в движение через систему рычагов паровой машиной. Этим и закончилось промышленное применение весла в качестве основного судового движителя».

Греческая (византийская) монера.

(Иллюстрации этой главы позаимствованы из книги Виктора Шитарева «Паруса над океаном».)

О развитии мореплавания по линии № 4 в Египте свидетельствует наличие здесь каст не только кормщиков, но и толмачей — переводчиков. Значит, торговля в Египте носила международный характер, а раз так, то многие народы, населявшие побережье Средиземного моря, контактировали с египтянами. Естественно, что эти контакты не всегда носили дружественный характер, и флот делился на военные и торговые суда. В связи со сказанным, представляет интерес завещание Рамсеса III (1269–1244 до н.э.):

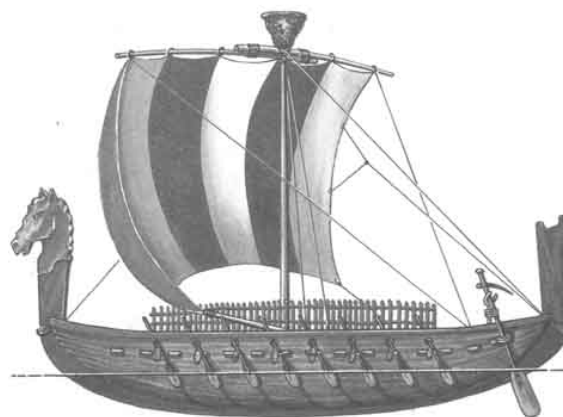
«Я построил большие ладьи и суда перед ними, укомплектованные многочисленной командой и многочисленными сопровождающими (воинами); на них их начальники судовые с уполномоченными (царя) и начальники для того, чтобы наблюдать за ними. Причем суда были нагружены египетскими товарами без числа. Причем они сами (суда) числом в десятки тысяч отправлены в море великое — Му-Кед. Достигают они страны Пунт. Не подвергаются они опасности, будучи целыми из-за страха (передо мной). Нагружены суда и ладьи продуктами Страны Бога, всякими чудесными и таинственными вещами их Страны, многочисленной миррой Пунта, нагруженной десятками тысяч, без числа ее. Их дети вождей Страны Бога выступили вперед, причем приношения их для Египта перед ними. Достигают они, будучи невредимыми, Коптосской пустыни. Причаливают они благополучно вместе с имуществом, доставленным ими. Нагружают они его для транспортировки посуху на ослов и на людей и грузят на суда на реке, на берегу Коптоса, и отправляют вверх по реке перед собой. И прибывают они в праздник, принося (эти товары) в качестве даров перед царем как диковину. Дети их вождей совершают приветствия передо мной, целуя землю, сгибаются передо мной».

Ничего здесь нет такого, чего нельзя было бы приписать XII веку н.э., относящемуся к той же линии № 4, как и следующий текст — «коммерческого договора», который датируют X веком до н.э. (та же линия № 4) и приписывают Соломону:

«Рабы мои свезут их (деревья с лесоповала) с Ливана к морю, и я плотами доставлю их морем к месту, которое ты назовешь мне, и там сложу их, и ты возьмешь. Но и ты исполни мое желание, чтобы доставлять хлеб для моего дома...»

Договор соблюдался, ибо записано было: *«И давал Хирам Соломону дерева кедровые и дерева кипарисовые вполне по его желанию. А Соломон давал Хираму двадцать тысяч коров* пшеницы, для продовольствия дома его, и двадцать коров оливкового выбитого масла. Столько давал Соломон Хираму каждый год».*

* 1 кор = 350 литров.

Финикийское торговое судно.

Но хотя эти документы и могли быть составлены раньше линии № 4 — в силу нечеткости самой Ассииро-египетской синусоиды, и более раннего развития Египта, то приключения Одиссея совершенно точно относятся к ней. На той же линии, не ниже, находим появившиеся якобы в VI веке до н.э. географические описания: «периплы». Свое дальнейшее развитие эти первичные устные карты получили в 1270 году (линия № 5), когда стали применяться первые карты-портлоны, показывающие морские пути к далеким землям. Подлинники этих карт хранились в специальных государственных учреждениях, а морским капитанам для использования в море выдавали копии и обязывали в случае опасности выкидывать карты за борт, чтобы они не достались врагу. Для этого к картам крепили свинцовые грузила.

К линии № 5 относится описание отправки на войну флота, выполненное древним греком Фукидидом (мы приводили его в одной из предыдущих глав).

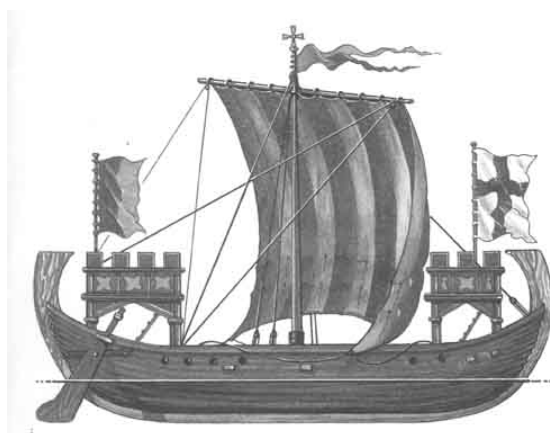
На следующей линии № 6 мы находим отправку флота Александра Македонского на завоевание Индии. Известный «александровед» Фриц Шахермайр, ссылаясь на сообщения Неарха и Птолемея, так описывает это событие:

«Дабы придать походу должную значимость, требовалось, чтобы царь и его элита прошли на кораблях хотя бы часть пути. Кроме того, Александр всегда был склонен к театральным эффектам и хотел торжественно отметить отплытие флота. В начале ноября 326 г. до н.э., после обычных жертвоприношений и спортивных состязаний, когда отборные войска уже взойшли на корабли, царь сам поднялся на борт. Александр прошел на нос флагманского корабля и обратился с молитвой к речным богам, праотцу Гераклу, отцу своему Аммону и другим бессмертным. Торжественно совершил он возлияния из золотой чаши. Затем звук трубы возвестил отплытие, и корабли в строгом порядке отошли от берега, отправляясь в далекий путь. Эхо разнесло звуки команды, хлопанье канатов, крики и пение гребцов. Это было поистине прекрасное зрелище! Местные жители в восторге толпились на берегах и даже бежали вслед за кораблями. Так описали эту сцену Неарх и Птолемей, стоявшие рядом с царем. Нас она интересует не только потому, что исторические источники отразили ее во всех подробностях. Мы уже говорили, что Александр обладал поразительным чувством исторического величия. Сообщения Неарха и Птолемея показали нам царя в его стихии. Он умел почувствовать величие момента, придать ему соответствующую форму и испытать до дна упоение славой. До впадения Гидаспа в Акесин плавание шло без происшествий. Главная часть войска, идя по обоим берегам, опередила флот...» и т.д.

Помимо моряков, отправлялись в путь греческие воины с новым, только что прибывшим с Запада вооружением, тыловые войска, состоящие из наемников, и завербованные фракийцы, примкнувшие к армии на Гидаспе. Были также всадники из Арахозии, Согдианы и Скифии, индийские контингенты с боевыми слонами. А сами экипажи кораблей «насчитывали не меньше 20 000 человек».

Перед флотом стояла задача переправлять, если понадобится, пехоту через протоки Инда, флот должен был служить как бы передвижным мостом. Он также освобождал войска от обозов. *«Однако важнейшей задачей флота Александр считал изучение и открытие новых путей для имперских коммуникаций, — пишет Шахермайр. — Главной целью Александра было открыть судоходство по Инду, что должно было обеспечить транспортные операции на внешнем море и решить как торговые, так и политические задачи».*

Но ведь флот и оружие денег стоят! Если не рассматривать экономическую сторону деятельности «Александра», то мы так навсегда и останемся с теми представлениями о соотношении войны и богатства, которые предлагает нам телевизионная реклама: воевал Македонский, воевал, завоеванные богатства стали развращать воинов, и повелел тогда царь собрать все богатства, да и сжечь. Это была реклама банка (!!!), что вообще удивительно. Впрочем, тот банк в итоге прогорел.

Шнеккер, торговое судно викингов. Такие суда строили в VII–IX веках н.э.

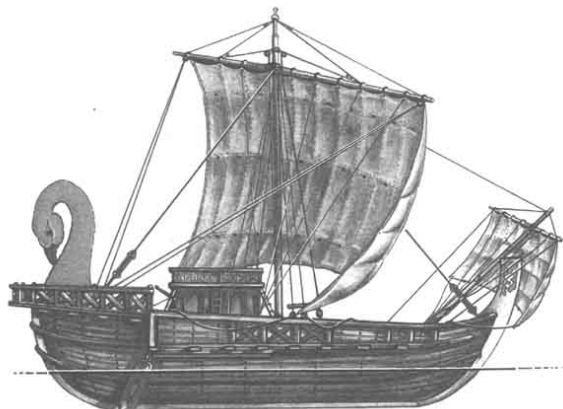
В любой книге о временах Македонского можно прочесть, что в какое место Азии или Африки ни приходил Александр, там тут же воздвигались эллинистические города. И всё. Вот, воздвигались, и всё. Стены, дома, базары, академии. В садах бьют фонтаны, под фонтанами бродят парами философы и важно философствуют. Но надо же, наконец, понять, что дворцы и города «воздвигаются» по мановению брови только в том случае, если бровью шевелит джинн из кувшина, а это происходит только в сказках.

Если историки желают и реалистами быть, и традиционной хронологии не изменить, то они должны, прежде всего, ответить на вопросы: кто делал корабли Александру, где и сколько, и на какие деньги, и как же поддерживалась технология, если даже не было носителей информации более надежных, чем папирус?

Если же мы, отрицая традиционную хронологию, обратимся к нашей синусоиде, то увидим, что в XIII веке, в котором только и были возможны подобные плавания, прежде чем совершать подвиги, владетельным особам требовалось изучить сметы расходов и получить согласие изготовителей судов. Ведь в те времена судостроение было самой технологичной отраслью хозяйства, по значению своему, по сложности и дороговизне сопоставимой с нынешней космической промышленностью! Только в Средневековье — да и то не всегда — перед нами предстает реальная история, в которой можно обойтись без заявлений о чрезмерной «гениальности» и «везении» полководцев, без джиннов и без возникновения флотов и городов из ниоткуда.

В книге Г. Мишо. «История Крестовых походов» читаем:

«Фландрское дворянство также захотело выразить свое усердие к освобождению Святых мест; граф Балдуин поклялся в храме св. Донациана Брюггского отправиться в Азию для битвы с сарацинами; Мария графиня Фландрская пожелала сопровождать своего супруга; примеру Балдуина последовали оба его брата, Евстафий и Генрих, графы Саарбрукский и Геннегау, и Конон Бетюнский, известный своей храбростью и красноречием. Главные вожди крестового похода, собравшись сначала в Суассоне, а потом в Компьене, избрали предводителем священной экспедиции Тибо графа Шампаньского. На том же собрании было принято решение отправить армию крестоносцев на Восток морским путем и с этой целью послать шесть депутатов в Венецию, чтобы выпросить у республики суда, необходимые для переправы войска и лошадей.

Римское торговое судно. На его корме художник пририсовал какую-то надувную лебединую шею. В других случаях иногда пририсовывают кирпичные башни, стоящие посередине палубы. Делают это художники, без сомнений, для того, чтобы хоть чем-то отличить «древнеримские» суда от средневековых, от которых они на самом деле отличаются только отсутствием «наваррского» руля. В Европе такие суда могли использовать еще в XIII веке, наряду с судами, уже получившими новый руль.

Французский неф, родственный английскому коггу или скандинавскому хольку. Эти типы судов применялись в XIII – XIV веках. Виктор Шитарев пишет: «Встречаются изображения когга и с рулем, и с кормовым веслом. По-видимому, практиковались оба типа рулевого устройства».

Маршал Шампаньский, бывший в числе депутатов, подробно рассказывает о переговорах рыцарей Креста с дожем и народом венецианским. Депутаты были приняты с восторгом девяностолетним дожем Дандоло, старость которого состояла только в опытности и добродетели, но сердце которого еще воспламенялось при одном имени отечества и славы. Дандоло обещал доставить крестоносцам суда для 4500 рыцарей, 20 000 человек пехоты и продовольствие для всей христианской армии в продолжение девяти месяцев. Он предлагал, сверх того, от имени Венеции вооружить 50 галер с условием, чтобы венецианцам была предоставлена половина будущих завоеваний крестоносцев. Рыцари и бароны со своей стороны обещали уплатить республике 85 000 серебряных марок. Этот договор, обсужденный и одобренный на советах дожа и патрициев, был представлен на утверждение народа, собравшегося в соборе св. Марка».

Переходя затем к линии № 6, мы обнаруживаем одновременное (во всех веках этой линии) появление законов, направленных против пиратов. Пиратство и в самом деле было проблемой. Гомер описывал такую ужасную историю:

Прибыл в Египет тогда финикиец, обманщик коварный,
Злой кознодей, от которого много людей пострадало;
Он, увлекательной речью меня обольтив, Финикию,
Где и поместье, и дом он имел, убедил посетить с ним:
Там я гостил у него до скончания года. Когда же
Дни протекли, миновались месяцы, полного года
Круг совершился, и Оры весну привели молодую,
В Ливию с ним в корабле, облетателе моря, меня он
Плыть пригласил, говоря, что товар свой там выгодно сбудем;
Сам же, напротив, меня, не товар наш, продать там замыслил.

В 337 году до н.э. (линия № 6) в Коринфе прошел общегреческий конгресс, декларировавший свободу мореплавания и повсеместную борьбу с пиратством, что даже было оформлено законом, который, однако, фактически не исполнялся. Спустя 1000 лет императору Льву Исаврийцу (VIII век н.э., линия № 6 «византийской» волны) пришлось издавать Морской кодекс, причем многие особенности этого документа были связаны с морским грабежом (пиратством); затем вплоть до XIV века нет ссылок на этот закон.

Причем и после принятия серьезных мер против пиратства в XIV веке положение не улучшилось. Пиратством не гнушались даже высокородные джентльмены, как, например, Френсис Дрейк. Так что по всем тракам синусоиды ситуация зеркальная: на линии № 6

принимаются законы против пиратов, ниже этой линии никто о них не знает, а выше — знают, но пиратство продолжается.

Наступает XV век (линия № 7), эпоха Великих географических открытий, широкой международной торговли и... гигантомании в судостроении. Суда-монстры наполняют и моря, и литературу!

Греческий историк Мемнон из Героклеи Понтийской, III век до н.э. видел восьмирядную октеру («октера» и значит «восьмирядная»), «приводившую в изумление величиной и красотой...» Каждым ее веслом двигали 100 человек. Плутарх: «...враги дивились и восхищались, глядя на корабли с шестнадцатью и пятнадцатью рядами весел, проплывавшие мимо их берегов...» Птоломей в 285 году до н.э. захватил у Филокла флагман Деметрия, пятнадцатирядную пентекайдекеру. Царствовавший в Македонии Антигон Гонат построил восемнадцатирядную октокайдекеру. Птоломей II прославился сооружением одного двадцатирядного и двух тридцатирядных судов, построенных на острове Крит корабельным мастером Пирготелем.

Но при всем при том, основной ударной силой флотов по-прежнему оставались пентеры (пятирядные), триеры (трехрядные) и более легкие суда. Ну а монстры ничем не прославились. По-видимому, их основным назначением было воздействовать на психику противника; заодно отработывали технологию производства.

Триеру же воспел Вергилий (линия № 6):

Вел «Химеру» Гиас — корабль огромный, как город,
с силой гнали его, в три яруса сидя, дарданцы,
в три приема они три ряда весел вздымали.

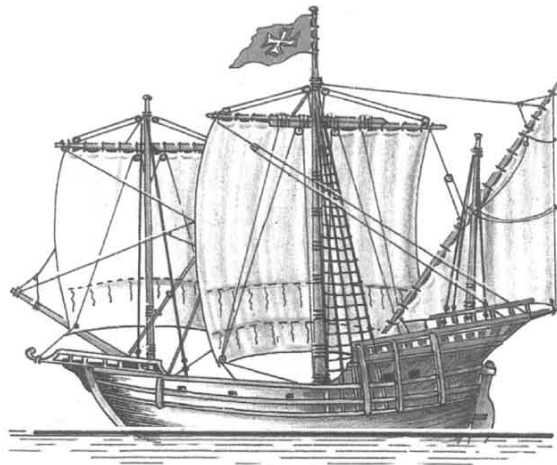
Напоминаем: гребные военные суда воевали между собой и в XVI, и в XVII веках! Совсем иначе выглядели крупнотоннажные торговые морские суда. Читаем

Лукиана:

«...Я, бродя без дела, узнал, что прибыл в Пирей огромный корабль, необычайный по размеру, один из тех, что доставляют из Египта в Италию хлеб... Мы остановились и долго смотрели на мачту, считая, сколько полос кожи пошло на изготовление парусов, и дивились мореходу, взбиравшемуся по канатам и свободно перебежавшему по рее, ухватившись за снасти... А между прочим, что за корабль! Сто двадцать локтей в длину, говорил кораблестроитель, в ширину свыше четверти того, а от палубы до днища — там, где трюм наиболее глубок, — двадцать девять. А остальное, что за мачта, какая на ней рея и каким штагом поддерживается она! Как спокойно полукругом вознеслась корма, выставя свой золотой, как гусиная шея, изгиб. На противоположном конце соответственно возвысилась, протянувшись вперед, носовая часть, неся с обеих сторон изображение одноименной кораблю богини Исиды. Да и красота прочего снаряжения: окраска, верхний парус, сверкающий, как пламя, а кроме того, якоря, кабестаны и брашпили и каюты на корме — все это мне кажется достойным удивления. А множество корабельщиков можно сравнить с целым лагерем. Говорят, что корабль везет столько хлеба, что его хватило бы на год для прокормления всего населения Аттики. И всю эту громаду благополучно доставил к нам кормчий, маленький человек уже в преклонных годах, который при помощи тонкого правила поворачивает огромные рулевые весла...»*

Водоизмещение этого монстра — около 4,5 тыс. тонн, а грузоподъемность 3 тыс. тонн! Возможно, и впрямь когда-либо создали такое судно, но было оно уникальным. В Испании в самом конце XV века смогли построить галион водоизмещением в 2 тыс. тонн и обнаружили, что такая громадина, несмотря на хорошую вместимость, не выдерживает морских походов. Англичане учли ошибки испанцев и стали делать суда водоизмещением в 600 тонн, они были не только легче, но и значительно быстрее.

* 1 локоть = 44 см.

«Пинта», каравелла из эскадры Колумба. Длина судна 21 метр, ширина 7,3 метра, осадка 2 метра.

Водоизмещение около 140 тонн. Экипаж 65 человек. Это — XV век!

Дальнейшие успехи англичан связаны с применением каравелл. Появление этого типа судов весьма примечательно, с точки зрения хронологии. Откроем опять книгу специалиста, Виктора Шитарева:

«В произведениях античных авторов, включая Геродота, есть упоминания о керкуре — легком паруснике, изобретенном на Кипре. Он был быстроходен и легок в управлении. Средневековые арабы сделали судно чисто парусным, трехпалубным и нарекли куркурой, которая у европейцев превратилась в купеческую каракку. Получив широкое распространение в Средиземноморье, она появилась ... в XV в. и в Северной Европе. Как и хольк, каракка имела три мачты, но первые две мачты несли не по одному, а по два прямых паруса. На мачтах появились марсовые площадки. Грузовместимость каракк достигала 400 ласт. Обшивка делалась вгладь, ее переняли и европейские корабельные мастера вслед за греками. Примерно в 1440 г. бретонский мастер Жюльен уже строил каракки с такой обшивкой. В Голландии она получила название кравеель, отсюда и название судна — каравелла. Вскоре каравеллы становятся, благодаря совершенству конструкции, весьма популярны во всей Северной Европе».*

Каравеллы, первоначально «позаимствованные» у антиков, стали основным судном эпохи Великих географических открытий!

В заключение этой главы напомним о морском сражении на линии № 8, в XVI веке. Мы говорили уже о нем: это битва при Лепанто.

Стремясь ограничить османскую экспансию, восстановить влияние христианской церкви на Ближнем Востоке и захватить новые земли, испанский король Филипп II, папа римский Пий V и Венецианская республика направили к берегам Греции объединенный союзный флот под командованием испанского принца дона Хуана Австрийского. В Коринфском заливе 7 октября 1571 года он встретился с турецким флотом из 275 судов под командованием Али-паши. В этом сражении турки потеряли 224 корабля, много человек убитыми и пленными, прорву пушек и другого оружия; союзники — 15 кораблей и 8 тыс. человек. Это поражение Стамбула явилось первым сигналом об ослаблении военного могущества Османской империи. А участвовали в битве... весельные суда!

...

Начинали мы эту главу цитатой, в которой утверждалось мнение историков: в XI веке гребные суда оказались бесполезными, и на первое место вышел парус. А заканчиваем битвой XVI века, успех которой был обеспечен именно участием гребцов. Оказывается, «римские триремы» применялись буквально позавчера!

* Принятый в Ганзе «данцигский ржаной ласт» равнялся 3,25 кубометра. Именно такой объем занимал груз зерна массой 2000 кг.

КОННИЦА И ПЕХОТА

*Стальные шпоры на ногах надеты,
Кольчуги белые легки, но крепки,
Забрала спущены у ясных шлемов,
На поясах мечи в золотой отделке,
Щиты подвешены у них на шеях,
И копья острые у них в руке.*

«Песнь о Роланде».

Стратегия Европы и Византии

Для начала не обойтись нам без самых общих определений. Согласно БЭС, военная стратегия — это область военного искусства, охватывающая вопросы теории и практики подготовки страны и вооруженных сил к войне, ее планирование и ведение. Определяется она военной доктриной государства. Также стратегия исследует закономерности войны.

Цели войн и типы стратегий принципиально зависят от уровня экономического и научного развития сторон, скажем мы. То есть, ежели не изобретено колесо, то не будет и колесницы, а если нет стремян, то не надейтесь на конницу. Пешие воины будут драться камнями, дубинами и острыми палками, пока не появятся технологии получения железных орудий и оружия. Если железа мало, то, значит, оно очень дорого, и ему будут искать дешевую замену при изготовлении доспехов. Конечно, всем этим и ограничиваются возможности государя при выборе стратегии, а полководца — при выборе тактики.

В древности, полагают, целью войны было — убить всех. Понятно, если ресурса хватает только на собственное прокормление, а производства, где можно было бы занять чужого человека (раба) нет, то только так и могли поступать. Но как пишет Е.А. Разин, — и мы с ним согласны, — первобытный период не знал войн, ибо не было еще государственного интереса. Стычки этого периода так и надо называть вооруженными стычками или драками.

С развитием товарообмена, помимо убийства конкурентов, встала еще и задача захватить торговые пути, или удержать их за собой, — и здесь уже есть интерес государства (государя). Войны с такими целями были вполне обыкновенны в раннем Средневековье.

В эпоху развитого Средневековья, в XV–XVII веках цель войны — захватить города без потерь и убийств, сохранить производство и всю инфраструктуру, подчинив их себе. В XVIII–XIX веках трудовой ресурс уже стал важным, и полководцы стремились нанести войскам противника максимальный урон в генеральном сражении, так, чтобы сберечь свои силы и маневренность и получить возможность диктовать условия побежденной стороне.

Людские сообщества эволюционируют во вполне определенных природных условиях, и если посмотреть «сверху» — не из кротовой норы, а с высоты птичьего полета, — становится ясным, что война, уничтожение людьми друг друга, есть устранение дисбаланса в системе «человек–природа». Обычно достаточно истребления молодых мужчин; это ведет к приемлемому снижению рождаемости. Но при сильном дисбалансе, то есть при большой перенаселенности территорий, войны приобретают ожесточенный характер. Уже в XIX веке переизбыток населения стал очень заметен; в XX дело дошло до массовых уничтожений гражданских лиц. Кстати напомним об изобретенной в конце XX века нейтронной бомбе, применение которой нужно как раз для того, чтобы уничтожать всех попавших в радиус ее поражения людей, сохраняя материальные ценности.

Но вернемся к периоду, когда, кажется, организация войн носила наиболее простой вид — во всяком случае, в Западной Европе. Это XI–XIV века. В книге «Эпоха Крестовых походов»^{*} читаем:

«Феодалные войны чрезвычайно однообразны. Конные воины делают набеги на поместья врага, угоняют стада, срубают деревья, жгут хлеб на поле, поджигают деревни, насильничают над крестьянами и иногда избивают их. Цель войны — овладеть замками и захватить самих противников, и этого стараются достигнуть или хитростью, или

^{*} Под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо.

правильными действиями — сражениями и осадой. Сражение есть стычка двух масс рыцарей, бросающихся друг на друга крупной рысью; стараются, главным образом, выбить противника из седла и повалить его на землю; оруженосец, стоящий позади воина, подбегает, чтобы схватить сброшенного с коня противника и овладеть его лошадью. Пленников лишают оружия и увозят, обычно привязанными к лошади. Победитель держит их в своем замке, часто скованными или даже запертыми в подземной тюрьме, пока они не выкупят себя за условленную сумму. Точно так же выкупали и замки.

...Выкупы представляли настолько доходное дело, что рыцари и даже сеньоры простирали свои интересы за пределы военного класса, — на купцов, горожан, даже духовных лиц. Они захватывали их на дорогах, сажали в тюрьму и мучили их, чтобы получить выкуп. Немцы называли этих авантюристов *Raubritter* (рыцари-разбойники)».

Война была развлечением и доходным занятием, опасностями которого сами рыцари пренебрегали. Ордерик Виталий, рассказывая о Бремульском сражении (1119), прибавляет: «Я слышал, что из 900 сражавшихся рыцарей были убиты только трое; действительно, они были с головы до ног закованы в железо и... щадили друг друга, старались не столько убивать, сколько забирать в плен».

Помимо участия в войнах, рыцари устраивали военные игры, турниры. Они выстраивались на гладком месте двумя отрядами и вступали — иногда с обычным оружием — в сражение. А потери зачастую были такими же, как и в настоящих битвах: на турнире в Нейссе (близ Кельна) в 1240 году пало 60 рыцарей. На турнирах тоже брали противников в плен и заставляли их выкупать себя.

Так что Франц Меринг прав: история средневекового военного искусства не имеет крупного интереса. Развитие феодального ленного государства полно войн и военной шумихи, но его военные возможности чрезвычайно малы, войска невелики по численности. В них отсутствует военная дисциплина. Войны гремят постоянно, но битвы, имеющие действительно историческое значение (такие, как битва на Лехфельде, или битва при Гастингсе), очень редки. Даже прославленные войны Гогенштауфенов, по мнению Франца Меринга, были простыми драками, о которых грешно говорить как о проявлении какого-нибудь военного искусства: «В средние века не было, в сущности, ни тактики, ни стратегии; можно было бы говорить, лишь с некоторыми оговорками, о стратегии на истощение в самом тривиальном значении этого слова».

Битва под Моргартеном, состоявшаяся 15 ноября 1315 года между пешими швейцарцами и рыцарским войском, принесла рыцарству первое поражение от пехоты. С этой битвы, можно предположить, начался поворот от преимущественно «стратегии на уничтожение», к преимущественно «стратегии на истощение».

Итак, мы видим противопоставление двух возможных стратегий: на уничтожение или захват противника, — выработанной рыцарскими временами, и на истощение сил противника, ставшей актуальной с повышением роли экономики.

«На уничтожение»: атаковать неприятельские вооруженные силы, сокрушить их и подчинить побежденного воле победителя.

«На истощение»: выматывать вражеские войска маневрами, избегая сражений; принимать их лишь в случаях крайней необходимости, или при чрезвычайно благоприятных условиях; заставлять врага нести непомерные затраты, ослаблять и вынуждать к сдаче.

И здесь неожиданно выявляется некий хронологический «зигзаг»; историки сами начинают сравнивать античные и позднесредневековые войны. Франц Меринг пишет:

«..Вообще говоря, стратегия на истощение, несмотря на то, что она имеет вид более мягкой формы ведения войны, является несравненно более жестокой формой. Мы видели уже, насколько она истощила античную Грецию. Что же касается примеров новейшего времени, то стоит лишь сопоставить Тридцатилетнюю войну с наполеоновскими войнами. Тридцатилетняя война с ее стратегией на истощение стоила одной германской нации 16 000 000 человек, отбросив на столетие назад в ее развитии».

Использование стратегии «на истощение», конечно, не исключало из практики прежнего опыта. Тем более, здесь надо различать стратегические устремления, и тактику. Цель всей войны — истощение противника, непосредственные битвы — полное уничтожение врага. Наполеон вел войны на уничтожение. Задолго до него Макиавелли, автор XVI века, нередко провозглашает принцип сокрушения неприятельских сил в открытом бою высшей целью военных действий:

«Центр тяжести войны заключается в полевых сражениях; они составляют цель, ради которой создают армию». «Кто умеет искусно вступить в сражение с

неприятелем, тому можно простить другие ошибки, допускаемые им в ведении войны». *«Стиль стратегии римлян заключался прежде всего в том, что они вели, как говорят французы, войны кратко, но энергично». «Делать переходы, бить врага, становиться лагерем — вот три главных дела войны». «Не золото, как кричит вульгарное мнение, составляет нерв войны, а хорошие солдаты, ибо недостаточно золота для того, чтобы найти хороших солдат, а хорошие солдаты всегда найдут золото». «Когда выиграешь сражение, надо с возможной быстротой преследовать победу до конца».*

И он же пишет: *«Хороший полководец лишь тогда дает сражение, когда его к тому принуждает необходимость или когда представляется благоприятный случай».* Находим мы у него и мнение, что не следует доводить неприятельское войско до отчаяния. Есть и такое замечание, что римляне после одержанной победы вели преследование не при помощи легионов, а легкими войсками и кавалерией, ибо преследующий в беспорядке легко может выпустить из рук победу. *«Лучше, — говорит он в одном месте, — победить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше зависит от счастья, чем от храбрости».*

Однако, цитируя Макиавелли, мы вынуждены высказать такое суждение. Нас призывают верить этому автору как военному теоретику и историку, в том числе, и когда он говорит о войнах античности. Причем античности, понимаемой как время давнее. И все же историки (Дельбрюк) сообщают, что когда Макиавелли выступает в качестве очевидца военного дела своего времени, то он «очень уязвим»:

«Казалось бы, что человек, обладающий столь острой наблюдательностью, человек, который по личным склонностям и по занимаемому им положению должен был направлять свое внимание на военное дело, который неоднократно объезжал Германию, Италию и Францию и практически занимался военным делом, — казалось бы, что такой человек должен давать вполне достоверные сведения. Однако на деле это не так. Сообщаемые им цифровые данные часто ошибочны, как то можно доказать документально... О швейцарцах, например, он неверно сообщает, будто они за тремя шеренгами копейщиков всегда ставили одну шеренгу алебардистов.

Хотя Макиавелли и наблюдатель, но прежде всего он теоретик и доктринер. Все, что он слышит и видит, он тотчас же вгоняет в рамки своей теории, а если это ему не удастся, то факты должны уступать теории. Местами он проявляет поразительное отсутствие критического отношения — например когда он простосердечно повторяет слова какого-то француза, будто во Франции имеется 1 000 700 церковных округов и каждый округ поставляет на службу королю одного вооруженного вольного стрелка. Но это лишь единичные ляпсусы; гораздо хуже обстоит дело с теми искажениями, которые происходят от его отращения к наемничеству и от его странного, надуманного подразделения народов — на вооруженных и невооруженных».

Войны XVI, XVII и XVIII столетий велись не по законам стратегии на уничтожение, а по законам стратегии на истощение. Макиавелли был, наверное, первым, кто теоретически обосновал такую стратегию, и не случайно наука следующих веков видела в нем, требовавшем к тому же всеобщей воинской повинности, великого военного мыслителя. Но он же указывал: *«Если ты сумеешь выиграть у врага решительную битву, то, значит, все другое ошибки, допущенные в ведении войны, незначительны; если же ты этого не можешь, то если бы даже в остальных областях войны ты действовал безукоризненно, ты никогда не доведешь войны до почетного конца. Ибо главная битва, выигранная тобой, уничтожает последствия всех ошибок, когда-либо тобой совершенных».*

То, чего требует здесь Макиавелли, есть стратегия на уничтожение, которая непосредственно устраняет врага и главную свою цель видит в истреблении вражеского войска. На чем основывался теоретик? Мы полагаем, на опыте войн предшествующего периода, к которому относим и период «античный». И вот, неожиданное подтверждение находим у Франца Меринга:

«Макиавелли был, конечно, очень проницательным политиком, но не потому, что он видел вещи в темноте будущего, а потому, что видел их в свете действительности. Он писал под впечатлением длинного пути побед, по которому в его время шли швейцарские войска. Эти войска были народным ополчением со всеобщей воинской повинностью, и они применялись только в сражении на уничтожение. В мощных швейцарских колоннах он, подобно гуманистам, видел возрождение греческой и римской фаланги».

Стратегия и тактика, как считается сейчас, бурно развивалась в эпоху античности (разделение на рода войск, внезапное вторжение, осада и защита крепостей, морская блокада, заманивание, контрнаступление), но в Средние века, разумеется, все это было забыто, военное

искусство находилось «в состоянии упадка», пока вновь не начало своего развития. И в большинстве своем это традиционное мнение сложилось под влиянием мифов и толкований, подверстанных к традиционной же, скалигеровской хронологии. Такая история противоречит и законам эволюции, и простому здравому смыслу.

Историки видят, что в творениях Макиавелли принципы стратегии сокрушения (уничтожения) и стратегии измора (истощения) изложены параллельно, но не согласованно. Да мы и сами находим у него сплошные «перемешивания» традиционных эпох и стратегий; римляне соседствуют с французами, греки — со швейцарцами. Он рассказывает об опыте войн римских императоров, перечисляя их десятками, но нет в его книге византийских императоров Комниных, Ласкарисов, Палеологов, ведших свои войны едва ли не на глазах самого Макиавелли.

Так давайте же вспомним о Византийской (Ромейской, Римской) империи со столицей в Константинополе! Что означает название города? Латинское слово *Константин* — «крепкий, сильный, постоянный». То же самое означает и слово *рим*. Посмотрим Греческо-русский словарь А.Д. Вейсмана:

Ρωμη — город Рим.

ρομη — сила, крепость (как телесная, так и духовная); сила военная; сила политическая, могущество.

Яр. Кеслер вспоминает по этому поводу христианскую молитву: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный...» — второе по-гречески и будет «Святой Рим», то есть — Айо, ромалэ!

В истории средневековой Византии легко найти и традиционную Древнюю Грецию, и, со сдвигом во времени (см. «римскую» волну синусоиды) — Древний Рим. В культурном, научном, экономическом, идеологическом и военном отношении Римская империя с центром в Константинополе развивалась с опережением по сравнению со своей западноевропейской окраиной. То, что уже БЫЛО в Византии XI–XIII веков, в Европе взяли «возрождать», начиная с XIV века. Затем стараниями хронологов эта история попала в «древность», причем и в «греческую», и, с изрядным перекосом в миф, в «римскую».

Стратегия Византии, реального Рима — защита своих границ через ведение войны на чужой территории. Такова была военная доктрина, в соответствии с которой войска императора оказывались на территории соседей. А стратегия мифического «Рима» — выйти за пределы своих границ, чтобы захватить весь мир. Зачем? Да и как это можно сделать практически? Всем миром нельзя управлять из одного центра, и нельзя получить с него доход. Чтобы обеспечить подобную подчиненность, следует, потратив немислимые деньги, всех римлян до одного отослать в иностранные гарнизоны. Однако опыт показывает, что если более 10% населения отвлечь от хозяйства, — экономика рухнет, и станут невозможными вообще никакие походы.

В книге «Военная организация Византийской империи» В. Кучма впрямую сопоставляет стратегии Древней Греции, Рима и средневековой Византии:

«Самыми консервативными на протяжении всей истории военной организации Греции, Рима и Византии являлись принципы полиоркеттики (военно-инженерного дела, – Авт.) и лагерного устройства; наибольшей динамичностью обладала тактика, связанная непосредственно с самым подвижным, переменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким являлась материально-техническая база армии (прежде всего, элементы вооружения и снаряжения)».

Стратегия войны выстраивается от конкретного экономического строя. У Византии была оборонная стратегия, чтобы удерживать границы. На протяжении всей имперской истории можно проследить замену военного удержания идеологическим и культурным: это мы и видим в так называемой эллинизации Востока. Но столь удачно эллинизированный Восток получил, таким образом, механизм собственного научно-технического развития. Противостояние перешло в религиозную сферу, и в результате от империи отпали арабские, а затем и западноевропейские земли. В ходе этих событий в Византии зародилась дипломатия, как средство невоенного взаимодействия с арабскими странами и Европой.

Можно предположить, что часть этой истории, только неправильно понятой, и отражена в истории мифического «Рима», с его завоевательной стратегией, требовавшей расширять границы. Расширив, — как собирались поддерживать порядок? Какими силами? Если своими, то какая для этого требовалась армия? Если наемная, то откуда наемники? И на какие средства наняты?

То же самое касается и мифической «Греции». Некоторые реальные события средневековой Византии, после их интерпретации политически ангажированными историческими писателями, превратились просто в сказку. Ведь это в сказке достаточно объявить о произошедшем небывалом событии, как о чуде, не утруждая себя объяснением, какими средствами «чудо» осуществлено, кем, и зачем.

Совершеннейшим чудом выглядят военные походы Александра Македонского. Чего хотел получить он в Персии и Индии? Историки описывают его тактику, но в чем стратегия? Какова военная доктрина? Если верить «сказкам», он уводил из страны граждан Македонии и других провинций Греции, подрывая местную экономику и основу благосостояния жрецов. Он приходил с войсками в далекие страны, чтобы *просто* завоевать их, и все. Его поведение настолько противоречит здравому смыслу, его цели настолько необъяснимы, что наука история и не пытается ничего объяснять.

Ф. Шахермайр, посвятив десятки страниц своей книги об Александре описанию противостояния племен (образчик: *«финикийская знать и купцы ненавидели греков, тем не менее легко воспринимали элементы греческой культуры»*) и войны в Месопотамии, говорит только о страхе, ужасе, мщении и прочих кошмарах. Вот пример.

По безвестной горной тропинке, ведомый местным пастухом, царь со стотысячным войском пробирается ночами по колена в снегу. Предлагаем тем из читателей, кому приходилось воевать в горах, представить себе этот поход как реальный: с бивуаками, лошадьми, организацией питания, болезнями и всей санитарией. Наконец, попадает он в тыл противника, выходя на равнину сразу со всей армией. *«В беспредельном гневе царь велел перебить всех, кто попадется ему в руки»*. Персидский правитель добровольно передал ему город Персеполь; Александр велел разграбить город, и поджег дворец. Зачем? Читаем объяснение историка:

«Запланирован ли этот пожар заранее или возник спонтанно, во всяком случае, он был грандиозен, почти символичен и завершил собой целую эпоху. Этим актом Александр мстил не только за греков, но и за египтян, вавилонян, за все подвластные персам народы и даже за самих иранцев. Этот эпизод как бы подвел итоговую черту под всем прошлым. Скоро, считал Александр, должно было наступить время, когда уже не будет ни побежденных, ни ненависти, ни мести. Теперь в последний раз эти чувства проявились во всей их торжествующей и безоглядной ярости...»

Сказку анализировать с рациональной точки зрения невозможно, так что перед нами не анализ, а болтовня.

Еще образчик текста Ф. Шахермайра:

«И только в кругу македонских военачальников продолжала нарастать тревога: какова конечная цель всего похода?»

Похоже, что тревога «нарастает» в кругу историков: действительно, а чего это он?.. Ведь это безумие, устраивать войны без цели, без средств, без пользы своей стране!.. Наконец, пишет Ф. Шахермайр, *«наступает момент, когда... встает вопрос о смысле войны и ее целях»*. Но хоть вопрос о целях и «встает», всё это время *«Александра волновал также вопрос, оставшийся для него неясным, но обсуждать который ему не хотелось: каковы же причины его гениальности?»*

Да, гениальность налицо. В армии Дария насчитывалось, по сведениям Шахермайра, примерно 45 000 всадников и 200 000 пеших воинов, но есть и другие данные: Арриан называет наряду с 40 000 всадников около миллиона прочих воинов. Противник численно превосходит войско Александра «видимо, не менее, чем в пять раз». И что же наш гений?

«Промедлив два года, Александр сам дал врагу возможность собрать такое огромное войско. Теперь ему предстояло решить, как с ним справиться». Вопрос о цели войны, как вы помните, еще не решен. Речь только о гениальности.

А вот и апофеоз научно-исторической мысли о «стратегии» или, если угодно, «военной доктрине» Александра:

«Такие действия можно было бы признать странными и необъяснимыми, если бы не притязания Александра на завоевание всего мира. Для властелина, считавшего покорение мира своей ниспосланной свыше миссией, все это совершенно естественно».

Для историка «совершенно естественно», что человек, герой его истории, осуществляет свои мечты, как Господь Бог, одним хотением. Ничто не составляет ему трудностей: ни экономика, ни финансы, ни особенности географии и погоды, ни физические

возможности людей. Ему не требуется обоснования целей, да и самих целей иметь не надо, достаточно желания. Захотел — сотворил небо и землю. Захотел — подчинил себе все страны.

В самом начале XIX века еще один военный гений, Наполеон, не иначе, начитавшись фантазий о подвигах Александра Великого, решил их повторить. Планы похода в Индию обсуждались вполне серьезно. В отличие от своего мифического предшественника, Наполеон владел стратегией и тактикой, он имел уже географические карты, он опирался на экономическую мощь почти всей Европы. И далеко ли он дошел? До Москвы, где и кончился его поход в Азию.

Его история доказывает мифичность походов Александра. А подлинные события, давшие основу мифу, надо искать в истории Византии. Переходя от мифов к реальности, именно в нескольких памятниках средневековой византийской литературы: «Стратегиконе Маврикия», «Тактике Льва», «Воинском законе», «Византийском Анониме VI в.», «De velitatione bellica», можно найти первое изложение военной теории и военного права.

Цель каждой отдельной экспедиции, согласно этим памятникам, заключается в захвате добычи (подчинении и принуждении к выплате дани). Достичь этой цели можно, порой лишь уничтожив живую силу противника, его войска. Но византийская армия следовала завету «античных времен»: разбитому неприятелю должна быть непременно оставлена для спасения бегством одна безопасная дорога; сознание возможности сохранить себе жизнь удержит врага от самых отчаянных способов сопротивления. Своих же воинов за трусость следовало предать суровому наказанию:

«Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратилась в бегство... рассчитать по десять и... (каждого десятого) предать смерти».

Конечно, традиционная история называет и «древние» военно-теоретические труды. Но как это ни удивительно, хоть и названы они древними, но применялись, и были очень популярны в Средние века. Среди таких трактатов можно назвать «Стратегикон» Онасандра. Автор находился на римской службе, трактат посвящен Квинту Веранию, а задуман был, по сообщению самого автора, как руководство для «хороших военачальников». Воинский успех, пишет Онасандр, не следствие слепого рока, а результат деятельности командиров, ссылка на превратности судьбы так же мало извиняет поражение, как и объясняет победу...

Нам любопытно сопоставить рекомендации этого римлянина Онасандра (I век, линия № 6 «римской» волны), и грека Энея (IV век до н.э., линия № 6 «греческой» синусоиды). Эней пишет только об обороне крепостей, Онасандр — только об их осаде. И в том, и в другом трактате можно обнаружить несколько интересных рекомендаций встречного характера. Например, в предвидении вражеской осады Эней предписывает выслать во все стороны от города специально обученных дозорных, конных и пеших, которые должны своевременно оповестить городские власти о приближении врага. Онасандр, со своей стороны, рекомендует стратегу, ведущему войско к городу, захватывать и задерживать всех, застигнутых вне его стен, чтобы они не успели ничего сообщить своему командованию.

Как видим, не только наша синусоида ставит Энея и Онасандра в одну и ту же эпоху! Но еще интереснее, что сами же историки сообщают: собственные наблюдения представлялись византийским писателям менее важными, чем свидетельства «древних», и нормой их творчества были текстуальные заимствования и стилистические подражания антикам. Например, В. Кучма пишет:

«В самом деле, если удастся обнаружить, что «Византийский аноним VI в.» преподносит в качестве новых идей, известные еще Энею (Тактику), писавшему на 900 лет ранее, если «Тактика Льва» лишь парафразирует свидетельства «Стратегикона Маврикия», хотя их разделяет трехвековой промежуток времени, если в «Тактике Никифора Урана» соседствуют свидетельства, одни из которых старше других на тысячелетия, то какой еще вывод можно сделать из этих фактов?»

Пожалуйста, мы можем предложить еще один вывод: хронология древности (античности) неверна. Да и что такое «древность» в понимании средневекового автора? Вот, Лев Дьякон в X веке пишет:

«...Древний император Никифор тоже был убит мисянами, только Константин Копроним победил мисян, а вслед за ним — его внук Константин, сын императрицы Ирины, и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о каком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле».

А комментатор поясняет читателю, что Лев называет Никифора I древним в противоположность Никифору Фоке. Но к власти «древний» Никифор пришел в 802 году, свергнув тут же упомянутую императрицу Ирину. А сам Лев Дьякон родился около 950 года. Так что всей древности — около двухсот лет.

По «византийской» волне нашей синусоиды X век Византии попадает на линию № 6, и, кстати, интересно, что «История» Льва Дьякона сохранилась только в двух рукописных списках: Парижском 1712 года, и Эскориала, который дословно повторяет Парижский. В список включен ряд авторов, и Лев Диакон лишь один из них, — и он охватывает события, как считается, от конца X века, и почти до конца XV века. Датировка у авторов идет от Сотворения мира.

До создания единой шкалы времени было еще почти сто лет, и кто сводил этих авторов, как и по какому принципу выстраивал историю — загадка. На последних страницах, относящихся к 1422 году, есть запись: *«От сотворения мира до сегодняшнего дня хотя бы считать 5353 года, но мы, как христиане, хотим считать, что имеется уже полных 7000 лет»*. В этом — основа для возможного хронологического сдвига на 1647 лет.

Лев VI Мудрый (886–912), автор «Тактики», в качестве древних авторов называет Элиана, Арриана и Онандрона (писатели той же линии № 6), но не упоминает Псевдо-Маврикия, «нового», по словам В. Кучмы, автора, хотя его трактат якобы послужил основным источником: *«...Лев, упоминая свои заведомо второстепенные источники, не называет ни разу главного («Стратегикона Маврикия», — Авт.)»*.

Таким образом, мнение, кто у кого списывал (Лев у Псевдо-Маврикия или Псевдо-Маврикий у Льва), зависит только от хронологии. По сути (с чем согласен и В. Кучма), авторы «Стратегикона» и «Тактики» в известном смысле современники, ибо имели дело почти с одними и теми же исходными данными, какими были материально-техническая база и характер людских ресурсов византийского войска. Но в традиционной истории эти тексты разделяют 300 лет! *«Между «Стратегикомом» и «Тактикой» имеется длительный хронологический перерыв. Но между этими трактатами не ощущается сколько-нибудь значительного логического перерыва»*, — уверяет нас В. Кучма. Если один написан в конце XIV, а другой в начале XV века, — как это следует из «византийской» волны синусоиды, — то в этом нет ничего удивительного. Удивительна тенденциозность историка. Ведь далее В. Кучма пишет:

«Исключение устаревших понятий Псевдо-Маврикия и его исторических сравнений — другой метод переработки Львом материала «Стратегикона»... Так, мы не находим у Льва упоминания Псевдо-Маврикия об аварях, «турках», персах и римлянах, скифах и т.д. Упоминание этих народов было бы явным анахронизмом для рубежа IX–X вв.»

Во-первых, как мы уже сказали, не ясно, кто кому предшествовал, а потому нельзя судить, были ли там вообще «устаревшие» понятия. Во-вторых, какие же названия, по мнению В. Кучмы, устарели для X века? Персы? Римляне? Да ведь византийцы только римлянами себя и называли! В-третьих, открываем книги других историков и с интересом узнаем, что сочинения ромейских писателей наполнены «архаизмами», «историческими реминисценциями» и т.п.

Наша синусоида работает почти безукоризненно по отношению к военно-историческим трактатам. Так, стратегемы Фронтинна, автора I века н.э. (линия № 6) находят среди дополнений Павла Диакона, автора X века (линия № 6) к сочинению Евтропия, а также в главном этическом сочинении Policraticus английского богослова XII века Иоанна Солсберийского (та же линия № 6 «византийской» волны).

«Теория тактики» Элиана, жившего на рубеже I и II веков н.э. (линия № 7) *«изучалась на протяжении тринадцати столетий и пережила свое второе рождение в период позднего средневековья»* (XV век, линия № 7).

Нередко выводы, которые делает В. Кучма в своей книге о византийских войнах, противоречат всем известным утверждениям военных практиков. Так, он пишет, что «судьбу сражения могли решить удары даже немногочисленных кавалерийских частей, если им удалось войти в непосредственное соприкосновение с пехотными подразделениями», — это при том, что, считается, до XIV века конники не воевали с пешими. Но удивительнее всего следующая сентенция:

«...Если попытаться проследить истоки всех военно-научных концепций, когда-либо появившихся на византийской почве, все они в конечном счете приведут к «Стратегикону» [Маврикия] — не только потому, что он предшествует остальным византийским военным трактатам по времени, но и потому, что он оказался выше их по

уровню... Поэтому «Стратегикон Маврикия», открывший перспективу развития византийской военной науки, остался и высшим достижением в этом развитии».

Какую «перспективу», в каком развитии он открыл? На основании чего делает историк свой вывод?..

Почему-то у наших оппонентов всегда получается одна и та же картина: то, что всему предшествует, оказывается и выше остального по уровню, «открывает перспективу». Выдумки и словоблудие, вот чем занимаются историки, а не анализом эволюции различных категорий общественной жизни.

То пишут, что пехота в русской армии традиционно играла значительную роль. То сообщают, что «в XIV и XV столетиях (русские) войска состояли почти исключительно из кавалерии, так что пехота рядом с ней совершенно пропадала, и ее даже не вводили в расчет войсковых частей, а присчитывали только при случае» (Брикс).

Рассуждая об органичном (эволюционном) развитии военного дела, мы отмечали, что пехота, способная противостоять коннице, появилась в Западной Европе в XIV веке. Но можно сделать вывод, что зарождение пехоты в Византии (сначала двоеборцев Александра Македонского, а потом и греческой фаланги, и римских когорт) произошло уже в XII или XIII веке. И, возможно, процентное соотношение между кавалерией и пехотой у «татаро-монголов» совпадает с оным у греко-римлян Византии!

В нашей версии развитие военной науки приобретает естественный вид. После периода варварских драк между племенами, в составе самих племен выделились специальные люди, из числа элиты, образовавшие первичные воинские структуры. Применение коня в военных действиях, когда не было еще огнестрельного оружия, дисциплины, развитых приемов боя, быстро показало, что конные воины сильнее, хотя бы потому, что масса удара у них выше, чем у пеших. Началась эволюция рыцарских войск, но свой путь проделало и мастерство пеших воинов. Со временем появление новых видов оружия и освоение пехотой новых приемов боя привело к исчезновению рыцарства как основного рода войск.

С рыцарства началась эволюция военных структур. А в традиционной истории рыцарство являет собою лишь средневековое преломление античных воинских забав!

От рыцарской конницы к кавалерии

В своей книге «История рыцарства» Ж.Ж. Руа относит начало рыцарства к X–XI векам, в крайнем случае — к VIII веку. Это, в общем, довольно давно сформировавшееся мнение историков-медиевистов. Однако исторические писатели не стесняются применять слово «рыцарь» к древности. Герои Гомера — рыцари, персы — рыцари... В книге Ф. Шахермайра «Александр Македонский» разноплеменные «рыцари» рассыпаны по всем страницам, будто горстями. И не только в этой книге, а и во многих других.

Не удивительно, что Ф. Кардини предложил рассматривать военное дело народов-всадников, начиная с IX–VIII веков до н.э. Во всяком случае, он пишет: «*Парфяне и сарматы стали применять тяжелую кавалерию... Всадник и его конь были **теперь** закрыты латами. Высокий остроконечный шлем защищал голову конного воина. Атакующее оружие — длинное тяжелое копье и меч. Ряд вооруженных таким образом конных воинов сминал толпы легковооруженного противника. Сарматы без особого труда разбили скифов в черноморских степях, парфяне остановили наступление римских легионов, отбросив их от Тигра и Евфрата*».

Мы выделили в этой цитате слово «теперь»: из него следует, что древние парфяне и сарматы уже задолго до появления тяжелой кавалерии имели воинские структуры, в том числе конные. Стало быть, и армейские структуры, и воинское искусство, и производство оружия и доспехов, — все прошло в Азии и в апеннинском Риме свой эволюционный путь. Парфяне, сарматы, персы, греки, римляне воевали со своими соседями, и у тех, естественно, тоже сложилась армия, развились стратегия и тактика, появилось оружие и доспехи.

Рыцарь. Гравюра XVI века.

До этого «теперь», когда древние азиатские воины образовали тяжелую кавалерию, они удивляли тяжело вооруженных греческих и римских воинов умением быстро носиться на конях и очень быстро стрелять из лука. С.И. Лучицкая так и пишет: *«У древних авторов — Геродота и Ксенофонта — тяжеловооруженные воины, гоплиты, противопоставляются всадникам и стрелкам из лука, кочевым народам, которых греки рассматривали как варваров».*

Итак, всем историкам известно, что в древности тяжеловооруженным воинам из, условно говоря, Европы и Малой Азии противостояли легковооруженные воины из Азии, которые «теперь» — в той же древности — обрели тяжелую кавалерию и, надо полагать, продолжали свою военную эволюцию. И развитие это шло тысячу лет.

В V веке, когда германские варвары положили конец римскому господству над миром, скинув с трона последнего римского императора, в освободившемся от римской тирании мире — по всей Евразии, по данным самой традиционной истории, — здравствовали миллионы мужчин, обученных воинскому искусству. Оставим пока ситуацию в Азии, и посмотрим на историю Европы. Предположим, что после завоевания Рима по какой-то причине (из-за эпидемии, например, или из-за глупости германцев) на территории Европы ВСЕ умелые воины умерли. Не осталось ни одного. Забытым оказалось и римское, и греческое военное мастерство. Лишь через несколько столетий, в VIII, а то и в X–XI веке германцы начали создавать военные структуры. Между новоявленными европейскими рыцарями немедленно начались войны, которые были еще не войны, а куртуазные «драки».

Как воевала рыцарская конница того времени? Чтобы сохранить строй к моменту схватки, рыцари подходили к противнику шагом, конница была *«покойна и невозмутима, подъезжала не торопясь, как если бы кто-нибудь ехал верхом, посадивши впереди себя на седло невесту»*, — сообщает один средневековый автор. И, только подъехав совсем близко к врагу, рыцари бросали коней в более быстрый аллюр. Медленное сближение имело еще и тот смысл, что экономились силы лошади для решающего броска и схватки.

«...Рыцари очень любили сражаться, но совсем не хотели умирать — ни за сеньора, ни за святую церковь. Они должны были и хотели только побеждать», — пишет М. Горелик в книге «О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах». С такими намерениями — побеждать — они в конце XI, начале XII века вторглись на азиатские просторы, начав свою крестоносную эпопею. И что же? Они были изумлены невиданной тактикой противника!

С.И. Лучицкая в своей интереснейшей книге* пишет:

«Как рассказывают хронисты о мусульманской манере сражаться? Наиболее общие понятия о ней даны в лапидарной формуле Фульхерия Шартрского, описывающего одну из битв у Никеи в 1097 г.: «Их было триста шестьдесят бойцов, т.е. стрелков из лука. У них в обычае сражаться таким оружием. Все они были всадниками» ...Именно эти черты

* «Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов». Выпущена издательством «Алетейя» в 2001 году тиражом всего в 1300 экз.

портрета воина-мусульманина — лук и стрелы как неотъемлемая часть вооружения, искусная езда верхом — чаще всего бросаются в глаза хронистам. Они кажутся им в высшей степени необычными. Это то различие, на котором они сосредоточивают свое внимание... Хронисты подчеркивают разительное отличие мусульманской манеры сражаться от христианской. Так, Гвиберт Ножанский говорит: «Нашим же по опыту неизвестна была такая живость в верховой езде и такая поразительная ловкость (*mira pernicitas*) в умении избегать наших натисков и атак, особенно потому, что наши не имели обыкновение (*non soleant*) пускать стрелы или же сражаться во время бегства».

Похоже, если в Европе военная «рыцарская» эволюция едва началась, то в Азии она не только остановилась, но и пошла вспять; здесь уже позабыли о тяжелой коннице и опять, как когда-то римлян и греков, поражают европейцев своей манерой воевать. Лишь затем, в ходе боевого контакта, стали учиться и те воины, и эти. В Азии снова появилась тяжелая конница, например, у Тимура. И рыцари Европы начали осваивать тактические приемы, — например, построение «клином». Ведь когда отряд рыцарей медленно, шаг за шагом, приближается к врагу, он становится великолепной мишенью для лучников противника. А если наступать «клином», то впереди можно поставить самых бронированных воинов, спрятав остальных за ними.

«Клин», «кабанья голова», или «свинья», как называли его русские дружинники (любившие, кстати, это построение ничуть не меньше своих западных коллег), пожалуй, самое удобное построение для тяжелой конницы. «Кабанья голова» имела вид колонны, слегка зауженной спереди. Водить конницу в таких колоннах очень выгодно, так как в этом случае лучше всего сохраняется сила ее массированного, таранного удара. Но ведь до такого построения надо было додуматься!

Если бы историки расставили войны разных «эпох» в правильном хронологическом порядке, они увидели бы много интересного. Поскольку им неволею отказываться от традиционной схемы Скалигера, мы сделаем это за них, воспользовавшись книгой Дж. Денисона «История конницы», а особенно примечаниями к ней, написанными Г. Бриксом.

Мы дадим здесь цитаты из этой и других книг не в традиционной последовательности, а по «линиям веков» нашей синусоиды. Правда, в большинстве случаев здесь не устанавливаются даты; наше дело — определить направление процесса эволюции. Начнем с линий № 1–3, не забыв напомнить, что греки (византийцы) — в науке, технике и военном деле все же опережали Западную Европу.

Помните, мы говорили о тяжелой коннице парфян? Римские писатели видели в парфянах единственных соперников Рима в главенстве над всем миром. Любой историк знает это, но вот вдруг читаем:

«Около времени Карла Великого (IX век) стало заметно значение тяжело вооруженных всадников на поле сражения».

Впечатление такое, что автор, приступая к истории Средних веков, начисто забывает все, что известно об античности.

Воинская дисциплина была не просто слабым местом рыцарей, — пишет М. Горелик, — ее у них вообще не было. Рыцарь — индивидуальный боец, привилегированный воин с болезненно острым чувством собственного достоинства. В своем военном деле он равен любому из своего сословия, вплоть до короля, и в бою зависит только сам от себя. Любой приказ для него — урон чести.

И при этом «...рыцари умирали весьма неохотно. Они предпочитали бежать или сдаваться в плен в случае неудачи. В европейских войнах гибли их очень мало — единицы, и лишь в крупнейших битвах, решавших судьбы стран, — несколько сотен», — пишет М. Горелик

Государственная и церковная администрация пытались привить хоть какой-то порядок, но он достигался только в случае, если в отряде рыцарей был сеньор, главенство которого добровольно признавалось всеми. Воинские уставы и распорядки содержали самые общие положения о дисциплине: не покидать и не ломать строй, стараться, в разумных пределах, обороняться при неудаче, а не сразу бежать, и до победы лагерь противника не грабить.

Более крепкий порядок был в бандах — отрядах рыцарей-наемников, расплодившихся в XII–XIV веках, предлагавших свои услуги кому угодно и грабивших всех подряд в мирное время. Для борьбы с этими бандами впервые в средневековой Европе

французскими королями в XIV веке были созданы настоящие маленькие регулярные армии, где воины служили за плату постоянно.

Г. Брикс дает сведения о польско-литовской коннице, но в данном случае не только хронология, но и все, что он описывает, вызывает удивление, если смотреть с точки зрения традиционной истории. Оказывается, в X веке *«их военное устройство... было довольно первобытное; оружие и доспехи состояли из луков, закаленных в огне палок (железа еще не знали? – Авт.) и деревянных седел; сабли попадались разве только у гетмана и у высших начальников. Вместо панциря они носили шкуры зубров, оленей, медведей и волков».*

О коннице литовцев сообщается дальше, что она была вооружена до XVI столетия отравленными дротиками и *мачугами* — пулями, прикрепленными к цепи и употреблявшимися для пробития неприятельских лат. Мы думаем, что поляки и литовцы мало отличались от прочих, — если не до XVI столетия, то уж как минимум до XIV-го.

«Оружие было в первые годы средних веков почти то же, что и прежде: копьё, пращи, мечи, луки со стрелами, топоры, палицы и косы; носили панцири или стеганные камзолы, шлемы с проволочными сетками и щиты... позже начали употреблять перчатки, сапоги со шпорами и принесенные крестоносцами из Азии кинжалы...»

У русских, пишет Г. Брикс, собственная национальная конница появилась только в конце X столетия, а потом была значительно усилена по образцу угорской, половецкой и печенежской.

«В X столетии, с введением ленных владений, рыцарство приняло определенную форму, по которой каждый свободный владелец земли, будучи с одной стороны, ее неограниченным господином, с другой — вассалом более могущественного соседа, становился рыцарем (chevalier) с приобретением копья или палицы, лат и коня... В средние века во Франции вследствие... тяжелого вооружения, исключавшего всякую возможность пешего боя и даже движения, единственным родом оружия была конница...»

Вот эти-то шевалье и занимались по всей Европе взаимным грабежом и похищением соседей ради выкупа. Уже в конце X века церковь сделала попытку водворить мир. Сначала на юге Франции прошли провинциальные соборы, желая установить покровительство беззащитным людям — крестьянам, монахам, церковнослужителям. Предусматривалось, что те, кто нападал на них, подлежал отлучению от церкви. Это был так называемый *Божий мир*.

Собор в Тулузе (1041) пошел дальше: постановил, что все войны должны прекращаться на время праздников и воскресенья, на Филипповский и Великий пост и на вторую половину каждой недели. Это было *Божье перемирие*. Оно было утверждено и распространено на все христианские страны Клермонским собором (1095), на котором был объявлен первый крестовый поход. Соблюдение этого перемирия обеспечило бы 240 дней мира в году. Однако данных о том, что оно соблюдалось, нет. Скорее всего, и не соблюдалось.

Зато есть учебники истории, повествующие, что в VIII веке до н.э. (как раз на линии № 3) в Древней Греции зародились Олимпийские игры, на время которых все войны прекращались. В отличие от средневекового случая, уж об этом-то «Божьем перемирии» историки располагают огромным количеством данных, — правда, почерпнутых не из первоисточников, а из их средневековых копий. Они с удовольствием расскажут вам и о видах спорта, и о победителях, вспомнят какие-то анекдоты о тайком проникшей на стадион матери спортсмена... Первые игры состоялись аж в 776 году до н.э., а последние в 394 году н.э., то есть вся эпопея продолжалась 1170 лет.

А для конца XI — начала XII века известно только, что во исполнение постановления соборов, в каждой епархии (по крайней мере, в одной части Франции), учредили общество мира под управлением епископа. Оно вроде бы имело свою казну, свой суд и даже свою «армию мира», состоявшую главным образом из прихожан, организованных в виде милиций и предводимых священниками. Однако, как пишут Э. Лависс и А. Рамбо, *«несмотря на то, что ученые много занимались изучением всех этих учреждений, мы в конце XII в. только с большим трудом можем отыскать некоторые их следы».* На этот раз попытка установления перемирий не продержалась и ста лет. Нам это дает основание для вывода, что вся олимпийская греческая эпоха — плод литературного творчества европейских гуманистов.

Но посмотрим же, как шла история дальше.

«Из всех греческих народов фессалийцы слыли за лучших кавалеристов, и они же были, несомненно, первыми всадниками... Спартанцы, как большинство пелопонесских народов, почти не имели конницы; только по окончании Мессенской войны (680 до н.э.), стали

ее заводить, а впоследствии государство само нанимало искусных учителей езды для обучения юношей».

И в средневековой Европе рыцарей было все еще очень мало.

Например, во всей Англии в 70-х годах XIII века было 2750 рыцарей. В боях участвовало их обычно несколько десятков, и лишь в больших сражениях они исчислялись сотнями. В это, предполагаем, время (линия № 5 или немногим раньше) у афинян вся кавалерия состояла из 96 человек, причем каждая из 48 навкратий, на которые делился народ,ставляла по 2 человека. После победы над Ксерксом (480 до н.э.) число всадников увеличилось до 300, а позднее до 1200, и столько их было при начале Пелопонесской войны. У Фукидида набор 400 всадников и лучников на восьмой год Пелопонесской войны упоминается как чрезвычайная мера.

«Кавалерия у греков была вначале не очень многочисленна, потому что их страна, за исключением Фессалии, была бедна лошадьми. Вследствие этого верхом могли служить только люди, имевшие большое состояние и которые могли купить и содержать лошадь на собственные средства; благодаря этому всадники (профессиональные военные, — Авт.) и служба их были в особенном почете и действительно они составляли во многих греческих государствах второе сословие в общественной иерархии».

Об этом пишет и Ганс Дельбрюк:

«Как в Спарте, так и в Афинах еще не созрели условия для образования действительно сильной конницы, хотя, например, в походе афинян на Сицилию всадники играют важную роль... Только во время Пелопонесской войны спартанцы завели у себя всадников и лучников для защиты своей земли от афинян, совершавших то здесь, то там набеги с моря».

*Английский колониальный шлем XIX века
на 20-статеровой золотой монете царя Эвкратиды,
традиционно датируемой 170 годом.*

Кольчуги, известные в Европе с XI–XII веков, были крайне неудобны. Более «продвинутые» в технике, по словам Г. Брикса, византийцы с XIII века ввели в своих войсках «древнеримские» *лорика сегментата*, которые были намного легче и удобнее. По образцу их уже и появились в XIV веке западноевропейские доспехи.

Европейские рыцари к XIII веку ощутили себя неким всемирным орденом, кастой, для которой не важны никакие территориальные границы. И дело не только в малом количестве благородных воинов, но и в том, что границы все время менялись. Области и целые государства переходили от одного короля к другому, а рыцари сидели в тех же замках, изъяснялись на французском языке и все, как один, считали себя слугами святой католической церкви. И убивать собрата, кто бы и откуда он ни был, становилось неприличным. Вот одолеть его — сбить с коня, взять в плен и, главное, получить выкуп — это победа. А что пользы от трупа? Войны превращались в массовые турниры. Но не превратились.

В Италии с начала XIII века (и до конца XV) военная сила оставалась в руках *кондотьеры*. Их войска были почти исключительно конными. *«Кондотьеры потому предпочитали конницу, что, не имея поместий, они не могли получить высокого положения содержанием небольшого количества пехоты, много же они иметь не могли по недостатку средств. Что же касается конницы, то обладание ею и в малом количестве доставляло добычу и почет».*

О том, как обучали кавалеристов, можно прочесть в книге «Греческие полиоркетики» Вегеция. Но разве не подходит его описание к военной практике XIII века? Читаем:

«Не только новобранцев, но даже и кадровых воинов должно всегда усиленно обучать вскакиванию на коней. Известно, что это обучение сохранилось и до нашего времени, правда, с некоторой небрежностью. Обыкновенно ставились деревянные кони («кобылы») зимой — под крышей, летом — на поле; на них заставляли вскакивать молодых новобранцев сначала невооруженными, чтобы приобрести навык, а затем и в вооружении. Такое внимание уделялось этому обучению, что новобранцев учили вскакивать и соскакивать не только с правой, но также и с левой стороны, при этом с обнаженными мечами или пиками. Это было проведено путем постоянного упражнения именно, чтобы обучившиеся так старательно во время мира могли в смятении битвы без задержки вскакивать на коня.

Нужно также неукоснительно приучать молодых новобранцев носить тяжести до 60 фунтов, идя военным шагом. Делать это во время трудных походов заставляет необходимость нести и продовольствие и оружие. Не нужно думать, что носить это трудно, если образуется навык: нет ничего такого, чего бы постоянное предварительное упражнение не сделало очень легким».

В «древности» воины следовали этим рекомендациям; мы знаем это из свидетельства самого Вергилия:

«Римлянин именно так, ревнивый к родному оружию, с ношей тяжелою в путь отправляется и, неожиданно, перед врагом уж стоит в строю, устроивши лагерь».

Кто может сказать, что эти же рекомендации не были известны и не использовались в XIII или XIV веке?..

«Зарождение и совершенствование нового для Западной Европы рода войск — пехоты (в XIV–XV веках), постепенно утверждавшей свое преимущество перед рыцарской конницей, обусловило возрождение интереса военных специалистов к тактическим сочинениям античности. Наряду с сочинениями Онасандра, Элиана и Вегеция рекомендации Фронтинна легли в основу тактики западно-европейской пехоты позднего средневековья», — пишет В. Кучма.

Иберийский средневооруженный всадник, якобы III век до н.э. С рисунка В. Тараторина.

Вегеций считается автором IV–V веков н.э. Однако из предисловия к его трудам узнаем, что «о личности Вегеция мы знаем мало. Неизвестны ни годы его жизни, ни род его занятий... Вызывает споры и датировка (его) сочинения — решение этого вопроса зависит от идентификации императора, которому посвящен трактат. Имя этого императора не названо ни разу; упомянутый в одном месте Грациан, как это следует из контекста, рассматривается как предшественник правящего императора (не обязательно непосредственный). В качестве адресата Вегеция исследователями назывались императоры Феодосий, Валентиан II, Валентиан III».

Вот как на самом деле обстоят дела: традиционная история не рискует определиться ни с годами жизни автора, ни с именем его адресата. А открыв БСЭ, мы получаем сухую справку: «IV–V вв». Это линия № 5 синусоиды, выносящая Вегеция в XIII век. В действительности, учитывая, что время написания его сочинения расположено на нисходящем траке «римской» волны, этот античный автор может оказаться не на линии № 5, а на линиях № 6 или № 7. Его «Краткое изложение военного дела» есть просто синтез военно-теоретической мысли всей «античности», выполненный в эпоху так называемого Возрождения.

ХІІІ век очень даже не прост!

Большая часть испанской конницы состояла в это время из тяжело вооруженных всадников; о конных арбалетчиках тоже упоминается в ХІІІ столетии. *«Давно также (на самом деле, видимо, в ходе как раз всего этого столетия, – Авт.) существовала сформированная по маврскому (монгольскому, или македонскому, – Авт.) образцу легкая конница под именем альмогаваров... начальники которых назывались альмокадены (аль-мокадены — македоны? – Авт.)».*

Как возник этот «маврский образец», который мы посмели назвать македонским?

«Когда Александр Великий вступил на престол, он прежде всего приложил особенные старания к усилению и увеличению кавалерии... Гетеры... составляли привилегированное войско — что-то вроде современной гвардейской кавалерии... Общая численность гетеров, по Диодору и Курциусу, доходила при начале действий против Персии до 1500–1800 человек, т.е. примерно по 375–450 человек на эскадрон».

Конные лучники — а именно легкой конницей отличались войска Византии от армий Западной Европы, — были, по-видимому, организованы немного позднее (в традиционной истории — в 329 до н.э., линия № 6), вероятно, по образцу подобных же всадников персидских, особенно дахов, и надо думать, из них и сформированы. Они встречаются числом в 1000 человек в первый раз на границе собственно Персии. Вот что читаем об армии Македонского:

«У латников (катафракты) человек и конь были защищены предохранительным вооружением с головы до ног... У лошадей были прикрыты ребра и голова... Не покрытые панцирем (афракты) делились на копейщиков и стрелков... Димахи, или двоеборцы... предназначались для действий верхом и пешком и от этого получили свое имя».

Диамачи — будущая пехота. Ведь раньше пехоты как рода войск не было; пешие воины просто обслуживали своих конных хозяев. При преследовании Бесса, уведившего плененного им Дария, Александр посадил верхом вместо 500 всадников (рыцарей) столько же самых храбрых пехотинцев (то есть тех же вояк, но в легких латах) с их своеобразным вооружением и снаряжением. Впоследствии так выглядели драгуны — мобильная пехота, передвигавшаяся на лошадях.

Деление народов войск, деление на тяжелую конницу и легкую кавалерию видим всюду на линиях веков № 6 и 7.

В войсках Карла Смелого Бургундского *«английские наемники... состояли преимущественно из лучников... Итальянцы, напротив того, поставляли преимущественно тяжелую конницу, их пикенеры сидели большей частью на закованных в латы конях и отличались своей воинственностью, вооружением и снаряжением».*

Также и английская конница состояла, вскоре после норманнского завоевания, частью из тяжело вооруженных рыцарей, частью из легких всадников. Первые были с ног до головы закованы в железо. Иногда сажали лучников на легких лошадей; они назывались в таком случае *hobiler archers* или просто конными лучниками, и встречаются под этим именем с 1347 года очень часто.

«В ХІV и ХV столетиях возрождение (в нашей версии — зарождение, – Авт.) пехоты и введение огнестрельного оружия возымели и во Франции влияние на рыцарство и обнаружили резче недостатки его и связанной с ним ленной системы».

Эффективность новых войск — пехоты — была такова, что, по словам Брикаса, вплоть до ХІХ века «очень редко производилась (кавалерийская) атака на пехоту, так как она легко ее отбивала, благодаря своему глубокому построению с торчащими пиками и огнем».

О скифах, якобы появившихся в IV веке до н.э., и сгинувших с лица земли в III веке (и то, и другое — линия № 7 синусоиды) В.Е. Шамбаров сообщает, что у них *«были хорошо развиты ремесла...»*, и что воины *«носили чешуйчатые металлические панцири -- предшественники кольчуг, шлемы, стальные мечи, короткие и длинные, щиты — бронзовые, деревянные или окованные железом».*

Скажем прямо, это не исторические факты, имеющие археологические доказательства, — это псевдонаучные мифы ХХ века. *«Высокая технология выработки стальных мечей с закаленной режущей кромкой отвечает позднему средневековью»*, — пишет И.В. Давиденко о приведенном сообщении историка. Описание столь высокотехнологичных «скифов» можно отнести лишь к ХV веку (линия № 7).

Введение огнестрельного оружия повлекло за собою большие перемены. Тяжело вооруженная конница быстро теряет свое значение.

«В XVI столетии, под влиянием распространения и усовершенствования огнестрельного оружия, жандармерия (здесь: рыцарская конница, – Авт.) стала уменьшаться в числе. Первоначально делали неудачные попытки ослабить влияние огнестрельного оружия утяжелением предохранительного вооружения, но во время гугенотских войн оно стало постепенно выходить из употребления и заменяться кожаным колетом, который, впрочем, тоже скоро был оставлен».

«Античный» шлем XVI века.

И тут мы вынуждены опять перенестись в античный Рим. Там отказались от металлических доспехов как бы без всяких причин. Об этом мы уже писали: император Адриан отменил в римской армии металлические кирасу и шлем, заменив их кожаным казакином и паннонской шляпой. Дело было во II веке, что по «римской» волне синусоиды соответствует средневековому «огнестрельному» XV веку. Впрочем, совпадения по «линиям веков» нас уже не удивляют.

Появление пистолетов и ружей подорвало значение конницы. Она перестала понимать свое значение, и вплоть до наполеоновских войн оставалась в неведении относительно своей «главной силы».

Г. Брикс пишет об этом так:

«При действиях кавалерии против кавалерии обе стороны или проскакивали друг мимо друга в противоположном направлении или атаковали по-старому в линии, после выстрела из пистолетов выхватывали шпаги, и начиналась рукопашная. Все это были довольно примитивные маневры, доказывавшие, что конница, бывшая так долго главным, а часто и единственным родом оружия, еще не поняла своей роли относительно пехоты и артиллерии и не осознала еще своей настоящей силы».

На протяжении всей истории снаряжение, экипировка и тактика конного воина были приурочены к битве на коне. Все основывалось на мощной атаке, при которой сила тяжелого коня поддерживала силу удара копья. Рыцарское копье лишь постольку было страшным оружием, поскольку его удар поддерживался массой коня. Сила конницы — в производимом ею шоке, для которого нужны быстрота, мощь удара, выносливость. И вот, на излете Средневековья, в XVI веке конница потеряла свое преимущество!

Оружие и доспехи рыцаря

А теперь посмотрим, чем же и в чем воевали рыцари.

Литература, особенно художественная, широко распространяет мнение, что европейское рыцарское вооружение было ужасно тяжелым и неудобным. Как только не измышляются над рыцарями романисты: бедные всадники в их повествованиях не то, что сесть на коня, но даже ходить затрудняются, а упав, сами с земли подняться не могут. Даже мы вслед за ними писали нечто подобное. А разобрались, что к чему — ахнули... Но писателей винить не за что, их вводят в заблуждение солидные труды военных и невоенных историков.

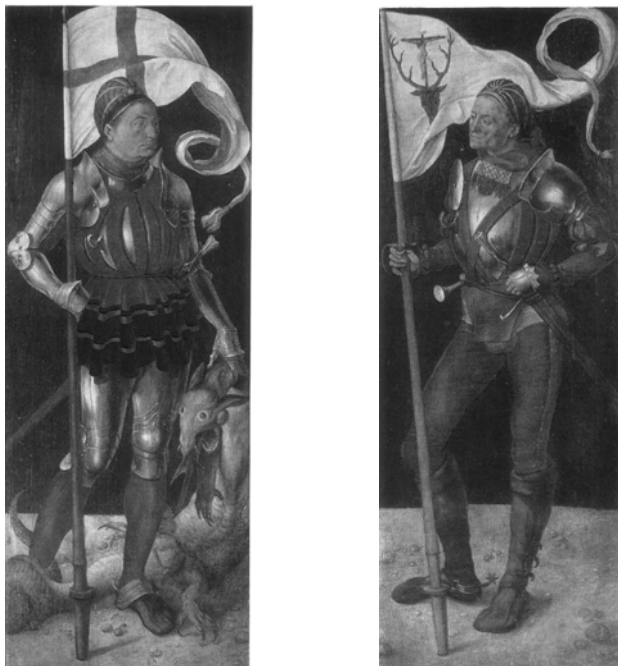
М. Горелик (чьей книгой «О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах» мы здесь широко пользуемся) сообщает:

«На самом деле рыцари не были врагами самим себе, да и вообще военное дело не терпит неудобств в снаряжении. И рыцарское оружие в этом смысле ничем не отличалось от любого другого. Просто на нем лучше, чем, пожалуй, на любом другом оружии, видны все

изменения, происходящие со средствами нападения и защиты, которые диктует развитие военного дела, производства и социальных отношений».

К сожалению, подлинных западноевропейских доспехов XI–XII веков дошло до нас очень мало, и судить о них приходится по изображениям на памятниках искусства. А изображения показывают, что подавляющее большинство рыцарей защищало тело кольчугой.

Принято считать, что на Западе стали широко применять и делать кольчуги только с конца XI века, позаимствовав секреты их изготовления на Востоке. А до этого времени рыцари носили кожаные доспехи с нашитыми железными пластинками или кольцами. Немногие же кольчужные брони ввозились с Востока или из Руси. Причем историки почему-то считают кожаные доспехи с нашитыми металлическими пластинами «неудобными».

*Альбрехт Дюрер. Створки алтаря.
Конец XV – начало XVI века.*

На самом же деле кольчуга, при всех своих удобствах, не обеспечивает надежной защиты. Ее не только разрубает меч и топор или пропарывает копье, — ее пробивает стрела. По этой-то причине воины достаточно долго предпочитали ей более надежные пластинчатые и чешуйчатые доспехи. И перешли к легкой кольчуге после того, как для всадников были придуманы большие миндалевидные щиты, закрывавшие их от носа до середины голени.

Сделанный из дерева, обтянутый слоями кожи и увенчанный железным навершием — *умбоном*, такой щит надежно укрывал от стрелы, а меч и копье если и разрубали его, то застревали в нем или даже ломались, стоило принять удар на умбон. Тут-то кольчуга, прекрасно укрывавшая от случайных ударов, и вышла на первое место. Сначала она имела рукава до локтей, да и ноги оставались открытыми. А в рубке мечами или под градом стрел легко было лишиться руки и ноги. И щит не помогал — его, такой большой и тяжелый, трудно было подставлять под сыпавшиеся со всех сторон удары.

Афинский военный и государственный деятель якобы V века до н.э. Перикл в шлеме с личиной. Стилистика произведения выдает его средневековое происхождение. Бюст может быть отнесен ко временам Латинской империи на Балканах (XIII век).

Тогда в конце XI века рыцари стали надевать на ноги кольчужные чулки, а кольчуга обрела длинные рукава с варежками и капюшон, так называемый *хауберк*. Завершал полное прикрытие рыцарского тела шлем. В XI веке он почти всегда был куполообразным и имел широкий наносник. В специальной литературе такие шлемы называют норманнскими, но они — общее достояние всей Евразии. Если сначала шлем клепали из четырех и более сегментов в виде купола, и сверху само собой получалось остроконечное навершие, то позднее научились ковать шлемы из одного куска.

В XII веке верхушка у этих шлемов загибается вперед, или же он как бы «распухает», приобретая яйцеобразную форму. Эти изменения вели к увеличению внутреннего объема, что давало больший защитный эффект, так как стенки шлема уже не прилегали непосредственно к голове. Тогда же шлемы обрели *наличники* — железные полумаски. Одновременно щит из миндалевидного стал треугольным, и уже не защищал лицо, но умбон он еще сохранял.

И вот этот описанный комплекс доспехов называют тяжелым. Якобы рыцарь в нем был неповоротлив, — в отличие от воинов Руси и Востока. А ведь комплекс весил в среднем не больше, чем защитный набор оружия в Восточной Европе и Азии. Пусть западная кольчуга имела рукава и капюшон и дополнялась чулками, — зато на Руси и Востоке она часто дополнялась или заменялась более тяжелым пластинчатым или чешуйчатым панцирем, на Западе применявшимся редко. И щиты у нас были такие же миндалевидные, и шлемы были, схожие по форме с *норманнским*. В XII–XIII веках они тоже снабжались железными масками.

Грушевидный (горшковидный) шлем XVI века.

Венгерский шлем восточного образца. XVI век.

В XIII веке начинается процесс сильного изменения рыцарского доспеха. Прежде всего, поменялась форма шлема. У яйцеобразного шлема макушка делается плоской, опускается затылок, железный *наличник* увеличивается книзу и в стороны — шлем принимает вид железного ведра с прорезями для глаз и дырочками для дыхания. По своей форме он и назван *горшковидным*. С такого шлема удары не соскальзывают, но любой прямой удар по нему уже не достигает цели, так как это «ведро» надевалось на специальную, с толстым мягким валиком-венцом, шапку, надетую, в свою очередь, поверх кольчужного капюшона. Так что такой шлем нигде и близко не касался поверхности головы, да еще его *личина* от глаз до подбородка частенько снабжалась дополнительным слоем металла.

С середины XIII века, или несколько раньше, в Европе начинает распространяться доспех, называемый *бригандиной*, — это панцирь, где железные пластины скреплены изнутри мягкой, тканой или кожаной основой. Было ли появление и распространение *бригандины* на Западе результатом развития местных традиций, или же ее заимствовали из Руси или с Востока — вопрос до сих пор не решенный.

С появлением такого усиленного доспеха отпала необходимость в тяжелом щите; отныне деревянный треугольник, уже без умбона, стал прикрывать тело сидящего на коне

бойца от шеи до бедер. А раз уменьшился вес щита, то им стало возможно фехтовать, подставляя под удары. А чтобы рука, держащая его, меньше уставала, щит на специальном ремне вешали на шею: если он был не нужен или воин бился обеими руками, щит забрасывался за спину.

С XIII века не только сам рыцарь, но и его боевой конь получает усиленную защиту. Тканые или войлочные попоны, закрывавшие все тело коня, появились еще в XII веке и защищали его от дождя и зноя. Теперь же попона стала кольчужной. А голову коня закрывала железная маска, оставлявшая открытыми только глаза и рот животного.

Как мы видим, все изменения в доспехах XI–XIII веков происходили по внутренним закономерностям самого оборонительного вооружения, — одна его часть усиливалась за счет другой, хотя в XIII веке наблюдается общее увеличение веса средств защиты.

Усиление доспеха в XIII веке произошло потому, что именно в это время начинает изменяться форма меча. В XI–XII веках он был «античным»: не очень длинным, весьма широким и имел, как правило, округлый конец, то есть был приспособлен исключительно для рубящего удара. Но в XIII веке мечи вытягиваются и заостряются на конце, становятся более тяжелыми. Ими уже можно не только прорубить кольчугу, но и проткнуть ее.

Еще четыре вида оружия заставили усилить кольчугу пластинчатой броней. Прежде всего скажем про *булаву* (палицу, шестопер) — металлический шипастый многогранник. Булаву очень возлюбили в XI–XIII веках воины-клирики. Церковь запрещала своим служителям проливать кровь, а воевать князьям церкви приходилось. В такой ситуации булава оказалась как нельзя кстати: от ее удара по мягкой кольчуге получался такой ушиб, что пострадавший с кровоизлиянием или перебитыми костями часто отправлялся в лучший мир.

Э. Лависс и А. Рамбо пишут в своей книге «Эпоха крестовых походов» о применении булавы византийцами XI–XII веков:

«Монахи составили вооруженные шайки и бродили по Македонии, Пелопоннесу и островам Ионического моря. Они вели религиозную пропаганду на свой лад, поддерживали «священную войну» против туземцев, язычников или манихеев и проповедовали священную войну против латинян... Эти бродячие шайки сделались для областей настоящей «египетской казнью». Эти люди в черной одежде, вооруженные луками и железными палицами, сидя на арабских скакунах, с соколами в руке и лютыми псами впереди, охотились на людей и неслись по стране как «настоящие демоны». Они убивали всякого, кого подозревали в приверженности к язычеству или (*католической*, — Авт.) ереси, особенно же тех, чьи земли прилегали к их владениям...»

В это же время стал известен *арбалет* — станковый лук, машина огромной мощности, пробивавшая кольчужную ткань, как матерчатую. В начале XIV века появился *фальшон* — огромный тяжелый тесак, запросто разрубавший кольчугу, и *алебарда* — насаженное на древко сочетание копья, топора и крюка. В руках швейцарских крестьян-пехотинцев алебарда раскалывала и протыкала не только кольчуги, но и шлемы, а крюк позволял сдергивать всадников с коня.

Все отмеченные тенденции в оружии нападения продолжали быстро развиваться и в последующие столетия, что повлекло соответствующее развитие доспеха из крупных железных пластин. В этот период распространилось поднимающееся забрало, изобретенное столетием раньше. Появлялись и новинки для прикрытия корпуса воина.

Были изобретены панцирные жилеты, кожа которых подбивалась большими прямоугольными пластинами металла. Затем появился доспех, состоящий из сплошной кирасы с юбкой из горизонтальных стальных полос (в XIV веке кирасу почти всегда упорно обтягивали тканью или надевали поверх нее короткий кафтан, так что ее и не было видно), наручей и поножей, состоящих из деталей, повторяющих анатомическое членение человеческих конечностей, а также железных перчаток. Оставалось лишь соединить между собой все части этого доспеха. На это ушла вторая половина XIV века.

Тогда же горшковидный шлем был заменен *баскинетом* — небольшим, заостренным на макушке шлемом с низким затылком. Спереди он имел подвижное забрало с сильно выступающей центральной частью, за что его называли «собачьей мордой». К *баскинету* крепилось длинное кольчужное ожерелье, прикрывающее шею и плечи.

Наконец, в XV веке был создан полный доспех, конструкция которого, составленная из больших сплошных стальных пластин, повторяла строение человеческого тела. Именно над этим доспехом издевались позднейшие авторы исторических исследований и романов, перенося его и на столетия раньше. А зря издевались. Доспех этого типа отличался

великолепными боевыми качествами, был не только очень прочен, но и удобен. А весил он около 25 килограммов, — ничуть не больше, чем комплекты доспехов из Восточной Европы и Азии. Причем этот вес равномерно распределялся по всему телу, а поскольку все подвижные части набирались из узких пластинок, приклепанных к ремням, доспех совершенно не сковывал движений.

(М. Горелик сообщает, что в наши дни во время киносъемок спортсмены и артисты надевали подлинные доспехи, и оказалось, что тренированный человек спокойно работает в них 8 часов в сутки, ходит, ездит верхом, сам влезает в седло и поднимается с земли.)

Доспехи XV века, названные *готическими* за заостренные формы своих деталей, сменились в начале XVI века *максимилиановскими*, в которых вся поверхность брони покрывалась желобками, облегчавшими вес боевой одежды. Позднее доспех опять становится гладким: формы его соответствуют изменениям моды в обычной одежде.

Пластинчатые латы XVI века. Пример максимилиановского доспеха.

Появление готического доспеха привело к яркому расцвету искусства оформления оружия. Раньше отдельные металлические детали украшали узкие, инкрустированные золотом каймы, теперь большое поле давало простор творческой мысли мастера. Забрала шлемов превращались в звериные морды или страшные маски с крючковатыми носами и стальными усами, конские оголовья ковались в виде голов химер и других чудовищ. С середины XVI века формы стали скромней, но отделка — богаче.

В XVII веке, с резким усилением пробивной способности огнестрельного оружия, доспех достигает максимальной толщины и веса — около 33 килограммов. Это был предел, после чего «доспешные мастера» отказались соревноваться с мушкетами и пистолетами.

Лучшие мастера доспеха — *платтнеры* — добивались чистоты и законченности изделия. Немецкие мастера поражали полировкой и изящным силуэтом, итальянцы — неистощимым богатством мотивов оформления и виртуозных технических приемов. Не отставали от *платтнеров* и мастера-мечники. Рыцарский «готический» меч в XIV–XVI веках все более сужается, заостряется, вытягивается, пока, наконец, в XVI веке не превращается в шпагу.

Меч, эволюционируя, постепенно потерял рубящую функцию — ведь сплошной доспех им все равно не разрубить, зато острием можно проткнуть сочленения панциря. Изменялись и детали рукояти меча; отделка становилась все обильнее и сложнее. Тончайшая чеканка, гравировка, инкрустация, прорези и чернь украсили клинки, рукояти, ножны. Лучшие клинки изготавливали испанские мастера в Толедо и германские в Золингене.

Если в связи с усилением доспеха роль рыцарского меча несколько падает, то копьё служит по-прежнему верно. К XVI веку оно превращается в толстый трехметровый шест

с маленьким острием. Такую тяжкую пику, обладающую страшной пробивной силой, уже не удержать одной рукой. Поэтому ее подпирали стальной подставкой, привинченной к груди кирасы.

Откуда же взялась легенда о доспехах, в которых нельзя было ни встать, ни повернуться? Оказывается, такие тоже были! Это турнирные доспехи XVI века. Турниры, пышно обставленные игрища, призом на которых служили доспехи и конь поверженного соперника, известны с XI века. До конца XV века рыцари на турнирах бились в основном тупым оружием и в обычных боевых доспехах. Но в XVI веке правила ужесточились, стали драться острым оружием. Погибать в игре хотелось еще меньше, чем в бою, и доспехи для турнира «специализировались». Например, доспех для конного копейного поединка весил до 85 килограммов. Он закрывал только голову и торс всадника, но имел толщину около сантиметра и был почти неподвижен – ведь надо было только ударить копьем.

Облачали в него рыцаря, посадив на поднятое над землей бревно, так как с земли он сесть на коня не мог, да и выдерживал в нем боец очень короткое время. Турнирное копье имело вид настоящего бревна, с прикрепленным стальным кругом у рукояти – защитой правой руки и правой стороны груди. Конь для турнира также обряжался в особо толстый доспех, да еще поверх стального нагрудника клали толстый кожаный валик, набитый чем-нибудь мягким. Рыцарь сидел в огромном седле, задняя лука которого подпиралась стальными стержнями, а передняя была так широка, высока и простерта вниз, что, окованная сталью, надежно защищала ноги всадника.

И все это хозяйство покрывалось богатыми геральдическими мантиями, попонами, на шлемах возвышались геральдические фигуры из дерева, копыта обертывались лентами.

Но, скажем прямо, к истории боевой конницы такие изыски почти не имеют отношения.

Кони-звери

Вопрос, который, безусловно, имеет отношение к военной истории, но практически никогда историками не рассматривавшийся — это вопрос о времени появления самого коня. Берем в руки учебник Р.Ю. Виппера (1859–1954), и читаем в главке про Новый каменный век (неолит):

«Караваны торговцев потянулись вдоль рек, по горным тропинкам и проходам; изделия несли на плечах, везли на тачках, навьючивали на верблюдов и лошадей, грузили в лодки».

Далее, в главке «Начало земледелия. Бронзовый и железный век»:

«Не скоро укротили быка; но раз его одолел человек, на быке стали перевозить тяжести, впрягать животное в телегу. Для той же цели человек захватил и быструю лошадь».

То, что написано в учебнике истории, не более, как мнение автора учебника, считающего к тому же, что неолит — страшно далекая от нынешних дней пора. Но мы помним, что еще в XI веке применялись каменные топоры, — а в глухих уголках, надо думать, и позже. Тачка в Европе появилась лишь в XIII веке. А лошадь? Она весьма затратна в ее содержании. Прикиньте сами: рискнули бы вы завести себе лошадь сейчас, даже имея шикарный сельский особняк?.. В Средние века это было тоже не очень просто. Кормить ее, ухаживать, обьезжать, приручать — для чего? Чтобы лошадь стала на селе животным обыденным, требовалось немало времени!

Ф. Кардини сообщает о раннем Средневековье:

«Высокая стоимость коня связана с процессом развития коневодства и повышением урожайности фуражных культур: более сильные животные и их более многочисленное поголовье требовали создания значительных кормовых запасов...»

На севере Европы пахали на быках. На юге — обходились ручным трудом, ибо урожайность была столь велика, что не нужно было иметь и обрабатывать большие участки. На Руси природные условия много хуже, чем в Западной, и даже остальной части Восточной Европы. Может быть, здесь лошадь появилась в незапамятную древность?

Судить об этом достаточно сложно. Археологические находки немые, как мы показали в одной из предыдущих глав. Памятники же письменности дают парадоксальные

результаты. Как известно из традиционной истории, русскую азбуку (кириллицу) придумали Кирилл и Мефодий в IX веке. А глаголица применялась якобы еще раньше, так что тексты должны быть. Но вот открываем мы Историко-этимологический словарь П.Я. Черныха, и читаем в статье о коне, что слово это впервые упомянуто под 6477 годом от Сотворения мира, то есть в 969 году, через сто лет после появления кириллической письменности. Тогда рек Святослав матери своей и боярам своим:

«Не любо ми есть в Киеве быти, хоцю жити в Переяславци и на Дунаи, яко то есть середина земли моей, яко ту вся благая сходиться; от Греков наволоки, и злато, и вина, и овоци розноличныи; из Чех, из Угръ сребро и кони; из Руси же скоро, воскъ, и мед, и челядь».

Смотрим тогда в Историко-этимологическом словаре слово «лошадь». Сия скотина впервые упомянута под годом 6619, то есть на полтора столетия позже коня, в XII веке. «Лошак» находим в XIII веке, а прилагательное «лошадиный» попало в словари с 1731 года.

Но для проверки можно выбрать разные слова! Идем по алфавиту. «Вожжи» упоминаются в русском письме с первой половины XVIII века, а из других славянских языков самое старое упоминание вожжей относится к 1551 году. «Дышло», одиночная оглобля, в польском языке — с XVI века, в русском позже, в словарях отмечено с 1704 года. «Узда» в древнерусском — с XI века. Но взнуздать коня мало, надо еще и о подковах озаботиться. Слово «ковать» появляется на письме тоже с XI века, равно как и «кузньць».

Сходная картина и в Западной Европе. Коня узнали здесь поздно, работать с ним не умели, и наука обхождения с этим животным, его дрессировки развивалась долго. Из-за дороговизны коня иметь его могли только люди состоятельные, применявшие его для войны, а не для пахоты, — да еще купцы запрягали их в свои повозки с товаром. Вот почему столь поздно появились специальные названия для выючной сбруи на письме; они просто не были широко известны.

Ф. Кардини в своем исследовании истории рыцарства пишет о требованиях к боевым коням раннего Средневековья:

«В связи с утяжелением вооружения и одновременным усовершенствованием техники фронтального столкновения возникла необходимость в таких лошадях, которые умели бы двигаться строго по прямой линии, не были бы нервными и впечатлительными, послушно реагировали на команды, подаваемые голосом, могли бы выдержать внушительный вес всадника со всеми его доспехами и оружием, и в то же время не были бы медлительными...»

Итак, в Средневековье только лишь возникла потребность вот в таких боевых животных, но их еще не было. Но обратимся к «древности». О, здесь совсем другая картина! Здесь таких коней — на выбор:

«Если вы хотите иметь хорошую строевую (!) лошадь, — говорит Ксенофонт (ок. 430–335/54 до н.э.), — то должны испытать ее при различных обстоятельствах, какие она только может встретить, например: переплывать рвы, карабкаться на валы, подниматься и опускаться по крутым возвышенностям и носиться во весь карьер по неровной местности, по покатосям и дурным дорогам. Большая часть лошадей не соответствует ожиданиям не вследствие их недостатков, а потому что они не имеют должного навыка. Если они хорошего сложения, то для того, чтобы не были порочны, методическою дрессировкою следует приучать их ко всему».

Столько небылиц, сколько сочинено про античную конницу, не сочинили, кажется, ни про один другой род войск. Вот лишь некоторые из них, которые отметил сам Дж. Денисон, автор знаменитой книги «История конницы»:

«Если верить легендам, составляющим основание древнейшей истории римлян (!), то можно прийти к заключению, что кавалерийская служба была известна еще при основании Рима и получила некоторое развитие...» (VIII до н.э., линия № 2, соответствует традиционному X веку н.э.).

«Нумидийцы, составлявшие легкую конницу Ганнибала, считались лучшими в это время представителями этого рода оружия... Лошади их были маленького роста, очень невидные. Сами они были крайне плохо снаряжены и почти совершенно нагие, ездили без седел, управляя лошадьми с помощью прута или ремня. Тем не менее услуги, оказанные ими Ганнибалу, столь велики, что с трудом можно верить рассказам о столь неудовлетворительном их снаряжении. Они не употребляли ни узды, ни поводьев...» (III–II до н.э., линия № 6–7 «римской» волны).

«Вообще греки не любили кавалерийской службы; они не придавали коннице большого значения и содержали ее очень мало. Богатые граждане, обязанные нести службу

верхом, предпочитали заменять себя другими людьми, которым и передавали своих лошадей, а сами поступали в пехоту...» (III до н.э., линия № 7).

Можно долго и непродуктивно спорить о времени приручения лошади человеком. Можно рассмотреть вопрос этот с биологической точки зрения, а можно довериться Геродоту, который откуда-то знал о некоей равнине в Мидии, «на которой водятся величественные кони». Описания Геродота очень подходят к ахалтекинцам: грациозны, имели длинные, тонкие и гибкие шеи, большие глаза, сухие головы и длинные сильные ноги. И об упряжи много чего знал Геродот. И о колесницах в армии Ксеркса... Если б только знать достоверно, когда жил сам Геродот.

И.В. Давиденко пишет:

«Когда, где, кто и как превратил вольного тарпана или неукротимую лошадь Пржевальского в прекрасное домашнее животное, которое и под седло, и под вьюк, и в оглобли годится? Из зебры ничего подобного не вывели за время цивилизации. В книгах несложно прочитать, что среди 250 конских пород САМЫМИ ДРЕВЕННИМИ СЧИТАЮТСЯ АХАЛТЕКИНЦЫ. Сам Тиглатпаласар за тысячу лет до новой эры приказал написать:

«Я захватил стада лошадей, мулов и другого скота с их лугов. Я заставил их заплатить дань в 1200 лошадей».

Позже, однако, клинописно подтверждено, что царь Таплатпалассар захватил в Аравии десятки тысяч (!) голов верблюдов и крупного рогатого скота, но в Аравии НЕ ОКАЗАЛОСЬ ЛОШАДЕЙ. Еще позже Страбон подведет итог:

«В Аравии много рогатого скота, но там нет лошадей, мулов, свиней, коз и кур».

Опять тот же вопрос: когда жил Страбон?..

На конюшне каждого средневекового феодала, надо думать, имелись специалисты по выездке. Но легко понять, что для войн и турниров годились только особые породы лошадей. Они должны были быть крепкими и массивными, чтобы выдержать вес всадника в полном рыцарском облачении. Для военного дела не годились лошадки, выросшие в степях, которых можно было купить у «скифов» за стеклянные бусы. Да и где были эти «скифы», если киевский князь Святослав через полтысячи лет после их «исчезновения» получал коней из Чехии и Венгрии? Неужели вместе со скифами с Причерноморских степей пропали и кони?

До эпохи крестовых походов в Европе было мало чистопородных лошадей. Лишь с XI века начинается планомерный ввоз сюда лошадей арабской породы, которых использовали для улучшения местных пород. Об этих местных породах читаем в книге П. Федотова «Коневодство»: *«В экстерьере местных пород лошадей, пригодных к разностороннему использованию (под седлом и в упряжи, на галопе и на рыси, как мясо-молочные), преобладают небольшой рост, широкотелость, низконогость, сухость и грубость сложения, крепость костяка, большая оброслость, толстая кожа, покрытая густым и длинным волосом».*

Кони этих местных пород были плохи, и было их мало. Но и в Аравии не наблюдалось избытка коней! Сохранились сведения, что даже в более поздние времена европейцы, отправлявшиеся на Восток за лошадьми, возвращались порой с большими суммами денег, так как не могли найти там жеребцов и кобыл, продажа которых в Западной Европе окупала бы расходы на их транспортировку. Поэтому чистопородные верховые лошади стоили в Средние века столько, сколько сейчас автомобиль «мерседес». Для примера, за цену одного коня можно было купить 45 коров.

Х. Вридт пишет в книге «Опыты биологического исследования пород лошадей и вопросов конеразведения»:

«Затруднения прежде всего состояли в том, что Аравия была далеко, и транспортировать лошадей было делом очень сложным. Кроме того, в Аравии во все времена было очень мало лошадей, которые могли бы удовлетворить хотя бы самым скромным европейским требованиям к племенному животноводству».

Породы верховых лошадей впервые были выведены, как считают историки, в Средней Азии чуть ли не в третьем тысячелетии до нашей эры. Но доверяться подобным датировкам совершенно нельзя. Ф. Кардини в «История средневекового рыцарства» так и пишет:

«Исторические сведения по поводу коневодства и селекции лошадей в средиземноморской и западноазиатской древности и немногочисленны, и неясны. Разумеется, специалисты по этому вопросу восполняют пробел, используя иконографические источники и археологические находки. Известно, что с ахеменидского периода не только Иранское, но и Анатолийское нагорье, географически очень похожие друг на друга, были районами коневодства. Сарматы использовали две породы — ферганскую,

соответствовавшую, как мы видели, задачам тяжелой кавалерии, и малорослую, резвую, с трудом поддающуюся одомашниванию лошадь, судя по всему, предком которой является монгольский тарпан; скорее всего, именно эту лошадь использовали для вольтижировки лучников, охоты и путешествий».

Итак, за три тысячи лет до нашей эры так здорово одомашнили тарпана, что сразу получился целый спектр пород. К началу нашей эры уже были кони, годные для тяжелой кавалерии. А дальше развитие пород прекратилось. Тех же самых коней использовали в странах Западной Европы в X веке. Ахалтекинцев, — тех же самых, которых в V веке до н.э. выдвигал Геродот, — через две тысячи лет вывозили в Россию, Индию, Турцию, Сирию, Германию, Англию.

Ахалтекинцы до середины XIX века являлись во всех странах главной улучшающей породой!

«Арабская лошадь отличается своеобразием экстерьера. Голова у нее легкая, широкая во лбу, глаза крупные, выразительные, шея красиво изогнутая, высоко поставленная, поясница ровная, круп мускулистый, грудная клетка широкая, лопатка длинная, косо поставленная, скакательный сустав глубокий, ноги сухие, копыта прочные, хвост высоко поставленный с изгибом. Лошади отличаются гармоничностью телосложения».

А вот — выючная лошадь позднего Средневековья. Она характеризуется малым ростом, небольшой живой массой, крепкими конечностями. У жеребцов мощнее и крепче костяк, более грубая конституция, больше обхват пясти и крупнее копыта, чем у кобыл. Круп относительно уже, но длиннее. Когда же появились эти породы — и выючные, и верховые, и тяжеловозы — если тарпан, вымершее ныне непарнокопытное животное, предок всех пород домашних лошадей, встречался в Восточной Европе еще в XIX веке?..

Знаменитый античный памятник Марку Аврелию (якобы II век) на одной из площадей Рима.

Но мы все же пишем книгу не о животноводстве, а об истории. И здесь возникает интересный вопрос: а какой породы конь под Марком Аврелием? Какой породы кони на древнегреческих барельефах? Конечно, художник (скульптор) — не фотограф, он мог приукрасить стать коней своего времени. Но как мог «придумать» художник уздечку, мундштук и прочие конские причуды, изображенные на этрусской скульптуре крылатых коней?

Разумеется, скульптор работает в пределах школы, стиля, схемы. М. Придорогин писал об этом так:

«Лошади и люди в египетских изображениях тонки, с длинными членами, с бедной мускулатурой. В противоположность указанному стилю египтян, значительно более поздние произведения искусства — ассирийские и развившиеся из них персидские — придавали людям и животным форму чрезмерной мускулистости, округлости; отсюда вполне естественно заключить, что наблюдаемые в их изображениях пышные и мощные формы лошадей обуславливаются тоже только характером стиля, а не типом ассирийских и древнеперсидских лошадей».

И все-таки натурализм конного памятника Марку Аврелию позволяет хотя бы о нем поставить такой вопрос. Совершенно очевидно, что под императором лошадь не местной (степной, лесной, горской) породы, а также не выючная или тяжелоупряжная, а верховая.

Нам трудно судить, похож ли конь Марка Аврелия на бельгийского тяжеловоза или арабского скакуна. Дело в том, что даже по традиционной хронологии арабская порода

создана не раньше VII века н.э. (по «арабской» волне это соответствует XII веку, рыцарскому времени).

Приведем цитату из Ф. Кардини:

«Великолепный конь Марка Аврелия, по сей день украшающий площадь, созданную Микеланджело на Капитолийском холме в Риме, считавшийся в Средневековье одним из чудес Вечного города, вполне мог бы выдержать гораздо более тяжелые труды, чем просто нести своего всадника, императора-философа, к тому же безоружного и без доспехов. На Марке Аврелии всего лишь легкая парадная лорика».

Из этого описания следует, что Микеланджело **создал площадь** в Риме. Значит ли это, что он всего лишь обустроил пространство вокруг стоявшей здесь раньше, или принесенной специально по этому случаю конной статуи древнему императору?

Марк Аврелий родился в 121 году н.э., умер в 180 году. Императорствовал со 161 года, то есть с сорока своих лет. На коне сидит крепкий мужчина, потому и коня подобрали тяжеловозного. Однако были ли такие кони во II веке нашей эры?

В первом томе «Истории итальянского искусства» (М.: Радуга, 1990) фотография конной статуи Марка Аврелия сопровождается датой: 161–180 годы. Но это как раз годы императорства Марка Аврелия. Не будем же мы предполагать, что ставили статую девятнадцать лет!

Но хорошо, согласимся. Точной даты нет, но памятник делали именно при Марке Аврелии, с натуры. Однако ко времени Микеланджело понадобилось бы уже капитально отремонтировать произведение, ибо прохудился бы памятник. Как статуя Минина и Пожарского в Москве: сплошные дырки. И.В. Давиденко пишет:

«Нам скажут, строил Микеланджело площадь на Капитолийском холме. А тут как раз выкопали по случаю конную статую. Смотрят — Марк Аврелий! Ну, вылитый! И осталось Микеланджело Буонарроти на постамент коня со всадником взгромоздить. Но за 1200–1300 лет, пусть за 1000, бронза поизносилась. А поза у коня рискованная, на трех ногах стоит. По-хорошему, надо бы новую отливку делать! Чтобы до наших дней достояла».

Так когда, и кем изготовлена и установлена конная статуя Марка Аврелия?.. Отметим кстати, что это изображение императора на коне — единственный случай такого рода за всю историю античного искусства, если оставаться в рамках традиционной хронологии. Всадников можно найти на барельефах, но «круглая» скульптура — без предшественников и продолжателей, согласитесь, вещь удивительная.

Вполне можно согласиться с мнением И.В. Давиденко: статуя конного Марка Аврелия — новодел начала XVI века! В целом проблема этого бронзового всадника, вместе с конем, имеет два решения. Первое: надо пересмотреть дату изготовления памятника. Второе: надо пересмотреть датировки «римской империи».

И засим, продолжим нашу экскурсию по мировым конюшням.

Х. Вридт замечает, что «в средние века Бельгия была страной, знаменитой своим коневодством. Фламандская лошадь была наиболее популярной в рыцарские времена, и во всех книгах, трактующих о рыцарстве, фламандская лошадь упоминалась как самая лучшая». И вот тебе на: во времена Юлия Цезаря, — не в Средневековье, а в I веке до н.э., хорошей кавалерийской лошадей считалась британская, а особой славой из местных пород пользовалась как раз бельгийская!

«Эта лошадь воинственных всадников — белгов — высоко оценивалась римлянами времен Цезаря, кавалерия которых в значительной степени ремонтировалась бельгийскими лошадьми», — пишет В. Липпинг в книге «Лучшие породы лошадей». С нашей-то точки зрения, времена Цезаря — это и есть Средние века. Историки с нами не согласны, они имеют свою точку зрения. Но они не утруждают себя объяснениями, как же так получилось, что СНАЧАЛА Европа снабжала лошадьми Рим, владевший коневодческой Азией, а ПОТОМ, через тысячу лет, чтобы создать собственные европейские породы лошадей, с огромными трудами завозили сюда азиатских элитных коней!

«Ютландия в средние века славилась своими лошадьми, не уступавшими лучшим рыцарским лошадям Европы. В конце средних веков требование к весу и массивности боевого коня возросло до такой степени, что пришлось прибегнуть к ввозу фризских жеребцов для увеличения веса и массы».

Фризы — народ в Голландии и Германии. В XVIII веке в Германии из местных пород были выведены мекленбургская, ганноверская и прочие. В XVII веке в Западной Европе разводили испанскую породу (видимо, местные европейские породы мало чем отличались друг от друга). В XVI веке предпочитали норийскую.

Норикум — латинское название земель австрийских Альп. Австрийцы поставляли на рынок по преимуществу рыцарских боевых коней. Родоначальницей норийской лошади считается римская тяжелая лошадь, существовавшая якобы в Италии во II веке до н.э. Опять «замыкаются» времена: по «римской» волне II до н.э. — это XV век.

М. Придорогин пишет о норийской породе: *«Значительный толчок к ее развитию дан был основанным в Пинцгау в 1576 году архиепископом Якобом конным заводом»*. И тут же добавляет: *«В эпоху Карла Великого существование норийской лошади — исторический факт и ее тип в наиболее чистом виде сохранился в Зальцбурге»*. Если эпоху Карла Великого «поместить» в конец XV века, в этом не заявлении не будет ничего удивительного. Но ведь традиционная история учит, что Карл Великий — это IX век!..

Лошадей одной породы объединяют общее происхождение, сходные экстерьерные признаки, конституция, рабочие и другие качества, передающиеся по наследству. Животных, принадлежащих к одной из известных пород, называют породистыми.

«Чтобы была признана новая порода, необходимо наличие достаточного количества кобыл с основными, стойко передаваемыми по наследству признаками. Для получения породистого потомства надо знать свойства и возможности предков. Это помогает сохранить породу в чистоте, без примесей других пород. Сначала сведения о породности и происхождении лошадей — родословные — передавались устно. Затем, несколько столетий назад, их начали записывать в специальные племенные книги. В этих книгах можно, ознакомиться с родословными многих лошадей, даже живших более двухсот лет тому назад», — пишет И.В. Давиденко.

И в античности, и вплоть до позднего Средневековья мы видим в Европе одни и те же местные породы: британскую, бельгийскую, норийскую. Видимо, лошади этих пород и изображены на памятниках искусства всех времен. И все перечисленные средневековые породы были далеки от идеала. Дадим слово признанному авторитету в кавалерийских делах конца XIX века принцу К. Гогенлоэ-Ингелфингену («Беседы о коннице», 1895):

«Я полагаю, что строение лошадей представляло тогда более затруднений для выездки, чем теперь. По крайней мере, при виде изображений лошадей того времени, с тяжелыми задами, большими головами, с огромными ганахами и относительно слабым передом, удивляешься теперь подчас, что их брали под седло».

Из приведенных слов ясно, что и в Средние века коневодство было еще в зачаточном состоянии. Конный памятник Марку Аврелию — произведение позднесредневекового искусства, а все, что касается коневодства ранее XII века, — вообще чистые фантазии историков.

По окончании же Средневековья и наступлении Нового времени началась действительная эволюция конных пород. Чистокровная верховая порода выведена в XVII–XVIII веках в Англии путем сложного скрещивания местных кобыл верхового типа с восточными жеребцами. Известны даже клички последних: это Дарлей Арабиана из Сирии, Годольфин Берба из Франции, Бейерлей Терка из Турции.

Рысистые породы лошадей начали создавать в конце XVIII – начале XIX века, в связи с выросшей потребностью легкого городского транспорта. Первой такой породой стал норфольский рысак, выведенный в Англии. Лучшие породы рысаков выведены сначала в России (орловский), затем в США (американский) и Франции (французский англо-норман). Для создания этих пород также использовались арабские жеребцы.

В первой половине XIX века путем прилития крови представителей восточных пород (главным образом арабской) местной упряжной лошади тяжелого типа были выведены першеронская порода во Франции и брабансонская в Бельгии.

Отметим, что коневодство обязательно должно учитывать климат местности, вообще природные условия. Там, где зимой холодно и снег, надо же заготовить корма! Так, когда государственные, станичные и частные конные заводы в Донских степях решали проблему поставки (ремонта) лошадей для русской конницы, Задонская степь была поделена на участки-зимовники площадью по 2400 десятин. Планово устанавливалась плотность лошадей на каждом зимовнике.

Кроме того, участками в 1200 десятин степь сдавалась в аренду коневодам-калмыкам. На 296 зимовниках действовал 76 заводов, с 50000 лошадей. На 35 участках калмыков было 10 заводов, около 2900 лошадей. Можно, можно рассчитать, сколько могло прокормиться лошадей в разных местах, и отбросить, наконец, выдумки о мифических шестисоттысячных армиях не менее мифических «монголов»!

В завершение сообщим мнение И.В. Давиденко, считающего лошадь искусственным биологическим видом, продуктом эволюции цивилизации: *«Вписывание крупа в квадрат создает... большого жеребенка, с отходом организма от естественных параметров. Чистокровные скакуны слишком часто ломают ноги, у них лопаются кровеносные сосуды, они подвержены стрессам. И поведение у них детское. Заторможенное психическое развитие. Как у собак элитных пород».*

Бронированные кони без стремян

Стремя — это принадлежность седла: металлическая дужка с донцем и пружиной, за которую она подвешивается на ремешке к седлу для упора ноги всадника. Ни толком сесть на лошадь, ни устойчиво держаться на ней во время движения без стремени нельзя. То есть, ехать-то можно, однако все силы уйдут на то, чтобы просто держаться на спине животного. Называется такая посадка *охлюпкой*. Махать мечом или втыкать во что-либо копые на скаку, сидя охлюпкой, совершенно невозможно; неминуемо свалишься.

Долгие годы считалось, что стремя изобретено в VI веке в Китае. (В Китае вообще все изобрели, кроме Луны, которая, как известно со времен Гоголя, «обыкновенно делается в Гамбурге, и прескверно делается»). У персов оно появилось в VII–VIII веках, а в Европе в X–XI, тогда же здесь начинают использовать железные подковы. В России «стремя» впервые упомянуто в XII столетии, согласно Историко-этимологическому словарю П.Я. Черных. К сожалению, слово «седло» в этом словаре отсутствует.

Как же садились на коня до изобретения стремян?.. Г. Брикс в своих примечаниях к «Истории конницы» Деннисона сообщает, что древние конники использовали маленькие лестницы (*scalae*) или переносные железные ступеньки. Он отмечает, что упоминание о них у античных авторов часто приводило к недоразумениям: некоторые историки путали их со стремениами, но стремян тогда не было, и *scalae* — это не название стремян.

«Наконец, пользовались камнями, которые даже были нарочно для этой цели (для посадки на лошадь, — Авт.) положены на краях больших дорог в Греции и Италии», — пишет Г. Брикс. Но всадники с тяжелым оружием и в броне, на конях без стремян, носились не только по дорогам Греции и Италии, как вы вскоре увидите.

Ф. Кардини пишет:

«Что касается истории материальной культуры, то должно быть ясно — искусством верховой езды мы обязаны скифам. Сосуд, найденный в Чертомлыкском кургане в районе нижнего течения Днепра и хранящийся ныне в ленинградском Эрмитаже, датируется первым-вторым десятилетием IV в. до н.э. На нем изображены скифы, ухаживающие за лошадьми. Работа мастера столь тщательно передает малейшие подробности, что ее приписали греческим мастерам. Кое-кому даже показалось, что на нем видно не только седло, но и самое раннее изображение стремени, хотя и особого типа: стремя, предназначавшееся лишь для того, чтобы вскочить на коня. Подобное прочтение чертомлыкской находки давно уже отвергнуто специалистами. (Здесь главное — не слово «специалисты», а слово «давно». Раз давно отвергнуто, то и говорить не о чем. — Авт.) Теперь они пришли к выводу, что первое изображение стремян найдено в Индии, и относится ко II в. н.э. Нам же хочется лишь подчеркнуть: мастерство скифов, скотоводов и конных воинов, — это неопровержимый исторический факт».

О мастерстве спорить не будем. Мы поговорим о нем позже, в главе «Ювелирное дело скифов». А пока скажем два слова о «исторических фактах» и толковании оных. Изучение предметов, обнаруженных в скифских погребениях, дало историкам основание для предположения, что к V веку до н.э. скифы вступили в полосу экономического упадка. Но тут же они отмечают, что подобные выводы следует принимать с изрядной долей осторожности. Вот какую осторожность проявил Ф. Кардини:

«Прежде всего следовало бы удостовериться, что имеющиеся в нашем распоряжении археологические находки достаточны для воссоздания общей картины того времени. Но удостовериться в этом практически невозможно. (А вывод об «упадке» уже сделан, — Авт.) Кроме того, не повредила бы и уверенность в том, что гипотетическое уменьшение значимости и ценности обнаруживаемых в курганах предметов действительно было вызвано наступившим обнищанием. А может быть, это вызвано изменением обычаев, например культурными нововведениями? Как бы то ни было, если согласиться с гипотезой

обнищания, основанной на списке археологических находок, **то можно предположить, что причиной послужили войны, которые вел против скифов персидский царь Дарий I.** (На основе домысла о «факте» домысливаются его «причины». — Авт.) В следующем столетии экономическое процветание, поддержанное экспортом зерна, возобновилось. (Еще один домысел; о возможности «культурных нововведений» уже забыто, — Авт.) Однако на горизонте показался народ, брат и недруг скифов, — сарматы».

Далее историк рассказывает нам, кто такие эти сарматы: «тоже кочевники, иранского рода и племени, также говорившие на иранском наречии, родственники киммерийцев и скифов, отчасти смешавшиеся с меотийскими племенами». Оказывается, на запад их теснили «шедшие буквально по пятам азиатские племена».

Обратите внимание: все появившиеся в поле зрения западных жителей кочевники приходили сюда, теснимые более сильными восточными племенами. А почему же они их «теснили»? А потому, что их тоже теснили еще более сильные, которых, в свою очередь, теснили следующие. Стало быть, пришельцы, появившиеся на западе — самые слабые. Эти самые слабые сарматы, по сообщениям историков Рима, были чрезвычайно воинственны и жестоки, а к тому же имели чрезвычайно эффективную тяжелую кавалерию. Кто уж их там, жестоких, воинственных и эффективных кавалеристов, «теснил» с востока, даже подумать страшно. И вот, «наехали» они на скифов, которым мы — а также все воинственные и жестокие азиаты, — обязаны искусством верховой езды.

Законы эволюции всеобщи. Например, биотическая регуляция на планете обеспечивается работой многочисленных мелких организмов, бактерий и грибов, потребляющих около 90% всей энергии. Мелкие беспозвоночные животные потребляют чуть больше 9%, то есть практически всю оставшуюся часть потоков энергии. На долю крупных позвоночных (к числу которых относится и человек), приходится менее 1% потока энергии в сообществе. Можно сказать, что жизнь позвоночных животных в приемлемой для них окружающей среде обеспечивается функционированием остальных организмов сообщества.

Такую «пирамиду» мы можем увидеть и в человеческом сообществе. Подавляющее число людей занимается производительным трудом, чтобы единицы могли тратить свое время на что-то другое, например, на осуществление властных функций, написание историй или на планирование и ведение войн. Это тоже работа, и она тоже нужна, но если не будет «основания» этой пирамиды — трудящегося народа, — то не будет и «вершины» в виде властителей, воинов и историков.

Традиционная же история представляет прошлое человечества, как жизнь колонии насекомых. «Саранча летела, летела, села, все съела, и опять улетела» (А.С. Пушкин). Вот посмотрите сами, как описывают историки нашествие сарматов:

«Сарматский авангард, по всей вероятности, составляли языги, первоначально обитавшие в районе, имевшем выход к Азовскому морю... Изгнанные оттуда, языги в течение первой четверти II в. до н.э. заселили степи, расположенные между Доном и Днепром, и несколько продвинулись на запад. Их первыми назвали весьма неопределенным именем: сарматы.

Причиной похода на запад, точнее его было бы назвать отступлением с востока, было, вероятно, появление на территории нынешней южной России новой волны ираноязычных кочевников, сарматов, где-то на исходе II в. до н.э.»

Если короче, то жестокие воинственные сарматы планомерно отступали с востока на запад под давлением жестоких воинственных сарматов. Чтобы объяснить явную нелепость происходящего, Ф. Кардини поминает Страбона, который, «вторя традиционным взглядам», отождествлял две ветви одного племени, западную и восточную. Но даже этого оказывается мало, и далее нам сообщают, что «из всех сарматов историки Рима выделяли аланов». Эти были самыми жестокими и воинственными. Их конные воины, катафрактии, называемые также контариями или клибанариями, в период поздней античности и раннего Средневековья, — по словам историков, — оказали сильнейшее влияние на военную историю Рима, Византии и Западной Азии. А их, как мы помним, вытеснили сюда более сильные восточные соседи!

Помнит ли читатель, что «искусством верховой езды мы обязаны скифам»? Скифы, если судить по известным ювелирным находкам — «скифскому золоту», — знали удила, английское скаковое седло со стремянами, имели веревочные путы, стригли коням гривы, носили хорошо сшитые куртки, брюки, комбинезоны... Обувь они пошивали на правую и левую ноги отдельно, не забывая приделать каблуки... Вот этих искусных в конном деле скифов, вместе с их экономическим процветанием и экспортом зерна, и грохнули первым делом жестокие сарматы.

Катафрактии были облачены в куртку-колет, обшитую пластинами наподобие рыбьей чешуи. Пластины делались из железа или бронзы, иногда они могли быть роговыми или кожаными. Колет облегал тело и был достаточно эластичен, не стеснял свободу движений. На голову катафрактий надевал высокий остроконечный шлем.

Оружие катафрактия — длинный тяжелый меч и *контос*, длинное копье, которое можно было пустить в ход только двумя руками сразу.

А стремян-то еще не придумали! «В Индии» они «появятся» только через четыреста лет, «в Китае» — через восемьсот, в Персии через тысячу, а в Европе — через тысячу двести лет.

«Удивительно, каким образом катафрактий сохранял при этом равновесие, не имея стремян и лишенный возможности пользоваться поводьями, — пишет Ф. Кардини. — Как мог он удержаться в седле? Эта эквилибристика поражала и римлян. (Автора этой книги сарматская «эквилибристика» должна бы поражать еще больше, нежели римлян. Но он историк тертый, выучил, что воевали без стремян, значит, воевали. Попробовал бы сам. — Авт.) Несомненно, она была результатом продолжительной и упорной тренировки воина и его коня. Требовалось такое тесное взаимодействие между конем и всадником, при котором конь подчинялся только голосу и коленям воина. (Как ни голоса, но без стремян и высокой задней луки седла, упершись копьём в препятствие, слетишь на землю, — Авт.) Но существует и предположение, что в иранской технике верховой езды и упряжи было нечто, что могло заменить стремя и обеспечивало равновесие всадника. (Замечательное признание! — Авт.) ...Вероятно, у иранских всадников был способ фиксировать копье на теле лошади при помощи привязей и особых ремней, или же равновесие достигалось благодаря тому, что всадник сильно прижимал колени к бокам лошади, опираясь при этом на колчаны, привязанные сзади к седлу. (Опять начались выдумки, лишь бы объяснить необъяснимое, — Авт.) При столкновении с противником хитрость, быть может, состояла в том, чтобы развернуть торс правым плечом вперед и цепко обхватить ногами тело лошади. Копье было хотя и неудобным в употреблении, но зато грозным оружием. Наконечники копий, найденные на Кавказе, — тяжелые, в форме резного листа — дают основание предполагать, что контос был длиной от четырех до четырех с половиной метров».

Археологи не находят древних стремян. Разве это доказывает, что описанные выше конники не пользовались стремянами? Без стремян не было бы катафрактиев, вот в чем дело. Для нас это повод для размышлений о хронологии, для вывода, что всадники, известные как катафрактии, скакали по полям сражений ПОСЛЕ изобретения стремян, то есть уже во времена зрелого Средневековья. Для историков же, придерживающихся традиционной хронологии, присутствие во II веке до н.э. тяжелой конницы без стремян — повод к выдумкам, как же они держались, и не падали.

Галлы тоже стремян не знали, и тоже с коней не падали.

*«По словам Тацита, — пишет Г. Вейс, — у них был род конницы под названием *scutellarii*... Это были солдаты или гладиаторы, закованные с головы до ног в железо и, следовательно, еще более тяжело вооруженные, чем катафракты... Шлем украшался оленьими рогами или металлическим гребнем с большим пучком перьев, что придавало воину более свирепый вид, тогда же был введен большой щит с девизом на нем».*

Чем же конный галл — не средневековый рыцарь? И опять нет ответа: а как же вся эта груда железа в рогах и перьях держалась в седле. Причем со Средневековьем *scutellarii* связывает не только военная одежда и оружие, но и воинская организация:

*«Некоторые из галльских народов делили свою конницу на группы из трех человек: одного рыцаря или воина и двух оруженосцев или слуг. По словам Павсания, это деление было уже во времена Бренна... В этой организации мы видим первообраз позднейшей *lance fournie* средних веков».*

Обращаясь к культуре Сасанидов*, Буркхардт пишет:

«Образ этих персидских воинов, закованных в латы, с перьями на шлемах, вооруженных копьем и мечом, восседающих на великолепно украшенных конях, во всем напоминает образ их собратьев, наших средневековых рыцарей».

Тут и комментариев не надо! Действительно, напоминает «во всем», кроме стремян.

* Династия иранских шахов в 224–651 годах.

Кончается «древность», начинается Средневековье. В книгах историков становится больше науки, и меньше выдумок. Вот, М. Горелик рассказывает о действительной эволюции конской сбруи:

«Надо сказать, что снаряжение коня и методы управления им менялись и совершенствовались так же, как и остальные средства ведения боя. Таранный удар копьем и связанная с ним опасность быть выбитым из седла потребовали предельно крепкой посадки, что привело в XII веке к созданию седла-кресла с высоченной, очень жесткой задней лукой, охватывающей стан всадника, на которую он откидывался, уперег ступни вытянутых ног в стремяна. Высокая передняя лука защищала живот рыцаря. Строгость в управлении конем обусловила существование специального мундштука и острых конусовидных шпор. С конца XII – начала XIII веков мундштук усложняется и становится все строже, и за счет этого уменьшается необходимость в большой строгости шпор, но возрастает требование более тонкого управления конем. Тогда по всей Европе начинают распространяться более «мягкие» шпоры со звездчатым колесиком».

Иллюстрация книги X века. Варда Фока ищет убежища в храме св. Софии. Стремя — налицо.

А как же управлялся с конем и четырехметровым *контосом* катафрактий, не знавший ничего из перечисленного?! Но историк не задается таким вопросом, а делает предположение, что в период поздней Римской империи, особенно начиная с III века (через полтысячи лет после приключений катафрактиев), римско-германско-кельтский Запад был охвачен рядом нововведений, касавшихся верховой езды, коневодства и т.д. *«Это прогрессивное развитие, длившееся вплоть до X в. благодаря таким этапным изобретениям, как стремя и подкова, осуществляется как бы волнообразно в соответствии с импульсами, поступающими из евразийских степей, связанными с переселением народов».*

Почему же автор останавливается здесь на X веке? Он будто сам забывает, о чем писал выше, — а именно о «прогрессивном развитии», протекавшем *после X века!* Нам кажется, что он интуитивно проставил дату, разделяющую фантазии «волнообразной» скалигеровской истории и начало действительной эволюции конницы.

Мы прочитали у историка, что к XII веку появилось седло с высокой жесткой задней лукой, поддерживающей седока. Это весьма важно. Тот же М. Горелик предлагает *«пересмотреть тезис, согласно которому римляне уже в I в. н.э. пользовались седлом с лукой, хотя и без боковых арчаков. Лука удерживала всадника от падения назад. Ведь только благодаря восточным конным воинам в римскую армию между III и IV вв. проникает тяжелое кожаное седло, которое и вытеснило полуседло или легкое седло».*

И тут же делает совершенно убийственный для традиционной истории вывод: *«...Без седла не могло быть и речи о развитии тяжелой кавалерии».*

Представьте, как мучились во II веке до н.э. сарматские лошадки под тяжестью катафрактиев! Ведь даже через пятьсот лет седло — предмет роскоши: *«В 321 г. Назарий в панегирике императору Константину говорит о «седалище» (sedlle) столь удобном и прочном, что с него не упадет и раненый всадник, закованный в латы. Седло в те времена — предмет роскоши».*

Фантастические колесницы

Все-таки история станет наукой только тогда, когда начнет проверять свои предположения экспериментально. Можно посоветовать историкам самим пострелять из древней катапульты, самим поскакать в доспехах на коне, с мечом в одной руке, копьем в другой и щитом в третьей, — обязательно без стремян! — и, наконец, самим прокатиться в боевой колеснице.

Да, личный опыт пользования конными экипажами современным историкам не помешал бы. Но они всё больше на авто, а вот Н.А. Морозов опыт имел, и рассказал о нем в 4-м томе своих сочинений:

«В описании боев древняя история заставляла скакать по полям царей и полководцев на парах лошадей и одноколках с дышлом, которые на первом крутом повороте (не говоря уже о какой-либо кочке или впадине в земле) непременно перевернулись бы вверх колесами, как это случилось раз со мной, когда я, будучи в гостях у моего хорошего знакомого Б.Ф. Мейендорфа, круто повернул рысью в экипаже такого типа, и притом даже по шоссе-дороге. Лежа на земле с ним рядом, с полувывихнутой ногой и с растяжением сухожилия в колене, я невольно прежде всего спросил:

— А как же древние полководцы скакали взад и вперед в таких же экипажах на неровных полях сражений без всякого шоссе, когда неприятель мог вдобавок нарочно подбрасывать им под колеса всякие предметы, не говоря уже об убитых и раненых, валявшихся тут и там?

Вопрос мой остался без ответа, потому что Мейендорф предпочел тащить меня на руках в свой дом, после чего я пролежал в постели две недели, прежде чем мне позволили ходить. И вот я теперь скажу всякому после своего опыта:

— Только тот полководец, которому надоела жизнь, поскакал бы в бой по полю не верхом в седле, а на двуколке-колеснице, вроде той, на какой помпейский живописец нарисовал Дария в бою с Александром Македонским, а по его примеру, и по сообщениям достоверных «древних свидетелей» зарисовывали другие средневековые авторы, описывавшие «классические» бои. Ведь их двухколесные экипажи, когда на них посмотришь с некоторым разумением, еще более неустойчивы на поворотах, и валки при всякой неровности почвы, чем тот, на котором я ехал с Мейендорфом. Только на публичных состязаниях по прямой и выровненной дороге в них и можно мчаться сломя голову.

Мы видим, что даже и в этом частном случае у нас вступают в борьбу знание и вера. Вера в то, что написали древние-историки, и знание неустойчивости таких экипажей, приобретаемое лично. И вот я говорю всякому, который будет защищать от моих нападок достоверность «древних боевых колесниц»: попробуйте-ка сами сделать в такой упряжке несколько поворотов по полю, и, сломав себе кости, вы перестанете возражать мне!

*Мы никогда не должны забывать, что все наши представления о жизни и культуре древнего мира не являются результатами личных наблюдений. Это представления, **внушенные** нам другими, которые, в свою очередь, получили их, как внушения, от других, и так далее, и неизвестно, сколько было звеньев на этом пути до нас. И при каждой передаче неизбежно происходила психологическая апперцепция, благодаря которой... представления воспринимающего никогда не сходились вполне с представлениями сообщающего, и абберрация при словесной или письменной передаче была тем сильнее, чем одностороннее были умственно развиты рассказчик и слушатель, или писатель и читатель, и чем хуже владели они употреблявшимся ими латинским или греческим языком».*

Однако наличие описаний и старинных рисунков колесниц — это исторический факт, с которым нельзя не считаться. Даже скажем больше: это поразительный, интереснейший факт, который служит блестящим подтверждением нашей версии истории. Конечно, в текстах старинных и не очень старинных авторов немало и чепухи, — мы покажем такие случаи, — но применение в боях коня, запряженного в повозку, позволяет нам утверждать: много применения животного до изобретения стремян и не могло быть!

Известны египетские, ассирийские и греческие боевые колесницы. Все они относятся к седой древности. Рассмотрим же, какие из них действительно могли быть, как применялись, и насколько они стары.

«Колесницы древних египтян имели колеса с четырьмя или шестью спицами... [Но] реальные повозочные колеса с четырьмя, пятью, шестью спицами НЕВОЗМОЖНЫ. Обод таких колес не будет круглым! Идеальный круглый обод получается при двенадцати спицах:

каждая из шести равных частей обода насаживается на две спицы», — пишет И.В. Давиденко. А где брали египтяне, — если они древние, — крепкие (железные) оси? Негде им было их брать, и даже по одной этой причине мы можем смело поместить историю «Древнего Египта» в раннее Средневековье.

В. Тараторин, говоря об одной из египетских колесниц, справедливо заметил, что это образец, точнее, модель колесницы из дерева: ось из ольхи, колёса и остальное — из ясеня, а ободья колес обернуты березовым лыком. Дышло напрямую соединено с осью. С какого прообраза и когда делалась модель, непонятно, однако вывод М. Горелика по поводу этих изделий представляется верным:

«Без сомнения, эта колесница имела ритуальное назначение, поскольку чисто деревянная конструкция не выдержала бы нагрузок ни в быту, ни на войне».

Примерно то же можно сказать о двух колесницах и десяти колесах (о шести спицах) в гробнице Тутанхамона. Смотреть можно, ездить нельзя. Колесо — отнюдь не такая простая вещь, как кажется на первый взгляд!

«Молотком и струбциной пользуется колесный мастер. Сначала он собирает ступицу колеса, затем спицы, каждую из которых изготавливает вручную, вбивает в ступицу молотком. Обод колеса собирается из секций и укрепляется на спицах. На обод надевается нагретый стальной бандаж. Остывая, он слегка уменьшается, стягивает колесо и упрочняет его», — говорится в популярной энциклопедии 1986 года «Радость познания».

Обод 12-спицевого тележного колеса собирается из шести секций изогнутого дерева. Спица обязательно пронзает обод и прочно вбивается в ступицу; секции обода следует крепить воедино «в шип».

Изобретение *ступицы* и переход к ажурным колесам со спицами был таким техническим прорывом, который не мог «забываться» и «вспоминаться». Такая конструкция прочна и технологична; она открыла невероятные возможности в колесном деле, но... для использования в прялке или для подъема воды. Для тележного же колеса нужна стальная *шина* (бандаж), которую следует железными хомутами прочно связать с ободом. Можно, конечно, обойтись и без стали, но такие колеса придется менять слишком часто. Далее остается еще проблема соединения всей конструкции с кузовом.

Теперь вернемся к десяти колесам, найденным в гробнице Тутанхамона. Шесть спиц этих колес не пронзают обод, а вилочкой утыкаются в него, обнимая наполовину. Таким образом, ступица исполняет декоративную, а не несущую функцию, вибраций и нагрузок такая ступица не вынесет. Обод не имеет бандажа, он смоделирован из прутьев или из тростника.

Между тем, в уже упомянутой популярной энциклопедии «Радость познания» говорится:

«Впервые колесо нашло применение в Месопотамии около 5000 лет назад. Колесный транспорт с бычьей тягой постепенно совершенствовался и распространился в Средиземноморье, Европе и Китае. Римляне научились делать прочные повозки; по их превосходным дорогам было налажено быстрое сообщение конных упряжек. Это был немаловажный фактор в управлении обширной территорией».

После падения Римской империи вплоть до XV в. большинство путешественников: солдаты, паломники или бродячие торговцы — пользовались в основном верховыми лошадьми или вьючными животными...»

Итак, составители энциклопедии уверяют читателя, что человечество, наладив в римские времена колесный транспорт и даже понастроив для него дорог, затем на много столетий утратило навыки изготовления колес, и не использовало колесный транспорт!

По нашей синусоиде события, которые могли дать основание для легенды о падении мифической Римской империи, приходится на регрессный трак линии № 3–4. Это в реальной истории могут быть XI или XII века. Но мы не желаем быть догматиками и слепо следовать схеме: понятно, что в Европе колесное мастерство могло развиваться позже, а в Византийской (Ромейской) империи — раньше. Начав с весьма ненадежных конструкций, к XV веку человек и в самом деле достиг совершенства в производстве, получив крепкое колесо, крепкую стальную ось, чеку, держащую колесо на оси, надежную связь дышла или оглобеля с колесным ходом, упряжь... Ему всего-то и нужно было вооружиться стальными инструментами. Вот они: молоток, топор, долото, пила, клещи, тиски, сверло, перка и т.д.

Когда же могли появиться колеса в Египте? Б. Мерц определяет некоторые границы: «...ни кони, ни колесницы не были найдены в самом Египте до прихода гиксосов».

Гиксосы якобы захватили Египет около 1700 года до н.э. По нашей синусоиде — стык линий № 2 и № 3, то есть переход от X к XI веку. Это было как раз то время, когда о коне уже широко знали (см. главу «Кони-звери»). А за 2500–2700 лет до этого — были ли лошади не только в Египте, но и вообще хоть где-нибудь?.. Если верить не зоологии и здравому смыслу, а традиционной истории, не только были, но и, снабженные мастерски сделанной упряжью, катали поразительно красивые повозки. Вот как великий Гомер описал колесницу Геры:

*Тотчас сама устремила коней запрягать златосбруйных
Дочь великого Крона, богиня старейшая Гера.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес восьмиспичных, ходящих по оси железной.
Ободы их — золотые, нетленные, сверху которых
плотные **медные шины** наложены, диво для взора!
Окаймлены серебром по обоим бокам их **ступицы.**
Кузов же сам **на ремнях золотых и серебряных** крепких
прочно лежит, и дугою два поручня тянутся сверху.
Дышло же из серебра. К окончанью его привязала
Геба **ярмо золотое**, к ярму же — **нагрудник** прекрасный,
весь золотой. Под **ярмо** подвела лошадей своих быстрых.*

Ох, зря грешат на Гомера, — не слеп он, нет! Пишет, что видит. А видит он повозку позднего Средневековья.

А вот «броневик V века до нашей эры», как назвал это чудо света И.В. Давиденко: персидская боевая колесница! На рисунке современного художника, воспитанного на мифах традиционной истории, она вся ошетинилась вилами, пиками и серпами. Художнику с его карандашиком и думать не надо: а как же эти серпы, — по два на колесо, — прикреплены к осям? Болтами, что ли? В отличие от Гомера, он такое ужасное изделие вживую не видел, зато видел он автомобили, и вот, вставил ось колесницы в цилиндрическую муфту, как в механизмах XX века.

Именно муфты и держат колесную ось, — но не знали люди V века до нашей эры ни ступицы, ни колеса, ни железной оси, ни серпов. Не было железа в таком количестве, чтобы отрабатывать подобные технологии. Эту эпоху называют временем «раннего железа», оно было дороже серебра и золота.

«Стегозавр» на колесах. Персидская боевая повозка.
Якобы V век до н.э. С рисунка В. Тараторина.

А взялся художник за карандаш, начитавшись исторических сочинителей типа Курция Руфа, на которого часто ссылаются историки. Но и он тоже описывал то, чего никогда не видел. Это чистый миф:

«...Для устрашения врагов было добавлено 200 серпоносных колесниц... На конце дышла торчали копья с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колес торчало помногу острых ножей; другие были прикреплены к ободьям колес или (под кузовом) направлены остриями вниз...»

В. Тараторин привлекает еще в свидетели Диодора, который описывает персидские колесницы:

«В каждой колеснице по обе стороны от пристяжных торчала, выдаваясь на три пяди, прибитая к ярму гвоздями скребница, обращенная остриями к противнику; на осях, перпендикулярно к чеке были прикреплены две другие, с остриями, направленными так же, как и вышеупомянутые, прямо к противнику, пошире и длиннее первых. К их краям были прилажены серпы.»

Из этого как минимум следует, что Диодор видел гвозди, скребницы, серпы и даже пристяжных коней, — но ведь постромковая пристяжная упряжь еще не изобретена была в V веке до нашей эры! Однако В. Тараторин, ничтоже сумняшеся, тут же и рисует это чудо техники в копьях и серпах. Да еще и «запряг» четверню в двуколку, привязав как-то к двум дышлам. При ширине двуколки в 2 метра кони будут стоять веером: хвосты вместе, морды врозь.

В исторических сочинениях можно найти немало военных «изобретений», практическая ценность которых равна нулю: вогнутые зеркала, которыми Архимед якобы жег вражеские корабли, или ружье, стреляющее за угол, или сапоги-сорокоходы. Такова и эта серпастая колесница. Повозка на двух колесах вообще мало пригодна для боевых действий на пересеченной местности, а уж с серпами, сколько их ни привинчивай, и подавно. И дело не только в том, что технически соорудить подобное сложно. Надо, так сделали бы, — хотя, конечно, не в V веке до н.э. Но эти смертоносные украшения изувечили бы первого же бойца, свалившегося с собственной колесницы на первом же ухабе еще при выезде из мастерской, и его товарищи непременно обломали бы о бока мастера всю оглоблю. И впредь заказали бы ему заниматься такими глупостями.

Да и бессмысленное это дело, скакать на врага с таким оружием. Вот представьте: мчится этот «стегозавр», копья из дышла торчат, приваренные к ярму мечи сверкают, серпы и ножи — чик, чик, чик, — крутятся со скоростью вращения колеса. Перья на стальном шлеме возничего, само собой, развеваются. Картина! Пусть даже ось не сломалась, и колеса не отвалились, и враги, дураки такие, не разбежались; врезается боевая машина в их ряды, и сразу по несколько тел свисает с копий и мечей, а колеса уже не могут вращаться из-за застрявших между серпов вражеских конечностей. Что же будет дальше, если мчаться во весь опор уже нельзя? Ясно, что: враги повыдергают с возницы перья, а потом, свинтив с тележки дармовое оружие, накинутся на воинов того хитромудрого полководца, который и послал к ним эту мясорубку на колесах.

А мы ведь знаем, как применялись тачанки в ходе Гражданской войны в России. Даже имея пулемет и запас патронных лент, тачанки, не вклиниваясь в расположение противника, подъезжали к нему, и расстреливали хоть с близкого, но расстояния, чтобы в опасный момент умчаться прочь. Ведь посреди вооруженной враждебной толпы не увернешься от смерти, и телегу отнимут, вместе с оружием.

Были до Гражданской войны и кони, и телеги, и пулеметы. Но вот их объединили в одно целое, и поставили тактическую задачу. Легко понять, что применение в бою тачанки — это очередной этап эволюции вооружений. Точно также и применение боевой колесницы нам следует рассматривать, как ЭТАП той же самой эволюции, но иного периода, происходивший в иных условиях.

У Вегеция (IV–V н.э.) находим в книге «Греческие полиоркетики»:

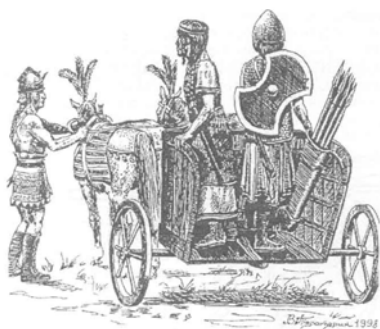
«Цари Антиох и Митридат пользовались в своих военных походах колесницами с косами, запряженными четверками коней. Вначале они вызывали большой страх, но потом стали предметом насмешек. Трудно для такой колесницы с косами найти совершенно ровное поле, малейшим препятствием она задерживается, а если поражена или ранена хоть одна лошадь, колесница уже выходит из строя. Но эти колесницы потеряли всякое значение главным образом благодаря следующему приему римлян: когда начинался бой, римляне быстро разбрасывали по полю капканы (трибулы); когда на них попадали катящиеся колесницы, они гибли. Капкан — это защитное орудие, сколоченное из четырех заостренных кольев; как его ни бросить, оно крепко становится на трех кольях, а четвертым, поднятым кверху, наносит вред».

Мы находим параллели между античностью и Средневековьем во всем, что касается военного дела: в доспехах и вооружении, в тактике, в «рисунке» боя на примерах... Но вот боевые колесницы в Средневековье не использовались. А для древности и античности есть соответствующие тексты и рисунки. Что же это значит? А то, что при малом количестве коней и полном отсутствии стремян и, соответственно, возможности иметь кавалерию военачальники использовали колесницы с лучниками для захвата тактического преимущества на поле боя.

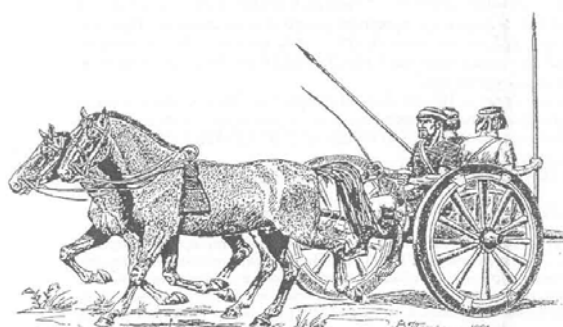
Кони задолго до появления стремян применялись для таскания грузов. Но мальчишки ездили на них и верхом, когда отправлялись к речке, чтобы мыть животное. Можно предположить, что они пытались драться, сидя на конях. И обнаружили, что это дело совершенно бесполезное. Вспомните, даже сейчас есть такая «спортивная игра»: двое стоят или сидят на бревне, пытаясь сбить с него противника. Эта забава не занимает долгого времени.

Таким образом, конь мог быть средством доставки воина к месту боя, — ведь скакать можно и без стремян, и без седла, *охлюпкой*, как это называется по-русски, — а вот чтобы принять сам бой, приходилось с коня слезать.

Мальчишки вырастали и становились воинами, уже зная, что бой верхом невозможен, — он и был невозможен до появления седла со стремянами и высокой задней лукой. А использовать коня в боевых действиях, разумеется, хотелось. Как? Например, по принципу тачанки. Колесница с большим запасом стрел и двумя бойцами, — стрелком и стрелком-возницей, выдвигается впереди основного боевого порядка пехоты, и обстреливает врага, причем с возвышения, которым и является сама колесница. Когда стрелы кончаются, эта античная БМП неспешно трусит обратно. Здесь нет даже потребности в больших скоростях, ломающих колеса!

Хеттская боевая колесница
якобы XIII века до н.э.

Эламитская повозка якобы VIII века до н.э.

«Перед нами декорация, а не реальный конный экипаж, — пишет И.В. Давиденко. — По сути, нет упряжи. Плечевое ярмо наложено на лошадей, но не закреплено снизу. Управлять такой упряжкой нельзя. Обратим внимание на колеса... Мощная ступица. Но отчего-то 11 спиц! Так не бывает. Чеки на осях не видно. Чем колесо держится на оси? Странные хомуты на колесах: они не охватывают обод и шину для крепости, а приколочены гвоздями к средней части обода».

Конечно, применять такое оружие можно было только в очень специфических условиях, там, где поверхность земли достаточно ровная. Пожалуй, в Месопотамии и Египте, а также и на части территории Европы есть подходящие ландшафты. И уж, разумеется, обходилось без серпов, прикрученных к осям. Возможно, боевых колесниц было не так уж и много в истории, но они все же были, что и отмечено в источниках.

В какой-то момент, после появления седла и стремян, на поле боя могли одновременно встречаться и всадники, и колесницы. В Книге Исайя (22:5-7) записано:

«Господь назначил день, когда все придет в смятение и беспорядок в долине Видений, люди будут топтать друг друга, городские стены будут разрушены, и люди долины будут кричать людям в городе и на горе. Всадники из Елама наденут колчаны и в битву поскачут, люди из Кира будут греметь щитами. Армии встретятся в одной из долин, которая заполнится колесницами, и всадники останутся у городских ворот».

Это якобы 965–928 годы до н.э.

А теперь — о самом главном.

Мы не раз говорили, что синусоида, выведенная нами из анализа параллелей в стилистике древних и средневековых произведений искусства и литературы, служит всего лишь разоблачению неверной хронологии. Составить на ее основе хронологию верную нельзя. Если мы хотим восстановить ход эволюции человечества, то есть выстроить хотя бы последовательность его истории, следует находить точки совпадения между «древностью» и Средневековьем, и аккуратно разбираться, что было до этой точки, а что — после.

Изобретение стремян дает нам такую точку.

Сами историки установили дату: а Европе стремяна появились в X–XI веках, в Византии на столетие — два раньше. Дата «размытая», но это не страшно. Теперь мы можем сказать: все пешие войны с применением колесниц, относят ли их ныне к «древности» или «античности», происходили по X век включительно. С XI века, после появления стремян, колесницы быстро вышли из моды, поскольку всаднику догнать такую «чуду» не составляло труда. В этот период пешие драчуны уступили место в истории войн конникам, чтобы, начиная с XIV века, снова постепенно потеснить их.

Если не понять этого, придется историкам, вслед за Ф. Энгельсом, совершать такие логические выверты:

«...Через 1700 лет мы вернулись почти что к тактике Александра, с той лишь разницей, что конница Александра была вновь введенным родом войск, который должен был усилить пришедшую в упадок пехоту, тогда как в данном случае тяжелая пехота, образованная из спешенной конницы, являлась живым доказательством того, что кавалерия приходила в упадок и для пехоты занималась новая заря».

Можно ли понять: кто, кого, когда, и каким образом «усилил»? Как пехота приходила в упадок? Почему для нее вновь «занималась новая заря»?.. Эта тема заслуживает особого разговора.

Появление пехоты

Историки (в частности, кн. Н. Голицын) пишут о Средних веках, что военное дело «повсюду, за исключением Византийской империи, находилось в самом низком и несовершенном состоянии». Военное дело сильно ухудшилось, говорят исторические ортодоксы, если сравнивать его с античными временами.

Оставаясь в плену классовой теории, ученые ищут причину в смене формаций, утверждая, что именно феодальное военное устройство, приведшее Европу к развитию феодального рыцарства и с ним феодальной рыцарской конницы, подкосило с XI–XII веков прежние успешные военные силы, сделав пехоту (феодальную) «не только второстепенным, но почти незначущим родом войск». Н. Голицын видит, что и то, и другое — в смысле конница и пехота, — стали совершенной противоположностью древнего, греко-римского военного устройства, в котором главной силой армий была пехота, завоевавшая мир, а конница только содействовала ей. О том же — слова военного историка Франца Меринга: «Рыцари — главный род войска — имеют так же мало общего с античной или современной кавалерией, как их пешие слуги — их вспомогательные войска — с античной или современной пехотой». За всю

историю раннего Средневековья только Карл Великий якобы в IX веке устраивал свою армию «по греческому образцу», но он не был феодалом.

И тут же историки рассказывают нам о рыцарях Гомера, о рыцаре Александре Македонском, рыцарях-персах и других, тут же, впрочем, оговариваясь, что они-то видят разницу, и что античность и древность всего лишь «похожи» на Средневековье...

Все подобные толкования ученые вынуждены придумывать из-за негодной хронологии, и феодализм тут ни при чем. В античные времена помимо рабовладельцев и рабов были и полусвободные, прикрепленные к земле (по сути, крепостные), и просто свободные земледельцы и скотоводы. И в Средневековье имелись не только феодалы и крепостные, но и свободные граждане и рабы.

Мы указали другую, помимо классовую, причину для перемены военной тактики: освоение лошади и изобретение стремян.

Правда, чтобы принять такую версию, придется отказаться от скалигеровской хронологии.

Прочитируем еще немного из Н. Голицына:

«Хотя способы фортификации и полиоцертики в Западной Европе в это время были те же, что и у римлян до падения Западной империи, но собственно чувство употребления их стояло ниже и тогдашнего, и современного у греков Византийской империи. От этих последних оно перешло к сарацинам и испанским маврам, и от них уже к христианским народам...»

Для нашей версии — очень верное замечание, так как греки Византийской империи и были теми самыми римлянами; все логично и правильно. Положим в нашу копилку и утверждение историка, что у арабов «главную и лучшую часть армий составляла конница, тяжелая и легкая... Тяжелая и линейная пехота строилась и сражалась в виде фаланги или длинных и глубоких линий. Легкая же пехота — стрелки, сражалась в рассыпном строю, впереди или на флангах тяжелой пехоты и конницы, или перемеживаясь с конницей, а иногда помещались верхом на лошадях позади всадников».

Из этого утверждения следует, что арабы в Средние века придерживались всех правил, установленных в античной римской армии, и содержали ударную «римскую» пехоту. Именно такая арабская пехота, согласно традиционной истории, в 711–714 годах завоевала большую часть Пиренейского полуострова (дата сомнительная, а во «Всемирной истории» не указана ни одна битва), и дальше арабы соблюдали «римские» правила до XI–XII веков.

Франки же вместо того, чтобы перенять такую организацию войска и вооружение, перенимают у арабов Испании интерес к античной литературе и философии. Правда, и у них была пехота. Она у всех была. Е.А. Разина приводит пример, как в бою при Пуатье в 732 году эта франкская пехота одержала победу над легкой конницей Востока. Историки никак не могут связать концы с концами: какой род войск приходит в упадок? Для какого наступает «новая заря»?.. Казалось бы, раз пехота побеждает конницу, надо развивать этот род войск. Но европейцы, наоборот, вскоре о нем позабыли; пришлось пехоте дожидаться «новой зари». Только иное понимание хронологии позволит навести тут порядок.

Представления об арабских войсках сильно отличаются у разных авторов. «Боевой порядок арабского войска складывался под византийским и иранским влиянием», пишет Е.А. Разин. Не проще ли сказать, что это и был порядок византийского и иранского войска, только укомплектованного арабами. При нормально выстроенной последовательности событий эти византийско-иранские войска XIII века легко трактуются как «монгольские».

Вряд ли хоть в одной летописи XIII века говорится о процентном отношении кавалерии и пехоты в войсках Батыя. Тем не менее, считается, что «монгольская» армия была конной. Почему? Ведь это не более, чем домыслы! Мы посвятим этому вопросу всю следующую часть книги, а пока давайте посмотрим, как выглядела военная тактика «монголов», которые в изложении Е.А. Разина прозываются арабами:

«Боевой порядок арабов был расчленен по фронту и в глубину. Каждая из линий, выстраивавшаяся в пять шеренг, имела аллегорическое название: первая линия («Утро псового дня») состояла из рассыпного строя всадников; вторая («День помощи») и третья («Вечер потрясения») линии, являвшиеся главными силами, состояли из кавалерийских колонн или фаланг пехоты, встраивавшихся в шахматном порядке; в четвертую линию — общий резерв — входили отборные дружины, которые охраняли главное знамя. Общий резерв вступал в бой лишь в крайнем случае. В тылу расположения арабов находился обоз с семействами и стадами. С тыла и флангов их боевой порядок был уязвим, но его высокая маневренность

обеспечивала соответствующую перегруппировку сил. Иногда в бою принимали участие и женщины из обоза».

Кое-что из перечисленного мы легко найдем и в тактике монголов. А еще ирано-византийские войска арабов «объединяет» с монгольскими войсками тот интересный факт, что историки не могут определить основу их побед. О монголах А. Якубовский пишет: «Успех монгольского завоевания не мог быть, конечно, обусловлен ни уровнем их общественного развития, ни численностью их войска (армии их противников были многочисленнее), ни техникой вооружения». И в отношении арабов общим местом стала мифологема, что арабы завоевали обширные страны не из-за превосходства своего оружия и способа действий, но благодаря «непреодолимой силе нравственного воодушевления» (А. Пузыревский).

Боевые порядки у всех восточных народов замечательны тем, что в основании их лежит идея резерва; одно это уже показывает, насколько тактическое искусство было выше у азиатов сравнительно с состоянием его у европейцев, среди которых крайнее развитие индивидуализма свело всю тактику к единоборству.

В бою арабы действовали преимущественно оборонительно, в течение дня лишь утомляя противника, и переходя в общее наступление, по обычаю, с наступлением темноты («пророк имел привычку побеждать вечером»).

Но мы видим, что во всех этих описаниях уже присутствует конница, а потому события могут быть отнесены не ранее, чем к XI веку для Европы, и к VIII–X векам для Азии. А что же за войны были раньше? Это были стычки пусть зачастую и огромных по численности, но пеших групп воинов.

Советский специалист Е.А. Разин приводит слова Маркса–Энгельса о том, что первоначальная пехота «являлась не чем иным, как плохо вооруженной толпой, организовать которую почти не делалось никаких попыток. Пехотинец даже не считался воином; слово *miles* (воин) сделалось синонимом конного воина».

Разин совершенно прав, когда пишет, что в Средневековье с развитием ремесла улучшалось вооружение, использовавшееся в этих стычках: появились копье ударного действия с металлическим наконечником, меч, щит с металлическими пластинами, служивший довольно надежной защитой от удара копьем и мечом и от поражения стрелой. Бой, как правило, начинался применением метательного оружия, а затем перерастал в рукопашную схватку.

С появлением племенной знати, с разделением людей на богатых и бедных стали выделяться хорошо вооруженные воины. Племенные вожди имели хорошее защитное вооружение (щит, панцирь, шлем, поножи), лучшие луки и копья с металлическими наконечниками, а после приручения лошадей — боевые колесницы. Остальная масса воинов имела более дешевое оружие.

Надо понимать, что война всегда имеет какую-то государственную цель. Но до развития государства как такового, в период, когда соседствующие племена и народности только начинали переходить к государственности, цель была, так сказать, «государевой». Война была государевым делом, делом правящей элиты, и велась она за власть: война была или оборонительной, за сохранение власти на своей территории, или захватнической, за приобретение власти над чужой территорией. А земля, своя ли, чужая, нужна с работниками, — не самому же пахать. Поэтому государи (племенные вожди) воевали между собою, приводя вассалов (родовых вождей), а для уравнивания сил прихватывали толпу вооруженной молодежи из числа простолюдинов.

Э. Лависс и А. Рамбо пишут в книге «Эпоха Крестовых походов»:

«Каждый дворянин — воин. Если он не связан специальным договором, то имеет право воевать с кем хочет. Поэтому в клятвах верности обе стороны обязуются уважать «жизнь и члены» друг друга. Война (которую мы неточно называем «частной войной») есть общее право. Редко, когда считают долгом, прежде чем начать войну, формально объявить ее.

Войну объявляют, посылая своему врагу какой-нибудь символ, обычно перчатку: это знак того, что узы верности порваны... Иногда довольствуются угрозой или даже прямо начинают неприятельские действия. В войну вовлекаются, в силу закона, фамилии обоих противников, так как родственники обязаны помогать друг другу до седьмого колена. В XIII в. Бомануар задается вопросом, возможна ли война между двумя братьями; нет, отвечает он, — если они братья по отцу и по матери, потому что оба они принадлежат к одному и тому же роду; да — если они имеют лишь одного общего родителя, потому что тогда за каждого будет стоять его семья. Те, у кого есть вассалы, ссылают их на службу, и война начинается».

Е.А. Разин, рассказывая о европейском раннем Средневековье, пишет, что завязывала бой хорошо вооруженная племенная знать, которая сражалась на боевых колесницах. Остальное войско, расположившись по родам и племенам, лишь наблюдало за их борьбой. Затем в бой вступала вся масса, что в конечном итоге решало исход борьбы.

Войны этого времени породили начальные формы организации армии, прежде всего воинского строя. Большинство первоисточников говорит, что воины выстраивались по родам и племенам во главе со своими вождями. Так было у ирокезов, греков, славян, франков, германцев и других. Построение по родам и племенам явилось предпосылкой возникновения боевого порядка. Разница между греками и прочими только в том, что они, согласно нашей мифической традиционной истории, «прошли этот путь» на тысячу – полторы тысячи лет раньше остальных.

Тактическим приемом было фронтальное столкновение. Но со временем назрели вопросы об использовании оружия метательного и ударного действия, о взаимодействии конных и пеших воинов, о выборе места удара. В тот период уже появились наступательная и оборонительная формы борьбы, зарождалась служба охранения и разведки. Но все эти элементы военного искусства были примитивны и не имели постоянных, устойчивых форм.

Лишь с XIII века появляются упоминания пехоты городов в случаях защиты последних от вражеских нашествий. Б. Кипнис пишет:

«Потребовался опыт швейцарских, гуситских и Столетней войны, катастроф под Никополем и Варной, чтобы была вновь по достоинству оценена роль дисциплинированной и однообразно вооруженной пехоты в противовес рыцарской коннице».

«Вновь», якобы после тысячелетнего забвения!

Бальцер полагает, что до XI века рыцари еще не имели оруженосцев. Позднее, в XIII веке оруженосцы и кнехты (слуги) были вооружены на крайний случай. «Своя» пехота — слуги рыцарей, которые не участвовали в битве, а ждали ее окончания, укрывшись за обозами. Из пеших в поле шли наемники, закалывавшие выбитых из седла рыцарей и искалеченных коней. Кстати, было правило: кто пощадит противника или завладеет добычей до конца сражения, должен быть немедленно убит.

Так применялись пехотинцы, пока на полях сражений владовала конница, то есть в XI–XIII веках пехоты, способной противостоять ей, просто не было! Лишь эволюция военной организации, изобретение новых видов оружия вроде алебарды, а затем пищалей и мушкетов, применение новых тактических приемов позволили, наконец, пешим порядкам «грубых мужиков» дать достойный отпор рыцарской коннице. У М. Горелика читаем:

«...Когда в XIV веке бурно развилась боеспособная пехота, сражающаяся в плотных строях, не бояющаяся конных атак и с длинными алебардами сама бросающаяся в бой, — рыцари кидались в бегство при одном виде швейцарских «батальи» и гуситских повозок, с ужасом и возмущением рассказывая о непривычных кровавых побоищах, — ведь у швейцарцев, например, под страхом смерти запрещалось брать пленных. И когда рыцари тоже стали все чаще применять глубокие плотные построения, так что отряд превращался в железного дикобраза, их снова смела — теперь уже навсегда — пехота, вооруженная огнестрельным оружием».

Боеспособная пехота в Западной Европе вышла из зажиточных фламандских городов и из швейцарских горных районов, сделавших из войны способ накопления денег. Изобретение огнестрельного оружия изменило структуру вооруженной организации. Тяжелая рыцарская конница приходила в упадок, появилась пехота, развивалась артиллерия и инженерное искусство. Происходило как раз то, что мы называем борьбой структур. Открываем Франца Меринга:

«С распадающихся рыцарских войск начала уже зарождаться пехота, превратить которую в боевое оружие и было задачей вновь зародившегося капитализма. Он облегчил себе эту требовавшую долгого времени задачу тем, что в соответствии с духом своего денежного хозяйства покупал нужное ему войско. В швейцарской квадратной колонне с ее строгой дисциплиной, с ее тактической сплоченностью и неотразимым массовым ударом была найдена пехота, доказавшая, что она далеко превосходит рыцарские войска».

Об этом наш дальнейший рассказ.

Пехота как род войск

Средневековые европейские города были сильны не только своим ополчением; они имели надежную защиту в виде прочных городских стен, за которыми при нашествии врага укрывалось и население ближайших сел. Укрепления города развивались в форме концентрических кругов. Горожане — ремесленники и купцы — имели оружие и несли гарнизонную службу. Кроме того, купцы нанимали вооруженную стражу. До изобретения пороха брать такие города можно было только длительной осадой или вследствие предательства.

Между тем дворяне отнюдь не приветствовали развитие «народных армий». Ганс Дельбрюк сообщает, ссылаясь на Фруассара: *«Филипп IV в 1347 г. заявил, что он будет водить в бой только дворян. Горожане являются просто балластом, который тает и исчезает в рукопашном бою, как снег на солнце».*

Понятно, что и горожане, и нанятые для обороны города профессиональные войска были в основном пешими.

О наемниках же периода зарождения капитализма Е.А. Разин сообщает вот что:

«Потребность в наемниках прежде всего возникла в городах Северной Италии, которые имели и средства для их содержания. Во главе отряда итальянских наемников стоял предводитель — кондотьер (от слова condotta — наемная палата)... В XIV–XV вв. отряды кондотьеров неоднократно доказывали свое превосходство над феодальным ополчением... Кондотьеры, как профессионалы, оказали значительное влияние на развитие военного искусства: стали возрождать античные идеи в тактике и стратегии, обращалось внимание на правильное снабжение войска, появилась военная литература».

Из последней фразы историка следует, что военные профессионалы Северной Италии, при бурном развитии капиталистических отношений, взялись возрождать античные идеи, а это в традиционном контексте означает: идеи, позволявшие превзойти феодальное ополчение, уже были развиты за тысячу–полторы лет до кондотьеров и феодализма без всяких капиталистических отношений. Откуда бы кондотьеры могли о них узнать, загадка.

Андреа Кастаньо.
Кондотьер Пиппо Спано. Фреска
цикла «Знаменитые люди» из виллы
Кардуччи в Леньяйя. 1450–1451,
линия № 7.

Центурион,
командир подразделения
в древнеримском легионе.
I век, линия № 6.

Если же отказаться от традиционной хронологии, становится ясным, что в таком построении фразы сказалась привычка историков совершенно не обращать внимания на Южную Италию, Грецию, Переднюю Азию, входившие как раз в это время в сферу влияния Византии. Здесь и проистекал «античный период» военного дела, пока Европа не начала его «возрождать».

А упомянутая Разиным военная литература, появившаяся, как мы видим, в XIV веке, изобилует привычными анахронизмами, апеллируя к древнеримским временам и рассказывая о «варварах».

Разгадка в том, что древние римляне — это ромеи-византийцы XI–XIV веков, владевшие и южной Италией тоже. Ромейские императоры нанимали «варваров» в свои войска. Да и то *«их употребляли главным образом для гарнизонов городов и для службы при осаде, в открытом бою на поле битвы сначала они были мало пригодны»* (Маркс и Энгельс). И

античные идеи в тактике и стратегии зародились здесь и в это время, чтобы быть повторенными в Северной Италии и других местностях Европы полвека–век спустя.

Средневековые швейцарцы в сомкнутом строю якобы повторяли действия македонской фаланги или римских баталий (манипул). Словно и не было полутора тысяч лет. В римской армии число пехотинцев значительно превышало число всадников, как и в швейцарской. Каждый легион был разделен на 10 манипул. Манипула была основной тактической единицей римской пехоты. Каре — основной тактической единицей швейцарцев.

В Швейцарии, в старых кантонах Швиц, Ури и Унтервальден образовались общины с военной конституцией, в полной мере обладавшие основными военными качествами: мужеством и годностью отдельных бойцов, дисциплиной, непоколебимой взаимной спайкой этих воинов. Первые качества воспитывались жизнью среди суровой природы негостеприимных гор, вторые — общинным бытом; род и соседство, военное товарищество и земледельческое хозяйство были теснейшим образом связаны.

«Первобытные швейцарцы были воинственным горным племенем, которое не слишком строго относилось к грабежам и разбою. «Освободительные битвы», которые они предпринимали якобы для свержения австрийского господства, с точки зрения цивилизации весьма двусмысленны, и военную славу, которую они при этом приобретали, они охотно обменивали на золото», — пишет Франц Меринг.

Обратив ваше внимание на слово «первобытные», примененное к швейцарцам, скажем, что это именно они впервые в пешем построении сумели противостоять рыцарской коннице. Они сумели так выстроить свои ряды, уперев в землю и выставив навстречу коннице длинные копья, что сломали строй самоуверенных рыцарей, скинули их с коней и перебили. Впервые. В начале XIV века (линия № 6).

Но якобы за 1700 лет до этих первобытных швейцарцев Ксенофонт (430–355/4 до н.э., линия № 6) писал в своей «Греческой истории» о том, как пехотинцам следует правильно противостоять коннице:

«Десять тысяч всадников — все-таки не более десяти тысяч человек, потому что никто в сражении не был никогда убит от укушения или удара лошади. Мы гораздо сильнее каждого всадника, который обязан держаться на хребте лошади в совершенном равновесии. Он не только боится наших ударов, но и опасается упасть с лошади. Мы же, упираясь твердою ногою, поражаем сильнее, если кто к нам приближается, и вернее попадаем в цель. У всадников против нас одна выгода: скорее спастись бегством».

Не удивительно ли, что Ксенофонт рассуждает, как европейский военный теоретик XIV–XV веков? Время Ксенофонта по нашей синусоиде соответствует XIV веку; с учетом же, что его можно отнести разве что к Византии — XIII веку.

Да и Аристотель в «Политике» рассуждает о сравнительных качествах пехоты и конницы: *«Тяжело вооруженной пехотой нельзя пользоваться при отсутствии тактического порядка. И так как в древности не имели об этом представления и не знали этого искусства, то сила войска основывалась на одной лишь коннице».*

Что такое для Аристотеля древность? Времена Троянской войны? Кажется, у Гомера не описаны действия конницы. Зато они наверняка описаны в сказаниях литературного «Троянского цикла» XIII века.

Приступив в конце XIII — начале XIV века к копированию опыта византийцев («возрождая» античность), европейская пехота на протяжении следующих ста пятидесяти лет превратилась в серьезный род войск, нарабатывая свой опыт ведения боев. Ганс Дельбрюк отмечает, что только в XVI веке появилась французская, немецкая, испанская пехота в действительном значении этого слова (как постоянное войско), и главнокомандующие тогдашних государств отдали предпочтение стратегии на уничтожение.

«Огнестрельная секира» — оружие пехотинца XVI века. Секира, снабженная пистолетом, лезвием-топориком и приспособлением для стаскивания всадника с лошади.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) писал о своей современности:

«...Все наиболее компетентные знатоки военного дела согласны между собой в том... что главную силу армии составляет инфантерия, или пехота. Но чтобы создать хорошую инфантерию, необходимы люди, которые выросли не в рабском унижении или нищете, а на свободе и среди известного благосостояния. Поэтому, если в государстве главное значение имеют дворяне и высшее общество, а сельское население и пахари состоят лишь из рабочих или батраков, а также из коттеров, т. е. нищих, владеющих хижинами, то при таких условиях, быть может, и возможно иметь хорошую конницу, но отнюдь не хорошую, стойкую пехоту».

Если так было в XVI–XVII веках, то могло ли быть иначе в «Древнем Риме» или «Древней Греции»?.. Приходится нам переносить время существования этих «древних» государственных образований поближе к нашим временам, совмещая с событиями, в которых участвовали византийские (ромейские, римские) греки, турки-османы, западные и восточные европейцы.

Турки во времена Орхана, наследника Османа, организовали пехоту на началах найма. В военное время завербованные получали ежедневную плату, в мирное — земельные участки. Вскоре из христианских детей была создана особая новая пехота, янычары, пользующаяся отличным содержанием и помещением. Янычары называли себя братьями; оскорбление одного из них считалось оскорблением всего корпуса. *«Преданность султану составляла их гордость; он был их отцом, а они ему детьми»*, — пишет А. Пузыревский.

Главной причиной падения янычаров считается зачисление в их корпус детей мусульман. *«Попадая в строй по протекции, они гораздо менее были подготовлены к тягостям военной службы, менее строго воспитаны в военных доблестях, не отличались такой беззаветной преданностью султану, как прежние янычары».*

А. Пузыревский считает необходимым упомянуть, что в России первый опыт устройства постоянной пехоты был сделан Иваном IV учреждением *стрельцов* около 1550 года. Стрельцы были не только пешие, но и конные; они в мирное время поселены были в Москве и других городах, где исполняли гарнизонную и полицейскую службу, а в военное время присоединялись к прочим войскам.

Ганс Дельбрюк пишет в статье «Макиавелли и его время»:

«Новая пехота, с новым огнестрельным оружием крупного и мелкого калибра, в соединении со старой тяжелой и легкой конницей допускает множество комбинаций с изменением условий местности и возможностей атаки и обороны; этих комбинаций средневековые не знали...»

Испокон веку численное превосходство являлось одним из важнейших факторов успеха. Однако в Средние века оно не играло такой решающей роли, ибо все зависело от качества отдельного воина, а квалифицированных воинов можно было всегда получить лишь в ограниченном числе. Между тем швейцарцев и ландскнехтов, после того как они были организованы, можно было легко численно пополнять массами случайного сброда, а теперь бой решался напором массы. Поэтому военачальники стремились заручиться массами не только в крайних пределах своих денежных средств, но и за этими пределами. Если даже не имелось возможности заплатить наемным солдатам обусловленное жалованье, то все же можно было надеяться питать войну самой войной. Солдатам указывали добычу и отдавали на разграбление целые города и области.

Это отражалось крайне пагубным образом на самом ведении войны, а также на стратегии. То солдаты, не получая своего жалованья, нетерпеливо требуют сражения, то, наоборот, они отказываются идти в атаку, пока им не заплатят. Но, прежде всего нам приходится постоянно наблюдать, как полководец брал противника своей выдержкой, рассчитывая, что неприятельское войско само распадется, так как противник не в состоянии будет дальше ему платить. Эта мысль настолько соблазнительна, что она легко могла побудить полководца не воспользоваться даже весьма благоприятным случаем дать сражение, и вся кампания превращалась в чисто маневренную войну».

Нас интересуют военно-исторические параллели между Средневековьем и античностью, их возможность или неизбежность, вероятные закономерности. Но нам интересны и прочие «возрождения», вроде каролингского. Ведь Карл Великий задолго до швейцарцев создавал пехотные полки! Это столь удивительно, что сами историки сомневаются. Так, Франц Меринг пишет:

«При Карле Великом народное ополчение существовало еще по государственному праву и по форме, но не фактически; «крестьянские войска» Карла относятся к области басен; он никогда не выводил в поле крестьянских массовых войск, а выводил лишь небольшую квалифицированную армию. При его внуках народное ополчение окончательно отжило; военное дело стало целиком покоиться на вассалитете...»

Надо бы еще разобраться, кто такой Карл Великий и чьи это внуки, ведь прозвищем «Великий» кого только не называли.

Макиавелли первым в XVI веке стал требовать всеобщей воинской повинности, — а мы читаем, что существуют «басни» о чем-то подобном при Карле Великом. «Макиавелли был, конечно, очень проницательным политиком, — отмечает Франц Меринг, — но не потому, что он видел вещи в темноте будущего, а потому, что видел их в свете действительности. Он писал под впечатлением длинного пути побед, по которому в его время шли швейцарские войска. Эти войска были народным ополчением со всеобщей воинской повинностью, и они применялись только в сражении на уничтожение. **В мощных швейцарских колоннах он, подобно гуманистам, видел возрождение греческой и римской фаланги.**

Вот, оказывается, что видел Макиавелли «в свете действительности»: швейцарцы «возрождают» греческий и римский военный опыт. Есть утверждения, что в армиях Александра Македонского дисциплина была «железной». В то же время, историки пишут о «недавних» для Макиавелли временах:

«Первые крестоносцы состояли из совершенно недисциплинированного, отовсюду сбежавшегося сброда фанатиков из низших классов, которые причинили более вреда тем христианским землям, по которым они проходили, чем неверным, которых поклялись победить».

Итак, в эпоху эллинизма армии дисциплинированы, в эпоху крестовых войн они представляют из себя просто сброд, затем вновь начинают приобретать «нормальный» вид. Самое удивительное, что многочисленные европейские «возрождения», равно как и «эпохи», существуют только в книгах современных историков; ни Макиавелли, ни швейцарцы даже слов таких не знали. Басни про армии Карла или Александра потому и басни, что они тоже относятся к пласту фантастических выводов историков о «возрождениях», сделанных, чтобы увязать в их исторической версии концы с концами. А ведь нет ни одного документа времен Александра, и нет ни одного документа от IX века, в котором говорилось бы о возрождении чего-то древнего.

Культура, варварство и артиллерия

Маркс и Энгельс полагали, что культурные греки *«являются создателями как регулярной пехоты, так и регулярной конницы. Они формировали массы бойцов в отдельные отряды, вооружали и снаряжали их соответственно цели, для которой они предназначались, обучали их действовать согласованно, двигаться в строю, сохранять определенное тактическое построение, чтобы таким путем бросать всю тяжесть их сосредоточенной и двигающейся массы на определенный пункт вражеского фронта. Организованные таким образом, они повсюду оказывались выше необученных, неповоротливых и беспорядочных толп, выставляемых против них азиатами»*.

Кто же такие эти азиаты, и в чем заключается их «неповоротливость»? Берем в руки капитальный труд марксиста Е.А. Разина:

«Восточные деспотии располагали в целом или в качестве составной части постоянным войском, но в нем не было элементов регулярной армии, присущих греческой милиции, которую вполне можно назвать регулярной, хотя и не постоянной армией (выделено нами, – Авт.) Милиция — это армия, которая не содержится государством постоянно, а собирается лишь на время войны, и по ее окончании распускается».

Что все это означает? Военным историкам надо бы объясниться со своими читателями, дав подробные определения: чем отличается «беспорядочная толпа» от «постоянной армии», а последняя — от «регулярной, хотя и не постоянной армии». Наверное, существует принципиальная разница между толпой вооруженных палками дикарей и какой угодно, но армией. Однако насколько принципиальна разница между *армиями* разных народов? Насколько уместно то и дело, без объяснения терминологии, поминать «орды варваров»?

Сами историки не перестают спорить об этом; однозначного понимания военной истории человечества не существует. Это, кстати, и позволяет нам вмешаться в спор. Вы только что прочли, что греки — создатели регулярной армии, а им противостояло «постоянное войско» из необученных беспорядочных толп азиатских дикарей. Дальше вы познакомитесь с еще более интересными мнениями.

Ганс Дельбрюк, исчисляя население Римской империи в середине III века н.э. самое меньшее в 90 000 000 человек, но находя, что «оно вполне может быть принято и за 150 000 000», спрашивает:

«Мыслимо ли, чтобы такая масса населения уступила напору орд варваров, из которых каждая достигала не более 5000–15000 человек?.. Мировая история получает с этого момента освещение как относительно прошлого, так и будущего времени. Откуда же исходит этот свет? От неизмеримо большего превосходства регулярного войска над народным ополчением».

Франц Меринг, много и подробно цитирующий в своей книге Дельбрюка, ловит последнего на «передержке»:

«Здесь поклонник немецкого милитаризма совсем ослепил историка, и этот аргумент звучит особенно странно в сочинении, начавшемся с описания блестящих побед греческого гражданского ополчения над персидским профессиональным войском».

Многие утверждения историков выглядят странно. Они все до одного ослеплены скалигеровской хронологической теорией. Если бы в каждом удобном случае профессионал в каком-либо деле (писатель, художник, военный) мог объяснить историку, в чем тот не прав, когда рассуждает об истории литературы, искусства, войн, то мы имели бы ныне подлинную историческую науку. А не тот конгломерат мифов, который Ричард Олдингтон назвал «худшим видом худшего порока».

По ходу традиционной истории дикие варварские орды с постоянством, напоминающим сюжеты романов в жанре *fantazy*, захватывают и подчиняют себе культурные народы.

Конечно, нет никакого основания для предположения, что римская когорта в 600 человек непременно должна победить отряд «диких» галлов или готов такой же численности. Римляне могли терпеть поражения в отдельных боях. В чем же заключалось могущество Римского вооружения?

Ганс Дельбрюк, почти буквально повторяя мнение Маркса и Энгельса, отвечает на этот вопрос так:

«Оно покоилось на организации войска в целом, которая позволяла концентрировать в одном месте очень большие массы, двигать их в порядке, снабжать,

поддерживать связь. Этого всего не умели делать галлы. Их подавляли, конечно, не храбрость римлян, которой не уступала их собственная храбрость, и не массы римских войск — совсем нет: их массы были не меньше, — но их массы были мертвы, не были способны к движению. Римская культура восторжествовала над варварством, так как сделать большую массу подвижной — это есть искусство, которое дается лишь высокой культуре. Варварство на это неспособно».

Но ведь эти «неподвижные», некультурные варвары положили конец культурному Риму! Спрашивается, многого ли после этого стоят рассуждения историков, вроде приведенного выше? А ведь Ганс Дельбрюк — один из лучших!

Кто-то додумывается до полезных новинок сам, кто-то заимствует умение у друзей или врагов. Практика ведет к развитию умения. Надо и в самом деле научиться обеспечивать «подвижность» масс людей, организовывать снабжение войск всем необходимым, от продовольствия до оружия, от разведанных до медицинской помощи. Надо научиться правильно оценивать силу противника, осваивать тактические приемы, предусматривать последствия тех или иных действий.

В наше время для выполнения этих работ существует штаб. Но начав применять их спорадически в XV веке, лишь в XVII осмыслили их необходимость, и только затем штабы были введены повсеместно. Однако в трудах историков мы читаем, что у Цезаря был штаб и инженерные войска!

С самого начала оперативное военное искусство развивалось, как в биологии: выживает тот, кто был более умелым (в простейшем случае — у кого больше людей). На этом построена эволюция. Победитель, а также и тот, кто научился применять его опыт на практике, побеждает снова, пока не найдется полководец более сообразительный. Мастерство продолжает расти, появляется понятие тактики, возникает *теория* военного искусства. Теперь побеждает не просто тот, у кого тактика лучше, а кто понимает, почему и зачем надо сделать то-то и то-то (вскрыть оборону обстрелом, сделать засаду, заманить противника, обмануть ложной информацией), знает, какие результаты дали разные тактические приемы в ходе конкретных войн прошлого.

Полководцы могли узнавать об этом из военно-исторических трактатов. Что они из себя представляли, покажем на примере античных «Стратегем» Фронтинана:

«Божественный Юлий при Мунде, когда его войско стало отходить, велел унести с глаз его коня и пеший выбежал на первую линию; солдатам стыдно стало покинуть полководца, и они возобновили бой.

Филипп, опасаясь, что его воины не выдержат натиска скифов, поместил надежнейших всадников в тылу и предписал им не позволять никому из соратников бежать из строя, а кто будет упорно отходить, тех убивать. Огласив это распоряжение, он достиг того, что даже самые трусливые предпочли пасть от рук врага, чем от рук своих товарищей. Победа была одержана.

Г. Марий, победив в бою тевтонов, ввиду наступления ночи окружил их остатки; приказав немногим солдатам время от времени поднимать крик, он тревожил врага и не дал ему заснуть. Благодаря этому он на следующий день легче разгромил не отдохнувшего неприятеля».

Совершенно ясно, что ученый-книжник эпохи Возрождения, поставив себе целью собрать в рукописях, имеющихся у него под рукой, образцы «античной» военной хитрости, написал бы точно такое же сочинение. Гуманисты Возрождения (Джордано Бруно и другие) писали свои философские трактаты в стиле античных «Диалогов» Платона, подражали практически и всем другим антикам. Это совершенно естественно для одного и того же пласта культуры, когда имеется преемственность знаний, но выглядит довольно надуманным, когда авторов и «подражателей» разделяют лет пятьсот, а то и две тысячи!

В XX веке некоторые авторы использовали композиционную схему, придуманную во времена Боккаччо и Чосера, но стилистика современной литературы не повторяет раннее Возрождение. А когда читаешь трактат Фронтинана, так и видишь человека в типично ренессансном интерьере, за раскрытым «древним» кодексом, которому от силы сто лет.

Другой военно-теоретический трактат, «Византийский Аноним VI века» разрабатывает проблемы скрытых тактических резервов: *«Цель засад — нанесение внезапного удара, когда враг, расстроив свои ряды, бросается преследовать отступающего противника. Чтобы отступление было более правдоподобным, рекомендуется бросать на поле боя что-*

либо из вооружения и снаряжения». Идеи контрнаступления в этом документе высказываются, хоть в самом общем виде.

Однако теория контрнаступления как особого вида боевых действий, в дополнение к наступлению и отступлению, начала приобретать сколько-нибудь определенные очертания лишь с конца XIV или с начала XV века. А мы заметим, что VI век по «византийской» волне синусоиды относится к той же линии № 6, что и XIV век. Можно предположить, что в Византии документ появился немногим ранее, но в Европе стал известен только с XIV века. Наличие описаний контрнаступления в более ранних источниках — повод усомниться или в подлинности этих источников, или в общепринятой хронологии и традиционной истории.

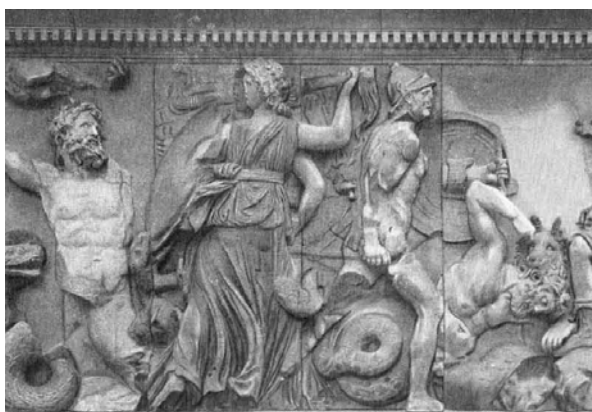
Б. Кипнис в статье «Влияние античного опыта на развитие военного искусства и военного дела в новое время» пишет, что егеря Фридриха II возродили античную практику рассыпного строя легких войск, начинающих битву и прокладывающих дорогу тяжелой пехоте. Далее оказывается, что Фридрих II (а это XVIII век!) применил знаменитую «косую атаку», которую использовал Эпаминонд в битвах при Левктрах и Мантинее во время Беотийских войн (378–362 до н.э.).

Довольно странная история. Ну, хорошо, до начала эпохи «Возрождения» тупые немецкие, французские и английские феодалы не могли додуматься ни до чего подобного. Затем незнамо от кого о тактике Эпаминонда стало известно, но даже зная о ней, полководцы не обращались к его удачному опыту даже в XV–XVII веках.

А непобедимые римляне? Что сказать о них? Почему-то даже они не использовали неравномерное распределение войск по фронту, в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке. Может быть, «знаменитая», как ее называют, «косая атака» Эпаминонда уже в I веке до н.э. была забыта? В таком случае, никто и никогда не смог бы ее вспомнить.

Скажем еще и об огнестрельном оружии.

Огнестрельное оружие первого поколения — бомбарды вроде тех, что изображены на рельефах Пергамского алтаря, — начинали применять в разных местах не из-за боевых качеств, а потому, что выстрелы пугали лошадей, рассеивая конницу. На первых порах они пугали и пехоту тоже. Бомбарды не могли нанести ей большого вреда, но оказывали психологическое воздействие.

«Артемида и Геката в борьбе с гигантами». Часть фриз алтаря Зевса в Пергаме. Датируется историками 180-м годом до н.э. Исходя из стиля горельефа и мастерства художника, умеющего изображать перекрывающие друг друга фигуры, это произведение можно датировать XV–XVI веками. «Богини» идут шеренгой, держа в руках металлические трубы, из которых исходит пламя. Это может быть изображением войны античного XII века в восприятии художника эпохи Возрождения.

Крупные бомбарды, кидающие каменные ядра на расстояние до километра, уже в конце XIV века использовались повсеместно, но успешно только при осаде и обороне крепостей. Скорострельность была очень низкой. Так, при осаде Дортмунда (1388) в один день было выпущено 33 ядра, а за 14 дней осады — 283 ядра. Орудия не могли менять раз занятую позицию, заряжались медленно, порох был плохого качества. Поэтому в открытом поле стрельба не оказывала влияние на ход боя, как это было, например, при Грюнвальде (1410), и редко попадали в летописи.

В неявном виде наличие или отсутствие огнестрельного оружия в описании боя служит делу подтверждения хронологии, а когда-то, возможно служило и основой для ее выстраивания. Однако довольно долго не только крупное, но и ручное огнестрельное оружие, такое как аркебуза или мушкет, уступало английскому луку, и тоже не попадало в летописи.

Маркс и Энгельс писали в своих трудах:

«До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело значения, так как лук английского стрелка при Креси (1346) стрелял так же далеко, как ружье пехотинца при Ватерлоо и, может быть, еще более метко, хотя и не с одинаковой силой действия».

Скорострельность лука была очень высокой (10–12 стрел в минуту). Рыцарские латы пробивались стрелой из лука на дистанции в 70 метров, из арбалета — до 150–200 метров. Поэтому мы не находим явных упоминаний в «античной» литературе об огнестрельном оружии, хотя изредка попадает кое-что о свинцовых пулях, или свинцовых ядрах, или о «греческом огне». Новому оружию просто не придавали большого значения, хотя порох был известен в Византии с первой половины XIII века (а, может быть, и раньше). Это и есть самые настоящие античные времена.

Даже на картинах Эль Греко (1541–1614) мы не увидим мушкетов, что уж говорить про XV век! Преимущества аркебуза XV века перед арбалетом заключались лишь в меньшем габарите, независимости от физической усталости стрелка и звуковом эффекте, пугавшем лошадей противника, и заставлявшем рыцарей сражаться в пешем строю.

В это время пехота, решавшая исход боя, была вооружена в основном пикой или алебардой. Лишь потом произошло организационное деление пехоты на копейщиков и мушкетеров. При этом тяжелые кирасы копейщиков затрудняли маневрирование во время боя, и от кирас отказались. В этом разгадка поразительного деяния императора Адриана, который якобы во II веке отказался от тяжелого оборонительного вооружения в римской армии. II и XV века относятся к одной и той же линии № 7 «римской» волны.

Швейцарские гунны

О том, как выглядели битвы классических фаланг в традиционном V, и на протяжении почти всего IV века до н.э., существует несколько теорий. До недавнего времени практически общепринятой была так называемая «теория подталкивания», согласно которой битва двух фаланг представляла собой массовое состязание в переталкивании. По мнению сторонников этой теории, фаланги сближались на бегу, первые шеренги сталкивались, а потом задние шеренги подпирали передние и начинали из всех сил толкать их вперед. Победу одерживала та сторона, которой удавалось заставить противника пятиться продолжительное время под напором своей фаланги или продавить в ней брешь, что в результате приводило к бегству проигравшей стороны.

Александр Жмодиков пишет:

«Следует отметить, что эта теория процветала не потому, что хорошо подтверждалась источниками, а только потому, что исследователи не могли предложить ничего другого — весьма известные и авторитетные исследователи, например J.K.Anderson и J.F.Lazenby, так и говорили в своих работах: поскольку мы не можем предложить другой теории, мы склоняемся к этой. Эта теория имела своих критиков, которые показывали, что она не только не подтверждается источниками, но и противоречит им, а также здравому смыслу (P.Krentz, G.L.Cawkwell), но они, несмотря на некоторые очень удачные отдельные мысли, также не могли предложить убедительной альтернативной теории, а потому оставались в меньшинстве и были объявлены «еретиками».

Согласно другой теории, первые шеренги сражались между собой, а задние поставляли воинов на замену павшим и оказывали передним психологическую поддержку. Проигрывала та сторона, которая ломалась психологически, не выдерживая атаки противника и обращаясь в бегство ещё на этапе сближения, или в ходе самого боя, вследствие обхода фланга, потерь, продолжительного попятного движения или разрыва фаланги.

Такая тактика описана лишь у немногих античных авторов: у Ксенофонта в произведении «Киропедия», у Полибия.

Традиционную фалангу мы находим в конце V – начале IV века до н.э., это в основном линия № 6 синусоиды. На той же линии расположен XIV век, время побед так называемой швейцарской пехоты. А формой боя швейцарцев было каре, оно вообще широко применялось войсками германских народов.

В какой же связи находятся фаланга и каре? Насколько вообще правомерно сравнивать античные и средневековые военные игрища? Оказывается, нам даже не следует задаваться этими вопросами. Традиционная история САМА сравнивает фалангу с каре, а средневековых швейцарцев с древними германцами.

Например, Энгельс писал, что швейцарцы представляли собой «неподдельный образец той человеческой расы, которая когда-то избивала римлян в Тевтобургском лесу повестфальски — дубинами и цепями». Дельбрюк выразил ту же идею в следующих словах: «Способ ведения войны швейцарцами носил тот же разбойничий и насильнический характер, как когда-то у германцев». Сходство идет еще дальше: германцы, несмотря на всю свою ненависть к римским угнетателям, массами поступали на службу к ним же, так ведь и швейцарцы продавались кому угодно. Деньги, а пуще того «хорошие деньги» решали исходы войн.

Но мы можем показать даже еще более поразительные параллели.

Прочтем в энциклопедическом словаре, кто такие гунны:

*«Кочевой народ, сложился во 2–4 вв. В Приуралье из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов. Массовое передвижение Г. на запад (с 70-х гг. 4 в.) дало толчок т.н. Великому переселению народов. * Подчинив ряд герм. и др. племен, возглавили мощный союз племен, предпринявший опустошительные походы во мн. страны. Наиб. могущества достигли при Аттиле. Продвижение Г. на Запад было остановлено их разгромом на Каталаунских полях (451). После смерти Аттилы (453) союз племен распался».*

А теперь мы легко найдем среди германских племен их собственных гуннов.

Высшую суверенную власть у этих племен представляли собой всеобщие народные собрания. Во время войны сородичи, бывшие в одно и то же время односельчанами, выступали одним отрядом. Поэтому, как сообщает Франц Меринг, еще и сейчас на севере называют военный отряд «thorp», «деревня», а в Швейцарии говорят «Dorf», «деревня», вместо «Haufe», «отряд». «Schar» (толпа), жившая вместе и сообща выступавшая в войне, являлась одним и тем же понятием. Поэтому из одного и того же слова возникли названия: для местожительства — «деревня» (Dorf) и для солдат — «отряд» (Truppe).

Швейцарские воины. Рис. из книги Франца Меринга «История войн и военного искусства».

Во главе каждой германской общины стояло выборное должностное лицо, которое называлось альтерманом, или гунно (Hunno), так же, как сама община называлась то родом, то сотней. «В Германии «гунно» в течение всех средних веков под названием «гунне, гун» обозначал деревенского старосту и до сих пор еще существует в Трансильвании как «хон», — пишет Меринг.

А теперь еще раз посмотрим, что же сделали традиционные гунны, якобы пришедшие в Германию издалёка: «Подчинив ряд герм. и др. племен, возглавили мощный союз племен...»

А оказывается, что гунны — представителями общины в мирное время и предводители мужчин во время войны. Они жили с народом и в народе, они были такими же свободными членами общины, как и все другие. Из них начала образовываться аристократия; отдельные семьи вставали выше других не в силу существовавшего права, но в силу естественного преимущества, которое дается при выборах сыновьям выдающихся отцов, и

* Само представление о произошедшем некогда «Великом переселении народов» возникло в XVIII веке в трудах Эдуарда Гиббона, из желания возвеличить европейский Ренессанс по сравнению с греко-римской античностью. Это чистейшая выдумка, сделанная в политических целях, объясняла ТОГДА нелепости традиционной истории, а ТЕПЕРЬ она превратилась в краеугольный камень этой же истории, и археологи стараются найти подтверждения этой мертворожденной идеи.

которое превращается затем в привычку выбирать на место умершего прежнего деятеля его сына.

Авторитет вождя — гунно — был непререкаем; *«сплоченность подобной германской сотни под руководством их гунно вырабатывала такую крепость, которой не могла создать даже самая строгая дисциплина римского легиона».*

Эта же старогерманская военная организация, родившая строй — четырехугольник (каре), по словам историка, существовала и в XIII–XIV веках под названием швейцарской пехоты. Каре — тесно сплоченная масса, одинаково сильная со всех сторон, не только с фронта и тыла, но и с флангов. *«Каре являлось основным тактическим построением у германцев, как фаланга у греков и римлян»*, пишет Меринг, а по утверждению Ганса Дельбрюка, обе формы не представляют противоречия друг другу; в самом деле, фаланга — то же самое каре, лишь на более высокой ступени своего исторического развития.

Обратите внимание на следующие слова Франца Меринга:

«В своей первой книге Дельбрюк не рассматривает вопроса о происхождении фаланги; это объясняется тем, что мы не имеем относительно этого никаких исторических данных».

Красноречивое признание!

Преимущество тонкой фаланги перед глубоким каре состояло в том, что она могла ввести в бой гораздо больше бойцов и оружия. 10 000 чел. в 10-шеренговой фаланге имели в первой шеренге 1000 чел., тогда как каре той же силы имело 100 чел. в глубину и 100 чел. по фронту. Таким образом, фаланга могла охватывать; если каре не пробивало ее немедленно, оно очень быстро могло быть окружено со всех сторон.

Греко-римская фаланга могла считаться разбитой, как только она была разорвана. Германцы, начиная бой в составе каре, гораздо скорее могли потерять всякий внешний порядок, но могли беспорядочными группами и совершенно разрозненно наступать или отступать среди скал и лесов. Душа тактической части сохранялась неизменной; сохранялись внутренняя связь, взаимное доверие, умение действовать в подчинении инстинкту или призыву вождя. Германцы не только были пригодны для правильной битвы, но особенно годились для рассыпного боя, для нападения в лесу, для засад, притворных отступлений и вообще для малой войны всякого рода.

Вести малую войну на германской земле римляне не отваживались, и даже не пытались. Меринг указывает такую причину:

«Завоевание суровой негостеприимной страны привлекало их очень мало. Им нужно было задушить германскую свободу лишь для того, чтобы защитить завоеванную Галлию от нападения германских варваров. Если бы они могли надеяться смирить дикий народ подавляющим количеством своих войск, то перед ними, как самое большое затруднение, вставал вопрос о продовольствии, и притом в такой форме, которой не знал Цезарь при завоевании плодородной и богатой Галлии. Прокормить большое войско в глубине Германии было очень трудно; страна с таким скудным земледелием могла дать лишь очень мало, а продовольственным обозам приходилось проходить большие расстояния по проселочным дорогам — это требовало мощного аппарата, — что было особенно затруднительно в такой стране, как тогдашняя Германия, где совершенно отсутствовали искусственные дороги».

Прекрасные рассуждения!.. Если бы еще кто-нибудь догадался применить их к истории завоевания России татаро-монголами...

МОНГОЛО–ПАРФЯНЕ

Итак, зеркало разбито. Всемирной истории больше нет, нет потому, что она и была-то только миражом Европы, кривившей ее на свой лад в зависимости от собственного состояния. Других народов она касалась лишь мельком, постольку, поскольку их пути пересекались с путями Европы.

М. Ферро.

Версии

Взаимоотношения между государствами и государями Евразии XIII века изучены мало. Можно сказать, история этого периода есть не история событий, а опись фантазий и толкований. Картина конфликтов, происходивших между участниками 4-го Крестового похода, и многообразных международных и межплеменных союзов «смазана» татаро-монгольским нашествием.

У любого события в истории есть причины; если оно инициировано людьми, то, значит, имеются его организаторы. Затем, есть участники событий, в большинстве случаев не понимающие замысла организаторов, а также, в силу племенных, религиозных или политических пристрастий, различающиеся между собой в оценках происходящего. Имеются свидетели, непосредственно в событиях не участвовавшие, но тоже склонные толковать происходившее на их глазах, и тоже по-разному. Летописцы будущих времен, до слуха которых донеслись самые разнообразные сообщения, начинают их сравнивать между собой и записывают, перетолковывая по-своему.

Вот на основании их записей историки XVIII–XIX веков составили историю человечества, истинных причин событий которой зачастую невозможно назвать. А ведь они были!

В качестве примера напомним историю набегов на Русь крымских татар в XV веке. Об этих набеггах довольно много сведений. Но ни в одной русской летописи вы не прочтете, что набегги инициировались Турцией. Турецкие эмиссары снабжали татарского князя оружием и забирали награбленное. Об этом не знали ни простые татарские воины, ни страдавшие от их набегов русские селяне. И летописцы, соответственно, не сообщали об этом потомкам. К счастью, в это время, то есть в XV веке, были уже достаточно развиты письменность и дипломатия, и кое-что позволяет сделать правильные выводы.

XIII век в этом отношении более «темный». Тогда, аналогично крымским татарам, в Эгейском море действовали греческие пираты, за спиной которых, как можно предположить, стояла Византия. Возможно, так «добирался» налог, на который, как считали императоры, они имели право. Известно, что позже таких же «своих» пиратов применяла на морских дорогах Англия и некоторые другие страны.

Во многих случаях подвиги пиратов воспевались. Что помешало бы этим песнопениям превратиться в «народный эпос»? А уж «удревнить» эпос и сочинить целую Древнюю Грецию было для историков и хронологов делом техники.

В конце концов, эти пираты так достали европейцев, настолько напортили в морской торговле, что стало ясно: надо давить не только их, но и тех, кто за ними стоит. Незнамо куда девшаяся «Крито-микенская культура» — это, смеем предположить, разоренное в XII –XIII веках пиратское гнездо, хотя находящиеся здесь колоссальные постройки могли быть возведены и одним – двумя столетиями раньше. В решении направить удар 4-го Крестового похода против византийцев соображения пресечения пиратской деятельности, возможно, тоже играли не последнюю роль.

Иная хронология, которую мы вам предлагаем, позволяет «найти» древнегреческих пиратов именно в XIII веке. А то, что античные герои — пираты, специалистам известно и без нас. Я. Маховский в «Истории морского пиратства», вышедшей в свет еще в 1972 году, прямо писал об этом, называя имена владельца острова Самос Поликрата, а также Ахилла и Одиссея. А великий Гомер повествует о воровских подвигах Одиссея в обычном эпическом духе:

Ветер от стен Илиона привел нас ко граду киконов,
Исмару, град мы разрушили, жителей всех истребили,
Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много
Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок.

Эрколе де Роберти. Аргонавты покидают Колхиду. XV век.

Одиссей грабит всех подряд. Даже вырвавшись из грота Циклопа, не упускает случая прихватить «козлов тонконогих и жирных баранов». Ничуть не лучше и Менелай, который, по словам Нестора, упер из Египта столько богатств, «сколь могло в кораблях уместиться». М.К. Петров в книге «Пираты Эгейского моря и личность» отмечает, что даже «сам Нестор не без греха. Растроганный встречей с Телемахом, старец вспоминает о тех временах, «когда в кораблях, предводимых бодрым Пелидом, мы за добычей по темно-туманному морю гонялись».

Еще двести лет назад не было секретом и то, что именно морские грабежи «античных греков» привели к крестовым войнам и захвату византийских земель. Государства, участвовавшие в захвате, выгнав пиратов, поделили эти земли между собою, дабы надзирать за морскими путями. В «Фаусте» Гете, написанном в XIX веке, читаем:

Отбросьте Менелая живо
К морскому берегу назад.
Пусть грабит бухты и проливы,
Испытанный морской пират.
Когда он в бегство обратится,
Отброшенный от этих стен,
Раздаст спартанская царица
Вам герцогства за это в лен.

...

В Элиде станут франки станом,
Мессену саксам отдадим,
И Аргolidы край — норманнам,
С надзором за путем морским.

Как трансформировался приход на их земли этих чужестранцев — франков, саксов, норманнов, — в рассказах простых, скажем так, греков? Что за сказки и песни породил ответный «ход» византийцев? И разве не видим мы появления таких же точно иностранных воинов в сказаниях о Батыевом нашествии?.. Отчего же не поискать другие причины нашествия, кроме «гениальности» Чингисхана. Почему не увязать «иго» с военно-политической ситуацией в мире, прежде всего в столь близкой России Византии и на Балканах?

Наши летописи сообщают о приходе свирепых чужаков и страданиях аборигенов, и о том, что в неизвестном месте живет царь, приславший этих воинов. К царю ездили русские

князя, чтобы получить не только разрешение на княжение, но и, наверное, какие-то указания политического и экономического свойства.

Кто организовал, кто оплачивал этот колоссальный военный поход, какие цели преследовали его инициаторы? Где они находились? Судить об этом можно лишь по косвенным данным. И вот, историки составили версию, в которой основной движущей силой мирового нашествия названы скотоводы пустыни Гоби и лесостепей севернее этой пустыни. Традиционная версия показывает старейшин монгольских семей как политиков мирового уровня, первым из которых был Чингисхан. Сначала было две версии: монгольская и татарская, причем о местонахождении ни «монголов», ни «татаров» никто из тех, кто первым попытался составить связную историю, не знал, что не помешало историкам объединить две версии в одну, росчерком пера создав немыслимый новый «этнос»: монголо-татар.

Буквально лезущий в глаза вывод, что любых, весьма разноплеменных кочевников могли нанимать в своих целях кто угодно — византийские императоры, европейские светские и церковные князья, — историки даже в уме не держат. Если летописцы XV столетия в налетах татар Крыма не видели направлявшей их силы, то тем более, летописцы XIII века не могли предположить ничего иного, кроме того, что раз приходили «тартары», то, значит, они и организовали поход.

Но у летописцев кругозорчик был узенький, они, быть может, и в самом деле полагали, что «тартары» — «адские люди», — пришли прямиком из Ада, и туда же ушли. А наши современные историки?.. Как у них-то с кругозором? Похоже, не лучше, чем у средневековых монахов. По этой причине они и вцепились в очень уязвимую версию, которая давно уже подвергается заслуженной критике.

«Несмотря на то, что проблема создания и разрушения державы Чингисхана волновала многих историков, она до сих пор не решена, — пишет Л.Н. Гумилев в книге «Поиски вымышленного царства». — В многочисленных общих и специальных работах нет ответа на первый и самый важный вопрос: как произошло, что нищий сирота, лишенный поддержки даже своего племени, которое его ограбило и покинуло, оказался вождем могучей армии, ханом нескольких народов и победителем всех соседних государей, хотя последние были куда могущественнее, чем он?»

Вслед за этим вопросом встает и масса других: кто вооружал воинов? Кто и как определял стратегию? Какие цели были поставлены и достигнуты? Монголия, если ее ханы были во главе всей авантюры, совершенно точно не достигла никаких целей. Вот что получается, если даже чуть-чуть присмотреться к общему положению дел в мире.

Одна из самых больших загадок, — еще более загадочная, нежели нашествие на Русь, — это история завоевания монголами Китая.

По сообщению БСЭ, в XI–XII веках монгольские племена делились на лесных и степных кочевников. Лесные еще не вышли из стадии первобытнообщинных отношений, степные же только-только приобрели родовые черты. Основной хозяйственной единицей в это время стала семья — аил. Вся этнография говорит нам, что военные структуры в таких условиях не возникают.

А в Китае уже имелись развитые государственные формы. За двенадцать столетий до нашей эры, говорят историки, здесь уже были составлены специальные руководства по ведению военных действий, — то есть к моменту, когда первобытные монголы начали боязливо выходить из лесов, чтобы создать родовой строй, первым китайским правилам ведения войн уже было более двух тысяч лет. И ведь развитие военной (и прочей) мысли в Китае не стояло на месте; здесь развивалась и военная техника.

За четыре века до н.э. зажигательные составы «были известны китайцам отчасти», но употреблять их с военными целями начали только через шестьсот — семьсот лет, в III веке н.э. Еще через семь — восемь столетий, в начале XI века китайцы стали применять зажигательные составы «более постоянно». А в XIII веке, к моменту, когда монголы, наконец, вышли из лесов, у них уже появились особенные орудия разного рода для метания этих составов на противника.

Тут-то монголы проснулись окончательно и завоевали китайцев. Победили так, с кондачка, не имея абсолютно никакой истории, никаких знаний, никакой техники, никакой идеологии. Как только приобрели родовые черты, так сразу и отняли у китайцев наработанные за многие столетия технологии. А китайцы всё отдали. Ну, а уж изучив экстерном китайские теоретические труды и вооружившись китайской техникой, монголы пошли показывать всем кузькину мать, и чуть не в месяц захватили полмира.

Казалось бы, мало их было, монголов. Кочевников вообще много не бывает. Но — ничего, историки легко объясняют и этот удивительный факт: к малочисленным монголам, говорят они, примкнули многие народы Средней Азии. Вот и стало их много.

А слышал ли кто-нибудь о том, чтобы полмира завоевывали китайцы, хотя бы в составе армий покоривших их монголов? Нет, китайцы этого не делали. Некоторые скотоводческие племена, якобы жившие на территории современного Китая, с монголами объединились. Но все же не они были изобретателями новой техники, а какие-то «усредненные» китайцы, хотя таковых вообще нет в природе.

Н.И. Конрад, «объехав на кривой» вопрос о появлении и применении военной техники китайцами, рассказывает нам о бытующих среди историков объяснениях, как монголы завоевали и Китай, и Среднюю Азию, и прочее. Рассказ его весьма примечателен:

«В исторической науке выдвигалось много объяснений военных успехов монголов. Говорят о том, что эти успехи были обусловлены прежде всего внутренней слабостью тех стран, на которые обрушились монголы. В самом деле, и Чжурчжэньское царство и Южносунская империя в Китае были ослаблены длительной борьбой друг с другом, распрями вождей и военачальников; в Средней и Передней Азии наиболее крупные тогда центры — Хорезм и Багдадский халифат — находились в смертельной вражде, подрывавшей их силы; в состоянии раздробленности и внутренних столкновений находилась и Русь. Монголы же противопоставили этому всему свое единство, сплоченность, строжайшую дисциплину».

Признать эти выдумки, не подкрепленные никакими цифрами и другими данными, за объяснение никак нельзя. Предположим, существует пять государств: Чжурчжэньское царство, Южносунская империя, Хорезм, Багдадский халифат и Монголия. Первые четыре длительное время воюют, причем первые два имеют более высокую военную технику, нежели Монголия, а также обладают хорошей теоретической базой и подготовленными полководцами. По численности населения Монголия проигрывает всем четырем на несколько порядков: даже накануне XX века в этой стране проживало менее 600 тысяч человек, а земледельческие страны заведомо имеют более высокую плотность населения.

Чтобы противопоставить пусть даже разделенной четверке «свое единство, сплоченность, строжайшую дисциплину», монголам следовало бы иметь единую идеологию, а ее у них не было. На какой базе вообще можно «сплотить» скотоводов, по характеру своей деятельности живущих семьями, далеко разбросанными друг от друга? Откуда возьмется «сплоченность и дисциплина», если юноши воспитываются в семье и не способны признавать ничьего авторитета, кроме авторитета собственного папаша? Но если даже свирепым насилием и угрозой убийства удастся заставить их идти в бой, то для победы над культурным противником потребуется подавить его численно, а достаточной численности-то и нет.

Так что, перед нами не объяснение исторических событий, а словоблудие, призванное замаскировать слабость позиции историков. Они просто исходят из когда-то сделанной «догадки», что монголы завоевали Китай. Но как такое завоевание могло произойти? Никак. Наступает время домыслов. Н.И. Конрад продолжает:

«Говорят и о том, что успехи монголов объясняются их военным превосходством, проявившимся как в наличии более совершенных видов вооружения и более крепкой организации армии, так и в гораздо более искусной стратегии и тактике. В самом деле, у монголов была китайская артиллерия — в виде разнообразных метательных орудий; они пользовались заимствованными у китайцев же зажигательными средствами и орудиями; у них было много разных типов осадных орудий, взятых от китайцев и от персов; они заимствовали, наконец, от китайцев и учение о войне, выработанное древним китайским стратегом Сунь-цзы и обновленное в танское время императором Тайцзуном и его военачальником Ли Цзином».

Как видим, для историков нет проблем: чтобы победить китайцев, монголы «позаимствовали» артиллерию, зажигательные средства, осадные орудия у... китайцев. Правда, остается непонятным, почему китайцы им все это дали, и зачем монголам потребовалось китайское «учение о войне» если они и так имели «более искусную стратегию и тактику».

Но если обратиться к истории Византии, мы легко обнаружим те же самые достижения, которые ныне приписывают Китаю.

С. Лучицкая в книге о крестовых походах пишет, какой шок вызвал у европейских рыцарей «греческий огонь», применяемый сарацинами в XII веке. Оказывается, в пику «Древнему Китаю», использование зажигательных смесей, состоящих из смолы, селитры и

других веществ, было обычным делом в византийском мире, к которому примыкали и так называемые сарацины.

То же самое можно сказать и о приспособлениях для осады крепостей и прочей техники. Оставим в стороне монголов: у них до XX века не то, что крепостей, ни одного города не было. Какие уж там машины для осады несуществующих крепостей.

А вот на одной из иллюстраций к хронике Гийома Тирского, участника 1-го Крестового похода, изображена осадная машина. С. Лучицкая сразу же «устанавливает», что это античная модель оружия. Для нас в этом нет ничего удивительного, так как византийское средневековье XI–XIII веков и есть та самая «античность», о которой грезил гуманизм Возрождения. В устах же наших оппонентов это выглядит довольно странно. Как и то, что жители завоеванных крестоносцами земель Передней Азии (которых историки называют «мусульманами») поклонялись языческим богам Тервагену, Аполлену и Марго. Как и то, что они соблюдали обычаи древних язычников, содержали голубиную почту (известную в «древнем» Риме, но не в средневековой Европе), занимались зловерной магией, верили в переменчивость судьбы и возможность заглянуть в будущее. Параллели с «Китаем» весьма основательные!

Мало того. Хронист Бадри Дейльский обращает внимание на кочевой образ жизни иноверцев. По его наблюдениям, они не живут в городах, а передвигаются с места на место со всем своим скарбом, используя для этого вьючных животных, при этом берут с собой большие запасы еды, а также скот: быков и овец. Это уж и не мусульмане, и не древние греки, а прямо «монголо-татары»!

Гийом Тирский тоже рассказывает, что аборигены не занимаются земледелием и торговлей, а постоянно кочуют, ведя с собой домашний скот, рабов и слуганок. По его словам, сарацин привлекают лишь обширные пастбища, на которых они пасут свой скот. Все они живут, как и подобает кочевому народу, в палатках, питаясь «звериной добычей». Чем же в таком случае король Хорасана отличается от своего близнеца Чингисхана? Только тем, что Гийом Тирский описывает XI–XII века, а Чингис привел своих кочевников в Хорасан в XIII-м?

Перед историей, если она желает быть наукой, а не сборником сказок, встает проблема выработки версий, не противоречащих точно установленным фактам. Ерунда про «гениальных кочевников» не устраивает уже многих, прежде всего военных историков. Они, оставаясь на позициях традиционной истории, начинают задумываться: откуда, на самом деле, получили монголы знания о военном деле?.. Вот что пишет генерал-лейтенант М. Иванин:

«Приняв за несомненное, что монголо-татарские войска имели правильное устройство и соблюдали строгую дисциплину, что начальникам определен был их круг обязанностей, что конница их умела сражаться в поле, осаждала и брать крепости... рождается вопрос: откуда полудикие монголо-татарские пастухи могли получить такие сведения о всех отраслях тогдашнего военного искусства?..

А так как в то время в языческой, восточной части Средней Азии была полная веротерпимость, и имеются исторические сведения, что там христиан, особенно несториан, было немало, то, вероятно, они... сообщили некоторые сведения о военном искусстве римлян и греков, а эти сведения могли быть переданы и монголам».

Как вам нравится такое объяснение, с хронологической точки зрения? Христиане, придя в Среднюю Азию, передали язычникам науку воевать тысячелетней давности, при том, что там, откуда они пришли, эту науку хорошенько забыли!

Н.А. Морозов в первой половине XX века, отказавшись от традиционной версии полностью, выдвинул свою: версию «западного исхода» ига. В целом она менее противоречива, чем традиционная, но проблема в том, что имеется немало западноевропейских преданий о нашествии «тартаров» на саму Европу. К тому же его версия, как и традиционная, не обращает должного внимания на Византию: империя со столицей в Константинополе имела не только Западную, европейскую часть, но и весьма протяженную часть восточную, в которую входили и Хорасан, и, вполне возможно, Самарканд и даже Китай. Мы сейчас вернемся к этому вопросу.

Еще одну версию предложили Г.В. Носовский и А.Т. Фоменко. В соответствии с ней истоки «ига» нужно искать в России; это ее князья создали по всему миру орды, захватили Пекин и даже посадили на престол самого папу Римского. Но у князя малоизвестного русского города Ростова Юрия Даниловича, тем более, что и жил-то он во времена уже состоявшегося «ига», превратиться в повелителя половины мира было немногим больше шансов, чем у неграмотного кочевника из Монголии. И причины те же самые: отсутствие ресурсов, опыта государственности и идеологии.

А кто же из правивших тогда владык имел эти ресурсы, опыт и идеологию? Кто мог иметь «зуб» на крестоносцев-латинян, чтобы совершать набеги и на их земли? Кто мог привлечь на свою сторону Иран? Кто имел сильнейшее влияние на Россию?

Такой владыка был. Это лишенный латинянами константинопольского трона, бежавший в Никею византийский император. Для решения загадки нашествия надо обратить сугубое внимание на византийцев, оскорбленных крестоносцами, потерявших свою столицу, но не потерявших основных земель своей империи, включавшей в себя, вполне возможно, и Китай, и Индию. Византия организовала сопротивление, которое и названо теперь «татаро-монгольским» нашествием.

Была предложена новая версия: под именем Чингисхана скрывается действительный император Феодор I Ласкарис, а под именем хана Батыя — его зять Иоанн Дука Ватац.*

Никейский император, как и «великий монгольский хан», мог привлечь ресурсы не только России и Украины, но также Турции, всей Центральной Азии и даже Китая. Граждане его империи так же, как и в империи «монголов», исповедовали разные религии, и среди них тоже были мусульмане. Однако, в отличие от случая с незнамо как появившимся «великим властителем» из никому не ведомой Монголии, владыка из византийской династии, по представлениям того времени, ИМЕЛ ПРАВО на мировое господство.

Полагают, что никейская империя была слабым государственным образованием, зажатым между враждебными латинянами и турками. Даже иногда берут слово «империя» в кавычки. Но ответ императора этой «игрушечной империи» Иоанна Ватаца духовному владыке западного мира, папе Григорию IX, показывает, кто в доме хозяин:

«Хотя какая нам в том нужда знать, кто ты и каков твой престол? Если бы он был в облаках, то было бы нам нужно знакомство с метеорологией, с вихрями и громами. А так как он утверждён на земле и ни в чем не отличается от прочих архиерейских, то почему было бы недоступно всем его познание. Что от нашей нации исходит премудрость, правильно сказано. Но отчего умолчано, что вместе с царствующей премудростью и земное сие царство присоединено к нашей нации великим Константином? Кому же неизвестно, что его наследство перешло к нашему народу и мы его наследники».

Интересно, что в таком же стиле отвечает папе Иннокентию IV и хан Гуюк. Он мог это делать, только если представлял «власть от Бога», как это было в случае с византийскими императорами.

Нужно понимать, что империя состояла из множества частей, фем, и название «Византия» закрепилось только за территорией вокруг столицы, так же, как название «Московия» применяется сейчас не ко всей России, и даже не к столице, а лишь к Московской области. Но власть императора, сиди он хоть в Царьграде, хоть в Никее, или даже в Багдаде, простиралась на все эти фемы.

О временах Ласкариса и Ватаца в книге «История Византийской империи» содержится такое замечание:

«Турки-сельджуки... в сильной степени подверглись влиянию греческого мира... При Ласкаридах султаны Рума опирались на христианские полки».

Великая Ромея как мировая империя, можно предположить, присоединила Дальний Восток еще в XII веке. Причем известно, что китайцы того времени рассматривали династию Цзинь (Золотую) как иноземную и не прекращали борьбы против этих «римлян». Не исключено, что к 1230-м годам в империю Ласкариса входила и Монголия, а в войске Ватаца были монголы. По мнению Гумилева, их было 10% в войсках Чингисхана — и это как раз могло быть, если Монголия того времени была перенаселена. Правда, сам Чингисхан в этой версии перестает быть монголом, да и само название монголов следует отнести к разнородным жителям этих мест.

Тот же Гумилев сообщает:

«На Руси считалось, что существует лишь один царь — василевс в Константинополе. В Русской земле правили князья — самостоятельные властители, но вторые лица в иерархии государственности. После взятия крестоносцами Константинополя (1204) и крушения власти византийских императоров, титулом «царь» на Руси стали величать ханов Золотой Орды».

* Эта версия впервые опубликована в книге А.М. Жабинского «Другая история искусства».

Не проще ли предположить, что василевсы Константинопольские, уйдя от латинян на Восток, стали именоваться ханами? А на Руси их как звали царями, так и продолжали звать.

Об интересном факте можно прочесть у Г.В. Вернадского:

«В киевский период русскими еще не была тщательно выстроена теория монархии, поскольку русская политическая почва того времени сильно отличалась от византийской». *А вот после монголо-татарского владычества «московские монархические теории... во многих отношениях отражали византийскую доктрину».*

Это могло произойти, если византийскую доктрину принесло с собой византийское же владычество, только по названию — татаро-монгольское.

Империя «монгольских» ханов возникает, словно в ответ на захват крестоносцами Константинополя и появление Латинской империи, и распадается, когда после освобождения Константинополя от крестоносцев к власти в столице опять приходят византийцы.

Император Феодор I Ласкарис родился около 1175 года, до 1204 — деспот, с 1205 или 1206 — император никейский, умер в 1221 или 1222 году. Его зять Иоанн Дука Ватац родился около 1192 года, император никейский с 1221 или 1222, в 1224 или 1225 году разбил Алексея и Исаака Ласкарисов, в 1235 заключил союз с болгарским царем Иоанном II Асенем (Хасаном?). Для 1241 года мы имеем совпадение не только по имени (Ватац – Батый), но и по месту, ведь в один и тот же год по традиционной же версии и Ватац и Батый находятся со своими армиями на Балканах, не мешая друг другу.

Батыеведы обычно не интересуются византийской историей. Эллинофилы не обращают внимания на монгольские походы. А в результате греко-иранские и монгольские войска, одновременно находясь в одном и том же месте «истории», не заметили друг друга!

В 1242 году (?) власть Ватаца признала Фессалоника, в 1252 — Эпир. Умер он в 1254 в Нимфее, когда судьба Латинской империи уже была предрешена. Почитается в Турции как святой.

Воспользовавшись случаем, укажем еще и параллель с эпохой Александра Македонского. Александр, как известно из сочинений историков, был большой философ, ученик Аристотеля. Царь Филипп («Любитель коней») постарался дать сыну всестороннее образование, нанимая для него лучших учителей. А вот что пишет о сыне Ватаца, Феодоре II Ласкарисе, Ф. Успенский:

«Сыну своему Ватаца дал самое широкое философское образование под руководством Акрополита и лучших учителей... От природы Феодор получил блестящие способности, вкус к наукам привился легко, но развился он слишком рано, характер его с юности был надменный, насмешливый, увлекающийся и неуравновешенный...»

В личности Феодора преклонение перед наукой является органическим, служит краеугольным камнем мирозерцания... Учением Аристотеля проникнуты философские сочинения Феодора... Ссылаясь на учение Аристотеля о материи и форме (в трактате «Об общении природных сил»), Феодор развивает тезис, что образование для человека является тем же, чем форма — для материи. Образование — вторая, высшая природа человеческой личности...

Ни в чем не выразилось его чувствительность так ярко, как в оставленных им церковных песнопениях. Таков его Канон Богородице: «Колесницегонителя Фараона погрузи...»

Вы только вдумайтесь! Православный византийский император XIII века пишет о фараонах, когда никаких фараонов с их колесницами в христианскую эпоху не было (если верить скалигеровской хронологии). Свою деятельность основывает на учении язычника Аристотеля. И кстати, Феодор II Ласкарис яро преследовал колдунов и прочих чародеев, столь наводнивших его земли; он заключал в темницу даже знатных людей, если появлялось подозрение, что они занимаются колдовством.

«Татаро-монголы» оттянули на себя слишком много внимания историков и читателей исторических сочинений. А Восточная Византия, наоборот, вниманием обделена. Случайно ли, что С. Дашков в своей книге «Императоры Византии» уделит Феодору II очень мало места?

Гипотеза о том, что Феодор I Ласкарис известен ныне как Чингисхан, а Ватац — как Батый, не хуже и не лучше других. В таком случае наша история приобретает следующий вид. Отойдя в 1204 году в малоазиатскую часть Византийской империи — румский султанат, Феодор I Ласкарис с помощью немногочисленного, но хорошо вооруженного и обученного войска создал на землях Иконии военное государство: Никейскую («монгольскую») империю и

обратился за помощью к союзнику Византии — Киевской Руси. Однако вслед за Египтом и Сирией юго-западная Русь проводила в то время политику независимости.

В 1223 году никейские войска перешли Кавказ, но были атакованы князьями Чернигова, Киева и Галича (возможно, их подговорили братья Ласкариса, перешедшие на сторону западных рыцарей). Греческие войска Ласкариса одержали победу, но потом были разбиты волжскими болгарами. Через десять лет преемник Ласкариса Иоанн III Дука Ватац (Батый) основал в низовьях Волги свою ставку. В 1235 году ему удалось взять г. Булгар.

Но что за «татарове» брали Рязань в 1237 году, а Владимир в 1238, осаждали Козельск, совершали прочие погромные деяния на русской земле? Возможно, это были войска того же Ватаца, но, возможно, прав Н.А. Морозов, предполагая, что это — деяния Ордена Святого креста, стоявшего в это же время в Татрах и получивших по месту своего нахождения название татарове, то есть татаровцы, жители страны Татар, Татр. Если так, то орденское (ордынское) войско, состоящее из разноплеменных кочевников и западных славян, с командирами из числа рыцарей-крестоносцев подошло к границе Рязанского княжества, и при отказе князей Рязани и Владимира подчиниться последовал штурм и перемена власти.

В такой истории татарами оказываются западные крестоносцы, а монголами — или моголами, то есть Великими — византийцы. В первой половине XIII века «монгол» Ватац-Батый, имея своей главной целью борьбу с европейскими крестоносцами, двинулся через Киев на Европу. Возможна и дополнительные толкования: поскольку в Европе шло противостояние папы Римского и императора Священной Римской империи Фридриха II, то «татарами» могут оказаться войска кочевников, нанятых папой для разгрома сторонников императора.

В это время какой-либо из представителей династии Ласкарисов (известный нам как Угэдэй) утвердился в Хорасане, создав государство хулагуидов со столицей в Харахорине — Тегеране. Если отождествить эту столицу с «монгольским» Каракорумом, становятся достоверными легенды о поездках русских князей из Сарая-на-Волге в этот Карако-РУМ: ведь Тегеран значительно ближе, чем неизвестно куда девшийся городок на реке Аргун в Забайкалье.

Г.В. Вернадский так и пишет: *«Никейская империя традиционно находилась в дружеских отношениях с монголами в Иране»*. Нам представляется важным, что сохранившиеся документы «монголов», в частности письма ханов римским папам, написаны на персидском языке. Речь, скорее всего, следует вести не о дружеских отношениях Никеи с Ираном (и Турцией), а о государственном союзе и общей политике.

Естественно, правящие династии разных стран этого региона роднились между собой, а самой высокой из них была династия ромейских (византийских) императоров. К тому же, оказавшись в новом религиозно-политическом окружении, члены ромейской династии, оставшиеся на востоке империи после 1261 года, из политических причин без тени сомнения могли отойти от православия, и стать правоверными мусульманами. Они, конечно, хорошо помнили, что именно заигрывание христиан восточных с христианами с Запада привело к крестовым войнам и неисчислимым бедствиям на их земле.

Понимая это, можно легко понять и ту уверенность турецких султанов, с которой они, после захвата в 1453 Константинопольского престола, объявляли себя наследниками Византии: правоверные члены правящей верхушки империи, скрывавшиеся «в тени» в качестве региональных руководителей, совершили государственный переворот.

М.М. Постников пишет:

«На самом деле это «завоевание» (Константинополя турками. — Авт.) было, судя по всему, довольно спокойным «верхушечным» переворотом, мало затронувшим массы. Пришедшие османы просто сбросили правящую верхушку и сами сели на ее место.

...Надо полагать, что современные турки — это потомки средневековых ромеев, перешедших в мусульманство и воспринявших вместе с религией язык своих господ, подобно тому, как современные греки — это потомки тех же ромеев, но оставшихся верными христианству и родному языку».

Причины событий были сложными. Здесь смешались и экономика, и политика, и религия. Турки могли бы взять Константинополь полувеком раньше, но это помешало бы международной торговле, которую в основном держали венецианцы и генуэзцы. Ведь через территорию Малой и Передней Азии пролегли трассы Великого шелкового пути. И что же? В 1402 году пришел Тимур из Самарканда и навел порядок в «монгольском» мире. Ведь турецкие эмиры тоже имели монгольские, а на самом деле византийские ярлыки! Так Тимур не только спас Константинополь, но и защитил интересы европейских торговцев.

А к 1453 году уже повсюду развилась морская торговля, корабли европейцев бороздили океаны, и это было стократно выгоднее торговли сухопутной. Константинополь как ворота в Азию потерял свое значение, и за его спасение некому было платить. В итоге на его защиту, кроме местных латинян, по призыву папы отправились войска лишь Польши и Венгрии, причем за свой счет.

Причины войн и многих других исторических событий надо искать в экономике, в международной торговле.

Что происходило 200–300 лет назад, полностью зависит в нашем сознании от интерпретации историка. Документы одного и того же времени, как правило, противоречат друг другу. Достаточно было поверить лишь одной стороне, и объявить о «турецком завоевании», как сразу на этом мнении выстроилась историческая традиция, опровергнуть которую практически невозможно. Если же речь идет о еще более давних событиях, то разобраться тем более трудно.

XIII век сейчас представляют, как время бандитов (пришли то ли татары, то ли монголы грабить русских), а на самом деле — это рассказ о борьбе Византии и Западной Европы за политическую и духовную власть над миром. Традиционная версия, выводившая «татар» из «Монголии» возобладала, поскольку была востребована определенными кругами и европейского, и российского общества, потому что была полезна им на тот момент.

Затем появилась версия Н.А. Морозова о западном происхождении татаро-монголов, версия, поддержанная С.И. Валянским и нами. Но она недооценивает политическое значение византийских императоров во весь этот период. И это, конечно, должно быть исправлено.

Военная тактика «мусульман»

Из книги С. Лучицкой «Образ другого» следует, что в хрониках Крестовых походов мусульмане нигде НИ РАЗУ не названы мусульманами или магометанами. Средневековые писатели употребляют термины *gentiles* (язычники), *pagani* (опять же язычники, не христиане), *infideles* (неверные), *perfidii* (вероломные). Почти все эти термины могут быть применены и к античным язычникам, и к схизматикам, и просто к врагам. В русских летописях точно также НИ РАЗУ не появляется слово «монгол», а пришельцев чаще всего зовут *поганые* (*pagani*), *тартары* (*tartari*, адские люди) или *татарове* (жители страны Татр).

В предыдущей главе мы писали, что европейцы обнаружили среди своих врагов и кочевников, и войска, применяющие «греческий огонь». Они увидели «диких язычников», но и воинов, использующих сконструированные искусными инженерами военные машины. Удивительно ли, что единый образ врага в интерпретации историка распался на многие составляющие. Это араб и турок, это античный грек, поклоняющийся украшенным золотом и драгоценными камнями идолам Юпитера и Аполлона, и монгол, кочующий со стадами быков и овец, живущий в юрте... То, что перед нами — одновременно и языческая «античность», и эпоха арабских завоеваний, и времена Крестовых походов и Монгольской империи, — в рамках жестко заданной схемы остается незамеченным.

Эпохи накладываются друг на друга. Мы неоднократно писали об этом, и анализ хроник Средневековья подтверждает наши выводы. Надо только понимать, что каждый хронист повествует лишь о части правды. Он пишет в меру своего разума и в тех терминах, к которым привык. Затем «первичные» историки вроде Фукидида обобщали разнообразные сведения о своей эпохе, «подгоняли» терминологию под свой шаблон, а история представала как бы в другом свете.

Историки скалигеровской школы понять этого просто не в состоянии. Они давно уже выработали «свою» терминологию, и выстроили «свою» историю из собственных догадок и словечек. «Татаро-монголы» — хотя такого этноса нет и не существовало никогда. «Древняя Греция» — но не было такой страны ни на каких картах. И карт не было. «Мусульмане» — хотя ни о каких мусульманах очевидцы событий не пишут. Трудно поверить, но С. Лучицкая — ученый, специалист по хроникам той эпохи, причем специалист серьезный и обстоятельный, насколько можно судить по ее книге, — сообщив, какие слова употреблялись хронистами вместо слова «мусульмане», тут же утверждает, что «*описание... вооружения мусульманских воинов занимает немалое место в хрониках...*» Схема сама диктует историку, что писать!

Представьте себе, что вы — офицер, и вас назначают командовать полком, ведущим боевые действия. Но когда вы отбываете к месту дислокации полка, вам дают карты местности, где стоит совсем другой полк, список личного состава третьего полка, и донесения разведки вообще другой войны. Приехав на место, вы обнаруживаете не французских уланов, а немецких танкистов, и прочие удивительные вещи. И вот, вы отправляете рапорт в генштаб: дескать, все здесь говорят по-немецки, вместо костелов кирхи, и ружья кирпичом не чистят. Однако, оставаясь в рамках заданной схемы, вынуждены сообщать далее, что французы ведут сильный пулеметный обстрел с редутов, а маршал Ней наслал на вас авиацию. Вот такая история.

Но вернемся к ближневосточным событиям XII века.

Итак, способам ведения войны и вооружению противника в хрониках европейских очевидцев уделено немало места. Хронистов поражает умение азиатов выпускать «дождь стрел» и избегать прямых столкновений. Гвиберт Ножанский сообщает:

«Нашим же (европейцам) по опыту неизвестна была такая живость в верховой езде и такая поразительная ловкость в умении избегать наших натисков и атак, особенно потому, что наши не имели обыкновение пускать стрелы или же сражаться во время бегства».

И Роберт Монах, и Фульхерий Шартрский, и Тудебод говорят о луке и стрелах как наиболее распространенном оружии азиатских воинов, а также об их резвых боевых лошадях.

А мы скажем, что точно так же и «древние» авторы — Геродот, Ксенофонт — противопоставляли «своих» тяжеловооруженных воинов «чужим» всадникам и стрелкам из лука, кочевникам, которых они рассматривали как варваров.

«Арабы или сарацины, уже с давних пор принадлежали к варварам-всадникам, которых римляне брали к себе на службу и из которых формировали свою кавалерию», — говорит историк, Ганс Дельбрюк. А ведь самого слова «араб» не было как минимум до VII века н.э. То есть крестоносец XII–XIV веков мог написать слово «араб», а «традиционный» римлянин — нет. Хотя в «древнеримских» трудах оно иногда попадает, в качестве анахронизма.

Сарацины часто были вооружены пращами, а также имели щиты иной, нежели у христиан, формы. Примечательно, что европейцы изображают всадниками турок, а арабов и эфиопов — преимущественно пехотинцами, сражающимися копьями. Рауль Канский так описывает победу крестоносцев: *«В тот момент уже ни араб копьём, ни турок луку не могут доверять».*

Раймунд Ажильский и другие хронисты заявляют, что сарацины вообще не имеют обыкновения сражаться мечом. Крестоносцы же почти не использовали лук, редко сражались копьем, а в основном махали мечами. У Роберта Монаха никейский султан Кылыч-Арслан говорит о христианах — тоже, кстати, не называя их христианами: *«Все прочие народы опасаются наших луков и боятся наших стрел, но эти (франки) поскольку покрыты броней, боятся наших луков не больше, чем соломы, а наших стрел — не больше, чем палицы».*

Француз Амбруаз, о турках: *«Они называют нас «людьми железа», так как у нас есть оружие, защищающее наших людей, а турки взваливают на спины свои стрелы и атакуют нас своей массой».*

Раймунд Ажильский: *«Турки же или арабы, как увидели, что уже не стрелами в дальнем бою, а мечами в ближнем бою надо сражаться, обратились в бегство».*

Как правило, историки не замечают всей степени преувеличения, свойственной хронистам как при указании численности сражавшихся и погибших, так и в описании различий в тактике у сарацин и франков. Смысл европейских рассказов в том, что рыцари — честные воины и сражаются в открытом бою, а сарацины стараются избежать боя, проявляя трусость или хитрость. Из хроник можно сделать вывод, что франки (европейцы) все время преследуют сарацин (азиатов), но никогда не настигают их. Затем хитрые азиаты, меняя коней, возвращаются к уставшим франкам и уничтожают их. Они *«окружают нас, уповаю на свою многочисленность, таков способ сражаться у сарацин»*, — говорит Бодри Дейльский. Петр Тудебод пишет, что сарацины приканчивают раненых, *«жестоко рубя головы мечом».* Так что мечи у них все-таки были.

И Фульхерий пишет, что сарацины постоянно прибегают к коварству и различного рода уловкам. То стремятся пустить стрелу в спину храброму воину, то убить коня под ним. Подлые и вероломные, пишет Гвиберт Ножанский, *«они имеют обыкновение, отрубив головы противникам, забирать их в знак победы и выставлять напоказ».*

Авторы хроник XII–XIII веков все же признают воинственность и смелость азиатских воинов. Бодри Дейльский именует их всех *«мужами даровитыми, хитрыми и воинственными, но — о, горе! — далекими от Бога»*, а Альберт Аахенский называет турок *«мужами-воинами, прославившимися в военном искусстве»*.

Основой противостоящих европейцам войск была тяжелая конница. Это была сильная кавалерия, сражавшаяся в плотном строю, как говорят, на византийский манер. А она и была византийской, хотя чаще такую кавалерию называют турецкой. Легкую же кавалерию составляли отряды народов, подчиненных султану, или находящихся с ним в союзе: арабов, бедуинов, сербов, валахов, татар, персов. Этим же отличались и монгольские войска: наличием легкой конницы при отрядах тяжело вооруженных всадников.

А различия в тактике ведения боя между разнообразными местными войсками и европейцами сводились к следующему: первые применяли сложные тактические приемы — ложное отступление и заманивание противника; а вторые — европейцы, действовали прямолинейно и неосмотрительно. То же самое мы видим и в случае с «монголами». Плано Карпини писал о принятом у них притворном отступлении и о том, что начальники их «стоят вдали против войска врагов». Эту же тактику историки находят, говоря о византийцах:

«Сила византийской конницы была в ее универсальности. Она могла использоваться для таранного удара или врассыпную. Все кавалеристы (кроме «контосеров») владели луком и, в случае неудачной атаки, тяжелая конница, рассыпавшись, могла применить это оружие... Собственно иначе и быть не могло, потому что границы государства (Византии) окружали народы скотоводов, воины которых в первую очередь в бою применяли луки. Чтобы научить этому искусству своих конников, по приказу Юстиниана было даже выпущено специальное пособие: «Руководство для стрельбы из лука».

Для порядка отметим, что Юстиниана традиционная история относит на V век н.э., который лежит на той же линии № 4 нашей синусоиды, что и «крестоносный» XII век и, кстати, IV век до н.э., время Александра Македонского.

Вот мнения разных специалистов.

Д. Зенин (в статье «Реабилитация Чингисханова воинства»):

«Вооруженные силы, имевшиеся в распоряжении Чингисхана, состояли из национальной знати — рыцарей — и феодально-зависимой легкой конницы — лучников».

Б. Лиддел-Гарт («Энциклопедия военного искусства») сообщает, что основой византийской армии во времена Юстиниана была тяжелая конница, вооруженная луками и пиками. Ее поддерживала легкая конница, состоящая из лучников.

Г. Брикс пишет:

«Когда Александр по возвращении из индийского похода задумал слияние народа и войска македонского и персидского, он из последнего зачислил в гетеры (тяжелая конница) некоторое количество юношей... и вследствие этого образовалась 5-я гинпархия. Она хотя и не состояла вся из варваров, но тем не менее таковые были в корпусе гетеров... С завоеванием Персии многие ей подвластные или платившие ей дань племена перешли под власть Македонии, и потому в войске Александра появились всадники (легкая кавалерия): арахозские или паропамизские, бактерийские, согдианские, скифские, дрангийские, арийские и парфянские, а по временам даже и индийские».

Говоря привычным нам языком, войска Александра, в параллель и войскам Чингисхана, и войскам Ласкарисов, были многонациональными. К тому же от племенной принадлежности воина зависело и деление конницы на тяжелую и легкую. И пехота была во всех случаях.

Обученные китайцами монголы в XIII веке, как это ни удивительно для историков-ортодоксов, воюют совершенно по-византийски:

«Конный бой начинался, только когда вражеские воины и их кони уже были сильно ослаблены стрелами. Тогда монгольские лавы следовали одна за другой, поражая противников копьями и саблями. В начале атаку производили средневооруженные конники. Завершался бой атакой ударных подразделений тяжеловооруженной конницы, которая направлялась в наиболее слабые места во вражеских боевых порядках. Если все же с первого раза не удавалось рассеять противника, атаку возобновляли, и действовали так до тех пор, пока враг не дрогнет».

Это пишет В. Тараторин, и тут же пытается исправить впечатление от своих же слов: и вооружены-то монголы не так, как европейцы, и столкновение с рыцарями не выдерживают. Все это естественное желание традиционного историка показать *инаковость*:

отличить монгола от турка, турка от араба, араба от византийца, а последнего — от европейского рыцаря.

А Франко Кардини приводит данные, которые позволяют увидеть прямую параллель между тактикой древних парфянцев и тактикой как монголов, так и византийцев. Хотя расцвет Парфянского царства, существовавшего якобы на юго-восток от Каспийского моря, пришелся на I век до нашей эры, его военные достижения известны римлянам III века н.э. — и то, и другое находится на одной и той же линии веков (если смотреть по «римской» волне синусоиды):

«Конечно, ударные отряды иранской кавалерии не были вообще непобедимыми, вернее сказать — были непобедимыми при определенных условиях и на определенной местности. Так, в ходе кампании 271 г. знаменитые пальмирские клибанарии были разбиты римской легкой кавалерией, состоявшей из мавров и далматинцев, которые пустили в ход старую парфянскую военную хитрость: сначала притворное бегство, затем неожиданная атака на утомленного преследованием противника».

В нашей версии эти «римляне» — просто ромейские (византийские, то есть никейские или турецкие) войска ласкаридов, подчиняющих себе Иран и прочие страны региона. И до XIII века византийским императорам приходилось усмирять подвластные земли, а уж тем более, когда они оказались в изгнании. Выбитые в 1204 году франками из Константинополя = Рима на Восток, они вынуждены были организовывать сопротивление западным европейцам, а для этого — объединять силы.

Интересно, что Феодор I Ласкарис, дабы подчинить себе Турцию, пошел на поединок с турецким султаном, и убил его (султана подзуживал тесть Феодора, бывший император Алексей III Ангел, которого Феодор впоследствии отправил в монастырь). Причем третьей женой Феодора стала сестра латинского императора Генриха I, а свою дочь он сосватал за императора Роберта.

Представление о том, что западные страны, все как одна, вели борьбу с турками («мусульманами»), а Византия была форпостом этой борьбы в Азии — непростительное упрощение. Бывало, что европейцы дрались на этих землях между собой, а греки входили в союз с «мусульманами». В XIII веке Фридрих II Гогенштауфен проводил в Италии провизантийскую («промонгольскую») политику. А в XV веке, по словам Я. Буркхардта, не было ни одного итальянского государства, которое не заключало бы военный союз с Турцией против другого или других.

Но самое поразительное, что многие хронисты считают турок и франков одним народом, ведь и те и другие имеют троянское происхождение. И тут мы понимаем, что Крестовыми походами названы впоследствии гражданские войны династического свойства, с участием представителей всех племен некогда единой Византийской (Ромейской, Римской) империи. Религиозного начала в них было мало. Так, писатель XII века Ришар Пуатевинский рассказывает о том, что пророк Мухаммад был изгнан из христианской земли, и его *«неверный народ удалился от нас и равным образом от Римской империи и христианской веры»*. А некоторые авторы вообще называют Мухаммада римским кардиналом, отлученным за ересь от римской церкви.

Религиозную подоплеку вносят в историю сами историки! Ни один хронист не называет местных жителей мусульманами, зато многие отмечают их идолопоклонство. Между тем, в книге С. Лучицкой слово «мусульмане» встречается столь часто, что у читателя невольно складывается неверное представление о всей эпохе. А заодно историк выражает недоверие тем сообщениям очевидцев, которые противоречат ее «схеме», например, о статуях Мухаммаду, которые они видели в «мусульманских» странах. Вот как она пишет (выделено нами):

«Если хронисты начала XII в. рассказывают об идолопоклонстве мусульман и описывают статуи Мухаммада в храмах, то Гийом не рисует такие фантастические картины... Поразительно, что и намного позже, в конце XIII в., известный паломник Одорико де Форто рассказывал о том, что находившийся на священной горе Мория храм Куббат-ас-Сахра был предметом особого почитания у мусульман именно потому, что там якобы можно было увидеть нарисованное изображение Мухаммада... Если Гийом не рассматривает мусульман как идолопоклонников, то немецкий автор Оливер Кельнский (1170–1227) даже осознает, что мусульмане могут приписать идолопоклонство христианам... Еще дальше идет францисканский монах Фиденций Падуанский (1266–1291): он хорошо знает о том, что у мусульман запрещены изображения пророка и вообще людей; по его словам, мусульмане, упрекая христиан в идолопоклонстве, имеют в виду почитание ими Троицы (то есть многобожие. — Авт.)».

Историку приходится делать вывод, что Фиденций — самый «правильный» свидетель в вопросах веры. А Одорико не демонстрирует тонкостей знания ислама. В вопросах же военной тактики у историка нет шпаргалки, поэтому в книге о крестовых войнах то и дело мелькают противопоставления типа «эллины – варвары» и «римляне – варвары». Разумеется, С. Лучицкая далека от того, чтобы осознать: эллины, римляне и византийцы — одно и то же.

Параллели с «древностью»

Описания античных сражений, кочующие из учебника в учебник (в частности, приведенные Е.А. Разиным в «Истории военного искусства») опираются на античные же источники, то есть сочинения античных писателей. А о них Ганс Дельбрюк высказал такое вот мнение:

«Эти писатели вовсе не стремятся рассказывать о том, что было на самом деле или что данные события развертывались именно так, как это они хотят изобразить, заставив читателя верить их рассказу, но они прежде всего стремятся к тому, чтобы своим ораторским искусством произвести на читателя определенное впечатление... Объективно недостоверно не только то, о чем эти источники говорят самым определенным образом, но еще более недостоверны те выводы, которые извлекаются из их описаний, так как сами авторы, создавшие эти описания и эти ассоциации мыслей, не смотрели на них как на объективные картины реальной действительности».

Итак, историк говорит: очевидцы древних событий описывали не то, что было в действительности, а выводы исследователей этих текстов — наших современников, и вовсе недостоверны. Короче, все было совсем не так, как на самом деле. При этом Дельбрюк остается в уверенности, что античные писатели жили до нашей эры. Мы же в дополнение к его сомнениям в верности понимания текстов историками утверждаем, что жизнь писателей и описанных ими войн неправильно хронологизирована, а войны зачастую и неправильно локализованы.

Теперь обратимся к книге С. Лучицкой «Образ другого». Книга имеет подзаголовок «Мусульмане в хрониках крестовых походов».

Читаем:

«...В какой мере созданный хронистами образ мусульман отвечает действительности, как отделить фантастические элементы от реальных деталей? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны были бы сопоставить то, что говорится в тексте, с тем, что известно — по другим источникам, сообщающим «достоверные» сведения о «реальных» мусульманах. Такой метод ... представляется вполне оправданным. Выявляя «зазоры» между исторической действительностью и фантазиями хронистов, мы могли бы выяснить, в какой мере хроники передают не только вымысел, но и реальность, а значит, разрешить вопрос о том, какую роль играет историческая реальность в повествовании хронистов, что субъективного приносят они в свое изложение».

В целом задача поставлена правильно, однако мы видим здесь, что, по мнению С. Лучицкой, историкам известна «реальность» прошлого. На самом-то деле известна лишь, — и об этом можно говорить уверенно, — только некая СХЕМА исторического развития, разработанная разрозненными мыслителями XVI–XX веков. И взявшись «разделять» реальность и вымысел в текстах европейских хронистов XII–XIII веков, С. Лучицкая просто проверяет их на соответствие схеме. А в схеме есть античность (до н.э.), населенная греками и варварами, и средневековый мир, населенный христианами и мусульманами.

Никем не доказано, что если хронист XII века пишет «варвар», то он имеет в виду непременно мусульманина. Однако читаем у С. Лучицкой:

*«Мусульмане не случайно называются варварами. Этот термин существовал еще в античной традиции. Для греков варвары — народы, не занимающиеся земледелием и не имеющие городов. В хрониках термин чаще всего употребляется в оппозиции «варвар–латинянин». Гвиберт Ножанский придает этому термину еще более точный смысл: для него *barbarae nationes* — те, кто отличаются от латинян, франков по своему языку и своим обычаям».*

Такой «точный смысл» совершенно точно ведет к признанию варварами даже христиан: например, греков и армян, которые отличаются от латинян по своему языку и своим обычаям.

Далее анализ средневековых хроник приводит историка к выводу, что из всех варваров своим числом и исключительной ролью выделяются турки, арабы и сарацины. Что это за нация такая, сарацины? По мнению европейских теологов, это искусственный термин для обозначения врагов христиан, произошедших от Агари, египетской наложницы Авраама. В таком случае, сарацины — не отдельный народ, к их числу относятся и турки, и арабы, а называться они должны агарянами (как предлагал Матвей Парижский). Но вот, воины Христа в своих записках называют кого-то, помимо турок и арабов, сарацинами, от имени законной жены патриарха — Сары, от которой, по мнению тех же теологов, произошли... христиане. Может, в некоторых случаях под именем сарацинов скрываются греки, — тогда хотя бы понятно, почему они находятся в одной компании с турками и арабами, противостоящими «не варварам» — латинянам.

Итак, терминологический и теологический анализ не позволяют определиться с этнической картой ближневосточного региона времён крестовых войн. Однако хронисты не всегда ограничивались обзываниями своих врагов «неверными» или «вероломными», — как видим, они записывали и названия народов! Что же это за названия, помимо турок, арабов и сарацинов? Вот они в той последовательности, как изложено в книге «Образ другого»: ливийцы, ассирийцы, индийцы, финикийцы и даже эламиты. В хрониках встречаются также персы, мидяне, халдеи.

Разумеется, упоминание «древних» народов наряду с «реально», по мнению С. Лучицкой, существовавшими есть факт если не прямой фантазии, то заблуждений хрониста. *«Рисуемая хронистами этническая карта Ближнего Востока основана на произвольных сведениях античных историков, например Помпея Трога»,* — пишет она. Так и должно быть, если оставаться в рамках заранее заданной схемы.

Однако предположим, что кто-то из хронистов и в самом деле нашел древнюю рукопись Помпея Трога и прочел в ней о жившем когда-то народе, — например, «финикийцах», то есть жителях страны Финикии, которая уже в VI веке до н.э. была ликвидирована, будучи завоеванной персами. А позже ее добил Александр Македонский. Где эта страна находилась, и кто из «варваров», отличающихся от хрониста по своему языку и своим обычаям, наследник тех финикийцев, не может знать ни хронист, ни сами варвары. Ведь согласно традиционной истории, с тех пор прошло ПОЛТОРЫ ТЫСЯЧИ ЛЕТ! * И вдруг этот хронист пишет в своей средневековой летописи, что вот, бродят здесь финикийцы... эламиты... другие всякие народы. А ведь он хочет, чтобы читатель его понимал, иначе и читать-то никто не станет!

Он так жаждет понимания, что зачастую пытается пояснить, что имеет в виду. Вот что получилось у Гвиберта Ножанского:

«Парфяне, которых мы неверно называем турками».

Парфяне, как утверждают историки, до II века проживали в Иране, Персии «по-старому». Так случайно ли, что, по сообщению Фульхерия Шартрского, папа Римский в своей речи на Клермонском соборе говорил: «Турки, народ персидский»?

С. Лучицкая вынуждена писать: *«Под турками хронисты подразумевали сельджуков, завоевавших Малую Азию и Палестину».*

И дальше: *«Под термином «персы» подразумеваются те же турки-сельджуки».*

И еще дальше: *«Этническая карта Ближнего Востока, которую чертят хронисты, ничем не отличается от античной. Древние наименования (такие как «парфяне, «мидяне» и пр.) употребляются для обозначения мусульман. Описывая мусульман Ближнего Востока, хронисты на самом деле излагают античную историю».*

А теперь вспомним: несколько страниц назад выяснилось, что средневековые хронисты, описывая систему верований тех же «мусульман», на самом деле излагали систему верований античных греков... Разве не так?

Рауль Канский и другие сообщают о колоссальной статуе Мухаммеда; искусствовед К. Муратова отмечает совпадение этих описаний с античным «идолом» — изображением Юпитера Капитолийского. В героических песнях нередко говорится, что в городе Кадисе вплоть до середины XII века стояла огромная статуя Геркулеса. Песня «Фьерабрас» повествует, как французские рыцари Ролан, Ожье и Оливье обнаружили роскошные, покрытые золотом статуи богов Тервагана, Аполлена и Марго. И так далее, и так далее.

* В московском метро нам однажды посчастливилось увидеть рекламное объявление: «Иностранная компания, использующая многотысячелетний опыт в новейших высокоэффективных разработках, приглашает...», и так далее. Нам почему-то кажется, что текст листовки составлял историк.

На этой же линии веков № 3–4, но на 2-м траке, в «домусульманский» период, в Царьграде тоже были античные статуи:

«Христодор уже на грани V и VI вв. составил поэтическое описание... античных статуй, стоявших в одном из общественных зданий Константинополя».

Это — V–VI столетия, и наличие памятников не удивляет ни нас, ни историков-ортодоксов. Но ведь по сообщениям крестоносцев, они видели подобные статуи Юпитера, или императора Адриана в образе Юпитера в храмах Палестины и других местах существенно позже, когда их вроде бы и не должно здесь быть! Фулькерий Шартрский, посетивший Константинополь в XII веке, восклицает: *«Какие чудные статуи на площадях и улицах»*, и амьенский рыцарь Роберт де Клари вторит ему:

«Повсюду стояли конные статуи императоров, сделанные из бронзы. На spina ипподрома стояли статуи мужчин, женщин, лошадей, быков, верблюдов, медведей, львов и всяких других зверей — все из меди, сделанные так хорошо и естественно, что ни в языческих, ни в христианских странах не найдется мастера, который мог бы лучше воспроизводить образы... Вот Беллефон верхом на раскрывшем крылья Пегасе; вот Геркулес великого ваятеля Лизимаха в своей львиной шкуре... вот сфинксы с берегов Нила...»

Неужели это те же самые памятники, которые стояли здесь в V–VI веках? Или они сохранились от веков «до н.э.»? Но они же должны были разрушиться от старости, или пострадать от войн или религиозных фанатиков! Почти полтора столетия (с небольшими перерывами) здесь шла гражданская война 726–843 годов, названная эпохой иконоборческих войн. Неужели памятники, установленные еще за тысячу лет до этого, устояли?

Наконец, их давным-давно сбросили бы на землю землетрясения. Летописцы зафиксировали опустошительные землетрясения в 438, 450, 525, 528 (29 ноября), 536, 554 (16 августа), 557 (7 октября) 558 (14 декабря), 582, а в 599–600 годах в сопровождении эпидемии чумы. Это, конечно, даты традиционной истории. Были землетрясения и в VIII веке, — одно произошло незадолго до кончины императора Льва III Исаурийца, и в IX веке они были, а в 989 году почва колебалась столь сильно, что частично обрушился даже храм Св. Софии.

Сами же историки уверяют, что между 404 и 960 годами только Константинополь пережил 18 тяжелейших землетрясений. На периферии империи они также вели к гибели материальных ценностей. А потому, если в XI–XII столетиях европейские крестоносцы обнаруживают на этих землях античные статуи, то, очевидно, их должны были установить ПОСЛЕ землетрясений!

Историкам следует принять тяжелое решение. Если средневековые крестоносцы в своих записях описывают не крестовые войны, а античность, то придется делать выбор. **Или 1)** о *так называемых* крестовых войнах нет в действительности ровным счетом НИКАКИХ данных, и нужно выкинуть всю эту эпоху из истории, **или 2)** крестоносная эпоха — это и есть античность, а хронология требует серьезной реконструкции.

Повторим изумительную фразу С. Лучицкой:

«...Хронисты на самом деле излагают античную историю».

Новой хронологии пока еще нет. Ее только предстоит создавать. Но мы, в соответствии с любым из двух выше означенных пунктов, получаем возможность заявить, что войны турок с монголами конца XIII–XIV веков — это и есть знаменитые римско-парфянские войны I века до н.э. Трудно с ходу разобраться, кто скрывается в «древней истории» под именем римлян (так же, как кто в истории средневековой скрывается под именем варваров). Это могут быть воины императора, занимающего Константинопольский (Царьградский) престол, или никейского императора, или бойцы, прибывшие из Южной Италии, до середины XV века входившей в состав Византийской империи. Это могут быть и войска турецкого султана, императора Румской (Римской) империи. Почему нет?

Судить о ходе событий, — о направлении, так сказать, процесса, — можно отнюдь не только на основе фраз типа «Парфяне, которых мы неверно называем турками», или «Турки — народ персидский». Это «направление» показывает нам анализ стилей искусства и литературы, то есть сравнение описаний, в том числе войн, а также и анализ применяемой в войнах тактики и стратегии.

В истории древних парфян знаменито сражение с римлянами в 53 году до н.э. при Каррах. Место боя историки установили недалеко от Эдессы (Урфы). Возможно, археологи нашли там наконечники стрел и решили, что это и есть Карры; ведь каждому из них хочется найти место, упомянутое в древней истории.

Если приложить к этому сражению нашу синусоиду («римской» волны), то дата ляжет на линию № 5, это XIII век. А на северо-востоке Турции есть город Карин,

расположенный у истоков Евфрата. В XIII веке здесь, как и по другую сторону реки, проходили бои между турками и монголами (а где они не проходили?). Ф.И. Успенский, основываясь на средневековых текстах, описывает их так:

«Чормагун с 4 туманами вторгся в Армению и Грузию, взял богатый Гандзах (Елисаветполь)... Преемником ему был назначен его сотрудник Бачу, начавший с разорения Карина (Эрзерум). Теперь не могло быть и речи о греческом влиянии на Кавказе... Могущественного Ала ад-дина Кейкубада сменил слабый преемник Гиас ад-дин Кейхозрев (1236–1245 или 1238–1246), вместо войн и управления возлюбивший магию, редкостных зверей, вино и женщин. Его покинули лучшие полки, и, когда приблизились монголы Бачу, [то] подчиненные Конии (то есть Турции, – Авт.) государи — между ними и трапезундский — заняли выжидательное положение. В окрестностях Сиваса (Севастии) Кейхозрев разбит был наголову монголами (1244) и бежал к греческому никейскому царю Иоанну Ватаци».

Нет, мы не утверждаем, что эта битва и парфяно-римское сражение — одно и то же, несмотря на схожесть географических названий (Карры – Карин, Сивас – Сиваш, или, например, Севастия – Севастополь). Нам важно показать вам, насколько трудно разобраться в средневековой картине, — каждый «государь» воюет за кого хочет, а точнее только за себя, — кто из них за греков? кто за турок? — в отличие от античной древности, в которой все ясно и понятно. Чтобы объяснить средневековые сложности, историки придумали термин «феодалная раздробленность», а до феодализма — что, разве раздробленности не было? Каждый знал своего хозяина, и отличался высокой дисциплиной?

Вот теперь перейдем к сражению парфян с римлянами при Каррах (53 год до н.э.), по книге Е.А. Разина. В этом случае автор описания берет за образец «древнее» сообщение. Казалось бы, чем раньше происходило событие, тем беднее должен быть язык, тем меньше деталей. В конце-то концов, и писать особо размашисто было не на чем, за отсутствием даже бумаги. Но нет:

«Парфяне накапливали свои силы и в то же время, искусно маневрируя специально выделенными отрядами, изнуряли римлян и заманивали их в пустыню, где могли использовать своих конных лучников. Когда римские легионы подходили к реке Баллис, южнее Карры, парфяне перешли в контрнаступление. Сурен правильно оценил обстановку и хорошо использовал время для подготовки контрнаступления. Момент для перехода в контрнаступление он также выбрал удачно — начал его тогда, когда римская армия была изнурена длительным переходом по безводной пустыне и морально подавлена неясностью обстановки...

Парфяне завязали бой, применив незнакомую римлянам тактику.

Первый этап боя — уничтожение парфянами римского отряда разведчиков, построение Крассом боевого порядка и уклонение парфян от общего боя.

Первые сведения о переходе парфян в контрнаступление Красс получил от своих разведчиков, спасшихся бегством после того, как их отряд был окружен и почти полностью уничтожен противником. «Вслед за этим он построил свое войско двойным фронтом в глубокое каре, причем с каждого из боков его выставил по двенадцати когорт, а каждой когорте придал по отряду всадников, дабы ни одна из частей войска не осталась без прикрытия конницей» (Плутарх. Марк Красс, 23). Командовать одним из флангов Красс поручил Кассию, другим — своему сыну, а сам стал в центре. Подойдя к реке Баллис, Красс отдал приказ, чтобы воины утоляли жажду и голод, не покидая строя. Но затем он двинул свое войско вперед, даже не дав закончить обед, шел быстро и безостановочно до тех пор, пока не увидел неприятеля. Войска противника показались римлянам не многочисленными и не грозными, так как Сурен прикрыл свои главные силы передовыми отрядами.

Когда парфяне приблизились, римляне увидели перед собой большое количество всадников в шлемах и латах из железа; лошади у них также были в железных и медных латах. Парфяне попытались было с копьями ворваться в ряды римлян, но получили отпор и отступили. Вскоре, однако, они окружили каре римлян, действуя в рассыпном строю своими тугими большими луками и поражая противника почти не целясь, так как неподвижное каре представляло собой огромную мишень. Красс приказал своим легко вооруженным пехотинцам разорвать кольцо окружения. Однако их атака была отражена парфянскими лучниками. Тогда Красс приказал легионам перейти в наступление, но парфяне не принимали удара, и отступали, не переставая обстреливать римлян. Красс надеялся вначале, что парфяне израсходуют свои стрелы; но вскоре увидел, что лучники с пустыми колчанами отъезжают к верблюжьему обозу, наполняют там свои колчаны и снова возвращаются для ведения боя.

Второй этап боя — уничтожение парфянами отряда римлян (под командованием сына Красса), который был выделен для обхода главных сил парфянского войска.

По приказу Красса его сын взял 1300 всадников, 500 лучников и 8 когорт пехоты и повел их обходным движением в атаку. Парфяне начали поспешно отступать, отряд под командованием молодого Красса бросился их преследовать. Это подняло настроение римских солдат; легионеры в преследовании не отставали от своей конницы. Как только отряд римлян удалился от своих главных сил, парфяне крупными силами контратаковали его, заставили остановиться, затем окружили латниками и стали поражать римских воинов стрелами. Отряд римской конницы попытался прорвать кольцо окружения, но его атака была отражена парфянскими всадниками, вооруженными копьями и имевшими лучшее защитное вооружение.

После этого римский отряд отступил к песчаному холму и занял круговую оборону, поместив лошадей в середине круга и сомкнув щиты. Но римляне, расположившиеся на склонах холма, оказались еще лучшей мишенью для парфянских лучников, которые начали их истреблять. Атакой копейщиков было завершено уничтожение римлян; 500 человек парфяне захватили в плен. Молодой Красс приказал рабу заколоть себя, другие римские командиры покончили жизнь самоубийством.

Третий этап боя — окружение парфянами главных сил римской армии.

Пока парфяне уничтожали передовой отряд, главные силы римлян заняли оборону на возвышенности. Красс ожидал возвращения сына, но вместо него появились парфяне, которые везли голову молодого Красса, надетую на копье. Вскоре римляне были окружены. На них посыпались стрелы, затем после атаки копьеносцев они оказались стиснутыми на небольшом пространстве. С наступлением ночи парфяне отошли. Римские легионы под командованием Красса бездействовали.

Четвертый этап боя — преследование парфянами римских легионов и уничтожение их.

Видя бездействие Красса, два римских легата собрали на совещание центурионов и командиров манипул; на совещании было решено ночью скрытно отступить. Брошенные в лагере раненые подняли крик, чем обнаружили отступление. Но парфяне, заметив бегство римлян, ночью не стали их преследовать.

Отступление проходило неорганизованно, много раз объявлялась тревога, так как всем казалось, что парфяне снова идут в атаку. Легионы сходили с дороги, выстраивали боевой порядок, но, выяснив, что тревога была ложной, опять перестраивались в походную колонну и продолжали движение. Один легат с четырьмя когортами, оторвавшийся от главных сил, сбился с дороги. Парфяне окружили этот отряд на холме и уничтожили его. Утром они захватили римский лагерь и перебили около 4 тысяч оставшихся там римлян.

После этого Сурен организовал преследование отступавшего противника. Крассу с остатками римских легионов (свыше 7 тысяч человек) удалось укрыться в крепости Карры, но ненадолго. По настоянию деморализованных легионеров он ночью выступил из крепости, и римляне продолжали отступление на север, в горы, чтобы укрыться от парфянской конницы. По выходе из крепости они сбились с дороги и на следующий день были окружены парфянами. 12 июня 53 года до н. э. у крепости Синнака Сурен предложил римскому полководцу начать переговоры о мире, но как только Красс спустился с холма, где он находился со своим отрядом, парфяне убили его. Остатки римлян частью рассеялись, частью сдались. Потери римлян составили до 20 тысяч убитыми и до 10 тысяч пленными. Так закончился этот поход римских легионов под командованием Красса. Бой при Каррах был первым столкновением Рима и Парфии».

В том, что столь подробное описание оставил очевидец, живший в первой половине I века до н.э., легко убедить школьников, но не взрослых. Так же, как и в том, что за прошедшие после Каррской битвы четырнадцать столетий люди сильно поглупели, забыв даже умение составлять тексты. Так же, как и в том, что десяток скотоводов, бросив своих овец с не вычесанными шкурами, сходили к китайцам, дали тамошнему императору по шее, отняли у него оружие и доспехи, и отправились вслед за Солнцем, чтобы убить всех на своем пути.

А мы, если считаем себя взрослыми и разумными людьми, скорее поверим в неуправляемость средневековых войск, как об этом написал Дельбрюк, чем в «гениальных кочевников» из Монголии, великих и ужасных, несравнимых ни с кем по степени своей дисциплинированности. Мы стоим на том, что турецкий султан, побитый отрядом «монголов», побежал с жалобами к Ватацу, чтобы тот навел порядок в распоясавшейся Парфии и вернул

ему имущество. А на основе этой истории, возможно, искушенный в своем ремесле писатель «Возрождения» сочинил эпизод про римского полководца Красса.

Характерно, что Макиавелли, довольно безапелляционно утверждавший превосходство пехоты над конницей, в своем написанном в форме диалога трактате «О военном искусстве» начинает путаться, когда речь заходит парфянах:

«Римляне, можно сказать, сражались почти сплошь пешими и сомкнутым строем. Оба войска одерживали верх попеременно, смотря по просторности или тесноте поля сражения. В последнем случае побеждали римляне, в первом — парфяне, которым удавалось с таким войском многое сделать, принимая в расчет защищаемую местность, т. е. бесконечные равнины, лежащие за тысячи миль от берега моря и пересеченные реками, отстоящими друг от друга на расстоянии двух или трех переходов. Городов в этой стране мало, население редкое. Таким образом, римское войско, тяжеловооруженное и медленно наступавшее походным порядком, могло продвигаться вперед только с большим риском, потому что противником его была легкая и быстрая конница, которая сегодня появлялась в одном месте, а завтра оказывалась уже в другом, на расстоянии пятидесяти миль. Это и помогло парфянам, обходясь с помощью одной только кавалерии (напомним читателю: без стремян; во времена традиционной Парфии их еще не было. — Авт.), уничтожить войско Марка Красса и едва не погубить Марка Антония».

Мы пишем книгу о хронологии, а потому просим читателя обратить внимание на возможность или невозможность тех действий, которые приписывает история древним всадникам:

«Нет ничего удивительного в том, что небольшой отряд пехоты может выдержать любой конный налет: лошадь — существо разумное, она чувствует опасность и неохотно на нее идет.

Если вы сравните силы, устремляющие лошадь вперед и удерживающие ее на месте, то увидите, что сила задерживающая, несомненно, гораздо больше, потому что вперед ее бросает шпора, а останавливают ее копы и меч (а что ее бросает вперед при отсутствии шпор? — Авт.). Опыт древности и наших дней показывает одинаково, что даже горсть сплоченной пехоты может чувствовать себя спокойно, так как она для конницы непроницаема. Не ссылайтесь на стремительность движения, которое будто бы так горячит лошадь, что она готова смести всякое сопротивление и меньше боится пики, чем шпоры. На это я отвечу следующее: как только лошадь замечает, что ей надо бежать прямо на выставленные против нее острия пик, она замедляет ход, а как только почувствует себя раненой, она или останавливается совсем, или, добежав до копий, сворачивает от них вправо или влево.

Если вы хотите в этом убедиться, пустите лошадь бежать на стену, и вы увидите, что очень мало найдется таких лошадей, которые, повинуясь всаднику, прямо ударятся в эту стену. Когда Цезарю пришлось сражаться в Галлии с гелльетами, он спешил сам, велел спешишь всю конницу и отвести всех лошадей назад, считая их годными больше для бегства, чем для боя.

Таковы естественные препятствия для конницы, но помимо этого начальник пехотного отряда должен всегда выбирать дорогу, представляющую для конницы наибольшие трудности, и ему всегда, кроме самых редких исключений, удастся спастись, пользуясь свойствами местности. Если она холмиста, это одно уже ограждает тебя от всякого стремительного нападения. Если дорога идет по равнине, тебя почти всегда защитят засеянные поля или рожи; всякий кустарник, всякий даже небольшой ров замедляет самый бешеный конный натиск, а любой виноградник или фруктовый сад останавливает его совершенно.

То же, что было в походе, повторяется в бою, потому что стоит лошади наткнуться на какое-нибудь препятствие, и она сейчас же остывает. Об одном во всяком случае не надо забывать, именно о примере римлян; они так высоко ставили свой военный строй и были так уверены в силе своего оружия, что, когда приходилось выбирать между пересеченной местностью, защищавшей их от конницы, но мешавшей им самим развернуться, и местностью более ровной, открытой для действия неприятельской конницы, но дающей свободу движений, они всегда выбирали второе.

Итак, мы вооружили нашу пехоту по древним и новым образцам; перейдем теперь к обучению и посмотрим, какие упражнения проделывала римская пехота до отправления ее на войну.

Пехота может быть прекрасно подобрана, еще лучше вооружена, и все же ее необходимо самым тщательным образом обучать, так как без этого еще никогда не было хороших солдат».

Византийская культура «монголов»

X–XI века — расцвет Византийской империи, владевшей землями как минимум от берегов Адриатики до Евфрата. Затем начался период серьезной потери земель и династических войн. В 1071 году сельджуки в сражении под Маласгардом в Армении захватили в плен императора и заняли Малую Азию.

В это время уже всюду применялась конница.

Казалось бы, что удивительного в применении конницы в XI веке? Ведь уже в древности, более чем за 1500 лет до сражения под Маласгардом греки, персы и парфяне имели уже конницу, вооружение и обученных воинов, сравнимые по уровню с европейским XIII веком.

«Сила парфян была в их коннице, — пишет Е.А. Разин. — Парфянская конница делилась на легкую и тяжелую. Тяжело вооруженные кавалеристы были одеты в кольчужную рубаику из металлических колец, надежно прикрывавшую воина, но не стеснявшую его движений. Кольчугой были покрыты и лошади. Тяжело вооруженные кавалеристы имели копья и мечи, а легко вооруженные — отличные луки; стрелы парфян насквозь пронизывали щиты римских легионеров. Отряды легких кавалеристов сопровождал вьючный обоз на верблюдах, в котором находился большой запас стрел.

Тактика парфян сводилась к следующему. Конные лучники — отличные стрелки — засыпали противника тучей стрел, а затем отходили под защиту тяжелых кавалеристов. Здесь, во вьючном обозе, они снова наполняли свои колчаны. Тяжелые кавалеристы окружали изнуренного противника и атакой завершали его разгром».

Так, говорят, было еще накануне нашей эры.

Ирония, однако, заключается в том, что в средневековой истории появление конницы датируют VIII веком (сражение при Пуатье — 732 год). До этого конница не считалась войском. Оставаясь в пределах традиционной хронологии, ничего иного, кроме слова «возрождение», невозможно сказать по этому поводу. Пехота же (инфантерия) прямо и «официально» именно **возродилась**; например, последняя глава книги А. Свечина «История военного искусства» так и называется: «Возрождение пехоты».

Это, конечно, удивительно, и все же нам представляется еще более удивительным, что учебные пособия по правильному ведению конных военных действий «кавалерийские» теоретики начали писать много позже исчезновения античной конницы, но лет за сто — сто пятьдесят до появления средневековой, причем сразу в очень проработанном виде. Одного из авторов такой «методики», Псевдо-Маврикия, историки датируют VI–VII веками, очевидно, полагая, что так «увяжутся» античные и византийские времена. Получается не очень логично: теоретик будто обобщает опыт построения конницы, принятый в седой древности, но до которого практики «дорастут» лишь через несколько поколений. В трактате говорится:

«Начальник тагмы, или банды, или нумера — носит название комеса или трибуна. Хилиархом называется первый из гекатонтархов, следующий сейчас же за комесом или трибуном. Гекатонтарх — начальник сотни мужей. Декарх — начальник десятка. Пентарх над пятидесятью. Тетрарх — он же и надзиратель — называется урагос — последний в градации начальников... Чтобы у начальствующих над мерами, тагмами, у сотников, пятидесятников, тетрархов, буцеллариев и союзников были брони с плечевыми ремнями и наноженки, доходящие до пят, кольца, колчаны, шлемы с небольшими султанами наверху, затем луки, у каждого по своим силам — не выше сил, но лучше ниже».

«Из всей же римской молодежи отобрать самых нравственных и, начиная с 14-летнего возраста, обучать стрельбе из луков, приучать носить лук и колчан и два копья... Следует, чтобы морды и груди лошадей были покрыты латами, хотя бы из лоскутьев, как у аваров, которые предохраняли бы шею и груди лошадей... Седла должны быть с большими чепраками из шкур шерстью вверх. Также крепкие удила. При седлах должно быть два железных стремени (напоминаем: это якобы VI или VII век. — Авт.), кожаный мешок, аркан и мешок для провианта, в котором воины могли бы, в случае необходимости, везти с собой трех- или четырехдневный запас его...»

«Надо, чтобы пехотинец (пехота уже есть! – Авт.) умел быстро пускать стрелы из лука по римскому или по персидскому способу (важное сообщение, говорящее нам, что РOMEя и Персия взаимодействовали, осваивая лучшие воинские приемы друг друга. – Авт.) ... Всадники чтобы стреляли на скаку: вперед, назад, вправо и влево. Кроме того, им надо уметь вскакивать на лошадь, на скаку быстро выпускать одну стрелу за другой, вкладывать лук в колчан, если он достаточно обширен... и браться за копье, носимое за спиной, чтобы таким образом могли действовать им, имея лук в колчане. Затем быстро закинуть копье за спину, выхватывать лук».

«Африканское упражнение состоит в том, что боевой порядок строится в одну линию, причем, средняя мера состоит из дефензоров, остальные же из курсоров. При наступлении, как бы для атаки, средняя движется стройно, в порядке, как дефензоры, остальные же по бокам ее, как курсоры. Потом, при повороте назад, одна мера останавливается, другая же быстро скачет, как бы к дефензорам; затем та, которая останавливается, движется тоже к дефензорам, а первая поворачивается ей навстречу и проходит мимо нее, причем обе они обращены одна против другой, но не касаясь друг друга».

Никакой это не VI век, и не VII-й. Это линия № 2–3, то есть можно предположить, что трактат составлен в X или XI веке. Именно подобные маневры византийцев, которых западноевропейские хронисты называли *ragani* и *perfidii* (схизматики, неверные) и вызывали удивление привыкших к простому единоборству рыцарей XII века. Этими же приемами владели персы и парфяне, а если попросту, — «монголы».

Обученные на таких трактатах монголы в 1241 году, в сражении при Лигнице явили тактику, в которой мы без особого труда узнаем тактику античных парфян. Даем описание битвы по Нолану:

«Правое крыло поляков сначала атаковало и оттеснило левое крыло татар. Но татары, быстро соединившись, отбросили нападающих к их резервам, которые в свою очередь, двинулись в атаку, смяли неприятеля и пустились его преследовать. Но вдруг, по сказанию польских историков, соотечественники их, вследствие будто бы какого-то чуда, обратились в бегство. Чудо это состояло единственно в той быстроте, с которой татары соединялись, и кидались в атаку на утомленных неприятелей, не ожидавших подобной хитрости. Маневр этот, действительно, как чудо, должен был изумить неповоротливых кавалеристов Запада».

Если же говорить о пеших войсках — инфантерии, то лучшая из средневековых — фландрская и швейцарская пехота, появилась в XIV веке. Возможно, в Византии, где «возрождение» античности началось пораньше (точнее, где в XI–XIII веках античность и происходила), пехота появилась раньше.

Историки считают, что инфантерия, состоящая из свободных крестьян, была решающей силой в период, предшествующий феодализму, но при этом «в противоположность Западной Европе на Руси в период феодальной раздробленности пехота имела на поле боя огромное значение» (А. Строков). Потом она возродилась на закате феодализма. Если этому верить, то на многие века, в течение которых длился «феодализм», боевые возможности пехоты были забыты, стратегия никак не развивалась. Торжествовала кордонная стратегия — стремление избегать решительных сражений, удерживать крепости на границах и учиться искусству осады чужих крепостей. И такая стратегия измора, истощения царствовала до начала Возрождения, когда было внесено нечто новое — стратегия на уничтожения.

Впрочем, историки сами не в силах как следует разобраться в этом вопросе. То ли стратегия на уничтожение уже применялась в Римской империи, а, может, в древней Греции, — то ли нет. Наверное, применялась; нам пока не удалось найти ничего, что не возродилось бы, будучи забытым в античности... С каждым годом новейшие историки «все лучше и лучше» понимают античность, и даже не замечают анекдотичности этой ситуации.

Вот еще несколько сообщений, касающихся Передней Азии.

В XIII веке «Орхан первый учредил постоянную, правильно устроенную пехоту (яиев и пиядов) на жалованье, которая была постоянно обучаемая действиям как полевым, так и осадным». Из этой пехоты в 1347 году и получились янычары.

«По учреждении их яии и пияды были обращены в исправителей военных дорог (в турецкой армии, как и в римской, воины одновременно были дорожными рабочими. – Авт.) ... Другой род неправильной (иррегулярной) пехоты, под названием асабов или холостых, шел на войну без жалованья, из-за добычи. Его нередко ставили в голове штурмовых колонн при осаде

городов и приступах к ним, дабы телами их наполнять рвы и образовать мосты для янычаров».

В арабском мире, в Византии и на Руси «боевой порядок... войска состоял из нескольких линий пехоты, а также конницы, чем обеспечивались маневр, наращивание ударов из глубины и преследование».

В Европе «В XVI в. для снижения потерь от ядер и пуль баталии стали рассредоточиваться по фронту и в глубину, делясь на более мелкие колонны (терции) по 2–3 тыс. пикенеров в каждой. Прикрытые со всех сторон мушкетерами, терции располагались в шахматном порядке в три линии. Это был возврат к старому строю когорт».

В XVII веке чаще стали использоваться две линии: основная и резервная, причем сила линии заключалась в залповом огне. Сторона, не выдержавшая огня противника, обращалась в бегство и подвергалась короткому преследованию. Так написано в книге «Эволюция военного искусства: этапы, тенденции, принципы». И с этим перейдем к «монголо-татарам».

Войска Чингисхана, как теперь принято считать, были сплошь конными. Этот вывод неизбежен, если походы монголов «начинать» из Монголии: в пешем строю они вообще никуда бы не дошли. Однако такой специалист, как полковник де Пик, говорит:

«...Во все времена, начиная с древности... кавалерия дерется очень плохо или очень мало». Действие кавалерии — атака. Свойства кавалерии заключаются в отважной стремительности. Отвага кавалеристов возбуждает пехоту, и она идет вслед за ней в бой. Такой подвиг обходится слишком дорого, если непосредственно за кавалерией не следуют другие войска. И далее:

«С древних времен и всегда отдельный пехотинец одерживал верх над отдельным кавалеристом. В древних повествованиях относительно этого нет ни тени сомнения, кавалерист сражается только с кавалеристом, он угрожает, тревожит, беспокоит пехотинца с тылу, но не сражается с ним, он истребляет его, когда последний обращен в бегство пехотой, или по крайней мере опрокидывает его, а велит (легкая пехота в древности) уже прирезывает».

Можно соглашаться или нет, но все это наводит на мысль, что в XIII–XIV веках «монголы» побеждали потому, что были в основном пехотинцами. Македонская фаланга — она же «монгольский» строй. От изобретения стремян, произошедшего отнюдь не в древние, а в средневековые времена, и до XIV века в битвах главенствовала конница. В XIII веке пехота только начинала свой «взлет»; не превратившись еще в царицу полей, она училась побеждать конницу. И в этих боях отрабатывалась новая тактика.

Занявшись поисками параллелей, мы должны отметить, что если о наличии пехотинцев в войсках Чингисхана судить трудно, то для Александра сделать это можно. Македонец применил новую модель армии: сформировал легкую кавалерию (конных лучников) в дополнение к тяжелой, а кроме того облегчил доспехи последней так, что они могли сражаться и в пешем бою. Получились знакомые нам по книжкам и кинофильмам «древние» греки и римляне, — они же, как это ни удивительно, главные силы «монголов», они же — греко-персидские войска изгнанных византийских императоров.

Иначе говоря, реальный греко-иранский союз и вся история византийской экспансии на Восток, произошедшей вследствие давления западных крестоносцев, породили миф и об Александре и персидских катафрактах, и о «парфянском царстве», и о Чингисхане. По разным эпохам их развели хронологи.

«Битва Александра Македонского с Дарием при Иссе». Мозаика из дома Фавна в Помпеях. Историки полагают, что эта мозаика выполнена в конце II – начале I века до н.э., однако изображать так лошадей научились лишь после Паоло Учелло, то есть в XV веке.

Вот что пишет Франко Кардини о персидской тактике против римлян, в нашей версии — в ходе подчинения Ирана византийцам или туркам:

«В столкновении с римской пехотой и легкой кавалерией ... иранская военная тактика, состоявшая в длительной подготовке поля боя конными лучниками, сначала рассекавшими пехоту противника плотной и непрерывной стрельбой, а затем пропускавшими тяжелую кавалерию, которая вклинивалась через широкие бреши в глубину расположения пехоты, оказалась чрезвычайно эффективной».

Не менее эффективной была и монгольская тактика. Генерал-лейтенант М. Иванин пишет: *«видно, что полчища монголо-татар не были нестройной ордой, но что войскам дана была правильная организация, приноровленная к войскам кочевого народа (такого же, как у турок. – Авт.), и что войска эти имели такое же превосходство перед современными им ополчениями, как ныне регулярные войска перед азиатскими и африканскими толпами воинов...»*

М. Иванин жил в XIX веке, до появления танков и самолетов, когда конница была еще весьма в ходу. Он, как человек военный, что-то соображал в этих вопросах. И сразу за приведенным выше панегириком монголам отмечает и «особенности» их армии, которые заключаются в том, *«что конные войска монголов, в составе сотен тысяч, переходили такие степи, по которым мы с трудом проходим в составе 3000–4000 войск... Если история представляет пример появления необыкновенной силы монголо-татар и среднеазиатских народов, разобитых на сотни верст бескормными и безводными пустынями и имевших вообще немногочисленное население...»*, — то такую историю, как нам кажется, надо, простите за каламбур, выбросить на «свалку истории».

Ученые-конформисты не хотят видеть совершеннейшую сказочность описываемых ими событий. Под управление Чингисхана азиатские кочевники организовали сильнейшее государство, завоевали полмира, чтобы через пару веков превратиться в рабов на завоеванных землях или спокойно вернуться в свои степи пасти скот и дальше!

«И как кочевой народ страстно любит свободу и предпочитает кочевую жизнь оседлой... то какую силу воли, какие военные, административные и политические способности должен был иметь человек, чтобы подчинить своему владычеству эти народы, кочевавшие в степях, занимавших несколько тысяч верст в длину, чтобы дать им устройство, необходимое для образования многочисленной армии, и чтобы подчинить их строгой дисциплине». Невероятные, скажем мы.

А теперь поставьте на место Чингисхана византийского императора, вынужденного покинуть Константинополь после осады его европейскими крестоносцами, переселившегося в Никею. И вот, он создает из турецких, арабских, персидских воинов с помощью своих обученных военачальников мощную армию. Она, возможно, победила в числе прочих и Китай, и вернулась, чтобы отвоевать обратно свою священную столицу.

Никейский император мог нанять для своих целей и генуэзцев, и монголов, и племена южной Индии. Он мог привлечь на свою сторону любое племя с территории Руси, или захватить любое русское княжество и призвать под свои знамена его юношей. Для завоевания же этих княжеств мог послать на Русь тех, кого ему было удобнее, например, жителей Иранского нагорья — говоря по-античному, парфян.

Плутарх, историк I–II веков, писал, что *«от преследующих парфян убежать невозможно, в бегстве же они неуловимы, будто их диковинные стрелы, невидимы в полете и раньше, чем заметит стрелок, пронзают насквозь все, что ни попадется на пути, а вооружение закованного в латы всадника такой работы, что все пробивает, а само выдерживает всякий удар».*

А вот высказывание нашего современника, военного историка В. Сахарова о монголах:

«Любимая тактика монголов заключалась в устройстве засад, в постоянных нападениях, в заманивании противника и в внезапном переходе в наступление... Утомив неприятеля отступлением, они перескакивали на свежих лошадях, окружали врага с флангов и с тыла, засыпали его тучей стрел, а затем бросались в рукопашную».

Сравните сами с мнением Плутарха.

Но иногда сообщения В. Сахарова вгоняют в оторопь:

«Боевые порядки этих народов в высшей степени замечательны тем, что в основании их лежит идея резерва; это одно уже показывает, насколько тактическое искусство было выше у восточных народов сравнительно с состоянием его у европейских современников, среди которых крайнее развитие индивидуализма свело всю тактику к единоборству».

Напиши такое штатский, — рукой бы махнуть. Но когда такие заявления делает военный человек, становится не по себе. «В основе боевых порядков лежит идея». Очень хорошо. А где теоретические трактаты по тактике? У монгольских кочевников, что ли? Нет, они в Византии. Потому и «лежит идея», что перед нами не дикие кочевники, а регулярные войска самой «продвинутой» в то время в военном отношении Ромейской, Римской империи.

«Дисциплина войск и возможность управлять боем постепенным употреблением войск задних линий и резерва давали возможность полководцу восточных народов (правильнее сказать: восточных византийцев. — Авт.) проявить вполне свое искусство, свои таланты и направлять все силы к достижению общей цели, что было несравненно труднее для западноевропейских военачальников, которые, вообще говоря, подавали только своим войскам пример личного мужества и отваги».

В XIII веке монголы (читай: ромеи, византийцы) подчинили Центральную Азию, Китай, Русь. Русские летописцы были потрясены умением этих «кочевников» брать города. Вот что пишет М.Н. Покровский, глава исторической школы, уничтоженной в 30-х годах по личному указанию Сталина:

«Нашествия прежних азиатов останавливались перед стенами городов, все опустошения доставались опять-таки крестьянам, «смердам». Татары умели брать города; по-видимому, им был известен даже и порох еще тогда (середина XIII столетия) незнакомый в Западной Европе... Мы видим дальше, как объединение Руси около Москвы было на добрую половину татарским делом».

Один из историков-евразийцев, эмигрант П. Савицкий писал:

«Прежде всего укажем следующее: без «татарщины» не было бы России. Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской «Киевской» Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием...»

Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии...»

Н. Трубецкой: *«Усвоение техники монгольской государственности и даже бытового влияния татар в Москве шло особенно усиленным темпом, и потому понятно, что именно здесь русские легче и скорее освоились с самим духом монгольской государственности, с идейным наследием Чингисхана. В той же Москве и Московской области особенно заинтересовались и византийскими государственными идеологиями».*

Н. Трубецкой не решается поставить знак равенства между этими фактами, хотя сообщает, что *«византийские государственные идеологи, раньше не имевшие в России никакой особой популярности, заняли центральное место в русском национальном сознании почему-то именно в эпоху татарщины...».*

Чего же проще: Россия — наследница Византии благодаря византийскому же, только по названию монгольскому игу. Но этого евразийцы не могли заявить, одновременно не сломав привычных исторических представлений. Их доктрина «татарского наследия» считалась реакционным течением русской мысли, хотя с тезисом о России — наследнице Византии никто не спорил.

Е.А. Разин замечает по этому поводу:

«Покровский и его «школа» в нашествии татар видели только борьбу двух культур, а не тяжелое для русского народа иго. Извращая в своих писаниях исторические факты, они изображали татаро-монгольское иго как прогрессивное историческое явление. Татары, по их словам, своими завоеваниями несли Европе более высокую культуру... Татары не могли иметь более высокой культуры, так как сами находились на более низкой ступени общественного развития».

Какая глупость! Если татары (монголы) не могли нести культуру, то «иго» они тоже не могли бы установить. Но вот, победили Россию, которая была отсталой... из-за татаро-монгольского ига... А если могли нести культуру и завоевывать, то не были они на «низкой» ступени развития. Ох, не там историки ищут монголов, где надо бы...

Нас и наших друзей, которых чаще с презрением, чем с уважением называют «новохронологами», — хотя мы сами так себя не называем, как не называли себя «варварами»,

например, турки, — то и дело подвергают критике: и летописей-то мы в руках не держали, и источники плохо изучали, и выводы наши ни на чем не основаны. То ли дело «нормальные» историки. А с ними — все в порядке? Они-то — что, хорошо изучили источники, или, быть может, имели достойные основания для своих выводов? Оказывается, нет.

М. Капица пишет в статье «Еще раз о роли Чингисхана в истории»: во-первых, источниковая база и совокупность установленных фактов при всей их значительности все еще недостаточна; во-вторых, имеющиеся источники изучены не комплексно, а отрывочно и разрозненно; в-третьих, исследователи по-разному подходят к изучаемым явлениям, пользуются различной методологией, часто впадают в субъективизм, уводящий далеко в сторону от «подлинной научно обоснованной объективной истины», руководствуются различными политическими и идеологическими соображениями.

Хоть и сказано это об ученых, занимающихся «монгольской» темой в истории Руси, но применимо ко всем историкам.

Пушки Нючжениа *

Генерал М. Иванин все-таки верит, что монголы могли всему научиться у китайцев, в то время, как китайцы их били. Он пишет:

«При осаде монголами южной столицы гинов, называемой ныне Кхай-Фынь-Фу, в 1232 году, китайцы бросали в неприятеля чугунные горшки (т. е. гранаты), которые, разрываясь порохом на части, наносили большой вред монголам; бросали также огненные копья (может быть, конгревовы ракеты!) или стрелы более обыкновенной величины, к которым привязывали ракеты с зажигательным составом и пускали их потом из арбалетов».

Как после этого от монгольских войск вообще что-то осталось — загадка. Но еще большая загадка — как, при таком состоянии военного искусства у китайцев, и при обученных китайских войсках, монголы все-таки победили их.

«И этими-то усовершенствованиями и изобретениями по части военного искусства, Чингисхан и его потомки умели воспользоваться, переняв их от китайцев, — пишет М. Иванин. — Вот главная причина исполинских успехов монголов и постоянных побед их».

Но генералу-историку, в отличие от С. Лучицкой, не на что сослаться (не существует сочинений китайских хронистов, где они описывали бы удивительную и неизвестную им военную тактику монголов), и поэтому его утверждения относятся к области исторических фантазий. Ведь для того, чтобы победить многомудрых в военном деле китайцев, кочевникам надо было не просто перенять китайскую тактику, а противопоставить ей что-то еще более совершенное.

Рассмотрим здесь одно из фантастических столкновений монголов и китайцев.

Во второй четверти XIII века на территории Малой Азии гремели Крестовые войны. Шла ссора Ватикана с германским императором Фридрихом II. Одновременно при Угедее, преемнике Чингисхана, произошла война монголов с Нючженским царством. Книга Гань-Му под 1232 годом сообщает об осаде монгольским принцем Субутом города Бянь, столицы этого царства:

«И он поставил осадные машины, построил палисад на берегу городского водяного рва; заставил пленных китайцев, даже женщин, девиц, стариков и детей носить на себе хворост и солому, чтобы завалить городской ров. В несколько минут заровняли они около десяти шагов. Но так как решили договариваться о мире, то министр Ваньянь-баксан не смел сражаться с Монголами».

В городе обнаружилось неудовольствие и ропот. Нючженский государь, услышав об этом, в сопровождении шести или семи конных поехал за ворота Дуань-мынь и прибыл к судовому мосту. За это время от недавнего дождя сделалось грязно. Благодаря тому, что государь выехал неожиданно, жители столицы в изумлении не знали, что делать, они только становились на колена подле дороги. Старики и дети теснились перед ним; некоторые по ошибке касались его одеяния. В скором времени прибыли к нему министры и прочие чиновники. Подали ему парaplюй, но он не принял и сказал:

— В армии все ходят под открытым небом: для чего же мне иметь парaplюй?» (перевод Иакинфа Бичурина).

* Из книги «Другая история Руси», с изменениями.

Позвольте! — пишет по этому поводу Н.А. Морозов. Ведь парaplui — это французское слово, зонтик! Значит, Нючженский царь говорил по-французски? Или оригинал первоисточника этой китайской летописи был на французском языке? Ведь сам Иакинф Бичурин никогда не назвал бы зонтика парaplуем, если б это слово не стояло в переводимой им летописи. Он так и перевел бы соответствующий китайский иероглиф русским словом «зонтик». Но, пропустив несколько страниц, продолжим далее.

«В столице строили баллисты во дворце. Ядра были сделаны совершенно круглые, весом около фунта; а камни для них брали из горы Гын-ио... Баллисты, употребляемые Монголами, были другого вида. Монголы разбивали жерновые камни или каменные кашки (*голыши*) на два или на три куска, и в таком виде употребляли их. Баллисты были построены из бамбука, и на каждом углу городской стены поставлено их было до ста. Стреляли из верхних и нижних попеременно, и ни днем, ни ночью не переставали.

В несколько дней груды камней сравнялись с внутреннею городскою стеной. Монгольские войска употребили ОГНЕННЫЕ БАЛЛИСТЫ и где был сделан удар, там по горячности нельзя было тотчас поправлять и помогать...

В сие время Нючженцы имели ОГНЕННЫЕ БАЛЛИСТЫ (*то есть настоящие пушки-мортиры*), которые поражали, подобно грому небесному. Для этого они брали чугунные сосуды, наполняли их порохом, и зажигали огнем. Горшки эти назывались чжень-тьхянь-лэй, потрясающий небо гром. Когда такая баллиста (*пушка*) ударит, и огонь вспыхнет, то звук уподобляется грому, и слышен почти за 100 ли. Они сжигали (все) на пространстве 120 футов в окружности, и огненными искрами пробивали железную броню.

Монголы еще делали будочки из воловьих кож, и подойдя к городской стене, пробивали в ней углубление, могущее вместить одного человека, которому с городской стены ничем нельзя было вредить. Но Нючженцы изобрели против этого способ спускать с городской стены на железной цепи горшки (*бомбы*) чжень-тьхянь-лэй, которые достигши выкопанного углубления, испускали огонь (*взрывались*), совершенно истреблявший человека, даже покрытого воловьею кожей. Кроме того, употребляли они (*нючженцы*) летающие огромные копья (*ракеты*), которые пускались посредством зажигания в них пороха и сжигали все на 10 шагов от себя. Монголы же только этих вещей и боялись. Они осаждали город 16 суток, денно и ночью. Около МИЛЛИОНА человек с обеих сторон было убито при той осаде. После этого и могила матери Нючженского государя была раскопана.

Принц Субут видел, что невозможно взять города и потому, приняв ласковый тон, объявил, что открывает мирные переговоры, и что военные действия прекращаются. Нючженское правительство согласилось на его предложения...

Но после этого открылась в городе зараза, продолжавшаяся 50 дней. В течение этого времени вынесено было из городских ворот около 900 тысяч (!) гробов, не считая тел бедных, которых не в состоянии были похоронить».

Это описание осады города Бянь, столицы страны Нючжень. Переводчик этого Бичурин прибавляет от себя так: «Положение Нючженского двора час от часу становилось хуже. Тщетно просил он мира у монголов. Олень, попавший в яму, может ли он убежать? Так как твердые полководцы и храбрые войска погибли, то уже не возможно стало помышлять об обратных завоеваниях... Хотя и так, но каждый, что делает, то и получает в возмездие. Таково есть взаимное соответствие небесного порядка. Нючженцы притесняли Срединное государство; хищнически овладели землями дома Сун. Точь в точь таким же образом и монголы поступали с ними».

Таково наивное объяснение китаевода Бичурина к переводимой им «Всеобщей китайской истории». Но это и хорошо. Мы сразу видим, что имеем право, во-первых, доверять искренности таких простодушных людей, а во-вторых, критиковать их книги, зная, что простодушные люди легко поддаются обману и переводят подлинник как он есть, не замазывая словесной штукатуркой его щелей и трещин.

Европейцы принесли в Китай и компас, и порох, и пушки. Отвергать то, что в Европе огнестрельный порох был изобретен впервые немецким францисканским монахом Бертольдом Шварцем и применен к огнестрельному оружию впервые только в 1319 году, нет решительно никаких оснований, — хотя, возможно, в Византии он появился несколько раньше. А что же мы видим во «Всеобщей китайской истории»? Почти за сто лет до изобретения пороха Шварцем Угедей осаждал несуществующую теперь в Китае нючженскую крепость Бянь (в которой зонтик назывался по-французски paraplui), и осажденные нючженцы применяют массу пушек-мортир и ракет, начиненных порохом, и бомбы, перебрасываемые туда-сюда.

Всё в этом описании так ярко, что сомнений быть не может: во дворце Нючженского короля делали в 1232 году, за сто лет до европейцев, круглые каменные ядра для пушек и мортир. И к тому же монголы употребляли для своих огнестрельных орудий даже каменную картечь, разбивая жерновые камни-валуны на два и на три куска.

И если верить всему этому, то, очевидно, порох и пушки были известны обеим воюющим сторонам уже давно, так как иначе одна из армий убежала бы моментально в паническом страхе (как оно бывало в Европе при первых применениях пушек).

Мы видим вполне разработанный артиллерийский бой, из тех, какие происходили впервые в Европе в конце феодального периода, когда дисциплинированные и хорошо вооруженные королевские войска (а не скопища кочующих скотоводов) осаждали неприятельский укрепленный город, каким тут обрисован Нючженский Бянь.

Так почему же не употребили свою военную технику монгольские полководцы в битве на реке Калке в 1224 году, положившей начало «монгольскому игу» за восемь лет до только что описанной замечательной осады? Почему не употреблял их Батый в знаменитом сражении при реке Сити даже и через шесть лет после Нючженской осады, в 1238 году?

Почему не научились у монголов этому искусству их соседи, азиатские магометане, хоть это было так им нужно в их борьбе с крестоносцами? Ведь пушки не иголки, чтоб их утаить, и порох слишком громкое средство для того, чтоб его «замолчать» после только что описанной осады столичного города Бяня, осады, при которой погибло уж никак не меньше двух миллионов человек — что немисливо даже при применении атомного оружия.

Почему, во имя святых всех религий, после колоссальной артиллерийской битвы за Нючженский Бянь вся Евразия дожидалась изобретения пороха Шварцем и литья пушек в Европе?

И вот еще вопрос: откуда брали кочующие монголы селитру и серу для приготовления пороха в таком огромном количестве? Хорошо, положим, селитру они могли покупать в Индии, где ее вплоть до XX века выщелачивали из селитроносных скоплений органических отложений. Но где же брали они серу? Ведь современное техническое получение ее из серного колчедана стало возможным только в новейшее время, а вплоть до возникновения научно обоснованной технологии и появления оборудованных техникой заводов ее получали только из богатейших залежей самородной серы в Сицилии, как результата деятельности ее вулканов. Так что подвиги кочующих монголов не выдерживают ни малейшей критики не только с технологической точки зрения, но и с точки зрения материальной культуры.

Тимур-крестоносец^{*}

Если XIII век начался с подчинения Руси западноевропейскому крестоносному Ордену, то очень вероятно, что конец XIV века ознаменовался переходом власти на Руси от крестоносцев западного толка к византийцам, и переход этот начался с битвы на Куликовом поле.

Кто такой Тимур?..

Чтобы понять историю Тимура (1336–1405), стоило бы вспомнить Гражданскую войну в России в начале XX века. Один из ее участников, барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг (1886–1921) с небольшим своим отрядом захватил Монголию, объявил себя императором, принял буддизм. Используя территорию Монголии как плацдарм, он совершал набеги на слабосильных соседей. Необходимость набегов была вызвана тем, что вояки хотели есть, а ресурсы Монголии никак не позволяли удовлетворять аппетиты чужой армии, по сути дела, нахлебников.

Живи барон тихо и спокойно, продержался бы он достаточно долго. Может быть, дал бы начало новой династии. Но на свою беду решил он пограбить на территории России, а она обладает существенно большим потенциалом, чем Монголия. Естественно, его армия была разгромлена, а сам он в конце концов расстрелян.

Точно так задолго до неудачливого барона военачальники византийского императора, а также и крестоносцы, прорвавшиеся на просторы Азии и соединившиеся с местными кочевниками, превратились тут в «ханов» XIV–XV веков: Мамай, Тохтамыш, Едигея, Тимура... Много примеров, что эти правители не были безграмотными кочевниками,

^{*} Из книги «Другая история Руси», с изменениями.

безбожниками или дикими, нецивилизованными людьми. Среди них особо ярко горит звезда Тимура, известного и под именем Тамерлан.

Рассмотрим его историю. Во введении к книге де Клавихо «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура», которая является неким итогом его официальной истории, читаем:

«На рубеже 14–15 веков в Европу стали доходить известия о могуществе правителя Средней Азии Тимура, подчинившего своей власти также огромные пространства Среднего Востока и Северной Индии. В начале 15 века, в канун решающей битвы Тимура с султаном Баязидом I под Анкарой (1402), к ставке Тимура в Малой Азии потянулись посольства европейских государств, рассчитывающих при поддержке столь могущественного государя повести борьбу против турок».

Европейцы не иначе, как сошли с ума! Если Тимур сумеет разгромить турок и присоединит к своему могущественному государству еще и их ресурсы, кто остановит его при походе на Европу? Другое дело, если он христианин, а то и вчерашний крестоносец, или византиец, союзник Европы в борьбе с сарацинами. Тогда он, конечно, будет ей помогать.

«В борьбе с Турцией Тимур рассчитывал на помощь европейских стран, располагавших значительным флотом».

Интересно: откуда бы жителю пустынь иметь столько сведений о европейских делах, тем более о боевом значении флота? Опять выходит, что Тимур не безграмотный кочевник.

«Иоанн VII, наместник императора Мануила II Палеолога в Константинополе, совместно с главой Генуэзской республики в предместье Пера, при посредничестве трапезундского императора, побуждали Тимура выступить против (турецкого султана) Баязида, взамен помощи в войне и уплаты податей, ранее вносимых туркам. Этим, видимо, объясняется посылка Тимуром посольства с подарками и письмами в Геную и Венецию, которую возглавил Иоанн Галонифонтибус, архиепископ всего Востока».

А вот это уже прямое свидетельство того, что Тимур действительно идеологически и политически связан с двором Палеологов.

«В 1402 году Тимур отправил письмо к Иоанну VII Палеологу (оно сохранилось в итальянском переводе; подлинника нет и неясно, на каком языке было написано), в котором говорится, что константинопольские и трапезундские греки должны выделить по 20 галер для блокады турецкого побережья».

Кроме того, есть свидетельства о переписке Тимура с французским королем Карлом VI Валуа (1380–1422), также заинтересованном в союзе со среднеазиатским завоевателем, так как генуэзская колония Галата (*предместье Константинополя*) находилась под его покровительством. В этом письме, известном в персидском подлиннике и в латинском переводе, говорится о желании Тимура поддерживать торговые связи с королем франков путем обмена купеческими караванами.

Другое письмо Тимура, писанное им Карлу VI и известное по латинской копии, извещало французского короля о победе над турецким султаном Баязидом. Ответ Карла VI Тимуру (в латинской версии) полон благодарностей за разгром турок у Анкары и подтверждает согласие французского короля способствовать торговле между Францией и империей Тимура».

С точки зрения традиционных представлений, это что-то невероятное! Как мог бы Тимур напрямую торговать с Францией, даже после разгрома турецкого султана? Да Генуя и Венеция умрут, но этого не допустят, ведь они держат в Малой Азии торговое первенство. И потом, почему прямые переговоры о торговле «кочевник» вел с Францией, а не, например, с Германским императором или каким другим европейским властелином, или хотя бы с теми же Генуей и Венецией? Ответ может быть один: Тимур («Железный») — европейски образованный дворянин, прекрасно разбирающийся в международной политике, знающий даже такие тонкости, как особые отношения французов и генуэзцев Галаты. Вот в таком случае он мог вести тонкую и грамотную политическую игру, сговариваясь о податях с генуэзцами, о помощи флотом с греками, о торговых отношениях с Францией. А будь он действительно скотоводом из племени джагатаев, выросшим в безлюдной пустыне Средней Азии, то, пожалуй, не мог бы.

В самом деле! Европа, вместо того чтобы застыть в ужасе от нашествия очередных кочевников из глубин Азии (что она всегда делала, — вспомните жуткие сообщения о гуннах и прочих подобных), вдруг вступает с ними в переписку (да ведь они должны быть поголовно неграмотными! — но нет, им знакомы европейские языки), сговаривается о расчистке ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ, — а где гарантия, что, разгромив более цивилизованных

турок, кочевники займутся торговлей? Ведь в силу их меньшей цивилизованности у них и потребности меньше, какая уж там торговля! Скорее надо было бы поддержать турок против новых завоевателей.

Но происходит как раз обратное. И мало того, Тимур участвует в войне против своих союзников, турок. Дело в том, что всегда и везде интересы политики следуют за интересами торговли и прибыли. Своей экспансией турки надеялись подорвать державшееся на международной торговле благосостояние европейских вождей, но эта «палка» другим концом ударяла по благосостоянию Тимура, которое держалось на той же самой торговле.

Стоит обратить также внимание на то, что Тимура называют беком (тюркское слово) или эмиром (арабский эквивалент бека), и слово это означает князя-военачальника, но никак не императора. «Железный Хромец» (Тамерлан, Тимур-ланг), подобно тому, как это сделал барон Унгерн в XX веке, захватил власть на громадной территории, но для европейцев, знавших его место в дворянской иерархии, оставался лишь князем-военачальником.

В книге де Клавихо показателен и тот факт, что имена одних и тех же персонажей постоянно меняются в написании. Так, например, Едигей носит имена Едигуй, Еденгуй, Едегуй; Тимур — Таморлан иди Тамурбек; Тохтамыш назван Тарамих, Тетани, Тотамих, Керамих, Корамих, и так по многим другим персонажам. Баязид назван еще и Баязетом, Баязитом, Байязетом, Вайситом; последнее интересно потому, что только в греческом читается и как русское «в», и как «б», и разночтения возникают лишь при переписке с письменного текста, а не с восприятия на слух.

Мог ли ошибаться автор в написании имен, если он очевидец того, что описывает? Нет, все указывает на то, что книга его — результат поздней обработки и сведения воедино многих разных текстов.

Тохтамыша называет он императором Тартали, могущественным и доблестным человеком; Едигея — кавалером (вассалом) Тимура. Сам Тимур назван **«великим синьором, убившим императора самаркандского и захватившим его земли, завоевателем всей земли Могальской»**, — а ведь мы именно это и утверждаем.

Тимур и Тохтамыш в Дешт-Кипчакии *

Зададимся вопросом: могла ли существовать общепринятая орфографии до изобретения книгопечатания Гутенбергом в те времена, когда все тексты выполнялись вручную?

Нет, только после открытия книгопечатания и могли возникнуть общеизвестные орфографические правила, однородно преподаваемые многими учителями. А общепринятыми эти правила могли стать только при государственном утверждении их. Припомним только условности французского и английского правописания. Какой сумасшедший учитель стал бы преподавать их, если б чувствовал себя вольным писать по своему слуху и произношению? Какой ученик не сбился бы с этих орфографий, если б ему не вдалбливали их годами упражнений?

До печатного периода, то есть до конца XV века, когда рукописи размножались разрозненными свободными переписчиками, никакой корректуры извне не могло быть, так же как и чьих-либо посторонних орфографических приказаний.

Все выше сказанное вполне применимо к арабской литературе. В Аравии даже в XIX веке не было ни одной типографии. В Турции первая появилась в 1701 году, в Египте в 1799, а в Персии (Иране) в 1851, тогда как в Лейдене (в Голландии), — говорят нам, — поэма «Чудеса предопределения Божия в судьбах Тимура-хана» Ибн-Араб-Шаха (сына Арабского шаха) была напечатана по-арабски Галиусом еще в 1663 году, и там же Монжероном в 1767–1772 годах сразу и по-арабски, и по-латыни.

Выходит, что это была первая печатная арабская книга. Что это значит? Это значит, что если в книге какого-нибудь старинного арабского летописца орфография тождественна с орфографией печатной книги «сына Арабского шаха», то все шансы за то, что не Араб-шах искал правила правописания у этих одиноких и никому неведомых переписчиков, а что авторы рукописей взяли орфографию из книги Ибн-Араб-шаха... опубликованной для широкой публики, как уже сказано, в XVII веке. Так что старинные арабские рукописи,

* Из книги «Другая история Руси».

повторяющие орфографию книги Ибн-Араб-Шаха, не могут быть написаны ранее второй половины XVII века.

Кроме того, у арабов титул и имя соединяются вместе. Что, например, сказали бы вы, если б увидели французский роман, озаглавленный «Tsarivan» или «Knasigog»? Сразу ли определили бы, что речь идет о русском царе Иване и князе Игоре, а не о каких-нибудь древнеперсидских воинах?

После такого предварения посмотрим на рукописные документы мусульманских историков о «монгольском иге».

О большинстве таких рукописей мы не имеем указаний, откуда и когда они попали в западноевропейские хранилища. Мы знаем только, что ни в Каире, ни в Багдаде и ни в каких западно-азиатских и африканских царствах не было никогда книгохранилищ, вплоть до середины XIX века. Доверять голословным сообщениям о том, что автор той или другой из этих рукописей жил «от такого-то до такого-то года» нет никаких оснований. Да и сами повествования часто заставляют современного образованного человека, не верящего в чудеса, только отмахиваться от них обеими руками.

Если же поинтересоваться, в каком году и на каком языке вышло первое печатное издание данного сочинения, то выяснится, что почти ни одна из изданных русским собирателем Тизенгаузеном арабских рукописей не была не только напечатана, но и переведена ни на один из европейских языков до самого Тизенгаузена, издавшего свои отрывочные русские переводы в 1884 году. А между тем рукописи в единственных на свете экземплярах находятся почти в каждом европейском музее, и притом большая часть из них представляет в основе своей переписки друг с друга, но не простые, а с вариантами, дополнениями или исключениями тех мест, которые, соответственно, нравилось или не нравилось копиисту. Это можно счесть за чудо, если только они не написаны в самой Европе!

Давайте рассмотрим книгу «Чудеса предопределения Божия в судьбах Железного царя (Тимура-хана)», приписанную Ахмеду Ибн-Араб-шаху.

Впервые она была напечатана на латыни в Голландии в 1663 году. Написаны эти «божеские чудеса» рифмованной прозой. Об авторе сообщается, что родился он в Дамаске в 1388 году, много путешествовал, изучил персидский, монгольский и турецкий языки; вел в качестве секретаря турецкого султана Магомета I (1374–1421) переписку с его вассалом ханом Дешт-Кипчакским и, наконец, перебрался в Каир, где и умер в 1450 году. Вот пример текста (в переводе Тизенгаузена):

«Когда Тохтамыш, султан Дештский и Татарский увидел, что Тимур убил Хусейна, кровь сердца его вскипела и забушевала вследствие родства и соседства с Хусейном. Приготовил он несметную рать и двинулся в бой с Тимуром, а Тимур выступил против него из Самарканда. Сошлись они оба на окраинах Туркестана... Между обоими войсками установился обмен военных дел и мельница войны не переставала вращаться до тех пор, пока не измолота войска Тимурова. Но вдруг из его остатка выехал человек по имени сеид Берке, слез со своего коня, схватил горсть песка, пустил его в лицо неприятелю-губителю и крикнул громким голосом:

— Враг побежал!

Тимур закричал то же самое своим зычным голосом, как у человека, созывающего жаждущих верблюдов и кричащего: «джаут! джаут!».

И повернулись войска Тимура, как возвращаются коровы к своим телятам и снова принялись за бой со своими противниками и супостатами. И вот рать Тохтамыша отступила, обратилась в бегство и по пятам ее последовали возвращавшиеся ранее вспять. Войско Тимурово наложило на них меч и дало им пить чашу смерти. Захватили воины Тимура имущество и скот их и забрали в плен главных начальников и свиту...»

По стилю и по языку это никак не летопись, а именно «Чудеса», как и называется книга. Очень похоже на французские переводы арабских сказок, не правда ли?.. — да, скорее всего, самими французами и написано. А кстати, почему же ни один арабский писатель не посвятил ни строчки Куликовской битве?

Посмотрим и на описание земли Дешт-Кипчакской, владений Тохтамыша, из той же книги:

«Эта область исключительно Татарская, переполненная разными животными и турецкими племенами, со всех сторон огражденная и во всех частях возделанная, обширная по объему, здоровая водою и воздухом. Люди ее — мужи в полном смысле, воины ее — превосходные стрелки. По языку это самые красноречивые турки, по жизни — самые праведные, по лицу — самые прекрасные, по красоте — самые совершенные. Женщины их —

солнца, мужчины их — полнолуния, цари их — головы, бояре их — груди. Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства. Обычай их ездить на телегах с уверенностью, не знающей страха. Городов у них мало и переходы их продолжительные. Границы Деитской земли с юга — море Кользумское (Каспийское?), да море Египетское (Черное?), завернувшее к ним из области Румской (Ромейской). Эти два моря почти что сталкиваются (!), не будь промеж них гор Черкесских (Кавказ?), составляющих между ними грань непроходимую, вплоть до Китайских пределов, принадлежащих владениям Монголов и Хатайцев.

С севера его — Ибиль (что такое?) и Сибирь, пустыни и степи да пески (в сибирской тайге?), нагроможденные точно горы. И сколько этой степи, где бродят только птицы и звери. С запада Деитской земли — окраины земель Русских и Болгарских, да владения христиан-нечестивцев (кто такие?); к этим окраинам прилегают и Румские владения, лежащие по соседству с землями, подвластными Туркам-Османам.

Выезжали, бывало, караваны из Хорезма и ехали себе на телегах спокойно без страха и опаски вдоль до самого Крыма...

Не возили они с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали проводника вследствие многочисленности тамошних народов, да обилия еды и питья у живущих там. * Путешествовали они от одного племени до другого и останавливались только у того, кто сам предлагал у себя помещение... **Ныне же** в тех местностях, от Хорезма до Крыма, никто из тех народов и людей не живет, и нет там другого общества кроме газелей и верблюдов».

Из последней фразы прежде всего следует, что писал не современник, а далекий потомок, уже не заставший благополучия какой-то там земли Дешт-Кипчацкой, и этой фразе вполне можно верить. Никто тут и не жил, кроме тех немногочисленных людей, которые обслуживали караван-сарай вдоль трассы северного отрога Великого шелкового пути. У настоящих путешественников по восточным степям рассказы о многочисленности здешних народов не вызывали ничего, кроме недоумения:

«Он (султан Берке) побудил народы Дешта к вступлению на пастбище Ислама и вот почему Дешт стал сборным местом всякого добра и блага, так что к прежнему прозвищу «Кипчак» прибавилось еще прозвище «Берке», т.е. Благодатный. А теперь Хаджи Исаи-еддин, сделавшийся начальником в Самарканде, продекламировал мне следующее свое стихотворение в Астрахани, одном из Дештских городов, претерпев на пути туда разные невзгоды:

— Я слышал, что «Берке» находится в степи, прозванной по своему султану — степью благодати. Дал я верблюдице моего путешествия остановиться на одной из окраин этой степи, но не нашел там никакого Берке (то есть благодати)».

Здесь видно разочарование человека, начитавшегося про чудеса в Кипчацкой степи, но не нашедшего их при действительном путешествии.

Теперь вернемся к противоборству Тимура и Тохтамыша *, происходящему в этих декорациях. Политическая картина такова: руководитель одной из земель Византийской империи — Тимур, обеспечивающий порядок на торговых дорогах Великого шелкового пути от Турции до Самарканда, вышибает с Волги своего конкурента, немецкого крестоносца Тохтамыша, Татровца и владыки Немецкой Кипчакии (Дейч-Кипчакии), по землям которого идет Северный отрог того же самого Шелкового пути.

Ибн-Араб-шах сообщает о поражении Тохтамыша:

«Длился этот бой и погром около трех дней, затем поднялась пыль от бегства войска Токты, показавшего тыл. Рати его разбежались и отступили, и полчища Тимура разбрелись по Деитским владениям и расположились в них. **Ему подчинились последние и первые из них.** Завладел он всем движимым, разделил его и унес с собою, собрал все захваченное и раздал всю добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена Деитские (немецкие), истребил наречия их, изменил порядки и увез с собою все захваченные деньги, всех пленных и имущество. Передовые войска его дошли до Азака (Азова?) и он разрушил Сарай, Сарайчик, Хаджи-Тархан и все эти края».

* Другой автор того же периода рассказывает о верблюдах, дохнувших в этих степях от тяжести пути, о полном отсутствии воды и безлюдии.

* Прозвище Тохтамыш распадается на два слова, «Doctor» в смысле «ученый», и «муж» от немецкого Mensch в смысле «воин». И получается «Ученый воин», по мнению Н.А. Морозова. Мог ли воин быть ученым? Конечно, если он теософ и руководитель крестоносного Ордена.

Обычная для феодальных времен, хоть и очень крупная, разборка и дележ территории. Дальше события развивались так. Тимур, как мы видели, погнал Тохтамыш на запад, а затем «передал бразды» своему новому татарскому (Татрскому) другу Темиру (Темир Кутлюю), поскольку, как о том и сообщает автор книги, «подчинились последние и первые из них».

Тохтамыш спрятался в Литве у князя Витовта (тоже, нашел друга. Интересно, что историков столь странный союз татарина с литовцами нисколько не удивляет. Да и чего удивляться! Разбитый незадолго до этого Мамай тоже сбежал к католикам, только не в Литву, а в Кафу к генуэзцам)... Литовскому князю так полюбился «татарский мусульманин» Тохтамыш, что на требования татарского же царя (а не хана) Темир Кутлюя выдать беглеца князь отказался и «пошел на царя со своими князьями и со всею литовской силою и стал у реки Ворысколы в Татарской земле». Очевидно, что дело здесь не в личной неприязни, а в политических причинах: Темир Кутлуй переметнулся не просто к другому вассалу общего сюзерена (папы), но к противнику папы.

А реку Ворысколу сами же историки считают за Ворсклу, приток Днепра, там, где Полтава. Значит, «Татарская земля» расположена в Полтавской губернии, много западнее воображаемого Заволжья.

*«Царь, услышав о приходе князя Витовта, еще раз послал к нему послов с последней речью: «Зачем ты пришел с нами биться и не выдал нашего беглого царя? Мы не заняли твоей земли, ни городов, ни сел. Всем нам **один бог и правда**». Но Витовт не отступил: «сошлись обе рати и была великая сеча, какой не бывало с татарами у литовской земли, и за грехи случилось тут горе великое литовским детям. В бою убили великого князя Андрея Ольгердовича и всех князей именитых семьдесят четыре, а воевод из Литвы пало костьми такое множество, что только один бог знает. Причем один раз одержит верх тот над этим, а другой раз этот над тем.*

Дела племен Деишских стали ухудшаться и расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подверглись разъединению и розни, тем более, что на них нападали два льва и налегали две беды. Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни счислению и не может быть определена ни палатой, ни списком; она ушла к Румийцам и к Русским по своей злополучной участи и превратной судьбе очутилась между христианами многобожниками и мусульманами пленниками... (Явное указание, что Тохтамыш не был ни мусульманином, ни христианином «многобожником», как названы здесь русские – «неправильные», с точки зрения католиков, христиане. – Авт.) По этим причинам обитатели Деишта, жившие ранее в довольстве, дошли до оскудения и разорения, до разъединения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения.

...Они дошли до того, что если бы кто поехал теперь по Деишту без вожжа и руководителя, то вследствие опустошения непременно погиб бы при переездах. Летом ветры сдувают там пески и скрывают дорогу путнику, а зимою снег покрывает страну, так что вся земля Деишта пустынна и жилища его безлюдны, привалы и водопой покинуты, а пути его, по всему вероятно, губительны и недоступны.

Эти степи всегда такими были, а те описания, которое давалось раньше, — вымысел. Сочинение «Сына Арабского шаха», по сути, является поэмой вроде «Слова о Полку Игореве», а неправильное понимание политической ситуации Дешт-Кипчакии сильно портит реальную историю.

Узурпатор Мамай^{*}

В годы противостояния «императора Тарталии» Тохтамыш и «великого синьора Могальского» Тимура на Руси разыгралась одна из самых знаменитых битв XIV века, Куликовская битва, или Мамаево побоище (1380 год).

Мамай был темником, то есть одним из полководцев Золотой орды, но на территории Руси он выступал как фактический руководитель этой организации. Он стал как бы сам по себе: и не «татарин», и не «монгол». Судя по событиям до и после битвы, он на

^{*} Из книги «Другая история Руси».

неизвестных условиях пошел в наемники к генуэзцам, чтобы перекрыть в их интересах Дон, единственно по которому осуществлялась тогда международная торговля Москвы.

Если бы авантюра удалась, генуэзцы становились монополистами на северном отроге Великого шелкового пути, а Мамай получал их безусловную и мощную поддержку, увеличив свое политическое господство по сравнению, например, с Тохтамышем. Можно было бы ожидать увеличения потока товаров, но и прибыль стал бы сгребать Мамай, а не «татарин» Тохтамыш, что повысило бы экономическое могущество Мамаю. В общем и целом можно сделать вывод, что темник «татарской» (Татрской) Золотой орды (Ордена) Мамай действовал в интересах «монгола» Тимура. Не случайно Тохтамыш вышел на войну против Мамаю, а Тимур затем — против Тохтамыша.

Отвлечемся от монголо-татарских разборок, и рассмотрим противостояние Мамай — Дмитрий Донской, и значение Куликовской битвы в этом противостоянии. Для начала — о достоверности источников и о стереотипном понимании истории.

Все ныне известные тексты о битве содержат очень разные оценки. Например, Псковская I летопись упоминает это сражение в одном ряду с утоплением в Чудском озере четырех «лодий». Новгородская I летопись рассказывает о нем, как о сугубо московском приключении, ничего не говоря о всенародном русском подъеме. А в Хронике Литовской и Жмойтской под 1380 годом значится: «Року 1380. В Литве и Руси, Польше была вельми строгая зима, же быдло домовое и зверы в лесах, также и птаство от зимна выдыхало, и дерево в садах овощное все посохло». О битве ни слова, хотя Ягайло, великий князь литовский, вроде бы тоже имеет к ней отношение.

Знаменитая «Задонщина», воспевающая отвагу и мудрость князя московского и верных ему князей, написана с явным подражанием «Слову о полку Игореве». Только «Слово» рассказывало, как трудно воевать русичу одному, а «Задонщина» — как здорово русичам бить врага всем вместе. Мы здесь выступаем не против поэтического патриотизма, а против примешивания политических лозунгов и литературных эмоций к исторической науке. Ясно, что поэма написана много позже битвы.

Один из красочных, всем известных эпизодов 1380 года — поездка князя Дмитрия к преподобному Сергию накануне битвы. Но об этой поездке намертво молчат Краткая летописная повесть 1408 года и Новгородская I летопись 1421 года. Пространная летописная повесть 1425 года упоминает лишь о послании Сергия, содержащем благословение князю, которое было получено Дмитрием на берегу Дона 6 сентября. «Житие» самого Сергия свидетельствует о посещении Дмитрием Троице-Сергиева монастыря. Разработанную версию этой легенды содержит написанное через сто лет «Сказание о Мамаевом побоище».

Вот здесь уже дан очень живописный рассказ, что в преддверии битвы Дмитрий пришел в монастырь к преподобному Сергию за благословением и дал обет: в случае благополучного исхода поставить монастырь во имя Успения Богородицы. И в Никоновской летописи говорится, что Дмитрий Иванович был у Сергия в воскресенье, 18 августа 1380 года. Но такая дата прямо противоречит летописному сообщению о выступлении войск из Коломны 20 августа: Дмитрий не смог бы 18 числа находиться в Троице.

Известный русский историк В.Н. Татищев, чье изложение событий пользуется наибольшей популярностью, использует «Сказание о Мамаевом побоище» в варианте Никоновской летописи. Но как? Он пытается реалистически осмыслить эти сообщения, особенно о военных действиях. Например, он уменьшил число воинов в 10 раз, по сравнению с этими источниками, чтобы стало похоже «на правду». Дал рациональное объяснение привлечению сурожских купцов к походу, как финансистов этого мероприятия, и т.д. Что это значит? А то, что первичная информация претерпевала изменения в процессе переписки. Что-то добавлялось, что-то убиралось. В результате можно говорить лишь о том, что битва была, но деталям верить нельзя.

А как относиться к встречающимся в текстах многочисленным монологам и размышлениям? Никто не стенографировал разговоров, а тем более мыслей. Ясно, это поздние вставки, сделанные из каких-то идеологических соображений.

Одно из названий «Сказания...»: «о брани благоверного князя Димитрия Ивановича с нечестивым Мамаем еллинским». В самом тексте: *«Попущением божиим за грехи наша, от навождения диавола въздвижется князь от въсточныа страны, имянем Мамай еллинъ верою, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель»*.

Комментаторы поясняют, что еллин значит язычник, не православный. Так ли это? Ведь язычник — это *поганный* (от латинского поганин). Случайно ли применение эпитета еллинъ наряду с поганным, нет ли здесь дополнительного смысла? И как соотнести нам с этими

утверждениями серебряный диск из православного монастыря в Гелати (Грузия), на котором изображен Св. Мамай с крестом в руке и нимбом над головой? *

Вызывает сомнение локализация битвы на историческом Куликовом поле. Строго говоря, для столь грандиозного события, каким его представляют, до нас дошло исчезающе мало. Нет ничего специфического на том поле, которое сегодня считается за таковое. То есть находки на нем вполне совпадают со средним археологическим фоном всего региона.

Надо также учитывать, что значительно позже, в августе 1542 года, после очередного набега крымчаков русские войска осуществили поход по Дону и дошли до татарских сторожей на этом Куликовом поле, и преследовали их до реки Красивая Меча. То есть воинские события поздних времен происходили ровно там же, где традиция локализует Куликовскую битву. Поэтому к находкам на поле надо вообще относиться очень осторожно.

Следует отметить, что конкретная локализация Куликова поля в XIX веке связана с именем С.Д. Нечаева. Он искренне считал, что битва произошла на его родовых землях, и обосновывал это названиями поселений. Возможно, он сам не знал, что эти названия (в частности, Куликовка) появились через два – три столетия после события.

В 1984 году в журнале «Природа» была опубликована статья геохимика К.П. Флоренского, который на основе почвенных карт выяснил, что на правом берегу Непрядвы не было никаких лесов, а присутствуют они на левом. Более того, правый берег у нее высокий, а не болотистый. Он высказал гипотезу, что битва была не ниже Непрядвы, а выше. Сразу туда отправилась археологическая экспедиция, выяснившая, что в этом месте в те времена было не ровное поле, а поселения людей. Так что своей работой он поставил под сомнение стандартную локализацию битвы, но и новое место оказалось не идеальным. И захоронений павших на историческом поле нет.

Самые знаменитые герои битвы — Пересвет и Ослябя. Это мирские имена, языческие. Можно предположить, что в те времена они были в ходу даже среди монахов, и попали в написанные позже документы вместе с христианскими именами, поскольку эти мирские прозвища героев были широко известны.

В «Сказании»: «...игумен Сергей скоро избра двух братьов, Пересвета да Ослябю». *«Браты» они, видимо, по монашеству, а не родству, но христианские имена здесь не упомянуты. В «Житии» Сергея говорится, что князь Дмитрий просил отпустить с ним иноков-бояр Александра Пересвета, бывшего боярина Брянского, и Андрея Ослябу, бывшего боярина Любецкого. Так они названы и в древних синодиках Лавры. Но в некоторых летописях вместо Александра писано Иродион, вместо Андрея — Адриан.*

А вот из словаря Брокгауза и Эфрона: «Ослябя (Роман, в монашестве Родион) — боярин, инок Троице-Сергиевой Лавры ... принимал участие в Куликовской битве, где и убит. Могила О. — Близ Симонова м-ря под Москвой». Полная путаница. То Пересвет — Иродион, то Ослябя — Родион.

По сообщению Ю.М. Лощица, «С.К. Шамбинаго упоминает о рукописных святцах XVII в., в которых записано, что «воины Адриан Ослябя и Александр Пересвет, принесенные с битвы, были схоронены в Симоновом монастыре...». Вся история Симонова монастыря связана с Куликовской битвой, а сам монастырь, считается, построен за два года до нее. Там же хранилась икона, бывшая на Поле.

Сообщается, что разбор трупов на Поле шел 6 дней. По летописным оценкам, разбирать пришлось 110 тысяч тел только своих погибших. Как могли успеть? Куда дели? Разбирали еще и по знатности. Знатных увезли в Москву, остальных захоронили на месте. Остается выяснить, где это «место». И вспомнить, что даже в современных условиях идентифицировать погибшего удастся не всегда. Насколько достоверно идентифицированы эти два героя?

В.Н. Татищев, основываясь на неизвестном источнике, сообщает, что Пересвет пал в бою, а не на поединке. Про Андрея же Ослябю уже упомянутый Шамбинаго установил: он боярствовал и спустя 15–20 лет после битвы, а в 1397–1398 ездил в Царьград.

Что явилось причиной битвы?

Полагаем, сражение произошло из-за препятствий, чинимых Мамаем торговле Москвы с Крымом. Нам представляется очень важной история о десяти сурожских (крымских) купцах, которые пошли в поход с князем Дмитрием. Зачем их взяли? Как это ни парадоксально,

* «Мусульманин» Мамай почитался как православный святой, а Иоанн Дука Ватац, православный император никейский, почитается как святой в мусульманской Турции. Такие факты требуют дополнительного изучения, чтобы история стала достоверной.

подобные «нелепые» сообщения крайне важны. Если бы их придумали, то постарались бы как-то объяснить. А те моменты, которые просто «выпирают» из текста и никак не обоснованы, и представляют наибольший интерес. Так в чем же здесь дело? Дело в том, что если купцы финансируют войну, то, значит, они видят в ней выгоду для себя. И посылают с войском своих наблюдателей.

А в чем могла быть их выгода? В том, что победой над Мамаем освобождались торговые пути. Ведь Волга была перекрыта ордой, Днепр контролировался Ягайлой. Теперь еще мамаевские военные эскапады перекрыли Дон. А князь в свою очередь имел с торговли налог, ему тоже благополучие купцов защищать надо. Нам представляется, что всю историю России следует переосмыслить с точки зрения развития торговли.

Вот что еще интересно. Мамаю с тыла угрожал Тохтамыш. Зачем же он оттягивал битву до осени? Загадка. А кстати, когда Тохтамыш в 1382 напал на Москву, у него в тылу так же остался противник: войска Тимура. Поэтому, сжегши город, он быстро откатился назад. Великий герой Дмитрий в это время отсиживался в Костроме и даже не попытался принять с ним бой (будто бы предоставив это Тимуру), а вернувшись в Москву, послал войска в Рязань, чтобы наказать ее за помощь Тохтамышу. Что случилось за эти два года? Князь ли постарел, или политическая обстановка стала другой?

Интересен также маршрут, по которому двигались к месту сражения противоборствующие силы. Мамай, имея столицу на Волге, оказался на правом берегу Дона, и собирается его форсировать еще раз, чтобы идти к Оке. Может быть, он ходил со всей своей силой нанимать дополнительных воинов в Крыму? Но сами жители Крыма нанимали степняков для охраны. И зачем понадобилась Мамаю генуэзская пехота, ведь тактика татар была совсем другая: они ходили «изгоном» на чужие территории. Быстро пришли, разгромили тех, кто зазевался, нахватили имущества и пленников и скорее назад. Так они поступали и до, и после Куликовской битвы, сообщают нам историки. Использование татарами пехоты — уникальный случай. Через два года Тохтамыш обошелся без нее.

В случае же «торговой» причины войны можно объяснить это тем, что не Мамай нанимал себе воинов, а сам был нанят генуэзцами как раз для перекрытия торговых путей и ликвидации, таким образом, конкурента в лице русских купцов-сурожан. А если Генуя финансировала всю аферу, то, естественно, дала Мамаю часть своих войск — пехотинцев, и своих стратегов, считая, что без них он проиграет. Потому и произошла задержка со стороны Мамаю: он ждал обещанного подкрепления из Генуи. Ведь в генуэзских факториях Крыма воинов было крайне мало.

Вообще в сообщениях о численности войск — полный произвол в разных источниках. Войска Дмитрия считают и в 500 тысяч, и в 20 тысяч. Войска Мамаю оцениваются то как равные, то как более крупные, чем у русских.

На конец XIV века численность населения Русской территории составляла 4 миллиона человек. Но ни Тверь, ни Нижний Новгород (не говоря уже о Рязани), не приняли участия в борьбе. Поэтому мобилизация могла проводиться среди населения, равного примерно миллиону. Для Руси того времени призыв более 1% — предельная величина, исходя из природных условий и способов хозяйствования. А это значит, что полная мобилизация не могла дать бойцов свыше 10 тысяч. А надо учитывать, что и до этого были битвы и людские потери. Что не все могли уйти воевать, должен же был князь оставить в Москве стратегический резерв. Что не менее 10% численности армии составлял обоз. Похоже, В.Н. Татищев, как человек государственный, именно поэтому пересмотрел численность воинства Дмитрия, и определил его в 20 тысяч: он исходил из условий мобилизации, с которыми был знаком. А с какой территории и по какому принципу набирал себе армию Мамай, сказать трудно.

Возможно, в подсчете численности русских войск источники заблуждались из-за слова «тысяча», применявшемся в военном деле. Но «тысяча» здесь — не число, а счетная военно-административная единица. В иной «тысяче» могло быть сто человек.

Можно привести еще и такие соображения. Известно, что «стяги» составлялись из «копий» по 10 воинов в каждом «копье», «полки» — из «стягов». Данных по количеству и численности этих подразделений нет, тем более, что они варьировались в зависимости от конкретных условий. Средние значения: от 20 до 100 воинов в «стяге», от 3 до 5 стягов в полку. Считается установленным, что в 1375 году, чтобы осадить Тверь, князь Дмитрий собрал не менее 22 отрядов и сгруппировал их в несколько полков, коих могло быть от 5 до 10. Взяв минимальные и максимальные значения по каждому параметру, получим, что, «сбрав всю силу русских городов и со всеми князьями русскими совокупяся» (Рогожский летописец), князь

Дмитрий получил армию численностью от 300 до 5000 воинов. А на поле Куликовом было то ли пять, то ли шесть полков, что снижает возможную общую численность армии до 3 тысяч.

Полагают, что сообщение о выступлении Мамай достигло Москвы в конце июля – начале августа 1380 года. 5 августа были разосланы грамоты «во все люди» о сборе войска. Сбор назначили в Коломне 15 августа, а выступили из Коломны 20 августа. В такие сроки собрать, структурировать и эшелонировать (даже с учетом того, что часть отрядов присоединилась позднее) сотысячную армию невозможно.

Чтобы объяснить быстрые сроки сбора, историки говорят, что мобилизованные «вои» по пути к Коломне проходили в сутки по 65–85 км, что в два, а то и в три раза превышало обычную норму дневного перехода, но ведь это явно невозможно. Чтобы организовать передвижение с такой скоростью, надо было заранее расставить на пути заставы с переменными лошадьми. Мы видим противоречие таким утверждениям и в том, что затем, двинувшись из Коломны, армия преодолела 300 км за 20 дней, то есть даже с учетом остановки в Березуе скорость движения не превышала 20 км в день. Поразительная разница, по сравнению со скоростью мобилизации!

Но еще более поразительно, что после труднейшего боя, после работ по рассортировке и захоронению трупов — можно предположить, что с ранеными, пленными и с дополнительным татарским обозом армия вернулась в Коломну за 7 дней.

Кстати, интересный момент. В летописях ни слова о пленных. После Ледового побоища о них специально сообщают летописцы. А здесь? Ведь за генуэзцев можно было взять выкуп! Вывод простой: о пленных не сообщали ввиду их малочисленности. А мало их могло быть, если и в битве участвовало не много людей. Скорее всего, с обеих сторон сражалось 10–12 тысяч, а погибло не более 3 тысяч. Это верхняя грань оценки, в реальности все могло быть еще менее значительно: по 3 тысячи воевавших, 300–500 погибших. В таком случае, их вполне могли захоронить на окрестных погостах.

Ничего не известно о планах и замыслах сторон накануне битвы. Анализ обстановки только порождает загадки. Так, Дон ниже впадения в него Непрядвы увеличивается вдвое. Зачем князю Дмитрию надо было форсировать его в этом месте? Да и вообще, зачем его форсировать? В 1378 году Дмитрий одержал победу над военачальником Мамай Бегичем на Воже. Он там достиг успеха, ударив по врагу в момент форсирования им реки. Почему не повторить удачный прием?

Затем: если на помощь Мамаю шел Ягайло, то лучше было бы оставить его за Доном, чтобы он не смог «с ходу» вмешаться в битву. Да и Ягайло повел себя странно. В день битвы он находился в одном дне пути. Узнав, что победу одержал Дмитрий Иванович, он повернул свое войско вспять. Если верить, что погибло почти все войско русских (а лазутчики не могли об этом не знать), и что оставшиеся в живых измотаны до предела, вот была бы удача для литовцев! Иди в Москву и бери ее голыми руками. Но нет.

А Мамай? Собрал войска летом. Долго сидит в низовьях Дона. Переходит через Дон сначала на запад. Затем собирается опять его форсировать. Уже все окрестные собаки знают о его тайных планах. В результате Дмитрий успевает набрать войско и застает Мамай врасплох! Что же за бездарь этот Мамай? 1378 год — поражение, 1380 — поражение, 1381 — не просто поражение, а полный крах. А ведь он чуть ли не 20 лет держал в руках всю Золотую орду, менял правителей, разгромил Нижегородского князя и т.д. Удивительная стратегия, если оставаться в плену традиционных толкований.

Не менее загадочны события после битвы. Мамай убежал с малым количеством соратников, но тут же собрал новую большую армию, чтобы помахаться с Тохтамышем. Чего же он сразу не собрал, сколько надо, чтобы достичь успеха в походе на Москву? Время у него было.

Что касается Дмитрия, то историки, дабы объяснить, почему так и не удается найти железо на историческом поле, «заставили» его заняться мародерством и собрать доспехи и оружие с убитых. Русских воинов похоронили, а что стало с останками противников? Источники молчат. Можно предположить, что захваченный татарский обоз (в том числе и скот) был отдан купцам-сурожанам в оплату за финансирование похода. Тогда, значит, им отдали и весь металлолом, ибо не на себе же его тащить.

Вот какими фантазиями приходится заниматься, чтобы увязать концы с концами. Ведь если армия возвращалась груженная всем добром, нельзя объяснить, как смогла она столь быстро вернуться в Москву. (Впрочем, этого вообще никак нельзя объяснить.) В Москву привезли останки именитых воинов. Правда, не ясно, как это согласуется с христианским обычаем предавать трупы земле в три дня.

Эта битва — излюбленная тема в любых патриотических разговорах. Военно-политические итоги битвы для Мамаея, действительно, были катастрофическими. Но для Дмитрия и России они никакие, поскольку Мамай был узурпатором, и победа над ним не могла официально ничего значить. Тем более, что через два года новый владыка Орды захватил Москву.

Также не имела битва никаких исторических последствий. Согласно традиционной истории, татаро-монгольское иго пало через сто лет после Мамаева сражения. Утверждать, что битва предопределила крах ига, это то же самое, что сказать, будто прологом к краху ига стала защита Козельска или партизанские действия рязанца Коловрата.

Самую большую пользу получили от сражения историки, обслуживающие идеологию: появился чудесный миф, причем созданный на основании неких реальных событий, подкрепленных документами, который можно раздувать в любых политических целях. Например, одно время было очень модно выпячивать факт, что в войске князя Дмитрия было много простонародья. А о том, что московские ремесленники, не наученные воинскому делу, толпами бежали с поля боя, умалчивали.

Впрочем, любое государство имеет набор исторических примеров, важных для самосознания нации. И в подавляющем большинстве это мифы. Вот сегодня Украина, создавая свою государственность, смело перекраивает историю. То же самое делают и в Прибалтике, и в других странах. Тут никуда не денешься: такова судьба истории, как части государственной идеологии.

Но есть история как наука. Для нее важно понимание, как протекает сам исторический процесс. Для науки важно разобраться в таком событии русской истории, как Куликовская битва. Проблем здесь более чем достаточно! И ведь это не единственный загадочный эпизод нашего прошлого. И решать проблему надо комплексно, увязывая большое количество фактов, истинность каждого из которых далеко не очевидна.

Поэтому, прежде чем делать выводы и проводить «ревизию» имеющейся информации, надо для начала отделить информацию от мифов. Вот чем мы занимаемся.

КРЕПОСТИ, ДВОРЦЫ И СТУЛЬЯ

«Всё, что касается древнейших времен, и о чем мы ровно ничего не знаем, называется доисторическим. Ученые хотя и ровно ничего об этом периоде не знают (потому что если бы знали, то его пришлось бы уже назвать историческим), тем не менее разделяют его на три века: 1) каменный, когда люди при помощи бронзы делали себе каменные орудия; 2) бронзовый, когда при помощи камня делали бронзовые орудия; 3) железный, когда при помощи бронзы и камня делали железные орудия».

«Всеобщая история, обработанная «Сатириконом».

Стены и башни крепостей

В своей «Всеобщей истории» древний римлянин Полибий (ок. 210–128 до н.э.) главное внимание уделил войнам, что дало основание военным историкам назвать его книгу «Военной историей».

«По нашему мнению, — писал он, — необходимейшие части истории те, в которых излагаются последствия событий, сопутствующие им обстоятельства и особенно причины их. Так мы находим, что Антиохова война зарождается из Филипповой, Филиппова из Ганнибаловой, Ганнибалова из Сицилийской, что промежуточные события при всей многочисленности и разнообразии все в совокупности ведут к одной и той же цели».

Полибия принято считать крупнейшим историком античного мира. Историк, по определению, это ученый, изучающий прошлое человечества во всем его многообразии. Как же быть нам, если мы отнюдь не склонны считать, что вся история человечества состоит из войн, сражений и прочего членовредительства? Остается только задуматься в то, что пишет «крупнейший историк» Полибий:

«История наша начнется по времени с олимпиады сто сороковой, начальным же событием для эллинов будет так называемая союзническая война ... которую предпринял в

союзе с ахейцами сын Деметрия и отец Персея Филипп, для жителей Азии война за Койлесирию между Антиохом и Птолемеем Филадельфом, для стран Италии и Ливии распря между римлянами и карфагенянами, именуемая обыкновенно Ганнибаловой войной. События эти следуют за теми, о которых повествует сикионец Арат в конце своего сочинения.

Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события в Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу. Вот почему с этого именно времени мы и начинаем наше изложение».

Так пишет Полибий в начале своей книги. Впечатление такое, будто мы присутствуем при рождении киносериала: нам напоминают содержание предыдущих лент. В то же время один из создателей этого «сериала» откровенно говорит о неудовлетворительности творений предшественников, писали те, дескать, отдельные эпизоды истории про отдельные войны, а цельного сценария «античности», с цепью конфликтов, прологом и эпилогом, создать не смогли. Тут же приведен в пример некий Арат.

«Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону, и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим, и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело... К тому же никто на нашей памяти не брался за составление всеобщей истории; будь это, я принимался бы за свой труд с гораздо меньшим рвением. Теперь же я вижу, что весьма многие историки описали отдельные войны, и некоторые сопровождавшие их события; но насколько по крайней мере нам известно, никто даже не пытался исследовать, когда и каким образом началось объединение и устройство всего мира, а равно и то, какими путями осуществилось это дело. Вот почему мне казалось действительно необходимым восполнить недостаток и не оставить без рассмотрения прекраснейшее и вместе благотворнейшее деяние судьбы».

По «римской» волне синусоиды время Полибия приходится на линии № 6–7, это в первом траке XV–XVI века. Что ж, эпоха вполне соответствует заявленной задаче: заняться созданием всеобщей хронологии, подчиненной одной цели и одной идее.

К военной теории, а возможно, и к реальной военной истории сочинение Полибия не имеет никакого отношения. Дело драматурга — прописать конфликты людей (династий, царств) хоть в каком-то антураже. Главное, чтобы читиво — пьеса, сериал, были интересны читателю. Поиски действительных причин и прочая «наука» таким произведениям просто вредят. Более ранние, по сравнению с Полибием, авторы в качестве причин то и дело выпускали на сцену богов. Этот автор уже более искушен, так же, как, видимо, и его читатели: он ищет причины более убедительные, материалистичные. По его сообщению, в битве при Каннах римляне терпят поражение от карфагенян, потому что ветер нес им пыль в глаза. Понятно, что все сочинение написано человеком, весьма далеким от военного дела.

Нас в истории войн интересуют не «стрелялки-догонялки», а история человеческой мысли, в частности, архитектурной. Поэтому обратимся к текстам не сочинителей, а специалистов древности. Хотя для человека XV–XVI веков полководец или архитектор XIV века, несомненно, древний.

Автор «Стратегем» Фронтин жил много позже Полибия, говорят, в I веке, сочетая военную деятельность с творческой работой. По словам Е.А. Разина, он различал четыре вида военных действий: подготовку к бою и создание благоприятной для себя обстановки; ведение боя и обеспечение победы; осаду и оборону крепостей; поддержание в армии дисциплины. Все свои положения Фронтин иллюстрирует историческими примерами, в том числе и из истории Пунических войн. Разин пишет:

«Для успешного штурма крепости Фронтин (интересно, почему-то древних вояк зовут Фронтинами, а строителей Архитами. — Авт.) рекомендовал обеспечить внезапность штурма, ввести осажденных в заблуждение в отношении действий наступающих, вызвать предательство в их рядах, создать у осажденных недостаток в припасах, не допустить подхода подкреплений, отвести реки и испортить воду, морально воздействовать на осажденных (внушить, что осада будет длительная, навести страх), ворваться в крепость с той стороны, откуда осажденные не ждут противника, и заманить осажденных в засаду, осуществив притворное отступление».

Видное место отведено обороне и осаде крепостей и в работах военного теоретика IV века Вегеция (например, в «Кратком изложении основ военного дела»). Призывая римлян

времен «упадка и разложения» восстановить достижения военного дела республики в императорской армии, он пишет о прежнем опыте:

«...Закладывая фундаменты, древние (без указания дат. — Авт.) защищали города выгитами и выступами, и на самых углах они воздвигали очень частые башни с той целью, чтобы, если кто хочет пододвинуть лестницы или машины к стене, выстроенной таким способом, их можно было поражать не только по фронту, но и с боков и почти в тыл, захваченных как бы в мешок».

В XV веке существовало не менее 150 списков работы Вегеция, его неоднократно печатали в эпоху Возрождения. Большинство своих положений в трактате «О военном искусстве» Макиавелли (1469–1527) взял у Вегеция. Получается, что в течение всего Средневековья, от IV по XV век, военно-теоретическая мысль не дала миру ничего нового. Поэтому в этой главе мы рассмотрим вопросы фортификации (строительства крепостей) отдельно.

Прежде всего скажем, что в рамках традиционной истории бесполезно искать хоть какую-то эволюционность в развитии фортификационного искусства. Вся разница — в материале: кирпич, дерево, камень. Но ведь понятно, что даже в позднее Средневековье недалеко от каменного замка богатого олигарха могла стоять деревянная (или земляная) крепостца олигарха бедного.

Стены и башни замков Средневековья по существу не отличались от таковых в древних крепостях, кроме более искусно и архитектурно выработанных деталей (среди которых зубцы, выступные балконы, называвшиеся мушараби — преимущественно над воротами для навесной их обороны, машикули, барбаканы и др.). Так пишет известный специалист-фортификатор В. Яковлев в «Истории крепостей».

Монахи Средних веков были теми же воинами, что и «светские» воины. Их укрепленные монастыри отличались от обычных крепостей только тем, что были несколько проще, — без цитадели, в которой жил владелец замка и называвшейся донжоном. Да и не только замки феодалов или монастыри, но почти каждый город был в то время крепостью. Здесь применялся принцип последовательной обороны, то есть силы *верхов* (оборонительных строений) увеличивались от наружной ограды к центру. Поэтому *«крестоносцы обычно окружали города и ждали случая сразиться с вылазкой обороняющегося противника в открытом поле или нечаянным нападением проникнуть в город»*, — пишет В. Яковлев. Хоть и считается, что Готфрид Бульонский в 1099 году взял Иерусалим с помощью подвижных башен, но вообще этого не было в широкой практике.

Южная стена Московского Кремля.

Шатровые верхушки на башнях появились после потери Кремлем военно-оборонительного значения.

Крупный шаг в развитии фортификационных форм произошел под влиянием появления огнестрельного оружия. Новое оружие, считает В. Яковлев, появилось раньше всего (в середине XIII века) в Испании, откуда оно перешло к другим европейским народам. А, например, Конде (1621–1686) считал, что бомбарды применялись при осаде Сарагосы в 1118 году.

«В первой половине XV века, с изобретением способа отливки чугуна, появляются чугунные ядра, орудия оказываются установленными на боевые станки (лафеты), заряды делаются увеличенными, повышается меткость стрельбы, увеличиваются калибр самих орудий и численность состава артиллерии. Все это в совокупности уже оказывает существенное влияние на фортификационные формы: взаимодействие фортификации и артиллерии начинает выявляться особенно рельефно», — пишет В. Яковлев.

Прежде всего, пришлось видоизменить прежние башни, чтобы они могли выполнять роль фланкирующих построек, то есть их стали делать с большим выступом вперед, по сравнению со стеной. Такие постройки получили название *ронделей* (от слова *rond* — круглый). Рондели в отличие от башен не намного возвышались над остальной оградой, чтобы не представлять значительной цели для артиллерии.

Проводником этих идей стал немецкий художник (а также инженер) Альбрехт Дюрер (1471–1528). В 1527 году он издал в Нюрнберге «Руководство к укреплению городов, замков и теснин». Его идеи были настолько здравы, что и спустя сто лет ими пользовались многие инженеры.

Другой инженер и художник — Леонардо да Винчи (1452–1519) работал над усовершенствованием отливки орудий, проектировал *спингарды*, где на одном лафете монтировались 33 бомбарды (из которых 11 стреляли одновременно), и многое другое.

Здесь хочется еще раз подчеркнуть, что дискуссии с историками часто приобретают характер разговора мудреца с младенцем. **Только более культурный народ может победить и подчинить себе другой**, говорим мы. Историки отвечают: для того, чтобы побеждать в войнах, не требуется никакой культуры, не нужны художники, писатели, философы и т.п. Нужен только «военный гений» полководца и масса пушечного мяса. Но вот мы видим на примере Дюрера и Леонардо, что не только крепкие мышцы помогали побеждать даже в средневековых войнах.

Изобретение Дюрера — *рондели*, которые он называл *бастеи*, вскоре были преобразованы в *бастионы*, выступы в форме пятиугольника. Длинные куртины* первых бастионов (длина их доходила до полукилометра) иногда разделяли вспомогательными, малыми бастионами, расположенными посередине, а для обороны рвов их иногда «изламывали» внутрь и давали им начертание входящего угла.

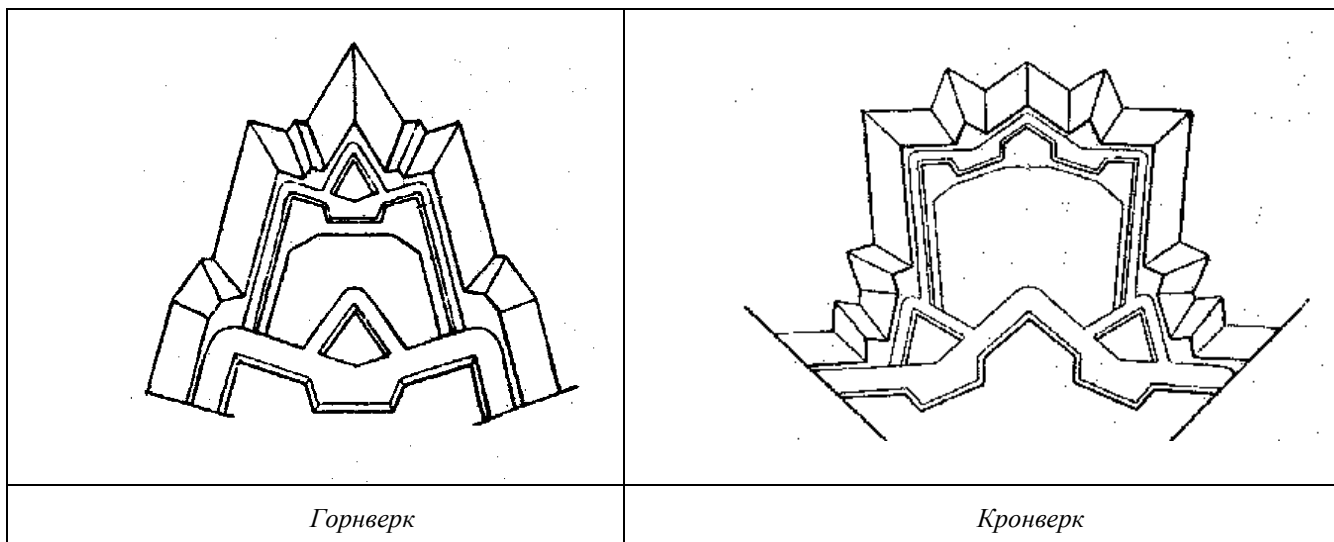
донжона.

Тракайский замок-крепость в Литве. Вид с

В 1589 году Даниил Спекле (1536–1589) выпустил в свет труд «Архитектура крепостей». Спекле доказывал, что крепость должна представлять собой многоугольник с большим количеством сторон: чем больше сторон в крепостном многоугольнике, тем укрепление сильнее, потому что *верхи* его будут иметь взаимную поддержку; что острые углы бастионов хуже тупых, и т.п. Надо же учитывать, что артиллерия была и у наступающих, и у обороняющихся.

В Голландии из-за высокого уровня грунтовых вод стали применять низкие валы и широкие рвы, возводя массу так называемых вспомогательных построек. Так, впереди бастионного фронта с равелином устраивался *горнверк* (от слова *Hornwerk*, рогатая постройка), или *кронверк* (*kronwerk* — увеличивающая постройка). Иногда устанавливались двойные, даже тройные горнверки. Доходило до того, что нидерландцы располагали до семи наружных вспомогательных построек, одна перед другой.

* Куртина — средняя часть бастионного фронта в крепостных укреплениях, соединяющая фланки бастионов.

Вспомогательные *верки* имели то значение, что вызывали противника на последовательное овладение ими. А также применялись рвы со шлюзом, чтобы устраивать искусственное наводнение и топить противника.

Во Франции Бар де Дюк в работе «Изложение искусства фортификации», выпущенной в 1594 году, предложил повернуть фланки к куртине под острым углом. Георг Римплер, участвовавший во многих осадах, в 1673 году напечатал труд «Фортификация с бастионами посередине». Идеи Римплера имели в себе зародыш того полигонального начертания с канониром, которое позже предложил в несколько видоизмененной форме французский маркиз Монталамбер.

А теперь вернитесь к словам Вегеция, якобы написанным в IV веке: «...Закладывая фундаменты, **древние** защищали города выгибами и выступами, и на самых углах они воздвигали очень частые башни...» И подумайте, когда это могло быть написано в действительности. Не тогда ли, когда с появлением огнестрельного оружия атакующим следовало отказаться от деревянных подступных машин и заменить их земляными закрытиями, а защищающимся приходилось продумывать результаты артиллерийского и ружейного обстрела как своего собственного, так и противника, и «изламывать» стены своих крепостей?

Возможно, Вегеций был гением и опередил свое время на 100 или 150 лет (не мы датировали его IV веком), — такое предположение можно было бы сделать, если он жил в XIII веке. Но не мог же он «опередить» эволюцию на тысячу лет, предвидя появление артиллерии!.. Впрочем, историков ничем не удивишь. Раз уж древние греки знали радиус Земли и расстояние до Луны, то что там Вегеций с его фортификационными идеями...

Если излагаемые нами и нашими сторонниками версии — это жанр научной фантастики, сайенс-фикшн, как то не раз говорилось нашими оппонентами, то официальную историю следует отнести к жанру фэнтези (Конан-варвар, Атилла, Чингисхан, Александр и т.д., а также и космические пришельцы, при всей своей научной и технической мощи не желающие ничего, кроме как скушать добрых землян).

Процитируем В. Яковлева:

«Если мы обратимся к первобытным крепостям древнего периода, состоявшим из сомкнутой ограды в виде стен и башен, то усмотрим, что здесь главную роль играли именно башни — в качестве сильных безопасных от штурма опорных пунктов. С появлением артиллерии (огнестрельной, а не «древней»! Налицо мгновенный переход историка от первобытности к Средневековью, минуя даже античность. — Авт.) башни обратились сначала в бастионы, ограда получила первоначальное бастионное начертание (старая итальянская система); затем это начертание стало совершенствоваться и в XVII веке получился правильный бастионный фронт с довольно обширными бастионами; в дальнейшем бастионы отделились от куртины, которая несколько подалась назад. Дальнейшая эволюция крепости заключалась в борьбе с рикошетным артиллерийским огнем Вобана, нанесяшим смертельный удар артиллерии, помещавшейся в бастионах... В конце концов, пришлось отказаться от бастионного фронта и перейти к полигональному...»

Прежняя куртина осталась для оград, но получила большую длину и фланковую оборону из канонира. В дальнейшем продолжались различные совершенствования оград полигонального начертания, но одновременно возник вопрос и о расширении крепостей

выносом вперед отдельных укреплений; такими отдельными укреплениями и явились оторвавшиеся от куртин сомкнутые с горжи (тыльной части) бастионы, образовавшие опорные пункты новой позиции впереди ограды, получившей название фортового пояса.

Таким образом, можно считать, что первообраз форт — это бастионы, сами преобразовавшиеся из башен».

Вот так развивалось военное искусство, в частности, искусство обороны крепостей! Никто ничего не забывал и не вспоминал вновь спустя тысячу лет. А в предыдущих книгах мы показали, что так было и в живописи, и в скульптуре, и в литературе, и в развитии науки.

Очень показательной нам кажется книга Макиавелли:

«Возвратимся, однако, к городам и крепостям. Для лучшей защиты ворот, а также для облегчения вылазок и обратного вступления войск в крепость французы пользуются еще одним способом, который в Италии, по-моему, еще никогда не применялся: у конца подъемного моста ставятся два столба; посередине каждого из них укреплен подвижная балка, половина которой висит над мостом, а другая половина остается за ним; наружные части подвижных балок соединены мелкими брусками, образующими решетку, а с внутренней их стороны прикрепляются цепи. Чтобы закрыть мост снаружи, спускают цепь и сбрасывают решетку, которая при падении загоразживая вход; наоборот, когда надо открыть мост, цепи подтягивают, поднимают решетку, насколько нужно, чтобы пропустить пехотинца или всадника, а затем сейчас же закрывают ее снова, ибо решетка поднимается и опускается подобно заслонам бойницы».

Это приспособление лучше обыкновенной опускающей двери, которая падает прямо, так что ее всегда можно подпереть, между тем как французская решетка спускается не по прямой, и неприятель не может остановить ее движение. Строители крепостей должны соблюдать все эти предписания. Кроме того, на расстоянии одной мили от крепостных стен не должно быть ни пашен, ни построек, дабы кругом была открытая равнина, без единого кустарника, насыпи, дерева или дома, — вообще ничего, что загоразживало бы вид и могло бы укрыть подступающего неприятеля. Заметьте, что наружные рвы с насыпями выше уровня местности только ослабляют крепость. Насыпи, с одной стороны, прикрывают подступы осаждающего к укреплениям, а с другой — не останавливают действия осадных орудий, так как легко разрушаются.

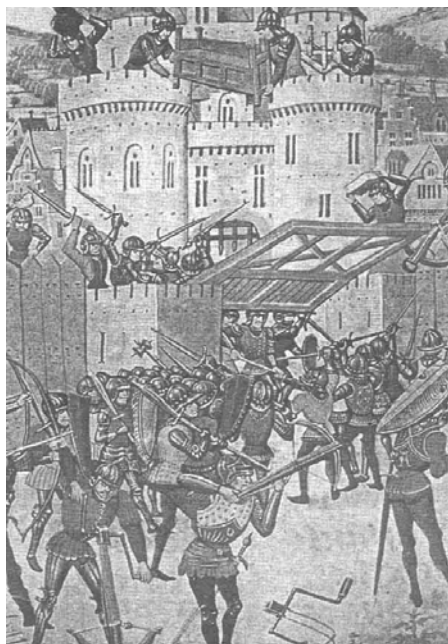
Перейдем теперь к описанию внутреннего распорядка крепостей. Не буду много говорить о необходимости иметь в них достаточный запас продовольствия и боевого снаряжения, так как это вещи каждому понятные и без них все прочие меры не нужны. Вообще надо постараться снабдить себя в изобилии и вместе с тем помешать противнику пользоваться средствами страны. Поэтому надо уничтожить все продовольствие, а также весь корм и скот, который нельзя ввезти к себе в крепость. Комендант крепости должен строго следить за сохранением в ней полного порядка и принять все меры к тому, чтобы каждый всегда и во всех случаях знал свои обязанности. Женщины, старики, дети и больные должны сидеть по домам, чтобы не мешать юношам и мужчинам. Гарнизон разделяется на части, расставляемые у стен, ворот и важнейших мест крепости, дабы прекратить всякий начавшийся беспорядок. Некоторые отряды не занимают никаких заранее указанных постов, а держатся наготове, чтобы выступить всюду, куда потребуется.

При таком устройстве беспорядки едва ли возможны вообще. Заметьте себе еще одно важное обстоятельство: при осаде и обороне города неприятель больше всего надеется на успех, если знает, что жители вообще никогда еще не воевали. Как часто бывает, что города сдаются просто со страху, даже не испробовав свои силы. Поэтому осаждающий должен всеми силами стараться как можно больше устрашить население. Осажденный со своей стороны должен поставить на всех угрожаемых пунктах крепких людей, которые могут уступить только оружию, а не молве. Неудача первого приступа укрепит мужество осажденных, и врагу надо тогда надеяться только на свою силу, а не на славу непобедимости.

Для обороны крепостей у древних служили различные орудия — баллисты, онагры, скорпионы, аркобаллисты, пращи. Для осады употреблялись тараны, башни, подвижные щиты, защитные плетни, деревянные подступы, косы, черепахи. Вместо всех этих орудий сейчас действуют пушки, служащие одинаково для осады и для обороны, так что о них можно не говорить».

Мы здесь даем полную цитату на несколько страниц, и прервали ее, только чтобы обратить ваше внимание: Макиавелли упоминает «древних» почти в строчку со своими

современниками. Разница между «нами» и «древними», де, только в том, что они применяли для обороны то-то и то-то, а теперь у нас пушки есть. Подозреваем, что в подлиннике эти «древние» обозначены, как «античные». Если античность проистекала, как мы доказываем, включительно по XIII век, то понятно, почему Макиавелли в конце XV-го ссылается на опыт этих «древних». Они для него и впрямь древние. А если понимать античность в традиционном ключе, то это непонятно.

век.

Штурм города на северо-востоке Франции. XV

В самом деле. Можете ли вы представить себе, чтобы пилот, только что на сверхзвуковом самолете слетавший на бомбежку какого-нибудь аула на другом континенте, вместо прикидок, что вот, на самолете предыдущего поколения пришлось бы делать две дозаправки, а теперь этого нет, затеял бы сравнение своего самолета, например, с колесницей? Вы бы сочли такого пилота дурачком. Но традиционная история заставляет воспринимать Макиавелли именно таким «дурачком»! И что еще интересно, здесь и дальше Макиавелли ни разу не вспоминает недавние крестоносные войны, в которых участвовали его предки, а говорит все о каких-то посторонних ему антиках. Не очевидно ли, что его предки — и антики, и крестоносцы одновременно?

«Рассмотрим теперь подробнее средства овладения крепостью. Осажденному грозят, собственно, две опасности: голод и неприятельский приступ. Я уже говорил о том, что для предупреждения голода надо как следует снабдить себя провиантом еще до осады. При истощении запасов защитники часто ухитрялись получить продовольствие от союзников каким-нибудь необычным способом. Это не так трудно, особенно если осажденный город разделен пополам рекой. Во время осады Ганнибалом римской крепости Казилинума римляне, не имея возможности доставить по реке другую пищу, бросали в воду громадное количество орехов, которые беспрепятственноплыли по течению и очень помогли гарнизону. Другие осажденные действовали иначе: желая показать неприятелю, что запасы у них есть, и этим отнять у него надежду взять их измором, они выбрасывали хлеб за городской вал или обкармливали им вола и выпускали его на волю, рассчитывая на то, что неприятель его зарежет и по набитому хлебом желудку животного убедится, что город снабжен в изобилии.

С другой стороны, большие полководцы, осаждавшие города, измышляли самые разнообразные хитрости для истощения неприятеля. Фабий нарочно позволил жителям Кампании засеять поля, чтобы лишить их части зерна. Дионисий при осаде Реджо притворился, что готов пойти на соглашение с осажденными, и уговорил их снабдить его продовольствием во время переговоров, а затем, когда город остался без хлеба, он обложил его еще теснее и выморил голодом. Александр Великий, готовясь к осаде Левкадии, захватил все окрестные крепости, так что гарнизонам их осталось только уйти в ту же Левкадию, которая оказалась переполненной народом, и была вынуждена из-за голода к сдаче.

О приступах мы уже говорили, и я тогда же доказывал вам, что самое важное — это первый штурм. Римляне много раз брали города первой атакой, нападая сразу со всех сторон. Способ этот назывался у них *aggredi urbem corona*. Так действовал Сципион под Новым Карфагеном в Испании. Однако если первый приступ отбит, то рассчитывать на взятие города уже трудно. Если неприятелю даже удастся овладеть стеной и ворваться, то для защитников далеко не все потеряно, лишь бы они не растерялись. Сколько раз бывало, что неприятельские войска, уже проникшие в город, должны были отступить или вовсе погибали. Осажденным надо в этих случаях занять господствующие места и поражать противника с высоты домов и башен. Со своей стороны нападающие, уже вошедшие в город, действовали обычно двумя способами: они либо открывали ворота и давали гарнизону возможность бежать, либо объявляли через вестника, что пощадят всякого, кто бросит оружие, и уничтожат только вооруженных. Это очень часто облегчало победу.

Наконец, город легко взять внезапным штурмом. Для этого надо расположить войска в некотором отдалении, дабы жители поверили, что ты или не собираешься на них нападать, или не можешь сделать это незаметно вследствие дальности расстояния. Если ты потом подойдешь неожиданно и сразу двинешь войска на приступ, то успех почти несомненен. Я неохотно говорю о делах современных, ибо говорить о себе и своих походах мне было бы трудно, а рассуждая о других, я часто не знал бы, что сказать. Тем не менее, не могу не сослаться на пример Цезаря Борджя, герцога Валентине. Находясь с войсками у Нуцерии, он притворился, что собирается идти на Камерино, а затем неожиданно повернул к Урбино, и без всякого труда захватил город в один день, между тем как другой полководец потратил бы на это массу времени и денег.

Осажденные должны быть также настороже против всякого рода ловушек и военных хитростей неприятеля. Если они видят, что враг изо дня в день производит одно и то же действие, пусть не успокаиваются, и знают, что здесь скрывается обман и готовится на погибель им нечто совсем новое. Домиций Кальвин, осаждавший какой-то город, взял себе в привычку ежедневно обходить вокруг стен с большим отрядом войск. Жители решили, что он производит учение, и несколько успокоились. Как только Домиций заметил, что противник стал менее осторожным, он сейчас же пошел на приступ, и город был взят.

Некоторые полководцы, узнав, что о осажденным идут подкрепления, одевали своих солдат по неприятельскому образцу, вводили их благодаря этому переодеванию в крепость и захватывали ее. Кимон Афинский поджег однажды храм, стоявший за городской стеной; жители бросились тушить пожар, а город тем временем достался неприятелю. Некоторые полководцы захватывали неприятельских фуражиров и в их платье переодевали своих солдат; эти солдаты проникали в крепость и открывали ворота неприятелю.

Древние полководцы пользовались вообще самыми различными средствами, чтобы ослабить защиту осажденных городов. Сципион во время войны в Африке, желая захватить некоторые карфагенские крепости, не раз делал все приготовления к приступу, и затем отступал как бы из опасения неудачи. Ганнибал поверил, что это действительно так, и стянул к себе все их гарнизоны, чтобы получить численный перевес и легче добиться победы. Как только Сципион об этом узнал, он двинул войска своего союзного полководца Масиниссы к этим крепостям, и они были взяты.

Пирр, осаждавший столицу Иллирии, защищенную сильным гарнизоном, притворился, что отчаивается в успехе, и направился к другим крепостям, а иллирийцы попались в западню — послали войска на выручку крепостям и настолько ослабили защиту столицы, что ее уже нетрудно было взять. Многие для овладения городом отравляли воду или отводили течение рек, хотя это средство ненадежное. Иногда осажденных принуждали к сдаче, пугая их ложными известиями о поражении их войск или о прибытии новых подкреплений к осаждающим. Древние полководцы старались также захватить город изменой, подкупая жителей, причем действовали разными способами. Одни посылали кого-нибудь из своих, он притворялся перебежчиком, входил в доверие к неприятелю, становился влиятельным человеком и пользовался этим в интересах того, кто его послал. Другие этим путем узнавали расположение караулов и благодаря полученным сведениям проникали в город. Третьи под каким-нибудь предлогом загромождали ворота повозкой или бревнами, так что их нельзя было вовремя запереть, и осаждающий легко врывался.

Ганнибал, обложив одну римскую крепость, убедил одного из жителей предать ее. Для этого предатель отправлялся на охоту ночью, притворяясь, что днем боится неприятеля. Через некоторое время, возвращаясь в город, он привел с собой отряд солдат, которые перебили часовых, и открыли ворота карфагенянам. Иногда осажденных можно

обмануть, выманивая их из города на вылазку и притворно обращаясь в бегство, чтобы завлечь их возможно дальше. Многие полководцы, между прочими Ганнибал, даже отдавали неприятелю свои лагерь, чтобы отрезать ему отступление и взять город.

Полезно также притворное снятие осады. Так поступил, например, афинянин Формион, который сначала разорил землю халкидян, а затем принял их послов, надавал им всяких хороших обещаний и, воспользовавшись их неосмотрительностью, овладел городом. Осажденные должны тщательно следить за всеми подозрительными людьми из городских жителей. Впрочем, иногда их можно привлечь на свою сторону не только страхом, но и благодеяниями. Марцелл знал гражданина Нолы Луция Банция как сторонника Ганнибала, но обходился с ним настолько великодушно, что превратил его из врага в самого преданного друга.

Когда неприятель отходит от города, осажденным надо быть осторожнее, чем во время осады. Необходимо особенно охранять именно те места, которые кажутся наиболее безопасными, ибо многие крепости были взяты нечаянным нападением с той стороны, откуда никто его не ждал. Ошибка осажденных объясняется двояко: они или преувеличивают мощь крепости, считая ее неприступной, или попадают на обман неприятеля, который производит ложное и шумное нападение с одной стороны, а настоящий приступ готовит совсем в другом месте и в полной тишине. Поэтому осажденные должны смотреть в оба всегда, и особенно ночью, строжайшим образом охранять крепостные стены и пользоваться для этого не только людьми, но и злыми, чуткими собаками, обнаруживающими врага своим лаем. Да и не только собаки спасали иной раз города, а и гуси, как известно по рассказу об осаде галлами Капитолия.

Алкивиад во время осады Афин спартамцами захотел убедиться в бдительности стражи и под страхом жестокого наказания приказал, чтобы в ту минуту, когда он ночью зажжет огонь, все часовые отвечали ему тем же. Афинянин Ификрат убил спавшего часового и сказал затем, что оставил его в том же состоянии, в каком он его застал.

С союзниками осажденные сносятся различно: чтобы не посылать устных сообщений, пишут условленными цифрами и переправляют письма самыми разнообразными способами — их прячут в ножнах меча, запекают в хлебном тесте, скрывают в самых потаенных частях тела, заделывают в ошейник собаки, провожающей гонца. Некоторые писали самое обычное письмо, а между строк вписывали все нужное другим составом, позволяющим обнаружить буквы при смачивании или нагревании бумаги. Способ этот особенно развился в наше время и применяется очень хитро. Если кто-нибудь хотел тайно написать друзьям, находящимся в крепости, и не желал никому доверять письмо, он прибавлял к церковной двери объявление об отлучении в обычной форме, содержащее между строк сообщение, написанное, как я вам уже говорил, а те, к кому письмо направлялось, узнавали бумагу по условленному знаку, снимали объявление и на досуге его читали. Это очень тонкий и безопасный способ, так как посланный с таким письмом может вовсе и не подозревать о его содержании.

Можно изобрести для сообщений еще бесконечное множество самых разнообразных средств. Все же надо иметь в виду, что легче писать осажденным извне, чем доставлять сведения из обложенной крепости, ибо такие письма могут переносить только мнимые перебежчики, а это — способ ненадежный и опасный, если только неприятель сколько-нибудь осторожен. Наоборот, тот, кто хочет сообщить что-нибудь в крепость, может под разными предлогами послать во вражеский лагерь гонца, который уже всегда найдет возможность туда пробраться.

Обратимся, однако, к другому предмету, именно к современной осаде и обороне. Допустим, что вы осаждены в крепости, не обнесенной рвами внутри, как я уже вам объяснял. Если вы хотите помешать противнику ворваться в пролом, пробитый пушечным обстрелом (самый пролом заделать невозможно), вы должны еще под огнем выкопать за стеной ров шириной по меньшей мере в 30 локтей и выбрасывать всю вынутую землю в сторону города, чтобы образовать таким образом вал и увеличить глубину рва. Работы эти необходимо вести как можно быстрее, чтобы к тому времени, когда стена начнет рушиться, глубина рва достигала по меньшей мере пяти или шести локтей. Ров должен с обоих концов замыкаться казематом. Если же стена продержится так долго, что ты успеешь выкопать ров и устроить казематы, то обстреливаемая часть крепости будет сильнее всех остальных, ибо насыпанный вал заменит внутренние рвы, о которых мы уже говорили. Если же стена слаба и у тебя не хватит времени на эти работы, то надо проявить все свое мужество и отразить приступ всеми силами и средствами.

Этот способ сооружения вала был применен пизанцами при осаде их вашими войсками, и он удался благодаря крепости стен, задержавших приступ, и глинистой почве, необычайно удобной для устройства валов и преград. Если бы не эти преимущества, пизанцы, несомненно, потерпели бы поражение. Поэтому всегда лучше произвести все эти работы заранее и выкопать внутренний ров по всей окружности города, ибо, когда вал сооружен, можно ожидать врага с полным спокойствием. Древние часто брали города подкопами, причем действовали двояко: они либо вели подземный ход и проникали через него в город, как это было при взятии Вейев, либо подрывали стены, чтобы в нужную минуту их обрушить. Второй способ очень употребителен в наше время, и благодаря ему выяснилось, что крепости, построенные на высотах, слабее других: их легче подрыть, а если положить в подкоп порох, воспламеняющийся мгновенно, то не только стены взлетят на воздух, но и раскроются горы и все укрепления рассыплются на части.

Против этого можно бороться устройством крепости на равнине и сооружением настолько глубокого окружного рва, чтобы неприятель при всякой попытке прорыть его дальше наталкивался на подземные воды, которые одни только и опасны для этих подкопов. Коли все же приходится оборонять крепость, расположенную на высоте, то единственное средство — это вырыть в городе множество глубоких колодцев, которые явятся как бы выходами из неприятельского подкопа. Другой способ борьбы — это встречный подкоп, если только ты знаешь, как его направить; этим путем очень легко остановить работы противника, но вся трудность в том, чтобы их открыть, особенно когда имеешь дело с опытным врагом.

Самое страшное для осажденного — это нападение врасплох во время отдыха войск, например после отбитого приступа, перед сменой часовых, т. е. на рассвете или в сумерки, и особенно во время еды. Множество крепостей было взято именно такими атаками, и, наоборот, осаждающие не раз бывали разбиты этими внезапными вылазками гарнизона. Поэтому здесь требуется с обеих сторон неусыпная бдительность, причем часть войск всегда должна быть при оружии. Надо вообще сказать, что оборона крепости или лагеря очень затруднена необходимостью раздроблять войска. Ведь неприятель может по своему желанию нападать единой массой с любой стороны. Поэтому ты должен защищать свои линии на всем их протяжении, и, в то время как враг бросает на тебя все свои силы, ты можешь противопоставить ему только часть их.

Осажденный может быть совершенно уничтожен, а для осаждающего самое худшее — это только отбитый приступ. Такое положение заставляло многих полководцев, осажденных в лагере или в крепости, делать отчаянную вылазку и вступать в решительный бой, который давал им победу, несмотря на численный перевес неприятеля. Так поступили Марцелл в Ноле и Цезарь в Галлии. Обложенный в лагере громадными полчищами галлов, он понял, что, оставаясь в укреплениях, он погибнет, так как должен будет разделить свои силы и не сможет, укрываясь за палисадом, обрушиться на врага. Поэтому он открыл один из выходов лагеря, собрал в этом месте все войска и устремился на галлов с такой яростью и силой, что одержал полную победу.

Твердость духа осажденных много раз устрашала их противника и заставляла его отчаиваться в успехе. Во время войны между Помпеем и Цезарем, когда войско Цезаря сильно страдало от голода, Помпею был доставлен кусок хлеба, которым питались Цезаревы солдаты. Хлеб этот состоял из травы, и Помпеи запретил показывать его войску, дабы оно не смутилось, увидав, с каким противником ему приходится сражаться. Величайшая честь римлян в войне с Ганнибалом — это их удивительная твердость, ибо в самую трудную пору, когда счастье как будто окончательно им изменило, они ни разу не просили мира и не проявили ни малейшей слабости. Наоборот, когда Ганнибал стоял почти у ворот Рима, поля, на которых был разбит его лагерь, продавались по более высокой цене, чем в мирное время. Римляне вообще преследовали свою цель с такой непреклонностью, что ради защиты Рима даже не захотели снять осаду Капуи, обложенной ими в то самое время, когда неприятель угрожал их столице.

Многое из того, что я вам сказал, вы могли бы, конечно, узнать сами. Однако я сделал это намеренно, чтобы лучше обнаружить все превосходство предлагаемых мною воинских установлений и принести некоторую пользу тем (если такие найдутся), кто не мог, подобно вам, участвовать в нашей беседе. Все сказанное мною можно выразить в некоторых общих правилах, которые надо твердо себе усвоить.

Вот эти правила.

Все, что полезно неприятелю, вредно тебе, и все, что полезно тебе, вредно неприятелю. Тот, кто на войне бдительнее следит за неприятелем и тщательнее обучает и упражняет свои войска, подвергается меньшей опасности и может больше надеяться на победу.

Никогда не веди войска в бой, пока ты не внушил им уверенности в себе, и не убедился, что они вполне благоустроены и не боятся врага. Никогда не начинай сражения, если ты не знаешь, что войска верят в победу.

Лучше сокрушить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше дается счастьем, чем мужеством.

Лучший замысел — это тот, который скрыт от неприятеля, пока ты его не выполнил.

Умей на войне распознавать удобный случай и вовремя за него ухватиться. Это искусство полезнее всякого другого.

Природа редко рождает храбрецов. Они во множестве создаются трудом и обучением».

Совершенно ясно: примеры, которые приводит Маккиавелли (хоть и был он, говорят, дилетантом в военном деле), актуальны в его время. Ни он, ни его читатели и не заметили, как прошла тысяча лет! Те же принципы обороны, те же методы нападения. Если мы желаем оставаться в плену традиционной истории, то должны признать, что человечество впало в тысячелетний сон, а потом пробудилось и не заметило никаких перемен. Если же, руководствуясь здравым смыслом, станем отрицать возможность такого «сна», то придется нам распрощаться с традиционной историей.

В следующем отрывке Никколо Макиавелли (в подражание Платону писавший в форме диалога) ведет речь о бастионах:

«Фабрицио. Если враг решается на приступ, его сразу же задержит высокая внешняя стена. Если он подойдет с артиллерией, то должен будет сначала эту внешнюю стену разрушить, но при этом пострадает сам, так как стена всегда обваливается в сторону обстрела, и образуются огромные груды обломков, которым осыпаться некуда, так что они только еще увеличивают глубину рва. Таким образом, продвинуться нельзя, ибо этому мешают развалины стены, ров и расположенная сзади него артиллерия, которая бьет осаждающего наверняка. Остается последнее средство — засыпать ров, но это дело очень и очень трудное: ров широк и глубок, а приблизиться к нему нелегко, так как стена идет ломаной линией со множеством входящих и исходящих углов, и двигаться между ними по причинам уже указанным можно только с большим трудом. Наконец, неприятель должен перетаскать все необходимое ему через развалины стены, и это создает ему жутчайшие затруднения. Таким образом, я считаю, что крепость, устроенная по моему предложению, будет совершенно неприступной.

Баттисти. Не станет ли наша крепость еще сильнее, если кроме внутреннего рва выкопать еще ров снаружи?

Фабрицио. Несомненно, но если выкапывается только один ров, лучше делать это с внутренней стороны.

Баттисти. Какие рвы вы предпочитаете — наполненные водой или сухие?

Фабрицио. На этот счет есть разные мнения, так как водяные рвы предохраняют от подкопов, а сухие труднее засыпать. Однако, взвесив все соображения, я предпочел бы сухие рвы, потому что они безопаснее. Случалось, что водяные рвы зимой замерзали и облегчали этим взятие города, как это и было при осаде Мирандолы папой Юлием II. Для защиты от неприятельского подкопа я выкапывал бы рвы такой глубины, что всякий, кто вздумал бы рыть дальше, непременно наткнулся бы на воду. Стены и рвы крепостей должны устраиваться точно так же, дабы оказать осаждающему столь же сильное сопротивление.

Защитнику города я настойчиво советую помнить одно: не устраивайте отдельных бастионов вне главной стены. Строителю крепости я советую другое: не устраивайте в ней никаких укреплений, куда гарнизон мог бы укрыться после потери передней стены. Когда я даю первый совет, то думаю о следующем: надо избегать всего, что может сразу и бесповоротно подорвать прежнее высокое мнение о тебе людей; они перестают тогда считаться с твоими распоряжениями, а прежнее твои сторонники боятся за тебя заступиться. Между тем это непременно случится, если ты возведешь бастионы отдельно от главной городской стены: они всегда будут взяты, ибо в наши дни невозможно удержать

мелкие укрепления, попавшие под уничтожающий огонь пушек, а потеря бастионов будет началом и причиной твоего собственного падения. Когда генуэзцы восстали против Людовика, короля Франции, они возвели некоторые бастионы на холмах, окружающих город, но бастионы эти были сейчас же снесены, и потеря их повлекла за собой взятие самого города.

Скажу теперь о смысле второго совета. Я утверждаю, что самая большая опасность для защиты крепости — это существование в ней укреплений, куда можно отступить после потери переднего вала. Если солдаты надеются на спасение, отдав неприятелю обороняемые места, они не станут защищаться, а потеря важного пункта приведет к падению всей крепости. За примером ходить недалеко: вспомните взятие крепости Форли, которую графиня Катерина защищала против сына папы Александра VI — Цезаря Борджа, осаждавшего ее во главе французских войск. В крепости было множество укреплений, куда можно было последовательно отступать. Во-первых, там находилась цитадель, отделенная от крепости рвом, через который был перекинут подъемный мост; крепость делилась на три части, отделенные водяными рвами и соединявшиеся мостами. Огонь герцогских орудий сосредоточился на одной из частей, и в стене образовался пролом, а комендант, мессер Джованни да Казале, и не подумал защищать брешь, а отступил и отвел войска к другим укреплениям. Солдаты герцога, проникшие без сопротивления в эту часть, овладели мостами, связывавшими ее с другими частями, и мгновенно оказались хозяевами всей крепости.

Так пала твердыня; считавшаяся неприступной, и произошло это по двум причинам: во-первых, в ней было слишком много бесполезных внутренних укреплений; во-вторых, отдельные части крепости не имели возможности самостоятельно и вовремя поднимать мосты. Скверно построенная крепость и бездарность коменданта погубили мужественную графиню, решившую сопротивляться войску, на борьбу с которым не отваживались ни король Неаполя, ни герцог Милана. Усилия ее, правда, не имели успеха, но борьба принесла ей великую честь, вполне заслуженную ее доблестью. Свидетельством этому является множество стихотворений, сложенных тогда в ее похвалу.

Если бы мне пришлось строить крепость, я бы обнес ее крепкими стенами и рвами по способу, о котором мы уже говорили: внутри я оставил бы только жилые постройки и нарочно делал бы их непрочными и низкими, дабы они не мешали коменданту, находящемуся в центре, обозревать все пространство крепостных стен и видеть, куда надо спешить на помощь. Каждому солдату я бы твердо внушил, что с потерей стен и рва крепость погибнет...»

Засим воспользуемся случаем, и рассмотрим стили архитектуры.

Стили архитектуры

Еще в давние времена архитекторы и художники определили свободные от произвола соотношения размеров частей и деталей архитектурных сооружений, художественных произведений. Было установлено, что эстетическое впечатление оказывают произведения, использующие математически выверенные пропорции, например, 1:1:2:3 или 2:3:4:6.

В традиционной Древней Греции широко использовались так называемые «золотое сечение» (21:34), «серебряное», отношение высоты правильного пятиугольника к ширине его высоты и многие другие. Когда впервые были применены те или иные пропорциональные отношения, трудно сказать, но вот некоторые из них:

- а. 1:2,236 (1: $\sqrt{5}$)
- б. 1:2 (1: $\sqrt{4}$)
- в. 1:1,8 (5:9)
- г. 1:1,732 (1: $\sqrt{3}$)
- д. 1:1,666 (3:5)
- е. 1:1,618 (21:54)
- ж. 1:1,538
- з. 1:1,5 (2:3)
- и. 1:1,414 (1: $\sqrt{2}$)
- к. 1:1,333 (3:4)
- л. 1:1,285 (7:9)

Все эти пропорции применялись, кажется, всегда. Во всяком случае, хронология Скалигера не позволяет найти здесь какую-либо эволюционность. И вот в книге «Пропорции в античности и в средние века» Э. Мессель вообще отказался от исторической трактовки проблемы пропорций; он пришел к выводу, что система регулирования пропорций на протяжении от раннеегипетской и до конца Средневековья не испытывает никаких изменений. Он даже считает, что *«произведения архитектуры и скульптуры различных эпох могут быть сравниваемы по типовым группировкам»*.

*Композиционная схема «Сикстинской мадонны» Рафаэля.
Свое вдохновение художник подчиняет геометрическому расчету.*

Мессель обнаружил по крайней мере семь общих типов пропорциональных построений архитектурных, скульптурных и живописных произведений античности, Средних веков и Ренессанса.

1. Равнобедренный треугольник в прямоугольнике;
2. Десятиконечная звезда в круге;
3. Восьмиконечная звезда в круге;
4. Семиконечная звезда в круге;
5. Могеновид («звезда Давида») в круге;
6. Пентаграмма в круге;
7. Квадрат в круге.

Таким образом, основой этой системы Э. Мессель считает геометрию круга и его деление на равные части (4, 5, 6, 7, 8, 10 частей), вписанного в прямоугольник.

«Истоки «геометрии круга» лежат в более ранних культурах и развились, по-видимому, из элементарных технических приемов, в процессе взаимодействия с примитивным астрономическим опытом. Общеобязательное значение геометрическая систематика приобрела благодаря жреческим обычаям и предписаниям».

«Пропорции и пропорциональные соотношения произведений архитектуры и скульптуры от раннеегипетской эпохи и до конца Средневековья позволяют установить плановость регулирования пропорций. Система регулирования не претерпевает в течение указанного периода никакого изменения...»

Однако редактор русского издания книги Н. Брунов пишет с безапелляционностью, свойственной искусствоведению 1930-х годов:

«Месселю не удалось разгадать математических расчетов древних и средневековых зодчих. Их надо искать не там, где это пытаются делать Мессель. Ответ на такой вопрос могут дать не безмолвные здания, сохранившиеся от прошлых эпох, а дошедшие до нас от той поры документы».

Н. Брунов даже приводит один такой документ: трактат древнеримского архитектора и инженера I века до н.э. Витрувия.

«Храмы Минерве, Марсу и Геркулесу должны делаться дорийскими, ибо мужество этих божеств требует постройки им храмов без прикрас. Для храмов Венере, Флоре, Прозерпине и нимфам источников, подходящими окажутся особенности коринфского стиля, так как, благодаря нежности этих божеств, должное благолепие их храмов увеличится применением в них форм утонченных, украшенных цветами, листьями и валютами. Если Юноне, Диане, Вакху и другим сходным с ними божествам будут строиться ионийские храмы, то это будет соответствовать среднему положению, занимаемому этими божествами...»

Слова Витрувия действительно завораживают, создается впечатление, что подобного отношения к архитектуре вполне достаточно, чтобы построить шедевр. Зачем еще какие-то расчеты? Но сам Витрувий так начинает свой трактат «Десять книг об архитектуре»:

«Наука архитектора основана на многих отраслях знания и на разнообразных сведениях, при помощи которых можно судить обо всем, выполняемом посредством других искусств. Эта наука образуется из практики и теории».

Практика есть постоянное и обдуманное применение опыта для выполнения руками человека работ из любого материала по данному чертежу. Теория же заключается в возможности показать и обосновать исполнение в соответствии с требованиями искусства и целесообразности».

Архитектура как бы впитывает в себя все достижения современной ей цивилизации. Крупные архитектурные произведения — это символическое подобие космоса, и такие космологические представления определяют место человека в мире, его самоощущение либо как центра Вселенной, либо как «винтика» социальной системы. Зайдите в храм, а затем в пятиэтажку или офисное здание, и сравните свои ощущения.

Ситуация в нашей современной архитектуре имеет удручающий характер. Дело в том, что так называемые «серьезные» литература и искусство оказались в тупике и давно уже стали архаическим занятием. О «серьезной» же архитектуре не идет даже речи, она выполняет чисто функциональные задачи.

Но с чего начинается архитектура? Вряд ли сразу с расчетов. Она начинается, как и всякая наука, и любое ремесло, с опыта, с повторения простейших приемов строительства, и развивается эволюционно. А вот эволюционности-то мы во многом и не видим, и это есть несомненное «достижение» хронологии.

В своей «Истории искусства всех времен и народов» Карл Верман, которого мы не раз еще будем цитировать, приводит примеры строительства в животном мире, которые могут поколебать установившиеся понятия о различии способностей людей и животных. Он пишет:

«Например, жилище муравьев только снаружи представляется неправильной кучей, но внутри часто насчитывает 30–40 этажей, расположенных один над другим. Как тщательно подперты отдельные этажи столбами и перекладинами!.. Как искусно укреплен, при помощи скрещивающихся балок, потолок большой залы, находящейся в середине лабиринта!»

Строения африканских термитов многие белые путешественники издали принимали за хижины негритянских племен. А постройки бобров в воде — плотины, достигающие 200 метров длиной, просто поразительны!

Зодчество многих народов, в развитии своем стоящих на уровне позднейшей каменной эпохи, со времен прибытия европейцев так и остались в стадии самых простых хижин и свайных построек. Их оружие и утварь по-прежнему изготавливаются из камня, кости, дерева и раковин. Даже узнав о достижениях цивилизации, они не кидаются строить дворцы и крепости. Зато от «доисторических времен» сохранились поражающие воображение циклопические нагромождения стен и уступчатые пирамиды, состоящие из земляных насыпей. Опять же, принадлежность их «доисторическим временам» делали не мы.

Следует спокойно и непредвзято ответить на вопрос, какова была архитектура бронзового века. Карл Верман пишет:

*«Микенская культура относится к бронзовой эпохе... Даже железные кольца, служившие для украшения, появляются лишь в самом ее конце... **Мегалитический способ постройки** городских стен этой области тоже можно назвать принадлежащим бронзовой эпохе... К циклопическим стенам, то есть беспорядочно сложенным из грубых камней, отесанных лишь с наружной стороны, присоединялись, особенно при сооружении ворот, иногда правильные ряды отесанных четырехугольных плит, а в самих Микенах, наряду с такой кладкой, виден в некоторых местах и более поздний, полигональный тип постройки, при котором стена складывалась из неправильных многогранных каменных глыб, тщательно отесанных и пригнанных одна к другой до совершенно правильного смыкания пазов».*

Так строились стены для обороны от внешних врагов, которые служили, как правило, непреодолимым препятствием, будучи защищаемыми даже небольшим гарнизоном.

«Городские дворцы исследованы при раскопках настолько, что можно распознать не только их план, но и способ постройки, равно как и украшения стен. Строительным материалом для них служили плитняк, кирпич, высушенный на воздухе, и дерево...»

В Тиринфе и Микенах из камня состояли только низы стен и скрытые в каменном поле подножия колонн. Верхние части стен сложены из необожженного кирпича и имеют веерообразные гнезда для концов деревянных балок. Колонны с капителями и настилкой над ними, настенные пилястры и крыша, которая покрывалась утрамбованной глиной, сделаны из дерева. Многочисленные фрагменты известковой штукатурки стен свидетельствуют, до какой степени они были расписаны. Раскраска производилась прямо по сырой извести; здесь впервые в истории искусства появляется настоящая фресковая живопись.

К числу пластических украшений микенских дворцов принадлежат алебастровые фризы орнаментального характера, нередко маскировавшие собой деревянные части постройки. Колонны утончаются книзу, вверху на них лежит капитель, состоящая из круглой подушки.

«Формы зодчества Древней Месопотамии, — пишет К. Верман, — обуславливались свойствами строительного материала, который был под рукой. Тучную глину местной почвы формировали в большие куски или разрезали в виде правильных кирпичей. Кирпич или только просушивался на воздухе и солнце, или обжигался в огне; кое-где его уже глазурировали...»

До середины XIX века места этих первобытных городов обозначались холмами мусора и песка, возвышавшимися на обширной, жаркой равнине».

В постройках Месопотамии реже употреблялось дерево:

«Вопрос, употребляли ли древние халдеи колонны или столбы для поддержки потолков и крыши, на который еще недавно давали отрицательный ответ, решен теперь положительно. В одном сооружении в Телло... де Сарзек нашел два толстых столба, каждый состоял из соединения четырех круглых кирпичных колонн. В нескольких часах езды от Телло Джон Петерс открыл здание, внешние стены которого расчленены массивными полуколоннами, а в одном из двух внутренних помещений этого здания — 18 кирпичных колонн с четырехугольными базами, расставленными очень тесно, так что это помещение представляет собой настоящий гипостильный зал».

Как считает Верман, древние халдеи уже имели понятие о своде, как и о первобытном ложном своде, образуемом через кладку краев двух противоположных стен выступами до тех пор, пока последние не сомкнутся между собой. Классическим примером такого свода он называет свод склепа в Уре и свод с замковым камнем. Но оба этих рода сводов, принадлежащие к типу скорее стрельчатого, чем круглого, здесь, как и в Египте, применялись редко и для второстепенных целей.

В местах, богатых строительным лесом, складывались свои оригинальные архитектурные формы. Что касается зодчества бронзовой эпохи на севере Европы, К. Верман не может привести ни одного примера и лишь, следуя скалигеровской хронологии, заявляет:

«...Мы должны от обзора высоких, свободных и зрелых созданий искусства вернуться еще раз к рассмотрению произведений гораздо менее совершенных и примитивных».

А между тем правильнее было бы не возвращаться от зрелого искусства, датированного веками до нашей эры, а рассматривать произведения этой эпохи параллельно и в Средиземноморье, и на север от Альп, следуя, по крайней мере, хронологическому принципу четырех царств: Вавилонского (Египетского), Мидо-Персидского, Македонского (Греческого) и Римского — принципу, популярному вплоть до XV–XVI веков.

Церковь Сан-Хуан. VII век. Испания.
Достаточно примитивная постройка первых линий нашей «синусоиды».

Эти «царства» суть этапы истории Византийской империи (Великой РOMEи). Впрочем, если кому-то не нравится слово *империя*, можно заменить его словом *коалиция*. Это союз европейских, азиатских и африканских государств; империя IX–X веков не имела ничего общего с Британской или Российской империями позднейшего времени.

Постройки викингов или других народов Европы до IX века — это и есть зодчество эпохи бронзы или «раннего железа». К их числу относятся и Крито-микенские нагромождения камней со столбами, сделанное, по повелению руководителей пиратского государства, рабами, нахватавшими со всех концов Средиземного моря. Свод склепа в месопотамском Уре, датированный историками-ортодоксами III тысячелетием до н.э., в точности повторяет свод Царского Кургана близ города Керчь, служившего в Средние века местом для молений первых христиан. К этой же эпохе относятся знаменитые этрусские гробницы и древне-христианские катакомбы, с иным, правда, пониманием «древности».

Считая последние погребальными сооружениями (циметериями), К. Верман пишет:

«Круглые кубикuly встречаются довольно часто в сицилийских катакомбах, в Риме... известны лишь четырехугольные и неправильной формы камеры. Но циркульные потолочные своды мы находим и в Вечном городе; равным образом монотонность камер иногда нарушают и полукруглые абсиды. Их главное украшение составляет стенная живопись. Местами попадаются в них также колонны и пилястры. Так называемая квадратная крипта св. Януария в катакомбе Претекстата в Риме производит, благодаря своей мраморной облицовке, своим пилястрам и терракотовым фризам, впечатление настоящего шедевра древнехристианского зодчества; значительного размера полуколонны стоят также по сторонам ниши в обширной, расчлененной на части камере Острианского циметерия, которая римской школой и Краусом обычно приводилась как главный пример «катакомбных церквей» той эпохи. Колонны, полуколонны и пилястры древнехристианских погребальных камер уже довольно заметно уклоняются от античного благородства форм. Так, в одном киренском кубикule мы встречаем короткие, неуклюжие неканнелированные колонны с массивными капителями...»

То есть и здесь Верману поневоле приходится отсчитывать века в обратном направлении от роскошных наземных сооружений к убогим подземным пещерам. В XI–XII веках на территории всей Европы распространялся византийский стиль, называемый на Западе романским (а на Востоке ромейским). В XIII столетии в Греции, Малой Азии и Южной Италии возник стиль Ренессанс. Одновременно на севере Франции возник готический стиль. В XIII–XIV веках наступил «ослабленный» Ренессанс (проторенессанс) в Северной Италии; он сопровождался «ослабленной» готикой. Еще более слабый франко-германский проторенессанс точно так же, как в Италии, развивался параллельно с готикой полнокровной. Его-то искусствоведы и считают каролинско-оттоновским возрождением, ошибочно размещая в IX–XI веках, то есть считая его существовавшим до романтического стиля.

С византийского стиля начнем наш анализ развития средневековой архитектуры в Европе.

Византийский стиль

Изучение греческих строений начинают, как правило, с Микен.

«Хотя массивность кладки и свойственное им преимущественно подземное, пещероподобное расположение сходны со всеми первобытными постройками, развалины Микен (напоминающая ассирийские образцы резьба на Львиных воротах и в особенности украшения и устройство казнохранилища, его металлическая обшивка и т.п.) указывают на присутствие в них восточного элемента», — пишет Герман Вейс в своей «Истории цивилизации».

Потом откуда-то с севера якобы пришли какие-то дорийцы и изобрели особый способ строительства — дорический, исходной точкой которого была простая деревянная хижина.

«О том, как строились древнедорийские и вообще древнегреческие дома, никаких достоверных данных нет... — указывает Вейс. — Можно только предположить, что древнегреческое жилище в первоначальном виде представляло собой окруженный столбами и защищенный плоской двускатной крышей очаг».

Тем не менее, по мнению Вейса, у дорийцев была странная блажь: при строительстве храмов древние зодчие использовали рычаг, «известный уже древним ассирийцам и, конечно, финикийцам и другим народам сложный блок», пилу для распилки камней и, «вероятно, даже машины для обтачивания колонн». А вот для других целей рычаг не применялся. И еще одно его сообщение:

«Как ни велики были успехи строительной техники греков, прошло еще много времени, пока они решились воспользоваться ими для светских построек».

То есть, по мнению историков, замечательные древнегреческие храмы были окружены исключительно одними хижинами из дерева, глины и тростника. Зачем понадобились им столь абсурдные представления? Для подтверждения скалигеровской хронологии. Иначе пришлось бы объяснять, каким образом одновременно с «дорийскими» зданиями возводились постройки в романском стиле. Ведь археологам приходилось разбирать романские башни в афинском Акрополе, хотя они были построены из того же камня и тогда же, когда и фундаменты «дорийских» храмов.

Византийский храм св. Виталия в Равенне (Италия). 547 год.

*По традиционной хронологии построен **раньше** церкви Сан-Хуан, показанной на предыдущей иллюстрации. По нашей хронологии построен **позже**, чем та церковь в Испании.*

Мы решили назвать эту главу «Византийский стиль», а не «Романика», поскольку в искусствоведении сильно утвердилась тенденция придавать огромное значение тем, в общем-то, небольшим различиям, какие есть в изобразительном искусстве Западной и Восточной Европы XI–XII веков. Насколько незначительны эти особенности, видно из фразы Вермана о Дмитриевском соборе во Владимире (1194–1195). Подчеркивая, что этот собор имеет уже несколько другой характер, нежели Софийские соборы в Киеве (1037) и Новгороде (1052), и объясняя это возможным участием в строительстве ломбардских зодчих, он пишет, что детали этого собора родственны скорее западно-романскому, чем византийскому стилю.

Просто византийский стиль имел свои особенности в западноевропейских провинциях Великой Ромеи XI–XII столетий, — их и называют романским стилем, привязывая это название к не существовавшему до XIV века итальянскому Риму. Свои «восточные» особенности имелись в искусстве Персии, Средней Азии и т.д. Особенно эти различия проявились в архитектуре.

Вообще история византийской архитектуры довольно запутана, и разобраться с ней поможет выстроенная на основе изучения литературы синусоида. Читаем «Историю Искусства всех времен и народов» Карла Вермана:

«Иконоборство привело все изобразительные искусства в одинаково плачевное состояние. Даже архитектура в течение двух столетий (659–850) оставалась скованной. Разбила эти цепи только могущественная, покровительствовавшая искусству македонская династия (867–1056). При ней все художества воспрянули к новой жизни. Средневековое византийское искусство первой цветущей поры пониманием форм, богатством красок и техническими познаниями превосходило искусства всех других европейских стран».

Так и есть: по «византийской» синусоиде с VII по IX века виден спад, а с IX по XI — подъем. И VII и XI века находятся на линии № 7.

«К началу XI столетия относится великолепнейшая из всех византийских церквей Греции — главная церковь знаменитого монастыря Св. Луки в Стириде... Полустолетием позже построена церковь монастыря в Дафни близ Афин. Обе эти церкви увенчаны огромными, в ширину трех абсид, куполами, покоящимися на восьми столбах, связанных системой контрфорсов в одно массивное прочное целое».

Конец «второй эпохи расцвета» византийского искусства — 1204 год. XII–XIII столетия:

«Этот средний период византийского искусства, искусства времен Комнинов (и Ангелов. — Авт.), характеризуется наибольшей схематизацией форм... Искусство времен Комнинов — византийское искусство в том виде, в каком оно, со всеми своими слабыми сторонами, запечатлелось в памяти потомства».

Это и показывает синусоида: с XI по XIII век — новый спад вплоть до появления «палеологовского возрождения» XIV–XV веков. Парадоксально, но мы видим это на примере внутреннего убранства тех же церквей.

«В мозаиках Дафни (XII век) пропорции тела вообще правильны; черные контуры нередко как бы пропадают в тех местах, где встречаются резко контрастирующие между собой тона; колорит светлее, разнообразнее и жизненнее, чем в церкви Св. Луки. Однако при всей роскоши и эффектности мозаик Дафни, они уже очень далеки от свободы, которая была свойственна византийскому искусству в начале македонской династии».

Дело не в том, что мозаики монастыря в Дафни хуже произведений живописи конца IX века. Просто этот пример очень показателен на общем фоне упадка искусства к XII веку (линия № 5). Времена правления македонской династии известны в Западной Европе как каролингская и оттоновская эпохи.

Собор Сен-Фрон в Перигё (Франция), построенный в пятикупольной византийской системе. Датируется XII веком. По нашему мнению, это романская постройка XIV–XV века.

Чем же они интересны?

«Каролингское, как и оттоновское, искусство было далеко от того, чтобы сознательно созидать на новом, германском основании (как готика. – Авт.); напротив того, искусство этих эпох, в сущности консервативное, стремилось продолжить традиции христианской (то есть, по Стшиговскому-Стриговскому, византийской. – Авт.) древности... В Галлии это искусство — вероятно, под непосредственным восточно-христианским влиянием, проникавшим частью через Равенну, частью, как полагал Стриговский, через Марсель, — уже в меровингское время сделалось искусством древнехристианским, но со своеобразным отпечатком», — пишет Верман.

Если мы продатируем западноевропейское искусство X–XI веков по «византийской» синусоиде, мы поймем, в чем тут дело.

«Хотя такой знаток средневековой архитектуры, как Дегио, на основании планов многих церквей каролингской эпохи называл каролингское искусство романским, мы считаем, искусство, ввиду ясно выраженного в них тяготения к древности, как особый, дороманский отдел истории искусства».

Здесь Верман ошибается. Ведь «ясно выраженное тяготение к древности» — это явная черта построманского искусства французского Проторенессанса, развивавшегося, так же как и в Италии, параллельно с готикой.

«Главный памятник строительной деятельности Карла Великого — построенный Эйнгардом в 796–804 г. Ахенский собор, дворцовая капелла императора, предназначавшаяся быть его усыпальницей... Здесь были поставлены великолепные колонны, выписанные Карлом Великим из Рима и Равенны... Это величественное здание возбуждало общее удивление и послужило образцом для многих позднейших церквей».

Поражающая нас широтой художественного замысла Ахенская капелла построена не раньше XIV века. Это ясно уже по тому количеству переключек между ее архитектурой и архитектурой храма Св. Софии и равеннских церквей, какое находит Верман. Конечно, попытка доказать позднее происхождение капеллы в Ахене поздним происхождением константинопольского храма, с учетом, что и церкви Равенны существуют ныне в перестроенном виде (после XIII века), выглядит спорной, но дальнейший анализ западноевропейской архитектуры покажет нашу правоту.

«...Русское искусство до самого татаро-монгольского завоевания в середине XIII столетия, собственно говоря, оставалось ветвью византийского, хотя и отличалось от него многими особенностями; однако в последнее время ученые склонны приписывать армянским образцам еще большую роль в деле возникновения русского зодчества, чем византийским». Из этих слов К. Вермана можно сделать вывод, что армянская и византийская архитектура также различались, хотя Армения была частью Византии даже по традиционной версии, и это важно подчеркнуть до поисков истоков готического искусства.

Не останавливаясь на известном факте, что «древнерусская живопись — совершенно византийская, и ее памятники — произведения греческих мастеров», обратим внимание и на то, что, по мнению историка, «в отношении Италии византийский вопрос уже *a priori* решается проще, чем для Севера».

Верман пишет: *«Исследователи во главе со Стриговским поставили вопрос: не следует ли признать, что архитектурный стиль, который несколько поколений именovalo романским и который раньше назывался просто византийским, действительно возник на Востоке?»* Можно поставить вопрос. В этом случае мы сможем просто говорить о романском периоде в искусстве Руси.

Грандиозный собор Св. Марка в Венеции Теофиль Готье называл миниатюрной копией константинопольского собора Св. Софии. А Верман считает прототипами этого пятикупольного храма византийскую церковь Св. Апостолов, а также церковь Св. Ирины.

«Живописный, плоскостной характер убранства византийских церквей выступает перед нами из таинственного полумрака собора (Св. Марка. — Авт.) во всей своей бедности архитектурными элементами, но и во всем своем декоративном великолепии, гармоничности и торжественности».

И на юге Италии мы видим ту же византийскую архитектуру, только здесь легко запутаться в хронологии. Романика, готика, Возрождение — все перемешалось:

«Знаменитая Дворцовая капелла... в Палермо, соорудившаяся в 1129 по 1140 г. (XII век по «арабской» волне совпадает с XV европейским веком), только в своей восточной части, к которой принадлежит крытый стрельчатым коробовым сводом трансепт и высокий купол над средокрестием, имеет типичные черты византийской архитектуры. В трехнефном продольном корпусе капеллы коринфские колонны с едва заметными импостами поддерживают высокие арабские стрельчатые арки; сталактитовые своды над ними служат переходом к плоскому, украшенному куфическими надписями деревянному потолку. Общий живописный эффект, усиливаемый мозаичными украшениями, заставляет не замечать недостатка связи архитектурных элементов между собой».

Самый великолепный памятник романской архитектуры Средней Италии находится в Пизе. Собор, возведением которого управляли мастера Бускет и Райнальд, заложен в 1063 году, и окончен в 1118 году. *«Но по своему общему виду Пизанский собор сооружение отнюдь не византийское, а так как и материал для его драгоценной облицовки доставили богатые мраморные местные залежи, то можно считать его образцом тосканской архитектуры, возникшим на античной основе».*

Сооружение «на античной основе», возведенное до Возрождения этих самых основ? Неудивительно, что и сам Верман запутался в хронологии:

«Роскошные колонны, соединенные между собой арками, стоят на античных базах и увенчаны по большей части римско-коринфскими и композитными капителями; но в боковых нефх и верхних галереях встречаются уже новокоринфские капители, украшенные фигурами животных».

Коринфские капители считаются античными, а настоящая античность — это и есть романский (византийский) стиль. Но не исключено, что Пизанский собор построен позже XII столетия, и появление коринфской капители следует отнести к Ренессансу (то есть ко второй половине XIV века).

Зарождение готического стиля, считает Верман, нельзя рассматривать отдельно от романского. *«Это развитие раньше всего завершается на берегах Сены, в сердце по большей части германо-франкской Северной Франции...»* На юге Франции в то же время по-прежнему царила романика.

При переходе к готическому стилю главной задачей стало уменьшение огромных каменных масс, из которых сооружались романские церкви, давая солидную толщину только действительным опорам и делая легкими, даже сквозными сплошные стены.

С середины XIX века все исследователи признавали, что популяризатором нового стиля был не один Париж, а и Южная Пикардия и в особенности Бове с окрестностями.* Но в почти готовом виде ранняя готика является перед нами в церкви аббатства Сен-Дени близ Парижа, западная и восточная части которой были перестроены между 1144 и 1173 годами аббатом Сугерием. Об этом подробно мы расскажем в следующей главе.

* До XX века называли четыре разновидности этого общего стиля: романский, ломбардский, саксонский и византийский.

А пока обратим внимание еще на один вопрос. В XIII веке интерес русских зодчих привлекли широкие килевидные арки и соответственно изогнутые, луковичной или грушевидной формы, купола. Именно эти формы пришли на Русь из Персии. К памятникам этого периода следует отнести Георгиевскую церковь в Юрьеве-Польском (1234) и Успенский собор в Звенигороде, где килевидные арки увенчивали собой фасад вместо старых полукруглых арок:

«Из Византии была заимствована пятикупольная система; вызывает удивление, что она появилась на Руси только в эту эпоху».

Нет, удивление вызывает, что историки не додумались до вывода, что и пятикупольную систему принесли на Русь монголы. Они пришли сюда в 1237 году, возможно, из Персии, но в Византии-то их не было. Не проще ли предположить, что эти новшества принесли *просто* персы, турки, греки, без всякого посредничества монголов или татар? Опять возникает вопрос, с кем же воевала Русь в XIII веке. Оказывается, с коалицией европейских и азиатских государств. Уже и архитектура показывает нам в эту сторону. Чтобы, наконец, ответить на множество возникающих вопросов, необходимо отказаться от ложной скалигеровской хронологии.

Но К. Верман изъяснов в хронологии не видит:

«Если в XV в. византийское искусство, оставляя в стороне единичные проявления, утратило всякое влияние на западное искусство, то теперь, наоборот, искусство запада решительно проникало в древние области священного востока. Данный процесс интересен тем, что из смешения западных и восточных художественных направлений возникали новые особенности в национальном искусстве. Это и произошло на Руси, которая поразительно рано воспользовалась ранним итальянским Ренессансом для образования собственного стиля».

В главе «Русское искусство Возрождения» К. Верман называет панораму Москвы с колокольни Ивана Великого самым фантастическим, что произвела христианская архитектура. Непонятно только, относится ли это заключение к XVI веку. После 1480 года, когда Московский князь Иван III избавился от «татаро-монгольского ига», русская культура оказалась в тяжелом положении. Поэтому П. Савицкий пишет в книге «Континент Евразия»:

«Если Св. София Киевская первой половины XI в. по размеру и отделке достойно противостоит современным ей романским храмам Запада, [то] что значат перед Парижской Notre Dame, законченной в 1215 г., ее русские современники, вроде церкви Св. Георгия в Юрьеве-Польском или Новгородского Спаса Нередицы?.. Мы не будем касаться эстетических достоинств одних и других храмов; в отношении к размерам материальным Русь начала XIII в. являет картину ничтожества: в сравнении с Западом — различие масштабов десятикратное, стократное; подлинная «отсталость», возникающая не вследствие, но до татарского ига!..»

В дотатарской Руси — отдельные черты, намеки; в Руси «татарской» — полнота мистического углубления и постижения и ее лучшее создание — русская религиозная живопись: весь расцвет последней целиком уместается в рамки «татарского ига!..»

Лучшие живописцы XVI века — малоизвестные ныне Феодосий и Владимир, XVII века — Симон Ушаков. Разве могут они сравниться с работавшими при «татарах» Рублеве и Дионисии? В XVI веке, правда, построены два шедевра древнерусского зодчества: церковь Вознесения в Коломенском, и церковь Покрова Пресвятой Богородицы (храм Василия Блаженного). Кремлевские соборы были построены итальянцами. Можно ли эти произведения, в том числе и пятикупольные соборы, отнести к византийскому стилю?

В России на смену византийскому (романскому) пришел русский стиль. К сожалению, он не получил должного развития, а с тех пор, как Петр I прорубил «окно в Европу», и совсем заглох до второй половины XIX века. В итоге по недоразумению официальным родоначальником русского стиля признан К.А. Тон. В 1848 году писали по поводу его храма Христа Спасителя в Москве:

«Конечно, эта архитектура здесь более на месте, чем древнеклассическая, но ей недостает ни изящества, ни чистоты. Если бы г. Тон изучал долго и терпеливо византийские церкви в Греции, Турции, Константинополе, на Афоне и в самой России, он, конечно, наделил бы свое отечество памятником искусства совсем другого характера, чем этот храм».

О родстве византийского (романского) и русского стилей писал и знаменитый В. Стасов:

«Замечу здесь... что при созданиях новой русской каменной архитектуры самою лучшею помощницею там, где не хватало на уцелевших наших памятниках необходимых архитектурных членов и материалов, должна быть старая романская архитектура Европы,

по происхождению и времени имеющая столько общего с самым старым и коренным нашим искусством».

Готика

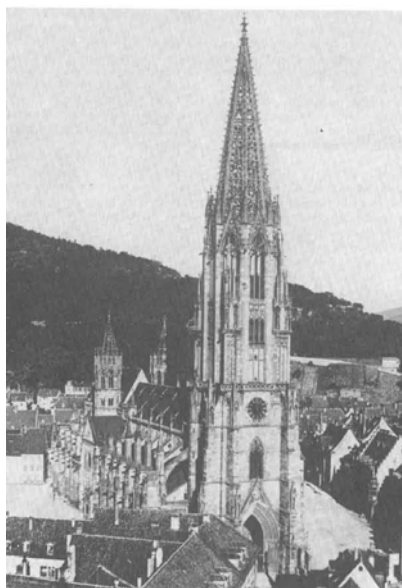
«Почему в готике Ренессанс отрицает сам себя?» — так ставит вопрос А.Ф. Лосев. То есть готика есть разновидность Возрождения, но такого Возрождения, которое отрицает само себя.

«...Хотя готика зародилась и раньше Ренессанса (почему раньше, если известен «Ренессанс» XII века. — Авт.), тем не менее, в логическом смысле она есть только подчиненный момент Ренессанса, настолько гипертрофированный, что цельная, ясная, гармоничная и устойчивая телесность, или материализованная телесность личности, в Ренессансе уже потеряла для готики свой смысл и превратилась в нецельную, малогармоничную и вечно рвущуюся вперед бесконечность».

Прежде всего, эти слова А.Ф. Лосева подтверждают то, о чем мы говорили уже многократно: историки никак не могут решить загадки XII века и его «Ренессанса». Они непременно хотят, чтобы одно следовало за другим: Ренессанс за готикой, а не наоборот. Но эволюция не любит жестких схем. Впрочем, некоторые из историков понимают это, хоть и несколько своеобразно. Н.И. Конрад пишет:

«Эпоха Возрождения, по-видимому, отнюдь не принадлежит к одной истории итальянского народа, т.е. это не «частный случай» исторической жизни человечества; это — один из этапов истории древних народов, имевших в прошлом свою древность и свое средневековье. Эпоха Возрождения у них — особая историческая полоса, лежащая на грани между ранним и поздним средневековьем, т.е. один из этапов феодального периода. Такой эпохой, видимо, надо считать VIII–XV вв. в истории китайского народа; IX–XIII вв. в связанной между собой истории народов Ирана, Средней Азии и Северо-западной Индии; XIV–XVI вв. в истории Европы».

Итак, готика.

Собор во Фрейбурге-им-Брейсгау (Германия). 1200 –

1513.

Якоб Випмфелинг в XVI веке восхвалял красоту Страсбургского собора и характеризовал немецких архитекторов Средневековья как прекрасных математиков. Винсен Саблон в XVII веке воспевал Шартрский собор. А вот Мольер вслед за Вазари говорил о готических церквях как «чудовищах», «следах невежественных лет». Сравнивая готику с архитектурой предшествующего периода, многие авторы подчеркивали «совершенство полуциркульной арки» античности и Ренессанса и «неестественность» стрельчатой арки.

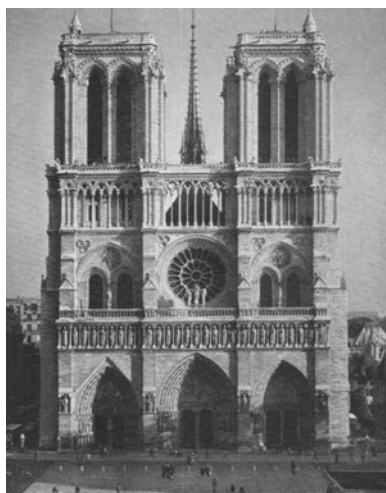
Интересно проследить, как менялось отношение к готике интеллектуалов Европы.

«В чем же суть готики? На протяжении вот уже трех столетий, в особенности со времен Гете, мыслители, философы и историки искусства бьются над загадкой этого стиля, столь непохожего на греко-римский стиль, что со времен Возрождения вновь сделался чем-то вроде универсального языка для всей западной культуры. Каждый из

исследователей предлагает свое объяснение, будь то его собственная, оригинальная точка зрения или же развитие уже предложенной ранее теории», — пишет Ж. Базен в книге «История истории искусства».

Говорят, Петрарка, характеризуя Средневековье как эпоху безобразного в противоположность прекрасной античности, будучи в Германии, восхищался Кельнским собором. (Правда, непонятно, как он мог это делать, ведь этот собор и в XVI веке не был достроен. Может, Петрарка и не противопоставлял средневековье античности, а это сделал кто-то за него?)

Известны и другие высокие отзывы о готике. Например, папа Пий II писал в своей книге о Германии, как потрясли его церкви Нюрнберга. Но вот, однако, Рабле представлял недавнее прошлое (XIV–XV века) как темное время, когда царило «пагубное и зловерное влияние готов» (!), а Дюрф, в творчестве которого с яркостью проявилась сила готических традиций, считал, что после художников античности искусство было разрушено теми же готами.

XII–XIII века.

Западный фасад Собора Парижской Богоматери.

М. Фелибьен впервые выразил мнение о том, что готика сама себя разрушила в бесконечном измельчении форм. Тем не менее, архитектор барокко Гварини признавал, что готические храмы «не перестают быть удивительными и достойными всяческой похвалы». Ф. Блондель делил готику на *первую* и *вторую*. *Первая* была принесена в Европу готами, *вторая* — арабами и маврами; она отличается от первой «чрезвычайной смелостью, с которой ее памятники подымаются в высоту». Классцист Суффло хотел соединить прозрачность готической конструкции с чистотой и величием греческой архитектуры (вряд ли бы ему это удалось). Гете в эссе «О немецком зодчестве» писал на пороге XIX века:

«Когда я впервые шел к Мюнстеру, моя голова была полна общепринятых теорий хорошего вкуса... Под рубрикой «готическое», как под наименованием в словаре, я соединял все синонимы ошибочных представлений о чем-то неопределенном, беспорядочном, неестественном, бессвязном, некстати наклепленном и нагроможденном, которые когда-либо приходили мне в голову... И потому, на пути к собору, мне было страшно, как перед встречей с уродливым щетинистым чудовищем.

Каким же неожиданным чувством поразил меня его вид, когда я к нему приблизился: большое, цельное впечатление заполнило мою душу; он состоял из тысячи отдельных, гармонически спаянных частей, а потому было возможно им наслаждаться и упиваться, но отнюдь не осознавать и не объяснять.

Но как возникло это удивительно поветрие, о которое сломано столько перьев? Виолле-ле-Дюк писал, что «пока архитектура оставалась в руках религиозных организаций, все препятствовало ее развитию... Но когда архитектура перешла из рук клира в руки мирян, национальный гений не замедлил взять верх; спеша освободиться от романской оболочки, в которой он не чувствовал себя свободно, он дал блестящие результаты...»

Наконец, Виктор Гюго (который уже был воспитан на традиционной истории) писал в 1831 году:

«Как далеко то время, когда Робер Сеналис, сравнивая Собор Парижской Богоматери с знаменитым храмом Дианы в Эфесе, «столь прославленным язычниками» и

обессмертившим Герострата, находил галльский собор «великолепней по длине, ширине, высоте и устройству»!*

Собор Парижской богородицы не может быть, впрочем, назван законченным, цельным, имеющим определенный характер памятником. Это уже не храм романского стиля, но это еще и не вполне готический храм. Это здание промежуточного типа. Собор Парижской богородицы не имеет, подобно Турнюскому аббатству, той суровой, мощной ширины фасада, круглого и широкого свода, леденящей наготы, величавой простоты зданий, основоположением которых является круглая арка. Он не похож и на собор в Бурже, великолепное, легкое, многообразное по форме, пышное, все оцетинившееся остриями стрелок произведение готики. Невозможно причислить собор и к древней семье мрачных, таинственных, приземистых и как бы придавленных полукруглыми сводами церквей, напоминающих египетские храмы, за исключением их кровли, целиком эмблематических, жреческих, символических, орнаменты которых больше обременены ромбами и зигзагами, нежели цветами, больше животными, нежели людьми; являющихся творениями скорее епископов, чем зодчих; служивших примером первого превращения того искусства, насквозь проникнутого теократическим и военным духом, которое брало свое начало в Восточной Римской империи и дожило до времен Вильгельма Завоевателя. Невозможно также отнести наш собор и к другой семье церквей, высоких, воздушных, с избытком витражей, смелых по рисунку; общинных и гражданских как символы политики, свободных, прихотливых и необузданных как творения искусства; служивших примером второго превращения зодчества, уже не эмблематического и жреческого, но художественного, прогрессивного и народного, начинающегося после крестовых походов и заканчивающегося в царствование Людовика XI. Таким образом, Собор Парижской богородицы — не чисто романского происхождения, как первые, и не чисто арабского, как вторые.

Это здание переходного периода. Не успел саксонский зодчий воздвигнуть первые столбы нефа, как стрельчатый свод, вынесенный из крестовых походов, победоносно лег на широкие романские капители, предназначенные поддерживать лишь полукруглый свод. Нераздельно властвуя с той поры, стрельчатый свод определяет формы всего собора в целом. Неискушенный и скромный вначале, этот свод разворачивается, увеличивается, но еще сдерживает себя, не дерзая устремиться остриями своих стрел и высоких арок в небеса, как он сделал это впоследствии в стольких чудесных соборах. Его словно стесняет соседство тяжелых романских столбов.

Однако изучение этих зданий переходного периода от романского стиля к готическому столь же важно, как и изучение образцов чистого стиля. Они выражают собою тот оттенок в искусстве, который был бы для нас утрачен без них. Это — прививка стрельчатого свода к полукруглому.

Собор Парижской богородицы и является примечательным образцом подобной разновидности. Каждая сторона, каждый камень почтенного памятника — это не только страница истории Франции, но и истории науки и искусства. Укажем здесь лишь на главные его особенности. В то время как малые Красные ворота по своему изяществу почти достигают предела утонченности готического зодчества XV столетия, столбы нефа по объему и тяжести напоминают еще здание аббатства Сен-Жермен-де-Пре времен каролингов, словно между временем сооружения врат и столбов лег промежуток в шестьсот лет. Все, даже герметики, находили в символических украшениях главного портала достаточно полный обзор своей науки, совершенным выражением которой являлась церковь Сен-Жак-де-ла-Буири. Таким образом, романское аббатство, философическая церковь, готическое искусство, искусство саксонское, тяжелые круглые столбы времен Григория VII, символика герметиков, где Никола Фламель предшествовал Лютеру, единовластие папы, раскол церкви, аббатство Сен-Жермен-де-Пре и Сен-Жак-де-ла-Буири — все расплавилось, смешалось, слилось в Соборе Парижской богородицы. Эта главная церковь, церковно-прародительница, является среди древних церквей Парижа чем-то вроде химеры: у нее голова одной церкви, конечности другой, торс третьей и что-то общее со всеми».

Как видим, Собор Парижской Богородицы — уже готика, но еще и не готика. Стиль только зарождается... Так откуда же он взялся?

Вы не поверите (и правильно сделаете), но архитектурный стиль, который, заволашывая архитекторов и их заказчиков, охватил все страны Западной Европы, был «рожден»

* «История галликанской церкви», кн. 2, стр. 130. (Прим. Виктора Гюго).

одним человеком! Якобы жил в XII веке некий аббат Сугерий, руководил он строительством церкви аббатства Сен-Дени, и придумал новый стиль. А вот на наш взгляд, его «воспоминания» об этом имеют явно ренессансное происхождение, то есть написаны столетия спустя.

Собор в Лане, конец XII – начало XIII века. Один из первых готических храмов.

Однако, все по порядку.

Готика выросла из романского стиля, и в то же время противопоставила себя ему. То же самое мы видим и на примере барокко; этот стиль также вырос из римской архитектуры Возрождения, но в итоге стал отрицать ее. Сейчас, когда страсти улеглись, а готический и барочные здания признаны архитектурными шедеврами, историки искусства лишь ломают головы над тем, откуда взялся тот или иной стиль. Ж. Базен пишет:

«Расцвет монументальной скульптуры во Франции якобы имел место в двух вполне конкретных точках: между 1025 и 1105 годами — в мастерских Тулузы и Муассака; после 1115 года — в мастерской кафедрального собора в Клуни... По дорогам, коими двигались паломники, зародившееся в Тулузе и Муассаке искусство распространилось вплоть до Компостелы».

Американец К. Портер (1885–1933) вновь поднял вопрос о том, где зародилась скульптура романского периода, как видно неудовлетворенный выводами своих коллег. Он считал ошибочным мнение, будто очагом развития романской скульптуры была область Лангедок; на самом деле франко-испанские связи развивались в обратном направлении. По его мнению, первые образцы романской скульптуры были созданы в монастыре Силос, в Леоне, Арагоне, на портале ювелиров в Сантьяго-де-Компостеле.

А.П. Франкль, родившийся в Праге, в своей обобщающей монографии о романской скульптуре (1926) без колебаний отдал пальму первенства Германии. Но... Это если не относить к романскому искусству ромейское (византийское). Не ставить рядом на временной шкале греческую архаику и древнеперсидское искусство... Обо всем этом мы писали в книге «Другая история искусства». Здесь же, не повторяясь, отметим, что Брикман заявил еще в 1930 году: *«По моему мнению, единственным способом выйти из нынешнего тупика может стать полная ревизия истории искусства (!) народов Европы на основе общеевропейского видения этой проблемы».*

Опять европоцентризм! А почему бы не пересмотреть историю искусства, литературы, архитектуры на основе общемирового видения? Европейские ученые продолжают оставаться в сетях скалигеровской схоластики.

Базен продолжает: *«Пауль Франкль, как бы исполняя высказанный Брикманом в 1930 году завет, мыслит в европейском масштабе (имеется в виду книга Франкля «Готическая архитектура» 1962 года. — Авт.) Для него готическое искусство существует в едином, не знающем границ пространстве; он рассматривает его глобально, как самостоятельное целое ... и поочередно выводит на сцену важнейшие очаги становления, развития, расцвет готики в ее многообразных проявлениях».*

Это неудивительно, так как существовала единая Византия (Великая Ромея), не знавшая не только современных пространственных границ, но и временных. Мы поговорим об этом позже, рассматривая стиль барокко.

Отличительным признаком готической архитектуры является конструкционизм, выразившийся прежде всего в «оживальном» своде, позволившем увеличить окна в храмах. Такой свод — система нервюр (выпуклых ребер), которая образует каркас, поддерживающий облегченную каменную кладку.

«В результате поисков, которые велись в различных регионах, подчас за пределами западной цивилизации, были обнаружены образцы нервюрного свода, что позволило этим ученым (Франклю, Стшиговскому. — Авт.) прийти к выводу о его более раннем, нежели стрельчатый, происхождении», — пишет Базен, и продолжает:

«Были попытки отыскать истоки нервюрного свода в исламской архитектуре на территории Испании... Возможно, на севере Франции действительно ощущался интерес к подобного рода арабским сводам. В то же время не подлежит сомнению, что нервюры в мусульманской архитектуре не могли выполнять ту же конструктивную функцию, что и стрельчатый свод в готическом храме, ибо были для этого чересчур легкими и носили лишь чисто декоративный характер».

Нервюрный свод времен поздней готики. Прага.

А Стшиговский утверждал, что нервюрный свод, и стрельчатая арка пришла из Армении. В Ломбардии, в храме Казале Монферрате мы обнаруживаем точную реплику нервюрного свода, именуемого в Армении «жаматун». Ф. Нансен говорил в 1928 году:

«Армянское искусство явилось важным толчком для создания средневековой готической архитектуры. Нельзя отрицать, что основные элементы готического искусства уже существовали в церковных и других сооружениях Армении».

И в этом тоже нет ничего удивительного, если мы не будем ставить «железного занавеса» между романской и ромейской культурами.

Но Ж. Базен придерживается французской точки зрения, поэтому и пишет с сарказмом о тех, кто с нею не согласен:

«Что же касается роли нервюры в уравнивании системы готического собора — поистине «символа веры» французской археологической традиции, — то представляется, что придерживаться в наше время подобной точки зрения означает прослыть еретиком (во всяком случае, на взгляд зарубежных историков искусства)...»

Однако еще в 1857 году Beule посвятил целую лекцию доказательству того, что готическая архитектура во Франции не национальна и отнюдь не является воплощением религиозных идей. В 1920-е годы Фулканелли показал, что архитектурное наследие Средневековья содержит ту же истину, те же основы, что и пирамиды Египта, храмы Греции, римские катакомбы, византийские базилики. В своей интересной книге «Тайна готических соборов» Фулканелли напоминает:

«За редким исключением, готические церкви построены в форме латинского креста... Крест — очень древний символ, употребляющийся во все времена, во всех религиях, всеми народами, и было бы неверно расценивать его, как специальный символ христианства, как это убедительно показывает аббат Ансо.

Мы даже считаем, что форма больших религиозных сооружений Средневековья, с присоединенной к хорам полукруглой или эллиптической абсидой*, скорее напоминает другой символ, египетский анх, выражающий Универсальную жизнь, скрытую в вещах... Таким образом, форма соборов символизирует первичную материю и ее трансформацию с помощью Креста; те, кто знакомы с алхимией, знают, что это происходит при обретении Первичного камня, краеугольного камня Великого философского делания...

Безусловно, важен также орнамент пола соборов... Наиболее частым изображением были лабиринты. Изображения этих лабиринтов еще сохранились в церквях Санса, Реймса, Оксерра, Сен-Кентена, Пуатье, Байе... Соборные лабиринты или **лабиринты Соломона**, являются, как пишет Марсель Бертло, — каббалистическими символами, встречающимися во многих книгах по алхимии и которые являются магическими традициями, связываемыми с именем Соломона».

Все эти споры об эволюционном развитии искусства и архитектуры сложноваты для простого человека. Ясность в этот вопрос решила внести Е. Ювалова:

«...Наиболее поразительно то, что весь огромный комплекс новых проблем, касающихся типологии здания и систем его декора, конструкций, структур, введения новых пластических форм и даже нового вида искусства (витража) в создаваемый художественный синтез, **ставил и решал один человек — аббат Сугерий**... Сугерию же принадлежала первая и удивительно отважная попытка сформулировать целиком новую художественную концепцию. В этом смысле можно сказать, что романский стиль складывался, а готика возникла, то есть была рождена в определенном месте и определенным лицом.

Есть много доказательств, как прямых, так и косвенных, что именно аббат Сугерий был создателем этой концепции. Прямыми доказательствами являются собственные письменные свидетельства Сугерия (честное слово, иногда поражаешься наивности историков и искусствоведов, — Авт.) — повествование о ходе строительства, а также изложение его эстетических воззрений и их теологическое обоснование... Авторство Сугерия подтверждает его биография, проясняющая, откуда он мог почерпнуть тот или иной мотив».

Клуатр собора в Глостере. 1351–1377. Англия.

Что имеется в виду? Нам сообщают сначала, что «нормандская архитектура дала готике нервюрные своды, трехчастное деление стены главного нефа храма, композицию его главного фасада, Бургундия — темы и композиции скульптурного декора, клюнийская архитектура паломнических церквей — план хора с обходом и венцом капелл». А в итоге готический храм напоминает гигантский реликварий. И вот, теперь оказывается, что «виноват» во всем этом какой-то аббат. *«В тот момент способность нового искусства ассимилировать многообразные художественные импульсы персонифицировались в нем».*

* Абсида – алтарное пространство. Поперечный неф между абсидой и продольными нефами называется трансепт. Трансепт вначале очень мало выдавался или вовсе не выдавался за продольные стены одностефанной или трехнефной базилики, образуя латинский крест.

Предполагаем, что «мемуары» Сугерия были написаны и опубликованы, чтобы закрепить приоритет в «изобретении» готики за Францией; заодно удалось еще раз подтвердить хронологическую модель Скалигера. Чего стоит такой сюжет, в изложении Е. Юваловой:

«Сугерий рассказывает и о том, как за недостатком ценного строительного материала он думал привезти мраморные колонны из Рима, из терм Диоклетиана. Но их надо было транспортировать через Средиземное море, затем вокруг Испании в Нормандию и далее по порожистым излучинам Сены до Парижа, платя большие пошлины. К счастью, по соседству, в Понтуазе, обнаружили карьер, из которого прежде добывался камень для мельничных жерновов, и проблема была решена».

Представь себе, читатель, ход мысли этого великого человека: «Дай-ка я перестрою церковь. Правда, подходящего камня нет. Ну да ничего! Есть такой город Рим, там полно колонн валяется. Только везти их в Париж через Альпы неудобно. Придется через Гибралтар, через Ла-Манш... Зато какая красота будет! Влетит, наверное, в копеечку, но ради божеского дела не жалко».

Начинать строительство при отсутствии строительного материала? Планировать его, не зная, что рядом есть подходящий карьер? Создавать новый архитектурный стиль, используя для строительства античные колонны? Кто поверит во все эти благоглупости? А, мы знаем, кто: историки традиционной школы.

Между тем, история церкви Сен-Дени в провинции Иль-де-Франс (в которой находится и Париж), которую затеял перестроить аббат Сугерий, сама по себе очень интересна. Ее построил в свое время король Дагоберт, а освятил... Христос!!! Много, очень много напридумывали местные писаки. Сугерий просто продолжал фантастическую линию местной литературы. Но стоит ли верить всему, что написано?

«Сугерий боялся, что его обвинят в нечестивом посягательстве на святыню, если он разрушит стены, хранящие память о прикосновении руки Христа».

Люди веками спорили, доказывали, писали книги (как Гардуни, де Арсилла, Балдауф, как Морозов, наконец), но историкам это неважно: готический стиль создал аббат Сугерий, потому что он написал об этом воспоминания. В этом суть исторического метода: текстам надо верить. А когда мы говорили: «Ваши методы порочны», нам отвечали: «Сначала освойте эти методы, а потом с их помощью докажете, что мы неправы». Но мы предлагаем другие методы, которые нам представляются более правильными и важными. О них писали мы в своих предыдущих книгах. О них подробно рассказал Н.А. Морозов, предлагая рассматривать историю с естественнонаучной точки зрения.

Когда же историки-буквоеды перестанут, по словам Н.А. Морозова, *«трусливо избегать всяких собственных логических соображений, руководствуясь исключительно читаемыми ими книгами»?*

Морозов полагал, что Великая Римская империя распалась в IX веке. По нашим представлениям, это произошло в XIII веке. Но дело не только в том, что понимать под распадом, но и в том, что понимать под термином «империя». Представьте себе, что историк XIX века захочет разобраться, что за империя была Антанга, и какое отношение она имела к антам. У него получится не история, а черт-те-что.

Только опора на здравый смысл, а не на случайно сохранившиеся сомнительные источники (хотя с ними тоже надо считаться) поможет создать действительно историю, с высокой степенью достоверности показать прошлое во всем многообразии. Только сознание того, что история человечества цельна, последовательна и непрерывна. Тогда и готический стиль окажется имеющим отношение к готам, а те в свою очередь — историк Иордан хорошо об этом знал! — к гетам.

Эллинизм

Несмотря на определенные процессы, происходившие в Тоскане и Средней Италии, вряд ли стоит начинать историю ренессанса с 1250 или с 1300 года. Как пишет К. Верман, *«даже с дантовской «Vita nuova» ничто не возрождается, а лишь начинается новая, возросшая на почве средневековья, жизнь чувства».* С XIII века сюда из Франции проникает готический стиль.

А что же представлял в это время Рим? Знатные роды в борьбе между собой, с народом и папством воздвигали себе угрюмые и суровые дома-цитадели, башни которых господствовали над пустынными окрестностями. *«Папы уж не могли более жить в своем собственном городе»*, — пишет тот же Верман.

В Южной Италии при Гогенштауфенах и Анжуйской династии как в архитектуре, так и в пластике, различные стили скрещиваются между собой: влияние французско-бургундского искусства здесь не подлежит сомнению. Столь же сильно на Сицилии и юге Апеннинского полуострова влияние византийско-арабского искусства. Более того, следует говорить о появлении и развитии в этом районе, называемом Великой Грецией, как и вообще в Восточном Средиземноморье стиля *ренессанс*, ошибочно принятого искусствоведами за античную классику и отброшенного ими на много веков вглубь времен.

Верман так и пишет: *«Антично-византийское направление эпохи Гогенштауфенов продолжает жить здесь до самого конца XIII столетия»*. Проще назвать это, как и везде в Европе, романским (то есть ромейским, римским) стилем. В это время в самом Риме (Константинополе), столице Ромейской империи, и в окружающих его землях ушла в небытие греко-египетско-персидская архаика, которую мы не рассмотрели в главе «Византийский стиль», дабы не перегружать ее.

Анализируя искусство Южной Италии, Верман замечает: *«Женский бюст (вероятно, Сигильганти Руфоло) в натуральную величину... по классической чистоте стиля ближе к антике, чем любое из произведений Никколо Пизано»* (скульптора, кстати, тоже южноитальянского происхождения). В этом нет ничего удивительного, ведь Южная Италия была более тесно связана с Византией, чем Тоскана и другие итальянские области.

Афинский Акрополь. Явно неприступная крепость, но удивляет, что здесь отсутствуют сторожевые башни. Оказывается, такие башни были, но реставраторы разобрали их в XIX веке, как «не соответствующие эпохе». Они были слишком уж похожи на средневековые, — хотя были сложены из того же камня, что и фундаменты античных храмов.

Что же происходит в это время в Греции, соседней с ней Малой Азии и на Архипелаге? А там начиная с XIII века строят помимо той архитектуры, которую мы уже определили как романо-византийскую, шедевры классической Эгеиды. Но их опять же ошибочно относят к выдуманному историческими писателями Древнему миру. И храм Посейдона в Пестуле, и храм Зевса в Олимпии, и сокровищница сикионцев — все это, вероятно, следует датировать не ранее, как XI–XII веками. В это же время созданы и Эгинский храм Афины, и коринфский кремль. Афинские Парфенон и Фезейон относятся к XIII столетию. Ликийские горные усыпальницы с ионическими фасадами, также как и Олимпийский Филлиппейон — к XIV веку. К этому же времени принадлежат и храм Фортуны Вирилис в итальянском Риме, и круглый храм в Тиволи.

С самого начала наряду с круглыми или многоугольными центральными культовыми сооружениями, то есть расположенными симметрично вокруг вертикальной средней оси, мы встречаем продолговатые, часто с возвышенным средним нефом — базилики; они, отвечая религиозным потребностям верующих, служили домом, в котором те собирались для молитв.

Пример такой западной христианской базилики — первый собор Св. Петра в Риме, о времени строительства которого бытуют разные мнения. Обширный зал для собрания верующих имел алтарное пространство для совершения богослужения, снаружи здания к этим частям добавлялся атрий (паперть), а внутри — нартекс (притвор), предназначенный для кающихся и оглашенных.

Дворец Диоклетиана в Сплите (Хорватия). Традиционно датируется IV веком.

Однако существовали здания и другого типа, которые, по мнению историков, мыслились как жилища божества, а скорее всего считались монументами, где главная роль предназначалась скульптуре. Разное назначение этих зданий видно уже по тому, какое значение придавалось экстерьеру и интерьеру. Но какое же это жилище богов, если интерьер беден?

«Греки считали, что храм — это жилище, дом божества, который должен быть особенным, поэтому храмы строили с колоннами... — пишет Вейс. — Важнейшую часть греческого храма составляло огороженное стенами пространство (целла), где помещалось изображение божества. Это было святилище (гieron), место, где пребывало божество. Здесь находился центр храма, его ядро, все же остальное составляло только архитектурически расчлененное окружение этого ядра. Согласно религиозным воззрениям, святилищу придавали вид простой хижины (в смысле простоты архитектурной конструкции. — Авт.)...

*Целла строилась всегда на особом помосте в направлении от запада к востоку. С восточной ее стороны находилась дверь, а с противоположной, на возвышении, стояла **статуя** божества и перед ней алтарь. В зависимости от требований культа того или иного божества целла была закрыта либо полностью, либо частично. В первом случае свет проникал в нее через открытую дверь, если же последняя была слишком мала, то через окно, сделанное возле нее; для освещения полукрытой целлы, кроме двери, служило еще и оставленное в крыше отверстие...*

*Продольные стены крытой целлы продолжались вместе с крышей далее переднего фасада, перед которым они образовывали предхрамие... Те **статуи**, которые не могли поместиться в целле, выставлялись в предхрамьи. Такой же порядок в размещении **статуй** и приношений соблюдался и в крытых храмах.*

*С увеличением количества **изваяний**, располагаемых в предхрамьи, становилось все более ощутимой потребность в его расширении. Для этого фронтоны (но уже не продольные стены) были снова выдвинуты вперед и подперты колоннами, отчего образовалось открытое преддверие...(план) Исходной точкой всех дальнейших изменений наружного вида целлы были эти колончатые пристройки. Сначала целлу окружали со всех сторон колоннами, и образовался так называемый периптер, причем проход между стенами целлы и окружающей ее колоннадой служил для размещения **статуй** и т.п. ...*

*Напротив главных ворот стоял на особом возвышении жертвенник, часто огромного размера; около него были расставлены небольшие алтари. **Статуи** вместе с различными богослужебными постройками и помещениями для жрецов заполняли остальное пространство ограды. Главный вход устраивали иногда в виде великолепного, окруженного колоннами портика (выделено нами. — Авт.)»*

И ни одного слова о внутреннем убранстве «храма». Такое впечатление, что греческие храмы и построенные по их образцу римские служили для того же, для чего и ренессансные лоджии — для размещения в них скульптур. Но о культовом назначении итальянских лоджий почему-то нет сведений. Для чего же могли служить «жертвенники» и «алтари»? Вейс продолжает:

«От греческих храмов этого стиля (коринфского) сохранилось немного, Остались лишь памятники, относящиеся к позднему времени, не культовые, а имеющие чисто светский характер, например так называемая «башня ветров» — восьмистороннее здание с пологой крышей, возвышавшееся вблизи нового рынка в Афинах».

Вот так: от греческих «храмов» остались лишь памятники не культового, а чисто светского характера! Оговорка историка не случайна. Мало кто ее заметит; таков гипноз устоявшегося мнения.

Вилла Адриана в Тиволи (Италия). Датируется 125–135 годами, но может оказаться, что была выстроена и разрушена в течение XV века.

Говоря о памятнике Лизикрата, Вейс подчеркивает, что *«посредине крыши возвышается роскошное листовое украшение, служившее подножием позолоченному треножнику, полученному Лизикратом в награду за одержанную им победу на Мусийских играх...»*

«Другие подобные памятники (сохранившиеся в рассеянных обломках) были просто колоннами ионического или коринфского ордера на подножии в несколько ступенек и служили для установки на них полученного приза».

Нет никаких оснований, чтобы отрицать наше мнение: храмы-монументы носили более светский, чем церкви, характер. Такие сооружения в честь Юпитера, Венеры или Марса могли воздвигаться по самым разным поводам: в честь победы над врагами, в знак уважения к предкам, как доказательство любви и т.п.

То же самое мы видим и в эпоху Возрождения. Например, Сигизмондо Малатеста, князь Римини, вознамерился возвести особого рода храм Бессмертной Любви в память своей наложницы Изотты Ариминенси с посвятительной надписью на саркофаге: «Божественной Изотте...». Папа Пий II справедливо писал, что это не христианский, а языческий храм, переполненный языческими произведениями.

Мы уже писали о «возрождении» язычества в Италии. Всё это важно для того, чтобы понять, какую роль играла Каббала в появлении скалигеровской хронологии. В статье о значении магии чисел в эпоху гуманизма Л. Чиколини пишет, что Пико делла Мирандолла и многие другие проявляли глубокий интерес к *«ars numerandi»* и прочим оккультным наукам, осуждаемым католической церковью. А также он сообщает буквально следующее: в XVI веке *«в горных районах Северной Италии оказались живучими реликты языческих верований, поклонения силам природы, аграрного культа»...*

С XIII по XVI век в Италии многое изменилось, но и в эпоху Возрождения подобные монументы сооружались (алтари, гробницы), только имели они подчиненное по отношению к церкви значение. И практически всё, что мог бы сказать об античной архитектуре «древний римлянин» Витрувий в дополнение к написанному им, мы находим у деятеля итальянского Возрождения Альберти. (Не будем обращать внимание на сомнительность в контексте нашего изложения самих терминов *античность* и *ренессанс*; то и другое, в принципе, эллинизм.)

Архитектор и теоретик искусства, автор «Десяти книг о зодчестве» Леон Баттиста Альберти (1404–1472) формулирует три главных требования к зданию:

«Всё должно соответствовать определенному назначению и быть прежде всего совершенно здоровым; в отношении прочности и стойкости цельным, крепким и в некотором роде вечным; в отношении прелести и приятности — красивым, изящным и в любой своей части, так сказать, разукрашенным».

Рыночные ворота из Милета (Турция). Традиционно относят ко II веку.

Нам, уже забывшим о том, что здание должно вызывать восхищение, и невдомек, что именно так устроен дом Ливии на Палатинском холме. Так же устроены виллы в Помпеях. Вплоть до извержения Везувия в 1500 году жить там было и приятно и полезно для здоровья.

Санта-Мария Новелла, фасад которой был закончен Альберти, отличается от готического Миланского собора; что же удивительного в том, что она отличается и от храмов Римского форума, построенных ранее и, вероятно, не итальянскими, а греческими и малоазиатскими архитекторами? Тем не менее, античные произведения и произведения Ренессанса объединяют некие общие принципы, высказанные архитектором так:

«В самом деле, в формах и фигурах зданий бывает нечто столь превосходное и совершенное, что подымает дух и чувствуется нами сразу же. Я думаю, краса, достоинство, изящество и тому подобное - такие свойства, что если отнять, убавить или изменить в них что-либо, они тотчас же искажаются и гибнут. Если мы это поймем, уже нетрудно найти и то, что можно отнимать, прибавлять или менять, особенно в формах и фигурах».

Именно в этих изменениях, которые между тем не искажают общих принципов античной архитектуры, и заключается итальянское или какое-то прочее Возрождение. Так были построены Триумфальные ворота в Оранже, римские Пантеон и Колизей, Пергамский алтарь и многие другие здания «эпохи эллинизма». К словам Альберти следует добавить, что красота многообразна, а совершенство недостижимо, поэтому в архитектуре этого времени мы видим самые разнообразные приемы, самые различные трактовки общих принципов архитектурной гармонии, изложенных Альберти:

«Ведь назначение и цель гармонии — упорядочить части, вообще говоря, различные по природе, неким совершенным соотношением так, чтобы она одна другой соответствовали, создавая красоту... Красота есть некое согласие и созвучие частей в том, частями чего она является, — отвечающие строгому числу, ограничению и размещению, которых требует гармония, то есть абсолютное и первичное начало природы. Ее более всего добывается зодчество. Благодаря ей зодчество обретает достоинство, прелесть, вес и становится ценным».

Альберти ищет аналогии свои архитектурным представлениям в божественном устройстве — в природе:

«И как у животного голова, нога и всякий другой член должны соответствовать прочим членам и все остальному телу, так и в здании, и особенно в храме, все части должны быть сложены так, чтобы находиться одна с другой в соответствии, и чтобы, взяв любую из них, можно было по ней с точностью соразмерить все прочие части».

Общее в средиземноморской архитектуре средневековья: внушительность облика и грандиозный размах, пластическая мощь форм. Эта мощь выражалась в скупой расчлененных стенах, больших тяжелых арках, широко расставленных опорах. В Италии готическим «пучкам колонн» предпочитают столбы и колонны классических пропорций, а сводчатым перекрытиями — балочные, систему архитрава.

Вертикализм, полифоничность форм, тяготение к материализации, свойственные континентальной культуре, здесь, на берегах Средиземного моря заменяются подчеркиванием горизонтальных тяг: карнизов, фризов, поясов инкрустации и т.п. Основой организации пространства является сочетание арок, глухих стен, портиков, своеобразно углубленных полукруглых ниш — экседр, прорезающих плоскость портиков, одним словом, богатый светотеневыми эффектами ритм колонн.

Одновременно применялись разные ордера, — более конструктивный дорийский в нижнем ярусе, и более легкие, стройные и декоративные ордера в верхних.

Винкельман пишет: *«Что же касается греческих зданий со сводами или куполами, то у Павсания упоминается всего шесть таковых. Первое находилось в Афинах рядом с пританеем, второе в Эпидавре рядом с храмом Эскулапа... Третье находилось в Спарте, и в нем стояли статуи Юпитера и Венеры. Четвертое находилось в Элиде, пятое же в Мантинее: оно называлось «общественным жертвенником»... Шестым таким зданием была сокровищница Миния в Орхомене».*

«Несколько необычным кажется то, что у древних использовались также овальные колонны; такие колонны находятся, например, на острове Делос». Кстати, из приводимых Винкельманом свидетельств можно сделать вывод о том, что в древнеримских зданиях были оконные стекла.

Основанные на ордерной системе принципы, постепенно вытеснившие в Италии готическую (франко-германскую) манеру, изложены Альберти в его труде следующим образом:

«Совсем кратко мы скажем так: красота есть строгая соразмерная гармония всех частей, объединяемых тем, чему они принадлежат, — такая, что ни прибавить, ни изменить ничего нельзя, не сделав хуже... Если это так, то украшение есть как бы некий вторичный свет красоты или, так сказать, ее дополнение. Ведь из сказанного, я полагаю, ясно, что красота, как нечто присущее и прирожденное телу, разлита по всему телу в той мере, в какой оно прекрасно; а украшение скорее имеет природу присоединяемого, чем прирожденного».

Многие теперь знают, что «древнегреческие» храмы были не беломраморными, как их порой представляют, а богато раскрашенными. Однако мало кто знает, что и средневековые готические церкви также раскрашивались, — во всяком случае, фасады, — в желтый, красный, голубой цвета! Так нас уверяют искусствоведы (Виолле-ле-Дюк).

Но для античной (греко-римской) манеры свойственна подчеркнутая Витрувием идея о подобии здания человеку, впрочем, высказывавшаяся и другими авторами. *«Формы здания происходят от форм и пропорций человеческого тела»*, — пишет Филарете в «Трактате о зодчестве». Таких же взглядов придерживается Франческо ди Джорджо. Постепенно утрачивая функциональность, ордер становится основой архитектурного образа; проецируясь на плоскость стены в виде полуколонн и пилястр, он создает ее ритмическую структуру, становится частью декорации. Чисто римский характер носит ощущение величественной грандиозности масштабов.

«Примененное здесь сочетание бетона с каменной облицовкой станет характерной чертой большинства последующих памятников», — пишут Н. Бритова и Ю. Колпинский. *«В Рим перевозились тысячи статуй, картин, предметов прикладного искусства греческой работы. Богатые римские дома и площади форумов украшались художественными произведения, но это были вещи... импортные»*, — сказано в книге «Искусство этрусков и Древнего Рима» этих авторов. А ведь и мы говорим то же самое.

Для гуманистов Возрождения, живших после страшной чумы середины XIV века, предшествующий период, то есть конец XIII века был той далекой древностью, о которой помнят уже с трудом и знают совсем немного. Случайно ли пишет Альберти в XV веке в «Описании города Рима»:

«С возможной тщательностью, при помощи мною придуманных приборов, изучил я, в том виде, в каком они нам известны сейчас, направления и очертания городских стен Рима, реки (Тибра) и дорог, равно как и положение и размещение храмов, общественных зданий, ворот и трофеев, границы холмов, и, наконец, площадь, занимаемую жилыми зданиями... В итоге я установил следующее: следов древних стен нельзя обнаружить нигде...»

Это его собственные слова, а не какие-то анекдоты, сочиненные в XVI веке и позже. И в них ничего нет о римских развалинах. Если историки считают, что Альберти, говоря о римских стенах: «в каком они известны сейчас», имеет в виду античные руины, это целиком на их совести. Читатель сам может сделать вывод, кто в этом случае мошенничает.

Правда, Филарете пишет в «Трактате об архитектуре»: *«...Гляньте на Рим, где можно увидеть (сооружения), каким по всем резонам следовало бы жить вечно. Но так как их не кормили, то есть не содержали как следует, они лежат в руинах».*

Но и это, и дальнейший текст (*«Где Большой Дворец, где Капитолий, бывший, как мы читаем, удивительнейшей вещью?...»* и т.д.) могло быть написано кем-то после разгрома Рима испанцами в 1527 году. Или напрямую вместо текста Филарете, или в качестве пояснения к

его словам, что «здание — это и впрямь живой человек», что оно подобно человеку «разрушается и умирает». Оригинал Филарете утрачен.

К тому же переводчик В. Глазычев прямо пишет: «...Следует подчеркнуть, что в эпоху Ренессанса византийские постройки твердо считали древнеримскими». Это замечание относится к словам Филарете о баптистерии во Флоренции и церкви Санта-Мария Ротонда (Пантеон) в Риме. Значит ли это, что все перечисленные архитектором римские постройки он ожидал увидеть в Риме итальянском, а они были в Константинополе? Вряд ли В. Глазычев понимает это.

Еще одно его замечание: «Восторг Филарете по поводу Сан-Лоренцо (в Милане) объясним тогдашней репутацией этого сооружения как римского храма Геркулеса». Возможно, вставки про руины из того же источника, что и знаменитые письма Петрарки — эпистолярный жанр идеален для фальшивок.

То, что в «Трактате» есть куски, вряд ли принадлежащие Филарете, видно из следующего текста: «Когда ты делаешь фигуру человека, жившего в собственное наше время, его приличествует облачить так, как он был, а не на античный манер... Это было бы не лучше, чем, выполняя фигуру Цезаря или Ганнибала, придать им робость или одеть в платье, какое мы носим сегодня... Ежели тебе нужно сделать апостолов, не делай так, чтобы они выглядели как фехтовальщики, подобно тому что сделал Донателло в Сан-Лоренцо во Флоренции...»

Слова, совершенно невозможные в XV веке, о чем говорит и пример Донателло: он изобразил кондотьера Гаттамелату именно в античных, то есть римских доспехах. Кому-то в более поздние времена захотелось обругать Донателло, и он сделал это от лица Филарете.

Кроме этого, Филарете пишет: «Мой господин, я хочу приготовить известную пасту из извести и прочих вещей и сделать из нее низкие рельефы, как видел выполненными в немалом числе. Древние (эти «древние», скорее всего, жили лет за сто до Филарете и были византийцами, опережавшими итальянцев в искусствах. — Авт.) применяли их в своих сооружениях, в особенности в Риме. Я полагаю, Вы видели такое в Колизее и многих других местах».

Из этого следует, что в XV веке любой мог видеть штукатурные рельефы на вполне целых стенах Колизея. В конце XVI века Палладио и Виньола уже видели действительно развалины на Римском Форуме. Однако что означают слова Палладио об античных дверях церкви Косьмы и Дамиана (как считается, храма Кастора и Поллукса)? Ведь ныне от этого здания остались лишь три колонны и часть антаблемента. Историки, возможно, скажут, что раньше остатками этого храма считались совсем другие руины, но это только усиливает наши подозрения и в датах, и в подложности многих сочинений или отдельных мест в подлинных средневековых текстах.

Архитектор Виньола. Церковь Сант-Андреа на виа Фламиния в Риме. 1555 год. Вполне можно принять за позднеримскую постройку, — если не знать, что это творение архитектора XVI века.

Так, традиционалисты предъявят нам текст письма Петрарки. Ну, разве не ясно, скажут они, что Рим был разрушен до 1337 года, когда там впервые побывал поэт, а не в 1527 году, как утверждают «хитрые хронотрюндели», то есть мы?

Написать сонет, как Петрарка, сложно, а вот состряпать за него письмо с душком политической историографии может любой литератор средней руки. Например: «Я знаю, правда, что некоторые легкомысленные греки в пику славе римского имени славят имя парфян и постоянно говорят, что римский народ не может противостоять величию Александра Македонского, хотя римляне едва признают его». Не кажется ли удивительным волнение автора через тысячу лет после падения Рима?

Л. Баткин пишет: *«Миф о нескончаемой работе над «Африкой» (произведение о Второй Пунической войне. – Авт.) — на грани правды и вымысла, как и вся поэтика, вся жизнь Петrarки».*

Велик соблазн приписать известному лицу исторический памфлет: история — это политика, опрокинутая в прошлое.

Когда смотришь многочисленные реконструкции различных руин, невольно задаешься вопросом, а что еще, кроме желания создать некую античную утопию, лежит в основе этих изображений и макетов? Конечно, первоначальный замысел часто отличается от конечного результата. Уже в ходе строительства объекта меняется, бывает, и архитектор, и заказчик, и власть в городе, стране...

В XVIII веке у римской церкви Санта-Мария ин Космедин был декоративный мраморный фасад. Видимо, посчитали, что в Риме слишком мало средневековых зданий, а фасад XVIII века не представляет художественной ценности. И он был уничтожен ради реконструкции фасада XII века, которого никто никогда не видел. Этот фасад якобы был сделан «по аналогии» с колокольной XII века. Но кем и как доказано, что это романская колокольная XII века, а не проторенессансная XIV-го?.. Можно воссоздать и первый собор Св. Петра по старым описаниям и рисункам, но где гарантия, что он действительно когда-либо существовал в таком виде? В любом случае, это будет такой же новодел, как и новодел из стекла и металла.

Барокко

Ювелиры словом *барокко* называли нестандартные жемчужины. Оно стало синонимом всего странного, причудливого, необычного, вычурного, неестественного. Ж. Базен пишет, что стиль барокко вплоть до конца XIX века (во Франции даже до окончания Второй мировой войны) воспринимался как отступление от принципов разумной и гармоничной архитектуры, некое повторное, после готики, «варварское» поветрие. Но слово барокко можно встретить в уничижительном смысле, начиная с XVII века. В 1853 году Розенкранц анализирует барокко в своей книге «Эстетика безобразного».

Риме. 1575.

Джакомо делла Порта. Фасад церкви Иль Джезу в

Но когда возник этот стиль? В IV выпуске первой серии «Памятников мирового искусства» (издание НИИ теории и истории изобразительных искусств АХ СССР) говорится, что в последней четверти XVI века в Риме можно «констатировать сложение самих стилевых форм архитектуры барокко». А в первой четверти XVII века воспитанники Болонской академии «закладывают основы собственно барочной линии» в живописи и скульптуре. Затем о нем сложились самые разные мнения. То барокко понималось то как «дикарский диалект» художественного языка Ренессанса (Я. Буркхард), то как его противоположность, обуздывающая «дикарский язык маньеризма» позднего Возрождения.

«В Риме, настоящей родине барокко, — пишет К. Верман, — грандиозный, благородный, строгий ранний барокко, которому следует XVII век, в дальнейшем развитии постепенно уделяет место более радостным и легким формам. Границей его Вельфлин считает 1630 г. Столбы и пилястры около этого времени снова начинают замещаться колоннами, которые сначала появляются на фасадах, выступая из стены лишь на половину или на четверть, но затем быстро и свободно овладевают внутренностью... Даже церковная центральная постройка, в раннем барокко уступившая место совершенно прямоугольному или

овальному продолговатому зданию, снова возрождается. Но только теперь, после робких более ранних попыток, вертикальные стены, изогнутые внутрь и наружу, тоже приобретают подвижность форм, и любовь к пышности уже соединяется здесь местами с игривой прелестью, подготавливающей стиль рококо».

Вообще в XVII веке существуют не одна, а две параллельно развивающиеся стилевые системы — барокко и классицизм. «Обе эти системы, — пишет Е. Ротенберг, — находятся в довольно сложном взаимоотношении, демонстрируя множество градаций от тесного контакта до прямой вражды». Приблизительно то же самое мы можем отметить в античной литературе между такими течениями, как аттицизм и азианизм. К чему мы приводим такую параллель? Вскоре станет ясно.

Лоренцо Бернини. Церковь Сант-Андреа аль Квиринале в Риме. Фасад. 1653–1658.

В искусстве этой эпохи наше внимание особо привлекает третий этап — период кризиса и упадка. Е. Ротенберг справедливо пишет:

«К 1670 год великие мастера века, как и большинство живописцев их поколения, сходят со сцены, и вместе с ними словно обрывается в своем развитии вся представляемая ими плодотворная художественная культура... Упадок оказался в ряде случаев настолько глубоким, что три страны — Испания, Фландрия и Голландия — с этого времени вовсе утрачивают положение великих художественных держав».

В чем же искусствоведы видят причину такой безрадостной картины? Винкельман написал об этом в XVIII веке так:

«Микеланджело с его безудержной творческой фантазией не смог ограничиться подражанием древним и положил начало излишествам в украшениях, а Барромини, переищающий его, навел великую порчу на архитектуру, распространившуюся в Италии и в других странах и сохраняющуюся поныне, ибо духу нашего времени все более чуждо становится естественность древних...»

Вот оно, мнение историка об эволюции: если художник не желает подражать, а поддается творческой фантазии, то, конечно, загубит дело. Подражать надо было, а не творить! Ох, не зря Б. Кроче писал еще в 1929 году: «Историк не может оценивать барокко как нечто позитивное; это чисто отрицательное явление... это выражение дурного вкуса».

Рождение барокко связывают с именами Микеланджело и Бернини, а затем и Барромини, и стиль этот определяют как нечто противоположное Ренессансу, хотя Бернини искренне удивился бы, узнав об этом (что уж говорить о Микеланджело!). Его называли «стилем Тридентского собора», связывали с абсолютизмом и Контрреформацией; во Франции до конца Второй мировой войны к нему относились как к упадочному искусству. В начале XX века Г. Вельфлин писал:

«Ренессанс — искусство прекрасного, покойного существования... Барокко имеет в виду совсем другие впечатления. Он хочет увлечь со всею силою страсти, непосредственно и непобедимо. Он не воодушевляет равномерно, он — возбуждает, опьяняет, приводит в экстаз. Он пытается завладеть на минуту. Ренессанс делает это медленнее и спокойнее, но тем продолжительнее сохраняет свою власть. Можно было бы вечно жить в его сфере».

Непосредственно барокко действует очень сильно. Но вскоре мы отворачиваемся от него с чувством некоторой опустошенности. Барокко не дает счастливого бытия; его тема - бытие возникающее, преходящее, не дарующее успокоения, неудовлетворенное и не знающее покоя. Настроение не разрушается, а переходит в состояние страстного напряжения.

Архитектура барокко и, больше всего, огромные пространства церквей — туманят сознание своеобразным опьянением. Смутное восприятие целого. Объект ускользает от зрителя — его внимание готово расплыться в бесконечности».

В качестве орнаментов барокко предложил разные рожи; двулицые уродливые головы; гермы и обелиски; крылатые детские головки; человеческие и звериные фигуры в напряженном быстром движении; колонны человекообразной формы, иногда увешанные трофеями; эмблемы, раковины, рыбы, сети, звериные шкуры, букеты цветов, груды камней, сталактиты, зубцы и прочее. Эти формы были извращены, как пишет Г. Вейс, «нередко до полного несоответствия и даже противоречия с назначением предмета», особенно в Испании, Португалии и Латинской Америке.

Стиль, украсивший мир столькими шедеврами, был по достоинству оценен только в 1921 год в книге «Гений барокко» В. Гаузенштейном.

Бразильское барокко: церковь Бон-Жезус-ди-Матозиньюс в Конгоньяси. Построена в 1796–1799 г.

И все же более стандартным было неприятие, которое ярко выразил Г. Вельфлин в книге «Основные понятия истории искусства»:

«Классический ренессанс оперировал проникающими все произведение соотношениями, так что одна и та же пропорция в различных видоизменениях повторяется всюду; это касается как планиметрических, так и стереометрических пропорций... Барокко избегает этой ясной пропорциональности и с помощью глубже запрятанной гармонии частей стремится преодолеть впечатление совершенной законченности. В самих же пропорциях напряжение и неутоленность вытесняют уравновешенность и спокойствие».

Вывод из такого отношения к одному из самых знаменитых стилей прост: хотя «известные в течение поколений ренессансные формы продолжают жить и в этом стиле», то есть в барокко, все же «сама по себе эволюция художественных форм в эпоху Возрождения не могла породить стиль барокко».

«Движение может быть ускорено, размеры здания увеличены, стройность утончена, члены единого архитектурного дела можно комбинировать все искуснее — новое таким путем все же создано не будет... Барокко же заключает в себе нечто существенно новое, чего нельзя вывести из предыдущего», — так описывает Вельфлин итог своих изысканий («Ренессанс и барокко»), и заключает:

«Нужно искать разгадки в другом взгляде на вещи; теория притупления неудовлетворительна».

Под «теорией притупления» он имеет в виду тот взгляд на вещи, согласно которому все новое — это хорошо забытое старое, и за каждым явлением следует его противоположность. За короткими юбками — длинные, за узкими брюками — широкие, и т.д. Этот простой взгляд привел искусствоведов еще до Вельфлина к выводу, что барокко существовал и в античности.

Об искусстве барокко Е. Ротенберг пишет: *«Дуалистическая структура барочного образа — факт чрезвычайно показательный... Именно поэтому (его) структура... так отлична от образных решений Ренессанса... Смелые повороты и ракурсы фигур, драматическая жестикация, простертые руки, обращенные к небу взгляды — все это обрушивает на зрителя целый поток чувств... В противовес ренессансным принципам художественного восприятия, когда интенсивность испытываемого зрителем эстетического впечатления равно возвышает в нем силу чувства и энергию разума, произведение барочного искусства в большей мере обращено к сфере безотчетных эмоций и инстинктов».*

Великолепный образец мексиканского барокко: церковь иезуитской коллегии в Тепоцотлане. 1760–1762.

Здесь пора сказать, что основной тип католического храма был разработан Виньолой незадолго до того, как в 1575 году Джакомо делла Порта начинает возведение фасада римской церкви Джезу, построенной по достаточно простому, почти прямоугольному плану. А до этого такой тип храма приходил только в голову Леонардо, якобы пользовавшемуся идеями Филарете.

Мы с вами потихоньку подбираемся к «античному барокко».

Е. Ротенберг продолжает: *«Архитектурный язык барокко сохраняет и широко использует традиционные ордерные формы, но эти последние переживают такую решительную трансформацию, что образуют собой, в сущности нечто противоположное объективной логике, составляющей смысл ордерной системы».*

Как видим, за барокко уже появляется традиция, и наличествует эволюция. А задолго до Ротенберга К. Верман писал в «Истории искусства всех времен и народов»:

*«В Малой Азии сохранился целый ряд позднеимперских храмов, в которых мы встречаем все древние ордера в самых разнообразных видоизменениях, считавшихся в то время обогащениями архитектуры, а потомством признанных ее искажениями... В Пальмире (Тадморе), Гелиополе (Бальбек) и Герасе (Джераше), в Сирии, **находятся гигантские остатки построек времен Римской империи в характере барокко**, которые с первого взгляда можно принять за принадлежащие XVII или даже XVIII столетию. Эти сооружения вычурные по форме, изобилующие подробностями, но величественные по пропорциям и весьма живописные по своему общему виду, явились также предвестниками архитектурных принципов и форм, развившихся в позднейшие века».*

Получается, что если в живописи к протобарокко можно отнести разве что Корреджо, истоки барочной архитектуры не в XVI, или даже в XV веке; — нет, за тысячу лет до того!

«Но настоящее образцовое (!) сооружение античного барокко — небольшой круглый храм в Бальбеке. В стене его круглой ячейки устроено снаружи пять ниш, над полукруглыми верхними краями которых помещены также дугообразные выдающиеся вперед карнизы... Со стороны входа эта грандиозная декоративная система во вкусе барокко нарушается, и притом не особенно удачно, прямолинейным портиком на четырех колоннах».

Круглый храм в Баальбеке, якобы III век

Главное сооружение Баальбека — монументальный Храм солнца, расчлененный дугообразными ребрами, поднимающимися от пристенных полуколонн; притвор его был крыт крестовыми сводами.

«Наконец, — продолжает Верман, — мы должны остановиться на восточных гробницах в скалах. Постепенное развитие в них стиля барокко можно проследить с особенной наглядностью... Характер барокко в самой сильной степени имеют гробницы в скалах Петры... Их колонны и пилястры, антаблементы и фронтоны представляют античные формы, трактованные совершенно произвольно».

Но если приведенные нами примеры — античное барокко, следовательно, в предшествующее время существовал и античный ренессанс. Так оно и есть! Верман пишет о Porta nigra в Трире:

«И здесь мы находим циркулярные арки (в дверях, окнах и стенных нишах), обрамленные полуколоннами сухого дорического стиля, и антаблемент без выступа, не барокко, а несколько неуклюжий ренессанс».

Порта Нигра в Трире (Германия). Полагают, конец III – начало IV века.

Что же тогда возрождал Ренессанс? Самого себя? Прямо как эллинизм — древнегреческое возрождение, которое тоже возрождало самоё себя. И, наконец, почему барокко — это не Ренессанс, ведь оно тоже, как видим, «возрождало» античность. Верман так и пишет: *«Дальнейшее развитие архитектуры после «возрождения» времен Адриана называют стилем барокко».* Пора искусствоведам и другим специалистам понять, что не историки должны им диктовать, что и когда строилось, а наоборот.

«Этот стиль барокко подготовлялся с самого начала империи, но наибольшие вольности он стал позволять себе незадолго до ее конца (Искусствовед даже не догадывается о параллели с XVI веком. — Авт.), и не на итальянской или греческой почве, а в отдаленнейших провинциях».

«Подобно тому как эпоха империи началась с классицизма, с некоторого рода возрождения древнегреческих форм, точно так же в середине II в. до н.э. (XV век по «римской» волне. — Авт.) этой эпохе пришлось пережить, под влиянием софистов и прежде всего в области литературы, второе возрождение, питавшее особенное пристрастие к греческому Востоку...»

Потом вдруг Вельфлин пишет совсем неожиданные вещи:

«Классика и барокко существуют не только в новое время и не только в античной архитектуре, но и на такой столь чужеродной почве, как готика».

Можно, конечно, и кинофильм Феллини назвать «барочным», но условность такого определения всем понятна. Определения типа «готическое барокко» мало что добавляют к искусствознанию. Поэтому и «античное барокко» — выдумка ортодоксальных искусствоведов.

«...Вместо стройных гибких фигур ренессанса появляются тела массивные, крупные, малоподвижные, с преувеличенной мускулатурой и шуршащей одеждой...» А ведь сказанное прекрасно подходит к знаменитой скульптуре «Геракл Фарнезе»!

Становится совершенно очевидным: барокко — это азиатское влияние, проявившееся через маньеризм позднего Возрождения. Ведь маньеризм — самозабвенный поиск иррационального, та черта, которая никогда до конца не исчезала в Ренессансе, а лишь на время уступала первое место рационализму. Вспоминаются слова героя В. Гассмана в фильме «Запах женщины»: *«Риму следовало бы быть столицей Турции»*. Барокко — это азианизм* европейской архитектуры. Не понимая этого, Г. Вельфлин путается в рассуждениях.

То он пишет, что барокко органично античности:

«Словом «барокко» мы обыкновенно обозначаем стиль, сменивший ренессанс, или — как принято говорить — бывший плодом вырождения ренессанса... В истории античного искусства мы также находим явление, соответствующее барокко. Здесь установились постепенно и характерные для него отличия. «Симптомы вырождения» античного искусства те же, что и ренессанса».

То опровергает, что барокко существовал в античности:

*«Барокко не сопровождался ни одной теорией, как то было с ренессансом. Стиль развивался, не имея образцов (?). Казалось, у творцов его не было сознания, что они и в принципе ищут новых путей. Поэтому-то стиль не имел в свое время боевого имени: *stilo moderno* обнимал все, что выходило за пределы античного искусства или готики...»*

Так были в античности образцы барокко, или нет? Выходили они за пределы античного искусства? Что значит «развивался, не имея образцов»? Может быть, итальянские архитекторы не знали памятников античного барокко в Азии?

Будто пытаясь примирить две точки зрения, существующие в одной голове, Гурлит дает свое определение барокко. Получается, что это стиль, *«который, исходя из подражания древним, как базиса (то есть Ренессанса), усиливает способы выражения архитектурной идеи путем сознательной, свободной, по-современному многообразной трактовки, пока не впадает в недопустимые уже преувеличения и безумие».*

О, кто-то здесь точно впадает в безумие. Ведь из Ренессанса, как уже было определено, нельзя «вывести» барокко. Замкнутый круг.

*Джакомо делла Порта, Франческо Борромини.
Церковь Сант-Иво алла Сapiенца в Риме. 1575–1660.*

* Азианизм — в литературе это стиль, характеризующийся четкими фразами и обширными периодами, украшенными параллелизмами и антитезами с подчеркнутым ритмом и перекличкой созвучий. Противопоставляется *аттикизм*, сторонники которого осуждали азианизм как извращение «эллинских вкусов азиатским влиянием». «Традиции азианизма оказали влияние на литературу европейского барокко», — сообщает Большой литературный словарь. В приложении ко всем видам искусства античный *аттикизм* соответствует классицизму XVI–XVII века, а *азианизм* — барокко того же периода.

Становится понятным, что и Ренессанс, и барокко принадлежат к одной культурной традиции. Просто классический (аттический) стиль (получивший в Италии XVI–XVII столетий ренессансную форму) — это греческая манера, появившаяся в XIII–XIV веках в крестоносных государствах на Балканах.

А барокко (азианизм), завладевший умами римских архитекторов в XVII веке — это стиль, возникший в Малой Азии и Сирии. И развивались они одновременно с немецкой (французской) манерой — готикой, — которая существовала как минимум до XVI века. Оставим здесь вопрос о том, что же тогда «неоготика», «псевдоготика» и т.п.

Безудержность, причудливость — эти характерные черты барокко, как выясняется, вовсе не чужды европейцам. Они проявились и на рубеже XX века в стиле модерн. И лишь неверные представления о развитии стилей в архитектуре привели к появлению в XIX веке маловыразительных эклектических произведений. К сожалению, архитектура XX века — отдельный печальный рассказ.

Н.И. Конрад пишет:

«Как это ни удивительно, барочные постройки мы находим в конце XVI и начале XVII в. в Японии, в XVII в. в Китае. Их можно прямо поставить рядом с европейскими. Что же это — случайность? Нет, не случайность. С XVI в. отдельные части Старого Света становились все более и более связанными даже в самых отдаленных концах. Нельзя упускать из виду, что испанцы и португальцы, т.е. люди с крайнего запада Старого Света пришли в Китай и Японию еще в XVI в., а с XVII в. туда явилась (и уже очень ощутительно) Голландия — первая страна, в которой произошла капиталистическая революция, а за нею Англия — вторая страна, где была такая же революция, — иначе говоря, две страны, которые тогда обгоняли весь общемировой процесс. Не приводило ли уже это одно к тому, что само присутствие Голландии и Англии втягивало эти страны, находящиеся на крайнем востоке Старого Света, в общий исторический процесс? Пусть на разных основаниях и в разной степени, но все же эти страны постепенно втягивались в этот общий процесс.»

Какую культуру несли с собой в Японию и Китай в XVII в. Голландия и Англия? Если считать, что культура их в это время была культура барокко, это значит, — они несли с собой культуру барокко и на Восток. Более того: культура барокко была первая европейская культура, занесенная туда. И разве нельзя допустить, что строители замков и храмов в Японии и Китае могли что-то узнать у голландских архитекторов? Не означает ли это, что барокко далеко не принадлежит одной Европе, т. е. одной половине евразийского континента?»

Триумфальные ворота в храмовой комплексе Ангкор-Тхом в Кампучии. XIII век.

Многие специалисты (напр., Эдуард Глиссан), относят это архитектурное произведение к «азиатскому барокко».

Фреска

Уделим немного внимания вопросу, непосредственно связанному с архитектурой: настенной живописи, а именно фреске.

«Живопись, исполненная исключительно по свежей штукатурке, называлась у итальянцев «buon fresco» («буон фреско»), т.е. истинная фреска, — пишет Д. Киплик в книге «Техника живописи», — чтобы отличить ее от другого способа известковой живописи, носившей название «fresco a secco» («фреско секко»), в котором краски также связываются в живописи с известью, но наносятся на известковую, уже выстоявшуюся штукатурку, которая перед началом работы только смачивается водой».

Такова старинная итальянская терминология, которая имеет в настоящее время лишь историческое значение. Число слоев штукатурки может быть различно: два, три и более. Чем толще штукатурка, тем дольше она будет «свежей», то есть тем дольше она позволяет писать по-сырому. Толщина всех вместе взятых слоев может достигать до 4 сантиметров. Если последний живописный слой штукатурки наносится на три подготовительных слоя, то его толщина должна быть не более 3–5 миллиметров. Если живописная задача сводится к плоскостным решениям, то вполне уместно заглаживание живописного слоя, видимое в образцах византийской и русской стенной живописи.

Ченнино Ченнини, описавший методы фресковой живописи XIII века, говорит в своем трактате, что *«всякая живопись, начатая фреской, должна быть закончена темперой»*. Из этого видно, что художники времен Ченнини еще не вполне владели техникой фрески.

Зато прекрасно знали эту технику в античные времена. По словам Витрувия (I век до н.э.), древние греки под живопись внутри здания наносили штукатурку в два слоя, наружные ее стены покрывали многослойными штукатурками, причем и в том и в другом случае поверхность их выглаживалась, что практиковалось и в Египте. Нижние слои составлялись из извести и песка, верхние — из извести и толченого мрамора.

«Фресковая живопись римлян, — пишет Д. Киплик, — мало похожа на итальянскую фреску времен Ренессанса как по подготовке стен под живопись, так и в других отношениях. Соединительные линии между частями однодневной работы в помпейской живописи или вовсе отсутствуют, или очень мало заметны».

Ну, если мало заметны, значит, они все-таки есть. Отметим это и пойдем дальше.

«С падением Римской империи и ее культуры и началом истории новых народов живописные искусство мало-помалу возрождается в Византии (но ведь пала только Западная Римская империя. Почему же живопись «возрождается» в Восточной, то есть в Византии, да еще «мало-помалу»? — Авт.) ... Важнейшим отклонением от принятых у римлян правил является здесь изменение числа слоев штукатурки, которое доводится в византийской живописи всего до двух, причем мрамор (точнее: мраморная крошка. — Авт.), входивший в известковый раствор римлян, мало-помалу исчезает из них, заменяясь в нижних слоях штукатурки соломой, в верхних — паклей или волокном льна».

Это делалось для того, чтобы штукатурка дольше сохла. Примитивная ранневизантийская живопись XI–XII веков выполнялась за один день на всей площади картины, отчего в византийской фреске отсутствуют так называемые «соединительные» линии, столь характерные для поздней эпохи итальянской и, как отмечено, древней помпейской живописи. Общая толщина двух слоев штукатурки равнялась приблизительно полутора сантиметрам. Стенная живопись средневековой Италии подчинялась византийскому стилю, от которого стала отходить в XIV–XV веках, изменяя и свою технику.

Д. Киплик продолжает:

«Эпоха эта в техническом отношении знаменуется для нее как бы возвращением к традициям античной живописи, сходство с которой выразилось в изумительной прочности слоев штукатурок и живописи, а также в высоком глянце, который присущ итальянской стенной живописи этого времени... Вплоть до XVI столетия средневековая итальянская стенная живопись выполнялась с блестящей поверхностью. Таковы произведения Джотто и его учеников, таковы же работы и многих других художников, писавших на стенах в ту эпоху: Линно Мемми, Пьетро Лоренцетти, Анголо Гадди, Гирландайо, Фра Анжелико, Мазаччио, Филиппо Липпи, Андреа Мантенья и, наконец, Перуджино».

Поскольку качество живописи во много раз повысилось в сравнении с византийской предыдущей доренессансной эпохи, художники перестали успевать закончить всю площадь картины за один день. Поэтому штукатурка ежедневно наносилась по частям, следствием чего получились «соединительные линии». Для прочности вместо песка в ней опять использовалась мраморная крошка. Русский епископ Нектарий сообщает об этом методе так:

«А того бы беречи, чтобы писать по сырому, чтобы краски в левкас входили, и крепко будет. А левкасу на стене класть, сколько написать до обеда; а обедать мастера пойдут, и левкас бы на стене не оставался без письма; тако же и к ночи не оставался без письма отнюдь. Да тако будет крепко и вечно».

Точно так писали фрески Рафаэль, Микеланджело и другие художники Высокого Возрождения. Прописывание фрески темперой было нежелательно.

В XVI веке Паломинио начинает применять шероховатые матовые поверхности. Художник же Поццо (1642–1700) в своем трактате о фреске говорит уже о необходимости зернить поверхность свежей штукатурки, прежде чем начинать фресковую живопись. Заказчикам стала нравиться матовая живопись. Такой живописи, которая, кстати, была слишком мягкой, а потому легко подвержена механической порче, не знала античность, и ни один действительно «античный» художник не дожил до 2-й половины XVII века. Художник М. Курилко так описывает процесс написания фрески:

«После построения лесов на стену наносится набрызг, то есть приготовленный раствор набрасывается без затирания. Когда он схватится и затвердеет, по частям наносится новый слой толщиной 7–8 мм площадью на время, достаточное для написания фрески, пока она принимает краску. Эта часть тщательно разравнивается и затирается... В эпоху Ренессанса на свежую штукатурку накладывали картон и придавливали бумагу по контуру. Следы продавленного контура ясно видны на потолке Сикстинской капеллы. В мое время так не делали, потому что на тщательное продавливание требуется много драгоценного времени... Так как фреска пишется по частям и незаписанная часть штукатурки сбрасывается со стены, то и выполнение ведется по частям: обнаженное тело в один прием, драпировка в другой... В отличие от масляной живописи, подмалевку не давали высыхать, а, наоборот, как можно быстрее мягкой кистью сплошь покрывали фигуру «телесным цветом»... Покрыв всю фигуру, художник продолжал работу и освещенные места покрывал краской много раз, пока штукатурка принимала краску. Сначала краска разводилась на воде, потом на известковой воде и, наконец, на известковом молоке... Для синих и зеленых драпировок подмалевки делается черной краской, для красных — мумией. Потом они покрываются синей, зеленой или красной красками, разбавленными на воде, либо пишутся вразбел на известковом молоке».

Возникает вопрос: а как выглядела античная фреска? У искусствоведов на этот счет не совсем верные представления.

Ю. Колпинский пишет в книге «Искусство эгейского мира и древней Греции»:

«Монументальная греческая живопись, по сведениям древних авторов (!), возникает в VII в. до н.э. Ее главными центрами считались Коринф и Сикион. Существуют сведения, что коринфские мастера Клеанф и Аригон расписывали целлу храма в Олимпии... Немногочисленные памятники показывают, что живописи архаики была присуща повышенная декоративность и локальная передача цвета. Таковы расписные метоны храма Аполлона в Терме (3-я четверть VII в. до н.э.) Плоскостность решения, графическая выразительность контура определяют стилистическую близость росписи работам вазописцев... При ограниченном количестве красок мастер все же стремится к большей цветности, чем в вазописи».

Совершенно верно, именно таковы росписи в этрусских гробницах, но их почему-то датируют совсем другим временем. Это видно из сравнения амфоры «Вант и Цербер» конца IV века до н.э. и росписи гробницы Орко в Тарквинии (около 300 года до н.э.). Впрочем, автор, видимо, имеет в виду и образцы более примитивной стенописи, такие как росписи гробницы Авгуров VI века до н.э.

«Во второй половине VI в. до н.э. в основном применялись желтая, белая, черная, коричневая, красная, синяя и зеленая краски, причем цвет всегда сохранял свой локальный характер», — пишет Ю. Колпинский. — Моделировка формы светотенью не применялась, как отсутствовало и изображение окружающей пейзажной или бытовой Среды.

К концу века изображение освобождается от подчеркнуто плоскостного характера. Благодаря моделировке мускулатуры черными линиями внутри контура фигуры формы тела начинают приобретать большую объемность... Эти черты близки краснофигурной вазовой росписи, возникшей примерно в эти же годы».

И вот здесь автор не понимает, что вазопись — это одно, а монументальная живопись — совершенно другое. И хотя он отмечает, что, «живописец располагал более богатой палитрой, чем мастер вазовой росписи», все же, как выглядела живопись на следующем этапе развития, он себе не представляет. А между тем достаточно взглянуть на

«Амазонку», деталь росписи мраморного саркофага из Тарквинии IV века до н.э., чтобы понять, чем такая живопись отличается от краснофигурной вазовой росписи. Даже не говоря о богатстве колорита, моделировка фигур светотенью представляет собой качественно новый этап развития живописи по сравнению с росписями гробницы Орко.

Не понимая этого, Ю. Колпинский пишет о фреске классической поры в Греции:

«Как и живописцы предшествующего времени, Полигнот преимущественно ограничивался четырьмя красками: черной, белой, желтой и красной. Правда, сохранились сведения, что в одной из своих работ он фигуру демона закрасил тоном средним между синим и черным, а также пытался раскрасить тело утопленника в сине-зеленоватый тон. Однако эти скромные попытки ввести промежуточные цвета, видимо, не уничтожали локальности живописи».

Ю. Колпинскому невдомек, что зеленый цвет получается от смешения черной, желтой и белой краски, а фиолетовый — из черной, белой и красной красок. И если смешать черную виноградную и белила, получится синий, а не серый. Поэтому слова о «скромных попытках» ввести другие цвета очень странны. Локальность живописи была преодолена в классический период (в Этрурии-Тоскане в это время наступил «проторенессанс»). Просто Ю. Колпинский прочитал у «древнего» автора (видимо, Плиния), что художники ограничивали себя четырьмя красками, и решил: ВСЯ античная живопись состояла из четырех локальных цветов. Но ни краснофигурные кратеры, ни белофонные лекифы, никакая другая керамика не может давать представления о фреске. Живопись времен Полигнота мы видим в Помпеях (якобы реплика I века до н. э. с оригиналов IV века).

Мастера пользовались четырьмя красками только на определенном этапе, в дальнейшем они вводили в росписи и более яркие цвета, однако не придавали этому особого значения, так как основная работа выполнялась ими на стадии подмалевка.

Полигнот, живший на самом деле, как можно предположить, в конце XIII века (одновременно с Никколо Пизано), работал приблизительно так же, как и мастера XIV века. На деле это о них Ю. Колпинский пишет, что они ввели *«мягкую светотеневую моделировку и более богатую цветовую гамму»*, ошибочно полагая их художниками IV века до н.э.

Стиль греческих художников XIV века близок стилю Мазаччо (1401–1428) и других мастеров этого времени. Ю. Колпинский пишет:

«Тяготение к большей живописной свободе воплотилось, по свидетельству древних, в творчестве Апеллеса, ни одна из работ которого не дошла в сколько-нибудь достоверных копиях».

Картина Боттичелли «Клевета» (1430-е годы) и есть реплика знаменитой композиции Апеллеса. Самое ужасное заключается в том, что подлинные картины Апеллеса и других художников, видимо, уничтожались в угоду скалигеровской хронологии, поскольку в них слишком явно проступало Средневековье. С подобными произведениями литературы обходились проще — их объявляли подделками под Эсхила, Софокла, Еврипида и других греческих авторов.

Мебель

Мебель называют «малой архитектурой», потому что основные закономерности формообразования в мебели и архитектуре идентичны, разница заключается в масштабе. Стиль мебели определяется потребностями и вкусами людей той или иной исторической эпохи, а потому ее называют античной и византийской, романской, готической, стиля Ренессанс, барокко, стиля регентства, рококо, стиля Директории, ампира, колониального стиля, бидермейера и т.п.

В свою очередь, мебельные формы могут многое поведать об уровне культуры, жизненном укладе общества, об уровне развитости художественных ремесел, связанных с производством мебели. Таким образом, история мебели, с одной стороны, тесно связана с историей архитектуры, а с другой — с историей промышленности, так как последняя определяет возможность ее массового изготовления.

«Плохо изготовленная современная... мебель демонстрирует не что иное, как духовное убожество тех, кто в наши дни грубой рукой творит мешанину из чуждых, непонятных ему стилевых элементов», — пишет Д. Кес. Этот автор книги «Стили мебели» хорошо разбирается в стилях, не менее силен он в традиционной истории. А нас она не

устраивает, и мы с сарказмом относимся к его уверениям, что древнегреческая мебель, в противоположность богатым египетским находкам, не сохранилась.

Получить представление, какой мебелью пользовались античные греки, мы можем благодаря рельефным изображениям, рисункам на вазах и танаграм (маленьким терракотовым статуэткам). Оказывается, греки имели рубанок, токарный станок, знали рамочно-филеночную вязку, гнутье древесины с помощью пара, начали разрабатывать технику изготовления шпона и интарсию.

«Количество видов мебели в греческом доме было незначительным, скромность жилища, климат, одежда и обычаи не требовали так много мебели. Шкафы, к примеру, почти не применялись, для хранения одежды и предметов домашнего обихода использовались деревянные сундуки различных типов... Формы стульев, которые можно увидеть на скульптурных изображениях невероятно просты; эти стулья состоят из немногих основных элементов... Позднее у греков появился обычай есть лежа; для этих целей они применяли ложе (клине) — что-то среднее между кроватью и софой... Столам в греческом доме не придавалось большого значения, они являлись второстепенными предметами обихода. Наряду с простыми рабочими столами имелись более легкие обеденные столы... Греки уже знали способы интарсии из серебра, слоновой кости и черепахи. Они отдавали предпочтение строгим тектоническим формам. Ножки, заканчивающиеся лапой зверя, встречались реже.

Для греческой орнаментики характерны как фигуративные и растительные, так и геометрические и архитектурные элементы. Наиболее частыми мотивами были акант, пальметта, ряды листьев, лотос и другие цветы в точной ясной композиции... Характерным геометрическим орнаментом была спиральная, а также волнистая линия. Широко распространенным орнаментом был меандр; к архитектурным орнаментам относились ионики (овы), бусы и зубчики».

Г. Вейс в «Истории цивилизации», кажется, с удивлением пишет, что греки не пользовались скатертями и салфетками. Также у них не было ножей и вилок. Ели греки лежа, писали тоже лежа, положив папирус на бедро.

Д. Кес продолжает:

«Для повседневного пользования, преимущественно для женщин, в V в. до н.э. был создан легкий, элегантный, климос — стул с серповидными ножками, изогнутые задние ножки держали спинку. Такие стулья, вероятно, изготавливали из гнутой древесины с применением бронзы. Эта первая форма в истории развития мебели, где функциональное начало соединено с сознательным художественным оформлением. Изящность линий климоса — как в техническом, так и в художественном отношении — является апогеем греческого мебельного искусства. Этот тип был распространен на протяжении всего периода античности, и по истечении более чем 2000 лет известный классическими формами ампир вернулся к этой форме стула...

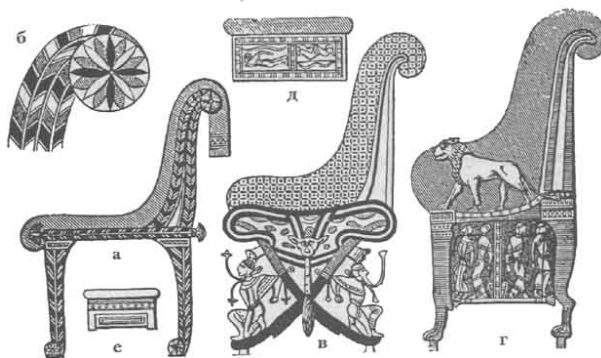
Ранняя форма скамеечки или табурета (дифроса) еще очень простая, громоздкая, ножки четырехгранные или точеные, поверхность для сидения чаще всего плетеная. Другая форма — складной табурет на X-образной опоре — происходит из Египта...»

Имея хороший железный топор, можно за несколько часов вытесать одну доску из одного бревна, с помощью хорошей пилы процесс ускоряется. Но в древности (в V веке до н.э.) пилы, кажется, еще не изобрели? Во всяком случае, Д. Кес о ней не упоминает. Каким же способом производили фанеру? Уж не говоря о токарном станке...

«Железным инструментам не более 600 лет, — утверждает И.В. Давиденко. — Для их изготовления необходимо полосовое железо, которое кузнец... нагревает в горне, кует, обрубает, пробивает, насекает, склепывает, затачивает, если нужно — закаливает».

Может быть, им и не 600 лет, а 800 или 900 лет. Все равно невозможно понять, чем древние египтяне обрабатывали привозную древесину сикомора, оливкового дерева, кедра, тиса и черного дерева. «...Еще в конце XVIII династии (XIV век до н. э.) железо считалось чуть ли не драгоценным металлом и изделия из него подчас бывали оправлены в золото», — сказано во «Всемирной истории».

В период расцвета Фив (XVI до н.э.) египетская мебель становится столь же легкой, изящной, комфортабельной, как и греческая тысячу лет спустя, или средневековая еще через полторы тысячи. В официальной истории постоянные неувязки. Но что до того ее жрецам? Уж если египтяне из диодорита амфоры высверливали... Историки всегда могут сказать: «Технология утеряна».

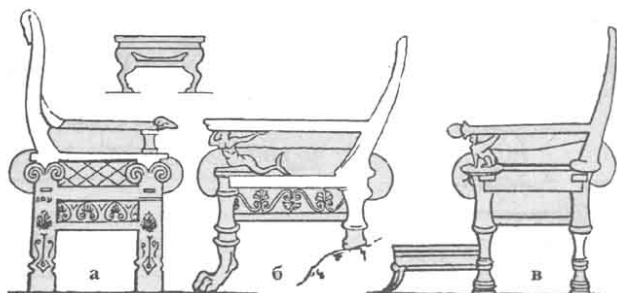
Египетская мебель: а, б — стулья, обложенные золотом и расписанные эмалью; в, г — тронные кресла; д, е — скамейки к креслам.

«Мебель во дворцах фараонов Нового царства была роскошна и богата, под стать самому убранству, — пишет Г. Вейс. — Кресла покрывались золотой резьбой и богато вышитыми подушками ярких цветов. Стулья, хотя и простой формы, были обложены золотом и расписаны эмалью. Но еще большей роскошью отличались тронные кресла, которые фараоны получали из Азии в виде дани от покоренных ими народов. Так же как и на некоторых присылаемых в дань сосудах и других предметах, на них были изображены сами данники в виде пленных. Такими же изображениями были украшены и не менее богато отделанные скамейки к этим креслам».

Вместо запираания дверей и сундуков на замок, египтяне завязывали свои сундуки узлами, которые трудно было распутать (вероятно, не только ворами, но и хозяевам). Так полагают историки, рассказывая нам о древнем Египте и даже Греции. А ведь они должны были бы хоть разок прочесть Библию. В Ветхом завете можно найти упоминания и о железных досках, и «железных голенях» (Даниил, 2:33), а в древнеегипетской литературе встречаются и гвозди, и дверные петли, и замки, как бы ни противоречили такие тексты традиционной истории. Или вот, Вторая книга Царств (12:31):

«Давид так же вывел всех жителей Раввы и заставил их работать пилами, железными молотилками и топорами, и обжигать кирпич». Кстати, вот другой перевод того же места: «...народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи». Это к вопросу о понимании текстов. И раз уж зашла речь — вот еще забавный случай. Книга Иова, 19:24. Первый перевод: «Хотел бы я, чтоб на свитках были записаны мои слова, чтоб железом по свинцу были выдавлены, чтоб на камне были выбиты, чтоб навеки остались». Другой перевод: «...резцом железным с оловом, — на вечное время на камне вырезаны были!»

В общем, легко сделать вывод, что имелись в древности железные орудия, годные для изготовления мебели. Мы напомним вам об этом в свое время.

Греческая мебель: а, б — стулья со спинкой, обитые подушками или звериными шкурами; в — кресло (трон) с ручками и подставкой для ног.

Комнатная мебель этрусков и римлян была не сложнее греческой и состояла из тех же предметов (кроме шкафов со створчатыми дверцами). Этруски лили из бронзы небольшие шкафчики. Использовали фурнитуру из штампованного (!) металла. Простые лежа изготавливались из диагонально переплетенных бронзовых полос.

Д. Кес: «Этруски создали практичную и элегантную форму канделябра, как нельзя лучше отвечающую своему назначению, ведь в античности пользовались очень примитивным способом масляного освещения. Оформленные с большим пониманием и вкусом, эти светильники можно отнести к самым совершенным художественным изделиям античности. Они, как и другие изделия из бронзы, оказали большое влияние на римские формы».

Решающее влияние на римское искусство оказал эллинизм. Так нас учит история. Римляне якобы вывозили из Греции памятники искусства, переселяли греческих мастеров. Греки работали в Риме для чужих владык. Правда, если судить по римской литературе, греки часто не давали римлянам жить. Но литературу изучают литературоведы, искусство — искусствоведы, а быт римлян — соответствующие историки. На работе у новых господ, говорят последние, греки потеряли чувство меры, пристрастились к роскоши.

Столярной работой в Риме занимались рабы. По данным Плиния, у них были все используемые в настоящее время ручные инструменты: пила-ножовка, стамеска, коловорот и т.д. Мы обещали вам кое-что напомнить в свое время, так это пока не тот случай. Все впереди!

К сожалению, вся деревянная римская мебель погибла, сохранились только бронзовые и мраморные памятники. Надо сказать, нас не удивит, если историки напишут, что римскую мебель собирали на конвейере.

«Традиционная кровать... обычно деревянная, богато драпировалась и имела мягкую обивку. Четыре выточенные ножки несли четырехугольную деревянную раму с низким — косым или изогнутым изголовьем. Профилированные поперечины, интарсия и бронзовые украшения на раме придавали этой мебели очень эффектный вид... К способам декоративного оформления относились резьба, гравировка, роспись, позолота, фанерование, инкрустация».

Византийское «раннехристианское» мебельное искусство ни в чем не отличалось от позднеримского. Церковные стулья украшались сусальным золотом, цветной эмалью, драгоценными камнями. В орнаменте нашли применение христианские мотивы: монограмма Христа, голубь, рыба, барашек, павлин; из растений — виноградная кисть, колос пшеницы, лавровый венок, оливковая ветвь... Византийская мебель, за исключением немногих изделий церковного назначения, до нас тоже не дошла, но формы византийского искусства легли в основу романского стиля. Карл Великий якобы принимал у себя бежавших в эпоху иконоборчества мастеров. Правда, из изделий ахенских мастеров мы тоже не знаем деревянных изделий, а только из металла и слоновой кости.

В мебели мусульманских народов заметно влияние архитектуры. Часто встречаются колонны, аркады с подковообразными арками, сталактитовые формы сводов, сложные виды решеток. Для интарсий широко применялся перламутр, эта техника широко распространилась в Южной Италии и Испании. Для обивки мебели и для подушек широко использовалась кордованская кожа с тиснением и позолотой.

Вот что пишет о византийской и арабской мебели Герман Вейс:

«Если из всех предметов домашней мебели (в Византии) оставить в стороне некоторые формы стульев, налов (столиков для письма и бумаг) и пр., появившихся в единичном экземпляре или из прихоти, можно заметить, что и здесь, как в архитектуре, сохранилась система полукруглых арок, соединенных одной или несколькими колоннами. Подобная система получила развитие именно в эту эпоху. Старинными ложами для сидений или возлежаний во время обеда больше не пользовались. Ложе стало употребляться только как постель».

До сих пор вся мебель у арабов, почти как у кочевых племен, ограничивается, в сущности, только ковром, покрывающим пол, и диваном... Диван предназначался для сидения и поэтому заменял собой и стулья, и кресла... Диваны тоже обкладывались пестрыми коврами, а с боков подушками и составляли убранство приемных комнат и прихожих... Вместо шкафов и комодов арабы довольствуются простыми сундуками и стенными нишами... В стенных нишах устраиваются полки и перегородки, а снаружи их облицовывают деревянной обшивкой с разнообразной отделкой... На Востоке употреблялись почти исключительно металлические зеркала. Они и теперь, как в глубокой древности, состоят из прямоугольной, овальной или круглой пластины из бронзы, серебра или стали, отполированной с одной стороны».

Были якобы в Средние века и стеклянные зеркала. Но для того, чтобы получить такое зеркало, нужно научиться делать плоскопараллельное стекло, например, наливая стеклянный расплав на поверхность расплавленного свинца. В XVII веке такой способ изготовления был признан слишком дорогим, и рабочих с французской фабрики распустили по

домам. В XVIII веке в Венеции придумали более дешевые прессованные зеркала. Так стоит ли принимать на веру сведения о средневековых зеркалах из стекла?

А вот этому сообщению Д. Кеса верится легко: *«В средневековые предметы домашнего обихода, инвентарь и мебель, как в любом обществе, базирующемся на натуральном хозяйстве, изготавливались в рамках одного хозяйства. Талантливых ремесленников или художников было мало. Поэтому в простых изделиях, хотя они и отвечали своему назначению, чувствуется дилетантство».*

Убранство стола, посуда, светильники со свечами было роскошью. Употребление ложки сделалось всеобщим лишь в XVI веке, так же как и обыкновение подавать ножи: до этого сотрапезники приносили свои... Вежливость требовала, чтобы ты опустошил свой стакан, прежде чем передать его соседу, который делал то же самое, ведь стаканов было мало. Вместо тарелок довольствовались деревянной дощечкой или ломтем хлеба, на который помещали свою порцию мяса. Сахар был роскошью в Европе до XVI века, перец оставался ею до конца XVII-го. В XVI–XVII веках роскошью была обыкновенная вилка.

Г. Вейс пишет о королевских обедах:

«За столом пользовались только ложками, а ножи и вилки употребляли только для разрезания сыра и фруктов. Все блюда подавались на стол уже порезанными на мелкие куски, которые клали в рот рукой. Так было принято у аристократов до конца XV в., а у среднего класса — до XVII в. При этом не было даже салфеток, а руки вытирали хлебным мякишем или о скатерть. Столовый прибор был рассчитан на двоих гостей, так что двое, обычно кавалер и дама, ели с одной тарелки и пили из одного стакана».

Чтобы ремёсла расцветали, люди должны привыкнуть покупать. Небольшое количество сохранившихся изделий мебели XII века имеет примитивную конструкцию и громоздкие массивные формы. Ясно, что развитой торговли еще не было. Шкафы сделаны грубо, из необработанных толстых досок, рамочно-филеночная вязка не применялась, примитивное деревянное соединение требовало укрепления из кованых железных накладок. Почему же византийские мастера раннего Средневековья, научившись всему у римлян, не передали свое умение следующим поколениям мебельщиков? Обивки, и той не знали.

Универсальной мебелью был сундук (ящик). На нем сидели, он мог служить и столом, и кроватью, и даже дорожным чемоданом во время путешествий королей и знатных господ. Первые сундуки в романскую эпоху (XI век) выдалбливались из стволов деревьев, позднее их стали конструировать из толстых, неструганных досок, с двускатной крышкой. Стульев не было, сидели, в лучшем случае, на скамьях. Стол — это просто съемная широкая доска на двух козлах.

«Германским народам понадобились долгие столетия, чтобы создать мебельное искусство, близкое античному, — пишет Д. Кес. — По всем приметам, античные точеные формы явились прототипами средневековых... В романскую эпоху ремесло было способно удовлетворить только элементарные потребности».

Такова была мебель крепостных замков и церквей. Наконец, ближе к концу эпохи крестовых походов, в XIII веке появилась мебель, копирующая архитектурные формы. На готических шкафах и кроватях можно встретить элементы архитектуры замков вплоть до амбразур. Столярному мастерству была навязана геометрически точная орнаментика, противоречащая самой фактуре дерева.

«Известные нам зрелые формы готической мебели относятся к более позднему периоду (XIV век), уже после появления досок... Благодаря более тонким и легким доскам в хорошо сконструированной столярной мебели были заметны предпосылки, созданные новой технологией для возникновения новых форм».

Мы обещали вам кое о чем напомнить в свое время. Это время пришло. Когда мы писали о мебели и инструментах Древнего Египта и Древней Греции, выяснилось, что инструменты имелись. И вот, добравшись до начала Возрождения, мы обнаруживаем, что делать изящную мебель вновь стало возможным! Отчего же? Да оттого, что появились новые технологии и легкие доски. А вы помните, что римские мебельщики увлекались фанерированием своих изделий? Они не то что доски, фанеру делали запросто!

Если же отбросить исторические благоглупости, и обратить внимание на технологии, становится ясным, что и «древнеегипетская», и «древнегреческая» мебель могла появиться только в эту эпоху или незадолго до нее.

«В период готики возросло число находящихся в употреблении типов мебели, что свидетельствовало о развивающейся культуре быта... Кровать в готическом стиле, если она не была встроена в стену, имела полубалдахин, полный балдахин или большой, подобный

шкафу деревянный каркас, а в южных странах Европы — дощатую конструкцию с архитектурным членением, резьбой и цветной отделкой... Мебель имела рамочную конструкцию с тонкими филенками. В качестве украшений применяли прекрасные резные растительные элементы... и складки... Резьба в поздней готике XV века принимает ажурный орнамент, мотивы т. н. рыбьих пузырей и ослиных спин встречаются преимущественно во Фландрии. В Англии культивируются в основном мотивы «пламенеющей» готики... Элементами свободно трактованного растительного орнамента являются виноградные листья и гроздья, гирлянды, завитки, розетки, бугристый с прожилками листовенный орнамент, цветы, щиты и украшенные лентами картуши».

Под южными странами Д. Кес, видимо, имеет в виду Испанию и Италию, так как в Греции готика не была распространена. Прекрасная мебель сохранилась во Франции, в Германии и Фландрии, Англии и Швейцарии. В Италии (Тоскана и Сиена, Венеция и Милан) все острые «готические» углы были притуплены. В Испании сильное влияние на орнаментику оказал арабо-мавританский стиль.

Серебряное блюдо «Силен и Менада»: так называемый «византийский средневековый антик».

VII век.

После готики мир «вновь обратился» к античной традиции. «Вновь изобретен» станок для выработки тонких листов древесины (фанеры), — для развития мебельного производства событие эпохальное. Таким же эпохальным событием было изобретение в эту эпоху механической пилы, приводимой в действие водой.

«Ренессансная орнаментика отталкивается от античных образцов, которые она развивает в сторону большей утонченности, — сообщает Д. Кес. — Количество употребляемых декоративных мотивов велико; широко используются, в частности, различной формы колонны, пилястры, лист аканта, мотив канделябра, гермы, купидоны... В этот период вводится в обиход и целый ряд новых декоративных элементов, в частности — гротески... Гротески — это очень причудливые, фантастические орнаментальные композиции: вплетенные в прихотливо вьющиеся растительные ветви фигуры животных, фантастические существа, птицы, человеческие головы, цветы... Помимо вышеупомянутых, широко употреблялись такие орнаментальные формы, как арабески, плетенки, картуши, фестоны, гирлянды, львиные головы, грифоны, фигуры полулюдей-полуживотных и т.д.»

Историки сообщают нам, что в эпоху Ренессанса мастер-столяр был уже (!!!) подготовлен технически для производства мебели не хуже «древнеегипетской» или «античной».

Замечательными мастерами были Баччо д'Аньоло, Джованни да Верона, Бенедетто да Майано. Во Франции сложилось восемь мебельных школ. Среди мастеров, по рисункам которых массово изготавливалась мебель, были Дюсерсо и ученик Микеланджело Башелье. Крупный вклад в развитие английского мебельного искусства внес Ганс Гальбейн Младший. В Германии стали известны мастера Петер Флетнер, Иост Аман, Ганс Диттерлейн.

И на этом мы закончим обзор эволюции мебельного искусства в Европе. Мы не будем писать о французском барокко (стиле Людовика XIV), английском барокко (стиле королевы Анны), испанском барокко Чурригеры, английском рококо (стиле Чиппендейла), австро-венгерском классицизме (стиле цопф). Потому что и так все ясно. Найденная в гробнице «древнего» Тутанхамона мебель — скорее всего, даже не оригинал XIII века, а изделие более позднего времени, возможно недавнего. Как и колесница фараона. Как и многое другое.

Шлем Невского и скифы-ювелиры

Современная молодежь, кажется, старые советские фильмы не жалуется. А люди старшего поколения все, как один, видели художественный фильм 1938 года «Александр Невский». Киношный князь громит тевтонских рыцарей, надев на голову свой легендарный шлем. Да и сама эта битва 1240 года легендарна по многим признакам: апрель, мокрые снега, а русские воины отправляются на запад, за 200 верст от Новгорода, чтобы у так и не определенного достоверно Вороньего камня на Чудском озере, устав после похода, вдали от тылов, сражаться на скользком льду...

Подковывали ли в те поры лошадей? Очень большие есть в том сомнения. А без подков по скользкому льду на конях не поездишь.

«Не из пятнадцатого ли века эта история?», — задается вопросом И.В. Давиденко. А затем высказывает весьма основательные доводы в пользу того, что шлем, который, по мнению историков, нашивал Александр Невский, был изготовлен почти через 400 лет после знаменитой битвы!

Николай Черкасов в роли Александра Невского, 1938 год.

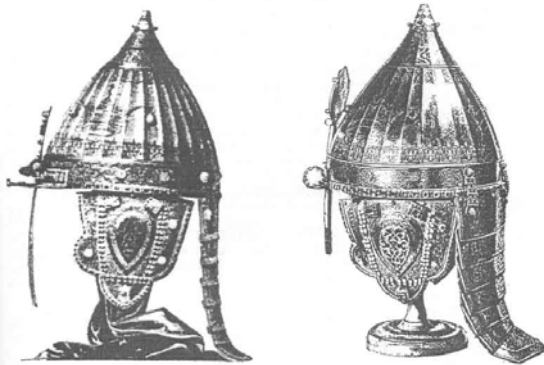
Бутафоры придумали для актера шлем, которого не могло быть.

Легенд об этом шлеме немало. Например, газета «Алфавит» (№ 3'2000) сообщает, что «на шлеме Александра Невского, скованного из полированной стали, был изображен лик святого Михаила». Но в XIII столетии делать стальной лист еще не могли. Зато известна так называемая «Шапка Иерихонская», стальной шлем московских царей, изготовленный в 1621 году. И очень похоже на то, что приписываемый Александру Невскому якобы МЕДНЫЙ шлем — лишь «отзвук» этой Шапки Иерихонской, хранящейся ныне в Московском Кремле. Даже наличие кремальеры, передвигающей носовой щиток шлема, свидетельствует о позднем происхождении изделия: уже тиражировалась винтовая нарезка металла и зубчатые колеса.

И специалист, заведующий научно-хранительским отделом Оружейной палаты Государственного историко-культурного заповедника «Московский Кремль» Алексей Левыкин, свидетельствует о неправомерном «удревлении» шлема:

«...Шлем был изготовлен в 1621 году одним из лучших за всю историю Оружейной палаты мастеров — Никитой Давыдовым, который проработал в палате около 40 лет и умер в середине 60-х годов XVII века. Делал он этот шлем специально для царя Михаила Федоровича — в качестве парадного боевого наголовья. Когда мы стали внимательно читать древние описания этого шлема, выяснилось, что он венчался крестом. Иными словами, перед нами не просто парадный шлем, а боевая корона русских царей...

...Царь Алексей Михайлович мог пользоваться, и пользовался отцовским шлемом. Особого для него не делали. Кстати, шлем этот настолько красив и хорош, что в XIX веке родилась легенда о том, что раньше он принадлежал Александру Невскому. Этот шлем вошел в состав официального герба России, который был создан в середине XIX века. Если присмотреться к ордену Александра Невского, то на нем русский князь и святой изображен именно в этом шлеме».

Шлем Александра Невского. Как указывают сами историки, на нем — арабская надпись. Это изображение помещено в экземпляре «Antiquites de l'empire Russie, editees par ordre de Sa Majeste l'empereur Nicolas I», находящемся в Публичной королевской библиотеке в Дрездене (Германия).

Шапка Иерихонская. Принадлежала царю Алексею Михайловичу. Хранится в коллекции Московского Кремля. Изготовлена Никитой Давыдовым, уроженцем г. Муром, не раньше 1621 года. Сталь, золото, драгоценные камни, жемчуг; ковка, чеканка, насечка, резьба, эмаль.

Но эту парадную боевую корону русских царей XVII века мы видим на голове князя Александра Невского и на соответствующем ордене СССР. А ведь специалисты по геральдике и орденам — те же историки. Поразителен уровень исторической точности: изделие XVII века легко переносится в XIII век! И никто не возражает!

Причем, это далеко не единственный случай.

Жили-были на юге нынешней России скифы. По одним данным, были они земледельцами и сеяли хлеб на продажу. По другим, скифы не более, как воинственные кочевники-скотоводы. По третьим, промышленяли скифы добычей ртути, да так лихо, что даже в Европе ртуть, использовавшуюся для амальгирования золотоносных руд, называли «скифской водой», поскольку поставляли ее на мировой рынок именно скифы. И были эти земледельцы - скотоводы - воины - промышленники - импортеры жестокими, разгульными и кровожадными людьми... Азиаты, короче, «с раскосыми и жадными очами».

Описания скифской культуры поражают обилием подробностей, при полном отсутствии *общего* знания. И самое удивительное, не существует легенд, сказок или былин как самих скифов, так и о них у окружавших их народов. Так откуда же взялись подробности? Из описаний Геродота, не более того!

А есть ли материальные свидетельства жизни скифов? О, да! И еще какие! Кровопийцы и, наверное, людоеды, дикие наездники, охотники за скальпами и черепами оказались искуснейшими ювелирами! Посетите Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Там много изделий, датированных IV веком до нашей эры. Общее название коллекций — «Скифское золото», хотя есть изделия из серебра. Основные экспонаты поступили из Куль-Обского кургана близ Керчи (раскопки 1831 года), Чертомлыцкого кургана близ Никополя (раскопки 1862–1863 годов) и из других курганов Украины и Южной России.

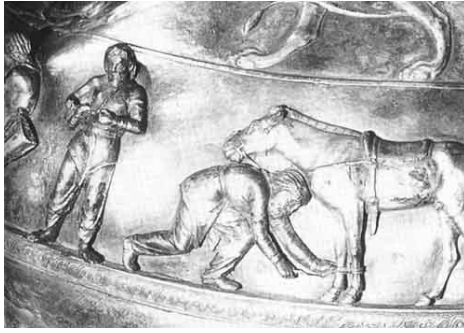
Археологи полагают, что на серебряной вазе из Чертомлыка изображены скифы IV века до нашей эры. Вот скиф стреноживает прирученного коня. На морде коня уздечка с металлическими кольцами, на спине прилажено типичное английское скаковое седло, с одной подпругой и с нагрудником, но без подфоя. Седло снабжено стремянами. Характерно, что путы не ременные, а веревочные. Грива коня хорошо острижена.

Поражает одежда скифов.

Один стоит, одетый в прекрасного покроя комбинезон; гультфик и трусы прошиты и функционально, и красиво. Второй согнулся возле коня, полы его армяка прошиты двойным швом. Заметно, что обувь стачена на левую и правую ноги отдельно, а ведь это вошло в практику работы сапожников лишь в Новое время.

По поводу этого и других изображений искусствовед М. Скржинская («Скифия глазами эллинов») пишет:

«Края и полы курток, запахивавшиеся друг на друга, оторачивали мехом или выделяли полосой строчки... Особо нарядная куртка имела по два острых клина спереди и сбоку... Куртку с короткими рукавами носили поверх нижней рубашки с длинными рукавами. Иногда куртки имели капюшоны.

«Скифское золото». Скиф, стреноживающий коня. Фрагмент вазы.

В теплое время надевали только шаровары. Их было два типа: более узкие, возможно, кожаные, заправляли в сапоги, а более широкие из мягкой шерстяной ткани носили навыпуск. Сапоги из мягкой кожи без твердой подметки завязывали ремешком либо только на голеностопном суставе, либо пропускали еще под сводом ступни...

Женский костюм состоял из свободного длинного платья с глухим воротом и поясом по талии. На платье надевали одеяние, сходное с длинным халатом. Оно не застегивалось и не запахивалось спереди, а его длинные узкие рукава иногда оторачивали мехом. Скифянки носили головные уборы двух типов: колпак с острым верхом, и трапецевидную шапку с накинутым на нее покрывалом».

Трудно сказать, насколько верно это описание. Можно сделать вывод, что у сапог скифов имеются каблуки. Можно, вслед за Скржинской, утверждать, что у сапог есть ремешки, но, возможно, это швы. Например, по мнению И.В. Давиденко, у скифа, в одиночку укрощающего коня, сапоги прошиты на подъеме; так кроют обувь в последние 300 лет. Вот вам и «IV век до н.э.»!

В целом же из описания Скржинской со всей непреложностью следует, что скифы — средневековые люди, одетые в средневековую одежду. А ведь ювелир изображал то, что видел. И вот мы понимаем, что перед нами совсем не время людоедов и кровопийц, а время умелых портных, сапожных мастеров, художников, точно отображающих растительный и животный мир планеты.

«Древнегреческая керамика» с изображением амазонки в костюме скифа. Одежда прекрасно скроена по фигуре, что есть достижение Средних веков.

Ювелиру позировали хорошо одетые пастухи, или конюшие какого-нибудь князя или хана. Причем, хоть эти поделки названы «скифским золотом», поскольку найдены они в якобы скифской земле, и изображены на них якобы скифы, историки согласились на том, что эти вещицы изготовлены в ювелирных мастерских Греции.

Некоторые из них сделаны из *электрона*, природного сплава золота с серебром. Полагают, что он назван так из-за своего светло-желтого цвета, напоминающего янтарь, который греки также называли электроном. По сравнению с чистым золотом он тверже, прочнее и меньше подвергается износу, особенно при трении.

На электроновой вазе из кургана Куль-Оба тщательно изображены сцены натягивания тетивы и зубодранья. Но ведь рвать зубы тоже научились не так давно! И.В. Давиденко пишет:

«...Стоматологам нужны инструменты. Ах, доверчивые археологи! Неужто не слышали, что Екатерине II рвали зуб опытные врачи, однако выдрали еще и часть челюсти! А уж были стальные щипцы. Где щипцы скифов?»

О «парадной секире» из Келермесского кургана, где металлическое литое изделие имитирует обух и рукоять, И.В. Давиденко пишет, что *«делали такие топоры из ПОЛОСОВОГО железа, начиная с XV века, не ранее»*. На сосуде из Чистых курганов хорошо видна вышивка на комбинезонах скифов. Видно, имели хорошие иглы, шильца и нитки.

Особо примечательна золотая зернь скифов — крохотные золотые шарики, полые, меньше миллиметра в диаметре. Как это можно было сделать до нашей эры, великая тайна истории.

«Скифское золото». Битва. Верхняя часть гребня.

Но вот на знаменитом Золотом гребне мы видим сцену битвы конного и спешенного скифов с латником. Здесь уже на коне ничего, кроме уздечки, нет: ни седла, ни стремян. Но орнамент на поножах латника тот же, что и на штанах комбинезонов из Частых курганов. И так же прекрасны и натуральны лежащие львы. По мастерству исполнения — XV век, не ранее. И.В. Давиденко предполагает, что ювелиру «подказали знатоки» о том, что скифы дикари, и должны скакать охлюпкой, без седла и стремян. Но может быть и иначе. Ведь на конях и в самом деле ездили охлюпкой, но только избегали так воевать. Возможно, мастер изобразил какой-то действительный случай нападения латника на не годовых к бою воинов, которых называют скифами.

Интересно сопоставить «скифских коньков» из Чертомлыкского кургана с бронзовыми средневековыми поделками из Флоренции. Среди последних имеется «флорентийский конек», почти идентичный половинке золотого «скифского конька», причем скифская работа чище по исполнению, значительно изящнее, чем бронзовые пряжки и застежки Флоренции. А Флоренция — мастерская Европы.

«Скифское золото». Скиф, дрессирующий коня. Фрагмент вазы.

Все это позволяет сделать вывод, что все рассмотренные скифские изделия, скорее всего, относятся к позднему Средневековью. Но посмотрите, как хорошо защищает исторические догмы Франко Кардини! И английское об одной подпруге скаковое седло с короткими стремянами видел, и сложные удила, и обувь, и одежду отнюдь не древнюю, но — выучил наизусть о IV до нашей эры «скифском» веке, и вот, делает «вывод»:

«Что касается истории материальной культуры, то должно быть ясно — искусством верховой езды мы обязаны скифам. Сосуд, найденный в Чертомлыкском кургане в районе нижнего течения Днепра и хранящийся ныне в ленинградском Эрмитаже, датируется первым-вторым десятилетием IV в. до н.э. На нем изображены скифы, ухаживающие за лошадьми. Работа мастера столь тщательно передает малейшие подробности, что ее приписали греческим мастерам. Кое-кому даже показалось, что на нем видно не только седло, но и самое раннее изображение стремени, хотя и особого типа: стремя, предназначавшееся лишь для того, чтобы вскочить на коня.

Подобное прочтение чертомлыкской находки давно уже отвергнуто специалистами. Теперь они пришли к выводу, что первое изображение стремян найдено в Индии и относится ко II в. н.э. Нам же хочется лишь подчеркнуть: мастерство скифов, скотоводов и конных воинов, — это неопровержимый исторический факт».

Все здесь перевернуто с ног на голову. Раз УЖЕ дана дата — IV век до н.э., значит, перед нами самое первое изображение стремени. Но поскольку стремени быть не могло, значит, это и не совсем стремя, а так, ерунда для посадки на лошадь. Работа ювелира столь хороша, что ее даже приписывали грекам, да вот беда: у греков традиционной древности даже таких стремян не было. Разумеется, анализа стилей искусства не было и не будет, а «вывод» Кардини прост, как мычание: *«мастерство скифов, скотоводов и конных воинов, — это неопровержимый исторический факт»*. Остается добавить, что святая вера историков в правильность датировок — тоже исторический факт.

Принято думать, что златоносные курганы по южнорусским степям оставили именно скифы, и непременно древние. Как они их «оставляли», прочесть нигде невозможно, зато мы можем легко узнать, как эти курганы были вскрыты. Это очень поучительная история, изложенная в очерке В. Харузиной «На раскопках» («Родник» № 11'1905). Здесь рассказывается о любительских раскопках небольшого кургана близ рудника в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии. Копали умелые грабари, досматривали краеведы, стихийные археологи. Грабари отмечают, что могилу уже вскрывали и засыпали.

«И вот могила вся очищена от насыпной земли и выметена дочиста веничком. В глинистой почве ее дна лежит костяк. Голова, обращенная к юго-востоку, смотрит вверх; руки вытянуты вдоль стана, ноги же согнуты и приподняты, так что коленями упираются в правую стенку могилы. Кости ног окрашены в красную краску, и на дне могилы видны остатки темно-красной краски».

«Древнегреческая керамика» с изображением греческого гоплита (слева) и скифского лучника (справа).

А что, если находки Чертомлыцкого и Куль-Обского курганов — просто клады казачества? Собирали, копили, накануне военного похода тайно закопали в старом кургане, рядом со старым костяком. Не древние же скифы красили красной краской кости скелета! Ведь

хоронили тело, а не раскрашенный скелет! И окажется, что если даже останки покойника правильно датированы IV веком до н.э., то золото к тому веку отношения не имеет...

Кто-то использовал старую могилу в более позднее время, и метил краской. Казачий общак, *кош* нужно было где-то хранить. Вот кошевой с доверенными выборными товарищами и спрятал кош в старом кургане, благо их многие сотни в южных степях стоят. И мчали казаки воевать куда надо и за кого надо. Возможно, гибли, и закопанный кош никто уже найти не мог, если погибли кошевой и доверенные товарищи, — кроме, конечно, грабителей или археологов.

Грабители золотишко продавали и переплавляли, а историки — теории выстраивали. Ах, ах, IV век до нашей эры! «Исторический факт»! А на деле, одно только суеверное отношение к хронологии. Не зря вопрошает И.В. Давиденко: *«Отчего археологи НЕ ИЗУЧАЮТ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ РАРИТЕТОВ? Ведь по примесям халькофильных, редких и рассеянных элементов можно определить месторождение, из которого добыли золото и серебро раритетов! Изучаем же мы минералы и горные породы геохимическими методами, не только визуально, на глазок. Узнаём химический состав, примеси, кристаллическую структуру материала, рассчитываем формулу, сравниваем с аналогами-эталоном.... Новые минералы экзаменуются на право называться ВИДОМ или РАЗНОВИДНОСТЬЮ... Вот так бы и с археологическими раритетами!»*

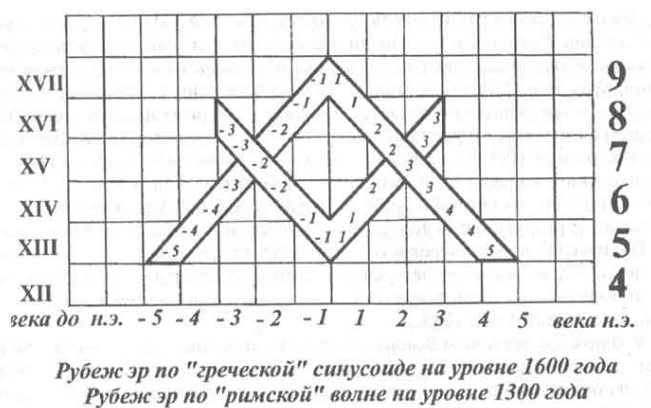
Вместо эпилога

Свойство истории таково, что с течением времени происходит переоценка ценностей, и поэтому приходится все подвергать сомнению. И это никем не оспорено.

Жан Боден.

Мы приводили в этой книге источник XIV века, в котором говорится, что Александр Македонский завоевал не только восточные страны, но и западные. Историки склонны рассматривать подобные свидетельства за фантазии, — трудно, правда, понять, почему. Но сообщение интересное. Что, если и в самом деле?.. Еще интереснее попробовать смоделировать: а что случилось бы с историей мира, если бы Александр не умер в возрасте 34 лет, а пожил еще лет двадцать–тридцать?

Возможно, если бы за такую работу принялись мы, нас бы тут же обвинили в подтасовках. К счастью, вариант с «выжившим» Александром рассмотрел А. Тойнби, а этот автор не был знаком с нашей версией. Он слыхом не слыхивал о какой-то там «синусоиде» и не мог даже предположить, что в традиционной хронологии время Александра «совпадает» с IV веком Римской империи, с VI веком Византии (по «византийской» волне), а ко всему этому «накладывается» на средневековые XIII–XIV столетия.

Итак, Александр Филиппович Македонский не умер, а продолжил свою деятельность по окультуриванию мира. В таком случае, человечество могло бы «миновать» традиционный древнеримский период, и у европейских народов был бы только один античный предшественник — эллинизм. С этим мнением Тойнби в принципе согласен и автор предисловия к его книге М. Будыко. Он хоть и не очень одобряет выбранный Тойнби путь «малообоснованных догадок», но вдруг сообщает читателю, что у европейских народов и без

таких догадок был один предшественник: «при более широком понимании явления эллинизма есть основание считать саму Римскую империю эллинистическим государством...».

Дальше М. Будыко пишет:

«Заслуживает внимания то, что в некоторые эпохи поздней античности (при Константине в IV в., Юстиниане в VI в. и др.) существовала единая Римская империя, включавшая Италию, с центром в греческих областях, которая была слабым отражением того могущественного государства, которое могло быть создано после западного похода Александра».

Медаль с двойным изображением:

Константин Великий (IV век н.э.) и Александр Македонский (IV до н.э.)

Отчеканена из золота якобы во времена самого Константина.

По нашей версии эти двое – деятель одной эпохи.

По традиционной версии между ними почти семьсот лет.

Вот так, быстро и без затей, традиционная история показывает нам «синусоидальные» совпадения. И даже более радикальная точка зрения, что римляне — это лишь эпигоны, «которые пытаются подражать греческим образцам, не достигая их высот, всё перенимая и практически не создавая ничего своего», прекрасно согласуется с нашей реконструкцией, в которой Рим на Тибре основан не ранее 1261 года, после перехода Константинополя вновь под власть греков (выгнавших латинян, владевших столицей империи с 1204 года), а его масштабное строительство началось с начала XIV века, когда в высших кругах Византии возникла мысль о переносе столицы с Босфора на Апеннины. Действительно, эпигоны.

Причем и М. Будыко, и А. Тойнби исходят из того, что главный Рим (он же первый) — Рим на Тибре. Но ведь Рим действительно на Тибре, первый он там или второй, и в этом сказывается правило истории: смерть того или иного деятеля мало что решает, — дела идут немного по-другому, но все-таки в том же направлении.

В «виртуальной истории» А. Тойнби Александр Македонский сам начинает Пунические войны, — но и в традиционной версии они, произошедшие без его участия, оказываются всего лишь продолжением его политики. Да и перенос центра империи с Балкан на Апеннины назревал; к этому вела нестабильность на востоке.

В версии, которую предложил Тойнби, перед Александром встала задача вывезти «взрывчатый материал» — лишних людей, вон из Европы. Куда? Тойнби предлагает: в Индию. И в реальности открытие Васко да Гамой морского пути в Индию и вовлечение ее богатств в экономический оборот действительно позволило занять «лишних людей» Европы. Потом Тойнби описывает, как вездесущий Александр поручает финикийцам отыскать морской путь до Китая. А дети и внуки его полководцев продолжают экспансию:

«Сын Гамилькара — Ганнибал, более похожий на Александра Великого, чем любой смертный за истекшие века — повторил подвиг Александра на море. Он построил небывалый корабль и отплыл на нем из Иберии на запад, заявив, что Земля — шар, и что он достигнет берегов Чжунго с востока. Это Ганнибалу не удалось; зато он открыл посреди моря Атлантиду, о которой писал Платон...»

Но именно так все и было, но — в XV веке, когда Колумб открыл Америку! Даже не надо выдумывать «небывалый корабль»: каравеллы Колумба имели морской руль, которого лет за сто—двести до этого не знали в Европе. Тойнби замечательно расписал все, с его точки зрения, наиболее вероятные события, но только XIV–XV веков, а не мифической «античности».

...В природе и обществе то и дело происходят обновления. Это закономерный процесс. Каждую весну распускаются на деревьях новые листья, и каждую осень они опадают. Новые поколения людей приходят в науку, экономику, власть. Но представить себе, чтобы весь дуб — постепенно или разом, превратился в желудь — невозможно. Реки не текут с долин в горы, люди не «рождаются обратно». И возвращение цивилизации на исходную позицию или на какой-то промежуточный этап — вздорная мысль! Безумие, приписывать человечеству бесконечные «возрождения» после тысячелетних забвений целых пластов культуры.

Вот и в данном случае мы видим, что история «александровой эпохи» непосредственно предшествует ее же «возрождению» — а на деле, продолжению, — в XVI–XV веках. А иначе получается, что наши историки, противники идей Н.А. Морозова, вполне солидарны с Тойнби. Умер Александр, вот и открыли Америку на пару тысяч лет позже. Спрашивается: а если бы Колумб умер в детстве от золотухи?.. Еще бы две тысячи лет ждали?

Все это показывает, под каким гипнозом находятся наши уважаемые «традиционные» историки.

Недавно вышел очередной сборник из серии «Антифоменко». Физик М. Городецкий и его соавторы по этому сборнику (среди которых даже писатель-фантаст Кир Булычев!) занимаются не историческими исследованиями, а доказательством «недобросовестности» основоположника «Новой хронологии» А.Т. Фоменко. По их мнению, с хронологией земных цивилизаций всё в порядке. Один из участников сборника, Глеб Бараев, пишет:

«Допустим, что мы не знаем, какую именно дату основания Рима имел в виду Тацит, и имеем разночтения в консульских фастах, не позволяющие использовать их для датировки. Значит ли это, что текст Тацита нельзя привязать к абсолютной временной шкале? Ответ будет отрицательный — данная задача вполне разрешима. Для этого необходимо воспользоваться описанием у Тацита событий, описанных также и в других источниках. Например, Тацит пишет о событиях Иудейской войны и осаде Иерусалима. Следовательно, мы можем перейти от Тацита к Иосифу Флавию, у последнего обнаруживаем Понтия Пилата... далее переходим к тому же Евсевию и в результате получаем привязку текста Тацита к летосчислению от Р.Х. После чего текст Тацита к нашим услугам для датировки перечисленных в нем консулов, а также императоров и прочих упомянутых лиц.»

Глеб Бараев, видимо, считает, что, поскольку Евсевий — христианский автор, то ему заведомо известна та же дата Рождества, что и ему, Глебу Бараеву. И это притом, что даже по традиционной версии, дату Р.Х. вычислил Дионисий Малый значительно позже Евсевия. Но главное — не это. Где гарантия, что цифры, упомянутые Тацитом, не взяты им с потолка, или не вычислены средневековыми хронологами?

Ватикан начинает датировать свои документы от Р.Х. только в XV (!) веке. Поэтому тогда, и только тогда, появились в обиходе «всемирные хроники», перебрасывающие мостик через «темные века», такие, как «История» Пальмерия Флорентийского, добавившего к хроникам времен Евсевия и Иеронима сразу более тысячи лет.

Создателям каббалистической хронологии даже в голову не могло прийти, что кому-то понадобится НАУЧНАЯ истина. Они искали истину совсем другую. И в нужных им целях кооптировали во всемирную историю любые выдумки. О такой практике Т. Моммзен писал:

«Так вторгся с разных сторон в римскую историографию греческий роман; и более чем вероятно, что из всего, что мы привыкли называть традиционной древней историей Рима, немалая часть заимствована из источников типа «Амадиса Галльского» или рыцарских романов Фуке...»

Или вот, Тит Ливий рассказывает об осаде Рима **галлами** во главе с Бренном. А Виллани называет Бренна **бриттом** и потомком Брута. А вся история Бренна взята из Готфруа Монмаутского и бретонских рыцарских романов. Итак, Виллани пишет о предке, Тит Ливий — о потомке (из будущего о прошлом), а источником для одного и другого служат рыцарские романы XIII века. Все это не могло не приводить к «неточностям», которые и обнаруживают дотошные историки.

Виллани в XIV веке пишет:

«После похищения Елены цари Менелай, Теламон и Агамемнон, брат Менелая, правивший в ту пору Сицилией, многие другие цари и правители Греции и иных стран собрались и заключили союз, чтобы разрушить Трою.»

А по греческим «мифам», Агамемнон был царем не Сицилии, а Микен. Ошибки, конечно, могут быть у всякого: у Виллани, у Фоменко, и даже у нас. Но поход ахейцев в Трою

относят к XIII веку до н.э., а колонии греков на юге Италии появились несколько столетий спустя, — полагают, в VIII до н.э. Очередной анахронизм? Пустая ошибка, не дающая повода для изучения? Однако по нашей «египетской» синусоиде XIII и VIII века до н.э. находятся на одной линии № 4. Синусоиды наши постепенно уточняются, а «греческая» — это продолжение «египетской». Не поленимся повторить еще раз: синусоида не позволяет выстроить «действительной» истории, она нужна лишь для выяснения, **как** была создана ее нынешняя, традиционная версия.

Мы согласны с историками: сделать переход от относительной временной привязки к абсолютной (в годах от Р.Х.) можно. Только нельзя доказать, что это имеет отношение к действительному прошлому. До определенного времени единой общей хронологии не существовало, и человек, решивший ее создать, мог пойти двумя путями: а) попытаться узнать, как все было на самом деле (без надежды получить удовлетворительный ответ); или б) придумать самому, как красиво связать между собой отдельные хроники. По этому, второму пути пошел Скалигер. Тут даже нет риска разоблачения, что и показывает вся история развития скалигеровщины.

Авторы многочисленных книжек-«антифоменок» тычут нас в то, что мы, дескать, не знаем источниковедения. А задумываются ли они сами об источниках своих «знаний»?

Нам кажется, мало кто анализирует, как и почему меняются со временем тексты «источников». Например, Виллани написал свою «Новую хронику» в XIV веке. Но первое издание вышло только в XVI-ом. Наивно думать, что издание XVI века повторяет текст рукописи XIV-го и не несет на себе груза своего времени. Рукопись самого Виллани, видимо, исчезла. В XVIII столетии вышло новое издание хроники, *«в основу которого было положено издание XVI века»*, — сообщается в предисловии, что значит, оно не просто повторяло текст XVI века, а отличалось и от него тоже. Наконец, для издания XIX века, с которого был сделан русский перевод, использовали невесть откуда взявшийся список якобы сына Виллани 1377 года, в котором остались все анахронизмы предыдущих изданий, но датировки событий уже приведены в соответствие с требованиями XIX века.

Так вот, цифры, что написаны у Виллани-отца или сына, фактами вовсе не являются. Настоящие исторические факты, которые могли бы многое объяснить — это различия в текстах XIV, XVI, XIX веков. Почему бы историкам не заняться их изучением?

Известный литературовед В.М. Жирмунский писал, что любой ученый, который занимается историей Греции и Рима, должен быть филологом. Почему? Да потому, что он должен для своих новых теорий уметь провести всю работу по первоисточнику с самого начала. *«Только тогда с его мнением можно считаться и быть уверенным, что он не плетется в хвосте предрассудков и заблуждений, которые основаны, может быть, на том, что когда-то неправильно прокомментировали текст и неправильно его издали»*. Верное мнение, но обратите внимание: о том, что в тексте изначально может быть «туфта», в словах ученого нет ни слова!

И все же он прав: только так можно восстановить более или менее подробную картину событий XIII–XIV столетий. Да, это трудно, если стремиться к абсолютной точности. Но в истории она вообще недостижима! Если, двигаясь «назад», с XX по XVII век прошлое еще можно представить себе в одном варианте, то с XVII по XIV век необходимо рассматривать уже не меньше трех – четырех вариантов. А с XIV по XI век число вариантов разрастается до десяти, а то и больше. И изучать их следует лишь конспективно (по крайней мере, в средней школе). А заглядывать глубже X века — не просто бессмысленно (из-за огромного числа возможных вариантов), но и невозможно.

А историки из всей этой паутины вариантов вытянули одну нить и рады. Все, кто сегодня верит в реальность многотысячелетней «прерывистой» истории, так или иначе позволяют водить себя за нос, дают возможность манипулировать собой.

В полной мере манипуляцию собою испытала археология. Историки диктуют археологам, что им находить, и дают объяснения находкам. Но вот интересно: что происходит, если археологи, наоборот, НЕ НАХОДЯТ чего-то? Рассмотрим простой пример. Археологи не нашли античных стремян. Если бы они их все-таки нашли, можно было ожидать утверждения, что задолго до н.э. люди стремяна использовали, а потом «забыли» и заново изобрели в Средневековье. Но так как стремяна не найдены, можно говорить лишь о предположении: стремяна не были известны в античности.

В этом случае хорошо бы понять, является ли это предположение необходимым. Но какая в том необходимость, если античные галлы и персы имели тяжеловооруженную конницу, и каждый всадник был закован в железо с головы и до пят? Понятно, что такое

предположение является предположением сверх необходимости для эпохи, в которую были изобретены масса приспособлений и инструментов, начиная с героновых автоматов и кончая стоматологическими «мостами». А самое поразительное, что эти приспособления и инструменты тоже не найдены археологией (кроме тех явно средневековых артефактов, что откопаны в Помпеях), а историки, между тем, продолжают рассказывать сказки, что они БЫЛИ в античном мире!

Гуманист XVI века Петр Рамус утверждал, что диалектика есть *ars bene disserendi* — искусство хорошо рассуждать, выработка правильного метода. Умение рассуждать у наших историков было бы налицо, если б археологи нашли стремена от тех катафрактиев и галлов, что рассекали евразийские просторы, усевшись во всем железе на могучих лошадях. А что до правильного метода, то и его у историков нет. Все их антидиалектические методы требуют предположения (а то и прямого утверждения), что стремян не было — ведь они не найдены! — следовательно, исторический метод антинаучен. Ибо предположение сверх всякой необходимости есть бессмыслица, нелепость, нонсенс.

Похоже, что объяснять это людям, заучившим своё знание, бесполезно. Заявление, сделанное в их «приличном» обществе, что вы являетесь сторонником альтернативной истории, вызывает в лучшем случае саркастическую ухмылку. Однажды мы пришли к ученому геральдику, чтобы прояснить некоторые вопросы о гербах; узнав, кто мы такие, он, зажав рот ладонью, выбежал в коридор и уже там, не стесняясь, долго хохотал. Мы не смогли убедить его даже в том, что «некоторые вопросы» существуют в истории геральдики!

Есть такое кино, в котором призраки пытались напугать пошляков; у них ничего не вышло.

Профанация — это то, что составляет девяносто процентов историографии. Остальные десять процентов, представленные во взвешенной позиции некоторых историософов (А. Тойнби, И. Хейзинга, М. Элиаде и других), подтверждают правильность методов вариативной культурологии, которые мы применяем при анализе «всем известного прошлого». Но большинству эти методы кажутся странны и дики: в них нет утонченности, нет изящества критических исследований «настоящих историков». Как изысканно подает несовместимые жизнеописания одного и того же исторического лица Е. Черняк! И как грубо пытаются совместить биографию — и не абы кого, а Иисуса! — с биографией то ли Юлиана Отступника, то ли еще кого похуже, авторы проекта «Хронотрон». К тому же их «история вверх дном» обладает всеми отличительными признаками модного ныне постмодернизма: парадоксальностью, ироничностью, обильным цитированием.

Да, мы такие. И у нас есть великий предшественник: русский ученый-энциклопедист Н.А. Морозов, 150-летие со дня рождения которого мы собираемся отметить в 2004 году.

«Виртуальная всемирная история, созданная Н.А. Морозовым и его последователями, продолжает свое существование», — с сожалением отмечает Е. Черняк. Так же, как и виртуальная всемирная история, созданная Иосифом Скалигером, Дионисием Петавиусом и их последователями, добавим мы. Чем отличается «дешевая морозовщина» от «дешевой скалигеровщины», никто из историков так до сих пор и не сумел внятно объяснить. Война, объявленная ими тем, кто выступает против привычной истории — война священная, война религиозная. А с противоположной, с нашей стороны — какое-то шутовство, ерничество, абсолютно беспринципное поведение, когда утверждаемое в одной книге может быть опровергнуто и заменено другим в другой книге.

А ведь развитие науки только так и может происходить!

Литература:

1. Александрия. Роман об Александре Македонском по русской летописи XV века. М.-Л.: Наука, 1966.
2. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1935.
4. Антифоменковская мозаика-3. Сборник. М.: Русская панорама, 2002.
5. Апокрифические Апокалипсисы. СПб.: Алетейя, 2000.
6. Апокрифы древних христиан: исследования, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989.
7. Армагеддон. Книга девятая. М.: МПУ, 2001.
8. Асеев Ю.С. Архитектура древнего Киева. К.: Будівельник, 1982.
9. Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней. М.: Прогресс-культура, 1995.
10. Барг М.А. Шекспир и история. М.: 1979.
11. Библийская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990.
12. Библия. Современный перевод. М.: Культурный центр «Кунцево», Всемирный Библийский Переводческий Центр, 1993.
13. Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М.: издательство АН СССР, 1961.
14. Богданов А.В. Неизвестная цивилизация. М.-СПб.: Центрполиграф, МиМ-Дельта, 2002.
15. Богданов А.П. В тени Петра Великого. М.: Армада, 1998.
16. Богданович М.И. История военного искусства и замечательнейших походов. Военная история средних веков. СПб.: Типография Крайя, 1854.
17. Большая Советская Энциклопедия в 30 томах. М.: Советская энциклопедия, 1969–78.
18. Большой энциклопедический словарь. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: Норинт, 2000.
19. Брикс Г. История конницы. Примечания к «Истории конницы» Денисона. М.: АСТ, 2001.
20. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв., в 3-х томах. М.: Прогресс, 1992.
21. Будыко М.И. Путешествие во времени. М.: Наука, 1990.
22. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интраде, 2001.
23. Ваганов П.Л. Физики дописывают историю. Л.: ЛГУ, 1984.
24. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989.
25. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история науки. М.: Вече, 2001.
26. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история Руси. М.: Вече, 2001.
27. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история средневековья. М.: Вече, 2001.
28. Васильев А.А. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). Л.: Academia, 1925.
29. Васильев А.А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб.: Алетейя, 1998.
30. Вегетий Ф. Р. Краткое изложение военного дела. СПб.: Алетейя, 1996.
31. Вейс Г. История цивилизации. Архитектура, вооружение, одежда, утварь. В 3-х томах. М.: Эксмо-пресс, 2000.
32. Вельфлин Г. Искусство Италии и Германии эпохи Ренессанса. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1934.
33. Вельфлин Г. Основные понятия истории искусства. М.-Л.: Academia, 1930.
34. Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб.: Грядущий день, 1913.
35. Верман К. История искусства всех времен и народов в 3-х томах. М.: АСТ, 2001.
36. Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 1999.
37. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М.: Наука, 1997.
38. Винкельман И.И. История искусства древности. М.: ОГИЗ, 1933.
39. Виньола Дж. Б. Правило пяти ордеров архитектуры. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1939.
40. Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Минск: Лучи Софии, 2000.
41. Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: ИИ МК РАН, 1998.
42. Вотяков А.А. Теоретическая история. К.: София, 1999.
43. Врифт Х. Опыты биологического исследования пород лошадей и вопросов конеразведения. М.-Л.: Сельхозгиз, 1933.
44. Всемирная история в 10 томах. М.: Политиздат, Мысль, 1955–1965.
45. Галкина Е. Тайна Русского каганата. М.: Вече, 2002.

46. Гальперина Г.А., Доброва Е.В. Популярная история археологии. М.: Вече, 2002.
47. Геллер М. История Российской империи. В 2 т. М.: МИК, 2001.
48. Гене Бернар. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки русской культуры, 2001.
49. Гогенлоэ-Ингелфинген К. Беседа о коннице. Варшава, 1895.
50. Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен. СПб.: Общественная польза, 1872–1874.
51. Голицын Н.С. Всеобщая военная история средних времен. СПб., «Общественная польза», 1876.
52. Грегоровиус Ф. История города Афин в средние века. От эпохи Юстиниана до турецкого завоевания. СПб.: 1900.
53. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., «Ди-Дик», 1997.
54. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
55. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989.
56. Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. М.–СПб.: Культурная инициатива, 2001.
57. Давиденко И.В., Кеслер Я.А. Книга цивилизации. Конспект. М.: ЭкоПресс-2000, 2001.
58. Давиденко И.В. Ложные маяки истории. Историческая фантазия. М.: ЭкоПресс-2000, 2002.
59. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. СПб.: Алетейя, 1997.
60. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории в 3 томах. СПб.: Наука, Ювента, 1996.
61. Денисон Дж. История конницы. М.: АСТ, 2001.
62. Диакон Лев. История. М.: Наука, 1988.
63. Дирингер Д. Алфавит. М.: Иностранная литература, 1963.
64. Дьяконов И.М. Пути истории. М.: Восточная литература, 1994.
65. Дюпон Р. Э., Дюпон Т. Н. Всемирная история войн. Харперская энциклопедия военной истории. СПб., «Полигон», 1997.
66. Дятлов В. И. Торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: 1996.
67. Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993.
68. Жабинский А. М. Другая история искусства. От самого начала до наших дней. М.: Вече, 2001.
69. Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923.
70. Жмудь Л.Я. Техническая мысль в античности, средневековье и Возрождении. СПб.: Институт истории естествознания и техники, 1995.
71. Зедделер Б. Обзор истории военного искусства. СПб.: Изданием Я. Брифа, 1836.
72. Зелинский Ф.Ф. Соперники христианства. М.: Школа-Пресс, 1996.
73. Золотая книга Рима. Casa Editrice Bonetti, 1995.
74. Иванин М.П. О военном искусстве и завоевании монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб., 1875.
75. Иванин М.П. О военном искусстве при Чингисхане и Тамерлане. Алматы: Санат, 1998.
76. Иеремиас И. Богословие Нового завета. М.: Восточная литература, 1999.
77. Из истории культуры Средних веков и Возрождения. Сборник. М.: Наука, 1976.
78. Из истории науки о языке. Сборник. СПб.: Издательство СПб университета, 1993.
79. Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и просвещения. М.: Наука, 1997.
80. Историко-филологические исследования. Сборник. М.: Наука, 1967.
81. Историография античной истории. Под ред. В.И. Кузищина, М.: 1980.
82. История войн и конфликтов, в 2 т. Минск: Харвест, 1997.
83. История всемирной литературы в 9 т. М.: Изд-во АН СССР, 1983–94.
84. История мировой культуры. Наследие Запада. М.: РГГУ, Открытое общество, 1998.
85. Калюжный Д.В., Жабинский А.М. Другая история литературы. От самого начала до XXI века. М.: Вече, 2001.
86. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М.: Наука, 1975.
87. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. Сретенск: МЦИФИ, 2000.
88. Кес Д. Стили мебели. Будапешт: Академия наук Венгрии, 1981.
89. Кеслер А.Я. Азбука и русско-европейский словарь. М.: Крафт+, 2001.
90. Кеслер Я.А. Русская цивилизация. М.: ЭкоПресс-2000, 2002.
91. Киган Д., Уиткрофт Э. Кто есть кто в военной истории. С1453 г. по настоящее время. М.: Дограф, 2000.
92. Киплик Д. И. Техника живописи. М.: Сварог и К°, 2001.

93. Кипрос Л. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1998.
94. Клири Т. Японское искусство войны. СПб.: Евразия, 2000.
95. Книга для чтения по истории Древнего мира. М.: Просвещение, 1981.
96. Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недалеком и отдаленном прошлом. СПб.: 1905.
97. Колпинский Ю. Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М.: Искусство, 1970.
98. Комнина Анна. Алексиада. М.: Наука, 1965.
99. Комовская Н.Д. В стране великого хана. М.: Вузовская книга, 1999.
100. Кондратов А.М., Шеворишкин В.В. Когда молчат письма. Загадки древней Энеиды. М.: Наука, 1970.
101. Коневодство. Донецк: Донецгина, 2000.
102. Конрад Н.И. Избранные труды. История. М.: Наука, 1974.
103. Крывелев И.А. История религий. М.: Мысль, 1975.
104. Крюков Е.И. Порочное зачатие истории в 2-х томах. Волжский, Старая башня, 2002.
105. Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001.
106. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Сретенск: МЦИФИ, 2000.
107. Леер Г. Опыт критико-исторического исследования законов и искусства ведения войны (положительная стратегия). СПб.: Общественная польза, 1871.
108. Леру Ф. Друиды. СПб.: Евразия, 2000.
109. Летописец Еллинский и Римский. В 2-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999-2001.
110. Ли Г.Ч. История инквизиции в Средние века в 2-х т. М.: Ладомир, 1994.
111. Лиддел Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, СПб.: Terra fantastica, 2001.
112. Лингвистика и культурология. М.: МГУ, 2000.
113. Лисовый И.А., Ревяко К.А. Античный мир в терминах, именах и названиях. Минск: Беларусь, 1997.
114. Литературоведение как проблема. Сборник. М.: Наследие, 2001.
115. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994.
116. Лозинский С.Г. История инквизиции в Испании. М.: Ладомир, 1994.
117. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1998.
118. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.
119. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М.: Иностранная литература, 1958.
120. Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
121. Лютер М. Время молчания прошло. Избранные произведения 1520–1526. Харьков: Око, 1994.
122. Мазуччо. Новеллино. М.-Л.: Academia, 1931.
123. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1997.
124. Малинин В.А. Русь и Запад. Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2000.
125. Мартынов А.И. Археология. М.: Высшая школа, 2000.
126. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 1982.
127. Маховский Я. История морского пиратства. М.: Наука, 1972.
128. Мейе А. Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2000.
129. Мень А. Магизм и единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. М.: Фонд им. А. Меня, 2001.
130. Мень А. Магия, оккультизм, христианства. Из книг, лекций и бесед. М.: Фонд им. А. Меня, 1996.
131. Меринг Ф. История войн и военного искусства. М.: АСТ, СПб.: Полигон, 2000.
132. Мессель Э. Пропорции в античности и в средние века. Издательство Академии архитектуры, 1936.
133. Методы реконструкций в археологии. Сборник. Новосибирск: Наука, 1991.
134. Михайлов А.В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1977.
135. Молот ведьм. СПб.: Амфора, 2001.
136. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый век. М.: Наука, 1974.
137. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М.: Наука, 1973.
138. Муратова К.М. Мастера французской готики XII–XIII веков. Проблемы теории и практики художественного творчества. М.: Искусство, 1988.
139. Неолатинская поэзия. Европейская литература XVI–XIX вв. М.: Терра, 1996.
140. Нефедкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
141. Никитин А.Л. Основания русской истории. М.: Аграф, 2001.

142. Новое в применении физико-математических методов в археологии. Сборник. М.: Наука, 1979.
143. Новые методы археологических исследований. Сборник. К.: Наукова думка, 1982.
144. Новые методы в археологии. Томск: Томский университет, 1980.
145. Нолан. История и тактика кавалерии. Спб.: Общественная польза, 1871.
146. Обзорение истории военного искусства. Спб.: 1856.
147. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.
148. Очерки технологии древнейших производств. Сборник. М.: Наука, 1975.
149. Палладио А. Четыре книги об архитектуре. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1938.
150. Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология, 1974. – М.: Наука, 1975.
151. Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков. М.: Наследие, 1998.
152. Парасидис А. Жизнь и деятельность Балтазара Коссы. Папа XXIII. Минск: Беларусь, 1980.
153. Пасыпкин Е.А. Военное искусство Древнего Египта. Спб.: Общество ревнителей военных знаний, 1901.
154. Перес де Ита Х. Повесть о Сегри и Абенсеррах. М.: Наука, 1981.
155. Петрарка Ф. Сочинения философские и политические. М.: Росспэн, 1998.
156. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: Росспэн, 1995.
157. Повесть Временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Издание второе, исправленное и дополненное. Спб.: Наука, 1999.
158. Покровский М.Н. Русская история. В 3 т. Спб.: Полигон, 2002.
159. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в 1238–1598 гг. М.: Международные отношения, 2000.
160. Придорогин М. И. Конские породы. М.: 1928.
161. Проблемы абсолютного датирования в археологии. Сборник. М.: Наука, 1972.
162. Проблемы изучения археологической керамики. Сборник. Куйбышев, КГУ, 1988.
163. Проект Цивилизация. Материалы первой и второй конференций по проблемам цивилизации. М.: 2001.
164. Против исторической концепции Покровского. Сборник, ч. I, 1937.
165. Пузыревский А. Атлас к истории военного искусства в средние века. Спб.: 1884.
166. Пузыревский А.К. История военного искусства в средние века. Спб.: Николаевская академия генерального штаба, 1884.
167. Пузыревский А.К. Исследование боя в древние и новейшие времена. Спб.: Комиссионер Военно-учебных заведений, 1911.
168. Разин Е.А. История военного искусства в 5-и томах. Спб.: Полигон, 2000.
169. Ран О. Крестовый поход против Грааля. М.: АСТ, 2002.
170. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. М., Политиздат, 1990.
171. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.-Л.: АН СССР, 1950.
172. Рассел Б. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987.
173. Рассел Дж. Б. Люцифер. Дьявол в Средние века. Спб.: Евразия, 2001.
174. Рассел Дж. Б. Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции. Спб.: Евразия, 2001.
175. Ротенберг Е.И. Западно-европейское искусство XVII века. М.: Искусство, 1971.
176. Ротенберг Е.И. Искусство Италии XVI века. М.: Искусство, 1967.
177. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
178. Сахаров В. История конницы. Курс офицерской кавалерийской школы. Спб.: Типография П. Пожарского, 1889.
179. Свечин А. История военного искусства. М.: 1922
180. Сендерленд И. Т. Священные книги в свете науки. Западное издательство, 1925.
181. Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. Спб.: Алетейя, 1998.
182. Смирнов С.Г. Годовые кольца истории. М.: Языки русской культуры, 2000.
183. Стасов В.В. Избранные сочинения в 3-х томах. М.: Искусство, 1952.
184. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков. (От Данте до позднего Возрождения). Спб.: РХГУ, 2000.
185. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.
186. Табов И. Закат старой Болгарии (Новая хронология Балкан). М.: Крафт+, 2000.
187. Тараторин В. В. История боевого фехтования. Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. Минск: Харвест, 1998.
188. Тараторин В. В. Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн. Минск: Харвест, 1999.
189. Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник. М.: Наука, 1977.

190. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в 2-х томах. М.-Л.: АН СССР, 1941.
191. Типы в культуре. Сборник. Л.: ЛГУ, 1979.
192. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1936.
193. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, Культура. Спб.: Ювента, 1995.
194. Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1995.
195. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
196. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997.
197. Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М.: Мысль, 2001.
198. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
199. Филарете (Антонио Аверлино). Трактат об архитектуре. М.: Русский университет, 1999.
200. Фоменко А.Т. Критика традиционной хронологии античности и средневековья (какой сейчас век?) М.: Изд-во мех-мат. факультета МГУ, 1993.
201. Фронтин С.Ю. Военные хитрости (стратегемы). Спб.: Алетейя, 1996.
202. Фулканелли. Тайны готических соборов. М.: REFL-book, К.: Ваклер, 1996.
203. Харботл Т. Битвы мировой истории. М.: Внешсигма, 1993.
204. Харитонович Д. Э. Массонство. М.: Весь мир, 2001.
205. Хейзинга И. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, Традиция, 1997.
206. Церен Э. Библейские холмы. М.: Правда, 1986.
207. Церен Э. Лунный бог. М.: Наука, 1976.
208. Чайлд Г. Прогресс и археология. М.: Иностранная литература, 1949.
209. Черняк Е. Б. Призрачные страницы прошлого. М.: Остожье, 2000.
210. Чжугэ Лян. Китайское искусство войны. Спб.: Евразия, 2000.
211. Чутнова Е.В. Историография истории Средних веков. М.: Высшая школа, 1985.
212. Шамбаров В.Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. Когда оживают легенды. М.: 1999.
213. Шедевры западноевропейской живописи XIV–XVIII вв. из собрания Тиссен-Борнемиса. Lugano. Electa. S. p. a. Milano, 1987.
214. Шукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994.
215. Элиаде М. История веры и религиозных идей. М.: Критерион, 2001.
216. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемости. Спб.: Алетейя, 1998.
217. Элиаде М. Трактат по истории религий в 2 т. Спб.: Алетейя, 1999.
218. Энциклопедический словарь. Репринтное издание Ф.А. Брокгауз – И.Ф. Ефрон, 1890, Терра, 1994.
219. Энциклопедия тайн и сенсаций. Боевые животные. Минск: Литература, 1997.
220. Эпоха Крестовых походов. Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Смоленск, Русич, 2001.
221. Эпоха феодализма. Эволюция военного искусства. М.: 1987.
222. Эстетика Ренессанса: Антология в 2-х т. М.: Искусство, 1981.
223. Ювалова Е.П. Сложение готики во Франции. Спб.: Дмитрий Буланин, 2000.
224. Юргаков А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, Открытое общество, 1998.
225. Яковлев В.В. История крепостей. М.: АСТ, Спб.: Полигон, 2000.
226. Barock. Leipzig. Veb E. A. Seemann verlag, 1982.
227. Grafton E. To seth Scaliger, A Study in the History of Classical Scholarship. Oxford., Clarendon press, 1993.
228. Hradcany a Mala strana. Praha: Orbis, 1964.
229. Marconi P. La Poma del Borromini. Roma. Capitolium, 1968.
230. MOYSEION. Сборник статей. Спб.: Изд-во Спб. университета, 1997.
- 231.